

76
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

3
ЧИТ.ЗАЛ

Б. А. РЫБАКОВ

А
РѢВНЯЯ РУСЬ

СКАЗАНИЯ
• БЫЛИНЫ •
ЛЕТОПИСИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

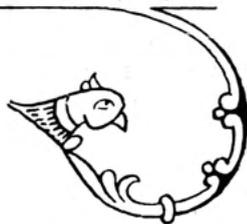
61
Электронная библиотека ИА РАН: <https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib>

Бр

DK
80

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

1620
63

ПРЕДИСЛОВИЕ

НИГА о древнерусских сказаниях, былинах и летописях является своего рода введением в историю Киевской Руси.

Сложная и многогранная жизнь первого русского государства может быть понята нами только тогда, когда все источники, повествующие о тех или иных событиях, будут оценены с учетом концепции их авторов. Прежде чем пользоваться русской летописью — драгоценнейшим источником, написанным на родном языке, нам необходимо выяснить в меру наших сил взгляды всех авторов, которые на протяжении нескольких столетий вносили свой вклад в общую сокровищницу летописного фонда.

Безвозвратно минуло то время, когда историки черпали без разбора из этого фонда сведения, брали отдельные фразы, выписывали отдельные цитаты, снабжая их поразительным по своему равнодушию рефреном: «летопись говорит...», «летописец сказал», «как известно из летописи...». Не было такого отвлеченного «летописца», не было единой летописи.

Несколько поколений исследователей убедительно доказали, что наши летописи, составляющие гордость русской средневековой культуры, написаны десятками разных лиц, живших в разное время, в разных городах, имевших разные политические взгляды, и каждый из них по-своему отображал избранный им отрезок русской жизни.

Летописцы полемизировали со своими современниками и тенденциозно, в угоду своим взглядам, переделывали труды предшественников. В этом и трудность исследования обширной библиотеки русских летописцев, в этом и ценность ее, так как противоречия убеждений, разных точек зрения отражают всю сложность реальной жизни, все противоречия, конфликты, все многообразие исторической действительности.

Имея дело с летописью, мы всегда должны помнить, что изображаемая летописцем картина не адекватна реальной действительности, а является отражением (вольным или невольным) его взглядов, вкусов, его кругозора и степени осведомленности, его симпатий и антипатий. Эта картина именно такова, какой он *хочет* ее нарисовать.

Феодальная письменность отражала преимущественно точку зрения феодального класса и лишь отчасти горожан. Взгляды народных масс на ход истории и отдельные события летописями не отражены, и для того, чтобы восполнить пробел, пришлось обратиться к такому спорному источнику, как былины.

Былины очень редко привлекаются в качестве исторического источника. Этому отчасти способствовало то, что с историческим подходом к былинам у нас невольно ассоциировались воспоминания о буржуазной исторической школе в фольклористике, отрицавшей народность былин.

По мере углубления в былинные сюжеты и сопоставления их с реальными событиями, записанными в летописях, выяснялась их бесспорная народность и историчность, конкретность эпических героев и событий.

Несмотря на обилие поэтических образов, метафор, обобщенных эпических ситуаций, несмотря на нарушенность хронологии и смещенность ряда событий, былины все же являются превосходным и единственным в своем роде историческим источником.

Только былины, сложенные самим народом, могут указать нам на оценку родной истории народом, творцом ее. Только из былин, из рассмотрения всего былинного фонда в целом можем мы установить, какие периоды истории воспевались народом и о каких умалчивалось.

Если в понятие Киевской Руси включать русскую историю с IX в. по первую треть XII в., то окажется, что почти все былинные сюжеты укладываются в эти хронологические рамки.

В данной книге нет описания всех видов источников и подробного обзора всей историографии, что по традиции считается обязательной принадлежностью каждого введения.

Общая историография русской истории достаточно разработана за последние годы в советской литературе. Что же касается истории исследования отдельных вопросов, то ее лучше не изолировать, а сблизить с рассмотрением этих вопросов по существу.

То же самое следует сказать о юридических и о чисто описательных источниках, как письменных, так и археологических. Рассматривать их во введении — это значит дублировать их содержание. Археологические данные по земледелию и ремеслу

найдут себе место в анализе древнерусского хозяйства; рассмотрение «Русской Правды» и связанной с ее истолкованием борьбы мнений удобнее отложить до анализа социальных отношений Киевской Руси.

Итак, введение в историю Киевской Руси следует рассматривать как законченную, самостоятельную книгу, стержнем которой является изучение исторических концепций и политических взглядов народа и феодальных верхов в той мере, в какой они отразились во всей совокупности дошедших до нас устных и письменных источников. Другими словами, здесь рассматриваются те источники, которые представляют историографический интерес, или тот раздел историографии русской истории, объекты которого не совсем правомерно принимаются за первоисточники.

Хронологические вехи определяются с одной стороны глубиной проникновения в доисторическое прошлое, а с другой — концом Киевской Руси, как единого политического организма, т. е. серединой XII в.

Первая часть книги посвящена анализу всех видов древнего эпоса: сказаний отдельных славянских племен и общерусских былин. Отголоски славянских племенных сказаний были записаны византийцами, русскими летописцами X—XII вв., автором «Слова о полку Игореве» в XII в. Давно умерший жанр племенных сказаний, восходящих иногда к V—IV вв. до н. э., известен нам только по этим древним записям и лишь в отдельных случаях — по фрагментам устных сказок и легенд XVIII—XIX вв.

Несравненно полнее представлены былины Киевской Руси. Литература, посвященная былинам, огромна и весьма разноречива.

В разделе о былинах делается попытка (вопреки мнению ряда фольклористов, считающих былины лишенными исторического элемента) произвести периодизацию всех былинных сюжетов и связать былины с определенными событиями и историческими деятелями.

Основная задача этого раздела — выявление народных представлений о важнейших периодах истории Киевской Руси.

Вторая часть книги — это исследование тех разделов огромного летописного фонда, которые необходимы для понимания Киевской Руси от рождения раннефеодальной империи до окончательного распада ее на самостоятельные княжества в XII в. Здесь нужно было рассмотреть киевское общерусское летописание X—XI вв., первые попытки самостоятельного новгородского летописания в XI в. и бурную эпоху конца XI — начала XII вв., выдвинувшую две таких фигуры, как князь-историк Владимир Мономах и Нестор.

Областное летописание Новгорода, Владимира, Галича, Пскова XII—XIII вв., достаточно хорошо изученное советскими исследователями, остается по существу уже за рамками Киевской Руси.

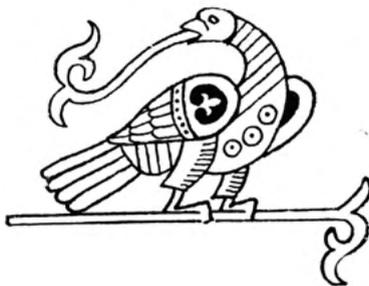
Из летописей эпохи феодальной раздробленности в наших целях нужно остановиться только на киевской великокняжеской хронике середины XII в., дающей, с одной стороны, блестящий образец нового типа летописания, а с другой стороны, обрисовывающей завершение тех процессов, которые привели к распаду Киевского «царства» на отдельные княжества.

Из исторических сочинений XII в., находящихся за хронологическими рамками темы, нельзя, разумеется, пройти мимо «Слова о полку Игореве», автор которого хорошо знал как древний эпос, так и летописи; его оценки исторических лиц совпадали с народными оценками, сохранными нам былинами.

Задача этой книги была бы выполнена, если в результате проделанной работы читатели получают некоторое представление о сложности наших исторических источников, о тенденциозности их авторов, о различиях классовых позиций летописцев и сказителей былин, о разной степени достоверности разных видов источников.

Народные былины драгоценны для нас не только своей поэтичностью, торжественной напевностью, но и своей исторической правдой, передаваемой от поколения к поколению на протяжении целой тысячи лет.

Летописи полнее раскрывают перед нами историю Киевской Руси, но их авторы, заставляющие нас смотреть на Русь только сквозь призму их сочинений, были людьми своего класса; их перо нередко было политическим или классовым оружием в их руках, они были целиком людьми своей эпохи; как говорили тогда: «время слуг своих поставляет».

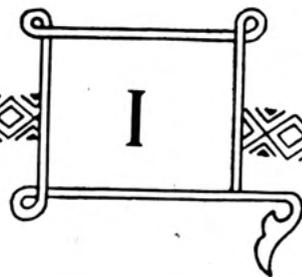

Часть
первая

СКАЗАНИЯ
БЫЛИНЫ

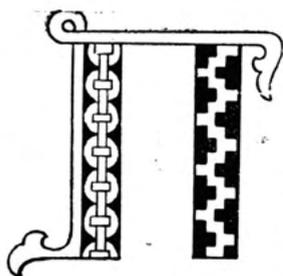

ИСТОКИ РУССКОГО ЭПОСА

1

СЛЕДЫ ДРЕВНЕЙШЕГО РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЭПОСА

ПЕРВОЙ ФОРМОЙ исторического повествования у каждого народа являются эпические сказания, рассказывающие о героях — объединителях племен, о постройке первых городов, о героических битвах с чужеземцами.

Овеянные романтикой и сказочностью, сложенные особым гиперболическим стилем, эти сказания нередко вызывают недоверие позднейших историков. Но первые опыты письменной истории обычно начинаются с записи древних эпических сказаний, к которым средневековый хронист присоединяет факты современной ему жизни.

И тогда, когда первые летописцы умещали в одной скупой строке рассказ о событиях целого года, эпические сказания не потеряли своего значения: они красочно и ярко, в запоминающейся поэтической форме повествовали о многих битвах, о живых богатырях. Певец-сказитель долго еще соперничал с монахом-летописцем. Живое слово проникало в народ, оно слышалось на пирях, на празднествах, в походах, тогда как лаконичные фразы в летописной книге читались ограниченным кругом лиц и обычно избегали подробностей, излагали только схему событий (например: «В лето 6481 нача княжити Ярополк». «В лето 6546. Ярослав иде на Ятвягы»).

Русские письменные источники не позволяют нам заглянуть в историю Руси глубже X столетия. Тем больший интерес должны представлять для нас все виды сказаний и легенд — как те, которые дошли до нас в устной передаче в виде былин, так и те, которые уже в первые века русской государственности оказались записанными на страницы летописей.

Имея дело со сказаниями, труднее всего определить их хронологию; обычно это становится возможным только при наличии других видов источников, контролирующих и поясняющих данные эпоса.

Периодизация русского эпоса очень сложна, так как сохранившийся фонд сказаний и былин очень неравномерно освещает тысячелетнюю историю эпического творчества русского народа. Одни эпохи оставили целостные и яркие циклы, от

других дошли лишь отдельные сказания или былины. Некоторые разновременные явления и события слились в позднейшей памяти потомков воедино, а есть и такие периоды русской истории, эпическое отражение которых нам совершенно неизвестно.

Задача периодизации эпоса не может быть сведена только к распределению сказаний и былин по относительной или абсолютной хронологической сетке, для нас очень важно выяснение причин запоминания народом одних событий и забвения других.

Трудность задачи увеличивается тем, что многие былинные сюжеты жили второй и третьей жизнью в позднейшие эпохи, наложившие на них свой отпечаток. Древнюю основу былины нередко бывает так же трудно разглядеть сквозь фразеологию XVI—XVII вв., как трудно порой угадать античный миф в картинах европейских художников, рядивших древних героев в кружевные костюмы своей эпохи.

Одной из наиболее трудных задач изучения русского эпоса является определение его истоков, его ранних первичных форм. Владимиров цикл былин встает перед нами вполне зрелым, сформированным, сложившимся, и нам становится ясно, что не с него началась русская эпическая поэзия. Поиски древнейшего слоя в богатом наследии былинного творчества ведутся исследователями по-разному в зависимости от их теоретических установок, но представители разных направлений сходятся в том, что наиболее ранним следует считать былины с мифологическим элементом в них¹. «Эпос возникает на почве мифологии», пишет В. Я. Пропп, и с ним можно согласиться в том, что борьба с чудовищами — хозяевами стихий восходит к эпохе распада первобытнообщинного строя². Но есть здесь и некоторая опасность: поэтический образ, почерпнутый из мифологического реквизита, можно принять за основу былины. Если бы мы оценивали «Слово о полку Игореве» только по количеству мифологических образов, то нам пришлось бы и его отнести к далекой первобытности, так как оно изобилует духами стихий, судьбы, добра и зла. Дело, разумеется, не в мифологической символике как таковой, а в том, является ли борьба с чудовищем основным *содержанием* (что чаще всего находим в сказке) или же она используется как *иносказание*, как поэтический образ, взятый из языческой старины.

Змей Горыныч — герой многих сказок, древний образ могучего и непобедимого духа зла, в былине о Добрыне и Змее едва ли представляет собой именно огненного дракона; мне кажется очень убедительным раскрытие этой былины как рассказа о борьбе государственной власти киевского князя с язычеством в конце X в. Змей Горыныч в этом случае действительно *представляет* первобытную силу в эпическом произведении, но он используется здесь как символ, как поэтический образ, и хотя борьба Добрыни со Змеем составляет единственное внешнее содержание былины, тем не менее по ее внутреннему символическому смыслу мы, конечно, не можем отнести ее к далекой мифологической эпохе и оторвать ее от того реального события — принятия христианства, которое автор былины решил преподнести своим слушателям в поэтично-иносказательной форме, сознательно сделав врагом своего героя Добрыни древнее мифологическое чудовище.

Тугарин Змеевич и Идолище — тоже чудовища с налетом мифологического гиперболизма, но очень опасно довериться этому мифологическому орнаменту и отодвинуть былины с такими персонажами в глубь первобытности.

¹ В. И. Ч и ч е р о в. Об этапах развития русского исторического эпоса. — «Историко-литературный сборник», М., 1947, стр. 3—60; В. И. Ч и ч е р о в. Русское народное творчество. М., 1959; Т. М. А к и м о в а. Русские героические былины (Схема исторического развития). — «Историко-литературный сборник»; В. Я. П р о п п. Основные этапы развития русского героического эпоса. Л., 1958.

² В. Я. П р о п п. Русский героический эпос. Л., 1955

Трудно допустить также и то, что борьба за жен, стада и первобытные охотничьи территории отразилась в таких былинах, как «Волх Всеславич», «Соловей Будимирович» и др.

Периодизация русского эпоса будет покоиться на очень шатком основании, если мы вслед за В. Я. Проппом признаем, что Вольга Святославич — «архаический охотник», а Святогор «погибает потому, что с появлением земледелия он не может применить свою могучую силу к земле»³. Откуда это видно, что богатырь Святогор относится к отдаленной доземледельческой первобытности? Ни один из многочисленных вариантов былины о Святогоре не уполномочивает нас на такой вывод.

Былины о Святогоре должны стать предметом тщательного изучения, и при этом нужно поставить важный вопрос о *направлении* изменения образа Святогора: происходило ли размельчание мифологического облика или вокруг незначительной реальной основы нарастали постепенно титанические черты богатыря, проникавшие частично из финского эпоса⁴.

Рассматривая всю сумму эпических материалов в русском фольклоре (легенды, сказания, колядки, щедривки, сказки, былины, исторические песни), мы можем наметить четыре основных этапа, характеризующихся преобладанием определенного эпического жанра. Производя хронологические подразделения, мы должны учитывать, во-первых, время *сложения* песен определенного жанра, а, во-вторых, в время их *бытования* — активную и пассивную форму жизни жанра.

³ В. Я. Пропп. Русский героический эпос, стр. 35.

⁴ А. Д. Григорьевым в Кузьмине Городке Архангельской области записана былина о Святогоре, лишенная гиперболизации богатыря; все здесь просто, реально и объяснимо. В городе Чернигове у князя Олега (или Ольговича) собрались его богатыри, которые потом отправились в степь, «в раздольице широкое» на восток от Чернигова, «воевать силу» князя Додонова. Святогор Романович, предводитель дружины Олега Черниговского, воюет со степняками, а затем встречает в поле три шатра киевских богатырей — Ильи Муромца, Добрыни и Алеши. Объединившись, черниговские и киевские богатыри поехали через раздолье широкое к синему морю.

От сильного зною, от жара палящего
Они стали в синем мори купатися.

Купаясь в море, они старались «переплыть струи», которых оказалось пятнадцать. Выкупавшись,

Они поехали полем, полем чистьем,
Они **завидели** в поле камень великий же,
У того же у камня гроб велик стоял.

(А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. III. СПб., 1910, стр. 249—255).

Богатыри по очереди стали залезать в гроб, а когда в гроб лег Святогор, «они наложили крышку на гроб ту белую», а снять ее не смогли.

Данная запись былины сохранила довольно точные географические подробности: прежде чем попасть к морю, богатыри проехали степи; струистое течение с четко отделяющимися потоками известно только в Керченском проливе. Очевидно, богатыри «Олега Черниговского» (так он назван в былине) ездили в подвластную Олегу Святославичу Черниговскому Тмутаракань на берег Керченского пролива. Рядом с городом находился огромный античный некрополь, в составе которого было много склепов с великолепными мраморными саркофагами. Знаменитый Таманский саркофаг, находящийся в Историческом музее в Москве, может быть хорошим образцом того «гроба нового» с «крышкой белою», который примеривали черниговские богатыри на берегу моря. Тщательно сделанный, он производит впечатление нового, белоснежный мрамор объясняет эпитет «белый». Крышка весом в 500 кг пригнана так плотно, что если ее надвинуть на саркофаг, то отделить ее без специальных приспособлений совершенно невозможно.

При таком обилии конкретных, достоверных деталей, взаимно подкрепляющих друг друга, мы можем допустить, что черниговские дружинники времен Олега Черниговского (1083—1115 гг.), оказавшись в Тамани, пошутили над товарищем и закрыли его в саркофаге, открыть который они скоро не смогли. Если же они промедлили хотя бы час или два, то их товарищ мог уже задохнуться.

Эта фактическая основа скорее всего могла послужить сложению в киевской среде былины-сатиры о незадачливых шутниках Олега Черниговского, и лишь впоследствии народная фантазия расцвела и углубила ее.

1. Наиболее архаичны сказания, окрашенные мифологическим элементом. Это эпос о делах целого племени или группы родственных племен; он облечен в сказочные гиперболические формы, характерные для идеологии первобытности. Время его сложения, как будет показано ниже, — от середины I тыс. до н. э. и до первых веков нашей эры. Ни поэтическая форма, ни время живого бытования нам по-настоящему неизвестны, так как записи фольклористов XIX—XX вв. уловили лишь *схемы* сказаний, получивших еще в средневековье христианскую окраску.

Этот древнейший вид эпоса изучен очень плохо, у нас нет ни одной общей работы, которая свела бы воедино многообразный разрозненный материал.

2. Следующий этап — племенные сказания о князьях-воеводах, о князьях — строителях городов. Складывались они, очевидно, в союзах племен эпохи военной демократии. Хронология сказаний — IV — VII вв., но бытовали они, несомненно, и в XII в., когда к ним обращались то летописец Нестор, то автор «Слова о полку Игореве». Во всем своем объеме этот жанр не изучался. Особый интерес представляют отголоски славянских племенных сказаний в византийской, аланской и армянской литературе VI—VIII вв. и в эпосе народов Северного Кавказа, долгое время соприкасавшихся со славянами и совместно с ними переживавших некоторые крупные события.

Для эпохи великого переселения народов такое взаимопроникновение эпических сюжетов вполне закономерно.

3. Былины. Как я попытаюсь доказать, древнейшие былины можно возводить к событиям и явлениям IX в., а наиболее поздние — к XIII в. Время бытования былин в целостном, почти первоначальном виде, вероятно, XVI—XVII вв., и время окончательного отмирания жанра — середина XX в.

4. Былины сменяются историческими песнями XIII—XVI вв., остающимися уже за рамками моего исследования.

Зарождение эпических сказаний, несомненно, относится к глубокой древности и тесно переплетено с мифологией и космогоническими легендами. Эти первобытные мифы превращались в сказки, в колядки⁵, они вплетались в былины, в духовные стихи, апокрифические легенды, внося гиперболизм и своеобразный «гератологический орнамент» в средневековую поэзию. До наших дней дожили лишь незначительные крупницы этого мифологического эпоса в письменности XII в. и в фольклоре XIX в., и судить о нем трудно.

Пересказывая легенды византийского хронографа, русский книжник времен Мономаха свободно подставляет имена славянских языческих богов на место греческих и создает новую легенду, быть может, созвучную русскому мифологическому эпосу: людьми каменного века, жившими в матриархатном групповом браке, повелевает бог-царь Сварог. Сварог производит переворот в жизни людей: при нем появился металл («нача ковати оружье») и он установил моногамную семью («закон устави женам — за *един* муж посагати»).

«Солнце-царь, сын Сварогов, еже есть Дажьбог» ревностно охраняет закон, установленный отцом, и круто расправляется с его нарушителями. Описание этой расправы и составляет содержание легенды⁶.

В русском книжном эпосе XII в. — в «Слове о полку Игореве», как и в греческом эпосе Гомера, действуют боги и потомки богов. Злобный Див, дева Обида с

⁵ Новогодние колядки и щедривки нередко содержат эпический элемент, близкий к былинам, что наталкивает на мысль об обязательном исполнении эпоса в дни новогодних заклинательных святок, когда вспоминали дела старого года, гадали о своей судьбе в будущем и устремляли всю силу своих магических заклятий на благополучие в новом году.

⁶ «Повесть временных лет», ч. I. М.—Л., 1950, стр. 198.

лебединными крыльями, мрачные хтонические божества Карна и Желя, ветры — Стрибожьи внуки противопоставлены светлому Солнцу, внуку Солнца-Дажьбога — киевскому князю и внуку Велеса — поэту Бояну⁷.

Змееборческий цикл, являющийся переходным, связующим звеном между мифологией и эпосом, широко представлен в восточнославянском фольклоре. На Украине записано много сказаний о борьбе «Кузьмодемьяна» (Кузьмы и Демьяна) или Бориса и Глеба со страшным змеем-драконом, пожиравшим людей.

Герой (или два героя), наделенный божественной силой, захватывает клещами морду крылатого змея, запрягает его в плуг и пропахивает с помощью этого змея огромные борозды в степи до самого моря. Эти сказания приурочены к большим земляным валам скифского времени, опоясывающим земледельческую часть Среднего Приднепровья.

До сих пор эти древние укрепления, тянущиеся на 400 километров, носят название «Змиевых валов»⁸. Христианские святые, выступающие в роли змееборцев (Кузьма-Демьян или Борисоглеб), не являются доказательством позднего происхождения данного цикла; просто они заменили собой языческого Сварога, причастного, как Кузьма-Демьян, к кузнечному делу⁹.

Применительно к Северному Причерноморью отзвуки легенд о боге-пахаре сохранили комментарии византийца Евстафия, современника «Слова о полку Игореве». По его словам, там у тавров «Озирис, запрягши вола, пахал землю»¹⁰.

В славянском языческом пантеоне Озирису точно соответствовал бог Род — божество более архаичное, чем Перун или Дажьбог эпохи Владимира, и соответствующее первым земледельческим культам¹¹. Возможно, что этому богу Роду был посвящен город на Днестре в устье реки Роси — Родня (Родень). Этот город Рода—Озириса стоит как раз в самой сердцевине оборонительной линии Змиевых валов, идущих в обе стороны от него на восток и на запад. Византиец Евстафий, в эпоху которого русских называли нередко «тавроскифами», знал, очевидно, легенду о божественном пахаре, но туземное имя бога-пахаря (возможно, Рода) он заменил более понятным для своих читателей именем Озириса, как сделал и его русский современник, заменивший Озириса Родом при изложении истории религии.

Сказания о постройке Змиевых валов, возможно, отражают действительную героическую борьбу пахарей с кочевниками, реальную победу над ними, и может быть, даже использование побежденных в качестве рабов-землекопов, воздвигающих грандиозные укрепления.

Неудивительно, что именно такой сюжет послужил основой первых народных эпических песен, герой которых был еще мифологическим высшим существом, божественным кузнецом и пахарем. Племя или союз племен объединял единый культ того или иного божества. Вполне естественно для этой эпохи, что в сказаниях о победе этого племени в качестве героя выступает бог — покровитель племени или целого союза родственных племен.

⁷ Под «Дажьбожим внуком» в «Слове о полку Игореве» мы должны понимать не русских людей вообще (о них сказано особо: «вещи человеком скратишася»), а *одного* человека во всей Руси. Оба упоминания Дажьбожа внука ставят его в единственном числе; от усобиц распадается на части его владение («жизнь»), его домен. Обида — богиня смерти и несчасть — появилась среди его войск.

Три раза в «Слове» князья сопоставляются с Солнцем. Это связывает воедино мифологические представления летописца 1114 г. и поэта 1186 г.: Солнце — Дажьбог был сыном Неба — Сварога (санскритское «сварга» — небо), родоначальника царей. «Дажьбожий внук» — очевидно, властитель Руси, князь, как «Велесов внук» — придворный певец.

С этой символикой связан и былинный эпитет князя Владимира — «Красное Солнышко».

⁸ В. Гіпціус. Коваль Кузьма-Дем'ян у фольклорі. — «Етнографічний вістник», 1929, кн. VIII.

⁹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 487—490.

¹⁰ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — «Вестник древней истории», 1948, № 1, стр. 247.

¹¹ Н. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. М., 1913, стр. 24, 87.

Предположительно можно говорить, что наиболее ранней формой полуэпических повествований, предшествующих сказаниям о змееборцах, были «волшебные сказки», в которых герой мужественно проходит ряд страшных испытаний: розыск лесных путей, преодоление боли и страха смерти (Баба-Яга), схватки с чудищами и др. В. Я. Пропп прав, считая эти сказки отражением реальных испытаний, которые проходили юноши — «отроки», военные слуги первобытного племени¹². Сказки, как один из прототипов эпоса, уже тогда были поставлены на службу тем же целям, которым служили позднейшие былины: укрепить мужество молодежи, подготовить ее к реальным испытаниям. Так как личность человека без остатка растворялась в родовом коллективе, то мы и не видим в сказках прославленных героев, не знаем их имен; герой их всего-навсего младший сын, дурачок, и побеждает он лишь потому, что строго следует советам старших.

Впоследствии для целей сплочения племен были использованы, очевидно, сказания о важнейших богах, облегчавшие объединение вокруг племенного религиозного центра.

Сложение племенного союза, грандиозные оборонительные работы по созданию Змиевых валов в эпоху первых серьезных столкновений земледельцев со степняками, сражения с быстро налетавшими ордами кочевников — все это нашло отражение в первых действительно эпических сказаниях о победе над змеем. Недаром на Украине, в полосе этих сражений и оставшихся от них Змиевых валов, сохранились вплоть до 1920-х годов сказания двухтысячелетней давности. Герой этих сказаний уже не безымянный «отрок», блуждающий один по незнакомым дебрям, а бог-герой солнечного происхождения, образ которого долго держался на Руси, соединяясь с именем Георгия Победоносца («пахаря-победоносца») или Федора Тирона, победителя змей.

Следующий этап связан с эпохой выделения и усиления племенных князей, переселения племен, сложения племенных союзов. Героями сказаний становятся уже реальные живые люди — повелители полчищ, князья племен, возглавляющие поиски новых земель, постройку первых городов, далекие военные походы или оборону родной земли. Это — догосударственный эпос эпохи великого переселения, когда славянские дружины скакали к берегам Понта, в задунайские долины, в степи Северного Кавказа, смешиваясь с сарматоаланами, даками, фракийцами, адыгейцами. Песни-«славы» князьям этой бурной эпохи должны были звучать и на землях, отвоеванных у Византии, и в Приазовье, куда добирались дружины антов. Неудивительно, что следы славянского эпоса того времени мы находим то в записях византийца Менаандра, то в сокровищнице устной поэзии адыгейских племен. К разделу этих сказаний, возможно, следует отнести летописное упоминание Радима и Вятка, возглавивших переселение двух племен «от ляхов» на берега Сожа и Оки. Реально продвижение предков радимичей и вятичей с запада (днепровское лесное Правобережье) на восток можно датировать эпохой Зарубинецкой культуры, т. е. первыми веками до и после нашей эры¹³.

Возможно, что отголоском других походов в другом, южном, направлении являются припоминания «Слова о полку Игореве» о Трояне. Троян выглядит божеством; его владения где-то у синего моря; его время отстоит на семь веков от эпохи Всеслава и, следовательно, уходит в далекую пору Римской империи до гуннского разгрома (1068—700 = 368 г.). Реальный император Траян (98—117 гг.), обожествленный римлянами в пределах империи при жизни, как и все императоры,

¹² В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.

¹³ Летописный рассказ о *деуз* братьях-эпонимах, быть может, позднего происхождения и придуман самим летописцем как объяснение этнографической близости этих племен. Более раннее упоминание Новгородской летописи говорит только о переселении одних радимичей.

«Тропа Траяна» — памятник, воздвигнутый императором Траяном в низовьях Дуная

строитель гигантского Траянова трофея на полпути между землями славян и империей, Траян, дошедший в своих походах до славянских земель, вполне мог стать одним из славянских божеств у юго-западных племен, соприкасавшихся с приморской «землей Трояней» и предпринимавших уже тогда походы к рубежам империи, «рища в тропу Трояню чрес поля на горы».

«Века Трояновы» — это не время царствования одного императора (применительно к длительности княжения Ярослава автор в этой же фразе пишет не «века», а «лета»), а время существования Римской империи, совпавшее с расцветом славянской жизни в Среднем Приднепровье (Черняховская культура), сильно окрашенной культурным воздействием «Трояновой земли». «Века Трояновы» — это II—IV вв., те три столетия, когда славянская племенная знать продавала римлянам зерно, меряя его римскими мерами, накапливала сокровища римских монет, украшала жен римскими изделиями. Сам «Троян» был скорее олицетворением империи в глазах славян, чем реальным лицом.

Монументальные сооружения, связанные с именем исторического Траяна и, несомненно, известные славянам, лишь способствовали возвеличению его образа и его символическому истолкованию. Когда автор «Слова о полку Игореве» восхища-

ется диапазоном поэтического творчества Бояна, в качестве примера он приводит то, что Боян «свивает славы» различных времен («обаполы сего времени») от современности до далекой старины эпохи «Трояна». Очевидно, «Трояновы века» были наибольшей хронологической глубиной того эпического репертуара, который дожил еще до XI—XII вв.

Содержание эпоса, складывавшегося в «веки Трояновы», нам неизвестно. Нам неизвестно, сохранялись ли до средних веков эпические сказания о страшном гуннском нашествии конца IV в. Летопись совершенно молчит о гуннах, а в «Слове о полку Игореве» не было случая провести параллель между событиями IV в. и событиями XI—XII вв., так как ни одно из половецких нашествий не могло сравниться по силе с гуннским разгромом. Но знакомство автора «Слова» с восточными кочевниками хуннами — «хинами» явствует из двух мест этой поэмы. Поражение Игоря усилило половцев, названных здесь гуннами («великое буйство подаета хинови») и стрелы половецкие Ярославна называет гуннскими («хиновьскыя»). Оба раза упоминание гуннов связано с полным поражением той части русских войск, которая выступила против половцев — «гуннов». Следовательно, автор сознательно и обдуманно, как определенный художественный прием, вводил в свою поэму страшных гуннов — «хинов», очевидно, известных и его читателям.

Рассмотрим то, что уцелело в различных источниках от «времени Бусова», о котором автор «Слова о полку Игореве» говорит без пояснений, как об эпохе, хорошо знакомой его читателям. Гибель русских войск и пленение Игоря Кончаком где-то близ северного берега Азовского моря автором сопоставляется с двумя аналогичными событиями прошлого:

*Се бо готьскыя красныя девы въспеша
На бреге Синему морю:
Звоня рускым златом,
Поют время Бусово,
Лелеют мечь Шароканю...
А мы уже, дружина, жадни веселия!*

Показав печаль Руси, поэт переносит нас во враждебный лагерь; приморские жители радуются победе над русскими, так как половецкая добыча должна пройти через города Причерноморья и обогатить их.

Не случайно поэт сказал об отмщении за Шарукана: Кончак отомстил за своего деда, основателя династии половецких ханов, взяв в плен Игоря, правнука Святослава, полонившего Шарукана в 1068 г. Не случайно поэт XII в. вспомнил и о готских девах. Состав населения приазовских и причерноморских городов был тогда очень пестрым — там были греки, русские, половцы, хазары, готы, аланы, адыгейцы, итальянцы, армяне. Из всего обилия национальностей автором выбраны только готы, отнюдь не составлявшие большинства на берегах синего моря. Зная, что автор «Слова» каждую фразу своей поэмы ставил вполне обдуманно и с глубоким смыслом, мы и в выборе готов должны найти этот смысл.

А. А. Шахматов был прав, когда сопоставил данные строки с рассказом Иордана (VI в. н. э.) о славяно-готской войне 370-х годов, закончившейся пленом и смертью славянского князя Боза, возглавившего войско многих антских (восточнославянских) племен.

Узнав о пленении русского князя близ берегов Азовского моря, потомки готов запели сказания восьмисотлетней давности о «времени Бусовом» и о победе своих предков над предками русских в IV в. н. э. О существовании таких сказаний, очевидно, хорошо знал автор «Слова о полку Игореве», внимательный к приморским мутараканским делам. Сказания о войне славян с готами могли быть сложены как готами, так и славянами. То обстоятельство, что автор «Слова» говорит о «времени Бусовом», как о понятии всем знакомом, не требующем никаких пояснений,

особенно убеждает нас в том, что русские читатели и слушатели эпических песен в XII в. знали песни о князе Бусе—Бозе¹⁴.

Наша задача состоит в рассмотрении текста Иордана о «времени Бусовом» и в разыскании отголосков этих событий в русском эпосе, в письменных источниках и в эпосе тех народов, судьбы которых в то время сплетались с судьбой Руси.

У Иордана есть два рассказа о близких по времени событиях, связанных со славянами; в первом случае они названы «росомонами» (русами?), а во втором — антами.

Разберем каждый из них особо.

Первый рассказ посвящен смерти остготского князя Германариха. Повествуя о событиях IV в., когда перед причерноморскими готами появились гунны, «преследователи множества племен», и готы начали думать о бегстве, Иордан сообщает, что «вероломному племени Росомонов, которое в те времена служило ему [готскому князю Германариху] в числе других племен, подвернулся тут случай повредить ему. Одну женщину из вышеназванного племени [Росомонов] по имени Сунильда за изменнический уход ее мужа князь Германарих, движимый гневом, приказал разорвать на части, привязав ее к диким коням и разгорячив их к бегу. Братья же ее, Сар и Амми, мстя за смерть сестры, поразили его в бок мечом. Уязвленный этой раной, князь в слабости влачил жизнь большого»¹⁵.

Германарих известен скандинавскому эпосу, где он обрисован вероломным и жестоким князем. Саксон Грамматик рассказывает о войнах Германариха со славянами, о том, что он был в плену у славянского князя Исмара, что он предполагал жениться на Сунильде (здесь ее имя осмыслено как Свангильда — Лебедь)¹⁶.

Армянская запись славянского сказания о постройке Куара (Киева) в стране Палудии (Полян) состоит из двух частей: основному рассказу о трех братьях предшествует рассказ об их предках — двух князьях «индов», братьях Деметре и Гисанее, которые боролись со своим царем Динаскеем и потом вынуждены были покинуть страну. Хронологически этот рассказ должен относиться ко времени более раннему, чем VI в. Точек соприкосновения с рассказом Иордана здесь немного, но присутствует главное — война двух «индов» (может быть, винидов или антов?) с царем. В русских источниках мы находим загадочную фразу, неизвестно откуда почерпнутую историками середины XVI в.: «Еще же древле и царь Феодосий Великий имяше брань с Русскими вои...»¹⁷.

Император Феодосий (379—395 гг.) был современником Германариха, и его называли «другом готов». Ни в одном источнике не говорится о войнах Феодосия с «русскими воями»: самое имя «народа Рос» появилось в дошедших до нас источниках лишь в VI в. Можно было бы просто отвергнуть странное сообщение Степенной книги, как возбуждающее сомнения, но другое подобное сообщение в этой же книге о войнах русов в VII в. с Хосровом Персидским находит подтверждение в работах арабских и персидских историков X в. Кроме того, в приведенной загадочной фразе есть и внутренняя логика: «друг готов» мог враждовать с теми, с кем в те годы враждовали и его друзья — с «русами» — «росомонами». Но прямой преемственности письменных свидетельств мы не знаем. Могла существовать эпическая традиция, отголоски которой, возможно, слышатся в записи полянского сказания о Куаре — Киеве¹⁸.

¹⁴ Латинская транскрипция имени антского князя — Вооз. Это имя могло произноситься как «Боз» и как «Бус». Ср. существование двух форм: «Рос» и «Рус» («Росьский», «Русь»).

¹⁵ И о р д а н. О происхождении и деяниях гетов (Gética). Перевод и комментарии Е. Ч. Скржинской. М., 1960, стр. 91.

¹⁶ См. М. Т е р ш а к о в е ц ь. Переказ про Кия, Щака і Хорива та їх сестру Либедь. — «Ювілейний збірник на пошану М. С. Грушевського», Київ, 1928, стр. 399—425. Тершаковец предполагает, что мужем Сунильды — Лебеди был антский князь Боз — Бус.

¹⁷ «Степенная книга». — «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ), т. XXI, СПб., 1908—1913, стр. 63.

¹⁸ Целый ряд сходных элементов с рассказом Иордана обнаруживает русская былина о Даниле Ловчанине — былина редкая и стоящая несколько особняком. Записана она и на Севере,

Второй эпизод у Иордана, относящийся ко «времени Бусову», связан с самим Бусом. Рассказав о смерти Германариха, Иордан повествует о его преемнике Витаре из рода Амалов, находившемся под властью гуннов.

«Понемногу освобождаясь из-под их [гуннов] власти и пытаясь проявить свою доблесть, он двинул свое войско в пределы Антов и когда вступил туда, в первом сражении был побежден, но в дальнейшем стал действовать решительнее и *распял короля их [антов] по имени Боза с сыновьями его и с семьюдесятью старейшинами*, как пример для устрашения, чтобы трупы распятых удвоили страх покоренных»¹⁹.

Знакомство русского поэта XII в. с какими-то эпическими сказаниями об этом трагическом событии не подлежит сомнению. Сохранилось имя «русского» князя Буса — Боза, сохранилось ясное представление о готах, как о врагах русского народа, запомнилось местожительство готов на побережье Азовского моря.

В былинных записях XVIII—XIX вв. этого сюжета уже нет. Многочисленные нашествия степняков стерли в народной памяти трагический эпизод гибели князя и старейшин в борьбе с готами. Ведь и имя половцев было почти полностью вытеснено из эпоса позднейшим именем татар. Ни хазары, ни печенеги, ни авары, ни готы в русском былинном эпосе, известном нам, не уцелели.

Совершенно неожиданно, хотя исторически и оправданно, следы эпических сказаний о борьбе антов с готами и аварами в IV—VI вв. обнаруживаются в эпосе народов Северного Кавказа, входивших в свое время в состав Тмутараканского княжества и вливавшихся в дружины русских князей XI в.

В 1850 г. в «Москвитянине» была напечатана статья под заглавием «Предания адыгейцев небесполезны для истории России»²⁰. В этой статье была приведена часть

и на Тереке. Князь Владимир в этой былине — отрицательный тип, вызывающий возмущение у слушателей. Некоторая близость к тексту Иордана и Саксона Грамматика видна в следующем.

1. Князь хочет жениться на жене своего дружинника (муж уезжает выполнять опасное поручение).
2. Дружинник князя, находясь за пределами Киева, вступает в бой с войсками этого князя, посланными против него.
3. Два брата этого дружинника первоначально сохраняют верность князю, но потом, когда они встречаются с опальным братом в поле, они сочувствуют ему, сожалеют о его горькой участи:

Подъезжали к нему *два богатыря*,
Заплакали об нем горючими слезьми.

4. Жена дружинника, задумав самоубийство, обращается к двум богатырям (даже не названным здесь по имени) за сочувствием:

Заплакали по ней *два богатыря*,
Пошли они ко князю Володимеру...

В былине о Даниле отсутствует лишь финал — смерть вероломного и развратного князя. Вместо него погибает Мишата, один из приближенных князя, посоветовавший ему увлечь чужую жену и услать Данилу на невыполнимый подвиг (см. «Былины», т. I, М., 1958, стр. 464—469). Два богатыря, присутствующие во всех трагических сценах, в былине бездействуют, они не защищают своего брата Данилу, не мстят за свою невестку Василису. Непопулярна созерцательная их роль, неясно, почему должны быть в былине именно две сочувствующие героям фигуры и, тем не менее, они устойчивы. Все подобные признаки указывают обычно на выветренность образа, стершегося со временем и ставшего малопонятным.

Былина о Даниле Ловчанине и двух богатырях-братьях не является рассказом о нападении на Германариха двух братьев росомонов; она не сохранила ни одного из имен, приводимых Иорданом или Саксоном Грамматиком, но вполне возможно, что она является позднейшей переработкой каких-то славянских эпических сказаний, сложившихся параллельно германским. Времени для исчезновения первоначальных имен и для видоизменения самой схемы событий было достаточно — полторы тысячи лет.

¹⁹ И о р д а н. Указ. соч., стр. 115.

²⁰ «Москвитянин», М., 1850, ч. I, кн. 2, отд. 3, стр. 41—46. Предисловие М. П. Погодина.

адыгейских сказаний, собранных кабардинским ученым Шора Бекмурзиным Ногмовым²¹.

Сам Ногмов подразделяет устные источники своей истории на две группы — сказания старцев и песни.

«Имеv часто случай участвовать в общественных беседах, я с жадностью слушал повествования наших стариков».

«Вместе с преданиями до нас дошли и *старинные песни*. Они поются при всех сборищах по решению общественных вопросов, при полевых работах и вообще по окончании дневного труда.

Пение сопровождается музыкой и рассказами о подвигах древних героев или о давно минувших народных невзгодах»²².

Неграмотные слагатели песен «должны были сочинять стихи или речи для одушевления воинов перед сражением. Становясь перед войском, они пели или читали свои стихи, в которых упоминали о неустрашимости предков и приводили для примера их доблестные подвиги»²³.

Эти слова очевидца архаичных эпических песнопений чрезвычайно драгоценны для нас, так как здесь эпос еще не оторвался от повседневной жизни адыгейских племен, сохранившей много патриархальных черт.

Устная традиция сказителей сохранила много имен и терминов, восходящих к глубокой древности;

кимирген — киммерийцы

шармат — сарматы

гуты — готы

тургуты — утургуры

хаза — хазары

Тмутаракай — Тмутаракань

косирих — кесарь

Юстин — император Юстиниан (может быть, Юстиниан II, скрывавшийся одно время в Фанагории).

В эпической терминологии кабардинских сказаний особенно интересно отметить специально эпическое наименование народа антов, отсутствующее в бытовой современной речи. В древних преданиях встречаются слова «антский юноша», «антский княжеский сын», «антский всадник» и др. Анты — восточные славяне, судя по данным Прокопия, уже в VI в. н. э. предприняли колонизацию Приазовья (одновременно с колонизацией Балканского полуострова). Источники IX—X вв. говорят о славянах на Северо-Западном Кавказе (Ибн-ал-Факих). С середины X в. Тмутаракань становится русским княжеством, и здесь в XI в. проходит часть деятельности певца Бояна, что может быть не безразлично при выяснении фольклорных контактов между русскими и адыгейцами. Эпос не отделяет антов от адыгейцев, анты действуют против готов, против авар и рассматриваются в эпосе как богатыри-адыгейцы.

Адыгейский эпос содержит ряд таких сказаний, где не только действует народ антов, но и упоминаются отдельные герои, имена которых совпадают с именами славянских или антских вождей, сообщаемых византийскими писателями VI—VII вв.

²¹ Ногмов происходил из племени абадзехов, переселившихся в Кабарду. В молодости он изучил арабский язык, был муллой, а затем состоял на русской службе в Петербурге. В бытность Пушкина в Пятигорске Ногмов собирал для него адыгейские предания; Пушкин исправлял литературный стиль его переводов (см. Ш. Б. Н о г м о в. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Изд. 5-е, Нальчик, 1947, стр. 17. Первое издание вышло в 1861 г.).

²² Там же, стр. 18.

²³ Там же, стр. 34.

Есть в этом эпосе и имена более поздних исторических лиц X—XI вв. и древние географические названия:

По Ногмову

Баксан — антский князь
Адилъ
Лавристан — князь
Байкан — аварский хан
Маремихо, сын Идара
Саркал — крепость
Аллиг }
Алегико }
Ридада — воин

По разным историческим источникам

Боз (Бус) — антский князь
Атила — гуннский хан
Лаврита (Дабрита) — славянский князь
Байан — аварский хан
Меамир, сын Идарисиев (знатный ант)
Саркел — «Белая Вежа», крепость
Олег-князь
Редедя — касожский воин²⁴

Знакомство Ш. Ногмова с трудами Карамзина и Стриттера может насторожить нас в отношении обилия исторических совпадений, но в защиту первого собирателя адыгейского фольклора следует сказать, что многих совпадений он сам не заметил или истолковал их с известными натяжками, так как подлинные кабардинские предания не укладывались в те сведения по русской истории, которые он привлекал в качестве параллелей²⁵.

Для нас большой интерес представляет «Повесть о Баксане», записанная Ногмовым: «На реке Баксане жил князь Дауо, у которого было восемь сыновей и одна дочь. Старший его сын — Баксан был знаменитый нарт своего отечества.

Говорят, что он был убит готфским царем со всеми своими братьями и восемьюдесятью знатнейшими нартами. Услышав это, народ предался отчаянию: мужчины били себя в грудь, а женщины рвали волосы на голове, говоря: — «Убиты, убиты Дауовы восемь сыновей!...»²⁶.

Далее Ногмов приводит песню о Баксане, сочиненную сестрой убитого.

«Геройство Баксана освещает антский народ своими доблестями...

О, родина Дауова Баксана, хотя он уже не существует, но когда будет добывать тебя Гут — не покоряйся!

²⁴ Ш. Б. Н о г м о в. Указ. соч., стр. 41—49, 58—61, 63, 64.

²⁵ Так, например, сообщив предание о войне князя Алегико с хазарами, Ногмов сопоставляет его с походом Святослава на хазар, ясов и касогов (указ. соч., стр. 57—60). Приводя название хазарской крепости за Доном — «Саркала», Ногмов еще не знал, что Саркел тождествен с Белой Вежей, взятой Святославом. Однако сближение данного сказания с событиями 965 г. мне представляется неправильным, несмотря на наличие в сказании имени Саркела. Главное содержание песни об Алегико состоит в том, что он, враг хазар, взят хазарами в плен и содержится в Саркеле. Однако этот Саркел где-то очень далеко: «За морем давно уже настороже правый глаз Алегико. Давно ожидает он прибытия больших кораблей, давно-давно ожидает он серебряного моточка, чтоб получить свободу» (там же, стр. 57—58).

Князь Алегико пробыл в плену у хазар *три года*, а затем, при поддержке «татарского» хана хазары были разбиты и князь освобожден. После этого было взято «все царство Хазарское по берегу Азовского моря и *Тамтаракай*» (стр. 58). Союзники-адыгейцы после победы были с богатыми дарами и почестями отпущены в отечество. Все эти детали резко противоречат гипотезе Ногмова об отражении в песне похода Святослава, и это является доказательством *полной независимости текста записей* Ногмова от его ученых рассуждений. Что касается самой песни, то я думаю, что ее следует сопоставлять с русско-хазарской борьбой при Олеге Святославиче в 1079—1083 гг.

Олег Тмутараканский был пленен хазарами, как и эпический Алегико; он был отправлен «за море» (только не в Саркел, а на остров Родос), где он пробыл тоже, как и Алегико, около трех лет. Слова песни о «серебряном моточке», о какой-то нити Ариадны, долженствующей дать свободу Алегико, становятся нам понятны, если мы вспомним, что Олег в изгнании женился на знатной гречанке и после этого (а может быть, и вследствие этого?) был освобожден. Заключительные слова песни о победе над хазарами при содействии «татарского» хана тоже соответствуют летописи: «Приде Олег из Грек Тматороканю... и исече козары», под «татарами» надо, очевидно, понимать половцев, постоянных союзников Олега. Очевидно, адыгейский эпос включил какое-то сказание об Олеге Тмутараканском, главный герой которого Олег — Алегико постепенно слился в эпосе с местной адыгейской (касожской) знатью.

²⁶ Ш. Б. Н о г м о в. Указ. соч., стр. 41.

Весь народ почитал его за благого духа; когда начиналось сражение и удары блистали как молния, его присутствие поселяло в антском народе уверенность.

Гутские истязания не прекращаются, весь антский народ пришел в отчаяние, потому что восемь пар волов привезли его тело на родину...».

В сказании о Баксане трудно не увидеть переработку какого-то сказания о войне Буса — Боза с готами, в которой Бус был взят в плен и мучительно убит готами. Быть может, древний прототип этой песни-плача и послужил причиной появления в «Слове о полку Игореве» фразы о печальном «времени Бусовом».

Второе адыгейское предание, интересное для нас, это «Предание о войне адыгов с Байканом, ханом аварским». Главный герой его — князь Лавристан, о женитьбе которого сложена особая песня. Его невеста сама назначила ему состав калыма, в который должны входить пленники — *дакийцы* и мидийцы (логичнее считать, что мизийцы). Дакия действительно была (как и Мизия) ареной борьбы антов с аварским ханом Байканом. Надгробный плач жены Лавристана тоже важен для нас: «Высок рост его, широки плечи, осанка мужественна. *Он вошел в Русь* и воротился через горы. Стан его уподоблялся кимприанскому чубуку»²⁷. Этого князя Лавристана, связанного с Русью, добывающего дакийских пленников и воюющего с аварским ханом Байканом, необходимо сопоставить со славянским князем Давритой или, по другому чтению, Лавритой, воевавшим с аварским ханом Байканом в 570-е годы на территории, населенной дакийцами, в придунайской «Скифии». Подробный рассказ об этом Менандра Протиктора (конец VI в.) носит следы использования славянских эпических сказаний, прославляющих гордого Лавриту. Сопоставим адыгейскую песню с рассказом византийца:

1. «Предание о войне с Байканом»

«Аварский хан Байкан с многочисленным войском опустошил многие владения Греческой империи, а в том числе и самый Аллиг, т. е. Грецию. Очередь доходила и до нашего народа. Хан Байкан потребовал от него через своих послов подданства. Но князь Лавристан и другие вожди адыгейские не хотели исполнить желание хана и отвечали его послам гордыми и неприятными речами. Послы хана стали поддерживать достоинство своего повелителя; от переговоров возгорелась между ними и князьями ссора и *послы заплатили жизнью за свою дерзость*. Хан не мог простить жестокого оскорбления, нанесенного ему в лице послов. Он собрал огромное войско, вступил от берега Черного моря в землю адыгов и завладел ею до реки Баксана. Преимущественно месть его устремлялась на князя Лавристана и других вождей. Не отыскав его, он опустошил его отечество, ограбил селения, сжег поля и истребил много жителей...»²⁸.

2. «... Перед тем вождь аваров [хан Байан] отправил посольство к Давриту [Лавриту]²⁹ и к важнейшим вождям склавинского народа, требуя, чтобы они покорились аварам и обязались платить дань. Лаврит и старейшины склавинские отвечали: «Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу? Не другие нашею землею, а мы чужою привыкли обладать. И в этом мы уверены, пока будут на свете война и мечи!». *Такой дерзкий ответ дали склавины*. Не менее хвастливо говорили и авары... *Склавины, будучи не в силах обуздать свой гнев, умертвили посланников аварских*. Об этом поступке узнал Баян от чужих... Как скоро авары переправились на противоположный берег

²⁷ Ш. Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 49.

²⁸ Там же, стр. 45.

²⁹ Греческая графика, сближающая дельту и ламбду, не всегда позволяет правильно прочесть варварские имена, начинающиеся на «Д» и на «Л».

[Дуная], они начали немедленно жечь селения склавинов, разорять их и опустошать поля...»³⁰.

Как видим, сходство двух источников почти полное. Естественнее всего предполагать, что данная тема родилась не в адыгейских землях, а в славянских.

Возможно, что славянское сказание, сложенное певцами-гуслирами вроде тех, что полтора года бродили по аварским и византийским землям в 583 г. (спустя несколько лет после конфликта Лавриты с Баяном), послужило основой, во-первых, записи византийца Менаандра, а во-вторых, северокавказской песни, в которой славянский князь превратился уже в адыгейского богатыря, правда, связанного с Русью. Гордый ответ славянина аварским послам, приведенный у Менаандра, особенно напоминает эпические формы. Внимательный пересмотр византийских сведений VI—VII вв. о славянах, возможно, позволит выделить еще какие-либо следы славянских эпических сказаний³¹.

Мы не знаем того времени, когда славянские сказания вошли в эпос народов Северного Кавказа. События, которые в них отражены — это события, в какой-то мере касавшиеся и адыгейских (зихских) племен: борьба с готами, борьба с аварами, пленение хазарами Олега Тмутараканского. Хронологический диапазон самих событий — IV—XI вв. Наиболее же вероятным временем проникновения русского эпоса в иноязычную адыгейскую среду следует считать, очевидно, эпоху расцвета Тмутараканского княжества, объединявшего русов и касогов, т. е. XI в.

Привлеченный нами адыгейский эпос не дает нам, разумеется, формы древних антских песен, но в известной мере может дать представление о *тематике* эпохи в эпоху военной демократии или, точнее, о той важнейшей тематике, которую народ отобрал и пронес через много столетий. Оказывается, что главными, наиболее запоминаемыми темами в это время были уже не мифологические, а военные. Герои эпоса — вожди союзов племен, возглавляющие ополчения многих племен или бесстрашно выступающие в роли послов — выразителей воли этих племен. Воспеваются вожди не за набеги на соседей, а за защиту родных земель от многочисленных и могущественных врагов. Сложность этнического состава многих племенных союзов того бурного времени содействовала переходу эпических песен от одного народа к другому.

2

СКАЗАНИЯ О КИЕ, О КИЕВЕ И О ПОЛЯНАХ

В основе почти всех летописных рассказов о начале Руси лежит краткое легендарное сказание об основании города Киева тремя братьями из племени Полян.

Правда, уже в XI в. по поводу этого предания шла полемика между киевскими и новгородскими историками, потребовавшая от одного из участников этой полеми-

³⁰ А. В. Мишулин. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. — «Вестник древней истории», 1941, № 1, стр. 248.

³¹ У того же Менаандра мы находим рассказ об антском князе Мезамире. Он «имеет великое влияние между антами и может сильно действовать против тех, которые хоть сколько-нибудь являются его врагами». Являясь послом к кагану, Мезамир говорил гордо и надменно. Авары убили Мезамира и напали на землю антов. В хронике Менаандра сообщается имя отца и брата Мезамира (отец — Идар или Идарисий; брат — Келагаст). Такая подробность необычна для византийских сведений. Быть может, и этот рассказ восходит к славянскому сказанию о Мезамире, сыне Идарисиеве.

В адыгейском эпосе мы находим князя Идара и его сына Маремихо. Князь Идар характеризуется в эпосе как объединитель кабардинских племен, стремившийся прекратить межплеменные свары (см. Ш. Б. Ногмов. Указ. соч., стр. 62, 63). Те черты, которыми у Менаандра описан Идарисиев сын, в адыгейском эпосе связаны с Идаром (А. В. Мишулин. Древние славяне в отрывках..., стр. 247).

ки — Нестора — дополнительных разысканий о главном герое легенды, о старшем из братьев — Кие.

Легенда о Кие и его братьях была записана, очевидно, уже в X в. в первом летописном своде 997 г., включившем вообще большое количество различных фольклорных мотивов. Это и неудивительно, так как составитель свода был современником создания самого значительного эпического цикла — былин о Владимире Киевском.

Текст сказания о трех братьях сохранился и в новгородской, и в киевской передаче; в обоих вариантах он дан почти одинаково. Различия заключаются только в датировке и в упоминании о язычестве Полян. Новгородская летопись дает дату 6362 (854) г. и отмечает «поганство» Полян в эпоху Кия, а киевская «Повесть временных лет» помещает сказание о Кие между легендой об апостоле Андрее и приходом болгар на Дунай, т. е. датирует его I—VII вв. Киевский летописец устранил из сказания упоминание о язычестве. Кроме того, существенным отличием киевского варианта является пространное дополнение к основному тексту, посвященное только одному Киею.

Рассмотрим основу сказания по Новгородской первой летописи³².
«Начало земли Руской.

Живяху кождо с родом своим на своих местах и странах, владеюща кождо родом своим. И быша три братия: единому имя Кий, второму же имя Щек, третьему же имя Хорив, а сестра их Лыбедь. И седяше Кий на горе, идеже ныне увоз Боричев и бе с родом своим. А брат его Щек на друзий горе: от него же прозвася Щековица. А третий Хорив: от него же прозвася Хоривица. И сотвориша градок во имя брата своего старейшего и нарекоша имя — Киев. И бяша около их лес и бор велик и бяху ловища зверие. И бяша мужи мудри и смыслене, нарецахуся Поляне. И до сего дне от них же суть кыяне. И бяху же погане: жруще озером и кладязем и рощением, яко же прочии погани»³³.

Текст этого сказания комментировался всеми историками, занимавшимися Киевской Русью³⁴. Нередко оно использовалось для доказательства примитивности славянского общества накануне призвания варягов (историки доверчиво принимали дату жизни Кия — 854 г.): родовой строй («живяху кождо с родом своим»), охотничий быт («бяху ловища зверие»), примитивная языческая религия, мелкие укрепленные поселки («градок»).

Надо сказать, что легенда о Кие и его братьях очень мало говорит о хозяйственном или общественном строе тогдашних Полян. Сказание, посвященное основа-

³² «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», М.—Л., 1950, стр. 104—105 (Комиссионный список). Правописание летописных текстов здесь и в дальнейшем дается в упрощенном виде; издатели XIX в. приравнивали публикуемые ими тексты к нормам орфографии того времени. Для нас нет нужды сохранять «ъ» на конце слов, но «ь» в середине слов нужно сохранить, это помогает пониманию текста.

В отдельных случаях будет дана пунктуация, отличная от той, которая применена издателями, так как на протяжении тех ста лет, пока издаются летописи, принципы пунктуации нередко менялись, и она не всегда содействует ясности понимания. Наименования славянских племен (Поляне, Радимичи и др.) должны быть написаны в ряде случаев с заглавной буквы, если имеется в виду территория или весь народ.

³³ Последняя фраза («и бяху же погане...») отсутствует в «Повести временных лет». Текст о потомках Полян в Киеве читается в «Повести» несколько иначе: «от них же есть Поляне в Киеве и до сего дне» («Повесть временных лет», ч. I, стр. 13).

³⁴ Из специальных работ, посвященных разбору сказания о Кие, можно назвать книгу Ф. Гилярова «Предания русской начальной летописи» (М., 1878) и статью М. Тершаковца «Переказ про Кия, Щека і Хорива...». М. Тершаковец ставит сказание о Кие в связь с записями Иордана о росомонах и готском князе Германарихе и со скандинавскими сагами о Германарихе и Свангильде — Лебеди. Тем самым он переносит действие в IV в. н. э.

нию «матери городов русских», является как бы введением к целому циклу сказаний о судьбах «мудрых и смысленных» Полян, об их борьбе с соседями и с вторгшимися на Днепр хазарами, а, может быть, и о походах Полян в Византию.

Кий — не только старший брат в традиционной эпической триаде, но он и основатель города, и, как мы узнаем из дальнейшего, основатель княжества и родоначальник династии киевских князей, последним представителем которой был князь Аскольд (Осколд), вероломно убитый норманнами в 882 г.

Текст летописной записи не противоречит ничему из сказанного. Упоминание леса, бора и ловищ звериных вовсе не означает господства охотничьего хозяйства в эпоху Кия, так как и до наших дней Киев, расположенный на рубеже лесостепи и лесной зоны, окружен лесами и сосновым бором. Если остальная часть земли древних Полян располагалась в лесостепи, то понятно, что автор сказания упомянул о необычном ландшафте северного полянского города, выгодно расположенного близ устьев Десны и Припяти.

Летописное слово «род» никак не может быть понято в нашем современном научном смысле (род — gens); оно означало тогда или племя или еще более широкое понятие — народ, но могло применяться и в смысле «династия»³⁵.

Что же касается размеров Киева «градка», то их мы не можем определить, так как позднейшая жизнь в Киеве настолько стерла древние границы, что нельзя выяснить, когда появились укрепления первоначального городка. Поселение на месте Киева существовало уже во II в. н. э. Оно было связано с более южными областями Черняховской культуры³⁶, находившимися на несравненно более высоком уровне развития, чем области северных племен лесной зоны. Не поэтому ли и названы Поляне «мудрыми и смысленными»?

Не будем делать вывода из летописного текста о примитивности полянского быта, так как, во-первых, такой вывод не вытекает из смысла сказания, а во-вторых, нам еще неизвестна та эпоха, к которой следует отнести Кия. Летописная запись обладает важнейшей чертой древних сказаний многих народов — она содержит упоминание о *трех* братьях-героях.

Тройственный принцип в сказках, эпических песнях, преданиях является широко распространенным.

Поэтому мы должны быть осторожны по отношению к братьям Кия. Правда, летописец стремится связать их имена с местной топонимикой XI в., указывая на Щековицу и Хоривицу, но нам очень трудно сказать, действительно ли имена реальных братьев перенесены на эти горы, или же, подчиняясь требованиям эпической тройственности, автор сказания от названий этих гор произвел имена двух мифических братьев?

Более определенно можно сказать о сестре Лыбеди и о самом Кие. Введение в легенду четвертого персонажа — сестры — нетипично для фольклора; кроме того, если с братьями связаны горы — городища, обитаемые с древних времен, то на долю сестры осталась лишь река. Маловероятно, чтобы река была названа по имени княжеской сестры; скорее всего, наличие реки с таким именем воздействовало на легенду.

Иное дело Кий. Ярко выраженная притяжательная форма названия города Ки-

Ф. Гиляров приводит большое количество позднейших переделок этого сказания в XVI—XVII вв. Под влиянием новгородских летописей позднейшие книжники превращали Кия в разбойника, которого новгородцы хотели повесить, а князь Олег отпустил его, и он ушел на Днепр. Другие варианты рассказывают о том, что Кий был наемником племени Древлян, а затем воевал с ними и погиб. См. также М. Е. Х а л а н с к и й. Экскурсы в область древних рукописей.— «Труды предварительного комитета по устройству XII археологического съезда», Харьков, 1912, стр. 413—422.

³⁵ Д. С. Лихачев предполагает, что в данном случае речь идет о династии киевских князей, ссылаясь на текст: «и по сих братьи держати почаша *род их* княженье в Полях» («Повесть временных лет», ч. II, стр. 219).

³⁶ М. К. К а р г е р. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958, стр. 84.

ева («город Кия», «Киев город») заставляет допустить существование человека по имени Кий, владевшего этим городом или построившего его ³⁷.

Имя Кия хорошо осмысливается по-русски: «кий» обозначает палку, палицу, молот, и в этом смысле имя основателя Киева напоминает имя императора Карла Мартелла — Карл «Молот» ³⁸.

Датировка времени существования Кия и времени сложения сказания очень неясна. Если принять допущение, что действительным героем был только один Кий, а его братья появились лишь как необходимые элементы эпической триады, то следует допустить также и то, что между основанием города и появлением сказания о его основании прошло некоторое время, хотя бы два-три поколения.

Следует обратить внимание на наименование «Поляне». Все остальные восточнославянские племена, упоминаемые во вводной части летописи, встречаются нам в качестве географических определений и в позднейших летописях XII в., но имя Полян ни разу не встречено в живой речи летописцев XI—XII в., хотя большинство описываемых ими действий происходит на бывшей земле Полян. Последнее по времени упоминание Полян относится к 944 г. (они участвуют в походе Игоря на Византию). Во всех случаях, когда речь шла о Киевской, Полянской земле в географическом смысле, русские люди XII в. употребляли слово «Русь». Такая замена специально оговорена летописцем: «Поляне, яже ныне зовомая Русь». Другими словами, наименование Полян само по себе архаично, оно относится к далекому прошлому; «ныне», т. е. во времена летописцев, его уже заменило наименование «Русь», с которым мы действительно встречаемся на каждом шагу во всех источниках XI—XIII вв.

Один из ранних комментаторов сказания о Кие и его братьях (вероятно, летописец Никон, 1073 г.) счел нужным добавить, что потомки Полян в его время были еще в Киеве ³⁹.

Если в середине X в. имя Полян уже вышло из употребления и стало впоследствии лишь историко-литературным термином, а в сказании о Кие идет речь о начале общественной жизни Полян, о постройке нового города в их земле, то, очевидно, время действия героев сказания мы должны отодвинуть значительно в глубь веков, примерно к тому времени, которое указывает «Повесть временных лет», т. е. до VII в.

Дата, приводимая Новгородской летописью, вообще не заслуживает доверия. Кий и его братья действуют в 854 г. и оказываются современниками византийского императора Михаила III (842—866 гг.): «В си же времена бысть в Греческой земли цесарь именем Михаил...». Далее оказывается, что и призвание варягов тоже будто бы происходило «Въ времена же Кыева и Щека и Хорива...» ⁴⁰.

Новгородский летописец упорно проводит одну и ту же мысль, что история Новгорода столь же стара и почтенна, как и история Киева. Поэтому Кий у него и оказывается современником Рюрика, императора Михаила и князя Аскольда.

Нам надлежит проверить правильность его суждений, так как это важно не только для датировки сказания о Кие, но и для выяснения всей исторической концепции новгородских летописцев XI—XII вв.

Из рассмотрения самого сказания создается впечатление о его глубокой древности, архаичности, но твердых оснований для датировки оно, как мы видели, не дает. Здесь на помощь нам приходят два драгоценных свидетельства, помогающие уточнить дату: одно из них содержится в армянской летописи, а другое — в «Повести временных лет».

³⁷ Можно назвать много русских городов, построенных князьями или боярами, которые сохранили притяжательную форму своего наименования: Ярославль, Ростиславль, Святополчъ, Судиславль и многие другие.

³⁸ Слово «кий» сохранилось в живой речи, обозначая палку в бильярдной игре; «кианка» — деревянный молот, применяемый в столярном деле.

³⁹ Ему же, вероятно, принадлежит и добавление о том, что древний «градок» Кия находился близ Боричева увоза, в названии которого видят вариант античного Борисфена — Днепра (Д. Б л і ф е л ь д. До питання про Боричев узвіз стародавнього Києва.—«Археологія», Київ, 1948, стр. 130—144; М. К. К а р г е р. Указ. соч., стр. 14).

⁴⁰ «Новгородская первая летопись», стр. 105, 106.

Н. Я. Марр обнаружил и опубликовал исключительный по своему значению источник, загадочный с точки зрения армянской истории, но очень ясный в сопоставлении с русским сказанием о Кие и его братьях⁴¹.

Армянское сказание записано в «Истории Тарона», приписываемой епископу Зиновию (Зенобу) Глаку, родом сирийцу, жившему в VI—VII вв.; эта книга является сборником народных сказаний, мало связанных с реальной армянской историей.

В интересующем нас отрывке действие происходит в сказочной стране Палуни; герои сказания — три брата: Куар, Мелтей и Хореан. Все это очень напоминает нам страну Полян и двух братьев — Кия и Хорива⁴². Имя среднего брата не совпадает (русскому Щеку в армянском тексте соответствует Мелтей), но Н. Я. Марр утверждает, что смысловое значение обоих несозвучных имен одинаково: и русский Щек и армянский Мелтей означают «змий», и поэтому одно наименование есть перевод другого⁴³.

Рассказу о Куаре и его братьях в «Истории Тарона» предшествует повествование о двух братьях князьях «индов» Деметре и Гисанее. Они ведут борьбу против своего царя Динаскея и изгнаны им из своей страны. Изгнанные князья находят убежище в Армении, где получают землю Тарон, строят город, ставят своих патрональных идолов в «Змееграде»; потом их убивает царь Валаршак, отдавший землю их сыновьям.

«И дал власть трем их сыновьям — Куару, Мелтею и Хореану. Куар построил город Куары, и назван он был Куарами по его имени, а Мелтей построил на поле том свой город и назвал его по имени Мелтей; а Хореан построил свой город в области Палуни и назвал его по имени Хореан. И по прошествии времен, посветовавшись, Куар и Мелтей и Хореан поднялись на гору Каркея и нашли там прекрасное место с благоуханием воздуха, так как были там простор для охоты и прохлада, а также обилие травы и деревьев. И построили они там селение и поставили они двух идолов: одного по имени Гисанея, другого по имени Деметра»⁴⁴.

Совпадение этого текста с летописным достаточно полно:

1. В обоих вариантах действуют три брата, имена которых очень близки; старшим в обоих случаях является Кий—Куар.

2. Первоначально они живут каждый на своем месте.

3. Братья на горе строят городок.

4. Вокруг городка — «простор для охоты» («бяху ловища зверие»).

5. Заканчиваются оба варианта рассказом о язычестве; русский текст говорит об этом в общей форме, а армянский дает имена богов-предков, причем имя Деметра исследователи правильно связываются с богиней земли и плодородия Деметрой⁴⁵.

⁴¹ Н. Я. Марр. Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси. — «Известия ГАИМК», т. III, Л., 1928, стр. 257—287.

⁴² Наименование города Киева (Кыева) в передаче восточных авторов обычно звучит «Куяба», «Куява», что близко с армянским «Куар».

⁴³ Н. Я. Марр. Книжные легенды..., стр. 62. Можно добавить, что в русских былинах глагол «щекотать» означает «свистеть», «шипеть по-змеиному», «наносить удары» (Соловей Разбойник, Змей Горыныч).

⁴⁴ Н. Я. Марр. Книжные легенды..., стр. 60.

⁴⁵ В армянском варианте отсутствует четвертый персонаж — сестра Лыбедь, но это может говорить только о более позднем включении сестры в традиционный триумвират братьев.

С армянской историей эти сказания о князьях-«индах» и о Куаре, Мелтее и Хореане совершенно не связаны, и в полуфольклорном сборнике, приписанном соратнику св. Григория Зенобу Глаку, они искусственно присоединены к легендам об основании монастыря св. Карапета ⁴⁶.

Время составления неизвестным автором «Истории Тарона» Н. Я. Марр относил к VII в., а крупный знаток древнеармянской литературы М. Х. Абегиан — к VIII в., добавляя, что она не могла быть составлена ранее VIII в. ⁴⁷

Убедившись в необычайной близости русского и армянского сказаний и зная, что русское записано примерно в X в., а армянское на два столетия раньше, можно было бы сделать вывод о том, что на Русь попало армянское сказание, но, разумеется, этот вывод невозможен, так как на армянской почве оно совершенно чуждое, заносное: там нет и не было ни страны Палуни, ни города Куара; оно не связано ни с остальным армянским эпосом, ни с достоверной историей Армении VI—VII в., на русской же почве сказание опирается на достоверные сведения о Полянах, о городе Киеве, о Щековице и Хоривице. Следовательно, мы должны признать сказание в основе русским, приднепровским, а армянскую запись считать *отзвуком* славянской легенды, уже успевшей принять к этому времени устойчивую эпическую форму, так как во всех основных чертах армянская запись совпадает с русской, хотя их и разделяет значительный промежуток времени.

Армянская запись сохранила первоначальное славянское сказание в более чистом виде, без добавлений (о сестре Лыбеди) и без комментариев XI в. (о Боричевом увозе и о потомках Полян в Киеве). Подключение к этой записи туманных мифологических фрагментов неизвестного происхождения об «индах» Гисанее и Деметре не исказило киевского сказания, так как они лишь механически присоединены к нему.

Армянская запись киевского сказания драгоценна для нас тем, что в известной мере уточняет датировку его *возникновения*. Мы не обязаны доверять составителю «Истории Тарона», отнесшему действия Куара и его братьев ко времени до VII в., но то, что легенда была *уже записана* по-армянски в VIII в., не подлежит сомнению.

Следовательно, датировка Новгородской летописи должна быть отвергнута, как неверная.

Последний вопрос, который надо решить в связи с армянской параллелью киевскому сказанию, это вопрос о путях его проникновения в Армению.

Можно предположительно наметить четыре зоны русско-армянских контактов в VIII в. и в предшествующее столетие. Во-первых, имеются сведения о русах в районе Дербента в середине VII в. Русские воины в VII в. были в составе хазарских дружин в Закавказье ⁴⁸. Эти сведения слишком неопределенны и для нашей темы ничего не дают.

Во-вторых, местом контакта русских и армянских дружин в эпоху императора Маврикия (582—602 гг.) могла быть Фракия, низовья Дуная. Восточные славяне — анти шаг за шагом отвоевывали у Византии задунайские земли. Византия несколько раз направляла сюда вассальные армянские войска. Так, при Маврикии во Фракию

⁴⁶ См. М. Х. А б е г я н. История древнеармянской литературы, т. I. Ереван, 1948, стр. 348. М. Х. Абегиан считает, что приведенный выше отрывок — отдаленный отзвук о предках нахарарского рода Мамиконян (стр. 347), сопровождая это замечание рядом оговорок о несходстве имен. В другую крайность впал в свое время Н. Я. Марр, совершенно не заинтересованный открытой им параллелью с исторической стороны и возводивший оба сказания к отдаленной эпохе изобретенных им «скифов-яфетидов».

⁴⁷ М. Х. А б е г я н. Указ. соч., стр. 346: «Автор мог жить самое раннее в начале VIII в.».

⁴⁸ Б. А. Р ы б а к о в. Предпосылки образования древнерусского государства.—«Очерки истории СССР III—IX вв.», М., 1958, стр. 745, 872, 873; Н. Я. М а р р. По поводу русского слова «сало».—«Этно- и глоттогония Восточной Европы», М.—Л., 1935, стр. 97.

был послан Смбат Багратуни с большим войском; Фракия часто была в то время местом отвлечения сил армянских нахараров, опасных для Византии⁴⁹.

Здесь, во Фракии, соприкасаться с армянами могли или враждебные Византии отряды славянских колонистов, или же только те славянские войска, которые были на службе Византии на правах федератов, так что этот путь проникновения сказания в армянскую среду представляется сомнительным. В-третьих, более полное соприкосновение русов с армянами могло осуществляться во время персидских войн VII в. У армян помимо чисто исторических сочинений о Персидской войне создано несколько эпических циклов о борьбе с персами (против Хосрова Парвеза, Хосрова Ануширвана). В одном из эпических сказаний соратником армянского героя Смбата оказывается какой-то могучий князь Вараз *Палуни*, что напоминает нам о неармянской стране Палуни в сказании о Куаре и его братьях⁵⁰. В русских источниках мы находим интереснейшее сообщение о том, что «... при Ираклии цари [610—641 г.] ходиша Русь и на царя Хоздроя Перьского»⁵¹.

Если войска, имевшие общего врага и общую цель, соприкасались друг с другом, то это могло содействовать переходу эпических сказаний от народа к народу.

Стоит отметить, что и эпос о борьбе армян с персами (в том числе и о подвигах князя Палуни), и сказание о трех братьях и о стране Палуни находятся в одном и том же сборнике сказаний и легенд — в «Истории Тарона».

Четвертым путем проникновения киевского сказания в Армению мог быть следующий: в 737 г. арабский полководец омейяд Марван проник глубоко внутрь Хазарии и дошел до «Славянской реки» (очевидно, Дона), где пленил 20 000 оседлых славянских семейств и насильственно переселил их в Кахетию, расположенную на границе с Арменией.

У такого массива славян мог сохраниться свой эпос, и они могли передать его соседям.

Армянская параллель сказанию о Кие, Щеке и Хориве важна для нас во многих отношениях. Во-первых, она позволяет углубить датировку возникновения этого сказания до VII—VIII в.; во-вторых, она заставляет нас искать пути реальных связей русов того отдаленного времени с Закавказьем, а в-третьих, свидетельствует о том, что русский летописец почти не сократил это сказание, так как в более ранней армянской передаче оно выглядит точно так же, как и в летописи. Очевидно, эта часть сказания — о постройке города Киева — действительно была лаконичной и краткой.

Устойчивый и законченный эпический вид сказание о постройке Киева, очевидно, приняло до того, как оно попало на страницы «Истории Тарона», написанной в VIII в.

Древнее киевское предание о трех братьях, открывавшее собою повествование о всей русской истории, нашло оппозицию в лице новгородских историков XI—XII вв. Они не отрицали ни существования Кия, ни того, что город Киев назван по имени Кия; новгородцам не нравилось то, что Кия называют первым князем, что с основания Киевского княжества ведут начало русской государственности, что позднейшие летописцы XI в. (например игумен Иоанн), приукрашивая первоначальное сказание, сравнивают князя Кия с царем Ромулом, основателем Рима и даже с самим Александром Македонским. Враждуя с Киевом, стремясь обособиться от власти киевского князя, новгородское боярство (как я постараюсь показать ниже) пыталось создать

⁴⁹ М. Х. А б е г я н. Указ. соч., стр. 335, 339.

⁵⁰ М. Х. А б е г я н. Указ. соч., стр. 353.

⁵¹ «Степенная книга». — ПСРЛ, т. XXI, стр. 63. Это позднее свидетельство находит опору в сочинениях арабских авторов X в. (ат-Табари и другие) о нападении русов на закавказские владения Хосрова.

свою схему русской истории, искусственно принижая Киев и возвеличивая Новгород. С этой тенденцией новгородских историков XI в. связано их скептическое отношение к легенде о Кие и к самому Кию, которого им хотелось развенчать, лишить княжеского достоинства: «его же нарицают тако перевозника бывша; иней же — *ловы делше около города*»⁵².

Итак, новгородские книжники, ведя литературную борьбу против своих киевских собратьев, выдвинули два тезиса.

1. Основание Киева — факт не древний, а современный началу городской истории и борьбе Новгорода с варягами.

2. Легендарный Кий, которого равняют с Александром Великим, на самом деле, возможно, простой лодочник, державший перевоз через Днепр, или же охотник.

Как мы уже видели из анализа армянской записи, в вопросах хронологии факты оказались не на стороне новгородских летописцев; готовая, сложившаяся в законченной форме легенда о Кие и его братьях была записана в VIII в. на расстоянии 1800 км от Киева. Следовательно, сложение легенды происходило ранее, а событие, по поводу которого было сложено сказание, должно было происходить еще несколько раньше.

Новгородская точка зрения уже вполне определилась к моменту написания «Повести временных лет» 1113 г., и автор ее Нестор отвел оба приведенных выше новгородских тезиса. Свое отношение к хронологии Нестор выразил тем, что поместил рассказ о Кие до событий, происходивших в VII в., а по поводу того, был ли Кий всего-навсего лодочником-перевозчиком или лесным звероловом, Нестор произвел специальные разыскания и дополнил свой летописный рассказ новыми и чрезвычайно ценными данными, собранными, вероятно, среди тех полян, которые еще жили в его время в Киеве.

«Ини же, не съведуще, реша, яко Кий есть перевозьник был, у Киева бо бяше перевоз тьгда с оная страны Днепра, темь глаголаху: „на перевоз, на Киев!“

Аще бо Кый перевозьник был, то не бы ходил Цесарюграду; нъ се Кый княжаше в роде своемъ и приходивъшю ему к цесарю, которого не съемы, нъ тъкмо о семь вемы, якоже съказають, яко велику честь приял есть от цесаря, при которомъ приходив цесари. Идущю же ему вспять, приде к Дунаеви и възлюби место и сруби градък мал и хотяше сести с родъм своимъ и не даша ему ту близъ живущи.

Еже и доньше наречють Дунайци «городище Киевецъ». Киеви же пришедъшю в свой град Киев, ту живот свой съконьча; и брата его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь ту съконьчашася.

И по сих братьях держати почаша род их княжене в Полях...»⁵³.

В первой части Нестор излагает взгляды своих «несведущих» противников, а далее переходит к тому, что знал дополнительно о путешествии князя Кия в Константинополь. Интересен источник этих дополнений: «якоже сказаютъ». Это не простая устная речь, так как тогда был бы применен какой-либо другой глагол («молвить», «глаголатъ», «речи»), это, конечно, и не книжный источник. Глагол «сказывать» имел, очевидно, и тогда, в XII в., тот же самый смысл, какой он имеет и в наше время: «сказывать» — значит воспроизводить эпическое сказание, былинку, повествование. Отсюда «сказитель» — рассказчик или певец былин.

⁵² «Новгородская первая летопись», стр. 103.

⁵³ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет». Пг., 1916, стр. 9—10.

По всей вероятности, Нестору было известно еще какое-то сказание о Кие, дополнявшее то, которое он только что привел в своей летописи, цитируя более древний свод, т. е. краткое сказание о трех братьях.

В этом дополнительном сказании нет традиционных братьев, они не участвуют в том самом главном, ради чего сложено сказание — в походе в Царьград. Здесь действует только один основатель города — князь Кий. И перед нами здесь выступает не безвестный лодочник или зверолов, а богатый и известный князь, ходивший в Царьград и ставший там почетным гостем самого византийского императора («великую честь приял есть от цесаря»).

Попробуем конкретно представить себе это путешествие с берегов Днепра и Лыбеди в Царственный город, происходившее до VIII в., до образования Киевской Руси.

Не так легко было тогда организовать такую экспедицию; не каждого славянского князька принимал император Византии и далеко не каждый уходил из Царьграда не только с «честью великой», но и с правом постройки города на границе империи.

Что означают слова Нестора «приде к Дунаеви [на обратном пути из Константинополя] и *възлюбил место и сруби градък малъ*? Речь идет о тех временах, когда берега Дуная принадлежали еще Византии (говоря о Несторе, я принимаю пока и датировку событий Несторову), когда болгары еще не пришли на Дунай. Разве достаточно было со стороны славянского князя только возлюбить место? Князь, строивший город на северных рубежах Византии, должен был быть или завоевателем вроде Святослава, который утвердился на Дунае только потому, что там была «середа земли» его, или же федератом империи, получившим какое-то вознаграждение за службу. Не скрывается ли за словами «великая честь» разрешение на постройку города на дунайской границе и богатые подарки императора за несение опасной службы? Долина Дуная до утверждения там болгар Аспаруха в 675 г. была кипящим котлом, где постоянно появлялись то аварские орды, то вольные дружины славян — склавинов и антов, подступавшие вплотную к прославленным укреплениям Юстиниана. Если бы Кий построил свой Киевец на Дунае, придя прямо из своего Киева Полянского, то можно было бы думать, что он, подобно многим другим славянским князьям того времени, прибыл сюда искать счастья и отовоевывать у Византии города и земли. Но в Несторовом сказании точно говорится о том, что он попал на Дунай на обратном пути («идущу ему всиять» из Царьграда), и врагами его на Дунае оказываются не византийцы, а туманно обозначенные «ту живущими», под которыми можно понимать и кочевников дунайского левобережья, и родственников Киею антов и склавинов.

Во всяком случае, из всего текста сказания о хождении Киея в Царьград легче всего сделать вывод о том, что полянский князь в силу каких-то обстоятельств попал в поле зрения византийского императора, был хорошо принят в Константинополе, обласкан и направлен на опасную северную границу, на Дунай, вероятно, в чине какого-то военачальника. Построив на Дунае крепость, князь Кий, спустя некоторое время, покинул это опасное место, где у него происходили конфликты с «ту живущими», бросил, надо полагать, службу Византии и возвратился в родной Киев на Днепре, где и умер, положив начало династии «Киевичей», продержавшейся здесь до конца IX в.

Где был город Киея на Дунае? Точно такого города мы не знаем, но византийские источники IV в. называют в низовьях Дуная город *Cius*, который может быть сопоставлен с этим эпическим Киевцом⁵⁴.

Не думаю, что нужно обязательно отождествлять Киеус с Киевцом, так как первый упоминается в таких ранних источниках, когда о славянах на Дунае мы знаем еще очень мало. Может возникнуть мысль, что весь рассказ Нестора о Кие (или по крайней мере та его часть, которая повествует о Киевце) навеяна наличием

⁵⁴ Городок *Cius* упомянут в «*Notitia dignitatum*» 400 г. Находился он несколько южнее Дигнонции на Нижнем Дунае.

созвучного города на Дунае. Против этого говорит, во-первых, то, что автор пишет не от своего лица, а приводит сказание («якоже сказают»), очевидно, известное и его читателям-киевлянам, а во-вторых то, что в этом сказании нет имени императора, сделавшего князя Кия своим союзником («цесаря, которого не съемы»).

Если бы Нестор сам сочинял эту версию о хождении Кия в Царьград, то для него не представляло бы никакого труда назвать имя любого императора, подходящей по его мнению эпохи. Ведь в руках у Нестора была целая библиотека славянских и греческих книг (в том числе и по истории Византии), откуда он мог бы черпать исторические детали. У меня создается твердое убеждение в том, что Нестор вполне добросовестно пересказал народное киевское предание, не внося в него ничего от себя, от своего книжного знания. А что народное сказание не запомнило имени цесаря, то это вполне объяснимо: Полянам, складывавшим эпическую песню, важен был Кий, их князь, основатель их города, удачливый полководец, а цесарь был отдаленным великолепным владыкой, величественным, но недостаточно конкретным. Высокий титул и представление о византийской пышности делали вполне достаточным простое упоминание цесаря в сказании. Нестор же, очевидно, со свойственной ему добросовестностью доискивался этого имени, а не найдя сеговал: «не съемы».

Судя по тому, что император Ираклий (610—641 гг.) часто упоминается летописцем, а последующие события VII—IX вв. довольно последовательно описаны в «Повести», может возникнуть мысль о том, что неведомый цесарь жил в эпоху более раннюю, чем царствование цесаря Ираклия.

Перебирая различные источники о древних славянах, мы не можем пройти мимо интереснейших сведений добросовестного историка середины VI в. Прокопия Кесарийского, описавшего ситуацию, очень близкую к той, которую нам дает второе сказание о Кие, дополнительно включенное Нестором в летопись⁵⁵.

В Прокопиевой «Войне с готами» очень много сведений о различных ветвях тогдашнего славянства, в том числе и об особо интересующих нас антах — восточной половине славянских племен.

О географическом размещении антов Прокопий говорит дважды, подходя к ним с двух противоположных концов. Один раз он упоминает тех склавинов и антов, которые подступали к Дунаю и по образу своей жизни должны были занимать много земли: «Они живут, занимая большую часть берега Истра по ту сторону реки» (т. е. на север от Дуная)⁵⁶.

Второй раз Прокопий упомянул антов в связи с географией восточных рубежей Византийской империи.

Прекрасно зная обширную географическую литературу, посвященную описанию Кавказа и Причерноморья, этот автор решил дать новый очерк, учитывающий переселения и частые в ту эпоху изменения этнических имен: «.....Многие века, которые протекли со времени тех, кто раньше писал об этих вопросах, внося новое в положение дел, могли изменить то, что было прежде, в силу ли переселения племен, в силу ли следовавшей одна за другой перемены властей и названий; поэтому я счел крайне важным все это точно расследовать и изложить, а не те всем известные мифические легенды или древние сказания, не заниматься расследованием, в каком месте Эвксинского Понта, по словам поэтов, был прикован Прометей, — я ведь полагаю, что между историей и мифологией большая разница. Но я хочу точно

⁵⁵ Б. А. Рыбаков. Древние русы. — «Советская археология», т. XVII, 1953; Б. А. Рыбаков. Предпосылки образования древнерусского государства; Б. А. Рыбаков. Образование древнерусского государства. М., 1955 (доклад на X Международном конгрессе историков в Риме).

⁵⁶ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, стр. 298. В другом месте Прокопий пишет: «...гунны, славяне и анты, которые имеют свои жилища по ту сторону реки Дуная, недалеко от его берега» (там же, стр. 156). Здесь не определяется вся антская земля, а говорится лишь о происхождении одного отряда конницы: отряд был набран из придунайских племен.

изложить и историю названий и описать материальную культуру и отношения, какие доныне присущи каждой из этих областей»⁵⁷.

Население Восточной Европы рисовалось Прокопию как составленное из двух основных этнических массивов: один из них занимал степные места древних киммерийцев, это — кочевые племена гуннов, а другой, расположенный «дальше на север от них», это *бесчисленные* племена антов, т. е. восточных славян. Если слишком буквально понимать слова Прокопия, то можно считать, что поселения антских племен начинались прямо за Доном, на его правом берегу, на север от одного из гуннских племен — утигуров. Этого вопроса я сейчас не буду касаться, так как он требует специального рассмотрения, которое далеко увело бы нас от основной темы. Достаточно признать и то, что, по представлениям опытного и серьезно образованного секретаря крупнейшего византийского полководца Велизария, славянские племена широко простирались на север от Азовского моря и Нижнего Дона.

Сводя воедино все данные Прокопия о размещении антов, мы получаем огромное пространство, ограниченное на юге Дунаем, Черным и Азовским морями, а на востоке — Доном⁵⁸. Степную часть этого пространства занимают кочевые гуннские племена; на долю антов, очевидно, приходится лесостепь.

Таким образом, когда Прокопий говорит об антах, о родной земле антов, он может подразумевать не только те дунайские земли, где они были сравнительно недавними пришельцами, но и основное расселение антов по широкой лесостепной дуге от Дуная до Дона. Интересующий нас район Киева и Среднего Приднепровья, безусловно, входит в понятие антской земли, как она очерчена словами Прокопия.

Сведения Прокопия об антах интересны для нас не только тем, что он сообщает об их расселении, но и тем, что, подобно своим современникам, он много говорит об антах на византийской службе: о целых отрядах всадников или пеших воинов, действовавших то в окрестностях Рима и Остии, то в Лукании в составе византийских войск.

Наиболее интересен рассказ об антском военачальнике Хильбудии.

Рассказ был написан по поводу событий 546 г. Византийский император Юстиниан вел войну с персами на востоке, со славянами на севере и с готами на западе, в Италии. Крупнейший полководец византийского войска Велизарий пытался освободить Рим от готской осады, но вынужден был из Равенны вернуться за подкреплением на коренную византийскую землю и стал в Эпидамне. Сюда к нему была направлена помощь — полководцы Иоанн и Исаак Армянин. Брат Иоанна Нарзес был послан к племени Герулов, чтобы убедить их принять участие в походе в Италию. Новые наемники перезимовали во Фракии, а весной направились на запад, на соединение с основными силами Велизария. Командовали наемниками внуч Нарзес, Иоанн Обжора и Филемут. «На этом пути им было суждено совершенно неожиданно оказать римлянам *великое благодеяние*». Оказалось, что незадолго до этого небольшой отряд славян (а точнее антов) перешел Дунай и пленил много византийцев. Войско Нарзеса одержало победу над славянами. Здесь был пленен один славянин, «присвоивший себе имя Хильбудия, человека знатного, некогда бывшего у римлян претором»⁵⁹.

⁵⁷ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, стр. 384.

⁵⁸ В отличие от многих своих предшественников, Прокопий не считал, что Северный океан расположен где-то близко за степями. Рассуждая о границах Европы и Азии, он пишет (указ. соч., стр. 389—390): «Река Танаис берет свое начало в Европе... Танаис вытекает из так называемых Рипейских гор, которые находятся на территории Европы, как утверждают и те, которые еще в древности касались этих вопросов. Установлено, что от этих Рипейских гор океан находится очень далеко». Раздвигая рамки Европы и не называя на этом пространстве никаких других народов, кроме славян, Прокопий тем самым содействовал выработке у читателей взгляда на славян, как на народ, заселяющий весьма значительные земли в Европе.

⁵⁹ Прокопий из Кесарии. Указ. соч., стр. 294.

После этого Прокопий возвращается в своем рассказе на полтора десятка лет назад, к четвертому году царствования императора Юстиниана, т. е. к 530 г.

«Был некто Хильбудий, близкий к императорскому дому, в военном деле человек исключительно энергичный и настолько чуждый жажды стяжательства, что вместо величайших богатств он не приобрел никакого состояния. На четвертом году своей единодержавной власти император, назначив этого Хильбудия начальником Фракии, поставил его для охраны реки Истра, приказав ему следить за тем, чтобы жившие там варвары не переходили реку... Спустя три года после своего прибытия, Хильбудий по обычаю перешел реку [Дунай] с небольшим отрядом. Славяне же выступили против него все поголовно. Битва была жестокая, пало много римлян [византийцев], в том числе и их начальник Хильбудий...⁶⁰. Спустя некоторое время анты и славяне рассорились между собой и вступили в войну. Случилось так, что в этой войне анты были побеждены врагами. В этом столкновении один славянин взял в плен юношу, едва достигшего зрелости, по имени Хильбудий и отвел его к себе домой. С течением времени этот Хильбудий оказался очень расположенным к своему хозяину и в военном деле очень энергичным.

Не раз подвергаясь опасностям из-за своего господина, он совершил много славных подвигов и смог добиться для себя великой славы.

Около этого времени анты сделали набег на Фракийскую область и многих из бывших там римлян ограбили и обратили в рабство...».

Далее повествуется о том, что один из плененных антами византийцев, желая при помощи хитрости освободиться из плена, сказал своему господину-анту, что у одного из славянских племен находится в качестве пленника настоящий римский претор Хильбудий, хотя на самом деле он имел в виду анта Хильбудия, плененного в битве после 533 г. Ант выкупил Хильбудия и вместе с ним вернулся в антскую землю.

«Когда они вернулись к себе, на свое местожительство, купивший стал его спрашивать: «Правда ли, что он—Хильбудий, римский военачальник? Он не отказался рассказать все, как было, и со всей откровенностью изложил по порядку всю свою жизнь: что он сам—родом ант, что, сражаясь вместе со своими родичами с славянами, бывшими тогда их врагами, был кем-то из неприятелей взят в плен, теперь же, придя в родные земли, он в дальнейшем, согласно закону, будет уже свободным».

Пленный же грек, уговорил своего господина не верить этому рассказу и продолжать считать выкупленного Хильбудия настоящим византийским военачальником.

«Когда же этот слух, распространяясь в народе, стал достоянием всех, то по этому поводу собрались почти все анты, считая это дело общим и полагая, что для них всех будет большим благом то, что они—хозяева римского полководца Хильбудия... Собравшись, как сказано выше, анты заставили этого человека признать, как они хотели, что он—Хильбудий, римский военачальник...».

В это время Юстиниан послал послов к антам, приглашая их заселить полуразрушенный город Туррис на берегу Дуная и оборонять границу от гуннов, в награду за что они получают много денег и земли вокруг этого города. ■

⁶⁰ Болгарский ученый Йордан Иванов опубликовал надпись на надгробии, найденном в 1902 г. в окрестностях Константинополя: «Здесь погребен Хильбудий, сын Санбата, умерший месяца ноября индикта 7. Супруга Хильбудия». И. Иванов относит надгробие к 529 г., что очень близко к дате, которую можно установить на основании данных Прокопия (подробнее см. Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь.—«Вестник древней истории», 1939, № 4).

«Варвары все это выслушали, одобрили и обещали сделать все это, если он восстановит начальником римского [византийского] вождя Хильбудия и даст ему жить вместе с ними, утверждая, как они и задумали, что этот человек [ант Хильбудий] и есть Хильбудий — римский военачальник...»⁶¹.

Ант Хильбудий отправился в Константинополь для утверждения в должности магистра Фракии, но здесь-то и перехватил его внуч армянин Нарзес и заключил в тюрьму, хотя Хильбудий знал и латинский язык, и все, что должно было помочь ему восстановить утраченное звание.

Пространный рассказ Прокопия интересен для нас подробностью обрисовки положения на Дунае, взаимоотношений императора и славян, внутренних законов земли антов и т. д. Однако он требует некоторого разбора.

Имя «Хильбудий» (или как некоторые ученые реконструируют — «Хвилибуд») — не греческое, не христианское и в то же время его носят и византийский претор и коренной ант. Напрашивается логический вывод, что имя это славянское, антское, что придворный Юстиниана, пробывший три года начальником Фракии — тоже ант родом, служивший императору так же, как и его современник ант Доброгаст — военный трибун и начальник эскадры.

Итак, это — первая параллель рассказу о Кие; Хильбудий (судя по имени, ант) обласкан цесарем и послан в 530 г. на Дунай, где спустя три года «ту живущий» напали на него, и он исчез с берегов Дуная. По одной версии он вернулся на родину, а по другой (версия внука Нарзеса) он был убит на Дунае.

Вторая параллель: цесарь в 546 г. послал посольство к антам с тем, чтобы они заняли город на Дунае и обороняли империю от «там живущих». Анты на общем вече выбрали себе вождя — князя по имени Хильбудий — и отправили его на утверждение в Царьград к императору. Хильбудий смело отправился в путь, и только войско герулов, квартировавших в той же Фракии, и хитроумный вельможа Нарзес объявили Хильбудия ложным претором.

Не будем пытаться распутать сложную историю с двумя Хильбудиями — для нашей темы это несущественно. Важно то, что дважды повторяется сходная ситуация: славянам из Русской равнины (антам) царьградский цесарь поручает город на Дунае. В первом случае сам цесарь посылает военачальника со славянским именем, а во втором случае славяне у себя, в своей земле, решили послать к цесарю в Царьград выбранного ими полководца, «покрытого великой славой».

Второе сказание о Кие, «приявшем честь велику от цесаря», и рассказы Прокопия говорят о событиях, очень близких и очень типичных для определенной эпохи. Нельзя, разумеется, отождествлять Кия с Хильбудием, хотя в их судьбах и было много общего.

Ситуации, близкие к тем, которые так красочно описаны секретарем Велизария, повторялись, вероятно, очень часто в то время, когда одни славянские племена штурмовали северные рубежи империи, а другие во главе со своими князьями становились союзниками византийцев.

Ценность сведений Прокопия заключается в том, что они помогают нам *определить ту историческую эпоху*, когда славянский князь мог стать гостем императора, мог получить великую честь и затем «с родом своим» пытаться строить крепость на Дунае и защищать ее от окрестных племен.

Эта эпоха началась в первые годы царствования Юстиниана (527—565 гг.)⁶², а закончилась примерно в первом десятилетии следующего столетия. Последнее упоминание антов на Дунае относится ко времени императора Маврикия (582—

⁶¹ Прокопий из Кесарии. Указ. соч., стр. 294—297.

⁶² «Когда Юстиниан, дядя Германа, вступил на престол, анты, ближайšie соседи славян, перейдя Истр, с большим войском вторглись в пределы римлян» (Прокопий из Кесарии. Указ. соч., стр. 370).

602 гг.). Вот этими датами и можно определить рубежи интересующей нас эпохи: 527—602 гг. За эти восемь десятилетий Византией правили следующие императоры:

Юстиниан (527—565 гг.)

Маврикий (582—602 гг.)

Юстин II (565—578 гг.)

Фока (602—610 гг.)

Тиверий (578—582 гг.)

Как и летописец Нестор, мы должны признать, что мы «не смеем» того именно цесаря, при котором князь Кий приходил в Царьград. Может быть, это был Юстиниан, о котором чаще других писали, что он привлекал на службу славян?

Но, во всяком случае, хронология деятельности Кия значительно уточнилась: ее нельзя относить к началу VI в., так как тогда не началось еще массовое проникновение славян на Дунай, и ее нельзя относить к VII в., когда густой кочевнический заслон отделил приднепровских антов от дунайских колонистов, а сами колонисты давно уже перешагнули Дунай и вели бои на крайнем юге византийских владений. Время, когда Дунай был еще реальной границей Византии,— это VI век.

Задачей рассмотрения летописного текста о Кие, его братьях, об основании Киева и о хождении в Царьград является, прежде всего, выяснение степени достоверности этого текста, его происхождения, определение времени действия рассказа и отделение исторического элемента от эпического, а также выяснение последующей литературной судьбы сказания.

В итоге нашего рассмотрения можно сделать следующие выводы:

1. Существование Кия как реального лица не подтверждается никакими дополнительными данными, кроме того, что название города Киева произошло от собственного имени Кий — «Молот» (Киев — город, принадлежащий Киею).

2. Время жизни героя легенды — князя Кия (определяемое в широкой амплитуде от IV в. до IX в.) правильнее всего отнести к VI в., так как именно для этого столетия характерна связь византийских императоров со славянской знатью и размещение гарнизонов на дунайской границе.

3. Эпоха князя Кия — VI столетие — характеризуется целым рядом существенных перемен во внутренней и внешней истории восточного славянства:

- а) складываются мощные племенные союзы, объединяющие ряд мелких племен;
- б) в Среднем Приднепровье складывается своеобразная культура (известная по археологическим данным), охватывающая *Киевщину* и лесостепь на восток от Днепра. Центр этой культуры — в бассейне реки Роси;
- в) начинаются массовые походы на Византию и колонизация южных областей;
- г) в Сирии записана легенда о богатырском народе «Рос», живущем рядом с амазонками;
- д) византийские и готские авторы на протяжении всего VI столетия много говорят о славянах вообще и о восточных славянах (антах) в частности;
- е) славянская знать нередко поступает на службу Византии;
- ж) славяне организуют серьезный отпор аварам;
- з) в позднейшей русской церковной литературе сохранилось несколько произведений, восходящих к событиям и лицам VI в. (житие Андрея Юродивого, сказание о Велизарии и др.). Все это подтверждает переломный характер VI столетия для славян и делает особенно

вероятным возникновение эпических сказаний, воспевавших славянских князей-героев вроде Межамира, Лавриты или Кия.

4. Первоначальным сказанием я считаю то, которое Нестор *дополнительно* вписал в «Повесть временных лет». Это сказание об одном Кие, о его путешествии в Царьград и о постройке города на Дунае. Оно, как уже сказано, очень хорошо укладывается в историческую действительность VI в.

5. Сказание о Кие, Щеке и Хориве (первоначально, судя по армянской записи, без сестры Лыбеди), подчиненное принципу тройственности героев (как, например, сказание о Чехе, Лехе и Русе) и опирающееся на местную киевскую топонимику, возникло, по всей вероятности, в VI—VII вв., спустя некоторое время после первого. Но так как это сказание повествовало об основании города Киева, «матери городов русских», то именно оно и было выбрано впоследствии для записи в летопись в качестве своеобразного эпитафия ко всей русской истории.

6. Примерно в VII—VIII вв. сказание о Кие, Щеке и Хориве проникло в Закавказье (или в связи с участием русов в персидских походах, или в связи с переселением 20 000 славян в Кахетию). В VIII в. неизвестный армянский собиратель народных сказаний, прикрывшийся именем епископа Зеноба Глака, записал легенду об основании Киева, изменив на восточный лад имя главного героя. Рассказ о Куаре, Мелтее и Хореане переплетен с легендой о двух братьях и двух идолах, но основная схема армянской записи VIII в. полностью совпадает со схемой летописной записи.

7. Сказание о Кие и его братьях (дополненное Лыбедью) было записано в одном из ранних русских летописных сводов; возможно, что его надо связывать с киевским сводом 997 г.

8. Новгородские летописцы XI—XII вв., выражая интересы своего боярства, враждовавшего с Киевом, сознательно исказили историческую перспективу, поставив перед сказанием ложную дату — 854 г. и выразив сомнения в том, что Кий действительно был князем и основателем города.

9. Автор «Повести временных лет» (Нестор, 1113 г.), желая возразить новгородцам — хулителям Кия, записал бытовавшее в его время другое эпическое сказание о Кие, более раннее (см. выше, пункт 4) и обосновывавшее княжеское достоинство Кия тем, что он был почетным гостем византийского цесаря.

В плане историографии и источниковедения разбор этого сказания, его предполагаемой фактической основы и его позднейшей литературной судьбы представляет для нас несомненный интерес. Счастливая случайность — наличие ранней армянской записи — позволила уточнить дату и определить тенденциозность новгородских летописцев. Драгоценные слова Нестора «якоже сказають» ввели нас в мир русского фольклора XII в., где существовало, вероятно, множество всевозможных легенд, былин и сказаний, освещавших самые различные периоды русской истории. Вспомнил же походя автор «Слова о полку Игореве» о «времени Бусовом», о готских девах, хотя эти события отстояли от него на 800 лет!

Несомненно, что фольклорные богатства раннего средневековья были очень велики, но нам доступна, к сожалению, только небольшая их часть.

Судя по уцелевшим отрывкам, эпос IV—VI вв. был героическим, построенным на реальной основе славянского общества времен военной демократии; прославились в нем древние вожди и их битвы. О мифологическом элементе в нем у нас нет сведений. Именно так и оценивал задачи историков и эпических певцов талантливый русский писатель Кирилл Туровский в середине XII в., когда еще была жива эпиче-

ская традиция древности: «...Историци и ветия, рекше летописци и песнотворци, прикланяють своя слухи в бывшия межю цесари рати и възпълчения, да украсять словесы и възвеличат мужьствовавъшая крепко по своемъ цесари и не давших в брани плещю врагом и тех славяще похвалами венчаютъ...»⁶³.

К тому же столетию, что и рассказ о Кие, князе Полян, можно отнести печальную повесть об аварских насилиях над Дулебями, сохраненную русской летописью. Она, вероятно, сложилась еще во времена могущества аварского каганата и должна была служить целям организации борьбы с насильниками-обрами. Повесть вызывает к рыцарским чувствам славян, особенно ярко изображая издевательство чужеземцев над женщинами, используя при этом образ аварского вельможи, возлежащего на телеге, которую везут на себе впряженные вместо коней женщины побежденного племени Дулебов.

Если повествование о Кие передавало, по существу, рассказ о сложении племенного союза и установлении общеплеменной княжеской династии, то следующий летописный рассказ (о нападении хазар) сообщал уже о деятельности Полянского союза.

Хронологически трудно приурочить рассказ о хазарской дани к определенному моменту; это могло произойти и в VII и в VIII вв., но чувствуется, что земля Полян к этому времени достаточно окрепла и, в отличие от своих соседей — Радимичей и Северян, плативших хазарам «по щелягу от рала», гордые Поляне предложили хазарам мечи в виде дани. Сказание использовало общераспространенную фольклорную символику: народ, который предлагает вместо обычной дани оружие, — народ непокорный, воинственный, свободолюбивый; в каждом «дыме» здесь есть меч. Такая «дань» должна была устрашить чужеземцев, и действительно, легенда далее говорит о том, что хазарский каган и его вельможи сразу решили, что «не добра дань» обоюдоострыми мечами.

Следы каких-то смутных генеалогических припоминаний содержатся в известных новгородских легендах о Гостомысле, сыне Буриvoja. То обстоятельство, что они были записаны на пять веков позднее киевских легенд, сразу поставило их в ряд с собственными домыслами историков XVI—XVII вв., но, вероятно, известное историческое зерно содержится все же в этих легендах. Возьмем за основу текст известной Иоакимовской летописи: главный герой легенды новгородский князь Гостомysl, победитель варягов, был последним представителем династии словенских князей, после смерти его стал княжить варяг Рюрик. Родоначальник династии некий князь Владимир отстоит от Гостомысла на десять колен; если условно положить на одно столетие четыре поколения князей, то начало династии придется отнести примерно на 600 г. Новгородская легенда, как и аналогичная ей киевская, связывают начало княжеской династии со строительством городов (Изборск, Володимирец и др.).

Трудно судить, насколько данные Иоакимовской летописи опираются на древнюю эпическую традицию. Для ее автора несомненно знакомство с северными сагами и какими-то историческими сочинениями, упоминавшими скифов, вандалов, бастарнов. Однако не подлежит сомнению и знакомство с эпосом: князь Владимир «имел жену от варяг имени Адвинду, вельми прекрасну и мудру, о ней же многое от старых повествуется и в *песнях восклицают*».

Потомки Владимира неизвестны: «имена же сих осми неведомы, ни дел их, разве в *песнях древних воспоминают*»⁶⁴.

Умел ли составитель Иоакимовской летописи отличить былины Владимирова цикла от каких-то сказаний VI—VII вв. и дожили ли последние до его времени,

⁶³ К и р и л л Т у р о в с к и й. Слово о Никейском соборе. — «Труды Отделения древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР», т. XV, М.—Л., 1958, стр. 344.

⁶⁴ В. Н. Т а т и щ е в. История российская с самых древнейших времен, кн. I. М., 1768, стр. 32—33.

решить нам нельзя, но сам Татищев имел четкое представление о былинах, и первый из историков начал сопоставление былинных героев с летописными (например Путья Старый) ⁶⁵.

Возможно, что в Новгороде сохранялись кое-какие сказания о времени переселения Словен с юга на берега Ильменя и Чудского озера и о постройке здесь первых городищ. Они могли действительно уходить в VI—VII вв., но, к сожалению, фрагменты таких предполагаемых сказаний слишком тесно сплелись с учеными домыслами непосредственных предшественников Татищева.

Приблизительный расчет времени подтверждается археологическими данными, появление Словен и Кривичей на названных озерах действительно датируется серединой I тыс. н. э. Славянские колонисты прибыли откуда-то с юга, принеся с собой южные названия озер: «Плесо» и «Ильмень».

Эпос второго периода может быть датирован IV—VII вв. Судя по незначительным следам его в письменности, можно наметить три группы эпических сказаний того времени.

1. Песни о князьях-героях, предводителях удачных походов племенных дружин, о гордых ответах могущественным врагам, о строителях крепостей, создателях племенных княжений и основателях долговечных династий, вроде князя Кия.

Направленность этих сказаний, несомненно, прогрессивна: воспеваются то принципиально новое, что явилось необходимым условием перехода к феодализму впоследствии.

2. Песни-плачи о годинах, тяжелых для целого племени или союза племен: князь Бус, убитый готами, дулебские женщины, вынужденные возить аварина в телеге; может быть, песни о разорении антских земель степными стрелками-гуннами («хиновой»).

Задача таких песен заключалась в том, чтобы напоминать о былых поражениях ради будущих побед, воздействовать на наиболее чувствительные стороны психологии слушателей.

3. Песни о совместных действиях племени или союза племен. Рассказ об уплате «дани» хазарам прямо переносит нас в вечевой быт эпохи военной демократии: «Съдумавше же Поляне и вдаша от дыма меч» ⁶⁶.

Героем здесь является народное собрание, вече всех Полян, придумавшее такой ответ на хазарский ультиматум, который озадачил самого кагана.

Чрезвычайно трудно говорить на такие темы, как народность эпоса IV—VII вв., но, судя по уцелевшим его остаткам, эпические сказания не оторвались от народной массы, они не рассказывают о личных делах племенных князей. Князья, еще только что выделившиеся из общей дружинной среды, показаны здесь не сами по себе, а как представители племени, действующие всегда «с родом своим». Новым качеством эпоса эпохи племенных союзов было высвобождение из-под власти мифологии. Ни разу рядом с именами славянских князей не поставлены боги или мифологические чудища. Речь идет о живых людях, реальных событиях, о яркой исторической жизни, описанной простым лаконичным стилем.

⁶⁵ В. Н. Татищев. Указ. соч., стр. 44—45.

⁶⁶ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 16.

НАЧАЛО БЫЛИННОЙ ПОЭЗИИ

I

БЫЛИНЫ КАК ИСТОЧНИК ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О ВЗГЛЯДАХ НАРОДА НА РОДНУЮ ИСТОРИЮ

ЕЛИЧЕСТВЕННЫЕ И ТОРЖЕСТВЕННЫЕ НАПЕВЫ русских былин донесли до наших дней живой песенный сказ о могуществе Руси при Владимире Святославиче, о степных богатырских заставах, о трудных битвах с кочевыми ордами. История тысячелетней давности дожила в устной передаче, как народный учебник родного прошлого, в котором отобрано главное в героической истории народа.

Еще в домонгольское время один из главных героев русского былинного эпоса — Илья Муромец — стал известен и западноевропейскому эпосу¹. В начале XV в. в связи с возрождением интереса к истории свободной домонгольской Руси имена былинных героев попадают на страницы русских летописей². В XVI в. былинами и былинными героями интересовались все русские люди, от столичных историков (Никоновская летопись) до таких провинциалов, как Филон Кмита — оршанский староста, переписывавший со своим другом по поводу былин³. Путешественникам тогда показывали в Киеве в галереях Софийского собора гробницы Ильи Муромца (Елии Моравлина) и его товарища⁴. В начале XVII в. Ричард Джемс увез в Англию, в Оксфорд *русские записи* ряда былин. В первой половине XVIII в. был составлен знаменитый сборник былин (с нотами) Кириши Данилова. Открытие П. Н. Рыбниковым в 1860 г. живого источника былин на русском Севере произвело

¹ А. Н. Веселовский. Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском.—«Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1906, т. XI, кн. 3; А. И. Лященко. Былина о бое Ильи Муромца с сыном.—«Краткий отчет о деятельности Общества любителей древней письменности и искусства за 1917—1923 гг.», Л., 1925, стр. 60—61.

² Д. С. Лихачев. Летописные известия об Александре Поповиче.—«Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР», т. VII, М.—Л., 1949.

³ Б. М. Соколов. Былины. М., 1918, стр. 187.

⁴ А. М. Лобода. Русский богатырский эпос. Опыт критико-библиографического обзора. М., 1896.

целый переворот в русской и европейской науке, позволив по-новому подойти к изучению как русского эпоса, так и песен Гомера и цикла песен о Нибелунгах ⁵.

С тех пор многие десятки экспедиций собирали сокровища «русских рапсодов» и сотни ученых различных стран изучали русский былинный эпос. Естественно, что за это столетие выявилось много различных точек зрения на время возникновения былин, степень их исторической достоверности, причины их появления и упадка и т. д.

Прежде всего былины были истолкованы как отражения мифологических представлений древних славян. Школа А. Н. Афанасьева и Ореста Миллера не нашла продолжателей, так как наука довольно быстро обратилась к историческому осмыслению былин, сопоставляя имена былинных героев с историческими лицами, былинные события с летописью. Создалась так называемая историческая школа, которая по существу была представлена двумя различными направлениями. Одни ученые, во главе с А. Н. Веселовским, рассматривали русский эпос как часть мирового творческого процесса, как объект всесторонних влияний то с Запада, то с Востока. Другим (важнейшим) направлением было собственно историческое, или, как его иногда называют, историко-бытовое, возглавленное Л. Майковым и В. Миллером. Позднее его последователями были М. Н. Сперанский, Б. М. и Ю. М. Соколовы и др. Одна из основных задач этого направления — историческое истолкование былин, сопоставление их с письменными источниками, расположение в хронологической последовательности сюжетов и изучение поэтики былин.

Буржуазная историческая школа поставила и по-своему решила три основных проблемы былиноведения. Первая из них — это вопрос о заимствовании русским эпосом «бродячих сюжетов» мирового фольклора и о воздействии международного легендарно-апокрифического фонда. Нельзя, разумеется, отрицать одинаковости ряда сюжетов, но сущность дела заключается в том, чтобы определить причины ее. И среди буржуазных исследователей не было единства в этом вопросе. Как ни значительна фигура такого крупного знатока и талантливого исследователя, как А. Н. Веселовский, но и она не могла заслонить собой ученых, выражавших иные взгляды. Так, например, А. И. Кирпичников был сторонником конвергентного, самостоятельного возникновения сюжетов, исходя из сходства исторических условий у различных народов. Впоследствии в более общей форме, применительно к верованиям, эту мысль убедительно обосновал Д. Фрезер. Возможно, что сюжеты могли «бродить» только в тех пределах, где конвергентным развитием была уже подготовлена почва для сближения сюжетов или имен героев.

Нельзя отрицать и взаимного влияния одного национального фольклора на другой, но всегда надо найти и указать конкретные пути этого влияния. Это могут быть колонизационные потоки, регулярные торговые связи, сопряженные со знанием языка, брачные связи феодальных монархов, сопровождавшиеся переездом вместе с невестой ее штата придворных певцов и музыкантов, наконец, постоянный поток пилигримов-паломников, «калик перехожих», которые со всего христианского мира стекались в Константинополь и особенно в Палестину, общались здесь друг с другом и затем снова растекались по своим землям с большим запасом впечатлений и фольклорных сведений.

Методической ошибкой школы Веселовского было то, что она начинала исследование с поисков аналогий вовне, тогда как этим нужно было завершать исследование, изучив предварительно русские былины как продукт русской действительности определенной исторической эпохи. В самое недавнее время подробный критический разбор этой школы компаративистов произведен В. М. Жирмунским ⁶.

Вторая проблема, также вызвавшая споры среди буржуазных ученых, — это проблема определения той *социальной среды*, в которой создались первоначально

⁵ «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» (далее — П. Н. Р ы б н и к о в), т. I—III, изд. 2-е, М., 1909—1910.

⁶ В. М. Ж и р м у н с к и й. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М., 1958 (доклад на IV Международном съезде славистов).

былины. Наряду со сторонниками народного происхождения былины были и сторонники аристократического, придворного их происхождения. И чем дальше развивалась буржуазная фольклористика, тем звучнее становился голос этой второй группы, отводившей народу лишь пассивную роль исполнителя чужих песен.

Ярче других теорию аристократического происхождения былины выразил Всеволод Миллер: «Наш былевой эпос представляется мне грандиозной развалиной, обширным многовековым сооружением, полным таинственных ходов и переходов, с пристройками и надстройками от разных времен.

В этом здании жили некогда князья, пристраивая к нему терема и вышки, украшая его византийской мусией и восточными коврами.

В свое время пограбили в нем половцы и татары; в свое время проживали в нем московские бояре, почевали казаки и, наконец, в кое-каких еще обитаемых закутках устроилась неприхотливый олонецкий крестьянин»⁷.

Третья проблема, поставленная и частично решенная буржуазной фольклористикой,— это раскрытие конкретно-исторического содержания былины в их первоначальном виде и выявление ряда позднейших напластований. Однако следует сказать, что буржуазная историческая школа очень ограниченно понимала задачу сближения былины с историей. В основном это было комментирование отдельных былины при помощи отдельных сопоставлений с летописью.

Историческая школа не дала настоящего исторического анализа былинного эпоса, не выделила периодов подъема и спада эпического творчества. Вместо изучения этапов развития эпоса исследователи предпочитали делить былины по географическому признаку, реконструируя областные циклы, преувеличивая роль Новгорода и Галича в их создании. Все неясное и необъяснимое прямыми ссылками на летопись относилось представителями исторической школы к XVI в., роль которого в формировании сюжетов, образов и эпической среды крайне преувеличивалась.

В советской фольклористике историческая школа подверглась разгрому за те ошибки, которые были присущи ее представителям как буржуазным ученым⁸.

В 1920—1930-е годы основное внимание советских фольклористов было сосредоточено на исчерпывающем собирании уцелевших остатков былины и главным образом на изучении роли сказителей в изменении и творческой переработке сюжетов и поэтики былины. Тщательно сопоставлялись старые записи 1860—1890-х годов с новыми, изучался репертуар отдельных сказителей, постигался механизм исполнения и передачи мастерства, изучались географические различия былины в отдельных районах. Главное внимание было обращено не на самые былины, а на жизнь эпоса в условиях XX в. Эта полезная и необходимая источниковедческая работа не всегда сопровождалась широким синтезом и иногда вызывала опасения своей односторонностью⁹.

В современной советской науке мы видим два разных направления в изучении былинного эпоса. Объединены они лишь одной общей чертой — отрицанием аристократического происхождения былины, предложенного в свое время некоторыми представителями исторической школы. Различие между этими двумя направлениями заключается в том, что каждое из них по-своему борется с буржуазной исторической школой, по-своему понимает исторический подход к былинам.

⁷ В. Ф. Миллер. Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892, стр. VI (подчеркнуто мной.— *Б. Р.*). Подобные мысли вошли в ряд общих курсов (например В. Келтуяла), поддерживались рядом исследователей даже в советское время и очень широко распространены в зарубежной литературе (см. Н. П. Дитраков. Теория аристократического происхождения эпоса и ее реакционная сущность.—«Советская этнография», 1950, № 1).

⁸ А. П. Скафтымов. Поэтика и генезис былины. Саратов, 1924. В зарубежной науке традиции старой исторической школы (со всеми ее минусами) продолжает Р. Я. Якобсон (см., например, R. Jakobson, M. Szeftel. The Vseslav Epos.—«Russian Epos studies», Philadelphia, 1949).

⁹ См., например, вводную статью В. Г. Базанова в кн.: «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.». М.—Л., т. I, 1949.

Одно из направлений следует правильному тезису Б. Д. Грекова: «Былина — это история, рассказанная самим народом»¹⁰. Это направление, возглавляемое в настоящее время историком и литературоведом Д. С. Лихачевым, заботится о сохранении исторического подхода к эпосу; оно может быть названо советской исторической школой. Разница между нею и старой исторической школой В. Ф. Миллера точно такая же, как между историками-марксистами и буржуазными историками¹¹.

Второе направление современной советской фольклористики возглавляет В. Я. Пропп. Он дал очень интересное исследование о первобытных корнях волшебных сказок¹², а затем перешел к обобщению всего русского героического эпоса¹³. В. Я. Пропп, борясь с буржуазной исторической школой, оторвал вообще русские былины от реальной исторической действительности, объявив, что значительная часть эпоса зародилась еще при первобытнообщинном строе как воспевание борьбы с мифологическими чудовищами и что к этим основным сюжетам *случайно* присоединялись исторические имена и события, наслаиваясь на готовую поэтическую основу. Я назвал бы условно это направление «первобытно-поэтическим». Надо отдать должное мастерству В. Я. Проппа в анализе чисто литературной стороны былин, в раскрытии внутренней логики сюжетов и характеристики образов. Но общего представления о той исторической эпохе, которая породила былины и воспета в них, в работе В. Я. Проппа не дано, как не даны и основные причины создания былин и отбора для передачи потомству именно тех сюжетов, которые дошли до нас, потомков. В ряде своих положений В. Я. Пропп делает шаг назад даже по сравнению со старыми исследователями вроде М. Н. Сперанского или А. И. Лященко. Основной тезис В. Я. Проппа таков: «Былины отражают не единичные события истории, они выражают вековые идеалы народа»¹⁴.

В. Я. Пропп всей своей книгой пытается опровергнуть тезис Б. Д. Грекова, которому он противопоставляет свой: «Былина основана не на передаче в стихах исторического факта, а на художественном вымысле»¹⁵. С удивлением мы читаем в книге В. Я. Проппа, что в основе ряда былин лежит «борьба за охотничьи угодья», воспевается «угон скота», красной нитью проходит борьба за женщин из другого рода, сражения с мифологическими чудовищами¹⁶. Длительное изучение волшебных сказок заслонило от исследователя конкретную историю русских земель в ту блестящую пору расцвета Руси, которая и воспета в былинах. Мы не найдем в объемистой книге В. Я. Проппа ни одного слова о печенегах, о созданных Владимиром городах — заставах богатырских по Суле, Десне и Стугне; мельком, стыдливо, здесь говорится о половцах и Тугоркане. Только татары Батия рассматриваются как реальные враги Руси. Основное возражение буржуазным фольклористам, считавшим былины возникшими в аристократической среде, В. Я. Пропп делает постулативно,

¹⁰ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953, стр. 7.

¹¹ Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952; Д. С. Лихачев. Народное поэтическое творчество времени расцвета древнерусского феодального государства.—Сб. «Русское народное поэтическое творчество», т. I, 1953; Д. С. Лихачев. «Эпическое время» русских былин.—«Сборник в честь академика Б. Д. Грекова», М., 1952; А. И. Никифоров. Фольклор Киевского периода.—«История русской литературы», т. I, М.—Л., 1941; А. Н. Робинсон. Фольклор.—«История культуры Древней Руси», т. II, М.—Л., 1951; В. И. Чичеров. Русское народное творчество. М., 1959; С. И. Василенок. В. М. Сидельников. Устное поэтическое творчество русского народа. М., 1954; М. М. Плисецкий. Критика теорий позднего створения образов былинного эпосу.—«Доповіді та повідомлення Ужгородського університету», вип. I, 1957; М. М. Плисецкий. Вопросы развития эпоса в условиях возникновения государственности.—«Советская этнография», 1959, № 4; «Эпос славянских народов», под ред. П. Г. Богатырева, М., 1959; Р. Липец, М. Рабинович. К вопросу о времени сложения былин.—«Советская этнография», 1960, № 4.

¹² В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.

¹³ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955; В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов. Эпическая поэзия русского народа.—«Былины», т. I, М., 1958 (введение).

¹⁴ В. Я. Пропп. Русский героический эпос, стр. 24; см. также стр. 25.

¹⁵ В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов. Указ. соч., стр. XXVII.

¹⁶ В. Я. Пропп. Русский героический эпос.

без доказательств. Отказ от сопоставления с летописью приводит его к тому, что единственную былинку, где главный герой — пахарь Микула Селянинович, он относит к XV—XVI вв.¹⁷

Книга В. Я. Проппа находится в резком противоречии как с чисто историческими трудами советских историков (например, вопросы периодизации), так и с тем направлением в изучении былин, которое наметилось в работах историков литературы.

Если историческая школа фольклористики в какой-то мере помогала современной ей русской буржуазной исторической науке XIX в., то «антиисторическая» школа В. Я. Проппа дезориентирует советскую историческую науку, давая неверную периодизацию, преувеличивая, с одной стороны, долю первобытной идеологии в былинах, а с другой — размер переработок XVI—XVII вв., незаслуженно обедняя тем самым основную былинную эпоху — Киевскую Русь — и соединяя, таким образом, ошибки мифологической школы с ошибками старой исторической школы.

Появление целого направления в науке, так скептически относящегося к историческому осмыслению былинного эпоса, можно объяснить только одним: на глазах современных исследователей былина как жанр окончательно умирали; грамотные сказители вроде М. Крюковой самовольно искажали их, добавляли, сливали, одним словом «творили» фольклор, к которому раньше народ сотни лет относился очень бережно. Важные исследования А. М. Астаховой, Ю. М. Соколова, В. И. Чичерова были неправильно поняты В. Я. Проппом, который неправомерно перенес признаки упадка жанра на время его расцвета.

Борясь с буржуазной исторической школой, В. Я. Пропп выступает против историзма былин вообще; народность же былин он не доказывает, а лишь декларирует. Опасность взглядов В. Я. Проппа состоит в том, что они нашли последователей. Так, например, Б. Н. Путилов повторяет вслед за ним, что будто бы «былины — это произведения, сюжеты которых являются результатом художественного вымысла», «...идеалы эпоса получали конкретное художественное выражение в вымышленных формах (вымышленные сюжеты, ситуации, герои)»¹⁸.

Последователи В. Я. Проппа в своем пренебрежении к истории договорились до того, что, стремясь увести весь эпос в глубокую первобытность, стали сомневаться в тождестве былинного Владимира с Владимиром Святославичем: «Никто не может доказать, что в Киеве не было какого-нибудь вождя по имени Владимир, который жил бы в докняжеский период»¹⁹. Если так могли рассуждать в XVII в., во времена сопоставления Иоакимовской летописи, то в настоящее время такая аргументация производит странное впечатление.

Пренебрегая конкретно-историческим анализом, считая принципиально ошибочным обращение при изучении былин к письменным источникам, отрицая реальные прототипы былинных героев и событий, В. Я. Пропп и его сторонники воюют с буржуазной исторической школой с позиций вульгарного социологизма, нигилистически отрекаясь от всего старого наследия и в результате оказываясь в тупике.

К русскому былинному эпосу нужно подойти широко, с полным охватом всего исторического материала, заново проверяя и расширяя исторические сопоставления, сделанные сто лет тому назад.

Прежде всего необходимо продолжить работу по расшифровке хронологии былинных сюжетов. Историческая школа Майкова — Миллера — Сперанского остановилась здесь на полпути, ограничившись отдельными сопоставлениями.

Я попытаюсь показать, что для этой цели мы располагаем теперь тремя десятками исторических лиц X—XII вв., которые кроме былин упоминаются и письменными источниками. Это — три десятка точных хронологических ориентиров, позволяющих привести в систему почти все основные былинные сюжеты.

¹⁷ В. Я. Пропп. Русский героический эпос, стр. 361.

¹⁸ Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв. М.—Л., 1960, стр. 23, 25.

¹⁹ У. П. Цапенок. Питання розвитку героїчного епосу східних слов'ян. Київ, 1959, стр. 79.

Уточненная хронология позволяет окончательно решить вопрос о народном характере былин. Так, например, былина о Микуле Селяниновиче, отнесенная В. Я. Проппом к XV—XVI вв., как я стремлюсь доказать, *предшествует* основному Владимирову циклу былин 980—990 гг. и тем самым определяет собой демократический, народный характер русского эпоса X в.

Выяснение точной хронологии былин по именам упоминаемых в них Половецких ханов (Шарукан — Шарк Великан, Кудреван; Сугра — Скурлак; Атрак — Атрок; Тугоркан — Тугарин; Кончак — Коньшик, Коньчак и т. п.) тоже помогло выявлению народного характера былин, воспевавших киевское восстание 1068 г.

Хронология былинных сюжетов и современный уровень представлений о княжеском быте XII в. помогли более точному социальному определению былин-новелл, былин-сатир, которые исследователи нередко относили к творчеству XVI—XVII вв. («Чурило», «Ставр» и др.). Оказалось, что и по именам героев, и по бытовым характеристикам эти былины точно отвечают эпохе своего создания — XII в., но сложены в иной среде, чем, например, героический цикл X в.

Хронологический ряд былин X—XII вв. объясняет нам и устойчивость эпического имени князя Владимира: в этом былинном образе слились Владимир Святославич — победитель печенегов — и его правнук Владимир Мономах — победитель половцев.

2

ФРАГМЕНТЫ БЫЛИННОГО ЭПОСА IX—X вв.

Былины как жанр возникают, очевидно, одновременно с русской феодальной государственностью и резко отличаются от племенных эпических сказаний IV—VII вв. своей новой певучей формой, образностью и драматичностью.

Из всего былинного фонда к раннему этапу можно возвести всего две-три былины. Они относятся к IX — середине X в. и отделены от дошедших до нас пересказов племенного эпоса VI—VII вв. примерно полутора-двум столетиями.

Кончилась бурная пора византийских походов, заставивших повсеместно говорить о славянах, затихли сражения на Балканах, в Италии, на морях, кочевники отрезали славян от Византии и замолкли красноречивые византийские писатели, оставившие так много ценных материалов о славянах VI в.

Ни историкам, ни археологам не известны как следует материалы VII—VIII вв. В это время действуют безымянные потомки основателей династий VI в. и идет медленный подспудный процесс вызревания феодальных отношений; яркие события, обусловившие начало этого процесса, были позади, а еще более яркие результаты его пока не успели проявиться, они были впереди, в IX столетии.

Таким образом, временное молчание эпоса вполне согласуется с молчанием всех других видов исторических источников. Из общего хронологического диапазона VII — конец X в. мы должны исключить первые полтора-два столетия и остановить свое внимание на исторических событиях конца VIII, IX и первой половины X вв. и их отражении в эпосе.

На разных основаниях сюда могут быть отнесены былины об Иване Годиновиче, Михайле Потоке и Дунае, причем только былина о Потоке содержит внутри себя некоторые датирующие признаки²⁰, остальные же былины явных хронологических примет не содержат. Позднейшие сказители объединили их с былинами о Владимире, заставив героев действовать вместе с Добрыней, Ильей и другими киевскими богатырями. Только счастливая случайность позволяет иногда определить более раннюю дату первоначальной былинной основы.

²⁰ См. Б. А. Рыбаков. Предпосылки образования древнерусского государства.—Очерки истории СССР, III—IX вв., М., 1958, стр. 826.

Изображение смерти Кашея на серебряной оковке турьего рога

Возьмем в качестве примера былинку об Иване Годиновиче. По всем своим внешним, так сказать, орнаментальным признакам она должна была бы вписаться в круг Владимирových былин: действие начинается в Киеве на княжьем пиру; князь Владимир снаряжает Ивана Годиновича на поиски невесты и помогает богатырю-жениху казной и дружиной. Этот запев былинки не находит продолжения в последующем рассказе, дальнейшее действие происходит в Чернигове, где живет невеста Ивана, или в окрестностях Чернигова, в лесах.

Драгоценной параллелью к этой былинке является ритуальный турий рог-ритон из богатого княжеского кургана Черная Могила в Чернигове, относящийся к IX—X вв. Примерно в эпоху Святослава, в 960-е годы турий рог уже попал в погребение, а на самой толще рога видны следы замены одного орнамента другим — первоначальная гравировка непосредственно по самому рогу (в средней части) была закрыта наложенной позднее серебряной бляшкой. Это говорит о том, что священный рог прожил долгую жизнь и его изготовление нужно относить не позднее чем к IX в. Вопрос датировки черниговского турьего рога важен для нас потому, что на его серебряной оковке изображен кульминационный момент былинки об Иване Годиновиче — смерть Кащея Бессмертного²¹. В былинке герой едет в Чернигов темными лесами, полными зверей, и распускает свою дружину охотиться. На турьем роге изображены различные звери, птицы, чудовища и две небольших собаки.

Былинный герой увозит из Чернигова дочь черниговского князя Настасью (иногда Марью), но по дороге в лесу на них нападает прилетевший откуда-то Кащей Бессмертный, за которого Настасья была ранее просватана. На поединке Иван Годинович одолел было Кащея, но тот хитростью склонил на свою сторону Настасью и привязал Ивана «к сыру дубу». Далее в действие былинки вводится новый элемент — вещая птица, защитница Ивана Годиновича, которая предрекает ему победу.

И говорит Кащей Бессмертный:
«Ай же ты Настасья Митриевна,
Поддай-ко ты мой лук, калену стрелу».

.....
Подает Настасья Митревна
Тугой лук и калены стрелы.

На главном поле оковки турьего рога изображены три фигуры: справа большая птица, похожая на орла, в центре — девушка с косами, держащая лук и колчан, а налево от девушки — бородатый мужчина с луком в руках, бегущий по направлению к птице.

Три былинных персонажа здесь налицо, но этого еще недостаточно для того, чтобы утверждать тождество сюжетов былинки и турьего рога.

Важнейшим моментом былинки является смерть Кащея от своей собственной стрелы, направленной в него колдовской силой вещи птицы:

Хватил Кощей тугий лук,
Натягал тетивочку шелковую,
Кладывал стрелочку каленую,
Стрелил-то в черна ворона,
Стрелил — не попал в его.
Зашел он опять во белой шатер,
Так эта стрела взад обратилася,
Пала ему в буйну голову.
Облился он кровью горячею.
Пришла тут Кощею горькая смерть²².

²¹ Подробнее см.: Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова.—«Материалы и исследования по археологии СССР», № 11, М., 1949, стр. 45—50, рис. 18—20.

²² П. Н. Рыбников, т. II, стр. 119.

Турий рог из княжеского кургана X в. «Черная Могила» в Чернигове

На серебряной оправе черниговского княжеского ритона *позади фигуры Кашея, выпустившего свои стрелы, изображены три стрелы: одна стрела пополам изломилась, другая стрела вверх пошла, а третья стрела угодила Кашею в голову.* При наличии этой важной детали сомнения в тождестве рассеиваются. Чеканщик IX в. опирался на былинку, в которой Кашея поражала не первая стрела, а третья, что больше связано с фольклорной традицией тройственности эпизодов, обязательной в былинах и сказках.

Черниговский художник насытил все серебряное поле изображениями добрых и злых существ (собаки, петух, волк), рядом с описанной выше сценой он поместил как пиктограмму поединка изображение двух переплетенных между собой, кусающих друг друга чудищ.

Отсутствие изображения Ивана Годиновича говорит о том, что для древнего художника главным действующим лицом в борьбе с Кашеем был (как, впрочем, и в былинке) не столько жених Настасьи, сколько вещая птица, предревшая и осуществившая гибель носителя зла — Кашея.

Не лишним будет вспомнить, что гербом города Чернигова вплоть до 1917 г. был орел с *распростертыми крыльями*, т. е. именно та птица, которая и изображена на черниговском ритоне IX—X вв.

При историческом истолковании обоих наших источников, взаимодополняющих друг друга — былинки и священного ритона — нужно иметь в виду и другое: кашеями в XII в. называли половецких ханов. Так, Кончак назван в «Слове о полку

Игоре» «поганым кощею». Сочетание трех персонажей: царя Кашея, примчавшегося откуда-то в лесную страну для того, чтобы отвоевать для себя черниговскую девушку, самой дочери черниговского князя и покровительницы города Чернигова — вещей птицы, убившей Кашея, — позволяет нам, исходя из исторических условий IX—X вв., предполагать, что на турьем роге черниговского князя, современника Святослава, отражено эпическое сказание о победе черниговцев над кочевниками-печенегами, победе, сопровождавшейся, как всегда, отбитием русских полонянок. Как впоследствии такие победы приписывались помощи богородицы, Бориса и Глеба, ангелов, так в языческие времена они могли быть приписаны колдовской силе священного черниговского орла²³.

Вернее всего, что сватовство Ивана Гоудиновича и вероломство Настасьи в былине, как и упоминание князя Владимира, — результат дальнейшего развития первоначального подлинного эпического сюжета, не лишённого и мифологического элемента.

Основа былины появилась в IX—X вв., и турий рог, украшенный изображением его главнейшего эпизода, попал на княжеский погребальный костер задолго до рождения Владимира.

Датировка основы былины «Иван Гоудинович» по сочетанию двух видов источников имеет для нас принципиальное значение, так как документирует глубокие исторические корни ее и позволяет нам отнести ее ко времени, предшествующему созданию Владимирового цикла.

Близка по времени к этой былине широко известная былина о Михайле Потоке. Она содержит причудливую смесь христианских и языческих черт в погребальном обряде, наблюдаемую нами в дружинных курганах IX—X вв. в Киеве и Чернигове.

Близость былины о Михайле Потоке к болгарскому житию святого Михаила из Потоки (неизвестного города), относимому ко второй половине IX в., заставляет нас внимательнее присмотреться к ней.

Киевский богатырь Поток, женившись на девушке-лебеди с берегов синего моря, уговорился с ней (по ее настоянию), что в случае смерти одного из них другой идет живым в могилу. Первой умирает (или притворяется мертвой) Лебедь белая — Авдотья *Лиховидьевна*.

Разбор этой былины и сопоставление ее данных с летописными и археологическими материалами сделаны мною ранее²⁴.

Выкопали могилу глубокую и великую,
Глубиною, шириною по двадцати сажен,
Сбиралися тут попы с дьяконами
И со всем церковным причетом,
Погребали тело Авдотьино.
И тут Поток Михайла Иванович
С конем и збруею ратною
Опустился в тое же могилу глубокую,
И заворочали потолоком дубовым,
И засыпали песками желтыми,
А над могилою поставили деревянный крест.

²³ Изображение орла было и на другом турьем роге из другого княжеского кургана в Чернигове, так называемого Кургана княжны Черны, по преданию — дочери основателя Чернигова.

²⁴ Б. А. Рыбаков. Предпосылки образования древнерусского государства, стр. 816—827.

Во время пасхальной заутрени Михайла Поток и воскрешенная им жена высвобождаются из могилы. Заканчивается былина восстановлением обычного для той эпохи порядка—жена следует за умершим мужем:

И как Поток, живучи, состарелся,
Состарелся и переставился,
Тогда попы церковные,
По прежнему их обещанию,
Его, Потока, похоронили,
А его молодую жену
Авдотью Леховидьевну
С ним же живую зарыли во сыру землю ²⁵.

Эта былина резко выделяется из общей массы былин сочетанием языческих и христианских черт. С одной стороны, здесь описан с большой точностью обряд погребения в срубных гробницах IX—X вв., захоронение коня и боевых доспехов воина, упомянут привоз покойника на санях — языческий обычай, продолжавший соблюдаться некоторое время и после крещения Руси; есть здесь и сказочный мотив превращения девушки в лебедь, и мотив змеборства, часто связываемый с борьбой христианства с язычеством.

С другой стороны, привлекает внимание перегруженность былины о Михайле Потоке элементами христианской обрядности.

Начиная с того, что невеста Потока Лебедь белая, язычница и колдунья, просит отвезти ее в Киев и крестить в христианскую веру, далее вся обстановка былины напоминает о церковном: соборные попы, дьяконы, свечи воску ярого, святая вода, венчание в церкви, заутрени, вечерня, церковный причт, церковные колокола, Спасов образ, крест на могиле, православный народ и т. д. Наиболее драматический момент былины происходит в Киеве, в воскресенье на первый день пасхи, когда Михайло, победив змея, пытавшегося сожрать его жену, воскрешает ее и вместе с ней выходит из своей просторной могилы ²⁶. В связи с обилием христианских черт, сближающих данную былинку с духовными стихами, особый интерес приобретает сопоставление былины о Михайле Потоке с житием святого Михаила из Потуки, возникшим в северо-восточной Болгарии близ Тырнова, по соседству с русскими областями.

Помимо тождества имен и хронологии здесь налицо и близость сюжета: болгарин Михаил из Потуки, отважный воин, возвращался из похода и на берегу озера спас от змея девушку, обреченную в жертву змею; вскоре после этого он умер и на его могиле начались чудеса ²⁷.

По всей вероятности, и болгарское житие и русская былина одинаково являются отголосками крещения Болгарии и Руси, приведшего к частичной смене языческого погребального обряда христианским; именно применительно к Болгарии и Руси восточные авторы и указывают для эпохи IX—X вв. отмеченную выше двойственность погребального обряда.

²⁵ «Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым», М., 1938, стр. 149—151. Еще Котляревский впервые привлек эту былинку к характеристике славянских погребальных обрядов (А. К о т л я р е в с к и й. Погребальные обычаи языческих славян. М., 1868).

²⁶ Помощником Михайлы Потока иногда оказывается святой Михаил или святой Николай («Былины», т. I, М., 1916, стр. 317). Простой и ясный рассказ в варианте, записанном Киршей Даниловым, осложняется в других вариантах мотивом неверной жены и пьянства, приводящего к смерти. В этой связи можно вспомнить, что в описании похорон руса у Ибн-Фадлана говорится о длительных попойках, в которых участвует жена покойного, обреченная на смерть, и о ее многочисленных изменах памяти мужа.

²⁷ А. Н. В е с е л о в с к и й. Разыскания в области духовного русского стиха. СПб., 1883, гл. IX; В. Ф. М и л л е р. Очерки русской народной словесности, т. I, М., 1897, стр. 122—128; В. И. Я р х о. Эпические элементы, приуроченные к имени Михаила Потока.—«Этнографическое обозрение», СПб., 1910—1911, стр. 86—88.

Болгарский «праведный воин» действовал в эпоху крещений болгарского царя и всей страны (863, 866, 869 гг.), а герой русской былины наделяется необычными чертами миссионера — девушку-оборотня он в Киеве «проводил во веру во крещеную».

Житие Михаила из Потуки, похожее по своей сказочности на былинку, и былина о Михайле Потоке, похожая на духовный стих или на житие по своей церковной окраске, являются, очевидно, вариантами (и очень близкими друг к другу) одного эпического сказания, возникшего на русско-болгарской почве во второй половине IX в.²³

Имя былинного героя легко объясняется условиями крещения Руси и Болгарии в 866—874 гг.: инициатива крещения исходила от Византии, где царствовал император Михаил, крестивший болгарского царя Бориса в свою честь Михаилом; митрополит, крестивший русов, тоже носил имя Михаила.

Прозвище Михайлы Потока едва ли можно связывать с городом, так как ни русского, ни болгарского города с таким именем мы не знаем. Его, очевидно, надо ставить в связь с древнерусским словом «пѣтъкъ» — птица, птах. Такое наименование богатыря Михаила вполне понятно, так как христианский патрон его «небесный воевода» архангел Михаил изображался в виде крылатого воина.

Распространение культа архангела Михаила в новообращенных землях и привело к наименованию эпического героя таким странным именем — «Михаил Птица».

Гербом Киева с древних времен было изображение архангела Михаила. Быть может, с этим связан один из непонятных эпизодов былины о Михайле Потоке: жена Михайлы, опоив богатыря, прибавляет его гвоздями «на стену городовую». Не отразилось ли здесь реальное положение: на городской стене Киева могло находиться прибитое к ней изображение крылатого воеводы — архангела Михаила. Вероятнее всего, что такое изображение было на городских воротах; существует еще один киевский былинный сюжет, связанный с богатырем Михайликом, оборонявшим киевские ворота.

Змееборческие мотивы в былинно-стихе о Михайле, да и сам облик крылатого богатыря-птицы связывают это сказание с ранним этапом развития эпоса.

С меньшим основанием и очень предположительно можно возводить к IX—X вв. былинку о Дунае.

Дунай или Дон Иванович — богатырь, кочующий по степи, ставящий в поле непохожий на русские *черный* шатер. Его оружие — булава, сабля и длинное копье («долгомерное ратовище в семь сажон»), в его обиходе есть серебряная позолоченная чарочка с надписью. По одному из вариантов («Бой Дуная с Добрыней») Дунай умирает в глубокой яме, вырытой для него в степи.

Его жена характеризуется чертами степной богатырши-амазонки, не имеющей ни дома ни семьи, но прекрасно владеющей конем и луком. От крови убитой Анастасьи и покончившего с собой Дуная протекла река «славный тихий Дон».

Дунай бьется с русским богатырем Добрыней, но не как постоянный враг Руси, а лишь потому, что Добрыня въехал в его степи и набедакурил в его черном шатре.

Мне кажется, что небольшой цикл былин о Дунае не может быть исторически осмыслен без привлечения такого интересного и важного культурно-исторического явления, как сложившаяся в VIII—IX вв. в древней земле амазонок яркая дружинная культура, известная археологам под именем Салтовской.

Эти юго-восточные соседи зарождавшегося русского государства, аланы или алано-болгары по своему происхождению, строили каменные крепости от печенегов, знали письменность, воевали длинными копьями, булавами и саблями, жили в самых истоках «Дона Великого» (так «Слово о полку Игореве» называет наш Северский

²³ Здесь уместно напомнить, что первый русский митрополит (или архиепископ) носил имя Михаила и что, склонив к крещению Русь, он, «возблагодарив бога, поиде в Болгарию».

Донец ²⁹), хоронили своих покойников в «глубоких погребах по сорок локтей» — в подземных катакомбах с дромосами.

Салтовская культура была сметена в IX в. печенежским натиском; после него остались опустевшие крепости и огромные богатые клады.

Вполне возможно, что в момент сложения Киевской Руси дружинники-«салтовцы» могли входить на правах федератов в молодую державу, тем более что борьба с печенегами должна была содействовать такому союзу. Поединок Дуная с Добрыней часто завершается побратимством ³⁰.

Некоторые варианты былин подчеркивают, что и Добрыня и Дунай — русские богатыри, что также может говорить о союзе. Помощь Дуная князю Владимиру в его сватовстве как будто бы приближает эпоху Дуная к концу X в., но возможно, что здесь речь идет опять-таки о союзе Киевской Руси Владимира со степными алано-болгарскими племенами для борьбы с Византией, закончившейся взятием Корсуни и женитьбой Владимира на Анне. За два года до этого в 985 г. был заключен союз с болгарами, расположенными, очевидно, в Причерноморье или Подонье.

Возможно, что потомками «салтовцев», перешедших на русскую службу, были те «черниговские могучи, шельбиры, ольберы», которых «Слово о полку Игореве» называет в составе войск черниговского князя XII в.

Каковы были первоначальные песни о юго-восточных соседях Руси, олицетворенных в Дунае и воительнице Настасье, какие именно события послужили причиной их возникновения — определить невозможно, но вероятность отождествления всего цикла былин о Дунае с конными дружинниками Северского Донца IX в. и растворившимися в русской среде их потомками не должна упускаться нами из внимания, и к этому вопросу придется вернуться в дальнейшем.

Среди других былин, носящих внешние признаки основного «эпического времени» — эпохи Владимира, возможно, содержатся некоторые былины, более ранние по своей основе, или элементы ранних произведений, вплетенные в канву позднейших событий и прикрытые позднейшими планами.

Подводя итоги этому этапу развития русского эпоса, охватывающему интереснейшую эпоху зарождения русского государства, мы с удивлением должны отметить, что количество совпадений летописных сюжетов с эпическими очень невелико. В былинном эпосе нет ни Вещего Олега, ни Игоря Старого, ни знаменитой серии мстительных действий Ольги, нет даже колоритной фигуры Святослава — князя, казалось бы, созданного для эпоса. И это при том, что сами летописцы, несомненно, пользовались устными эпическими сказаниями об этих князьях.

Наличие воинского эпоса, прославлявшего русских князей X в. и их походы, достаточно документировано летописными записями. По всей вероятности, в руках киевских летописцев XI — начала XII вв. были какие-то записи устных эпических сказаний, оказавшихся очень недолговечными и ненадолго пережившими летопись. Народ не сохранил в своих былинах ни одного эпизода из жизни князей-варягов.

Легенда о смерти Олега по существу является антиваряжской, так как русский кудесник предрекает варяжскому конунгу, убийце русского князя из старой династии Кия, неминуемую смерть от своего собственного коня. Во всем русском фольклоре, в том числе и в былинах, конь всегда олицетворяет добро, благородство и справедливость, всегда служит герою верой и правдой, а иной раз помогает ему и своей вещей силой. Велика же должна быть народная ненависть к варягам — «находникам», чтобы сложить песню о коне, которому предназначено выше убить своего господина, прославленного в других песнях покорителя Царьграда.

²⁹ Б. А. Рыбаков. Дон и Донец в «Слове о полку Игореве». — «Научные доклады высшей школы», серия «Исторические науки», М., 1958, № 1.

³⁰ А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, собранные в 1899—1901 гг., т. III. СПб., 1910, стр. 187.

Однако в долговечный былинный фонд эта песня не вошла, быть может, потому, что через 20—30 лет варяжский элемент совершенно исчез с горизонта.

Далекие заморские экспедиции князей IX — начала X вв., вероятно, породили в свое время ряд *придворных* песен (вроде песни о походе Олега 911 г.), исполнявшихся при киевском дворе вплоть до XI в., — исполнявшихся, но не вошедших в широкий народный репертуар. Начиная с X в., эпическая поэзия, очевидно, раздваивается: одна ее часть посвящена придворным «славам» всех князей и всех их дел подряд; воспеваются не только удачные походы, но и жестокие акты мести (Ольга). Другая часть эпоса сохраняла общенародное значение и отражала не отдельные эпизоды княжеской биографии, а *исторические события* в жизни всего восточного славянства, впервые сливавшегося тогда в единую народность. Борьба с печенегами (или хазарами), союз с алано-болгарами, принятие христианства, враждебные взаимоотношения с варягами — вот тематика народной эпической поэзии IX — середины X в., насколько мы можем уловить ее по записям XI—XII вв. и позднейшим былинам.

Только эпическая фигура Святослава в очень малой степени (во много раз меньше, чем фигура его сына Владимира) объединила эти две струи.

Кроме летописной «хвалы» князю-витязю, представляющей типичный образец придворной, феодальной поэзии, можно указать на украинскую колядку, содержащую описание похода на Византию.

Святочная новогодняя колядка содержит описание осады Царьграда гордым князем, небрежно, без благодарности принимающим подарки от осажденных:

Вивели йому коня в наряді,
Він коня-то взяв — не подякував.
.....
Ой як б'є, та й б'є на Царівгород,
Царь ся дивує, хто то воює,
А міщане все *раду радять*,
Що тому вояці за дари дати?
Винесли ж йому *полумисок золота*,
Він золото узав — не подякував...³¹

Летописный рассказ о Святославе, который «за малом бо бе не дошел Царяграда», сообщает:

«И поиде Святослав ко граду, воюя и грады разбиваяе... и *созва царь боляре своя в полату*... И реша ему боляре: „Посли к нему дары, искусим и — любезнив ли есть злату, ли паволокам?“ И поведаша Святославу, яко придоша гръци с поклоном. И рече: „Въведите я семо“. Придоша, и поклонишася ему, и *положиша пред ним злато и паволоки*. И рече Святослав, *кrome зря*, отроком своим: „Схороните“»³².

Различие между летописной записью и колядкой лишь в том, что летописный князь, принявший золото «не возре на ня», предпочел ему оружие, а безымянный герой «лицарського епоса», «не подякувавший» царю за золото, предпочел панночку. Специфика обряда колядования должна была сказаться в усилении романтического элемента. Этот единственный пример совпадения устной и книжной традиции для «предвладимирова» времени может быть объяснен тем, что в сказании о Святославе прославлялось то редкое у князей качество, которое так ценил народ — пренебрежение к золоту, к материальным ценностям. Суровая простота Святослава, производящая такое впечатление на императора Иоанна Цимисхия (Лев Дьякон), была по достоинству оценена и придворным летописцем и народной песней.

³¹ М. В о з н я к. Історія української літератури, т. I. Львів, 1920, стр. 217—218 (раздел «Лицарський епос»).

³² «Повесть временных лет», ч. I, М.—Л., 1950, стр. 50—51.

Однако сложению большого и жизнеспособного цикла былин вокруг имени Святослава помешало то, что русский народ недостаточно ясно понимал государственные задачи этого князя. Слишком часто Русь подвергалась печенежским набегам в то время, когда князь со всеми войсками воевал на Дону или в клисурах Балкан и Хемуса, «чужую землю ищучи, а свою ся охабив».

3

МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ

Былиной, народность которой никогда не подвергалась сомнению, является широко известная былина о Микуле Селяниновиче, главный герой которой — пахарь, мужик, богатырь в холщевой рубахе.

Диапазон географических и хронологических приурочений этой былины очень велик: ее связывают то с киевским югом, то с новгородским севером; одни относят ее к началу X в., связывая с Вещим Олегом, а другие — к XV—XVI вв., полагая, что «общая идейная направленность былины и ее конкретное содержание дают основание считать, что она возникла сравнительно поздно»³³. В. Я. Пропп в своей монографии недоумевает по поводу столь позднего появления героя-крестьянина в эпосе: «Мы знаем, что создателем и носителем эпоса в первую голову было крестьянство, но до сих пор (до создания централизованного государства) на всем протяжении развития эпоса крестьянина мы не видели»³⁴.

Для выяснения вопроса о народности былин нам действительно очень важно точнее определить место и время зарождения той былины, в которой прославление крестьянского труда является не позднейшим второстепенным добавлением, а составляет ее главную сюжетную основу.

Здесь от хронологии зависит принципиальный вопрос первостепенной важности, и поэтому необходимо использовать все возможности для того, чтобы точнее определить время появления в былинном эпосе образа богатыря-оратая Микулы Селяниновича. Но перед нами встанут почти непреодолимые трудности, если к решению этого вопроса мы подойдем с позиций В. Я. Проппа, отрицающего историчность былин и исторический подход к ним. «Предпосылка, из которой исходила историческая школа, — шипет он, — состояла в том, что фольклорные произведения создаются так же, как литературные, т. е. *в определенном месте и в определенный момент...* Но для эпоса, а также для сказки и некоторых других видов народной поэзии *она ошибочна и из нее исходить нельзя*». «Эпос, как и другие виды народной поэзии, обращен не в прошлое, а в будущее»³⁵.

Отказ от поисков реальной исторической первоосновы былинных событий, отказ от проверки былин письменными источниками ведет прежде всего к субъективизму, к утрате единственной руководящей нити, к установлению совершенно произвольной последовательности былин и даже былинных циклов и в конечном счете безнадежно запутывает историю эпоса как историю развития народной художественно-политической мысли.

Позиция Д. С. Лихачева, стремящегося связать былины с конкретной жизнью Киевской Руси, мне представляется значительно более плодотворной и методологически более правильной, чем бездоказательное утверждение В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова о том, будто бы «былина основана не на передаче в стихах исторического факта, а на художественном вымысле»³⁶.

Былины о Вольге Святославиче и Микуле Селяниновиче дают хороший материал для проверки положений «антиисторической» школы Проппа. Один из главных

³³ «Былины», т. I, 1958, стр. 316 (комментарии В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова).

³⁴ В. Я. Пропп, Русский героический эпос. Л., 1955, стр. 361.

³⁵ Там же, стр. 24, 61 (курсив мой. — Б. Р.)

³⁶ «Былины», т. I, вступительная статья, стр. XXVII (курсив мой. — Б. Р.).

героев этих былин — Вольга Святославич, племянник князя Владимира, собирающий дань с городов, следовательно, — князь. Это облегчает нам поиски реального прототипа.

Имена Волха и Вольги в былинах всегда различаются, и поэтому объединять два разных цикла нет возможности, хотя отдельные второстепенные детали вроде волшебной охоты сходны в обоих циклах. Имя «Вольга», несомненно, является формой произношения имени «Олег», так как в киевской летописи XII в. уже встречаются обе формы: «Ольговичи» и «Волговичи»³⁷. Следовательно, нам надо предпринять поиски русского князя Олега Святославича. Те исследователи, которые во что бы то ни стало стремились связать былины о Вольге (равно как и былины о Волхе Всеславиче) с Вещим Олегом, находились под гипнозом норманской теории и отбрасывали такую устойчивую и существенную деталь, как отчество героя. Попытаемся отнестись с большим уважением к народной памяти и примем героя таким, каким он сохранился былинами — Олегом Святославичем. Из русских князей с таким именем особенно известен Олег Святославич Черниговский, принадлежащий к беспокойной плеяде «Ярославлих внуков» и, может быть, наиболее жестокий и алчный из всех них. Его бурная судьба, забрасывавшая его из Чернигова то в Тмутаракань, то в Рязань, то на остров Родос, могла бы послужить основой большого цикла песен, но этот князь-авантюрист, породнившийся с половцами, не заслужил народной любви и даже в феодальную поэзию вошел с горьким именем «Гориславича». Может быть, над ним посмеялся автор былины, заставивший Вольгу терпеть поношение от простого крестьянина? Если считать былины вымыслом без реальной исторической основы, то на этом можно было бы прекратить поиски, удовлетворившись самым общим сопоставлением. Можно было бы и Вещего Олега присоединить к тем импульсам, которые содействовали созданию былинного образа — ведь народ, судя по летописному сказанию о предначертанной смерти Олега, относился враждебно к этому варяжскому конунгу.

Однако былина о Вольге Святославиче содержит ряд таких черт, которые заставляют направить поиски в другом направлении. География былины не дает никаких точек соприкосновения ни с Черниговщиной, ни с другими местами действия Олега «Гориславича».

Князь Вольга, племянник Владимира, едет собирать дань с городов Гурчевца, Ореховца и Крестьяновца, а затем возвращается в город Туринск. Давно уже была высказана мысль о том, что здесь перечислены древние города Древлянской земли:

Гурчевец — Вручий, Овруч

Крестьяновец — Искоростень, Коростень³⁸.

Добавлю, что среди древлянских городищ есть большое городище в Олевске, считавшемся в XV в. городом. Вручий, Искоростень и Олевск составляют небольшой равно-сторонний треугольник внутри Древлянской земли. На север от них лежит стариннейший удельный город Туров, имя которого легко угадывается в былинном Туринске. Олег Святославич Черниговский никогда не имел никакого отношения к Древлянской земле и никогда не владел ни одним из названных городов.

Имя Олега носил сын Святослава Игоревича, сводный брат Владимира Святого. Этот Олег Святославич с юных лет был связан именно с Древлянской землей:

В 970 г. «Святослав посади Ярополка в Кieve, а Ольга в Деревех».

³⁷ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 200.

³⁸ Н. И. Коробка. Сказания об урочищах Овручского уезда и былины о Вольге Святославиче. — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. I, СПб., 1908. Автор почему-то считает, что под именем Вольги скрывается княгиня Ольга, наводившая порядок в Древлянской земле после убийства Игоря. Былинный Вольга настолько полон черт князя, предводителя дружины, и настолько лишен каких бы то ни было намеков на женскую природу, что это предположение должно быть оставлено.

В 975 и 977 гг. подтверждается связь Олега Святославича с Древлянской землей: здесь он охотится, здесь во Вручем его осаждает брат Ярополк, здесь в центре своих древлянских владений он и погибает ³⁹.

А. А. Шахматов давно уже предполагал, что былина о Вольге Святославиче связана именно с Олегом Древлянским ⁴⁰, но его мысль никем не была поддержана, а потом была просто забыта.

Сторонники северного, новгородского происхождения былины, стремившиеся связать ее с Вещим Олегом, считали надежным аргументом в свою пользу то описание природы, которое содержится в былине:

Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипливает,
Омешики по камешкам почиркивают.

.....
А пень-корень [оратай] вывертывает,
А большие-то камни в борозду валит...

В этой обильной камнями пашне видели северную каменистую землю Новгородщины. Но следует обратить внимание на то, что *поперек Древлянской земли* через Искоростень и Малин в направлении к Днепру *проходит широкая полоса конечной морены*, создающей точно такие же почвенные условия, как и на далеком Олонецком севере. Следовательно, и природа былины не противоречит признанию местом ее действия Древлянской земли.

Итак, разбор былинной географии (городов и природы) и имени одного из героев привел нас в Древлянскую землю во время короткого княжения здесь молодого Олега Святославича (970—977 гг.) ⁴¹.

В эти годы здесь разыгрались две трагедии, героем которых был Олег. Обе они нашли отражение и в эпосе и в летописных записях. Быть может, именно наличие былин о молодом Вольге Святославиче и способствовало закреплению событий в киевском летописном своде конца X или начала XI в., так как одно из этих событий — убийство на охоте — было само по себе незначительным эпизодом и в краткую летопись тех лет могло бы и не попасть, если бы не было особых побуждающих причин в виде готовой и, очевидно, популярной песни об этом эпизоде.

Среди редких и не типичных записей А. Ф. Гильфердинга есть былина «Вольга», в которой нет еще никакого упоминания о Микуле Селяниновиче, и где действуют Вольга и некий Сантал. Былина начинается описанием волшебной охоты юного десятилетнего Вольги:

Овернулся Вольга да малой птичиной,
Улетел-то Вольга да он под оболуку
А й птицу всю да он порозгонял.
Овернулся Вольга да добрым молодцом:
— Братцы дружинушка хоробрая!
Ставьте-тко пасточки дубовыи,
Спльшка вы ладыте-тко шелковыи...
.....
Овернулся Вольга да лютым зверем
А й ушел-то Вольга да во темны леса,
Зверей-то всех он порозгонял...

³⁹ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 49, 53.

⁴⁰ А. А. Шахматов. Мстислав Лютый в русской поэзии. — «Пошана. Сборник Харьковского историко-филологического общества в честь Н. Ф. Сумцова», т. XVIII, Харьков, 1909, стр. 82—91.

⁴¹ По былинне, Вольга познал всю мудрость и стал распоряжаться «дружинишкой хороброю» в десятилетнем возрасте. Реальный князь Олег получил Древлянский удел от отца тогда, когда самому Святославу было около 30 лет; следовательно, Олегу, младшему из сыновей, могло быть действительно не более 10—12 лет.

И вдруг, совершенно неожиданно, без всякой видимой связи с охотничьими подвигами Вольги, былина сообщает о том, что

Поезжае Вольга в Вольгугород
Видела царица нехороший сон:
Бьется сокол да с черным вороном,
Перебил сокол да черна ворона.
Ясный тот сокол — Вольга богатырь,
Черный тот ворон — то сам Сантал ⁴².

Этим былина заканчивается, оставляя слушателя в недоумении: конфликт между Вольгой и Санталом не раскрыт, бой между ними в былине не описан и есть только два вещих предзнаменования: когда родился Вольга, то Сантал с женой сбежал в «Вольгу», а когда юноша Вольга поехал в «Вольгу-город», то жена Сантала увидела недобрый сон, означавший победу сокола — Вольги над черным вороном — Санталом.

Летопись сохранила рассказ о нарушении княжеских охотничьих угодий Олега Святославича Лютом — сыном могущественного варяга Свеналда (или Свенельда). Нарушение границ произошло в тот момент, когда сам Олег охотился в своей Древлянской земле, где княжеские ловища и становища были разграничены еще в середине X в. при княгине Ольге. С тех пор Древлянская земля была связана с Вышгородом — «Ольгиным градом» (не отсюда ли и в былине «Вольга-город?»). «Лов деюще Свеналдичю именем Лют; ишед бо ис Киева, гна по звери в лесе. И узре ѝ Олег, и рече: „Кто се есть?“. И реша ему: „Свеналдичь“. И заехав, уби ѝ; бе бо ловы дея Олег» ⁴³.

Для того, чтобы понять, почему по поводу этого небольшого эпизода была сложена былина, продержавшаяся в народе почти тысячу лет, нам нужно полнее представить себе конкретную историческую обстановку в Киевском государстве в 970-е годы. Варяжское засилье, так явно ощущавшееся в первую половину X столетия, несколько уменьшилось при Святославе. Однако и тогда выделялась фигура воеводы-варяга Свеналда, воспитателя Святослава, прославившегося еще при Игоре богатством и убранством своей дружины. Важнейший государственный документ Святослава — договор с Цимисхием — был написан от имени князя и воеводы: «При Святославе и при Свеналде». После гибели Святослава Свеналд стал крупнейшей фигурой в Киеве, так как князь Ярополк был еще очень юн. Властный воевода-варяг, окруженный собственной богатой дружиной (вероятно, тоже варяжского происхождения), был своего рода киевским мажордомом и олицетворял собой варяжское начало в управлении Русью. В летописных сводах сохранилось двойственное отношение к Свеналду; одни записи представляют его мудрым советником князя, а другие — косвенным или прямым виновником смерти русских князей Игоря и Олега Святославича. Очевидно, среди летописцев были как сторонники, так и противники высоко поднявшегося варяга.

Последняя четверть X в. была временем борьбы с варяжским засильем в Киеве. Брат Олега Владимир, захватив Киев с помощью варягов-наемников, решительно очищает город от них после победы. Тремя годами позже киевский народ так же решительно добился принесения в жертву русским богам знатного варяга, проживавшего в боярской части Киева. Эпизод в древлянских лесах, когда сокол победил черна ворона, был первым открытым выступлением против самой знатной и сильной части киевских варягов, что и давало основание народу воспеть его в былине, сочувствующей смелому Олегу Святославичу. Дух этой былины вполне соответствует духу ряда летописных сказаний X в. о Свеналде и варягах.

⁴² А. Ф. Гильфердинг, т. I, стр. 247—248.

⁴³ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 53.

Смерть Свеналдича в древлянских ловищах Олега могла рассматриваться как своего рода кровная месть за деда, князя Игоря, погибшего в древлянских лесах. После расправы с Лютом князь Олег Святославич прожил всего лишь два года и погиб в борьбе с самим Свеналдом, два года готовившим месть своему врагу. «И о том бысть межю ими ненависть [после смерти Люта Свеналдича] Ярополку на Ольга. И молвяше всегда Ярополку Свеналд: „Поиди на брат свой и прими волость его“, хотя отмстити сыну своему»⁴⁴.

В 977 г. Свеналду удалось уговорить киевского князя: «Поиде Ярополк на Ольга, брата своего, на Деревьску землю. И изиде противу его Олег, и ополчистася. Ратившемася полкома, победи Ярополк Ольга. Побегъшю же Ольгу с вои своими в градъ, рекомый Вручий; бяше черес гроблю [ров] мост ко вратом градным, теснячеся друг друга пихаху въ гроблю. И спехнуша Ольга с мосту в дебрь»⁴⁵.

Важный исторический источник середины XI в. «Память и похвала князю русскому Владимиру», написанная мнихом Иаковом, дает интересный вариант этого текста: Олег погиб не потому, что его столкнули с моста, а потому, что мост *обломился* и упал в крепостной ров вместе с людьми. А мотив обломившегося моста неразрывно связан с былинной о Вольге и Микуле. Когда Вольга Святославич уже принял Микулу в свою дружину и они вместе едут в город Куржов или Гурчев (летописный Вручий), то оказывается, что их враги подготовили им западню — подрубленный мост, на котором гибнет часть войска Вольги и Микулы. Куржовские мужики, узнав, что к ним едут Вольга и Микула,

Поделали мосточки поддельны,
Поддельны мосточки все калиновые...
Да зашла эта силушка Никулушкина
А на эти мосточки на калиновы,
А подломились ты мосточки да калиновые
А погинуло тут силушки да много той...⁴⁶

Варианты Рыбникова:

1. Поделаны мосточки поддельные,
Сделаны подкопы великие
И поставлены ножи все будатные⁴⁷.
2. Тыи мужики Гуршевские,
Тыи мужики Ореховские,
Они были злодеи догадливы,
Поделали мосточки поддельные.
.
Пошла тая силушка великая
На тыи на мосточки на калиновы:
Мосточки все подломилися,
Тая сила вся по реченьке подвалялася,
Начала силушка тонуть да гинуть...⁴⁸

Этот упорно повторяемый мотив гибели «силушки» князя и орастая на подломившихся мостках очень живо напоминает гибель Олега на замковом мосту Овруча, когда «падаху людье мнози и удавища кони человеци». Крепостной ров был настолько заполнен телами, что при розыске тела Олега «влачища трупье из гробли от утра и до полудне».

⁴⁴ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 53.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ А. Ф. Гильфердинг, т. I, стр. 414.

⁴⁷ П. Н. Рыбников, т. I, стр. 12.

⁴⁸ Там же, т. II, стр. 80.

Смерть Олега Святославича должна была удовлетворить старого Свеналда, но едва ли она могла радовать русское население Киевской и Древлянской земли — ведь это было торжеством всеильного варяга. Летопись сохранила укор Ярополка Святославича Свеналду: когда искали тело его брата «и налешоша и Ольга выподи трупя... и рече Свеналду: „Вижь, сего ты еси хотел!“»⁴⁹.

Основную, наиболее разработанную и целостно сохранившуюся часть былины составляет эпизод встречи Вольги с Микулой Селяниновичем и приглашение Микулы на службу к князю. Одна часть былины повествует о согласии Микулы и о дальнейших совместных действиях князя и оратая. Возможно, что вместе с Микулой были приглашены и другие оратаи, так как упоминается, как мы уже видели, «силушка Микулушкина» — его войско.

Датировать эту часть былины мы можем временем между смертью Люта Свеналдича и началом войны Ярополка с Олегом, когда было ясно, что эта война должна вспыхнуть. Короткий промежуток времени 975—977 гг. обе враждующие стороны должны были усиленно готовиться, собирать «воев», увеличивать дружину.

Вполне вероятно, что былина о Вольге Святославиче и Микуле Селяниновиче в своем первичном виде и отразила этот набор войска в условиях нарастающей опасности, когда княжеская дружина могла пополняться выходцами из народа. Пятнадцатью годами позже Владимир, брат Олега, будет точно так же пополнять свою дружину богатырями-кожемяками, из самой гущи народной, превращая их в «великих мужей»⁵⁰.

В последней четверти X в. происходило, очевидно, много новых явлений, связанных с глубокими внутренними процессами: на одном полюсе, в деревне, неудержимо распадались родовые связи, шло расслоение деревни, выделялись устойчивые индивидуальное хозяйства; на другом полюсе, в феодальной вотчине, менялся состав княжеской дружины: наемники-варяги все больше вытеснялись коренными русскими людьми, набираемыми, как мы знаем, из жителей Приднепровья, Словен и Кривичей.

Вот этот-то важный процесс, имевший *общенародное значение*, и отражен созданием былинного образа Микулы Селяниновича, оратая, успешно ведущего свое хозяйство, умеющего постоять за себя, бывалого человека, воевавшего с разбойниками во время поездок в город за солью.

Основанием для приурочения былины о Вольге к событиям 970—977 гг. может служить следующий ряд сопоставлений, обоснование которых дано выше:

БЫЛИНЫ	ЛЕТОПИСИ
Вольга Святославич	Олег Святославич (970—977 гг.), князь древлянский
Его города: Гурчевец Крестьяновец Ореховец	Города Древлянской земли: Вручий Искоростень Олевск
Соседние города: Туринск Вольга-город	Города, соседние с Древлянской землей и связанные с ней: Туров «Ольгин град» — Вышгород
Враг Вольги—Сантал	Враг Олега—Свеналд
Эпизоды: Начало самостоятельности в десятилетнем возрасте Охота «Сокол побивает ворона» Вольга приглашает Микулу на службу	Вокняжение Олега в 970 г. в возрасте 10—12 лет Охота 975 г. Смерть Люта Свеналдича от руки Олега Двухлетняя подготовка войны Ярополка и Олега
Гибель «силушки» на обломившемся гурчевском мосту	Смерть Олега на обломившемся мосту во Вручем (977 г.)

⁴⁹ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 53.

⁵⁰ Там же, стр. 84—85.

Историю былины о Вольге и Микуле можно представить себе так: юный князь Олег стал известен народу тогда, когда он поднял руку на сына самого могущественного человека — Свеналда — и наказал нарушителя «ловищ и становищ», убив его своей рукой. Это был смелый вызов мажордому-варягу, десятки лет стоявшему у кормила власти; с этого поединка началась решительная и успешная борьба с варягами внутри Руси.

Былины о Вольге неизменно начинаются с охотничьих подвигов князя. Уменье руководить охотой — своего рода аттестат зрелости; недаром Мономах, поучая детей, так много внимания уделяет охоте. Вольга в былине уже в десятилетнем возрасте руководит охотой.

Можно думать, что бой «сокола» с «черным вороном» был в свое время разработан в былине подробнее, так как до нас, несомненно, дошли лишь незначительные фрагменты описаний борьбы с Санталом — Свеналдом (или Свеналдичем).

Усиление княжеской дружины Олега Святославича за счет широкого вовлечения древлянского крестьянства было, очевидно, такой же новинкой, как и борьба против Свеналда, и так же нашло широкий отклик в народных массах: рушилась прежняя замкнутость княжеской дружины-гвардии, перед крестьянством, может быть, впервые открывалась возможность участия в княжеском войске. Это событие было достойно воспевания, и народ сложил былинку о Микуле Селяниновиче, полную уважения к пахарю, его достоинству, его силе, его уменью.

Трагическая гибель семнадцатилетнего князя под овручским мостом тоже должна была произвести впечатление на окружающих и воплотиться в эпической песне. Былина не сохранила до наших дней описания смерти героя, но гибель войска, упавшего с обломившегося моста, запомнилась сказителям хорошо.

В эпоху Владимира Святого, когда создавался основной былинный цикл, былины о Вольге Святославиче вполне могли и должны были присоединиться к нему, во-первых, потому, что сам Владимир, упорно враждовавший с Ярополком, должен был выражать симпатию к младшему брату — Олегу, погибшему в войне со старшим — Ярополком. А, во-вторых, все то, что прославлялось в былине, что составляло сущность ее центральной части — приглашение оратая в княжескую дружину — все это составляло и сущность политики самого Владимира, организовавшего борьбу против печенегов силами русского народа, без варягов⁵¹.

Основу былины о Вольге и Микуле никак нельзя относить к позднему времени образования централизованного государства, ее следует считать естественным, исторически обусловленным продуктом *народного* творчества 975—977 гг., времени начала расцвета древнерусского государства.

⁵¹ Имеющийся в былине о Вольге и Микуле элемент некоторой иронии по отношению к князю и его дружине, насмешки Микулы над беспомощностью и недогадливостью князя, отказ от княжеской службы — все это может быть объяснено «второй жизнью» былины в XII в. Весь Владимиров цикл былины был, очевидно, воскрешен при Владимире Мономахе, а тогда имя Олега Святославича вызвало совершенно иные ассоциации, и это могло привести к появлению в былинах о Вольге народной иронии, направленной против Олега «Гориславича». Позднее, в XVI—XVII вв., этот иронический элемент мог еще усилиться.

ВЛАДИМИРОВ ЦИКЛ БЫЛИН КОНЦА X в.

1

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В КОНЦЕ X в.

НОВОМУ ЭТАПУ развития русского былинного эпоса нужно отнести его самую яркую, самую целостную и основную часть — знаменитый Владимиров цикл былин, оказавший сильное воздействие на последующее песенное творчество. Владимиров цикл оказался таким слаженным, широко укоренившимся, повсеместным, что его излюбленные герои стали жить в русском эпосе значительно дольше, чем мог бы прожить любой человек. Илья Муромец действует и при Владимире Святославиче (умер в 1015 г.), и при хане Кончаке (1170—1180-е гг.), и при собаке-царе Батые (1237—1250-е гг.). Сам Владимир — князь

Красное Солнышко столь же долговечен и всеобъемлющ; вокруг его имени нанизано целое ожерелье разновременных былин, воспевающих события трех столетий.

Поэтому первой задачей является определение достоверных границ первоначального цикла былин, созданных при жизни Владимира и воспевающих дела его времени. Было бы непростительной ошибкой при решении этой задачи отбросить летописи и другие исторические источники. У нас не было бы тогда никакого моста между эпосом и реальной жизнью Киевской Руси.

Ряд исторических сопоставлений уже проделан создателями исторической школы¹, и сейчас необходимо их заново проверить и уточнить.

Княжение Владимира Святославича не случайно стало «эпическим временем». Это была эпоха расцвета раннефеодальной монархии Руси, эпоха больших внутренних и внешних перемен. Полтора десятка племенных союзов, объединявших свыше сотни восточнославянских племен, слились в одно государство во главе с «матерью городов русских» Киевом. В старых племенных центрах сидели уже не местные князья, а сыновья Владимира на правах посадников.

К новым владениям Киева — к Ростову и Мурому, к Турову и Волыни нужно было прокладывать дороги прямоезжие. Старые языческие племенные боги сначала

¹ Л. Н. Майков. О былинах Владимирова цикла. СПб., 1863.

были собраны все у княжьего дворца и прославлены, а потом все сразу заменены новым греческим богом христиан.

При Владимире Русь твердо стояла на берегах Черного («Русского») моря, закрепив победы Святослава. Однако необъятное молодое государство находилось в большой опасности, и опасность эта, как всегда, исходила из степей, где на «месяц пути», на тысячу верст раскинулись сорок печенежских племен, готовых к неожиданному набегу, грабежу и уводу полона.

От успеха борьбы с печенегами зависела безопасность огромного района лесостепи, плотно заселенного славянами-земледельцами, возможность использования ими плодородных степных пространств и, наконец, связь с богатыми областями черноморского Поморья. Земля Полян — Среднее Приднепровье — уже выстояла в VI—VII вв. против обров и хазар, но теперь ей предстояли более серьезные испытания: печенеги убили киевского великого князя, отрезали Русь от юга, «где вся благая сходятся», угрожали многим сотням русских «градов» и всею на пространстве от Дуная до Дона, добирались до стен самой столицы Руси.

Борьба с печенегами была жизненно необходима для всей южной половины русского народа. Наемные варяжские отряды, буйные и требовательные в мирное время, стремящиеся к морским разбойничьим набегам, но неповоротливые в поле, не были пригодны для государственных целей Руси. Владимир, сын убитого печенегами Святослава, очень быстро понял бесполезность норманнов в качестве военной силы и опасность пребывания заносчивых Фарлафов и Руалдов в русских городах; он выгнал варягов из Киева, не вмешивался, когда знатных варягов, живших по соседству с его дворцом, тащили на жертвенный огонь Перуна и, очевидно, завершил ту борьбу с норманской знатью, которую начал его брат Олег Святославич, поднявший руку на могущественного Свеналда.

Владимир нашел союзников в степях — торков, с помощью которых замирил болгарские орды в Причерноморье, обеспечив себе тыл в борьбе с печенегами. Но главной его заслугой была организация целой системы «застав богатырских» на пограничье со степью, с «раздольцем широким»: по Десне, Остру, Трубежу и Суле на Левобережье Днепра и по Стугне на правом берегу. Мы знаем эти мощные крепости, построенные в последнее десятилетие X в.: Белгород, Василев, Новгород Малый, Переяслав Русский, Воишь, Остерский Городец и многие другие. Строители из завоеванной Хазарии научили складывать основу стен из сырцового кирпича (как в Тмутаракани). Периметр укреплений ограждал не только самый «град», но обширное пространство вокруг него, где мог укрыться многотысячный резерв воинов.

Для обороны южных рубежей мало было того населения, которое жило в самой угрожаемой лесостепной полосе. К военным силам Полян, Уличей, Тверцев, Древлян и Северян князь Владимир своею властью прибавил силы Словен Новгородских, Кривичей, Чуди и Вятичей, переселяя на юг, в новопостроенные заставы богатырские «мужей лучших» со всего необъятного славянского и финского Севера. Это были действия феодальной государственной власти, производимые в интересах всего народа, всех слоев и классов Руси. Феодальная формация только начинала свой исторический путь, она была необходима и прогрессивна. Действия правительства Владимира Великого (как называет его летопись) вытекали из правильно понятых общенародных интересов, и сами эти действия были близки и понятны всему русскому народу от простого смерда до боярина. В этом смысле политика Владимира была много понятнее широким крестьянским массам, чем борьба с далекой Хазарией в эпоху его отца, которого упрекали в том, что в поисках чужих земель он «своя ся охабив» и допустил печенегов до беззащитного в тот момент Киева.

Песни о «быстром как гепард» Святославе, князе-рыцаре, князе-спартанце не проникли в *народный* эпос, не удержались в памяти народа.

Эпоха Владимира была временем, когда расцвет феодального государства, его организующая сила ясно ощущались всеми, а внутренние противоречия еще не проявились, не обострились в достаточной степени. Поэтому естественна идеализация

Владимира и его княжения как у придворных летописцев, так и у церковных писателей, и в народном былинном эпосе. Совершенно иное мы видим в отношении народа к его сыну Ярославу Мудрому. Князь Ярослав, как и его прадед, окружил себя варягами; он вел ряд неудачных войн, иногда трусливо пытался бежать за море к варягам.

При нем начались первые народные восстания (1024 г.), а все его тридцатипятилетнее княжение подготовило жестокие феодальные нормы «Русской Правды», быть может, примененные еще при самом Ярославе. Имя Ярослава часто встречается в скандинавских сагах; они повествуют о ярле Ярислейфе и его родственниках-норманнах, но в русских былинах имени Ярослава нет. Народ не считал достойным воспевания этого князя, далеко отошедшего от патриархальных традиций своего прославленного былинами отца.

Популярность Владимира объяснялась также и тем, что в его военно-оборонительных делах участвовал народ. Во-первых, это были те смерды широкой лесостепной полосы, которые то пахали на своих лошадях, то скакали на них в погоне за кочевниками. Во-вторых, отказ от найма варяжских отрядов, поднимавший Владимира в глазах народа, заставлял его широко привлекать в свою дружину простых русских людей. Летопись говорит о юноше-кожемяке, победившем печенега и вошедшем в ряды «княжьих мужей», другие источники свидетельствуют о том, что к Владимиру бежали холопы со всех концов Руси. Напомню, что в это время еще продолжался процесс деструкции замкнутых родовых ячеек, высвобождавший то изгоев, потерпевших поражение в борьбе с сородичами, то крестьянские семьи, вырвавшиеся из принудительного родового сообщества и ищущие опоры вне своих старых связей. Все это способствовало созданию резерва дружинных сил. Князь, наполнявший новые города тысячами набранных в разных концах Руси воинов, укреплял тем самым новый порядок вещей, содействовал росту новых форм, поддерживал тех крестьянских сыновей, которые, перестав корчевать общинную лядину, отправлялись в города искать новой жизни.

Микула Селянинович — смерд, вступающий в княжескую дружину, уже существовал как былинный герой древлянско-киевского антиваряжского эпоса. Ему в помощь едет из глубин Руси (неважно, из Мурома или из Моровийска) крестьянский сын Илья, потеснивший старую родовитую дружину киевского князя.

Пирь Владимира были не только своеобразной формой совещания князя с дружиной, как справедливо полагает Д. С. Лихачев², но и формой реального общения князя и его огнищан и воевод с широкой массой разнородного люда, притекавшего в стольный город.

После одной из битв с печенегами в 996 г. Владимир учредил особое празднование: каждый год осенью, по окончании основных сельскохозяйственных работ, на успенье богородицы, князь устраивал пир, «сзывая бесчисльное множество народа»³.

Понять сложение эпического цикла вокруг имени Владимира совершенно невозможно без учета сложной и интересной реальной исторической обстановки его княжения.

Былины Владимирова цикла складывались в той широкой полосе русских земель, где была «*рать велика бес престани*» с печенегами, где смердов и бояр объединяло во время печенежских набегов одинаковое стремление отстоять свои поля, «жизнь» свою. Эта полоса, доступная набегам степняков, занимала ни много ни мало 200 тыс. квадратных километров! Ее западный край уходил в древлянские леса, а восточный — в то дикое поле, на краю которого жили отважные куряне, «под шеломы взлелеянные, конец копыя вскормлены». Здесь, в этой полосе, размещена половина русских городов, упоминаемых разными летописцами; ядро этой полосы опоясывают с юга

² Д. С. Лихачев. «Эпическое время» русских былин. — «Сборник в честь академика Б. Д. Грекова», М., 1952.

³ «Повесть временных лет», ч. I, М.—Л., 1950, стр. 86.

заставы богатырские, построенные Владимиром в 988—993 гг. (Белгород, Переяславль, города по Стугне, Суле и др.). Нас не должно удивлять и то, что былины о Владимире, воспевающие оборону южных рубежей Руси, дошли до наших дней преимущественно в устах потомков новгородцев и суздальцев, унесших на далекий Север память о событиях, важных для всех русских. Ведь Словене Новгородские и суздальские Кривичи и Вятичи в свое время ездили на юг помогать киянам и курянам воевать с «погаными» и одолевать их. И сам князь Владимир отправлялся в Новгород «по върховнее вое на Печенеги» (997 г.), стремясь увеличить число киевских богатырей за счет далеких славянских колонистов Севера. В условиях такой общенародной, общерусской борьбы с печенегами, длившейся несколько десятков лет, трудно говорить об «аристократизме» былин. Если мы будем считать былины живым откликом народа на крупные события и явления народной жизни, откликом, следующим непосредственно за самими событиями, то народное происхождение былин не требует особых доказательств, а опозитивирование князя Владимира не вызовет никаких противоречий с тезисом о народности былин. Создание раннефеодальной монархии было глубоко прогрессивным фактом, а в условиях постоянной внешней угрозы — угрозы жизни и свободе сотен тысяч людей — эта прогрессивность ощущалась особенно ясно, и народ не пожалел поэтических красок на изображение князя-защитника, воспевая, по существу, в лице Владимировых богатырей самого себя — тот русский народ, который стоял на Суле и на Стугне, ограждая Русь от степняков. Так средневековый художник-миниатюрист, когда ему было нужно изобразить город, рисовал только одну башню, как символ всей крепости. Русский былинный эпос, повествуя о делах всего народа, олицетворял народ в отдельных богатырях.

2

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ

Во Владимиров цикл былин мы должны включать далеко не все былины с упоминанием имени Владимира, а отобрать лишь те, которые можно рассматривать как поэтическое отражение реальных событий времени его княжения. С этой целью попытаемся сопоставить летописную биографию Владимира Святославича с обширным фондом былин, сгруппированных вокруг его имени.

Первое событие, в связи с которым впервые упоминается Владимир, это осада Киева печенегами в 968 г., когда его отец ушел воевать на Дунай, а он, еще ребенок, с бабушкой и двумя братьями остался в Киеве. По поводу этой осады и чудесного избавления от нее было сложено сказание, записанное в летописи, но не попавшее в былины. Воевода Претич был послан в Киев для того, чтобы вывести из осажденного города и умчать на ладьях старую княгиню с внучатами, но ему удалось запугать печенегов и заключить с ними мир. Так знаменательно началась летописная биография Владимира, всю жизнь посвятившего борьбе с печенегами: маленький княжич бежит сквозь полчища печенегов из города, приготовившегося уже к сдаче врагам. Спустя 47 лет Владимир, умирая, посылает своего сына Бориса против все еще грозных печенегов. 970 год. Летописец раскрывает нам тайну рождения Владимира, знакомит нас с тем могущественным лицом, которому Владимир обязан своими первыми успехами — с дядей его Добрыней (сыном Малка Любечанина и братом княгининой ключницы Малуши, прижившей Владимира от князя). По совету Добрыни новгородцы, просившие у Святослава одного из его сыновей себе в князья, останавливают свой выбор на сыне ключницы Владимире. Этот эпизод не отражен в былинах, так как он носил узкосемейный характер и не содержал в себе ничего героического. Он только знакомит нас с видной фигурой княжеского «уя» Добрыни, ставшего при Владимире своего рода мажордомом. Добрыня описан в летописи почти эпическими чертами: «бе Добрыня храбр и наряден муж»; он умен и хитер, смел, решителен;

по обуви пленников он делает вывод о воинственности врагов и советует мириться; он вместе с боярином Путятой огнем и мечом крестил Новгород. Добрыня страшен в своей мести, когда, «исполнился ярости», повелевает племяннику обесчестить дочь побежденного врага гордую Рогнеду (мать Ярослава Мудрого). Мстил он за то, что Рогнеда отказалась идти за Владимира и попрекнула его рождением от ключницы, назвав «робичичем».

Благодаря придворной ловкости Добрыни «робичич» стал единственным представителем княжеской династии, а сам Добрыня — родоначальником нескольких поколений новгородских посадников⁴.

Научная традиция уже более ста лет считает Добрыню, сына Малка Любечанина, прототипом былинного Добрыни Никитича, однако в последнее время без всяких оснований В. Я. Пропп и его сторонники отвергают это сближение⁵.

Отметим пока, впрямь до разбора отдельных былин, что былинная характеристика Добрыни Никитича никак не расходится с летописной. Былинный богатырь не княжеского и не боярского рода, но исполнен достоинства, «вежества», обучен грамоте, игре в шахматы, всем воинским искусствам. Он — дипломат, воин, придворный, и в то же время — певец и музыкант; его гусли и уменье играть на них упоминаются часто.

В то же время былины сохранили и такие детали из ранней молодости Добрыни, которые остались за пределами летописного рассказа:

Да три года жил Добрынюшка да конюхом,
Да три года жил Добрынюшка придверничком,
Да три года жил Добрынюшка де ключником,
Ключником Добрынюшка замочником,
Золотой де казны да жил учетчиком,
На десят-от год тут здумал ехать во чисто-поле ⁶.
По три годы Добрынюшка стольничал,
По три годы Добрыня приворотничал,
По три годы Добрынюшка чашничал,
На десятое-то лето стал конем владать...⁷

Придворная карьера брата ключницы Малуши могла действительно начинаться с таких низших ступеней.

Былинный Добрыня делает то же самое, что делает и Добрыня летописный: женит Владимира, ратоборствует с язычеством, воюет во чистом поле с врагами Руси.

Реальные события развивались так: с 970 по 977 гг. Добрыня и Владимир находились в Новгороде. За это время печенеги убили Святослава, Олег Святославич выступил против Свеналда и погиб в битве с братом Ярополком и Свеналдом. Народ сложил былинку о молодом Вольге Святославиче и крестьянине Микуде Селяниновиче. Ярополк после гибели Олега выгнал Владимира из Новгорода и послал сватов в Полоцк, сватаясь к Рогнеде, дочери половецкого князя. В 980 г. Владимир отвоевал Новгород и послал сватов к той же Рогнеде, соперничая со своим сводным братом. Рогнеда, как известно, отказала Владимиру: «Не хочу розути робичича, нъ Яропѣлка хочу». Тогда Владимир и Добрыня во главе соединенных сил Северной

⁴ Посадниками были Константин Добрынич и Остромир. Вышата Остромирч переехал в Киев. Знаменитый Ян Вышатич (праправнук Добрыни) был другим летописцем Нестора и Феодосия Печерского.

⁵ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955, стр. 130, 530.

⁶ А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, собранные в 1899—1901 гг., т. III, СПб., 1910, стр. 603.

⁷ «Былины», т. I, М., 1916, стр. 38.

Руси и варягов взяли Полоцк. Рогнеда стала против воли женой Владимира. Князь Рогволод и его сыновья были убиты⁸.

Главная роль в женитьбе Владимира отведена в летописном рассказе Добрыне. Былина о женитьбе князя Владимира повествует о сватовстве к дочери литовского короля (Полоцк очень рано вошел в состав Литовского княжества). Сватом едет Дунай или Добрыня (иногда оба). Былинная невеста отвечает точь-в-точь как Рогнеда:

Еще ваш-от князь есть *голопище!*

Отец невесты недоволен бедностью Владимирова княжества:

Его мала ныне мала земля ныне и бедна же...

Напомню, что исторический Владимир только-только вернул себе княжение в небольшом и еще небогатом Новом Городе у озера Ильменя. Его брат-соперник владел богатым Киевом и почти всей Русью.

Вслед за отказом былина описывает разгром королевского дворца и избиеание литовцев Добрыней, что очень живо напоминает ярость летописного Добрыни. Невесту берут силой и увозят к Владимиру. Наличие в былинах двух сватов — Добрыни и Дуная, может быть, является переосмыслением двух действующих лиц летописного рассказа — Добрыни и самого Владимира. У летописца — сына казненного Ярославом Мудрым Константина Добрынича — были свои счеты с обидчиком, и он не постеснялся написать, что Рогнеда (мать Ярослава) была изнасилована Владимиром на глазах у ее отца по распоряжению Добрыни. Былина облекла женитьбу Владимира в более приличную форму брака киевского князя на дочери соседнего короля; князь не едет сам по невесту, а ждет, когда ее привезут, хотя бы силой. Но от первоначальной ситуации осталось число участников: двое.

Продолжение событий 980 г. не нашло полного отражения в былинах, так как Владимир в своей борьбе против Ярополка поступал не всегда благовидно. Взяв Полоцк, Владимир подошел к Киеву и осадил там Ярополка. Старого Свеналда, очевидно, уже не было, так как воеводой ярополчим назван Блуд. Владимиру удалось склонить Блуда на свою сторону обещанием высокой чести: «Аще убию брата своего, имети ты хоцю вь отьца место своего». Блуду предлагалась та роль мажордома, которую фактически играл при Владимире Добрыня.

Князю, подыскивавшему способ убить брата, летописец нашел оправдание («не аз бо почях братию бити»), но воевода, изменяющий своему сюзерену, вызывает жестокое порицание («мужи крѣве и лъсти не преполовятъ дънии своих»).

Блуд предательски уговорил Ярополка покинуть Киев и затвориться в городе Родене на Роси, где Владимир осадил его. Летописец передает притчу, дожившую до его дней, т. е. до начала XII в.: «Беда, аки в Родъни». Очевидно, были какие-то сказания об этой печальной осаде, но они не дошли до нас. В глазах киевлян Владимир был еще пришельцем, начавшим усобицу и приведшим с собой варягов.

При посредстве Блуда Ярополк был обманом завлечен к Владимиру в старый Святославов княжеский дворец в Киеве, и здесь два варяга пронзили его мечами. Блуд же затворил двери и не позволил свите Ярополка следовать за ним. Народная былина о таком убийстве сложиться не могла, во всяком случае, былина, прославляющая Владимира; народный эпос умолчал об этом темном пятне в биографии своего любимца.

Но есть в былинном репертуаре былина «Хотен Блудович», которая, возможно, отражает в какой-то мере если не это событие, то последовавшую за ним ситуацию при дворе нового киевского князя. Это былина о молодом дружиннике князя

⁸ В местной полоцкой среде сложилось предание о жестоком обращении Владимира с Рогнедой — Гориславой и о том, как мальчик Изяслав, сын Владимира, с мечом в руках защищал жизнь матери. Это предание было записано, очевидно, в 1120-е годы летописцем князя Изяслава Мстиславича.

Владимира, которого киевские бояре попрекают неродовитостью и корят плохими качествами его отца. Вполне в духе этих бояр писал летописец, восклицавший по поводу измены Блуда:

«О злая лесьть человеческа!... Суди им, боже, да о падуть от мыслей своих ... то суть неистовии, иже приемше от князя или от господина своего честь ли дары, ти мыслять о главе князя своего на погубление; горьше суть бесов таковии»⁹.

При дворе Владимира могла создаться ироническая шуточная песня о сыне Блуда и его местнических претензиях, основанных на обещаниях Владимира иметь Блуда «в отца место».

Три былины, которые с разной степенью вероятности можно связывать с событиями 975—980 гг., объединены одной мыслью — укрепить авторитет Владимира. Былина о Вольге — это рассказ об одном из братьев Владимира, погибшем от руки своего родного брата Ярополка. Владимиру, убившему Ярополка, полезно было напомнить, что «не аз почаях братию бити, но он», и былина о Вольге Святославиче косвенно напоминала об этом. Кроме того, она воспевала ту демократизацию дружины, которую начал Олег, а продолжил Владимир. Былина о женитьбе Владимира повествовала о его победе над Полоцком и в смягченном виде рассказывала киевлянам о добыче невесты юным князем. Наконец, былина-сатира о сыне Блуда действовала на слушателей в интересах Добрыни, Волчьего Хвоста и других бояр Владимира, которым даже временное возвышение Блуда не могло быть приятным, а былина как раз унижала Блуда, отца Хотена. Начальные звенья Владимирова цикла былин создавались народом после того, как народ выработал свой собственный, положительный взгляд на этого князя, но какую-то роль в отборе былин, в содействии запоминанию их мы должны отнести и княжескому двору. На многолюдных пирах Владимира, по всей вероятности, исполнялись песни о княжских делах, и в репертуар сказителей могли войти как чисто народные былины с главным героем оратаем Микулой, так и полународные полудворцовые песни о Хотене Блудовиче.

Если сын и внук Добрыни были причастны к летописанию, то вполне возможно, что сам «почесливый» Добрыня, изображаемый в былинах как гуслиар и певец, имел некоторое касательство к одной из сторон песенного творчества времен Владимира.

Былины изображают Добрыню гуслиаром-сказителем, который не только хорошо играет и поет, но и знает все богатырские дела каждого из присутствующих на пиру; переодетый скоморохом Добрыня удивил пирующих:

А играет-то Добрынюшка во Киеве,
А навыйгрыш берет да во Цареграде,
А от старого да всех до малого,
А повыиграл поименно.
Все же за столом да призадумались,
Все же тут игры да призаслушались,
Все же за столом да испроговорят:
«А не быть же нунь удалой скоморошине,
Быть же нунь дородну добру молодцу,
Святорусскому могучему богатырю!»¹⁰

Такое сочетание гуслиара и знатока всех песен о богатырях «поименно» былина считает признаком принадлежности к самому богатырскому братству, по этому знаанию «от старого до малого» его отказались считать простым скоморохом, а признали богатырем.

⁹ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 54—55.

¹⁰ «Былины», т. I, стр. 63.

Нам никогда не удастся выяснить, был ли исторический Добрыня, сын Малка Любечанина, гуляром и сказителем былин, но, во всяком случае, как наставник и мажордом он должен был проявлять интерес к народному творчеству о его царственном племяннике и о самом себе. Княжий двор, еженедельно открытый для всей дружины и чуть ли не для всех киевлян, входил тем самым в процесс эпического творчества. Недаром знаменитые пиры Владимира так подробно, со знанием дела, описаны почти во всех былинах:

У ласкова у князя у Владимира
Было пированье, почетный пир
На многих князей, на бояров,
На русских могучих богатырей
И на всю поленицу удалую.

Или:

Во стольном городе во Киеве
У ласкова князя у Владимира
Было пированьице — почестен пир
На многих князей, на бояров,
На могучих на богатырей,
На всех купцов на торговых,
На всех мужиков деревенских.

Летопись:

«По вся неделя устави на дворе в гридьнице пир творити и приходити боляром, и гридем, и съцьским, и десяцькым, и нарочитым мужем». «Повеле всякому нищему и убогому приходити на двор княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье и от скотьницъ кунами»¹¹.

Дружинная и народная поэзия, шедшие ранее разными путями, при Владимире нередко сливались воедино и благодаря этому полнее закреплялись.

Первые пять лет великого княжения Владимира в Киевской Руси ознаменованы не столько борьбой с печенежской степью, сколько удаленными от Киева походами на запад и северо-восток в земли поляков, ятвягов, радимичей и вятичей, а также на юг к болгарам. Почти от каждого похода в летописи сохранились искорки фольклорных припоминаний: то летописец вспомнит, что и до его дней посмеиваются над радимичами: «Пещаньцы волчьа хвоста бегают!» так как воевода Волчий Хвост разбил их войска в глубине радимичских лесов на реке Песчаной в 984 г.; то припомнится летописцу, что мудрый Добрыня, разглядев воинскую одежду побежденных болгар, дал совет племяннику не враждовать с этим племенем, а «искать лапотников» (985 г.).

Отразились эти походы или их результаты и в былинном творчестве, которое не описывало в подробностях хода событий, а воспевало сущность того, что было совершено любимыми героями—получение «даней-выходов» с соседних земель или заключение мира с каким-то родственным Руси южным народом, имеющим своих богатырей.

Я имею в виду две былины: «Добрыня и Василий Казимиров» и «Добрыня и Дунай».

Содержание первой былины очень просто: Владимир собрался отсылать дань «собаке Батуру» (иногда Батью, Батырю), а Добрыня и Василий Казимиров советуют князю написать ярлыки не об отправке дани, а наоборот, с требованием уплаты

¹¹ «Былины», т. I, стр. 43; «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.», т. I, М.—Л., 1951, стр. 94; «Повесть временных лет», ч. I, стр. 86.

дани в пользу Руси. В Орде (в Литве) Добрыня выигрывает три вида состязаний: обыгрывает царя в шахматы, побеждает в стрельбе из лука и в рукопашной борьбе. Почти все детали этой былины — поздние, отражающие, очевидно, эпоху «ордынского выхода», но в некоторых вариантах сохранились очень старые подробности, позволяющие говорить о большей древности былинной основы.

Обычно отчество князя Владимира не сохраняется в былинах: для певцов он тот единственный «стольнокиевский» князь, который не требует пояснений. В этой же былине Владимир назван и по отчеству:

У ласкова князя Владимира
У солнышка у Сеславича
Было столованье, почетный пир...¹²

Земля, с которой Добрыня хочет собрать дань, часто называется Ордой или Литвой, но в вариантах бывает названа тоже редко упоминаемым именем «земля Поленецкая».

Можно предположительно сопоставить основу этой былины с первым походом Владимира Святославича в качестве киевского князя в 981 г., когда он зашел в землю польских Полян «и зая грады их Перемышль, Чьрвен и ины грады, иже суть и до сего дьне под Русю». В этом же году был совершен удачный поход и в другом направлении: «В семь же лете и Вятичи победи и възложи на ня дань от плуга». Этими двумя успешными походами открывалось княжение Добрыниного племянника. Победная песня о наложении дани на Червенские города «Поленецкой земли» могла быть хорошим продолжением песни о победе над Полоцком в предыдущем 980 г. Удачный дебют юного князя, в первый же год увеличившего казну новой данью, вполне мог быть воспет в виде былины о Добрыне, его государственном опекуне; воспевались не военные действия, а их результат — «дани-пошлины». И летописец часто повторяет фразы о взимании Владимиром дани: о Вятчах уже говорилось выше, а о Радичах под 984 г. сказано, что они «платять дань Руси, повоз везуть и до сего дьне». В другом месте летопись говорит об отношении Владимира к дружине по случаю того, что его подвыпившие богатыри потребовали себе и своим «головам»-воеводам серебряных ложек. Владимир приказал выковать их, говоря; «Сьребрьмь и златьмь не имамь налести дружины, а дружиною налезу сьребро и злато, яко же дед мой и отць мой...». Эта программная фраза приобретает особый смысл, если мы учтем, что Владимир при своем вступлении на престол отказался от *наемной* варяжской дружины. Для содержания же постоянной дружины нужны были не столько золото и серебро, сколько «дани-пошлины» и «повоз». Вот поэтому удачное приобретение новых объектов дани и могло стать предметом воспеания на дружинных пирях «ласкова князя Владимира Сеславича». Активная роль была отведена княжескому дяде Добрыне, участнику походов 980—985 гг. После отказа от выплаты ордынской дани в XIV—XV вв. былина приобрела свой современный вид.

К кругу этих событий относится и былина «Добрыня Чудь покори», записанная Киршей Даниловым.

Второй былиной, которую предположительно можно связать с военной деятельностью исторического Добрыни, является былина «Добрыня и Дунай». Напомню известнейший по летописи поход Добрыни на Дунай в 985 г.

«Иде Володимеръ на Болгары съ Добрынею, съ уемъ своимъ, в лодьях, а торьки берегомъ приведе на конихъ: И победи болгары. Рече Добрына Володимеру: „Сьглядах колодник, и суть виси в сапозах; сим дани нам не даяти, поидемъ искать лапотников“. И створи миръ Володимеръ с Болгары, и роте заходиша межю себе...»¹³.

¹² «Былины», т. I, стр. 43.

¹³ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 59.

Болгары, которые соединены с Киевом единым берегом, это, конечно, не Волжские, а Дунайские Болгары или же так называемые Черные Болгары в низовьях Днепра. 985 г. — последний год летописной биографии Добрыни. «Повесть временных лет» упоминала о его действиях в Киеве, Новгороде и Полоцке на протяжении пятнадцати лет (970—985 гг.). Былина тоже рисует Добрыню опытным и бывалым.

Ай как ездил Добрынюшка по всей земле,
Ай как ездил Добрынюшка по всей Руси,
Ай как ездил Добрынюшка по всем землям,
Как гулял-то Добрынюшка по чужим странам...
...А... он не мог же найти себе супротивника...¹⁴

Былинная география переносит нас именно в те места, куда был направлен и летописный поход — в Причерноморские степи:

Во первой-то стороне да горы лютыя,
Во второй-то стороне да леса темные,
Во третьей-то стороне да сине морюшко,
Во четвертой стороне да чисто полюшко¹⁵.

Если действие происходило в низовьях Дуная и Днепра, то географическая среда очерчена былиной достаточно ясно. Здесь Добрыня видит в поле пустой шатер нерусского образца и завладевает им; затем появляется хозяин шатра Дунай, оказавшийся *русским* богатырем. Между Добрыней и Дунаем завязывается бой, завершившийся примирением и побратимством двух богатырей.

Трудно сказать, отразились ли в образе Дуная черты русско-болгарского населения берегов Дуная, помнившего еще мечты Святослава о переносе столицы Руси на Дунай, или здесь имелись в виду русские «бродники», наполнявшие южные степи, или же в эту былинку проник более старый образ воина Салтовской культуры. Последнее предположение возникает в связи с тем, что в ряде вариантов Дуная осуждают, и он кончает свою жизнь в глубоком погребе, вырытом в степи, а это напоминает захоронения Салтовской культуры в катакомбах. Однако следует отметить, что суд князя Владимира над Дунаем в этой былине логически не оправдан — ведь нарушителем права был не Дунай, а Добрыня. Возможно, что этот конец попал сюда из другого цикла, а тогда отпадает сопоставление с «салтовцами» и увеличивается вероятность видеть в Дунае русского (или болгарского) богатыря с берегов Дуная.

Былина приобрела свой современный вид. Летопись вслед за серией походов 980—985 гг. приступает к многословному описанию крещения Руси, завершившемуся в 988 г. свержением старых кумиров, насильственным крещением киевлян в Днепре и Почаине, а в 989 г. — и новгородцев. Судя по Иоакимовской летописи XVII в., сохранившей старое новгородское предание, крестить Новгород прибыли Добрыня и тысяцкий Путята с войсками. Новгородцы во главе со жрецом Богомилом сопротивлялись, но Добрыня и Путята разбили их, подожгли город и свергли идол Перуна в южной части Людина конца. Предание называет Перуна огненным змеем, «крокодиллом», изображая его в виде дракона.

Одно из крупнейших внутренних событий эпохи Владимира — крещение Руси, как выяснено уже давно, отражено в былине «Добрыня и Змей»¹⁶.

¹⁴ «Былины», т. I, стр. 77.

¹⁵ Там же.

¹⁶ М. Н. С п е р а н с к и й. Вступительный очерк к разделу «Добрыня». — «Былины», т. I, стр. 7.

К сожалению, В. Я. Пропп и в отношении этой былины делает большой шаг назад, отрицая ее связь с введением христианства и отказываясь видеть в змее символ язычества¹⁷.

Былину «Добрыня и Змей» В. Я. Пропп считает очень архаичной, «одной из древнейших», связанной с мифологическим этапом эпоса. Большой этюд В. Я. Проппа, посвященный былине о змеборстве Добрыни, содержит ряд непримиримых противоречий.

Упорно отрицая, с одной стороны, старое утверждение исторической школы о крещении Руси как сюжетной основе былины, этот исследователь, с другой стороны, сам приходит к выводам, подводящим читателя к критикуемому им утверждению: «Убивая змея, Добрыня... уничтожает веру в потусторонний мир». «Змей в его древнейшей форме представляет природные стихии, а именно стихии огня, воды, гор и небесных сил — дождя и грозы». «Исчезающую мифологию мы имеем и здесь. В своем художественном творчестве народ повергает своих старых богов...». «Змей есть художественный образ догосударственного прошлого, повергаемого развитием русской культуры и русского государства»¹⁸.

Все сказанное этими цитатами подводит нас к признанию того, что Змей — олицетворение языческого миропонимания, а борьба с ним и есть борьба с язычеством. В. Я. Пропп не мог умолчать и о других аргументах В. Ф. Миллера — о «шапке земли Греческой» (монашеском или епископском клобуке), поражающей Змея, и о том, что бой происходит на Пучай-реке. В ней следует видеть киевскую Почайну — ту самую речку, в которой происходило массовое крещение киевлян в 988—989 гг.

После этого В. Я. Проппу, казалось бы, следовало полностью присоединиться к обоснованным и повторенным им самим выводам В. Ф. Миллера и других исследователей исторической школы. Однако тезис, провозглашенный В. Я. Проппом в начале этого этюда о «Добрыне и Змее», заставил его нарушить исследовательскую логику: «взгляд, что та или иная былина создавалась в том или ином веке, для некоторой группы былин — взгляд с научной точки зрения несостоятельный»¹⁹.

Лишь боязнь отступить от этого тезиса могла заставить В. Я. Проппа, только что убедившего своих читателей в том, что Змей — олицетворение язычества, побеждаемого христианством, вдруг сделать совершенно неожиданный вывод, единственное «достоинство» которого заключается в противоречии выводам исторической школы: «Первоначальной причиной выезда Добрыни (или его предшественника) из дому было похищение у него жены или сестры или же сватовство, поиски жены»²⁰.

Этими словами В. Я. Пропп смело, но бездоказательно зачеркивает все тщательно построенные и хорошо обоснованные выводы В. Ф. Миллера, М. Н. Сперанского и других исследователей, а также свои собственные выводы по всем частным элементам былины. Его итоговое заключение уводит былину о победе над Змеем в излюбленную Проппом, но малодоступную для изучения архаическую эпоху, когда, по его мнению, увоз жен составлял основу эпоса.

Это заключение настолько противоречит всему собранному историками эпоса материалу и выводам самого В. Я. Проппа, что позволительно будет не считаться

¹⁷ В. Я. Пропп. Указ. соч., стр. 173, 180.

¹⁸ Там же, стр. 180, 183, 186.

¹⁹ Там же. Далее автор пишет: «Для нас не так важно, создалась ли сперва былина о Соловье Будимировиче, а потом былина о змеборстве Добрыни или наоборот» (стр. 172). Историк никак не может согласиться с таким нигилистическим отношением к хронологии былин. Освободив себя от исторического анализа, В. Я. Пропп перетасовывает былины по своему усмотрению, и в приведенном выше случае он решил, что былина о Соловье «отражает более раннюю эпоху, так как ее сюжет — сватовство и женитьба героя — не давал возможности полностью отразить те исторические сдвиги и ту историческую борьбу, которая велась Киевской Русью».

Конкретно-исторический анализ дает другую последовательность этих двух былин:

«Добрыня и Змей» — 980-е годы,

«Соловей Будимирович» — 1040-е годы.

²⁰ Там же стр. 189.

с ним и оставить в силе старый вывод В. Ф. Миллера, что былина «Добрыня и Змей» — поэтическое отражение борьбы христианства с язычеством, поворотный пункт которой пришелся как раз на время летописного Добрыни.

Остановлюсь на трех частных вопросах. Во-первых, от наблюдательности В. Я. Проппа, несомненного знатока внутренней динамики былин как поэтических произведений, не укрылось то, что важным моментом в былине является *двукратность* боя со Змеем. Это станет нам понятно, если мы учтем, что христианство вовсе не было новинкой на Руси; оно появилось в 860—870-е годы, было усилено в эпоху Ольги (945—968 гг.). Двукратность появления языческого Змея может быть связана с некоторой языческой реакцией первый раз при Святославе, которому предание приписывает разрушение церкви св. Николая на могиле Осколда, а второй раз при Владимире, который за восемь лет до крещения решил обновить и объединить языческий культ в Киеве. Второй вопрос — о полоне, захваченном Змеем и освобожденном Добрыней после победы. Этот мотив иногда заставляет видеть в Змее олицетворение внешней опасности, тех степняков, которые уводили в полон русских людей. Однако этот вопрос решается и в том случае, если мы не выйдем за пределы языческих ритуальных понятий. Змей Горыныч живет на горе, сюда, на гору, он притаскивает и свой полон. То это «гора Сорочинская», где живут змееныши и находятся «полоны русские»²¹, то это Туги-горы, куда Змей уносит княжескую дочь. Вся торжественная часть славянской языческой обрядности была связана с горами: древние Поляне жили на горах, их потомки в 983 г. приносили человеческие жертвы на киевской Горе. В рассказах восточных авторов о трех центрах Руси говорится об Артании, городе на высокой горе, где убивают чужеземцев, а современные им византийские авторы пишут о «ксеноктонии» — о ритуальном убийстве иностранцев у русов — «тавроскифов». Русские воины Святослава приносили в жертву пленных греков, а Владимир в 983 г. — варягов.

Былина о Добрыне и Змее сохранила не только связь «полона» со змеиной *горой*, но и такую любопытную деталь, как наличие среди русского полона у Змея несколько неожиданных там иноземных королей, королевичей и королевских дочерей («девиц да королевичных»).

Дрался со Змеей он трои сутки,
Он убил Змею-то проклятую,
Спустился во нору во глубокую.
Много там сидит *царей-царевичев*,
Много *королей-королевичев...*²²

Все это вполне объяснимо с точки зрения жестокого языческого ритуала, требовавшего жертвы кумирам, и, в частности, убийства чужеземцев. На южной окраине Киевской Руси известно много высоких холмов, носящих название «Девичь-гора» (Сахновка, Триполье, Марьяна Гора близ Канева и др.), связанных, очевидно, с культом богини-девы, «Рожаницы», «Берегини», той повсеместно распространенной богини-девы, которую греки приравнивали к своей Артемиде, а позднейшее христианство обоготворило под именем девы Марии, богородицы. То, что главной жертвой Змея — язычества — оказывается девушка, княжеская племянница, надо связывать не только с легендой о Георгии, побеждающем Змея ради освобождения царской дочери, но и со всем комплексом древних языческих обрядов, породивших человеческие жертвы божественной Деве.

Третий вопрос касается огненной сущности Змея Горыныча. Если мы вспомним внешнюю форму языческого ритуала, то опять-таки эта черта получит полное объяс-

²¹ «Былины», т. I, стр. 17.

²² О. М и л л е р. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1870, стр. 430.

нение из языческой практики. На Киевском холме, как выяснили раскопки В. В. Хвойки, пылал грандиозный жертвенник; новгородский Перун, тот самый, которого свергал летописный Добрыня, был окружен негасимым огнем из восьми костров. Позднейшим новгородцам этот огненный Перун рисовался в виде дракона или змея-крокодила, очень близкого к былинному Змею Горынычу.

Кроме того, следует вспомнить и славянский погребальный ритуал: на высоких горах над рекой возводились грандиозные костры — «крады великие», на которых сжигали покойников. Огонь таких костров должен был быть виден на десятки километров вокруг. Достаточно напомнить такие курганы, как Черная Могила или Гульбище на Болдиных горах в Чернигове. Христианство прежде всего искореняло обряд трупосожжения, как абсолютно несовместимый с догмами церкви. Вплоть до эпохи Святослава трупосожжение в Киевской Руси существовало и никаким гонениям не подвергалось, так как курганы князей и бояр с остатками мощных погребальных кострищ располагались открыто у самых городских стен. Освобождение от неминуемой гибели «девиц королевичных» да «девиц князевичных» тоже неразрывно связано с похоронами знатных русов — с каждым из них, как хорошо известно, сжигалась на костре и одна из его жен, насильственно умерщвленная перед этим. Упразднение этого варварского обряда, существовавшего несколько столетий, должно было, несомненно, принести облегчение всем княжеским и боярским дочерям, которым при старых языческих порядках всегда угрожала опасность погибнуть после смерти мужа в пасти «огненного змея». Огненный змей, уносящий молодых женщин — это поэтическое выражение того погребального обряда, который так хорошо описан Ибн-Фадланом и документирован археологически.

Итак, если летописный Добрыня участвует в распространении христианства и распоряжается низвержением языческих идолов, если он вместе с Путятой вооруженной рукой борется с язычеством в Новгороде («Путята крестил мечом, а Добрыня — огнем»), то мы вполне можем сопоставить это с действиями былинного Добрыни Никитича, который борется с огненным змеем, побеждает его «шапкой земли Греческой», освобождает от зменного плена дочь Путяты и других девиц и иноземцев. Былина «Добрыня и Змей», вне всяких сомнений, отражает победу над язычеством, над самыми жестокими, кровавыми элементами погребального ритуала и культуры богов, требовавших человеческих жертв.

Былина не ограничивается каким-либо отдельным событием вроде поездки Добрыни в Новгород, а воспекает крещение Руси, борьбу с повсеместной языческой обрядностью, как важное историческое явление, которое все же можно отнести к определенным годам: 988—989²³.

²³ Церковь, вероятно, содействовала распространению подобных былин. Мы уже видели, что былина о Михайле Потоке носит некоторые черты духовного стиха. Кое-что от духовных стихов есть и в былине о Добрыне и Змее.

Не является ли «отчество» Добрыни—Никитич — русской формой, народным осмыслением распространенного греческого эпитета «Аникитас»—«Непобедимый», что вполне подходило бы к воюющему, утвердившему христианство вплоть до берегов Волхова?

Помимо перечисленных, существует еще целый ряд былин, где главный герой — Добрыня Никитич, но приурочить их к определенным событиям и даже векам трудно. В трех былинах («Добрыня и Маринка», «Добрыня на свадьбе своей жены» и «Добрыня и Настасья») повествуется о семейной жизни Добрыни: то это неудачная женитьба на развратной красавице колдунье Маринке, обратившей Добрыню в тура, то описание того, как во время долголетней отлучки Добрыни по богатырским делам его жена выходит замуж, думая, что он убит.

Быть может, нам следует вспомнить, что и в легенде Иоакимовской летописи идет речь о его жене, которую убивают язычники-новгородцы. Возможно, что такое упорное связывание с именем Добрыни тех или иных семейных неудач или конфликтов и отражало действительность, но для проверки у нас нет никаких данных.

Былина «Бой Добрыни с Ильей», в которой отцом Добрыни назван Никита Романович, по всем признакам очень поздняя, не ранее XVI в., и с реальными событиями X—XI вв. никак не связана. В этой поздней былине XVI—XVII вв. родиной Добрыни названа Рязань.

Летописные записи о Добрыне заканчиваются в «Повести временных лет» 985 г. и 991 г. в Никоновской летописи. Среди былинных сюжетов, которые можно связать с теми или иными событиями, нет ни одного, который переступал бы эту хронологическую черту. Добрыня — воин и гусяр, дипломат и полководец, перестал действовать и в летописи и в эпических песнях Владимирова цикла.

3

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

К 988 г. летописец приурочил описание создания мощных оборонительных рубежей для защиты от печенегов. Постройка нескольких десятков пограничных крепостей не могла быть делом одного года; крупные узловые пункты этой обороны закладывались в 990-е годы: Белгород в 992 г., Переяславль в 993 г. По Суле, Десне, Трубежу, Остру и Стугне (а судя по археологическим данным, и далее на восток по Пселу) ставились города и наполнялись разноплеменными гарнизонами из всех русских областей. К жителям угрожаяемых районов — полянам, уличам и северянам — добавились новгородцы, кривичи, вятичи, чудины. Они селились все вместе, хоронили своих покойников на общих кладбищах и сообща «бес престани» воевали с печенегами, опираясь на несколько линий застав богатырских.

Если отказ от варягов-наемников и приглашение в княжескую дружину «Селяниновичей» был первым шагом к демократизации, то подлинная реформа военных сил и расширение их общерусской основы были проведены Владимиром в 990-е годы, в годы постройки и заселения широкой и плодородной лесостепной полосы. Впервые в истории далекие лесные жители были властно переселены на юг и приняли участие в борьбе со степью. Эпическим героем этого этапа становится пришедший на смену Добрыне крестьянский сын Илья Муромец. Напрасно исследователи исторической школы пытались доказать, что мужицкие, крестьянские черты появились у этого богатыря только лишь в XVI в. Даже придворная летопись этого времени перешла к новым героям: под 993 г. она рассказывает о простом безымянном юноше-кожемяке, победившем печенежина и вошедшим в силу этого в боярский круг, а под 996 г. повествует о том, как осажденный Белгород был спасен не князем и не «старейшинами градскими», а простым безымянным стариком, сумевшим обмануть печенегов.

Из этих примеров мы видим, что появление крестьянского сына, совершившего важный подвиг, в среде бояр Владимира Святославича не могло бы удивить киевского летописца конца X в., но оно почему-то удивляло представителей исторической школы. Конечно, как и все былины с элементами социальной направленности, этот «ильинский» цикл жил бурной жизнью в XVI—XVIII вв., когда крестьянские массы сознательно дополняли образ Ильи мужицкими чертами и подчеркивали антагонизм между Илей и боярами, а порой и вражду его с самим великим князем.

Однако историческую основу образа Ильи Муромца и первичных былин его цикла мы должны искать в русской действительности времени Владимира, когда князь, нуждавшийся в воинах и боярах, переселял с Севера тысячи людей, а победителей в важных поединках делал из простых ремесленников «великими мужами», т. е. боярами. Если об этом писали с чувством княжеские летописцы, то сам народ должен был еще с большим чувством петь об этих героях.

Сами заставы богатырские иногда так подробно описаны в былинах, что их легко можно сопоставить с летописной географией. Так, говорится о заставе «промеж Киева да Чернигова»; ровно на середине пути между этими городами на Остре (летописном Въстри) лежит Остерский городец, один из Владимировых городов.

Былина «Исцеление Ильи» рассказывает о том, как из окрестностей далекого Муромы крестьянский сын Илья Иванович, будучи исцелен чудесными странниками и почуввав в себе богатырскую силу, стремится поехать в Киев служить Владимиру,

«киевскому князю поклониться», «постоять я еду за Киев-же». Он берет благословенье у отца-матери, собирает в ладанку горсть родной земли, приносит жертву родной реке (пускает плыть по Оке кусок хлеба) и отправляется в дальний путь. Чудесным образом он получает богатырского коня и весь доспех и выезжает в свою первую поездочку уже вполне снаряженным, готовым постоять «за стольный Киев-град, за святую Русь».

Превращение крестьянина в воина, переезд новоснаряженного воина из Мурома в Киев — все это очень хорошо укладывается в хронологические рамки эпохи строительства городов-застав вокруг Киева, Чернигова, Переяславля и Курска, т. е. в 988—993 гг. Сказав о заселении новых городов переселенцами с Севера под 988 г., летописец по поводу постройки крупнейшей из этих крепостей — Белгорода — снова повторяет:

«Володимеръ заложи градъ Белъгородъ и наруби въ нь от инехъ град и много людей сведе во нь; бе бо любя градъ съ» (991 г.)²⁴.

Эти летописные записи являются прекрасным пояснением к былине о герое из-под города Мурома, принятом в дружину киевского князя, оторванном от семьи, поседевшем и постаревшем на тяжелой пограничной службе.

Второй былиной об Илье Муромце является рассказ о совершении им тех богатырских подвигов, ради которых он бросил свой дом.

Народ называет ее «Первая поездочка Ильи», но она известна и под названием «Илья Муромец и Соловей Разбойник». Ее величественный и торжественный напев звучит как народный гимн молодому государству, сильному и вовне и внутри. В былине объединено две темы: во-первых, освобождение Чернигова Ильей Муромцем от поганой силушки, подступившей к городу, а во-вторых, прокладывание дороги прямоезжей через Брыньские леса, где уж тридцать лет засел в своем родовом гнезде Соловей, полоненный Ильей и привезенный в Киев.

Летопись под 996 г. сообщает, что княжение Владимира было всем хорошо, но только «умножишася разбоеве», и христианские епископы посоветовали ему казнить смертью разбойников, не боясь греха.

«Володимер же, отверг виры, нача казнити разбоиникы».

Правда, очень скоро епископы, к которым присоединились «старцы» (очевидно, бояре), поняли фискальную невыгодность такой меры и посоветовали вернуться к старым вирам: «рать многа, а еже вира — то на оружии и на коних буди». Возврат к вирам был продиктован «ратью великою» с печенегами, которая вынудила Владимира отправиться даже в Новгород «по върховнее вое». Печенеги напали на Русь в 996 и в 997 гг. Былина об Илье и Соловье отражает оба события — и нашествие печенегов, и борьбу с разбойниками. Сквозь мифологический налет в облике Соловья мы можем разглядеть не столько придорожного грабителя (такие существуют в былинах отдельно от Соловья), сколько представителя тех косных сил родоплеменного строя, которые были чужды государственности, боролись за свою обособленность, противодействовали «дорогам прямоезжим» через их лесные земли, — дорогам, которые теперь особенно понадобились для связи юга с землями Вятичей и Кривичей.

Географически земля Соловья — Брыньские леса. Это глухой лесной край Вятичей, долго живших «звериньским образом» (Нестор), надолго удержавших архаичные языческие обряды и пережитки первобытных форм брака, тех Вятичей, которые в XI в. убили миссионера Кукшу, и проезд через землю которых Владимир Мономах ставил себе в заслугу: «проеахом сквозе Вятичи». Соловей — глава целого клана; с ним вместе живут и его многочисленные сыновья, и дочери, и зятья, дей-

²⁴ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 83.

ствующие «рогатинами звериными». Все младшие члены Соловьиного рода — на одно лицо, что объясняется эндогамией: Соловей объясняет Илье, что «я сына-то выращу, за него дочь отдам, дочь-то выращу, отдам за сына, чтобы Соловейкин род не переводился». Сыновья его могут оборачиваться воронами. Эти первобытные обычаи Илье Муромцу «за досаду ему показались» и он вырубил все племя Соловьиное²⁵.

Живет Соловей со своим гнездом в тереме или подворье, обнесенном тыном, на тыне — человечьи черепа. Вокруг своего двора Соловей «захватывает вор-собака на семи верстах». Несмотря на ряд звериных признаков, Соловей все же человек, и даже человек могучего богатырского склада: у него желтые кудри, он поднимает чару в полтора ведра «единой рукой», тело его велико, свист его страшен.

Соловей — не обычный разбойник на большой дороге, который живет за счет проезжих торговых караванов, наоборот, он — жестокий и неразумный домосед, владелец земли, не позволяющий ездить через его леса.

Сидит на тридевяти дубах,
Сидит тридцать лет,
Ни конному, ни пешему пропуску нет.

Никакие государственные задачи не могли быть решены при сохранении внутри державы таких независимых и примитивных полуродовых полуфеодалных «гнезд», враждебных тому новому государственному порядку, который требовал прямоезжих дорог, гарантии безопасности для княжских гонцов, воинов или купцов с товарами, целостности мостов и гатей. Илья Муромец

Мостит мосты каленые,
Работает дорожку прямоезжую...

а затем подстреливает (но не убивает) Соловья, привозит его в Киев и предъявляет его как известного всем нарушителя порядков. После княжьего суда Илья Муромец

Он скорешенько садился на добра коня,
А й он вез-то Соловья да во чисто поле
И он срубил ему да буйну голову²⁶.

Так, в полном соответствии с постановлением собора епископов 996 г. (в его первоначальном виде) завершился один из первых подвигов нового богатыря, крестьянского сына Ильи Муромца. В ряде былин, кроме разгрома внешних врагов под Черниговом и победы над Соловьем, существует еще один эпизод с настоящими разбойниками-станичниками. Иногда Илья побивает разбойников на сухопутье, иногда же он борется с морскими или речными пиратами²⁷.

И точно так же, как советчики-епископы, так и Илья Муромец, в разных вариантах былин то готов убить всех разбойников, не боясь греха, то начинает их жалеть и миловать: «ему жалко их до смерти убить». Морские подвиги Ильи Муромца связаны или с безымянной рекой или с Хвалынским морем:

По морю, по морю синему
Плавал Сокол-корабль...
Хорошо Сокол-корабль изукрашен был:
Бока сведены по-звериному,
А нос-от да корма по-змеиному...

²⁵ О. Миллер. Указ. соч., стр. 263, 264.

²⁶ «Былины», т. I, стр. 145.

²⁷ О. Миллер. Указ. соч., стр. 282—287.

Богатырский корабль несет сторожевую морскую службу и постоянно плавает на протяжении тридцати лет:

На якоря корабль не ставал
И желтого песочку в глаз не видал...

Пиратов, которые нападают на этот корабль, Илья Муромец распугивает «громом» (греческим огнем?):

А разбойнички испужались,
В горы с испугу разбежались²⁸.

Подводя итоги краткому обзору былин об Илье Муромце, можно сказать, что его крестьянское происхождение и приезд в Киев из далекого города вполне объяснимы исторической обстановкой 988—993 гг. Его борьбу с Соловьем Разбойником и станичниками, прокладывание «дорог прямоезжих» надо связывать с летописной записью 996 г. о казни разбойников. Даже отношение Ильи к разбойникам такое же переменчивое, как и само постановление боярской думы 996 г.: то он их казнит, не боясь греха, то милует. К этому же 996 г. относится один из сильных набегов печенегов, когда сам Владимир едва спасся, укрывшись под мостом. Былина говорит о том, как Илья спас Чернигов от несметной поганой силушки. И, наконец, третьим летописным событием этого же 996 г., также отраженным в былине, является красочный рассказ об учреждении регулярных пиров для дружинников князя Владимира.

Былина описывает пир и появление на нем нового богатыря, ради которого старым «князьям-боярам» пришлось потесниться. Следовательно, былину «Первая поездочка Ильи Муромца» можно надежно датировать 996 г.

Кроме борьбы с погаными и внутренними разбойниками, третьей точкой приложения богатырских сил Ильи Муромца была борьба с врагами на воде, с Соколка-корабля. Прямых летописных соответствий мы здесь указать не можем, но необходимо учесть ряд экспедиций Владимира на ладьях (поход 985 г., поход на Корсунь в 988 г.) и наличие морских владений Руси вроде Белгорода Днестровского, Корчева и Тмутаракани, требовавших охраны морских путей. Эта морская служба должна была особенно оживиться после овладения Херсонесом в 988 г. и, таким образом, падает на те же 990-е годы, к которым приурочиваются и остальные подвиги Ильи Муромца. С именем Ильи Муромца и Добрыни Никитича связан ряд бродячих сюжетов о бое отца с сыном («Илья и Сокольник») или о приключениях со степными богатырями («Добрыня и Поленица», «Илья Муромец и Горынынка» и др.).

У нас нет надежных оснований для хронологического приурочивания этих сюжетов, но необходимо учесть усиление связей Руси с Причерноморьем, Кавказом, Тмутараканью и Византией в конце X в. Встречи со степными богатырями, любовные истории с амазонками-«поленицами», неузнанные сыновья, рожденные от случайных связей в далекой «Задонской» и «Жидовской» (Хазарской?) стороне — все это могло быть отражением реальной жизни последнего десятилетия X в.

Рассмотрев былины Владимирова цикла в сопоставлении с историческими событиями, мы видим, что они группируются вокруг двух героев — княжеского дяди Добрыни и крестьянского сына Ильи Муромца. Это два разных круга былин, разделенных и тематически и хронологически; рубежом между ними является 988 г. — год крещения Руси, год создания широкой сети богатырских застав. Но оба эти круга тесно объединены прославлением действий великокняжеской власти Владимира Красное Солнышко. И Добрыня и Илья, независимо от их происхождения, воспеваются народом как неутомимые самоотверженные деятели молодого Русского государства.

²⁸ О. Миллер. Указ. соч., стр. 282—283.

Русские области, в которых происходило в X—XI вв. создание героического былинного эпоса

Феодалное, дружинное начало в те годы тесно переплеталось с народным, объединяло народ, втягивало его в богатырские дела обороны Руси, возглавляло разрозненные народные силы. Поэтому князь Владимир и боярин Добрыня закономерно становились героями наряду со смердом Ильей или Микулой. Былинный эпос — это собрание героических народных песен о тех событиях, которые касались всей русской народности, всей державы, о событиях, к которым одинаково относились и в деревнях, и в городах, и в боярских дворах, и на пиру у самого «ласкова князя Владимира Сеславьича».

Складывались и пелись эти былины во всей той широкой и протяженной полосе русских сел и градов между «серебряными струями» пограничной со степью Сулы и лесными массивами Радимичей и Вятичей, в той полосе, где борьба с печенегами, стояние на «заставушках богатырских» было делом жизни всего народа (см. карту).

Проникали эти былины и на далекий север, не знавший непосредственно боев со степняками, но откуда уезжали на юг воины, узнававшие там о силушке поганой и увозившие потом в свои новгородские, смоленские, муромские леса звучные и торжественные песни об общерусских богатырских делах.

Пелись былины и на княжьих пирах, где собирались участники этих богатырских дел, но не славословие князю, не угодливость перед боярами выступают в былинах. Былина — благородная, чистая песня, воспевающая благородные дела, а народная память — это фильтр, отбирающий только вечное, пригодное для народа в целом, а для князя — лишь в той мере, в какой сам князь действует в интересах народа.

Былины Владимирова цикла мы можем расположить в порядке хронологии тех событий, которые породили их и в них воспеваются:

975—977 гг. — «Вольга Святославич и Микула Селянинович»

980 г. — «Добрыня—сват» («Женитьба князя Владимира»)

981 г. — «Добрыня дань собирает» («Василий Казимиров»)

985 г. (?) — «Добрыня и Дунай»

988—991 гг. — «Добрыня и Змей»

980-е годы — «Добрыня Чудь покорил» (?)

«Добрыня и Маринка» (?)

«Добрыня и Поленица» (?)

«Добрыня на свадьбе своей жены» (?)

988—993 гг. — «Илья Муромец» (исцеление и отъезд)

996 г. — «Первая поездочка Ильи Муромца»

(«Илья и Соловей Разбойник»,

«Илья и станичники»)

990-е годы — «Илья Муромец и Сокол-корабль»

«Илья Муромец и Сокольник» (бой с сыном)

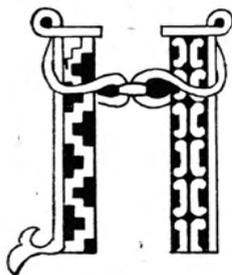
Конечно, эта детальная периодизация внутри одного цикла никогда не может быть доказана с полной неопровержимостью во всех своих звеньях, так как ряд былин дошел до нас со следами позднейших переделок и дополнений. Отдельные события и новые исторические лица других эпох, далеких от времени сложения былин, несомненно, повлияли на степень сохранности первоосновы (например образ Марины Мнишек в былине о Добрыне и Маринке), но без попытки выделить хронологическую канву первичных былин, без сопоставления былин Владимирова цикла с реальными событиями народной жизни в эпоху Владимира мы вообще не можем и думать о каком бы то ни было анализе былинного эпоса.

БЫЛИНЫ СЕРЕДИНЫ XI в.

1

ВЕЩИЙ БОЯН И БЫЛИНА О СОЛОВЬЕ БУДИМИРОВИЧЕ

Народное и феодальное начала, которые во многом так гармонично сошлись на короткий срок при Владимире, снова разошлись после 1015 г.

Жестокие и разорительные междоусобные войны Святополка Окаянного и Ярослава Мудрого прежде всего положили конец этому временному равновесию. Вовлечение в усобицу печенегов, поляков и варягов увеличивало разрыв между князьями и народом.

Тридцать пять лет княжения Ярослава были временем нарастания феодальных противоречий, наступления на вервь, на смердов и закупов, временем борьбы крестьянства с княжескими огнищанами и старостами. Великокняжеские юристы готовили жестокие нормы «Русской Правды», а сам князь отгородился от народа, пировал на «великом дворе» со своими скандинавскими родичами и искал опоры, во-первых, в наемных отрядах варягов, а во-вторых, в феодальной церкви, признавшей его «Мудрым».

Внешняя опасность со стороны печенегов значительно ослабела, и все силы Ярослав смог направить на то, чтобы стать «самовластцем» в Русской земле. Он расправился с новгородским посадником, сыном Добрыни, казнив его, и засадил в подземелье последнего из своих родных братьев — Судислава. Неудивительно, что народ совершенно обошел молчанием своеобразную фигуру хромоногого, трусливого, но властолюбивого князя, опиравшегося на наемное войско и готовившего народу суровые статьи княжеского закона. Имени Ярослава нет в былинах.

Ни одно из драматических событий его эпохи не было воспето народной эпической поэзией.

Современником Ярослава был знаменитый придворный поэт Боян, и представляется чрезвычайно интересным проверить на всем былинном фонде, что сохранилось в нем от великого феодального поэта, воздействовал ли Боян в какой-либо степени на основу героического былинного эпоса?

Следы придворной поэзии мы находим в летописи уже в X в.: восхваление Вещего Олега, описание спартака Святослава и др. Но лучшим примером феодального придворного поэта, несомненно, является Вещий Боян.

Бояну по праву принадлежит первенство среди русских поэтов. Судя по той почтительности и тому глубокому знанию его творчества, которые обнаруживает автор «Слова о полку Игореве», это был, очевидно, действительно выдающийся певец своей эпохи. Спустя целое столетие в киевско-черниговской рыцарской среде хорошо знали песни «соловья старого времени», его несколько вычурную манеру «замышлений», помнили его разнообразный репертуар и отдельные афоризмы. Его «былины», сложенные «старыми словесами», не потерялись в общем потоке былинного творчества X—XII вв., его авторство прочно соединялось с его песнями, по всей вероятности, еще исполнявшимися при княжеских дворах в конце XII в.

Автор «Слова о полку Игореве», противопоставляя свою поэзию «старым словесам» Бояна, так часто по разным поводам говорит о нем (около десятой части «Слова» посвящено Бояну), что мы можем с достаточной полнотой представить себе облик самого Бояна. В первой же характеристике Бояна определяется его положение княжеского певца—струны его гусель «сами князем славу рокоташу». Он воспевал не столько события, сколько людей: «Аще кому хотяше песнь творити...».

Список воспетых им князей позволяет примерно определить хронологию его творчества и жизни. Боян воспевал «храброго Мстислава», «старого Ярослава», «красного Романа Святославича». Это дает минимальную дату 1036—1079 гг. (от смерти Мстислава до смерти Романа), если считать, что он воспевал живых людей.

Впрочем, формула «кому хотяше песнь творити» ясно указывает на песни в честь его современников, слушавших его игру и пение.

В самом начале «Слова» о Бояне сказано, что он «помняшет бо речь пьрвых времен усобице». Скорее всего, здесь говорится о тех длительных войнах между сыновьями Владимира Святого, которые заняли целое десятилетие с 1015 по 1024 гг.

Двое уцелевших героев этих усобиц — Ярослав и Мстислав — упомянуты как объекты воспевания.

Кроме того, в заключительной части «Слова»¹ Боян назван «песнотворцем Святослава», не современника «Слова» (Святослава Всеволодича), а «старого времени Ярославля», т. е. сына Ярослава Мудрого. Здесь же упоминается «коган Олег», очевидно Олег «Гориславич», сын Святослава; туманное место «...Ольгова когана хоти...», может быть, следует понимать в том смысле, что Боян был любимцем Олега? Олег умер через сто лет после начала «первых усобиц»; можно думать, что Боян застал лишь начало деятельности этого неистового князя, лишь то время, когда он был еще «головою без плечей» — князем без княжества, т. е. с 1070-х годов до 1094—1096 гг. Начиная свою поэтическую деятельность Боян, как предполагают, в Тмутаракани, где он был свидетелем знаменитого поединка князя Мстислава Владимировича с касожским князем Редедей в 1022 г. С 1024 г. до своей смерти в 1036 г. Мстислав княжил в Чернигове; возможно, что и Боян сопровождал его; по крайней мере, в летописных сказаниях о Лиственской битве (1024 г.) Мстислава с братом Ярославом иногда видят отголоски песен Бояна².

В 1036—1054 гг. Ярослав был «самовластцем» во всей Русской земле, и эти годы, очевидно, Боян находился при киевском княжеском дворе. С появлением на политической сцене Ярославичей, Боян в 1050—1070-х годах снова связан с черниговско-тмутараканской княжеской линией: Святославом Ярославичем и его сыновьями Романом и Олегом, родоначальником «Ольговичей», «Олегова хороброго гнезда»³.

¹ «Рек Боян и Ходына (?) Святъславля песнотворца стараго времени Ярославля, Ольгова когана хоти: „Тяжко ти головы кроме плечю, зло ти телу кроме головы“ ...» («Слово о полку Игореве», М.—Л., 1950, стр. 30).

² Н. В. Шляков. Боян.—«Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР» (ИОРЯС), т. I, ч. 2, Л., 1928, стр. 496.

³ «Заботясь о блеске своего княжения. Святослав Ярославич, подражая болгарскому царю Симеону, не только устраивает у себя библиотеку, Болдинский монастырь, но призывает ко двору и гремевшего в то время певца, который с этих пор и посвящает свой дар ему и его семье, тесно связав особенно свою судьбу с судьбой его старшего сына энергичного Олега...» (Н. В. Шляков. Указ. соч., стр. 498).

Из всего того, что мы узнаем о Бояне, ясно, что основной темой его песнотворчества было восхваление князей, прославление их личной доблести, возможно, печалование по поводу смерти⁴.

Только в отношении одного князя Боян определенно высказался отрицательно, что заставило автора «Слова о полку Игореве» даже полемизировать со своим прославленным предшественником. Этот князь — Всеслав Брючиславич Полоцкий, вероломно захваченный Ярославичами (в том числе и патроном Бояна Святославом) в 1067 г., а на следующий год освобожденный восставшим киевским народом. Симпатии автора «Слова о полку Игореве» на стороне Всеслава, но тут же он приводит и враждебную «припевку» Бояна:

Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду —
суда божиа не минути!

Боян, очевидно, считал, что князь, возглавивший восставший город, заслуживает божьего суда.

В поэме, целиком посвященной борьбе с половцами, ни слова не сказано о том, чтобы Боян, свидетель первого половецкого натиска 1068 г., слагал песни о борьбе с Шаруканом.

Итак, фигура крупнейшего, прославленного придворного княжеского «песнотворца» становится нам ясней.

Перейду теперь ко второй половине задачи — к поискам отголосков творчества Бояна в былинах.

Оказывается, что ни один былинный сюжет не может быть возведен к тем сюжетам, которые перечислены в «Слове о полку Игореве» как предмет творчества Бояна. В былинах мы не найдем имени ни Мстислава, ни Редеди, ни Святослава Черниговского или Ярослава Мудрого. Нет в былинах и отражения биографий воспевавшихся Бояном князей, насколько мы можем судить о них по летописям. Очевидно, фиксация творчества Вещего Бояна шла по другим руслам: во-первых, передача из поколения в поколение (по крайней мере до конца XII в.) придворных песен, исполнявшихся в узком феодальном кругу, а во-вторых, быть может, правы те исследователи, которые утверждают, что часть Бояновых песен послужила основой летописных статей (о поединке с Редедей, о Лиственской битве, о приеме послов Святославом, о смерти Романа Святославича и др.). В былинах же отражения основной тематики Бояна — славы князьям — мы не находим.

Среди русских былин, не входящих во Владимиров богатырский цикл, есть интересная былина о сватовстве заморского гостя Соловья Будимировича к племяннице Владимира Забаве Путятичне — былина, которая «не принадлежит к числу распространенных»⁵. Сюжет ее очень прост: из-за моря Вилянского по Днепру в Киев приплывает на красивом резном корабле Соловей Будимирович со своей дружиной. Прибыв во дворец к Владимиру, он иносказательно просит руки его племянницы Забавы. В ее саду он строит златоверхий терем и играет на гуслях. Дело кончается свадьбой; Соловей увозит Забаву в свою заморскую землю.

Ф. И. Буслаев считал Соловья Будимировича норманном. А. И. Лященко уточнил хронологию этой быliny и сопоставил ее со знаменитым сватовством норвежского короля Гаральда III Гардрода (1046—1066 гг.) к дочери Ярослава Муд-

⁴ Летописный рассказ о преждевременной смерти Романа Святославича, предательски убитого половцами 2 августа 1079 г., считают заимствованным из песен: «Суть кости его и доселе лежаче тамо, сына Святославля, внука Ярославля» («Повесть временных лет», ч. I, М.—Л., 1950, стр. 135). «Слова эти как будто взяты из песен, которые любят описывать, как дождь мочит в степи богатырские кости» (К. Н. Б е с т у ж е в - Р ю м и н. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868, стр. 4).

⁵ В. Я. П р о п. Русский героический эпос. Л., 1955, стр. 161.

рого Елизавете ⁶. Русская княжна первоначально отказала норманскому конунгу; он, как мы знаем из его собственной песни, долго горевал о том, что «дева русская Гаральда презирает», и снова отправился в путешествие. Он побывал в Византии и в Италии. После вторичного предложения Елизавета Ярославна согласилась стать женой Гаральда и уехала с ним в Норвегию. До этого Гаральд, как и Соловей в былине, жил некоторое время в Киеве. Гаральд погиб в битве при Гастингсе в 1066 г.

Хорошо аргументированная гипотеза А. И. Лященко о тождестве былинного Соловья и исторического Гаральда мне представляется убедительной. И если считать, что эта былина отражает эпоху княжения Ярослава Мудрого и именно последний период его княжения, так как свадьба Елизаветы и Гаральда происходила в 1040-е годы, когда Ярослав после смерти Мстислава стал «самовластцем», то это означает, что и сложение песни-былины о заморском женихе, увезшем княжну из Киева, приходится на то время, когда *Боян был в Киеве при дворе «Старого Ярослава»*. В связи с этими соображениями очень интересно сопоставить заповь былины о Соловье Будимировиче с заповем «Слова о полку Игореве» в том его стилизованном варианте, где автор «Слова» хочет воспроизвести старую манеру Бояна:

Чи ли въспети было, Вещей Бояне — Велесов внуче:
Комони ржуть за Сулою
Звенить слава в Киеве;
Трубы трубятъ в Новеграде,
Стоять стязи в Путивле.

Здесь гениальной рукой с предельной экономностью сил и широтой образов нарисована картина состояния Половецкой земли и трех русских княжеств весной 1185 г. Современникам она была понятна без пояснений, так как они знали, что сразу за рекой Сулой начинается безбрежная половецкая степь, «чистое степное раздольице», куда только что прикочевали на весеннюю траву от синего моря хозяева степей с тысячными табунами коней: *«комони ржуть за Сулою...»*.

Современники знали, что только что закончился победоносный поход коалиции русских князей во главе со старым киевским Святославом Всеволодичем против самого Кончака; повторный удар половцам был нанесен отрядом боярина Романа Нездилевича на первый день пасхи, за два дня до выступления Игоря. Удачные походы праздновали в Киеве — здесь немцы и венецианцы, греки и чехи пели славу «грозному и великому» Святославу: *«звенить слава в Киеве...»*.

Давно было условлено между братьями-князьями, что могучий Буй-Тур Всеволод соберет своих сведомых кметей-курян, изготовит их к походу на южных рубежах Северной земли: *«стоять стязи в Путивле...»*.

Нужен был сигнал для похода; сигнал дает старший из Святославичей, княживший в Новгороде-Северском, — Игорь; он выбрал для похода время, когда киевские князья снова отвлекли половцев движением берендейских войск: *«Трубы трубятъ в Новеграде»*.

Так в четырех коротких строках дана география и различная обстановка во всей лесостепи и в степях.

Заповь былины о Соловье Будимировиче тоже дает такую же широкую географическую картину, неразрывно связанную с сюжетом и являющуюся введением к былине. И так же, как заповь в «Слове о полку Игореве», этот былинный заповь требует глубокого понимания условий времени, знания того, что скрывается за словами, кажущимися простыми. Исходная точка длительного корабельного пути Соловья Будимировича — это *«синее море Виранское»*, в которое «матушка Нева широко

⁶ А. И. Лященко. Былины о Соловье Будимировиче и сага о Гаральде.—«Сборник в честь профессора А. И. Малеина», т. II, Пг., 1922; С. Р о ж и е ц к и й. К истории Киева и Днепра в былевом эпосе.— ИОРЯС, т. XVI, кн. 1, СПб., 1911.

Корабли середины XI в. (вышивка королевы Матильды в Байе)

прошла». Нет сомнений в том, что здесь речь идет о море Варяжском ⁷. Кочечная точка — «славный Киев-град» на крутом берегу Днепра.

Реки да озера к Новугороду,
 А мхи да болота к Белу-озеру,
 Да чисто поле ко Опскову,
 Темные леса Смоленские....
 ...Широка мать Волга под Казань прошла,
 Подале того и под Астрахань.
 Да из-под дуба, дуба сыраго,
 Из-под вязу испод черного,
 Из-под белаго горячаго спод камешка
 Выбегала мать Непра река,
 Да устьем впадала в море Черное ⁸.

Слушатель былины оказывается где-то в северной части пути из Варяг в Греки, и певец почему-то указывает ему три дороги: одна ведет рекой прямо к Новгороду Великому, другая — через мхи и болота к далекому Белоозеру, а третья — через чистое поле ко Пскову. Географические приметы верны, но почему понадобилось певцу, описывая *путь кораблей*, говорить о болотах и равнинах, по которым эти корабли все равно не пройдут. Белоозеро и Псков никак не связаны ни с маршрутом кораблей, ни с сюжетом былины. Нигде в других былинах мы не видим такого ненужного на первый взгляд нагромождения далеких от театра действий географических

⁷ «Песни, собранные П. Н. Рыбнищовым» (далее — П. Н. Рыбнищов), т. II, изд. 2-е, М., 1910, стр. 434.

⁸ Там же, стр. 677. В знаменитом варианте Кирши Данилова, использованном Римским-Корсаковым в «Садко», запев лишен многих географических подробностей; там воспевается глубина моря-океана, раздолье великой русской равнины и глубокие омуты в Днепре:

Высота ли высота поднебесная,
 Глубота, глубота — окиян-море.
 Широко раздолье по всей земли,
 Глубоки омуты Днепровские...

(«Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым», далее — К и р ш а Д а н и л о в. М., 1938, стр. 1).

Возможно, что сибирские певцы сохранили лишь *общую* часть описания пути, опустив далекие для них детали.

Корабли середины XI в. (вышивка королевы Матильды в Байе)

названий. Не кроется ли и здесь, как в запеве Бояна, какой-либо скрытый смысл?

Новгород, Белоозеро и Псков только один раз были объединены в своих исторических судьбах — в легенде о призвании князей-варягов (место Пскова там занял его пригород Изборск). И, может быть, не случайно автор былины о Соловье — Гарадьде повествует об этих трех путях: они не связаны *прямо* с сюжетом, но связаны с характеристикой главного героя — это его предки, скандинавские викинги, устремлялись в своих набегах на Новгород, Белоозеро и Изборск близ Пскова. Легенда о призвании варягов получила свое первое литературное оформление как раз в эпоху Ярослава под пером одного из современников Бояна — новгородского посадника Остромира⁹.

При дворе Ярослава, окружившего себя наемной варяжской гвардией и собственниками-варягами, складывались скандинавские саги, называвшие его «Ярослейфом», и не было бы ничего удивительного в том, что русский придворный певец, воспевая почетного гостя из Варяжской земли, напомнил бы легким намеком о первых варяжских путях. Вторая половина былинного запева своим размахом напоминает нам, с одной стороны, стиль Вещего Бояна, любившего, как мы видели, широкие географические картины, а с другой стороны, не менее широкий взгляд летописца, предпославшего своей истории общий очерк важнейших путей, связывавших Русь с далекими заморскими странами. И в «Повести временных лет» (географическая часть которой, возможно, восходит к особому источнику XI в.) и в запеве былины мы видим: лесистый водораздел Днепра и Волги («Оковский лес» летописи), «темные леса Смоленские», Днепр, вытекающий «из-под дуба сырого, из-под вяза черного», Волгу, впадающую «семьюдесят жерел в море Хвалисьское», и Днепр, текущий из лесов к Киеву и впадающий в «Понтское море жерелом, еже море словеть Русское».

В итоге и по былине и по летописи мы получаем грандиозную картину, северная часть которой изображает Балтику, юг — Черное море, а юго-восток — низовья Волги. Центром этого широкого полотна является Киев, куда торжественно плывет на 30 кораблях Соловей Будимирович и где развернутся основные события былины.

Герой былины, конечно, не простой путешественник, не купец. Он возглавляет «дружинушку хоробрую», он не везет на своих кораблях никаких товаров, кроме драгоценных цареградских даров невесте и ее родителям и золота для подарков русским князьям. Его корабль с «муравленным чердаком», золотыми сходнями и шелковыми парусами сходен с королевскими кораблями 1060-х годов, изображенными

⁹ Б. А. Рыбаков. «Остромирова летопись». — «Вопросы истории», 1956, № 10.

на знаменитом «ковре» королевы Матильды, представляющем вышитую хронику завоевания Англии норманнами, где одним из героев был тот же Гаральд Гардрад.

Корабли Гаральда на ковре из Байе своими высоко поднятыми носами со звериными мордами прямо соответствуют былинному описанию корабля Соловья Будимировича:

Высоко его головка призадынута,
Нос-корма была по-звериному,
А бока сведены по-туриному,
Того ли тура заморского ¹⁰.

Высокое положение Соловья Будимировича явствует и из того, что, прибыв в Киев, он направляется прямо в княжеский дворец, где удивляет всех своими богатыми дарами. Князь Владимир предлагает ему разместиться в хоромах любого князя или боярина, но Соловей строит свои терема рядом с дворцом самого Владимира, в его саду. Владимир не отдаривает гостя подарками, а предлагает наградить его чисто по-феодалному — дать ему *города с пригородами* или *села с приселками*.

Исторический Гаральд, как и его соотечественник Олаф, жил в Киеве при дворе Владимира; слова былины о городах и селах могли отражать действительное положение вещей.

Сходство Соловья Будимировича с Гаральдом дополняется еще двумя чертами, сохранными былиной. Как и Гаральд, Соловей дважды приезжает в Киев за невестой: впервые на 30 кораблях, а во второй раз — на 90 кораблях ¹¹. О том, где был Соловей в промежутке между двумя визитами в Киев, косвенно могут говорить те варианты былины, согласно которым Соловей приплывает в Киев через море «Турецкое», в которых упоминаются Венеция, Царьград и другие пункты Средиземноморья. Все это — места морских странствий Гаральда, жившего некоторое время в Константинополе со своей варяжской дружиной.

Исторический Гаральд — не только отважный мореплаватель, но и певец, слагатель широко известной песни о своем неудачном первом сватовстве к киевской княжне. Былинный герой — златокудрый гуслир, прельщающий слушателей наигрышами севера и юга, знающий «все малые припевки за синя моря». Быть может, и самое имя его в былине — иносказательное гиперболическое определение поэта-певца, пробуждающего мир: «Соловей Будимирович». Русский певец, которому пришлось бы приветствовать и прославлять по дворцовому обычаю такого гостя, должен был бы вступить в некоторое соперничество с гостем-поэтом и создать произведение, выходящее из ряда обычных придворных од. Возможно, что стоящая особняком в русском былинном эпосе былина о Соловье Будимировиче действительно является отголоском киевской песни о сватовстве Гаральда к Елизавете Ярославне. Не лишено вероятия и второе предположение, что автором этой песни-оды мог быть Вещий Боян, придворный певец «Старого Ярослава».

Причиной того, что из всего многообразного творчества Бояна, воспевшего три поколения русских князей, только одна эта ода уцелела в народной памяти, следует считать ее бытовой характер. В центре внимания здесь не князья как таковые, даже не Соловей, а именно процесс сватовства, обычаи и обряды, связанные со свадьбой, т. е. жизненные общечеловеческие дела, одинаково близкие всем слоям населения. Трех дочерей выдал Ярослав за европейских монархов, но только за Елизаветой приезжал сам принц-жених, и это событие должно было запомниться народу; песня-«хвала», сложенная в честь приездов Гаральда и его свадьбы, нашла отклик в народной поэзии и оказалась включенной в былинный цикл. Исчезло имя Ярослава (никогда не упоминавшегося былинами), Гаральд был заменен Соловьем, Елизавета —

¹⁰ П. Н. Рыбников, т. II, стр. 344.

¹¹ «Былины», т. II, М., 1919, стр. 140.

Забавой, и в этом обобщенном виде песня-былина о сватовстве заморского гостя стала жить в памяти народа.

Подчеркиваемая исследователями эпоса уникальность этой былины, сравнительная редкость ее вариантов и незначительная распространенность ее могут говорить о том, что путь былинного творчества от княжьего двора к народным массам — путь, выдвигаемый буржуазной исторической школой, не был столбовым, основным путем.

Из всего богатого репертуара Бояна, воспевавшего князей Мстислава и Ярослава Владимировичей, Святослава Ярославича и Олега и Романа Святославичей, до нас в былинах не дошло ничего, кроме одной песни о сватовстве, которая, быть может, отклонялась от типичных славословий придворного певца, гусли которого «сами князем славу рокотаху».

Народная поэзия не сохранила ни одного из этих имен. И даже то событие, которое определено произошло при Ярославе, народ включил во Владимиров цикл, лишив его тем самым излишней конкретности.

2

КИЕВСКОЕ ВОССТАНИЕ 1068 г. И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В БЫЛИНАХ

Героем народного эпоса XI в. стал не Ярослав и не Ярославичи, авторы грозных норм «Русской Правды», а их политический противник — князь Всеслав Брячиславич Полоцкий, «Волх Всеславич», герой восстания 1068 г.

Былина о Микуле Селяниновиче дала нам отправную хронологическую точку для изучения *народного* эпоса с *народным* героем. Оказалось, что былина, воспевающая могучего оратая, является своего рода эпиграфом всего Владимиров цикла, предшествуя ему и как бы открывая его.

Следующей задачей являются поиски положительного или отрицательного ответа на тот же волнующий нас вопрос: отразились ли в былинах важнейшие события народной жизни XI—XII вв. и кто позаботился о поэтическом увековечении этих событий — сам народ или же княжеские придворные певцы?

Таковыми событиями, которые послужили важными историческими вехами в истории русского народа, были половецкое нашествие в XI в., татарское нашествие в XIII в. и широкий общенародный подъем классовой борьбы в середине XI в., когда, отвечая на «творимые виры» и лихоимство, убивали княжеских огнищан, тиунов, начальников княжеских стад, поднимали открытые восстания, убивали епископов, изгоняли князей.

Период напряженной классовой борьбы совпал с первым половецким нашествием орд Шарукана в 1068 г., обострившим социальные конфликты.

Кульминационным пунктом классовой борьбы этих десятилетий было знаменитое киевское восстание 1068 г., вспыхнувшее в момент нашествия Шарукана, в результате которого киевские люди посадили на престол избранного ими князя Всеслава Полоцкого. Целых семь месяцев правил Киевом и Русью князь, поставленный восставшим народом.

Обычно считается, что половецкое нашествие отразилось лишь в одной былине о Тугарине Змеевиче — Тугоркане, а вся остальная масса былин, содержащих мотив отражения врагов, обычно связывается только с татарским нашествием. Социальные же мотивы исследователи отодвигают еще позднее, сопоставляя их по преимуществу с событиями времен крестьянских войн, когда социальные конфликты осложнялись иноземным нападением. Такова, например, былина, условно называемая «Бунт Ильи против князя». Отражения же острых и напряженных событий 1060-х годов в былинах обычно не ищут.

Сделаем попытку внимательнее приглядеться к тем былинам, в которых или содержится мотив социальной борьбы, или главный герой оказывается обедневшим, заложившим коня или оружье в кабаке.

К ним относятся: «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром», «Калин-царь», «Батыга», «Васька-пьяница и Кудреванко-царь», «Турканин и Илья Муромец», «Илья и Кудреванко», «Василий Игнатьев и Батыга», «Шарк Великан» и ряд других. Все вместе они образуют цикл, объединенный двумя признаками: 1) на Киев нападают орды какого-то царя (Батыги, Калина, Кудревана, Турканина); 2) в Киеве нет ему «супротивничка», нет богатырей, некому Киев оборонить. Богатырь, которому суждено отразить врага, оказывается или в погребе, куда он заточен князем, или в кабаке, где заложена его сбруя ратная (в первом случае это Илья, а во втором — Василий). Этот цикл, как это давно отмечалось, не сохранил эпической стройности, он сильно нарушен, спутаны имена и эпизоды. Быть может, именно наличие в нем социальных мотивов, позволившее циклу жить второй жизнью в XVI—XVII вв., и повлияло на степень его сохранности: неизвестные, забытые имена вытеснились более известными, более близкими, герои окружались бытовыми деталями времен крестьянских войн, терминология былин насыщалась словами, современными сказителям.

Если мы вспомним, каким преследованиям подвергались носители народной поэзии в XVI—XVII вв. — скоморохи, то нам станет понятнее и тот калейдоскоп имен, который мы находим в интересующем нас цикле: запретным былинам с острым социальным содержанием могли даваться новые названия ради того, чтобы, изменив форму, сохранить содержание.

В результате не подлежащей сомнению популярности в позднее время цикл оказался очень плохо сохранившимся, что сильно затрудняет определение его первоосновы.

Первый вопрос, который должен быть поставлен, это *вопрос хронологии*, определение того времени, к которому относится как первичная основа былины (что для нас особенно важно), так и время позднейших наслоений.

Будем руководствоваться при этом именами исторических лиц, отчасти географическими ориентирами, а также канвой исторических событий, хотя заранее следует оговориться, что четкой и ясной картины в этом нарушенном цикле мы не найдем ни для одной эпохи.

Весь этот многослойный цикл В. Я. Пропп поместил в раздел «Былины об отражении татар. Бунт Ильи против Владимира и социальная обстановка накануне шестивия»¹², предприняв тем самым вопрос о времени возникновения цикла. Впрочем, некоторые былины, например о Василии Игнатьеве, он датирует еще более поздним временем, связывая ее, вслед за А. С. Орловым, с событиями в Москве в 1382 г.¹³

Очень жаль, что автор большого сводного труда о русском эпосе заранее отмежевывается от повторного анализа летописей и былин: «Мы не будем заново сравнивать летопись с былинной: это различные произведения; былина не восходит к летописи, не может быть рассмотрена как искажение ее»¹⁴. Дело не в том, что былины надо понимать как соответствие или как искажение летописи, а в том, что и летопись и былинная поэзия одинаково восходят к *реальной жизни*, но по-разному ее отражают. И там и здесь возможны искажения фактов, различие в оценке событий, но все же исторически осмыслить былинный эпос мы сможем только тогда, когда сделаем все возможное для сопоставления былин со всеми видами других исторических материалов, когда мы с возможной при данных условиях точностью определим тот отрезок реальной жизни русского народа, который воспет в былине или цикле былин. В данном случае отказ от сопоставления былин с летописью, диктуемый боязнью быть похожим на представителей исторической школы, позволил В. Я. Проппу остановиться лишь на самом внешнем сходстве былин о Батыге с действительными событиями. Учитывая несомненную многослойность этого цикла, будем идти путем рет-

¹² В. Я. Пропп. Указ. соч., стр. 278—355.

¹³ Там же, стр. 333.

¹⁴ Там же, стр. 291. Нелюбовь В. Я. Проппа к летописи сказалась даже в том, что во всей книге нет ни одной ссылки на летописи. В тех немногих случаях, когда нельзя было обойтись без летописных цитат, В. Я. Пропп берет их из популярной работы А. С. Орлова «Героические темы древней русской литературы» (см. стр. 297, 300).

роспективного анализа, снимая поздние слои и постепенно углубляясь до первоосновы.

К самому верхнему слою относится имя Ермака, встречающееся в ряде былин, оно занесено в этот цикл случайно и должно быть исключено. Затем надо отделить такие выражения, как «Мамаево побоище» и «Куликово поле»; эти слова не связаны с описанием Куликовской битвы, они попали сюда лишь по ассоциации с разгромом «татар» в былине¹⁵. Следующий хронологический слой, значительно более устойчивый, чем случайно включенные имена Ермака и Мамая,—это Батыга и Калин-царь. Эти два полководца выступают как взаимозаменяемые и никогда не действуют в былинах одновременно, т. е. одинаковые былины могут быть связаны или с Батыгой, или с Калином¹⁶. Однако ни одна из былин не содержит ничего, напоминающего разгром Руси Батыем в 1237—1240 гг., кроме самого общего описания вражеских полчищ. Здесь нет ни знаменитых рязанских эпизодов, ни взятия Владимира, ни битвы на Сити, ни героической защиты Козельска. Даже если ограничиться только киевскими событиями 1240 г., то и в этом случае мы не найдем никаких соответствий: в былинах нет ни бегства князя из Киева, ни фигуры воеводы Дмитра, ни такого эффектного эпизода, как защита киевлянами последнего оплота — Десятинной церкви. Вообще в этом цикле нет и намек на тот страшный разгром, которому подверглась Русь во времена Батыя, да едва ли он и мог быть предметом воспевания. Много лет спустя, когда изгладились конкретные воспоминания, когда сказители былин решили ответить на вопрос, куда же делось богатырство киевское, была сложена очень обобщенная, лишенная живых исторических деталей былина «О том, как перевелись богатыри на Руси». На ней есть налет провиденциализма, обреченности, необходимости нести наказание свыше «за грехи»; ее немисливо приурочить к какому-либо одному событию, но именно после Батыева разгрома такая былина-эпизод и могла появиться, как народное объяснение временного торжества татар.

В интересующем нас цикле имя Батыги выглядит случайным, включенным сюда лишь как общеизвестный символ, не связанный с содержанием былины.

Большой интерес представляет былинный Калин-царь, своего рода двойник Батыги, но более устойчивый, чаще встречающийся. Он не осаждает Киев, а, явившись с большой силой, останавливается в нескольких верстах от города и посылает в Киев посольство с ультиматумом:

Поднимался он чужь [Калин-царь] да на святую Русь,
На святую Русь на красен Киев-град.
Не дошел до Киева пятнадцать верст,
Разоставил он шатры белополотняны¹⁷.

¹⁵ В северорусских землях даже летописцы имели смутное представление о Куликовской битве; один из них ограничился только одной фразой: «Бысть побоище у великого князя Дмитрия Ивановича на Дону с безбожным Мамаем». «Новгородская третья летопись». — «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ), т. III, СПб., 1841, стр. 231. Другой летописец изобразил такие детали: «москвичи же мнози небывалци, видевша множество рати татарской, устрашишася и живота отчаявшися, а инии на беги обратшася». «Новгородская первая летопись». — ПСРЛ, т. III, стр. 92.

Как видим, *подобные* летописи не могли дать никакой пищи для былинного творчества новгородского Севера. Возможно, что слабое знание фактической стороны «мамаева побоища» в районе сохранности былин и привело к тому, что в былинах отложились только имена, а не суть событий.

¹⁶ Третьим равноправным персонажем этого цикла является Кудреван, но о нем будет сказано особо.

¹⁷ «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.» (далее — А. Ф. Г и л ь ф е р д и н г), т. III, изд. 4-е, М.—Л., 1951, стр. 542.

Вариант:

Не дошел он до Киева за семь верст,
Становился Калин у бистра Непра.

(К и р ш а Д а н и л о в, стр. 25).

Затем «собака Калин-царь» садится «на ременчат стул» и пишет «ярлыки скорописчаты»:

Уж ты ой Владимир столен-киевской!
Выбирайсе из города из Киева,
Аль встречай собаку царя Калина!¹⁸

Киевляне не подчиняются ярлыку, а Калин-царь не может осуществить свою угрозу, так как появившиеся богатыри отгоняют его в степи. Такова схема внешних событий во время нашествия Калин-царя; я не касаюсь здесь внутрикиевских событий, подробно разработанных в былинах, но неизвестных нам по другим, более надежным источникам. Изложенная же схема взаимоотношений Киева с собакой Калин-царем находит удивительное соответствие с летописным рассказом о татарском походе 1239 г. — за полтора года до появления под Киевом самого Батыя.

Татарское войско под предводительством Менгу-хана и Кадан-хана напало на Переяславль и Чернигов, а затем, пройдя левым берегом Днепра, татары стали напротив Киева и, послав посольство, пытались уговорить князя и киевлян сдаться без боя.

«Меньгуканови же пришедшу *сглядать града Кыева*,
Ставшу же ему *на оной стране Днепра* у градка
Песочного.

Видив град, удивися красоте его и величеству его,
Присла послы свои к Михаилу и ко гражаном, хотя
е прельстити. *И не послушаша его*»¹⁹.

И в летописи и в былине татары не доходят до Киева (город Песочен — в нескольких километрах от Киева); и там и здесь татары любятоя стольным городом («красен Киев-град»), в обоих случаях глава татарского войска снаряжает посольство в Киев и в обоих случаях ответ киевлян отрицательный. Все совпадает здесь, кроме имени хана — форма «Калин-царь» значительно ближе к Кадан-хану, чем к Менгу-хану. Летописец правильно обозначил главного полководца, а автор былины почему-то предпочел другого хана. Кадан-хан, сын Угедея, участник походов 1237—1239 гг., был уже хорошо известен русским, так как именно он прославился чудовищной жестокостью во время взятия им Козельска весной «года собаки», т. е. 1238 г. Быть может, отсюда и повел свое начало образ былинного предводителя татар «собаки Калина-царя».

О счастливым избавлении Киева от татар летом 1239 г. могла быть сложена былина; ее оптимистический конец вполне соответствует действительности.

Но дошедший до нас цикл былин отнюдь не исчерпывается элементарной схемой событий 1239 г. — очевидно, былина о приходе к Киеву Кадан-хана соединилась с какой-то другой группой былин, характеризуемой другими именами и другими событиями.

Одной из крупнейших ошибок исторической школы считают приурочение данного цикла былин к походу Батыя, так как канва былинных событий не совпадает с летописной. На этом строится обвинение исторической школы в непонимании специфики былинного творчества, будто бы не интересующегося реальными событиями. Я согласен с тем, что те представители исторической школы, которые только по двум признакам (имя Батыя и описание нашествия) отнесли весь многообразный цикл

¹⁸ А. Ф. Гильфердинг, т. III, стр. 543.

¹⁹ Ипатьевская летопись 1237г. («Летопись по Ипатьевскому списку», СПб., 1871), стр. 520—521. По Рашид-ад-Дину, поход Кадана и Менгу-каана приходился на смену «года свиньи» и «года мыши», т. е. на июль—август 1239 г. н. э. (см. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. — «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды», т. II, М.—Л., 1941, стр. 37).

к 1240 г., совершили ошибку, упростили свою задачу. Но значит ли это, что ошибочны самые поиски реальной основы (или нескольких основ) данного цикла?

Я не могу разделить того спокойствия, с которым В. Я. Пропп отказался от дальнейших поисков, заявив, что «чаще всего этот царь назван Калином, но имеются и другие имена — такие, как Скурло, Кудреванко и другие. Возможно, что в основе их лежат *не сохранившиеся имена военачальников*»²⁰.

Попытаемся предпринять дальнейшие розыски, исходя из принципа исторического осмысления не только общих идей эпоса, но и конкретных событий, послуживших основой той или иной былины.

Широко распространенное в былинах этого цикла имя царя Кудревана действительно загадочно, но вовсе уже не так безнадежно в смысле его исторической интерпретации. Ведь в былинах его окружают не безвестные военачальники, как почему-то думает В. Я. Пропп, а хорошо знакомые летописям и поэзии XII в. Артак и Коньшак.

С царем Кудреваном в былинах связаны те же герои и те же эпизоды, что и с Калином или Батыгой. Против Кудревана также действует Илья Муромец, освобожденный из погребя, или Василий, получивший от князя коня и ратную сбрую. Как мы видели, эти эпизоды не нашли соответствия в летописной истории времен Калина и Батыги. Тем важнее и интереснее для нас поиски реального прототипа царя Кудревана.

Былины, будучи лишены строгой хронологии, нередко сохраняют генеалогическую последовательность. В данном случае можно наметить как бы два генеалогических слоя:

1. Старший слой — Кудреван (Турканин) или Скурло (Скурлак)
2. Младший слой — Артак и Коньшак.

Артак и Коньшак в былинах никогда не выступают самостоятельно, они всегда упоминаются как младшие, второстепенные участники похода, младшие родственники грозного Кудреванища; они хотя и располагают своими войсками, но далеко уступают несметной силе самого царя.

Подыманцьсе [на Киев] собака *Кудреванко царь*
Со любимым со зятелком со *Артаком*,
А со любимым со сыном он со *Коньшыком*,
А у Коньшыка силушки было сорок тьсецей:
А у Артака силы-то было сорок тьсецей;
А у самого собаки — дак цисла-сметы нет!..
А закрыло луну да солнышка красного,
А не видно веть злата светла месяца,
А от того же от духу да от тотарьского,
От того же от пару да лошадиного...²¹

В поисках Кудревана нам должна помочь генеалогия половецких ханов, для установления которой мы располагаем русскими и грузинскими хрониками XII в. и отрывками половецкого эпоса, сохранными галицко-волынской летописью XIII в.

Половецкое сказание о траве емшан повествует о хане Отроке, изгнанном войсками Мономаха на Кавказ, «за железные ворота», приблизительно в 1111—1117 гг. Сказание упоминает его брата Сырчана и, что для нас особенно важно, устанавливает, что Кончак был сыном Отрака²².

²⁰ В. Я. Пропп. Указ. соч., стр. 299. См. также стр. 333.

²¹ А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, собранные в 1899—1901 гг. (далее А. Д. Григорьев), т. III. СПб., 1910, стр. 54, 77.

²² Ипатьевская летопись, стр. 480.

Грузинские хроники, рассказывающие о том, что Давид Строитель принял к себе на службу половецкие орды Отрока, устанавливают другое необходимое звено: Отрок или Атрак *Шаруканидзе* был сыном одного из первых половецких ханов в южнорусских степях — Шарукана или, как его стали звать в XII в., Шарукана Старого. «Поучение» Владимира Мономаха в сочетании с летописью позволяет определить, что у Шарукана был брат Сугра, а сказание о Шаруканском походе (как условно можно назвать летописную статью 1111 г.) свидетельствует нам о существовании в верховьях Северского Донца двух соседних городов: Шаруканя и Сугрова, очевидно, принадлежащих двум ханам-братьям²³.

Сочетание всех данных позволяет создать следующую неполную, но достоверную генеалогию:

1. *Шарукан Старый* (упоминается с 1068 по 1107 гг.); его брат Сугра; второй брат, возможно, Асень (?);
2. *Отрок*, сын Шарукана (упоминается в первой половине XII в.); его брат Сырчан;
3. *Кончак*, сын Отрока (упоминается с 1172 по 1203 гг.); его брат Елтут;
4. Георгий Кончакович (упоминается с 1205 по 1221 гг.).

Первое звено этой генеалогии соответствует старшему слою былинных врагов Руси:

Шарукан и Сугра — Кудреван и Скурла.

Следующие звенья в былинах спутаны. Кончак назван не внуком, а сыном Кудревана — Шарукана, а сын Отрок назван зятем Кудревана. Тем не менее подчиненное положение младших ханов во всех былинах строго соблюдено. Практически маловероятно, чтобы Кончак мог принимать участие в походах своего деда; очевидно, это результат былинотворчества XII—XIII вв., слившего воедино образы нескольких половецких ханов одной династии Шаруканидов, одинаково грозивших Руси на протяжении полутора столетий. Важно то, что былины сохранили правильное соотношение младшего и старшего поколений ханов, и поэтому в былинном Кудреване — Турканине мы должны видеть летописного Шарукана.

Эпоха Шарукана — это эпоха страшного и длительного половецкого натиска, начавшегося походом самого Шарукана в 1068 г. и закончившегося тяжелыми походами Тугоркана и Боняка в самом конце XI в.

С именем Шарукана, поставившего свою столицу рядом с русскими землями (город Донец близ современного Харькова), связаны сорок лет половецких набегов.

В некоторых былинах имя этого хана, впервые приведшего на Русь половецкие орды, сохранилось в менее искаженном виде, чем в цикле о Кудреване:

На широком раздолье Шарк-великан похаживае,
На широком раздолье Шарк-великан посматривае,
Что не любо — мечом булатным раскрошивае,
Что не любо — ногами железными вытапывае.
Огнем жгучим божий люд им подымается;
Ко святой Руси Шарк-великан широку дорожку прокладывае,
Жгучим огнем уравнивае,
Людом христианским речки-озера запруживае;
Во дикие леса люд христианский русский разбегаеся²⁴.

Данная былина, являющаяся, возможно, поздней переработкой древнего духовного стиха, сохранила воспоминание о каком-то грандиозном походе на Русь, где Шарку Великану были противопоставлены не только богатырские силы, но и высшие

²³ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 162, 186, 190—191.

²⁴ П. Н. Рыбников, т. II, стр. 697 (материалы, записанные А. Шкалиным).

покровители «святой Руси» — богородица, Христос и Никола. Кончается этот стих-былина тем, что русский богатырь побеждает кровожадного врага:

Шарка-великана ен до дому дотаскивае,
Посмеянье великое делае,
Славушку себе добрый молодец сохраняе.

Былины о Кудреване — Шарке Великане мы должны сопоставить с летописным рассказом о первом походе Шарукана и его последствиях для Киева и киевского князя. Позволю себе напомнить схему событий 1068 г. по «Повести временных лет».

1. «Придоша иноплемьници на Русьску землю, *половци мнози*». Войска трех могущественнейших русских князей, державших в своих руках почти всю Русь, были разбиты половцами на Альте под Переяславлем. Великий князь киевский Изяслав и его братья бежали.

2. Далее летописец очень подробно говорит о божьем гневе и наказании за грехи. В его рассуждениях много социальных мотивов, поставленных им на первое место: «Си слышаще, встыгнемъся на добро, *взицете суда, избавите обидимаго*»; он много говорит о сварах и зависти, о братоненавидении. Далее летописец переходит к обличению современников, придерживающихся языческих обычаев. Все рассуждения летописца были вполне актуальны в 1068 г., когда «обидимые» искали праведного суда, иной раз в этих поисках шли за языческими волхвами, когда «зависть и братоненавидение» толкнули Ярославичей на нарушение присяги и арест Всеслава Полоцкого, когда «злое убийство» и «нахождение ратных» являлись как бы возмездием за внутренние неурядицы.

3. Разбитые половцами княжеские и городские войска вернулись в свои города.

«И людье киевстии прибегоша Киеву и створиша вече на торговищи и реша, *пославшеся ко князю*: „Се половци росулися по земли; дай, княже, оружие и кони и еще бьемся с ними“. Изяслав же сего не послуша».

4. Получив отказ, киевляне с вече отправились к воеводе в княжескую часть города («на Гору»), а не найдя воеводы, решили освободить какую-то свою дружину из «погреба» — тюрьмы. Надо думать, что еще до нашествия половцев какая-то часть киевлян была арестована князем и засажена в погреб; может быть, это были сторонники полоцкого князя Всеслава Брючиславича, тоже сидевшего в это время в Киеве под арестом в «порубе» — тюрьме без дверей:

«...сташа у двора Брючиславля и реша: „Поидем, *высадим дружину свою ис погреба*“».

Одна часть киевлян пошла освобождать свою дружину, а другая направилась на княжий двор.

5. На княжьем дворе, очевидно, открыто выражалось неодобрение великому князю Изяславу, и, наоборот, можно утверждать, что князю на княжьем дворе открыто выражали симпатии Всеславу, так как один из бояр советовал Изяславу: «Видиши, княже, людье възвыли; послѣ, ать Всеслава блюдуть». Когда же на княжий двор прибыли и те, кто освобождал сидевших в погребе, то бояре хотели убить узника — Всеслава, но народ успел его освободить, а великий князь бежал из Киева в Польшу.

6. «...Людье же *высекоша Всеслава ис поруба* в 15 день семтября и прославиша и среде двора княжа. Двор же княжь разграбиша; *бецисленое множество злата и сребра, кунями и белью*».

7. Полтора месяца спустя черниговские войска наголову разбили половцев:

«А князя *из яша Шаракана* в 1 день ноября. И възвратившася с победою в град свой Святослав».

Былинный цикл содержит все без исключения летописные эпизоды, включая даже благочестивые размышления о знаменьях:

Выходила божья мати да богородица,...
Она клала тут книгу на сер-горюч камень,
Она клала, читала да слезно плакала:
Она слышит над Киевом незгодушку.
Поднимается на Киев да Кудреванко-царь ²⁵.

Приближение половецких орд, шедших от моря и заполнивших все степи, в былинах о Кудреване передано поэтическим запевом о гнедых турах, встревоженно бегущих из степей, от самого синего моря к Киеву.

Описание несметных сил Кудревана — Шарка Великана — Шарукана и начало похода уже приводилось выше.

Конец похода, завершившийся пленением Шарукана, отражен в ряде былин. Шарка Великана русский богатырь *«до дому дотаскивае»*, Калина-царя тоже захватывают в плен:

И добивают силу турканскую,
Добились до собаки царя Калина,
И захватил Илья Муромец собаку царя Калина ²⁶.

Плен Шарукана был общезвестным фактом (может быть, благодаря былинам?) и спустя 120 лет после самого события. Автор «Слова о полку Игореве», описывая тяжелое положение, когда «тьма свет покрыла» и русская дружина оплакивала плененного Игоря, добавляет, что «готскыя красныя девы въспеша на брезе Синему морю: звоня рускым златом, поют время Бусово, *лелеют мечь Шароканю*». Плену Игоря подобраны две параллели: одна напоминает о далеких событиях IV в. н. э. («время Бусово»), а другая указывает на пленение Шарукана Святославом Ярославичем в 1068 г.

В «Слове» идет речь о том, что плен Шарукана отомщен: внук Шарукана Кончак пленил правнука Святослава Игоря.

Описанное летописью отсутствие у разбитого киевского войска оружия и коней составляет один из важных элементов былин о Василии и Кудреване; Васенька, долженствующий спасти Киев, сидит в кабаке, а его конь, оружие и сбруя ратные заложены. Богатырский подвиг Василия начинается лишь после того, как князь

Отмыкал он амбары да окованные,
Выдавал он всю збрую да богатырскую:
Отдавал он три вострых да ему сабельки,
Отдавал три конейца да все булатныя...
Отдавал ведь он тугой лук разрывчивой,
Отдавал он налучище каленых стрел.
Да пошел целовальничек да на конюшен двор,
Выводил он коня да богатырского...²⁷

В былинах о Волхе Всеславиче (см. ниже) большое внимание уделено обеспечению дружины конями и оружием ²⁸.

Одним из главных элементов былин об Илье и Кудреване является то обстоятельство, что в момент нашествия врагов главный русский богатырь находится в заключении в погребе.

²⁵ См. «Повесть временных лет», ч. I, стр. 112—115; А. А. Шахматов. «Повесть временных лет», Пг., 1916, стр. 218, примечание; «Былины», т. I, М., 1916, стр. 229.

²⁶ А. М. Астахова. Былины Севера (далее — А. М. Астахова), т. II. М.—Л., 1951, стр. 138.

²⁷ «Былины», т. I, 1916, стр. 236.

²⁸ А. Ф. Гильфердинг, т. II, стр. 153.

Причиной заключения «во глубокий погреб» нередко является дерзкое стремление героя стать самому киевским князем взамен Владимира, разогнавшего богатырей из Киева и неспособного организовать отпор царю Кудревици:

«Шейте, вы, голи, не сумляйтесь,
Я завтра буду во Киеве князем служить,
А у меня вы будете предводителями».
Тут Илья Муромец столичник отдергивал,
Снял золоты ключи:
«Завтра сам буду править княжеством!»²⁹

Князь Владимир, узнав о намерении богатыря, приказывает засадить его в погреб (на разные сроки), закрыть погреб решетками, засыпать желтым песком:

Посадить его в погреб глубокие,
В глубокий погреб да сорока сажень,
Не дать ему ни пить, ни есть да ровно сорок дней
Да пусть он помрет, собака, и с голоду!³⁰

Засаженный в погреб Илья Муромец не погибает, так как его кормит княгиня или княжна, его судьбой живо интересуется киевская богатырская рать, снабжающая его в заключении даже книгами. Богатырство очень недовольно арестом Ильи и отказалось выступать тогда, когда Киев осадили враги. Илья освобожден из погреба только ради борьбы с несметными полчищами Кудревана.

Для наших целей исключительно важен былинный эпизод прихода киевлян на княжий двор (после освобождения Ильи из погреба) и те упреки, которыми Илья как бы от имени всего киевского народа осыпал великого князя, оказавшегося неспособным к защите Киева. Этот эпизод прямо переносит к событиям 15 сентября в Киеве, когда «люди взвыли» на княжьем дворе и предъявляли требования князю Изяславу:

Приехали на широкий двор княженецкий,
Стали князя выкликать.
.....
Стал князю Илья Муромец выговаривать:
«Ты нас не кормишь, не поишь и не жалуешь.
Есть-то-пить во Киеве е кому,
А заступить за Киев-град некому.
Только буде заступить за вдов, за сирот,
За бедных людей и за малых детей,
А не за князя Владимира»³¹.

Необходимость снабдить героя конем и оружием, освобождение героя (всегда против воли княжеской) из погреба, дерзкие речи на княжьем дворе — все это очень напоминает летописный рассказ о сентябрьских событиях 1068 г. в Киеве. Даже разгром княжьего двора и дележ золота и серебра кунами и белью, сопровождавший во княжение Всеслава, нашел свое место в былинной о Волхе Всеславиче:

А и молодой Волх тут царем насел,
А то стали люди посадские;
Он злата серебра выкатил,
А и коней, коров табуном делил,
А на всякого брата по сту тысячей³².

²⁹ П. Н. Рыбников, т. II, стр. 127.

³⁰ Там же.

³¹ А. М. Астахова, т. II, стр. 133, 135.

³² Кирша Данилов, стр. 37.

Как видим, все основные элементы летописного рассказа находят себе соответствие в основных элементах былин.

Против такого сопоставления может быть выставлено только то, что в разных былинах действуют разные герои: Василий, Илья Муромец и Волх Всеславич.

Первые два имени объединены общностью ситуации, общностью имен вражеских полководцев. Возможно, что первоначальная былина XI в. повествовала и о половецком нашествии, и о недостатке коней и оружия, и об освобождении Всеслава из погребца, но при дальнейшем развитии эпоса редкое и малоупотребительное имя Всеслава могло замениться в одних случаях более знакомым именем Василия, а в других случаях забытого князя мог заместить главный и синтетический герой русского эпоса Илья Муромец.

Соответственно этому произошло и некоторое раздвоение эпизодов — одни из них чаще связывались с Ильей, а другие с Василием. Но важно отметить, что в этих былинах, в цикле о Кудреване, у Ильи Муромца и у Василия-пьяницы простиупают неожиданные, не связанные с общей обрисовкой этих героев черты князя-чародея и оборотня, каким считали Всеслава Полоцкого. Илья, освобожденный из погребца,

Заревел-то-ле он да по-звериному,
Засвистел-то-ле он по-соловьиному³³.

Василий, получив коня и оружие, выезжает из Киева не просто, а по-волшебному:

Поехал ведь Василий не воротами,
А через тую стену городовую.

Эти чародейские черты героев борьбы с Кудреваном отложились в былинах, вероятно, не без воздействия образа Всеслава.

Князя Всеслава Брючиславича считали волхвом и его современники и люди конца XII в.: «его же роди мати от вълхованья»³⁴.

Для наших целей особенно важно выяснить, как отнеслась к Всеславу русская былинная поэзия, так как отношение придворного поэта Бояна было отрицательным.

Если в цикле о приходе Кудревана герои сохранили только отдельные черты волшебника Всеслава, то вне этого цикла самостоятельно существует былина, целиком посвященная князю-волхву Всеславу — это былина «Волх Всеславич». Анализом ее можно будет закончить рассмотрение вопроса об отражении в былинной поэзии событий и героев 1068 г.

Короткое княжение Всеслава в Киеве почти не отражено в дошедших до нас летописных сводах, хотя не подлежит сомнению, что у Всеслава был свой летописец, оставивший сочувственные строки об этом князе. Полнее говорит о Всеславе «Слово о полку Игореве». В противовес Бояну с его грозным пророчеством о неизбежности божьего суда над Всеславом, автор «Слова» восторженно и восхищенно воспекает его стремительные походы, окружая образ этого князя ореолом языческой романтики и возвышая его над обыденной жизнью. Только в двух случаях автор «Слова о полку Игореве» предпринимает исторические экскурсы в эпоху, близкую к киевскому восстанию 1068 г., как бы противопоставляя друг другу двух исторических героев, различных по своему отношению к Русской земле.

Описывая гибель Игоревых войск, как результат феодального сепаратизма, автор вспомнил мрачную фигуру Олега «Гориславича», зачинателя усобиц, при котором «погибала жизнь Дажьбожьих внуков». Автора не остановило то, что Олег — родной дед князя, при дворе которого автор творил. Величие автора «Слова» в том и состояло, что он высоко поднимался над мелкими интересами отдельных князей или княжеств и раскрывал перед читателем широкие общерусские идеалы.

³³ А. Д. Григорьев, т. III, стр. 538.

³⁴ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 104.

Заканчивая свое знаменитое «золотое слово» — горячий патриотический призыв ко всем князьям стать за землю Русскую, автор предпринял свой второй исторический экскурс в ту же самую эпоху Олега «Гориславича», но с целью обрисовки другой политической фигуры, выбранной им для противопоставления Олегу — колоритной фигуре Все-слава. Не Владимира Мономаха — прославленного летописцами соперника Олега противопоставляет «Слово о полку Игореве» князю-авантюристу, родоначальнику бес-покойных Ольговичей, а полоцкого князя, вероломно захваченного в плен южными князьями, а затем поставленного над всею Русью волей восставшего народа.

Автор «Слова о полку Игореве» полемизирует с наследием Бояна, выдвигая но-вый взгляд на Всеслава — взгляд, освобожденный от узкодинастических интересов.

Восхищаясь героизмом современного ему полоцкого князя Изяслава, «изронив-шего жемчужную душу» на рубеже Руси в борьбе с врагами, автор напоминает о том, что этот князь — внук Всеслава, последователь славных дел своего деда.

Всех современных ему князей, Ярославлих и Всеславлих внуков, автор «Слова» призывает вспомнить о «дедней славе» и не «наводит поганых на землю Русскую, на жизнь Всеславлю». Подготовив читателя (или слушателя) к восприятию важной исторической роли князя Всеслава, автор «Слова о полку Игореве» переходит к его характеристике.

Интересно то, что из всей долгой жизни Всеслава (а он княжил в Полоцке целых 57 лет) автор «Слова» выбрал только три года: 1067—1069 — три года, кульминацион-ным пунктом которых является восстание 1068 г. и княжение Всеслава в Киеве (1068—1069 гг.). С большим мастерством и тактом певец обошел такой щекотливый вопрос, как народное избрание Всеслава, используя хороший фольклорный мотив: князь гадал о любимой девушке и судьба определила ему Киев; в сказочном конном прыжке он «дотчеша стружием злата стола киевского»³⁵. Далее автор лаконично, но образно рисует ряд далеких и быстрых походов Всеслава, когда он, обернувшись то волком, то рысью, скакал из одного конца Руси в другой. Здесь, может быть, следуя былинной традиции, певец «Слова» не придерживается стро-гой хронологической последовательности и по своему усмотрению меняет чере-дование событий³⁶. При полном отсутствии летописных данных о деятельности Все-слава в качестве великого князя киевского (сентябрь 1068 г. — апрель 1069 г.) для нас представляет большой интерес аллегорическое описание ее в «Слове о полку Иго-реве». Сквозь причудливый поэтический орнамент можно разглядеть контуры реаль-ного правителя. Оказывается, что народный избранник был полноправным князем Руси; он участвовал в суде и определял междукняжеские отношения: «Всеслав князь людям судяше, князем грады рядяше». Владея Киевом, он, очевидно, продолжал со-хранять связь и со своим родным Полоцком («... в Полоцке позвониша..., а он в Киеве звон слыша»).

Управляя из Киева беспокойным отрядом русских князей, Всеслав «сам в ночь волком рыскаше: из Киева дорискаше до кур Тмутороканя». Речь идет, очевидно, о каком-то стремительном походе Всеслава из Киева в далекую Тмутаракань, где совсем недавно сидел враг его — Глеб Святославич, усмиритель восстания на Бело-озере. Отправился ли Всеслав преследовать своего соперника или по примеру двою-родного деда Мстислава Тмутараканского решил на Северном Кавказе набрать себе дружину (так как изгнанный из Киева Изяслав в это время нанимал войско в Поль-

³⁵ В измененном виде этот мотив копыя, которым достают до княжьего дворца, сохранился и в былинах. Илья Муромец (заместивший Всеслава) грозит Владимиру:

Я возьму-ту, князь Владимир, я свое востро копые,
Я сойму у тя полаты по окошочька...

(А. Марков. Беломорские былины. М., 1901, стр. 223).

³⁶ Так, например, битва на Немиге предшествовала бегству из Белгорода, а в «Слове» сна-чала говорится о Белгороде.

ше)³⁷, или же он наносил стратегический удар откочевавшим половцам — мы не знаем, но в любом случае этот далекий поход через занятые половцами степи заставляет уважать отважного князя и восхищаться его решительностью.

«Слово о полку Игореве» и не пожалело красок для описания этого похода, сделав князя-волхва удачливым соперником самого Хорса — Солнца; «Великому Хорсови волком путь прерыскаше».

Итак, мы видим, что автор «Слова о полку Игореве» противопоставил враждебному отношению Бояна к Всеславу свой взгляд, несравненно более широкий, порожденный интересом ко всей Руси в целом, пониманием ее исторических судеб. «Внуки Всеслави» в эпоху феодальной раздробленности должны подражать своему вещему деду, очевидно, оборонявшему Русь от поганых и поддерживавшему порядок среди князей. Для этого правителя автор «Слова» нашел особенные слова и образы, используя предания о князе-оборотне, князе-волхве. Автор полон симпатии к Всеславу; его поражения он не замечает, его беды вызывают сочувствие. Он пел о Всеславе не по замыслению Бояню. Героя восстания 1068 г. он воспевал как общерусского героя с «вещей душой в дрзе теле».

Как же отразился облик Всеслава в былинах? Нам нельзя брать для выяснения этого вопроса цикл былин о приходе Кудревана к Киеву, так как там историческая основа сильно видоизменена. Там сохранились лишь отдельные эпизоды, отдельные детали: звериный рев или соловьиный свист Ильи, сказочный конь, перескакивающий стену городовую, богатырское копьё, которым Илья хочет снять крышу с княжеских палат, и т. п. Возьмем былинку о Волхе Всеславиче, где в самом имени героя сохранилась память о волхве Всеславе. Былина начинается с описания волшебного рождения Волха Всеславича, сына княжны и лютого Змея.

Подрожала сыра земля,
Стряслось славно царство Индейское,
А и сине море сколыбалось,
Для-ради рожденья богатырского.

О чародейском рождении князя Всеслава Полоцкого говорили уже в XI в.: «Всеслав, сын его [Брячислава], седе на столе его. *Его же роди мати от волхвованья.* Матери бо родивши его, бысть ему язвено на главе его; рекоша бо волхви матери его: „Се язвено навяжи на нь, да носить е до живота своего“. Еже носить Всеслав и до сего дне на себе — сего ради немилостив есть на кровьпролитье»³⁸.

По былинке Волх Всеславич начал действовать самостоятельно уже к пятнадцати годам и знал все премудрости: он мог обернуться ясным соколом, серым волком и гнедым туром — золотые рога. Судя по долгому княжению Всеслава в Полоцке, он должен был действительно занять стол еще в юности. Поход Волха Всеславича на индейского царя былина объясняет стремлением обезопасить Киев от этого далекого врага, который похвалялся «Киев-град за щитом весь взять, а божьи церкви на дым спустить». Узнав об этом, Волх пошел в поход с дружиной:

Дружина спит, так Волх не спит,
Он обернется серым волком.

³⁷ Косвенным свидетельством в пользу того, что поход Всеслава в приморские земли был связан с набором войск, могут служить строки былинки о борьбе с Кудреваном, где спаситель Киева Илья (Всеслав) посылает рати с трех сторон:

Которых слал от Синя моря,
Которых слал от Чиста поля,
А которых слал от Почай-реки.

(«Песни, собранные П. В. Киреевским»,
далее — П. В. К и р е е в с к и й, вып. I, М., 1860, стр. 18).

Это единственный случай в былинах, когда русские рати посылаются на врага, угрожающего Киеву, с берегов Синего моря.

³⁸ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 104.

Соколом он летал к синему морю, гнедым туром скакал в далекое южное царство, которое победил не столько силой, сколько хитростью, «клюками», как и Всеслав в «Слове о полку Игореве».

Результатом победы был богатый полон, снова заставляющий вспомнить о нехватке оружия и коней у киян в 1068 г.

А добрые кони по семи рублей,
А вострые сабли по пяти рублей,
А оружие булатное по шести рублей,
Палицы булатные по три рубля³⁹.

В биографии Всеслава мы знаем только один южный поход — в Тмутаракань; причем известно, что ездил он туда из Киева и быстро вернулся. Думаю, что именно Тмутаракань следует видеть в той южной заморской стране, которая в каждом варианте былины называется по-разному — то Индийским, то Турецким, то Ордынским царством. После похода Волх Всеславич «царем насел», щедро наградив «людей посадких» золотом и серебром. Сопоставление письменных данных XI—XII вв. о Всеславе Полоцком с былиной о Волхе Всеславиче позволяет считать, что эта былина, как и «Слово о полку Игореве», опозитизировала князя Всеслава, сохранив ряд тех черт, которые отмечались в летописях современниками «рожденного от волхованья» князя. Князь-оборотень былины находит соответствие в единственном князе-оборотне русской поэзии XII в., князе-волхве летописей XI в.

В былиноведческой литературе Волха чаще всего отождествляли с Вольгой и возводили к историческому Вещему Олегу (878—912 гг.).

А. Н. Робинсон считал, что образ Волха является сочетанием облика Олега и Всеслава. Д. С. Лихачев тоже считает этот образ сложным, допуская, что к этим двум именам может быть добавлен еще кто-то третий⁴⁰. Оба исследователя рассматривают былинного Волха Всеславича вместе с Вольгой из былины о Микеле Селяниновиче. Мне кажется, что реальная основа этих двух былинных героев различна, как различны и их имена. Волх Всеславич никак не связан с Вещим Олегом, а целиком отвечает биографии Всеслава Брючиславича.

Большой шаг назад в истолковании образа Волха делает В. Я. Пропп, считающий, что «древнейшая основа песни о походе Волха — песня о набеге первоначально в поисках охотничьих угодий, позднее — в целях угона скота». Былина, по мнению В. Я. Проппа, «сложилась задолго до образования Киевского государства»⁴¹. «Поход Волха отражает борьбу за охотничьи угодья и скот, имевшую место при родовом строе»⁴². Словесный «звериный» орнамент былины о князе-чародее, типичный для X—XII вв., исследователи приняли за признак такого глубокого архаизма, которому должно было бы соответствовать первобытное охотничье хозяйство неолита.

Подводя итог рассмотрению вопроса об отражении в былинах народного восстания 1068 г., можно сказать следующее.

По всей вероятности, существовал *целый цикл* былин о нашествии половецких орд Шарукана и Сугры в 1068 г. и о народном восстании в Киеве.

³⁹ А. Ф. Гильфердинг, т. II, стр. 153.

⁴⁰ А. Н. Робинсон. Фольклор. — «История культуры Древней Руси», т. II, М.—Л., 1951, стр. 149; Д. С. Лихачев. Народное поэтическое творчество времени расцвета древнерусского феодального государства. — Сб. «Русское народное поэтическое творчество», т. I, М.—Л., 1953, стр. 200—201.

⁴¹ В. Я. Пропп. Указ. соч., стр. 72, 67.

⁴² «Былины», т. I, М., 1958, стр. 6 (комментарии В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова).

Былины о борьбе с половцами обростали именами других половецких ханов: Отрака, сына Шарукана, и Кончака, внука Шарукана. Это могло произойти на протяжении XII в. Позднее наслоились имена татарских ханов Кадана (Калина) и Батыя (Батыги). Одним из направлений внутри цикла была былина о Всеславе, великом князе киевском, и его походе из Киева в Тмутаракань в 1068 г.

Здесь облик князя-чародея сохранился удивительно четко, но стерлись задачи и цели далекого похода, исчезло имя Тмутаракани. Возможно, что в первоначальных вариантах XI—XII вв. было описание и вокняжения Всеслава по воле «посадских людей».

Отношение былины к Волху — Всеславу самое положительное, можно сказать, восторженное. Сказитель былины заставляет своих слушателей восхищаться князем-волхвом, его мудростью и хитростью.

Автор «Слова о полку Игореве», полемизируя с Бояном, дает оценку Всеславу, очень близкую к той, которую мы находим в былинах о Волхе Всеславиче.

Вполне возможно, что автор «Слова» уже опирался на народные былины, сложенные столетием раньше, и в духе этих былин воспел смелого князя.

Народное и феодальное начала очень четко определяются при рассмотрении такого важного вопроса, как классовая борьба в XI в. Придворная *феодалная поэзия порицает* освобожденного и избранного народом князя, а *былины во всех вариантах и во всех фрагментах, которые можно возвести к XI в., прославляют и воспевают* этого же самого князя Всеслава — «Волха Всеславича», позднее — Василия. В позднейших переработках, когда забылись события 1068 г. и к именам Шарукана и Сугры добавились и Батыга и Калин-царь, народ заменил в ряде былин князя Всеслава своим главным эпическим героем Ильей Муромцем.

Мне кажется, что история цикла былин 1068 г. проливает некоторый свет на спорный вопрос о народном или придворном происхождении былин; *в былинах, относящихся к середине XI в., мы видим народное начало*, развитое в XII в. только одним представителем феодальной поэзии — автором «Слова о полку Игореве».

3

НОВГОРОДСКАЯ БЫЛИНА

«ГЛЕБ ВОЛОДЬЕВИЧ»

После 1068 г. до самого конца XI в. в русской жизни не было особенно ярких, общенародных событий, достойных эпического увековечения. В былинном репертуаре есть только одна былина, которая может быть отнесена к этому двадцатипятилетнему периоду молчания — это былина «Глеб Володьевич» о русском походе на Корсунь в 1076 г.

Ни ссоры Ярославичей, ни причерноморские авантюры Олега Святославича, ни погоня за Олегом по всей Руси, организованная Мономахом в 1096 г., — ни одно из этих событий, переполняющих страницы монастырских и княжеских хроник, не послужило основой для былин. По крайней мере, в дошедшем до нас былинном фонде ни одну из них нельзя с этими событиями сопоставить.

Былина «Глеб Володьевич», редкая и малоизвестная, стоит несколько особняком среди русских былин. В ней, как и в других новгородских былинах («Садко», «Василий Буслаев»), героический элемент заслонен романтикой далеких плаваний. Поход на Херсонес, воспетый этой былинной, отражен только в тех не сохранившихся до нас летописях, которыми пользовался Татищев: Херсонес отложился в 1076 г. от Византийской империи, и император Михаил Дука «прислал ко Святославу послов со многими дарами и обещаниями, прося его и Всеволода о помощи на Болгар и Корсуниан».

Святослав же, согласившись со Всеволодом, хотел на Болгары сам идти с сыны, а Владимира сыновца и с ним сына Глеба послал на Корсуниан... По смерти же

Святослава пришла от грек весть, что Михаил умер», и русское войско было отозвано⁴³.

Варианты былины сохранили различные исторические детали. Князь Глеб Святославич княжил в это время в Новгороде и из корсунского похода в Новгород же и возвратился; былина иногда начинается так:

Там ведь был-то жил князь да с Носеграде,
Там-то жил-то ведь как князь да Глеб Володьевич...

В конце былины, вслед за описанием победы над войском корсунян, говорится, что

Уходили они на святую-то Русь, да ишше в Новгород⁴⁴.

Исторической действительности вполне соответствуют и строки:

А во том же было во городе [во Корсуни]
Ни царя не было ни царевича⁴⁵.

Ведь известие о внезапной смерти Михаила VII пришло в самый момент похода. Возможно, что автор былины хотел выразить здесь другую мысль — что мятежный Херсонес переживал пору безвластия.

Одним из важных элементов былины является красочное описание небывалых и непомерных таможенных поборов⁴⁶.

Именно об этих годах пишет исследователь истории Херсонеса А. Л. Якобсон: «Пошлины и налоги деньгами и натурой, выколачиваемые с горожан херсонесским коммерциарием, душили и без того подорванную торговлю и ремесло города.

Торговые льготы, иначе говоря, ослабление налогового пресса, приобретали особенно важное, прямо сказать, животрепещущее значение»⁴⁷.

Историческая обстановка 1066—1074 гг.⁴⁸ обрисована нашей былиной очень верно; верно указан в ней и новгородский князь Глеб Святославич, действительно участвовавший в походе на Корсунь.

Странное на первый взгляд былинное отчество героя «Володьевич» исследователи объясняли тем, что вторым участником похода был Владимир Мономах⁴⁹.

Глеб Святославич и Владимир Всеволодич могли бы дать при контаминации одного былинного героя — Глеба Володьевича, но меня смущает здесь одно немаловажное обстоятельство: сам Владимир Мономах в автобиографии, приложенной им к своему «Поучению», ни одним словом не упоминает о таком эффектном эпизоде, как морской поход на столицу Причерноморья Корсунь.

В 1073—1076 гг. Владимир находился на Волыни, воевал в Польше и Чехии и был очень далек как от Новгорода, так и от Херсонеса. Думаю, что Татищев неправильно понял имевшийся у него источник. В Древней Руси одним из производных от имени Владимира было имя «Володарь». Так летописи называют Владимира Ростиславича, внука любимого новгородцами князя Владимира Ярославича, современника похода на Корсунь. Володарь Ростиславич, как и его отец, был участником ряда причерноморских авантур, он отвоевывал Тмутаракань, кратковременную вотчину

⁴³ В. Н. Татищев. История российская с самых древнейших времен, кн. II. М., 1773, стр. 131.

⁴⁴ А. Марков. Беломорские былины. М., 1901, стр. 251.

⁴⁵ «Былины», Л., 1957, стр. 306.

⁴⁶ В качестве одного из видов таможенной оплаты упоминаются рукавицы и варежки, действительно служившие такой оплатой и упоминаемые в северных грамотах.

⁴⁷ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес.—«Материалы и исследования по археологии СССР», № 17, М., 1950, стр. 21.

⁴⁸ В. Г. Васильевский, поправляя Татищева, относит поход не к 1076 г., а к 1073—1074 гг. (см. В. Г. Васильевский. Два письма византийского императора Михаила VII Дука к Всеволоду Ярославичу.—«Труды академика В. Г. Васильевского», т. II, СПб., 1909, стр. 29.

⁴⁹ «Былины», т. I, 1916, стр. 241.

своего отца. К Тмутаракани же имел отношение и Глеб Святославич, оставивший там эпиграфический след — знаменитый тмутараканский камень 1068 г. с записью об измерении Керченского пролива. Киевскому князю было естественнее всего послать в византийские земли именно Глеба и Володаря, которые очень хорошо по личному опыту знали обстановку в Причерноморье. Былина «Глеб Володьевич», отразившая и конечную цель похода, и безвластие в Корсунь, и таможенные тяготы, слила двух князей воедино, и если один из них, несомненно, Глеб Святославич тмутараканско-новгородский, то другой, по всей вероятности, — Володарь Ростиславич, но не Владимир Мономах. Сложение былины именно об этом событии следует отнести за счет участия в походе дружин торгового Новгорода, любивших воспевать далекие плавания по рекам и морям и равнодушных к борьбе с половцами. Можно думать также, что былина о походе на Корсунь 1073—1076 гг. наложилась на более раннюю былинку Владимирова цикла о знаменитом походе 988 г.: осада города, подкопы, перехват запасов, «примёт» — все это хотя и может относиться к любой осаде, но слишком уж напоминает летописный рассказ о корсунском походе Владимира; здесь могло произойти слияние, обогатившее позднейшую песню известными боевыми деталями. Былина о Глебе и Володаре с ее обособленной позицией не нарушает «перипода молчания» эпоса после бурных месяцев бурного 1068 г.

В эпоху княжеских распрей и усобиц, которая в то же время была и эпохой постепенного нарастания половецкой опасности на юге, народ, как мы видели, складывал новый цикл о борьбе с Шаруканом и о князе-герое Всеславе. Этот новый цикл, выражавший общерусские, общенародные идеи, по существу продолжал (но в более обостренной форме) идеи старого Владимирова цикла.

Но надо думать, что и старый цикл, созданный три поколения тому назад, в бурные годы общенародного подъема и успешной борьбы с печенегами, не исчез из обихода народных сказителей. Народ не воспевал князей-современников, и эпический цикл Владимира мог существовать именно как антитеза, как противопоставление идеального князя «Красного Солнышка» Святополку Окаянному, наводившему поганых на Русь, жадному до власти Ярославу, жестокому и вероломному Изяславу, изрубившему безоружных киевлян.

Таким сосуществованием двух циклов только и может быть объяснено постепенное распространение имени Владимира на описание других событий, отстоящих иной раз на десятки лет от времени княжения этого князя.

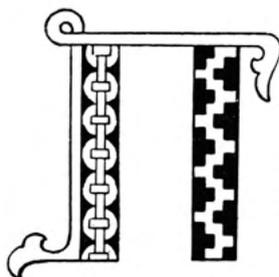
У народа в XI в. долго не было своего фаворита среди князей, и это вакантное место любимого эпического героя занимал Владимир Святославич, пока на смену ему не пришел другой любимец русских смердов — тоже Владимир по имени — Мономах.

БЫЛИНЫ ЭПОХИ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА (Второй Владимиров цикл)

1

ДАТИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ БЫЛИН РУБЕЖА XI и XII вв.

ПОЛОВЕЦКОЕ НАШЕСТВИЕ возродило героическую тематику, что сказалось как в повторении старых былин, так и в создании новых. В истории половецких войн мы знаем три периода особенно интенсивного натиска половцев: 1060-е, 1090-е и 1170—1180-е годы. И все эти три натиска отразились в русском эпосе. Первый поход 1068 г. был возглавлен Шаруканом, и он, как уже выяснилось выше, отразился в целом цикле былин о Кудреване, Шарке Великане и Волхе Всеславиче.

Второй натиск объединил против Руси всех главнейших половецких ханов: того же Шарукана Старого, Боняка, прославившегося в Византии, Кури и Тугорхана¹.

Одна из русских летописей, оконченная в 1093 г., завершается описанием страшных результатов половецкого набега на Киев и всю Киевскую землю, а новая летопись на первой же странице открывается описанием нового нашествия половцев, приведенных на Русь в 1094 г. честолюбивым Олегом Святославичем.

В 1095 г. повторилось строительство богатырских застав на южном пограничье: «Святополк же повеле рубити город на Вытече хълму, в свое имя нарек Святополчь град». Сюда были переведены гарнизоны из Юрьева и «от инех град». В 1098 г. Владимир Мономах заново построил сожженный половцами город на Остре, возобновив опять-таки старую оборонительную линию по Остру, возведенную его прадедом в 988 г.²

Линия русской обороны под натиском половцев отодвинулась с берегов Руси в глубь Руси на старые владимировы рубежи к Переяславлю, Стугне и Остру. Здесь в старых эпических районах и происходили те события, по поводу которых были сложены новые былины в исходе XI столетия.

¹ Третий половецкий натиск 1170—1180-х годов подробно отражен в «Слове о полку Игореве», в летописной повести 1185 г. и в былинах об Отроке, Кончаке, Сауре и Сухане.

² См. В. Н. Т а т и щ е в. История российская с самых древнейших времен, кн. II. М., 1773, стр. 195.

Переломными моментами в русско-половецкой борьбе этих лет было, во-первых, убийство половецкого посла Итларя во дворе Владимира Мономаха в Переяславле в 1095 г., означавшее протест против вероломства ханов, и разгром войск Тугоркана дружинами того же Владимира в 1096 г. После этого агрессия половцев направляется то на Византию, то в сторону Венгрии, а Русь почувствовала временное облегчение, позволившее Мономаху подготовить ряд мощных рейдов в глубь Половецкой степи в 1103—1117 гг.

Вполне естественно, что эти события могли послужить основой третьего по счету былинного цикла.

С событиями конца XI в. исследователи давно уже связали былинку о победе русского богатыря над Тугарином Змеевичем, в котором справедливо видели половецкого хана Тугоркана, убитого в бою под Переяславлем в 1096 г.

Эта былина очень важна для нас как хронологический ориентир, так как с ней плотно сплетен ряд других былин, взаимная близость которых, очевидно, объясняется их одновременностью.

Здесь действует новый герой, не известный ни Владимирову циклу, ни циклу 1068 г.—Алеша Попович, здесь появляется Идолище Поганое, нападающее то на Киев, то на Иерусалим или Царьград. На княжьих пирах присутствует Апракса-королевична. Имена героев и даже некоторые эпизоды переплетаются в этих былинах, создавая впечатление большой хронологической близости самих былин. Для ясности и облегчения понимания взаимной их связи я, забегая вперед, приведу перечень былинных героев, которых в дальнейшем изложении удалось более или менее точно датировать.

Тугарин Змеевич (1094—1096 гг.)

Апракса-королевична (около 1097 г. и далее)

Алеша Попович (1095—1100 гг.)

Идолище Поганое на Руси (1095 г.)

Идолище в Царьграде (1098 г.?)

Даниил Игнатъевич (1107 г.)

Иванушка Козарин (1106 г.)

Владимир — Владимир Мономах в Переяславле (1094—1113 гг.).

Обоснованию отождествлений и этих датировок посвящены последующие этюды.

Тугарин Змеевич

Рассмотрим текст «Повести временных лет», разделив его для удобства сопоставления с былинкой на эпизоды.

[1.] 1096 г. «...Приде Тугоркан, *тесть Святополчь*, к Переяславлю, месяца мая 30 и ста около града.

[2.]...Святополк же и Володимер поидоста на нь по сей стороне Днепра, и придоста к Зарубу *и ту перебродистася* и не очютиша их Половци...

[3.]...Половци стояху на оной стороне *Трубержа* исполчившеся. Святополк же и Володимер *вбредоста в Трубержь* к Половцем,

[4.]...*Володимер* же хоте нарядити полк, они же не послушаша, но удариша в коне к противным. Се видевше Половци и побегоша, а наши погнаша в след ратных, *секуще противьныхя*.

[5.]...Месяца *июля в 19 день* побежени быша иноплеменници и князя *и зубиша Тугоркана* и сына его и ини князи; мнози врази наши ту падоша.

[6.] На заутрьє же налезоша Тугоркана мертва, и взя ѿ Святополк, акы тьстя своего и врага; *и привезше ѿ к Киеву*, погребоша ѿ на Берестовем...»³.

³ «Повесть временных лет», ч. I, М.—Л., 1950, стр. 151.

Сопоставим этот рассказ с былинами о бое Алеши Поповича с Тугарином:

1. Былины очень часто начинаются с описания пира в княжеском дворце, куда является и уродливый обжора Тугарин Змеевич, находящийся в каких-то очень близких отношениях с княгиней. Исторический Тугоркан за два года перед этим стал тестем Святополка и на правах отца великой княгини мог и должен был пировать в великокняжеском дворце. Летописец, занятый главным образом описанием борьбы с половцами, с некоторым неодобрением констатирует, что Тугоркан, несмотря на близкое родство, привел все же свои войска на Русь. Былина расширила это вступление, показав Тугарина на пиру грубым, неучтивым, заносчивым гостем, садящимся за стол не по обычаю между самим князем и княгиней⁴.

2. Ночевка русских войск на берегу Днепра у Зарубинского брода отражена в былинах:

Садилися на добры кони,
Поехали ко Сафат-реке,
Поставили белы шатры,
Стали опочив держать,
Коней отпустили в зелены луга⁵.

3. Если русские войска начали бой с Тугорканом переходом реки, то и былинный герой переходит реку, чтобы сразиться с Тугарином:

Пошел [Алеша] за Сафат-реку,
Завидел тут Тугарин Змеевич млад,
Заревел зычным голосом —
Подрогнула дубровушка зеленая⁶.

4. Половцы побежали, еще только увидав решительные действия Владимировых дружин, перебредавших реку. В былинах Тугарин всегда *поворачивается назад* и в результате этого погибает.

5. Былинный Тугарин изображается как сказочное существо, летающее над землей.

У Тугаринова коня да крылье огненно,
Да летает-то конь да по поднебесью.

Алеша Попович молится богу, чтобы он послал тучу грозную с дождем и молнией. Начинается гроза, и Тугарин падает на землю.

Эта не совсем обычная для былин деталь станет понятной для нас, если мы вспомним, что бой на Трубеже происходил 19 июля, в канун Ильина дня, дня Ильи Громовника — эмпирически найденное древними славянами наиболее грозное время, посвященное Перуну.

⁴ В запеве некоторых былин использован мотив волков, сопровождающих Тугарина:

Да и едет Тугарин-от да Змеевич же,
Впереди-то бежат да два серых волка.

(А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, далее— А. Д. Григорьев, т. III, СПб., 1910, стр. 152).

Относительно Боняка, современника и союзника Тугоркана, летопись сохранила интересные подробности:

1097 г. «... и яко бысть полунощи, и встав Боняк, отъеха от вои и поча выти волчьскы и волк отвыся ему и начаша волки выти мнози».

Боняк истолковал это как благоприятное предзнаменование перед битвой («Повесть временных лет», ч. I, стр. 179).

⁵ «Былины», т. I, М., 1916, стр. 107.

⁶ «Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым» (далее—К и р ш а Д а н и л о в), М., 1938, стр. 125.

6. Перевоз тела Тугоркана в Киев тоже отражен в былине в сильно измененном виде.

Да Тугаринову голову да на копье садил,
Да повез-то ее да в стольный Киев-град.

Как видим, все основные элементы летописного рассказа 1096 г. сохранены в былине, но, естественно, подверглись в ней своеобразной поэтической переработке. Из былинных героев мы с полной уверенностью можем отождествить Тугарина с Тугорканом; менее уверенно — былинного Владимира с Владимиром Мономахом, чьи дружины первыми атаковали полчища половцев Тугоркана, осадивших город Владимира — Переяславль.

Но найти среди Владимировых дружинников того, кого былина назвала Алешей Поповичем, нам по данным только одной этой былины и летописного рассказа 1096 г. не удастся. Необходимо более широкое рассмотрение исторических событий и былин с именем этого нового для киевского эпоса героя — Алеши.

Апракса-королевична

Давно обращено внимание на сложную переплетенность между собой былин об Алеше и Тугарине, с одной стороны, и былин об Илье Муромце и Идолище Поганом, с другой. Добавлю, что в этой группе богатырских былин можно выделить еще один сюжет: куртуазный, связанный с княгиней Евпраксией, флиртовавшей с Тугарином (или Идолищем). Слияние трех разных сюжетов привело к ряду нелогичностей в былинах, вроде двухкратного убийства Тугарина (вариант Кирши Данилова).

Попытаемся распутать этот клубок, отделив первоначально тот придворно-сатирический элемент, который искусственно присоединен к богатырской песне и связан с именем княгини Евпраксии, Апраксы-королевичны.

Апракса очень влюбчива; она с одного взгляда увлеклась заезжим гостем:

«Гой вы еси, княгини-боярны,
Либо мне резать лебедь белую,
Либо смотреть на мил-живот,
На молода Тугарина Змеевича!»

Половчин держит себя с Апраксой весьма нагло:

Ко княгине он, собака, руки в пазуху кладет,
Целует во уста сахарные ⁷.

Совершенно невозможно согласиться с В. Миллером, отождествлявшим былинную героиню с рязанской княгиней Евпраксией, целомудренной женой князя Федора, покончившей собой во время нашествия Батюга ⁸. Былинная Епраксея — образец неверной жены, раздосадованной убийством ее любовника; она выговаривает Алеше:

«Деревенщина ты, засельщина,
Разлучил меня с другом милым,
С молодым Змеем Тугаретиным» ⁹,

на что богатырь отвечает весьма прямолинейно:

«А ты гой еси, матушка княгиня Апраксеевна,
Чуть не назвал я тебя сукою,
Сукою-то волочайкою» ¹⁰.

⁷ Кирша Данилов, стр. 128.

⁸ В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. II. М., 1910, стр. 359—360.

⁹ «Былины», т. I, 1916, стр. 109.

¹⁰ Там же.

И этот мотив фривольного отношения могущественного половецкого хана к знатым придворным дамам киевского двора также не лишен реальной основы в условиях конца XI в. Конечно, в «сладострастной Апраксе» нельзя видеть великую княгиню, родную дочь самого Тугоркана; очевидно, осуждению былинного певца подвергалась какая-то другая княгиня, для которой Тугоркан был посторонним лицом, пригодным для романтического приключения.

Думаю, что былины слили воедино два хронологически близких момента: во-первых, свадебный пир во дворце Святополка, женившегося на Тугоркановой дочери в 1094 г., когда присутствие знатного тестя в великокняжеском дворце было обязательным, а во-вторых, появление при киевском дворе около 1097 г. знаменитой Евпраксии Всеволодовны, сестры Мономаха, бывшей императрицы Священной Римской империи.

Былинную Епраксею — Апраксу, характеризующую как легкомысленную кокетку, готовую начать роман с любым заезжим гостем, нельзя отождествить ни с одной из русских княгинь кроме Евпраксии — Адельгейды (1071—1109 гг.), женщины с трагической репутацией¹¹.

Рано выданная замуж за графа Штадена, она уехала около 1083 г. из Киева в Саксонию: «Дочь русского царя приходит в эту страну с большой помпой: с верблюдами, нагруженными роскошными одеждами, драгоценными камнями и вообще несметными богатствами»¹².

В 1087 г. юная Евпраксия овдовела, и одновременно овдовел император Генрих IV; в 1088 г. он уже обручился с Евпраксией, а через год дочь Всеволода стала императрицей. Она жила в Кельне, Бамберге, Вероне, но между ней и мужем постоянно происходили грубые и непристойные сцены. Сторонники Генриха называли Евпраксию «королевской блудницей», «бесстыдной, развратной женщиной»; сам император обвинял жену в связи с ее пасынком, сыном Генриха.

Семейные конфликты завершились бегством Евпраксии в Каноссу к врагам Генриха, и спустя полтора десятка лет после своего знаменитого унижения перед папой в Каноссе Генрих IV снова должен был пережить еще одно унижение — его жена публично покаялась в своих грехах и разврате, к которому ее понуждал муж. Рассказ о злодеяниях Генриха был оглашен в 1094 г. на Констанцском соборе и в 1095 г. на соборе в Пяченце, собравшем 4000 церковников и 30 000 мирян. После этого, отомстив мужу, сделавшему так, что «она даже не знает, от кого она беременна»¹³, она вскоре уехала в Венгрию, а оттуда в Россию. Переезд Евпраксии состоялся после 1095 или 1097 гг., когда ей было 25—26 лет; появилась она при киевском дворе почти во времена Тугоркана и Итларя, привезла, очевидно, с собой громкую славу героини многих (вольных или невольных) романтических приключений. Совершенно естественно, что тогдашний великокняжеский двор Святополка Изяславича, хорошо осведомленного в европейских делах, мог быстро разнести молву об этих приключениях молодой княгини-разводки. Все, что мы знаем о реальной Евпраксии, чрезвычайно близко к тому облику кокетливой Апраксы, который рисуют былины 1094—1096 гг. Былинный мотив тяготения княгини Апраксы к половецкому хану отчасти объясняется и половецким происхождением самой Евпраксии: она дочь Всеволода от второго брака с какой-то «половецкой княжной»¹⁴.

Едва ли летописный Тугоркан мог действительно обнимать Евпраксию Всеволодовну, так как был убит примерно за год до ее приезда в Киев, но эти два момента — пирующий у князя половчин и находящаяся при дворе родственница князя, полуполовчанка с дурной славой — так хронологически близки, что слияние

¹¹ С. П. Розанов. Евпраксия—Адельгейда Всеволодовна.— «Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук», М., 1929.

¹² Там же, стр. 628.

¹³ Там же, стр. 630.

¹⁴ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. II. СПб., 1816, прим. 156.

их в эпической песне, *главным* содержанием которой была победа над кичливым половецким ханом, неудивительно и вполне естественно. Во всяком случае, слияние образа Апракса именно с былинной о Тугарине объясняется *хронологической* близостью и придает историзации былины дополнительные черты. Былинны детали не могут дать скрупулезной фактологической канвы, но в своей совокупности они дают достоверную историческую *обстановку* последнего пятилетия XI в.

2

АЛЕША ПОПОВИЧ. ИДОЛИЩЕ

Алеша Попович

С былинной о бое Алеша Поповича с Тугарином тесно переплетена былина о бое Ильи Муромца с Идолищем Поганым, известная в двух сильно разнящихся версиях — киевской и цареградской. Каждая из версий требует особого рассмотрения.

В киевской версии, где действие происходит в привычной былинной обстановке — во дворце Владимира, по предположению Ореста Миллера, первоначальным героем был не Илья Муромец, а тот же Алеша Попович, который действует и в былинной о Тугарине, что в свою очередь должно было способствовать сближению этих двух былин¹⁵.

По поводу хронологии былины об Идолище Поганом высказаны три различных точки зрения:

1. Идолище — символ славянского язычества; следовательно, былинную нужно относить к X в. (Б. М. Соколов).
2. Идолище — символ татар-насильников XIII—XIV вв.
3. Идолище — олицетворение турок-османов, взявших Константинополь в 1453 г. (М. Н. Сперанский).

Все эти датировки основаны только на символическом толковании имени Идолища Поганого; остальные аргументы, если они вообще приводятся, носят второстепенный характер.

Мне кажется, что путеводной нитью должна быть близость былины об Идолище к былинной о Тугарине, выражающаяся во взаимной заменяемости некоторых существенных эпизодов и в единстве первоначального героя — Алеша Поповича.

Взаимозаменяемость имен Тугарина и Идолища в разных вариантах былин можно было бы легко объяснить, будь их имена созвучны или их судьбы схожи, но имена их резко различаются и судьбы их различны: Тугарина Змеевича с его крылатым конем Алеша всегда убивает в чистом поле, в обычном богатырском бою, а Идолище Поганое Ильи (или Алеша) убивает только в княжеском тереме из-за печки или с полатей.

Путаница образов Тугарина и Идолища происходит в былинах только в тех случаях, когда речь в них идет о событиях *внутри* дворца, а не в поле. Идолище Поганое — единственный эпический враг, погибающий не в чистом поле, не под стенами осажденного им города, а в самом городе, в светлом тереме князя Владимира.

Следует отметить и другое: ни Идолище, ни Тугарин не объединяются сказителями былин с другими враждебными персонажами (Кудреван, Калин-царь, Батыга).

¹⁵ О. Миллер. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1870, стр. 741. Взгляд О. Миллера поддержан другими исследователями (см., например, М. Н. Сперанский. Русская устная словесность. М., 1917, стр. 261. Б. М. Соколов. Былины, т. I, М., 1918, стр. 30 и др.; В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955, стр. 215).

Тяготение друг к другу только лишь этих двух имен — Тугарина и Идолища — не может быть объяснено ничем иным, кроме хронологической близости тех событий, героями которых явились эти два врага Руси и их победитель.

Прежде чем перейти к рассмотрению самой былины, остановлюсь на хронологии образа Алеши Поповича, справедливо считавшегося основным, первоначальным героем киевской версии былины об Идолище. Этому вопросу посвящена солидная и интересная статья Д. С. Лихачева, пришедшего к таким выводам:

1. «Первоначально Александр Попович — один из „храбров“ Всеволода Большое Гнездо, житель Ростова, служащий затем сыну Всеволода Константину... Он главный герой Липицкой битвы» (1216 г.)¹⁶.

2. На рубеже XIV и XV вв. создается новый сюжет об отъезде Александра Поповича в Киев, где он «служит единому русскому князю Мстиславу Романовичу».

3. Примерно в это же время формируются и такие былинные сюжеты, где «место ничтожного князя киевского Мстислава Романовича занимает идеализированный русской летописью... Владимир Мономах».

4. «Последний этап, засвидетельствованный летописью, застаёт Александра Поповича при главном притягательном центре Киевской Руси — Владимире I Святославиче... К 1550-м годам (время составления Никоновской летописи) этот цикл развития былинных сюжетов об Александре Поповиче может считаться завершённым»¹⁷.

Первые два звена этой схемы не противоречат одно другому — ростовский дружинник легко мог оказаться в дружине киевского князя; здесь нет хронологических нарушений, так как князья Мстислав и Константин — современники.

Совершенно лишено исторической основы (как это и отмечено Д. С. Лихачевым) четвертое звено — приурочение Алеши Поповича к эпохе Владимира Святославича (980—1015 гг.). Упоминание в этом летописном тексте XVI в. князя Володаря и половцев (а не печенегов) несовместимо с эпохой Владимира I. Не подлежит никакому сомнению, что составители Никоновской летописи ошибочно отнесли к Владимиру I то, что должно было быть связано с именем Владимира II.

Таким образом, мы стоим только перед двумя группами событий, разделенных, правда, целым столетием — во-первых, это действия ростовского богатыря в Ростове и в Киеве в первой четверти XIII в.; во-вторых, это действия южнорусского богатыря на рубеже XI и XII вв. при Владимире Мономахе. Очевидно, слияние двух героев в один былинный образ Алеши Поповича произошло действительно фольклорным путем в позднейшее время. Если имя Александра (Алеши) Поповича мы, вслед за Д. С. Лихачевым, должны связывать с ростовским дружинником 1216—1224 гг., то чье имя из числа сподвижников Мономаха было впоследствии закрыто этим ростовским героем, «молодым Алешенькой Поповичем»?

Текст Никоновский летописи таков:

«В лето 6508. Прииде Володарь с Половци к Киеву, забыв благодеяния господина своего князя Владимира, демоном научен. Володимеру же тогда в Переяславце на Дунае. И бысть смятение велие в Киеве и изыде ноцию во сретение им Александр Попович и уби Володаря и брата его и иных множество Половец изби, а иных в поле прогна.

И се слышав, Володимер возрадовася зело и възложи на нь гривну злату и сотвори ѿ вельможа в палате своей»¹⁸.

¹⁶ Д. С. Л и х а ч е в. Летописные известия об Александре Поповиче.— «Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русского языка АН СССР» (ТОДРЛ), т. VII, М.—Л., 1949, стр. 46.

¹⁷ Там же, стр. 46—48.

¹⁸ «Никоновская летопись». — «Полное собрание русских летописей», т. IX, СПб., 1862, стр. 68.

Ошибочность даты в Никоновской летописи и пути ее исправления указаны еще Л. Н. Майковым¹⁹.

Учитывая вкравшиеся в некоторые исследования неточности²⁰, разберем летописную биографию Володаря Ростиславича. Он — двоюродный племянник Владимира Мономаха, начавший и кончивший свою бурную жизнь почти одновременно с ним: упоминается с 1081 г., умер в 1124 г. Первые летописные сведения заставляют его в приморской Тмутаракани, где он враждует со Всеволодом, отцом Мономаха, и захватывает в плен боярина Ратибора. Под конец своей жизни он воюет с сыном Мономаха Андреем, одним из подручных которого является сын Ратибора Фома Ратиборич, награжденный Владимиром, как и летописный Александр Попович, золотой гривной.

То событие, которое можно сопоставлять с записью Никоновской летописи «6508 года» (с поправкой на 100 лет), помещено в «Повести временных лет» дважды: под 1097 г. в повести Василия и под 1099 г. Там нет нападения на Киев; речь идет о борьбе волынских князей, в том числе и Володаря Перемышльского, с киевским князем Святополком Изяславичем. Киевский князь привел на Русь венгерские войска своего будущего свата, короля Коломана, а Володарь прибег к помощи страшного врага Киева — Боняка Шелудивого, предводителя западных орд половцев²¹. Киевские войска и их союзники венгры были разбиты Боняком. Киевлянам удалось только отстоять город Владимир. Так как в повести об ослеплении Василька (Володарева брата) описаны под одним годом события нескольких лет, то датой битвы Володаря и Боняка с киевскими войсками следует считать 1099 г.

На следующий год (1100) важнейшие князья Руси собрались на съезд в Витичеве и послали послов к Володарю с требованием выдачи холопов и смердов; «и не послуша сего Володарь». В числе послов, объявивших волю княжеского снema, был, по всей вероятности, и Ратибор, давний враг Володаря.

Загадочное упоминание Никоновской летописью Владимира в Переяславле на Дунае, как выяснил еще В. Миллер, связано с тем, что Владимир Мономах княжил в это время действительно в Переяславле, но только, разумеется, не в Дунайском, а в Русском.

Итак, богатыря с именем Александра Поповича позднейшие летописцы приурочили к совершенно определенным событиям и реальным историческим лицам 1099—1100 гг. Воюя против Володаря и половцев Боняка, он получает награду из рук переяславского князя Владимира Мономаха. Соглашаясь с Д. С. Лихачевым в том, что исторический прототип Алеши (в полной форме Александра) Поповича относится к XIII в., мы должны признать, что это имя прикрыло собой еще одного богатыря, победившего в 1096 г. Тугоркана, в 1099 г. воевавшего с Боняком и в неизвестном году сразившего во дворце Владимира загадочное Идолище Поганое. Этот богатырь был знаком и с Владимиром Мономахом и с его сводной сестрой Евпраксией Всеволодовной, возвратившейся в Россию в эти же годы — 1097—1099 и постригшейся в монахини в 1106 г. Основой слияния образа этого богатыря с образом Александра Поповича из Ростова XIII в. могли послужить только эпические сказания о событиях 1094—1099 гг.

¹⁹ Л. Н. Майков. О былинах Владимиров цикла. СПб., 1863, стр. 26—27.

²⁰ Д. С. Лихачев, ссылаясь на В. Миллера, указывает, что Володарь Ростиславич действительно подступал к Киеву и при этом именно с половцами, но не в 1000 г., а в 1110 г. при Владимире Мономахе» (Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 40). К сожалению, эта фраза основана на недоразумении: во-первых, у В. Миллера нет этого факта, а во-вторых, и в летописях под 1110 или под 1100 гг. его тоже нет (см. Л. И. Лейбович. Сводная летопись, составленная по всем изданным спискам летописи. СПб., 1876, стр. 188—216). В. Ф. Миллер (указ. соч., т. II, стр. 109), приводит дату 1097 г., которая тоже подлежит уточнению.

²¹ Участие Володаря в приглашении половцев явствует из данных, приводимых Татищевым (см. В. Н. Татищев. Указ. соч., кн. II, стр. 192—193).

Идолище Поганое у князя Владимира

Хронологический круг событий, связанный с *былинным* Алешей Поповичем, сильно сузился. В пределах этого круга или в непосредственной близости от него должны мы начать поиски и персонажей последней оставшейся нерасшифрованной былины об Идолище Поганом.

Идолище Поганое приходит со своей силой под Киев:

Тут выходит тотарин-от Идолишшо из бела шатра,
Он писал-то ерлычки все скорописчаты²².

Далее говорится о том, что Идолище посылает посла, а в тексте былины речь посла незаметно сливается с речью самого Идолища, который оказывается уже внутри княжеского дворца, рубит головы «придверничкам» и занимает апартаменты Владимира, оттесняя его чуть ли не в поварню.

В одной из былин Идолище (или Тугарище) Поганое назван послом царя Кудреванки. Царь посылает его потому, что он

Бывал смала на святой Руси,
Маленько по-руському говаривал²³.

Дальнейшие события разворачиваются внутри дворца, в княжеской палате, на пиру. Однако это не обычный богатырский пир князя Владимира, а зачастую потчеванье одного только Идолища, отличающегося непомерным обжорством. Этот эпизод часто допускает замену Идолища Тугарином, Ильи Алешей.

Алеша Попович (или Илья), сидя в отдалении, на полатах или на «печечьке муравленой», начинает насмехаться над обжорой:

«Как у нашего попа да у Левонтья Ростовского
Как бывала тут коровица обжорище...
Ела, ела, пила, пила, сама лопнула».
Тут Идолищу Поганому не кажется,
Как ухватит он ножищо да кинжалищо,
Да как махне он в казака Илью Муромца...²⁴

Кинжалище часто выбивает простенок или дверь; в дверях гибнут прибывшие с Идолищем двенадцать татаровей²⁵.

Богатырь, ловко уклонившись от брошенного ножа, в одних случаях откладывает расправу с чужеземцем на завтра, не решаясь «скровавити палаты княженецкие», в других случаях он тут же, в палате, среди пиршественных столов убивает Идолище шляпой сорочинской или шелепугой подорожной. При этом нередко выламывается простенок или подпора—богатырь не щадит княжеского терема ради победы над Идолищем.

При поисках исторических параллелей этой былине нам нужно обратить внимание главным образом на единственный в русском эпосе факт убийства знатного чужеземца (царского посла) во дворце, а не в чистом поле.

За несколько столетий мы можем указать только два таких летописных известия: первое относится к убийству ханского посла Итларя в 1095 г. в Переяславле, а второе — к смерти Щелкана Дюденевича в Твери в 1327 г., воспетой в особой исторической песне.

²² «Илья Муромец». — Серия «Литературные памятники», М.—Л., 1958, стр. 170.

²³ В. Ф. Миллер. Указ. соч., т. II, стр. 141.

²⁴ «Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г.» (далее — А. Ф. Гильфердинг), т. I, М.—Л., 1949, стр. 122.

²⁵ Б. М. Соколов. Былины, стр. 85.

События 1095 г. таковы: «придоша половцы Итларь и Кытан к Володимеру на мир». Кытан остался в окрестностях города, а Итларь поехал к Владимиру в его Переяславль (сравни былинку: «ставил силушку на много верст, сам поехал он к Владимиру»²⁶). «И начаша думати дружина его Ратиборя чадь со князем Володимером о погублении Итларевы чади». Кытан был убит, заложники освобождены. «А Итлареви в ту ночь лежащую у Ратибора на дворе с дружиною своею и не ведущю, что ся над Кытаном створи».

Утром, в воскресенье 24 февраля «пристрои Ратибор отроки в оружьи и истобку пристави истощити им. И позва в ню Итларя и со дружиною заутрокати». Князь Владимир послал переводчика передать Итларю приглашение к князю. Предварительно послы должны были одеться и позавтракать у Ратибора в «тепле избе». «И яко влезоша в истобку, тако запрени быша. Вълезше на истобку, прокопаша верх и тако Олбег Ратиборичь приим лук свой и наложив стрелу, удари Итларя в сердце и дружину его всю избиша»²⁷.

Думаю, что именно с этим событием 1095 г. и следует сопоставлять первоначальную историческую основу былины об Идолище Поганом. Слово «истобка» вплоть до XV в. означало теплую половину дворца («истопник» — боярин, дворецкий). Позднее оно вызвало другие ассоциации, и поэтому Алеша всегда помещен в былинах около печки, «истопки» в позднейшем смысле.

Былина сохранила и такую важную деталь, как расправа внутри помещения, приготовленного для пира; объяснима и гибель спутников Идолища *в дверях* палаты, объяснимо и отсутствие другого оружия, кроме засапожного ножа у Идолища, так как ему предстояла аудиенция у князя, куда посол не мог явиться вооруженным.

Имя Идолища, по всей вероятности, является искажением имени Итларя через форму «Итларище Поганый», вполне уместную в эпической песне. Идолище, как и «Итларище», зачастую предстает перед нами в качестве посла к Владимиру. Идолище, как и «Итларище», приглашен к столу, но в начале пира он погибает, пораженный на расстоянии шелепугой (в былинке), стрелой (в летописи).

Олешу Поповича, которого все исследователи, начиная от О. Миллера и кончая В. Я. Проппом и В. И. Чичеровым, считают *первоначальным* героем борьбы с Идолищем — «Итларищем» Поганым, следует на основании сказанного отождествить с Ольбегом Ратиборичем, дружинником Владимира Мономаха.

Смена имени Ольбега на Олешу произошла позднее, под влиянием песен о ростовском «храбре» Алеше (Александре) Поповиче 1216—1220 гг. Такой смене могли содействовать и притяжательная форма (например «Ольбежья стрела») и звательный падеж: «Ольбеже». Отец Ольбега — известный боярин Ратибор, служивший еще в 1079 г. великому князю Всеволоду, отцу Мономаха. Последний раз он упоминается в 1113 г.: это ему поручил Владимир Мономах переделку «Русской Правды» после известного восстания в Киеве. Ратибор был в это время назначен киевским тысяцким²⁸.

Большой интерес для нас представляют сведения о брате Ольбега Фоме Ратибориче, сохраненные летописью и у Татищева. В 1116 г. Фома Ратиборич воевал на Дунае под стенами той самой Силистрии, где некогда Цимисхий осаждал Святослава. В 1121 г. Фома Ратиборич — посадник в далеком западном форпосте Руси, в городе Червне, отражает нападение поляков²⁹.

²⁶ А. Ф. Гильфердинг, т. II, стр. 4.

²⁷ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 149.

²⁸ Печати с надписью «от Ратибора» на одной стороне и изображением Климента на другой дали возможность А. В. Орешникову отождествить Ратибора с тем боярином Климентом, о котором идет речь в «Житии Феодосия Печерского», написанном Нестором (см. А. В. Орешников. Материалы к русской сфрагистике. М., 1903).

²⁹ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 204, 206.

Рассказ Татищева о событиях 1121 г. сохранил явные черты эпического сказания: поляки в количестве 6000 воинов подошли к Червню; Фома Ратиборич смог собрать только 1000 воинов. Неравенство сил посадник Фома уравнил своей изобретательностью: всех людей из посада он ввел в городскую крепость, а в посадских домах разместил большие запасы вина и меда. Такие же запасы он заранее завез в окрестные села, и когда обманутые одним лазутчиком поляки пошли грабить села, они все перепились и легко были побеждены Фомой Ратиборичем, хотя один его воин приходился на шесть поляков. «О сей хитрости Фоминой Владимир пришед в Киев уведав, вельми е его похвалил, учиня его тысяцким во Владимире [Волынском], гривну ему и цепь златую послал»³⁰.

Как мы помним, богатырь Александр Попович, по данным Никоновской летописи, был награжден тем же Владимиром так же: «И възложи на нь *гривну злату* и сотвори ѿ вельможа в полате своей»³¹. Быть может, о сыновьях Ратибора, верно служивших любимцу смердов Владимиру Мономаху, были сложены в конце XI — начале XII в. народные эпические песни, часть которых стала былинами. Необычное имя Ольбега Ратиборича забылось и заменилось именем Алеши Поповича. Этот цикл былин о Владимире II следовало бы назвать не киевским, а переяславским, так как почти все воспеты в нем события происходили не в Киеве, где княжил скупой и жадный Святополк, а в Переяславле Русском, где два десятка лет провел Владимир Мономах. Переяславль в эти годы был форпостом Киевской Руси и всегда первый принимал на себя удары половцев. Неудивительно, что старая былинная традиция времен борьбы с печенегами возродилась именно здесь, в княжестве Владимира II, сумевшего организовать общерусский отпор новому врагу — половцам Шарукана Старого, Тугоркана и Боняка.

В самом Переяславле во дворце Ратибора происходит в 1095 г. убийство «Итларица Поганого», означавшее перелом в русско-половецких отношениях и переход к активному противодействию половецким ордам. Это была политика Владимира, противоположная выжидательной позиции Святополка, женатого на Елене Тугоркановне, и прополовецкой политике Олега Святославича, укрывавшего у себя сына Итларя.

Под Переяславлем был убит Тугоркан — Тугарин Змеевич в 1096 г. Если былины всегда связывают его смерть с Алешей, то, быть может, он действительно был убит Ольбегом, или вообще «Ратиборовой чадью»? С пребыванием Владимира в Переяславле связан и летописный подвиг Алеши Поповича в 1099 г.

К этому переяславскому циклу относится и предполагаемое сказание о Фоме Ратибориче, дружиннике переяславского князя Андрея Владимировича (сына Мономаха), лишь временно оказавшегося на западе Руси.

Возможно, что началом переяславского цикла был занесенный в летопись известный рассказ о кожемяке, победившем печенежина. Завершал этот цикл, быть может, рассказ о переяславском богатыре Демьяне Куденевиче, «воине славном и половцам вельми страшном» (1148 г.)³². Имя Владимира II, ставшего под конец жизни князем киевским, слилось с именем Владимира I, его прадеда, а Переяславль заменился Киевом, сохранившись лишь в письменной традиции.

³⁰ В. Н. Татищев. Указ. соч., кн. II, стр. 225.

³¹ Золотая гривна в качестве награды упоминается и в былинах об Илье и Идолище. Цареградский князь извиняется перед богатырем:

«Нет у меня дать тебе милостины, золотой гривны,
Обожрал Идолище весь Цареград,
Золота казна запечатана»

(О. Миллер. Указ. соч., стр. 753).

³² В. Н. Татищев. Указ. соч., кн. II, стр. 318.

ИДОЛИЩЕ ПОГАННОЕ В ИЕРУСАЛИМЕ И ЦАРЬГРАДЕ

Цареградская версия былины об Идолище Поганом представляет не меньший интерес, чем киевская. Ее отличает прежде всего значительная близость к духовным стихам, обилие церковных деталей и выдвигание на первый план паломников, пилигримов — «калик переходжих». Географические ориентиры — Иерусалим и Константинополь; место киевского князя занимает царь Константин Боголюбovich, а место богатыря-победителя — паломник Иванище. Обстановка настолько несхожа с киевской версией, что заставляет предполагать только хронологическую близость к разобранной выше былине об Идолище и Алеше (или Илье).

Начинается былина с описания того, как калика Иванище богатырского сложения снаряжается в Иерусалим:

Итти к городу еще Еросолиму
Как госпуду там богу помолитися,
Во Ердань там реченьке купатися,
В кипарисном деревце сушитися,
Господнему да гробу приложитися ³³.

Все это паломнику Иванищу удалось выполнить и, побывав в Иерусалиме и приложившись к гробу господню, на обратном пути из Палестины он застал в Царьграде бесчинствующих кочевников:

Наехало погано тут Идолище,
Одолели как поганы все татарева,
Как скоро тут святые образы были поколоты,
Да в черны-то грязи были потоптаны,
В божьих-то церквах он начал тут коней кормить.

Могучий пилигрим убил по дороге одного поганого, но от боя с самим Идолищем уклонился. На пути ему встретился Илья Муромец, начавший корить калику за то, что тот не выручил царя Константина Боголюбова. Илья переоделся в платье пилигрима и проник во дворец царя Константина, где и убил Идолище Поганое. Царь щедро одарил Илью Муромца золотом и серебром, и Илья, взяв ценности, как «свое заработное», как плату за борьбу с погаными, возвратился в Киев ³⁴.

В некоторых вариантах Илья Муромец рассказывает о том, что он пришел «со степей цыцарских» (цесарских) или «сорочинских». Паломник Иванище иногда выступает как «калика сорочинская», одетый в сорочинскую гуню ³⁵.

Думаю, что историческую основу этой былины следует искать в обстановке первого крестового похода, когда вынужденно прервалось паломничество в Иерусалим и на Иордан, когда толпы калик должны были вернуться из сарацинских степей. Правда, имя цесаря — «Константин Боголюбovich» — может уводить к более раннему времени Константина Мономаха (умер в 1054 г.) или Константина Дуки (1059—1068 гг.), когда турки-сельджуки громили Византию и брали Иерусалим в 1071 г., но более вероятным все же представляется то время, когда вопрос о «гробе господнем» и надругательствах над христианством был на устах у всех европейцев, когда Иерусалим попал в руки мусульман-сарацин (1098 г.), а император Византии Алексей Комнин находился у себя в Царьграде в весьма затруднительном положении — из окон его

³³ «Былины», т. I, 1916, стр. 172.

³⁴ Там же, стр. 172—180.

³⁵ О. Миллер. Указ. соч., стр. 741—742.

дворца были видны на востоке владения турок, по Царьграду бродили грозные «друзья» крестоносцы, а на севере располагались орды печенегов. В 1091 г., по мысли В. Г. Васильевского, русские войска (вероятно, наемные) помогали цесарю в борьбе с печенегами. В эпоху первого крестового похода, когда масса калик-паломников, вернувшись на Русь, должна была рассказать о трагических событиях в цесарских и сарацинских степях, былина о бое Ильи Муромца с Идолищем Поганым должна была в какой-то мере уравновесить сведения о победах рыцарей-крестоносцев на Востоке и показать, что действия русских войск в защиту Византии тоже являются вкладом в общее дело христианского мира. В этой былине, сложенной, по всей вероятности, после 1098 г., суммировались исторические события за всю последнюю четверть XI в. Хронологическая близость к «Итларищу» (1095 г.) и к Тугоркану (1094—1096 гг.) обусловила сближение поэтических рассказов о борьбе русских с погаными половцами в Переяславле и Киеве с рассказом о борьбе с погаными в «цесарских» степях под Царьградом на фоне уходящих от Идолища Поганого калик-пилигримов, едва успевших благополучно «господнему гробу приложитися» до захвата этой святыни сарацинами в 1098 г.

Начало XII в. ознаменовано наступлением русских войск на половцев и переносом военных действий в глубь степей, к низовьям Днепра или к городам Шаруканю и Сугрову и далее на Дон. Вождем и организатором общих походов является по-прежнему Владимир Мономах, который убедил других князей действовать активно. Но как только пожар войны отодвинулся от основных русских земель, как только воины, шедшие воевать против поганых, скрылись за «шеломяном» в «земле незнаемой», так иссяк и источник народных песен о богатырях. Летописцы ходили в походы со своими князьями и писали пространные сказания, вроде известного сказания о Шаруканском походе 1111 г., княжеские витии слагали «славы» князьям, но *народные* былины уже не создают новых героев, не прославляют те походы, задачи которых не всегда были ясны народу.

Величественная эпическая поэзия, созданная всем народом во время общего напряжения сил, в XII в. постепенно сходит на нет; новые сюжеты уже не так драматичны, новые герои уже не так монументальны. Одной из таких былин начала XII в. является былина о Козарине, достаточно подробно рассмотренная Всеволодом Миллером, правильно определившим ее историческую основу³⁶.

Под 1106 г. летопись сообщает о том, что «воеваша Половци около Заречьска, и посла по них Святополк Яня и Иванка Захарьича Козарина и угониша Половце и полон отьяша»³⁷.

В былинах Козарин назван чаще Михаилом Петровичем, но есть и варианты, где он — «Иванушко Козаревич»³⁸.

Место победы над половцами — город Заречск на Волыни, и Козарин в былинах часто связан с «Волынцем» или Галичем. Это, однако, не объяснение: оказывается, Козарин был изгоем, вынужденным уйти из родной земли.

Его род-племя не в любви держал...
Родны братьица его невознавидели:
Да хотели Козарушку все конем стоптать,
Да хотели Козарушку все копьем сколоть.

Козарин покидает свое род-племя и появляется при дворе Владимира как блистательный всадник и лучник.

³⁶ В. Ф. Миллер. Указ. соч., т. II, стр. 1—31.

³⁷ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 186.

³⁸ А. Д. Григорьев, т. III, стр. 551.

Его сказочный лук особенно красочно описан в ранней записи Кирши Данилова:

Еще в нем тугой лук разрывчатой,
А цена тому луку три тысячи,
Потому цена луку три тысячи,
Полосы были булатные,
А жилы-слоны сохатные,
А рога красна золота,
А тетивочка шелковая,
Белого шелку шемаханского.
И колчан с ним каленых стрел,
А во колчане было полтора ста стрел,
Всякая стрела по пяти рублев...³⁹.

Далее в таких же восторженных тонах описывается конь богатыря Козарина. Богатырское дело Иванушки Козарина в точности соответствует летописной записи по своей сущности, но облечено в поэтическую форму: Козарин настигает в степи поганых, которые только что совершили набег на Русь и стерегут полон, олицетворенный в виде «русской девицы полоняночки». Богатырь убивает татар и освобождает девушку, оказавшуюся его сестрой. Иванко Захарьич Козарин, Святополчий воевода, тоже настиг половцев и «полон отъяша». В этой былине героический элемент несколько заслонен, во-первых, подробными описаниями дорогого доспеха и снаряжения богатого боярина, а во-вторых, распространенным мотивом освобождения неузнанной сестры. В обработке исторического события 1106 г. сказался новый стиль XII в. — внимание к внешним аксессуарам (как и в былинах о Дюке, о Чуриле) и чувствительным лирическим деталям. К этому же времени, к первым десятилетиям XII в., следует приурочить и те былины, в которых отразилась обстановка знаменитого киевского восстания 1113 г.

Впервые на обрывки воспоминаний об этом событии указал еще В. Ф. Миллер ⁴⁰.

Летописный рассказ о восстании 1113 г. дает слишком мало данных для каких бы то ни было сюжетных сопоставлений с былинами. Единственной путеводной нитью является имя главного исполнителя воли сребролюбивого Святополка — тысяцкого Путяты Вышатича:

«...Кияне же разграбиша двор *Путятин* тысячьского... И послашася паки кияне к Володимеру глаголюще: „Поиди, княже, Киеву; аще ли не поидеши, то веси, яко много зло уздвигнешься — то ти не Путятин двор, ни соцьких, но и жида грабити и паки ти поидуть на ятровь твою и на бояры и на монастыре...“».

Песни о Путятинном дворе еще застал в живом бытовании В. Н. Татищев: «есть Путята, токмо иной [не тот, что крестил Новгород], в песнях старинных об увеселениях Владимира тако поют:

Против двора Путятина,
Против терема Зыбатина
Старого Путяты темной лес...» ⁴¹.

Путята Вышатич, праправнук Добрыни, брат известного усмирителя белозерского восстания 1071 г. Яна Вышатича (друга летописца), с первых лет княжения Святополка Изяславича был его правой рукой, как Ратибор у Всеволода и Мономаха. Он самостоятельно вел важные кампании и выполнял ответственные дипломатические поручения. Киевский народ, сильно страдавший от налоговой политики и дол-

³⁹ Кирша Данилов, стр. 137—138.

⁴⁰ В. Ф. Миллер. Указ. соч., т. II, стр. 28—31.

⁴¹ В. Н. Татищев. Указ. соч., кн. I, М., 1768, стр. 50, прим. 45.

говой практики княжения Святополка, считал, очевидно, Путятю главным своим врагом, если сразу же после смерти нелюбимого князя разгромил двор старого Путяты.

В. Ф. Миллер справедливо отметил, что «хотя этот воевода [Путята] и отличился вместе с Козариным в поражении половцев в 1106 г., но не попал в герои в народном предании, как Козарин, а получил в эпосе весьма предосудительную роль» (курсив мой.— Б. Р.)⁴².

В былинах есть отрицательный персонаж Путятин Путятювич (Мишатычка Путятин) — коварный советчик князя, изводящий невинного боярина Даниила Ловчанина и его красавицу-жену.

Мишатычка Путятин, по всей вероятности, действительно Путята Вышатич — киевский тысяцкий, наказанный восставшим народом. По былине, он в конце концов получает возмездие: — «А Мишатычке — смолы котел!». Судьба летописного Путяты нам не известна, но имя его после 1113 г. не упоминается нигде. Переработка «Русской Правды», произведенная Мономахом вскоре после восстания 1113 г., происходила уже без участия Путяты: во главе боярской комиссии стоял новый киевский тысяцкий Ратибор.

3

ДАНИЛО ИГНАТЬЕВИЧ

К этому же десятилетию и к этому же виду поздних богатырских былин начала XII в. относится и интереснейшая былина «Данило Игнатьевич», к сожалению, почти совершенно не изученная исследователями⁴³.

Основной смысл былины — в показе смены богатырских поколений; старшие, отвоевавшие богатыри уходят на покой, а на их место заступают их сыновья — молодые, храбрые, иногда неразумные, слишком нетерпеливые в бою, но в конце концов при мудром руководстве стариков побеждающие исконных врагов Руси. Этот же мотив двух поколений мы встретим и в былине о Сауре, где сын его Константин по неопытности попадает в полон, и отцу приходится выручать его. Два поколения действуют и в былине о Чуриле: старый Пленко Сурожанин спокойно живет в своих теремах, а его красавец-сын с дружиною бесчинствует в окрестностях Киева.

То же самое мы видим и в летописи тех времен, когда автор жалуется на недостаточность «смысла уных» и противопоставляет два поколения дружинников.

Былина о Даниле Игнатьевиче начинается традиционным запевом о пиршестве у ласкова князя Владимира:⁴

На русских-то могучих богатырей
Ай не тех же на купцей-гостей торговья
Да на тех же на калик да перехожья.

Закручинился на пиру «старый Данилушко Игнатьевич» и на традиционный вопрос князя Данило ответил:

Ведь жил я у тя во Киеве да шестьдесят годов,
Как сносил я у тебя во Киеве да шестьдесят боев...
Было у меня во Киеве с молодости погрежоно,
А погрежоно у меня да покурежоно,
А под старость мне-ка хочется кабы душа спасти...
Ай да постричися в ризу черную,
Да наложить на себя скиму спасеную,
А постригтися мне к Федосию-Антонию в Пещер-монастырь...

⁴² Ф. Миллер. Указ. соч., т. II, стр. 29.

⁴³ В. Я. Пропп даже не упомянул ни разу былинку о Даниле Игнатьевиче в своем капитальном труде о русском героическом эпосе. Обошли ее молчанием и другие исследователи.

Или в другом варианте:

А ты позволь мне-ка снять платье богатырское,
А да одеть мне-ка скиму да нонь *калицкую*.

Князь обеспокоился:

А как пройдет тут про нас слава великая,
Что во Киеве богатыри состарились...
А да как постриглись они в ризы черные...
Как тут разорят, разобьют наш Киев-град.

Данило успокаивает Владимира, говоря, что у него есть сын, еще не достигший богатырского возраста, но уже владеющий конем, копьем и палицей. От роду ему 12 лет (вариант — 9), но он уже богатырь.

Да постоит мой Михайло за щитою
И за Киев-град да обороною ⁴⁴.

Князь соглашается принять сына на место отца и отпускает старого воина в монастырь или в каличье паломничество. Данило передает сыну наставления об уходе за конем и о необходимости осторожности в бою, но, как и следовало ожидать, когда молодому Михайле Даниловичу пришлось оборонять Киев от врагов, он не уберечь коня и едва не погиб в подкопах, устроенных степняками. Боевое крещение его произошло через три года или через семь лет (по разным вариантам) после пострижения его отца. Хронологической приметой этой былины может быть и упоминание ханов Кудревана и Шкурлака (Скурлака) ⁴⁵.

Последний бой русских войск с Шаруканом Старым (Кудреваном) и его братом Сугрой (Скурлой, Шкурлаком) происходил 12 августа 1107 г. Имя Шарукана несколько раз упоминается в летописях на протяжении сорока лет и не может само по себе служить очень точным хронологическим определителем. Но имя его брата хана Сугры упомянуто летописью лишь один-единственный раз в 1107 г. в связи с его пленением под Лубном. Другой источник — «Поучение» Владимира Мономаха — тоже только один раз говорит о братьях Шарукана в связи с событием 1107 г. Это позволяет сблизать былинку, в которой взаимно заменяются в вариантах имена Шарукана и Сугры (Кудревана и Скурлы, Шкурлака) с победой над половцами в 1107 г. Летописное описание битвы не дает нам абсолютно твердых оснований для сопоставления былины именно с этим боем, но во многом совпадает с былинным и, во всяком случае, ни в чем не противоречит ему.

Войска многих половецких ханов стали на пограничной Суле около Лубна. Киевский князь и ряд других князей (в том числе и Владимир Мономах) подошли к Лубну, переправились бродом через Сулу и помчались на врагов. «Половци же ужасошася... побегоша хватаячи кони, а друзии пеша побегоша. Наши же начаша сеци женуци я, а другие *руками имати* и гнаша ноли *до Хорола*. Убиша же Таза, Бонякова брата, а *Сугра яша* и брата его, а Шурукан одва утече, отбегоша же товара своего...» ⁴⁶.

Сражение под Лубном, в котором были разбиты объединенные силы двух половин половецкого мира — орды Боняка и орды Шарукана, — сражение, закончившееся захватом ханского лагеря и братьев самих полководцев — Тааза и Сугры, было одним из наиболее выгодных сюжетов для эпической песни. Ведь это была *последняя* битва с Боняком Шелудивым и Шаруканом Старым, десятки лет наводившими

⁴⁴ А. Д. Григорьев, т. III, стр. 202, 46; «Былины», под ред. Б. Н. Путилова, Л., 1957, стр. 163.

⁴⁵ А. Д. Григорьев, т. III, стр. 476.

⁴⁶ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 186.

ужас на население русских земель; после 1107 г. не упоминается ни Боняк, ни Шарукан, ни Сугра. Окончателность победы показана и в былине:

Эй как бился - дрался с има шестеры ровно суточки,
Как прибил-то всех татар да до единого ⁴⁷.

В былине Михайло Данилович бьется несколько дней и далеко преследует врагов, перескакивая через несколько «погребов»-подкопов. В последний подкоп он попадает, так как не послушался отцовского совета и не дал своему коню «вздохнуть». Оказавшись среди врагов,

Он хватил татарина, кой больше всех,
Он стал татаринoм помахивать.

Иногда этим татаринoм оказывается сам Шкурлак ⁴⁸.

Жаркая битва, где врагов «руками имали», в пересказе на поэтический язык дала образ русского богатыря, размахивающего живым врагом. Пленение хана Сугры превратилось в захват Шкурлака, которым Михайло побивал поганых.

Летопись не говорит ничего о «подкопах», но если половцев гнали до Хорола, если были взяты Шарукановы обозы, то мы должны взглянуть на карту театра военных действий: Хорол течет в 40—45 километрах от Лубна, в глубине половецких степей; весь водораздел Сулы и Хорола, особенно ближе к последнему, изрезан глубокими балками и оврагами. Надо полагать, что Старый Шарукан сумел поставить свои «товары» так, чтобы к ним было трудно подобраться, а резко профилированный берег реки облегчал это. Русская легкая конница — «молодь», «стрельцы», на которых обычно возлагалась погоня (и в числе которых должен был быть молодой отрок Михайлушка) неизбежно должна была встретиться с трудностями скачки по пересеченной неизвестной местности, где так легко было расположить ханский лагерь за оврагами — «перекопами». Михайло Данилович избежал плена, отбилсЯ от врагов, но остался пеший на поле боя, так как конь его, уронив своего всадника в «погреб», ускакал «по лесам дремучим, по болотам дыбучим, по горам высоким» (все эти элементы ландшафта есть вокруг Лубен). Спасителем отважного, но безрассудного юного богатыря является его отец Данило, «старичищo да в платьи черные», подоспевший как раз в это время к месту событий и разыскавший сына, спавшего среди вражеских трупов. Данило появляется необычно:

За собой он тянет *днище корабельное*,
Еще налито в нем да ключевой воды ⁴⁹.

Где же был эти годы старый богатырь, монах Данило? По некоторым вариантам былины он жил в келье Печерского монастыря; по другим нам известно, что он собирался стать *каликoю* и сменить богатырское цветное платье на черную одежду паломника.

Один из вариантов цареградской версии былины об Идолище описывает встречу Ильи Муромца с Данилой Игнатьевичем далеко за рубежами Русской земли; Даниил — паломник, калика, идет

От града Иерусалима, от царя Константина Боголюбивича
И царицы Елены Александровны ⁵⁰.

Даниил-калика сообщил киевскому богатырю, что «не здорово царь живет — не стало в Иерусалиме четья-пенья церковного, звона колокольного от Идолища проклятого» ⁵¹.

⁴⁷ «Былины», 1957, стр. 168.

⁴⁸ А. Д. Григорьев, т. III, стр. 475.

⁴⁹ «Былины», т. I, М., 1958, стр. 395.

⁵⁰ «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. IV, М., 1865, стр. 22—38

⁵¹ Там же.

Появление Данилы на поле битвы 12 августа 1107 г. с «днищем корабельным» тоже как бы намекает на его далекое заморское путешествие.

Кроме летописной статьи о разгроме половецких орд между Сулой и Хоролом в 1107 г., с былинной о Даниле Игнатьевиче, богатыре-монахе, Данииле-паломнике, калике хочется сопоставить сведения о знаменитом русском паломнике Данииле, авторе известного «Хоженья» в Иерусалим и Палестину. Дело не только в том, что оба Даниила (и былинный Данило Игнатьевич и игумен Даниил) — монахи, что оба они паломники-калики, оба были в Иерусалиме.

Важно отметить еще и то, что они современники, что даже срок возвращения на Русь у обоих паломников один и тот же.

Из шести князей, участвовавших в битве 1107 г., четверо пользовались особым уважением игумена Даниила, поставившего в Иерусалиме за своих современников «кандило» у гроба господня: Святополк Изяславич Киевский, Владимир Мономах Переяславский, Олег Святославич Черниговский и Мстислав, сын Мономаха.

Путешествие игумена Даниила происходило в 1106—1108 гг. на протяжении 16 месяцев. М. А. Веневитинов уточняет сроки, считая, что путешествие закончилось в 1107 г.⁵²

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство, позволяющее уточнить дату завершения шестнадцатимесячного «хоженья» — началом и концом путешествия был Иерусалим, из которого Даниил выезжал в разные концы: «Поидохом путем своим, *им же бяхом пришли из Ерусалима* и доидохом святого града Иерусалима с радостью великой по здраву»⁵³.

В Иерусалиме же заключительным актом «хоженья» было участие Даниила в торжественном пасхальном богослужении в присутствии короля Балдуина, с которым Даниил уже хорошо познакомился ранее во время путешествия («познал мя баше добре и люби мя велми») ⁵⁴.

Пасха в 1107 г. была 14 апреля. Все приготовления к празднеству Даниил описывает, только начиная со страстной пятницы, т. е. с 12 апреля; этот день, очевидно, и следует считать днем возвращения в Иерусалим. 16 апреля наш паломник уже закончил все дела: он побывал и на богослужении, и поставил «кандило» за русских князей, «токмо есть их помнел имен», внутри пещеры гроба господня (для чего должен был снять свою пилигримскую обувь, «выступить из калигов»), измерил своею пядью самый гроб и даже попросил сторожа отколоть ему за взятку кусочек этой святыни. Если калика Даниил покинул Иерусалим со всеми приобретенными им реликвиями в апреле 1107 г., то он должен был оказаться в Киевской Руси примерно в июле — августе этого года. А былинный «старичище» Данило в черном каличьем платье появился на берегах Сулы 12 августа 1107 г. Хронологическая близость перерастает в календарную, и это заставляет нас продолжить сопоставление биографических данных былинного героя и игумена.

Кто таков игумен Даниил, что мы можем узнать о его прошлой жизни из его интереснейшего сочинения?

Последнее время этим вопросом занимался В. В. Данилов⁵⁵, пришедший к следующим выводам:

1. Даниил был *знатым* паломником, пользовавшимся особым покровительством «великолепного» короля Балдуина.
2. Даниил был образованным человеком, хорошо знавшим *греческий* язык.

⁵² «Житие и хоженье Даниила, „Русьския земли игумена“, 1106—1107 гг.», под ред. М. А. Веневитинова, СПб., 1885, стр. IV. Мнение редактора отразилось и в самом заголовке — 1106—1107 гг.

⁵³ Там же, стр. 124.

⁵⁴ Там же, стр. 127.

⁵⁵ В. В. Д а н и л о в. К характеристике «Хоженья» игумена Даниила. — ТОДРЛ, т. X, Л., 1954, стр. 92—105.

3. Даниил происходил с берегов реки Снови на Черниговщине; его язык полон южнорусских диалектизмов. В одном из вариантов былины о Данииле Игнатьевиче (объединенном с богатырской былинной о битве со Скурлаком лишь именем героя) говорится о том, что он живет с молодой женой в Чернигове. В одном из основных вариантов, когда Михайло Данилович попал в плен к Шкурлаку, «взмолился Михайло Спасу Пречистому». Киевлянин должен был упомянуть прежде всего богородичные церкви или Софию; Спасский собор был кафедральным храмом Чернигова⁵⁶. Добавлю, что очень характерной его языковой чертой является употребление постпозитивного члена «то»: «место то», «месте том», «столп-от», «дуб-от», «камен-ет».

4. Даниил, вероятно, земельный вотчинник «до принятия монашества» (стр. 102).

5. Даниил был постриженником Печерского монастыря и оттуда вошел на игуменство.

Соглашаясь со всеми этими пунктами, я хотел бы добавить еще два. Во-первых, игумен Даниил был богат. Это следует из того, что он со спутниками прожил более года в Палестине, непрерывно путешествуя и осматривая все, что ему было нужно, не отказывая себе ни в транспорте, ни в гидах, ни в переводчиках. «Невозможно бо без вожа добра и без языка испытати и видети всех святых мест. И что имея в руку моею *худого моего добыточка*, то от того все подавах ведущим добре вся святаа места». Худого добыточка хватило на 16 месяцев разъездов. Его спутниками или сотрапезниками были то латинский епископ, то сарадинский вождь, то сам король.

Второе важное обстоятельство — это то, что сквоззь благочестивый рассказ Даниила о достопримечательностях постоянно проглядывает человек *воинской* складки. Не каждый монах мог с таким знанием дела оценить фортификационные достоинства иерусалимского донжона — «столпа Давыдова». Даниилом учтено все — прочность стен и количество дверей, и материал дверных полотнищ, и наличие воды, и запасы жита. Резюмируя, он пишет, что «столп» «есть много тверд ко взятию и то есть глава всему граду»⁵⁷. Не всякий игумен мог столько пройти по знойным дорогам Палестины, так ездить на коне, карабкаться «борзо» по скалам («по каменню лезти на ню, руками держа; путь тяжек вельми...») или нырять в горную реку на глубину 8 метров (р. Иордан «вглубле же есть 4 сажень среди самое купели, яко же *измери х и искуси х сам собою...*»)⁵⁸.

Даниил очень внимателен к топографии и довольно точно определяет расстояния, но при этом не довольствуется верстами и саженьями, а применяет чисто воинскую меру — «перестрел», дальность полета стрелы.

Этой богатырской мерой он пользуется виртуозно; чувствуется, что глаз его наметан безошибочно определять зону досягаемости лучной стрельбы.

«А от [церкви] воскресения до Святаа святых есть
вдалее, яко дважды дострелити может муж».

Елеонская гора «высоко вельми, яко может на ню
трижды встрелити, оли добр стрелец».

До Иоаннова монастыря «вдале едващи дострелити гораздо».

До церкви Рождества «яко можеть дострелити добр стрелец».

Фаворская гора «възвыше есть, якоже можеть с нее добрый стрелец
четырежды стрелити; а еже горе, на ню, то ни осмижды не может на ню
въстрелити, оли добрый стрелец»⁵⁹.

⁵⁶ См. А. Д. Григорьев, т. II, стр. 433, 475.

⁵⁷ «Житье и хоженье Даниила...», стр. 25.

⁵⁸ Там же, стр. 45.

⁵⁹ Там же, стр. 29, 37, 45, 63, 111. В среднем «перестрел» — 250 м, стрельба вверх — 190 м, вниз — 380 м.

Такие навыки к измерению на ровном месте и в горах по четыре и по восемь перстрелов приобретаются не в монашеской келье, а в «чистом поле, в широком раздолбце»⁶⁰.

Приведенные сопоставления, не обладая силой окончательных доказательств, все же еще больше сближают обоих Даниилов — былинного богатыря из застолья Владимира, ушедшего в монастырь и одевшего «схиму калицкую», и реального игумена монастыря, у которого под черным калицким платьем угадывается его богатырское прошлое.

Н. М. Карамзин высказал предположение, что паломник игумен Даниил является одним лицом с епископом юрьевским Даниилом⁶¹. Даниил был поставлен в епископы вскоре после вокняжения Владимира Мономаха:

1113 г. «Том же лете поставиша епископа Данила Гургеву...» (Ипатьевская летопись).

1114 г. «В то же лето поставиша Данила епископом, месяца генваря в 6 на крещенье господне» (Лаврентьевская летопись)⁶².

Комбинируя данные обеих летописей, мы узнаем, что Даниил был поставлен епископом в пограничный город Юрьев 6 января 1114 г., через восемь месяцев после вступления Мономаха на киевский престол⁶³.

⁶⁰ Метрологические записи Даниила, сделанные им на основе личных измерений своими руками («своею саженью измерих»), показывают нам, что неутомимый путешественник и знаток лучной стрельбы был, кроме того, и мужем крупного телосложения: обычная полусажень (расстояние от левой ладони до правого плеча) равна 108 см, а у Даниила — 111 см, на 3 см больше нормы, что, очевидно, связано с большим ростом и значительной шириной его плеч (см. Б. А. Рыбаков. Русские системы мер длины.—«Советская этнография», 1949, № 4, стр. 81, прим. 41).

⁶¹ Н. М. Карамзин. Указ. соч., т. II, стр. 86, прим. 241.

⁶² «Летопись по Ипатскому списку», СПб., 1871, стр. 199; «Повесть временных лет», ч. I, стр. 197.

⁶³ Среди граффити, обнаруженных на стенах Софийского собора в Киеве, есть одна интереснейшая надпись-рисунок, имеющая, как я думаю, прямое отношение к епископу Даниилу. Рисунок изображает нечто вроде престола с шестиконечным крестом наверху и схематично изображенными свечами. По сторонам престола символические буквы альфа и омега («начало и конец»), а в основании престола надпись:

ГН ПОМИЛОНПОМОЗН
ПОМАННДАНН ЛА

Рядом с изображением престола той же рукой сделана еще одна надпись:

ОЛЪТАРЬ ПЛАМАНЫ
АЦРКЫ ЛЕДАНА Н ОЛЪТА
РЬ ПОГАСНЕТЬ Н ЦЪРКЫ
СТАКТЬ

(См. С. А. Висоцкий. Древнерусские граффити Софии Киевской.—«Нумизматика и эпиграфика», вып. III, М., 1962).

Ледяная церковь, могущая растаять, это, конечно, «Иордань» — тот престол из ледяных плит, который изготавливался на Руси повсеместно 6 января на празднике крещения. Ледяные престолы делались на льду рек около проруби, где происходило крещенское водосвятие, и все церковные действия переносились на эту «церковь ледяну». Некий Даниил, начертавший в крещальне Софийского собора заклінательную просьбу («Господи! Помилуй, помози, помяни Даниила!») в основании престола, был, несомненно, духовным лицом, так как обращался к богу без обычной для всех светских лиц (включая и князей) формулы «рабу своему». Так, например, новгородский архиепископ Мартирий, в честь которого в алтаре Киевского собора была сделана роскошная надпись, называл себя просто по имени, без слов «раб божий» (см. Б. А. Рыбаков. Именные надписи в Софийском соборе в Киеве.—«Археология», т. I, Київ, 1947, стр. 60). Это духовное лицо сочло нужным объединить свое обращение к богу с рисунком «церкви ледяной». Епископ Даниил, хиротонисанный в Софийском соборе 6 января, в день изготовления «ледяных церквей», и Даниил («не раб божий» и не просто «мних»), изобразивший и описавший ледяной алтарь на стенах этого же самого собора, по всей вероятности, одно и то же лицо. Буква «А» в имени Даниила написана так, как она писалась на рубеже XI и XII вв. в Византии (Α), близко к славянскому юсу малому. Это позволяет думать, что Даниил знал греческий язык или по крайней мере современную ему греческую графику.

Город Юрьев на р. Роси (современная Белая Церковь), куда был назначен Даниил, представлял собой очень важный пограничный стратегический пункт, построенный Ярославом Мудрым еще против печенегов и сыгравший важную роль во время половецкого натиска конца XI в.

Роль юрьевского епископа расценивалась в Киеве прежде всего как роль воеводы, организатора обороны. Когда половцы в 1095 г. сломали сопротивление на линии Роси, то киевский князь построил новый город близ обветшавшего Витичева на Днепре, поставленного еще Владимиром в X в., поселил там юрьевцев и засаковцев, а во главе новой богатырской заставы поставил юрьевского епископа Марина.

Где бы ни жили в XII в. юрьевские епископы — в своем ли Юрьеве, в Новгороде Святополчьем близ Витичева или в Каневе — везде они оказывались на первой линии обороны, и если им поручалось «сесть» в крепости, то они должны были обладать какими-то военными навыками.

Былинный богатырь Данило Игнатъевич и писатель игумен Даниил с его по-военному наметанным глазом в равной мере подходили к опасной и важной роли юрьевского епископа.

Поздние переделки «Хоженья» игумена Даниила связывают его имя с городом Корсунью на Роси: «Се аз смиренный Даниил архимандрит монастыря града Корсуны...»⁶⁴.

Город Корсунь, известный в летописи с XII в., по всей вероятности, входил в оборонительную линию на р. Роси, построенную Ярославом Мудрым в 1031 г. (Юрьев — Богуслав — Корсунь). От Юрьева до Корсуни один день конной езды. На пост юрьевского епископа естественнее всего было назначить игумена одного из соседних монастырей, хорошо знакомого с суровой богатырской жизнью в пограничном городе. Если действительно паломник Даниил игуменствовал в монастыре «града Корсуни», то это умножает косвенные аргументы в пользу того, что игумен-паломник 1107 г. и юрьевский епископ 1114 г. Даниил — одно и то же лицо; предположение Карамзина, основанное лишь на тождестве имен, находит несколько подтверждений. Даниил Юрьевский умер через восемь лет после поставления его в епископы в 1122 г.: «В то же лето преставися епископ Гюрьевский Данило месяца сентября в 9 день»⁶⁵.

Рассматривая разрозненные факты, группирующиеся вокруг то того, то другого Даниила начала XII в., нельзя пройти мимо известного сказания о Шаруканском походе 1111 г.

После ряда удачных выступлений против половцев в начале века, по инициативе Владимира Мономаха в 1111 г. был предпринят грандиозный поход в глубь степей и на ханские зимовья Шарукана и Сугры в верховьях Северского Донца. Этой успешной акции русских князей в летописном сказании придан вид настоящего крестового похода: ангелы помогли русским воинам в бою, а при выступлении войска впереди ехало верхом духовенство, распевавшее церковные песнопения.

«И обочишася во броне, и полки изрядиша, и поидоша ко граду Шаруканю. И князь Володимер *пристави попы своя, едуци пред полком, пети тропари коньдакы хреста честнаго...*»⁶⁶.

⁶⁴ В. П. Андрианова-Перетцъ. Данило Корсунський — паломник XVI віку. — «Записки филологічного відділу УАН», Київ, 1926; В. П. Андрианова-Перетц. Из истории русско-украинских литературных связей в XVII в. — «Исследования и материалы по древнерусской литературе», М., 1961, стр. 250. В украинской переделке стоит год 1592, но нет уверенности в том, что это не год переделки. Текст 1592 г. — это древний текст 1107 г., но несколько переработанный и, мне кажется, нет никаких оснований считать корсунского архимандрита Даниила другим лицом, отличным от игумена Даниила XII в. Ведь никаких дополнений к первоначальному тексту «Хоженья» здесь нет, а есть лишь украинизированный пересказ XVI в.

⁶⁵ Лаврентьевская летопись, стр. 278.

⁶⁶ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 191.

Интересен и тот факт, что этому походу, завершившемуся разгромом половцев и отвоеванием у них ряда городов в районе г. Донца — Шаруканя, было посвящено специальное сказание, начинавшееся известным рассказом о жалости к смердам, а завершавшееся эпической «славой».

«...Возвратишася русьстии князи во свояси с *славою великою* к своим людям. И ко всим странам далним — рекуще к Греком и Угром и Ляхом и Чехом, донде же и до Рима проиде на славу богу, всегда и ныня и присно во веки. Аминь»⁶⁷.

Эта фраза отделяет сказание от остальных летописных статей и определяет его литературную самостоятельность, обособленность. К сожалению, сказание о Шаруканском походе 1111 г. недостаточно рассмотрено исследователями в полном своем составе. Оно приходится на то не ясное для нас время, когда Нестор уже завершил свою «Повесть временных лет», а Сильвестр Выдубицкий еще не приступил к ее переработке.

Кто же был автором этого интересного сказания, сохранившего много любопытных деталей, доступных лишь очевидцу?

Первые строки сказания содержат ту редкую для русской литературы XI—XII вв. диалектологическую особенность, которую мы встречаем еще *только* у игумена Даниила — постпозитивный член:

«...на весну начнет *смерд тот* орати *лошадью тою* и приехав Половчин ударить смерда стрелою и поиметь *лошадь ту...*».

Это очень напоминает встречающиеся в разных местах «Хоженья» речения игумена Даниила, когда он отходил от торжественного тона и у него прорывались разговорные формы:

«...И *лэжит по берегу тому смола та* многа...»;
«и ту стояхом у *мосту тою* весь *день той*»⁶⁸.

Нельзя не обратить внимания на то, что половину сказания занимает несколько искусственно присоединенный к нему библейский рассказ о пророке Данииле и еврейском князе Михаиле, которым помогали ангелы и архангел Михаил. Надо отдать справедливость автору сказания, что он прекрасно знал не только основные библейские тексты пророчеств Даниила, но и последующую христианскую литературу о Данииле. Он пересказывает Евангелие, сочинения Иоанна Златоуста, Епифания Кипрского и цитирует комментарии Ипполита на книгу пророка Даниила. Наш автор иногда дает *свой* перевод соответственных греческих текстов⁶⁹.

Чувствуется, что он внимательно изучил не только тот раздел Библии, который связан с пророком Даниилом, но и всю литературу, связанную с этим именем. У него под рукой оказались выписки из разнообразных славянских и греческих текстов.

Как часто бывает в таких случаях, когда имя того или иного святого слишком настойчиво и без особой нужды повторяется в средневековом произведении, возникает мысль об имени автора. В условиях общепринятой анонимности летописей имя автора могло быть зашифровано таким образом; так же поступали и средневеко-

⁶⁷ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 195.

⁶⁸ «Житие и хоженье Даниила...», стр. 56, 101. Стоит отметить, что в летописном рассказе 1103 г., подражающем, как доказал Шахматов, сказанию 1111 г., ни разу не применен постпозитивный член.

⁶⁹ Например, евангельский текст: «Блудите да не презрите единого от малых сих...» в летописном сказании 1111 г. передан так: «Видите и не радите единого от малых сих...». Библейский текст (книга Исхода): «Сам бо не пойду с тобой, яко людие жестоковыйнии суть». В летописи: «Не имам с вами ити на путь, занеже суть людие жестокою выею». В цитате из книги Даниила наш автор переводит не «риза льняная», а «пѣстро», не «чресла», а «лядвия» («Повесть временных лет», ч. I, стр. 194).

вые живописцы и скульпторы, изображая своих христианских патронов или патронов заказчиков.

В данном случае обширное дополнение к сказанию о шаруканском походе, изобилующее упоминаниями о пророке Данииле и выписками из комментариев, заставляет подумать о том, что автором всего сказания был некий Даниил.

Интересен подбор эпизодов из цикла легенд о пророке Данииле. Здесь нет ни красочного пира во дворце Волтасара, ни грозных писем на стене; вскользь упомянут «ров львиный», куда был брошен Даниил. Все внимание сосредоточено на войне с царем Киrom Персидским, на божественной помощи избранному народу.

Для нас очень важно разгадать замысел автора сказания, определить связь подобранных им библейских эпизодов с реальными событиями 1111 г. Прежде всего нужно отметить, что автор, современник первого крестового похода, о котором к 1111 г. уже хорошо знали на Руси, стремился и поход на Шарукань и Сугров изобразить как священную войну против неверных. Попы, едущие с крестами и песнопениями впереди русских полков, ангелы, побивающие половцев, и библейские примеры священной войны иудеев с персами (тоже с участием ангелов) — все это тесно сплетено между собой. Правда, для этой темы совершенно не обязательно было привлекать именно пророчества Даниила, но на то были, очевидно, свои причины, указанные выше.

Связь с событиями 1111 г. мы можем установить в последнем разделе библейских сопоставлений: пророку Даниилу явился огнеликий ангел, сообщивший ему, что он послан вести войну с персами. Далее этот пересказ Библии повествует о том, что ангел передает Даниилу «истинное писание» о войне с персами, против которого протестовал только один человек — князь Михаил («и несть никого же *прящяся* о семъ со мною, разве Михаила князя вашего...»).

Рассказ о князе Михаиле, препирающемся по поводу начала войны с персами, самым прямым образом связан с началом летописного сказания, особенно если мы вспомним, что христианское имя великого князя Святополка Изяславича было Михаил:

«Вложи бог Володимеру в сердце, и нача глаголати брату своему Святополку [Михаилу], понужая его на поганые на весну. Святополк же поведа дружини своей речь Володимерю; они же рекоша: „не время ныне погубити смерьды от ролы“...»⁷⁰.

Сказание о походе 1111 г. открывается «прей» киевского князя Михаила по поводу крестового, боговдохновенного похода на половцев и завершается библейским примером о князе Михаиле, «прящемся» с ангелом, присланным начать поход на персов.

Из разбора сказания о шаруканском походе можно сделать следующие выводы о его авторе.

1. Автор сказания — явный сторонник или ставленник Владимира Мономаха, разделяющий его нелюбовь к Святополку — Михаилу.
2. Он — духовное лицо, хорошо знающее славянскую и греческую литературу.
3. Возможно, что автора звали Даниилом.
4. Своеобразные и редкие черты языка (постпозитивный член) роднят автора с игуменом Даниилом, писавшим за четыре года до него.
5. Описанию совместного похода всех русских князей автор стремился придать характер крестового похода, освященного небесными силами. Слава о победе над половцами должна достигнуть Рима.

Из этих выводов можно вывести предположение, что паломник Даниил и автор сказания — одно и то же лицо.

⁷⁰ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 190.

▼

Связывая воедино разрозненные былинные и литературные данные о богатыре, игумене, калике, писателе и епископе Данииле, мы не имеем права придавать им силу окончательных доказательств, но мы не можем и отбросить в сторону хронологическую близость и взаимное тяготение отдельных деталей, не имеющих никаких внутренних противоречий.

Впредь до появления новых данных или новых соображений позволительно временно создать из этих деталей такой условный исторический образ: где-то на Черниговщине, где «лукаво» течет река Сновь, где растут вербы и цветут вишни, во второй половине XI в. родился будущий известный писатель. В свой литературный язык он вводил архаизмы, элементы родной черниговской речи, приметы родной природы.

Закончив рассмотрение отдельных совпадений разных материалов о Даниилах на рубеже XI—XII вв., отберем наиболее достоверные из них.

Количество совпадений (тематических и хронологических) между былинной о Данииле Игнатьевиче и «Хоженьем» игумена Даниила представляется мне достаточным для того, чтобы предполагать здесь одно лицо.

«Хожение» Даниила и сказание о Шаруканском походе 1111 г. с многочисленными упоминаниями пророка Даниила, с одинаковыми диалектологическими признаками разговорной речи тоже дают нам право считать их произведениями одного автора.

Труднее доказать, что Даниил — игумен, паломник и писатель стал в 1114 г. юрьевским епископом. Граффити в Софийском соборе с меланхолической припиской о том, что растает ледяная церковь и погаснет огонь в алтаре, очень вероятно, были автографами епископа Даниила, но получить право на отождествление епископа с игуменом Даниилом, биографию которого мы смогли проследить до 1111 г., нам не удалось.

Нет ничего невероятного в том, что Владимир Мономах вскоре после своего вокняжения в Киеве назначил в пограничную с половцами епархию человека, зарекомендовавшего себя в качестве воина, дипломата и писателя, прославлявшего Владимира в своем последнем труде и достигшего уже в церковной иерархии именно того сана, из которого ставили в епископы. Однако мы слишком мало знаем о епископе Данииле (1114—1122 гг.), чтобы сопоставлять его с игуменом Даниилом (1106—1111 гг.).

БЫЛИНЫ-НОВЕЛЛЫ ЭПОХИ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

1

СТАВР ГОДИНОВИЧ. ИВАН ГОСТИНЫЙ СЫН. СВЯТОГОР

СОБУЮ ГРУППУ составляют былины, лишенные героического элемента, почти лишенные богатырских дел, но зато наполненные подробными описаниями богатых одежд, утвари, сбруи конской, боярских и княжеских дворов и дворцов. В этих былинах княжеский двор — не исходная точка богатырских поездок в широкое раздолье, а место основного действия. Рядом с щеголеватыми боярами и княжичами здесь появляются и активно действуют кокетливые, влюбчивые княгини, находчивые и ловкие боярские жены. И только отдаленным фоном является толпа посадских мужиков, приходящих иной раз с жалобой на бесчинства какого-нибудь добра молодца.

Слушая былины о Ставре Годиновиче, Дюке Степановиче, Чуриле Пленковиче, мы оказываемся в окружении рыцарственных вельмож и придворных дам. Они вовсе не собираются покинуть пиршественную палату ради службы на дальней заставушке, они любят цветным платьем, узорными пуговичками со звериным орнаментом, слушают вопедшую в обычай похвальбу богатством, «златом-серебром, скатным жемчугом», дорогим конем, молодой женой. Они заняты то музыкой с цареградским наигрышем, то игрой в шахматы, то начинающимся романом между заезжим красавцем и молодой княгиней, а из всех рыцарских дел — зрелищем конских ристаний, состязаний в стрельбе из лука или молодецкой потехи, турнира княжких мужей. Совершенно напрасно историческая школа относилась эти былины (или большую часть их бытоописания) к поздней эпохе Московского царства XVI—XVII вв. Те соответствия былинных описаний реальной московской архитектуре XVI—XVII вв., которые установил в свое время С. К. Шамбинаго¹, на самом деле свидетельствуют лишь о том, что тогда, шестьдесят лет тому назад, историки еще очень плохо представляли себе архитектуру XI—XII вв. Мы теперь знаем, что в Киевской Руси были каменные и деревянные дворцы, гридницы, златоверхие терема, великолепные резные колон-

¹ С. К. Шамбинаго. Древнерусское жилище по былинам (сборник в честь В. Ф. Миллера). СПб., 1900.

ны, высокие неприступные башни и изукрашенные белокаменным узорочьем храмы. Мы знаем и роскошные одежды людей придворного круга, изобильно оснащенные золотом, финифтью и скатым жемчугом.

Ни одна из бытовых деталей княжеско-боярской жизни в описании былин не выходит за хронологические пределы Киевской Руси, и поэтому основу датировки этих былин мы должны искать в другом — в их содержании, в именах исторических лиц, порою в тех иносказаниях, в которые древние слагатели облекли реальность своих дней.

Возьму в качестве примера былину «Ставер боярин» — «Ставр Годинович».

В Великом Новгороде привольно живет со своей молодой женой богатый боярин Ставр Годинович:

В Нове-городе живу да я хозяином,
Я хозяином живу да управителем
И полным лицом живу доверенным...²

Князь Владимир посылает из Киева за Ставром, [очевидно, по делу, так как Ставр приезжает один, без жены. В Киеве старый боярин начинает хвастать своим богатством и положением в Новгороде:

Светло платьице на нас не носитце,
А хоть износитца на нас да светло платьице,
Уж мы купим ново да лучше старого.
Золота казна у нас не тощитце...³

Новгородский боярин посмеивается не только над своими киевскими собратьями, но и над самим великим князем:

Ой глушые бояре, неразумные,
Они хвалятся градом Киевом...
А что это за ограда во Киеве
У ласкового князь-Владимира?
У меня-ли, у Ставра, широкий двор
Не хуже будет города Киева

(далее следует описание внутреннего убранства)⁴.

Расхваставшегося боярина оговаривают перед князем, и тот приказывает заключить Ставра в погреб, двор его опечатать, а его красавицу-жену доставить в Киев.

И ей, Ставровой молодой жене,
Перепаала весть нерадостна,
Что Ставер боярин во Киеве
Посажен в погребы глубокие.

Молодая боярыня одевается в мужскую воинскую одежду, называется послом дальней земли и в таком виде является ко двору Владимира, где по некоторым вариантам даже сватается за племянницу великого князя. Придворные дамы — Апракса и Забава — подозревают в новопривезшем после женщину и устраивают три вида испытаний, но Ставрова жена ловко обманывает их там, где пригоден обман, и бесстрашно состязается с княжескими богатырями в тех случаях, когда «грозен посол» должен показать себя добрым молодцом: она побарывает 12 могучих удалых бойцов

² «Былины Печоры и Зимнего Берега», М.—Л., 1961, стр. 112. Иногда местожительство Ставра определяется менее точно: «в земле дальней», «в земле Ляховицкой».

³ Там же, стр. 112.

⁴ «Былины», т. II, М., 1919, стр. 149. Связь былины с летописным событием 1118 г. видна и в том, что Ставр обратил внимание на киевские городские укрепления — в Новгороде новая «ограда» была только что построена — в 1116 г.

на княжеском широком дворе, побеждает в стрельбе из лука по мишеням и обыгрывает самого князя в шахматы.

Новелла кончается тем, что молодая жена, преодолевая все козни, добивается освобождения боярина Ставра и уезжает с ним в свою дальнюю землю.

Летописная запись, позволившая еще В. Миллеру установить хронологию основы этой былины-новеллы, очень лаконична и поневоле вызывала сомнения у осторожных исследователей⁵.

«В лето 1118. Того же лета приведе Володимирь с Мстиславом вся бояре новгородчкые к Киеву и заводи я к честному кресту и пусти их домов, а иные у себе остави.

И разгневался на ты, оже ты грабиле Даньслава и Ноздрьчу и на сочького на Ставра и заточи я вся»⁶.

Здесь налицо совпадение четырех элементов:

- 1) имя летописного Ставра и былинного Ставра Годиновича;
- 2) летописный сотский соответствует былинному боярину-«управителю»;
- 3) оба Ставра прибыли в Киев из Новгорода;
- 4) оба боярина Ставра заточены в Киеве князем Владимиром в погреб.

Однако в нашем распоряжении есть и другие данные, которые позволяют пополнить и уточнить биографию боярина Ставра.

Воевода Ставко Гордятич упомянут Владимиром Мономахом в его «Поучении»⁷.

Ставко Гордятич в 1069—1070 гг. сопровождал юного Владимира на его первый княжеский стол в Смоленске. Спустя тридцать лет Владимир счел нужным сообщить читателям своей автобиографии, что затем Ставко Гордятич вместе с великим князем Изяславом направился в Берестье, где поляки сожгли крепость⁸.

В. Миллер, а вслед за ним и другие, считают былинного Ставра представителем новгородского боярства и самую былинку рассматривают как новгородскую. Единственным доказательством является то, что симпатии былины на стороне боярина, а не князя. Почти одновременно с упомянутыми походами Ставка Гордятича летописец Никон, составитель летописного свода 1073 г., упоминает двор Гордяты в Киеве. Двор Гордяты находился в древней аристократической части Киева, где в X в. при княгине Ольге уже существовала крепость⁹.

Гордятин двор был расположен где-то на север от Десятинной церкви¹⁰.

Судя по сочетанию уменьшительного имени и полного отчества, Ставко Гордятич должен был быть в 1070-е годы *молодым* сыном *знатного* отца, что и подтверждается наличием Гордятина двора в ближайшем соседстве с кафедральным собором Киева и каменными княжескими дворцами киевского детинца.

В 1118 г. мы видим уже не Ставка, а Ставра с обозначением его должности — сотский. В те годы новгородская администрация не была еще выборной из местного боярства, а назначалась князем. Так, через два года после эпизода со Ставром «приде Борис посадничать в Новгород». Борис явно был княжеским посадником, предста-

⁵ А. М. Астахова. Былины Севера (далее — А. М. Астахова), т. I. М.—Л., 1938, стр. 638.

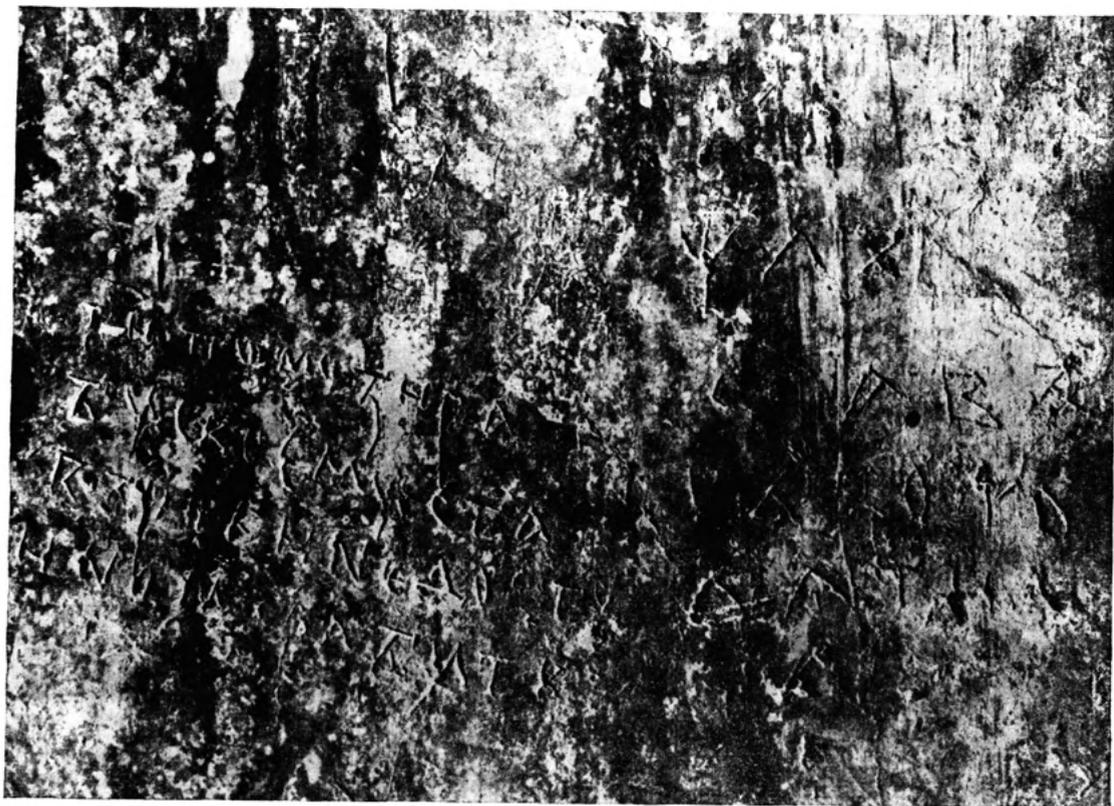
⁶ «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», М.—Л., 1950, стр. 204—205.

⁷ «Гордятич» — именно так надо читать ошибочное написание «Скордятич», как доказал И. М. Ивакин («Князь Владимир Мономах и его „Поучение“», ч. I. М., 1901, стр. 5—8).

⁸ «Повесть временных лет», ч. I, М.—Л., 1950, стр. 158—159.

⁹ Там же, стр. 40.

¹⁰ В. А. Богусевич. Про феодальні двори Києва XI—XIII ст.—«Археологія», т. XI, Київ, 1957, стр. 18—19, рис. 1 на стр. 15. Здесь, в районе Гордятина двора в усадьбе Петровского В. В. Хвойкой были произведены раскопки.

ГИ ПОМОТНРА
 БУКРЕМСТА
 КЗРОВАНЬДОСТО
 ИНОМРАДУТВ

ΨΛΞ
 СТАВΞ
 ΡΖΓΘΚΟ
 ΔΑΤΗΨ
 ΥΒ

Записи-граффити с именем Ставра Гордятинича в Софийском соборе в Киеве
 [левая надпись, очевидно — автограф Ставра]

вителем князя. Сотские ведали огромными областями Новгородской земли, которые позднее соответствовали полупятинам¹¹, и нередко носили имена сотских.

То обстоятельство, что Ставр был сотским, еще не решает вопроса о его принадлежности к коренному новгородскому боярству; как княжеский сотский, он жил в Новгороде, мог владеть там богатым двором, но он мог также сохранить связи и с Киевом. Мы не знаем ни одной новгородской былины, в которой действие происходило бы в Киеве. Опала на сотского Ставра в 1118 г. была вызвана, очевидно, тем, что после 1117 г., когда Владимир Мономах отозвал своего старшего сына Мстислава к себе на юг, в Киев, Новгород остался без князя и предоставленные самим себе княжеские администраторы могли злоупотреблять своим положением и быстро накопить богатства:

У меня-ли у Ставра у боярина
Злата, серебра стоят кованы ларцы,
Крупну жемчугу бурмицкому несть числа...¹²

Летописного Ставка Гордятича 1069—1070 гг., сотского Ставра 1118 г. и былинного боярина, старого Ставра Гоудиновича, очень хорошо объединяют недавно найденные две надписи-граффити Софийского собора в Киеве¹³. Обе надписи сделаны почерком XI—XII вв., но разной рукой. Одна из них написана твердо, с особыми индивидуальными чертами (написание Б и у):

Г[ОСПОД]И ПОМОЗИ РАБУ СВОЕМУ СТАВЪРОВИ
НЕДОСТОЙНОМУ РАБУ ТВОЕ[МУ]

Рядом расположена другая надпись, сделанная совершенно иным, более размашистым, почерком, и как бы поясняющая первую, рассказывая читателю о том, какой именно Ставр скрывается за формулой «недостойного раба»

Щ[А]Ч[Ь] [ПИСАЛЪ] СТАВЪРЪ ГОРДЯТИНИЧЪ

Вторая надпись, сделанная рукой киевлянина (чь, а не ць) удостоверяет, что расположенная рядом первая надпись является автографом этого Ставра Гордятинича, и в то же время говорит нам о том, что Ставр Гордятинич был чем-то примечателен для современников-киевлян. Отчество Ставра дано здесь иначе, чем в «Почучении» Мономаха (где оно сильно искажено), но несомненно, что оно также происходит от имени Гордяты, так как ударения в древнерусских отчествах часто ставились после коренного слова (например Ольгович), то здесь наиболее вероятна форма «Гордятинич», которая вполне объясняет нам былинную — «Ставр Гоудинович» из действительной — «Ставр Гордятинич». Все указанные данные позволяют нам с полным доверием отнести к былинной характеристике Ставра Гоудиновича. Это действительно боярин, действительно «старый» (ему к 1118 г. должно было быть около 70 лет), возможно, разбогатевший в Новгороде, действительно наказанный князем Владимиром, как Меншиков Петром. Единственно, чего мы не можем знать — это роли его жены в освобождении его из погреба. Но зато мы знаем, что боярин Ставр Гордятинич был вполне грамотен и обладал красивым, выработанным почерком с налетом книжности.

Оппозиционное отношение былины к великому князю, ловко проведенному Ставровой женой, является не столько признаком новгородского происхождения былины, сколько проявлением выросшего политического самосознания боярства как новгородского, так в равной мере и киевского. Уже со времен Святополка киевское боярство все увереннее шло к власти, вмешивалось в княжеские дела; само пригла-

¹¹ Б. А. Рыбаков. Деление Новгородской земли на сотни в XIII в.—«Исторический сборник», т. IV, 1936.

¹² «Былины», т. II, 1919, стр. 149.

¹³ С. А. Высокый. Древнерусские граффити Софии Киевской.—«Нумизматика и эпиграфика», вып. III, М., 1962.

шение Мономаха в 1113 г. вразрез с династическими условностями было актом политической зрелости и самостоятельности киевского боярства.

Былина о Ставре Годиновиче, опальном боярине, имевшем неосторожность похвастаться своими богатствами, не имеет *антикняжеской* направленности, она лишь уравнивает старого боярина с князем, показывая, что «ласковый князь Владимир» — не более чем первый среди равных, что изобретательная и смелая красавица и его «с ума свела» и что в конце концов провинившийся боярин остался при своем, вернулся в свой богатый двор, к своим ларям с золотом.

Второй былиной того же типа можно считать былинку «Иван Гостиный сын», в которой воспевается победа боярина над князем Владимиром в конном состязании. Эту былинку связывали то с Востоком (В. В. Стасов), то с французской поэмой Готье об Ираклии (А. Н. Веселовский). В. Ф. Миллер первоначально отнес ее к Новгороду XV—XVI вв., но впоследствии склонился к тому, чтобы видеть в побежденном князе Владимире Мономаха. Аркадий Лященко передвигает дату основы этой былины к 1151 г. и отождествляет Ивана с Дюком Степановичем¹⁴. Завязка былины — традиционный пир в гриднице князя Владимира. Сам князь предлагает оригинальное состязание с большим залогом: князь спрашивает богатырей, не найдется ли среди них такой, чтобы выставить против всей княжеской конюшни в триста три жеребца своего коня. Из всех княжеских коней наибольшие надежды возлагаются на того, что «полонен во Большой Орде, у молодца Тугарина Змеевича».

Условия скачки:

Ехать дорога не ближняя,
И скакать из Киева до Чернигова,
Два девяноста-то мерных верст,
Промежу обедни и заутрени¹⁵.

В некоторых случаях условия определены еще точнее:

Да им ехать там от Киева до Чернигова
Да *три девяноста* мерных верст,
Меж обедней да заутрений благовещенской¹⁶.

Расстояние от Киева до Чернигова и обратно действительно равно тому, что указано в былине: «три девяноста верст» — это 270 верст, а современный прямой путь равен 278 км или 260 верстам. От заутрени до обедни 3—4 часа; это, конечно, былинная гипербола.

Из всех богатырей условия ристания принимает только один Иван Гостиный сын. Он хотя и назван *гостиным* сыном, но былины никогда не вносят в его характеристику никаких купеческих черт. Иван — обычный богатырь из Владимирова застолья, и место у него богатырское, и конь в богатой сбруе с серебряным «подбраздем», и сам Иван — щеголеватый воин в сапожках зелена сафьяна, в булатных латах и кольчуге, в накиннутой поверх доспеха дорогой собольей шубе.

В некоторых вариантах былины дело не доходит до скачек — Иванов волшебный конь Бурушко Косматый распугивает всю княжескую конюшню и даже самый надежный конь, полоненный у Тугарина Воронок «через Пучай-реку скочил и в чисто поле ушел». Вариант, записанный Н. Е. Ончуковым, знает скачку по «частым

¹⁴ А. И. Лященко. Былина про Ивана Гостиного сына (Київсько-чернігівське сказання про чудового коня). — «Чернігів та Північне Лівобережжя», Київ, 1928, стр. 235—261.

¹⁵ «Древние русские стихотворения, собранные Киршей Даниловым» (далее — К и р ш а Д а н и л о в), М., 1938, стр. 40.

¹⁶ «Былины», т. II, М., 1958, стр. 141.

лебедам», по широким раздолиям. Иван, прискакав в Чернигов как раз к заутрене, требует с черниговских попов «скорой грамоты», удостоверяющей срок его прибытия, и мчится обратно в Киев, которого достигает, по условию, к обедне. Проигравший князь устраивает еще одно состязание — бой жеребцов, а проиграв и это, он в третий раз испытывает Иванова коня:

Посмотреть мне-ка его надо в чистом поле,
А не можно ле поймать его в чистом поле¹⁷.

Конь, предупредив Ивана, изображает крайнюю свирепость и рвет зубами рукав его собольей шубы, чем устрашает князя и придворных, отказывающихся ловить его.

Состязание было односторонним; князь не собирался участвовать в нем или посылать соревноваться с Иваном кого-либо из своих богатырей. Был поставлен заклад и состязающийся должен был выполнить уже установленное, выработанное условие — проскакать точно измеренное расстояние (действительно верное) в четко определенный срок. Он должен был как бы повторить чей-то подвиг. И давно уже было обращено внимание на слова Владимира Мономаха, многократно этот богатырский подвиг совершавшего:

«...А из Чернигова до Киева нестишды [сотни раз] ездих ко отцю — днем есм переезди до вечерни».

Здесь и маршрут тот же, что в былине, и скорость переезда определена так же — церковной службой.

Такая форсированная, фельдъегерская езда требовала, во-первых, целой конюшни для 10—15 подстав на пути и, во-вторых, необычайной выносливости всадника, о чем, собственно, и идет речь в «Поучении» Мономаха. Вот этот-то богатырский поскок и предлагал князь повторить своим боярам.

То, что былинный Владимир предлагал охоту с арканами в чистом поле на Иванова коня, опять напоминает нам реального Владимира, своими руками ловившего коней и в черниговских лесах, и в степях, подступавших с юга к Чернигову:

«А се в Чернигове деял есм: конь диких своима рукама связал есмь в пущах 10 и 20 живых конь, а кроме того же по ровни [по степи] ездя имал есм своима рукама те же кони дикие»¹⁸.

И богатырская скорая езда в Киев за один день, и богатырская ловля одичалых коней — все это подлинные дела Владимировой зрелости; Владимир прожил в Чернигове шестнадцать лет (1078—1094 гг.).

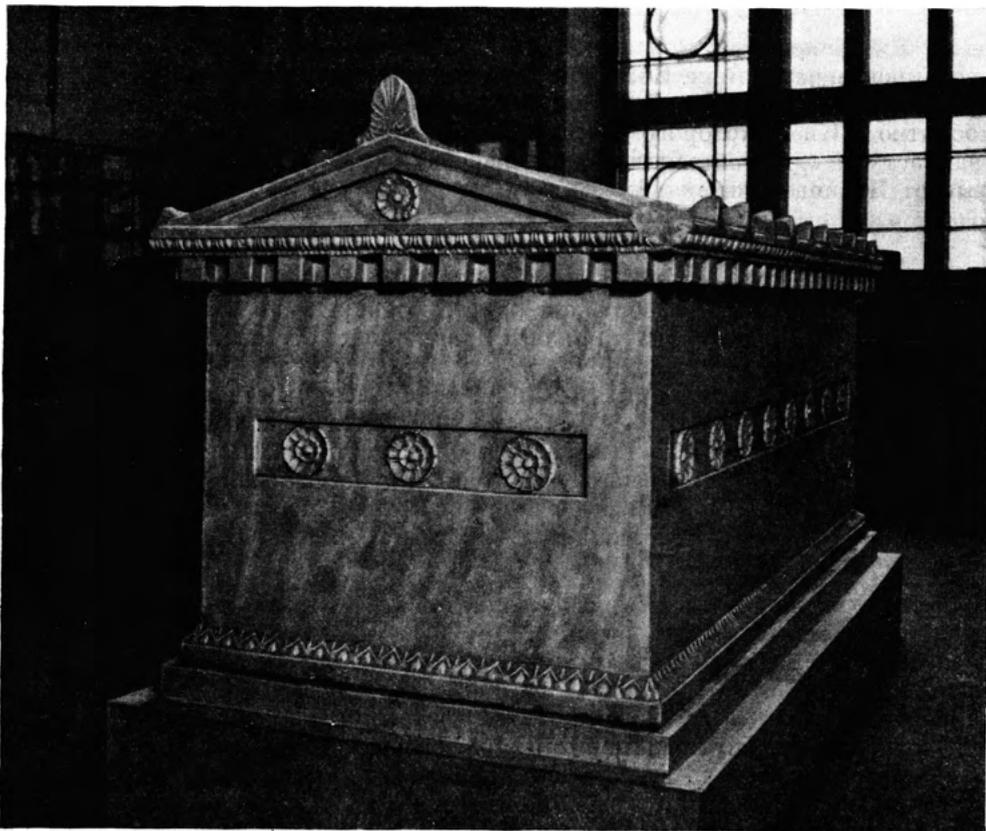
Владимир былинный так близок к Владимиру Мономаху реальному, что здесь не может быть и речи о механическом перенесении имени Владимира I на Владимира II; былина сложена про Владимира II и именно в ту пору его жизни, когда он княжил в Киеве. Чернигов подчеркнуто противопоставлен в былине Владимиру Киевскому — в Чернигове иногда указывают двор Ивана Гостиного сына¹⁹, чернигов-

¹⁷ Н. Е. Ончуков. Печорские былины.—«Записки Русского географического общества по отделению этнографии», т. XXX, СПб., 1904.

¹⁸ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 162.

¹⁹ Наличие черниговского дружинника или боярина при дворе киевского князя не должно нас удивлять. За 16 лет, проведенных в Чернигове, Владимир мог установить прочные связи с черниговцами, и те могли последовать за своим князем в Киев, попадая в то сложное, но обычное при феодальном сеньориальном праве положение, когда по службе они тянули к Киеву, а «по земле и воде» к Чернигову.

Самое имя Ивана Гостиного сына, лишенного всяких купеческих черт, наделенного всеми дружинными чертами, может быть, следует сопоставлять с древним селом Гостыничами у самого Чернигова, там, где пещера Антония и Троицкий монастырь. Боярская вотчина, возможно, восходит здесь к X в. (см. Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова.—«Материалы и исследования по археологии СССР», № 11, 1949, стр. 51).

Таманский саркофаг, «белый каменный гроб» на берегу морской протоки [к былине о Святогоре]

ский владыка поручился за Ивана в его споре с Владимиром, когда за князя ручались бояре «во ста тысячах»:

А никто-де тут за Ивана поруки не держит.
 Пригодился тут *владыка Черниговской*,
 А и он-то за Ивана поруку держит,
 Те он поруки крепкие,
 Крепкие на сто тысячей ²⁰.

Черниговский епископ — уникальный персонаж в наших былинах, и не случайно, очевидно, появился он именно в той былине, в которой расстояние между Киевом и Черниговом исчислено совершенно точно.

А. М. Астахова справедливо считает, что «пафос былины — в посрамлении князя» ²¹.

Испуганный ржаньем богатырского коня

Владимир-князь ходит раскаракою,
 Собольной шубой укрывается ²².

Или:

А Владимир-князь со княгинею печален стал,
 По подполью наползалися.

²⁰ Кирша Данилов, стр. 41.

²¹ А. М. Астахова, т. I, стр. 588.

²² «Онежские былины», собранные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., т. II, М.—Л., 1950, стр. 338.

Былинный Владимир показан вторично в невыгодном свете — проиграв состязание, он хочет уйти от расплаты, аннулируя все закладные обязательства:

Просты поруки крепкие,
Записи все изодранные.

Но здесь выступает против киевского князя поручитель Ивана — черниговский епископ. Он показан не как церковный деятель, а как типичный средневековый феодал:

В та поры владыка черниговский
У великого князя на почестном пиру
Велел захватить три корабля на быстром [Д]непру,
Велел похватить корабли
С теми товары заморскими ²³.

И эта интересная деталь былины вполне реальна. Во-первых, во все время княжения Мономаха вне Чернигова этот город был столицей суверенного княжества, ранее всех других обособившегося от Киевской Руси; до 1115 г. там княжил враг и соперник Мономаха Олег Святославич, а потом его братья — Давыд (до 1123 г.) и затем Ярослав. Точное хронологическое приурочение былины затруднительно. Широкая дата — это жизнь Владимира Мономаха за исключением ее черниговского периода, т. е. 1094—1125 гг. Уточнения внутри этого тридцатилетия не очень надежны. Если придавать какую-либо цену былинной детали о Воронке — коне, отбитом у Тугоркана, то мы получаем две даты: 1093 г. и 1096 г.; в эти годы князь Владимир воевал с Тугорканом. Год 1096 — год войны с Черниговом, бегство Олега, когда город остался без князя и черниговский владыка мог быть главным покровителем Ивана Гостинного сына. Против этой даты говорит то, что Владимир не был в это время киевским князем, а «седех в Переяславли 3 лета и 3 зимы... многи беды прияхом от рати и от голода».

Более подходящим моментом могли быть празднества в Киеве в мае 1115 г. по случаю перенесения мощей Бориса и Глеба, когда там уже княжил Владимир Мономах — наездник, охотник и любитель коней, и к нему в Киев съехались все русские епископы (в том числе и «черниговский владыка» Феоктист) и князя с их свитами. Кроме того, у черниговских властей была реальная возможность перехватить «на быстром Днепру» корабли с заморскими товарами, идущие в Киев: город Любеч с его первоклассной крепостью стоял над Днепром, контролируя путь из Варяг в Греки, а Любеч принадлежал Чернигову; там был и княжеский замок и монастырь Антония Печерского.

Былина «Иван Гостинный сын» отражает какую-то боярскую (или боярско-купеческую) оппозицию киевскому князю со стороны черниговских кругов — оппозицию, порожденную соперничеством этих двух городов, двух династий, двух уже обособленных земель. Певец былины смело выступает против популярного и могущественного Владимира Мономаха, стремясь показать, что и кроме него есть удалцы на Руси, выполняющие тяжелый богатырский урок. Даже если признать, что некоторые детали былины усилены в более позднее время (испуг Владимира и др.), то самый замысел былины состоял в том, что некий Иван Гостинный сын — удалой и богатый наездник, участник княжеских пиров, тем или иным образом побеждает князя Владимира и его знаменитого коня, полоненного у самого Тугоркана.

Нужно только отметить, что в этой былине нет никакого отражения династической борьбы Мономашичей и Ольговичей, никакого противопоставления Мономаху черниговского князя, друга половцев; былина говорит только о том, что трудные

²³ К и р ш а Д а н и л о в, стр. 43.

задачи, задаваемые князем, вполне по силам его сотрапезникам и что в благородном рыцарском состязании могут победить простые богатыри. Существует совершенно другая былина об Иване Гостином сыне, известная лишь в пяти записях. Здесь повествуется о том, как молодого гуляку и мота «князюшка Иванушку» мать продала купцам «заморянам-вавилонянам». Его хозяином стал гость Павел Вавилонянин. Через три года Иван Гостиный сын стал начальником каравана из 30 кораблей, вернулся на родину и взял свою мать к себе ²⁴.

Упорное именование гостей, купивших Ивана, «вавилонянами», совершенно не известное новгородским былинам, ведет нас на юг, к черноморским портам вроде Тмутаракани или Корсуни, куда приезжали купцы с далекого Востока. Тмутаракань в XII в. была крупнейшим портом после Царьграда, здесь, по данным Идриси, заканчивались магистральные понтийские маршруты. Учитывая черниговское происхождение нашего героя, нельзя не вспомнить, что именно черниговский князь Олег Святославич, княжа в Тмутаракани, был схвачен какими-то хазарами и увезен далеко за море на остров Родос. Через три года он вернулся на Русь. Быть может, в этой былине отразилась судьба тех черниговских бояр, которые служили князю Олегу, ездили с ним в Тмутаракань и разделили с ним далекое заморское изгнание? Если это так, то основу былины нужно возводить к 1079—1083 гг. — годам скитаний Олега по заморским землям.

К этому же времени следует отнести и былинку о Святогоре в том ее варианте, где вышучиваются богатыри князя Олега Черниговского, купавшиеся в морских струях, «прохлаждавшиеся» на песчаных берегах (очевидно, где-то в Тмутаракани) и запрятавшие своего сотоварища под тяжелую крышку мраморного античного саркофага. Никакой мистической передачи «богатырского духа» умирающим богатырем в этом варианте еще нет. Черниговско-тмутараканские дружинники изображены здесь недружеской рукой: они бездельничают, забавляются и в конце концов дошучиваются до смерти одного из богатырей, задохнувшегося в саркофаге ²⁵.

Наименование князя Олегом Черниговским, указание на то, что его богатыри во главе со Святогором Романовичем ездят через раздольице широкое к синему морю, на берегу которого стоят белые каменные гробницы — все это, как я уже писал, ведет нас к исторической конкретности времен Олега Черниговского и Тмутараканского (1078—1115 гг.) и его брата Романа (1079 г.), а насмешливый характер былины объясняется тем, что она исходит из *киевских* кругов, всегда враждовавших с Олегом. По былине, черниговские богатыри встретились в поле с богатырями киевскими и уже совместно с ними «прохлаждались» у синего моря; в числе киевлян был и Алеша Попович, предполагаемый Ольбег Ратиборич. Напомню, что Ратибор был посадником киевского князя Всеволода в Тмутаракани в 1079—1081 гг., сменив здесь Романа и самого Олега. В Крыму известны находки печатей с надписью ОТ РАТИБОРА — результат дипломатической переписки боярина-наместника.

Киевские бояре появились в 1079 г. в Тмутаракани не как союзники Олега, а как соперники черниговцев. В смягченной форме это соперничество и отражено в шутовой былине о Святогоре Романовиче, погибшем по вине своих развеселившихся непредусмотрительных товарищей.

Итак, две былины могут принадлежать киевско-перееяславским кругам конца XI — начала XII в. («Святогор Романович» и тот вариант былины об Иване Гостином сыне, где «князюшка Иванушка» продан вавилонянам), а одна былина (выигрыш заклада у князя Владимира черниговцем Иваном) явно относится к черниговским кругам того же времени.

²⁴ См. А. И. Лященко. Былина про Ивана Гостиного сына, стр. 255—259.

²⁵ А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. III. СПб., 1910, стр. 249—255.

ЧУРИЛО ПЛЕНКОВИЧ

Продолжая рассматривать отражение в былинной поэзии киевско-черниговских конфликтов и коллизий, порожденных борьбой Мономаха и Олега, а потом — Мономашичей и Ольговичей, мы должны обратить внимание на очень важную и распространённую былину «Чурило Пленкович».

С именем Чурилы Пленковича связаны три разных былины. В одной из них Чурило изображен любовником жены Бермяты, застигнутым в ее спальне грозным мужем. Никакому хронологическому определению она не поддается. Чурило почти всегда присутствует в былине о Дюке Степановиче, состязаясь с ним в богатстве и щегольстве и проигрывая это состязание. Главной былиной является «Чурило и князь».

Начинается эта былина несколько необычно. Во время традиционного пира во двор к князю Владимиру приходит толпа «мужиков-киевлян» с жалобой на Чурилу Пленковича и дружину Чурилову, разбойнически напавшую на княжеские рыбные ловы и выловившую всю рыбу. Затем на княжьем дворе появляются еще две толпы киевлян с жалобами на Чуриловых людей, перестрелявших всю птицу и выловивших всех зверей в княжеских угодьях. Киевляне приходили «избиты, изранены, булавами буйные головы пробиваны».

Наконец, появилась в Киеве и сама многосотенная или тысячная дружина Чурилова в шапках с золотым верхом, в голубых бархатных кафтанах, на гнедых иноземных конях:

Да молодцы на конях быв свечи де горят,
А кони под нима быв соколы де летят.
Доехали-приехали во Киев-град,
Да стали по Киеву уродствовать...
Молодых молодиц во соромы де довели,
Красных девиц опозорили...

Киевляне просят у Владимира суда праведного. Владимир сам отправляется во дворец Чурилы, расположенный под Киевом «пониже малого Киевца» на Пучай-реке на семи верстах. Князь был поражен богатством двора, дворцовых построек, теремов, светлиц и гриден старого Пленка Сурожанина, отца Чурилы. Во главе своего конного войска появляется сам Чурило, разодетый в шелка, золото и соборей:

Да еде молодец, да и сам тешится,
Да с коня-то на коня перескакивает...
Да вверх копьё подбрасывает,
Из ручки в ручку подхватывает.
Да ехали-приехали на Почай на реку,
Да сила-та ушла по своим теремам...

Чурило откупился богатыми дарами и был приглашен Владимиром служить у него чашником или стольником.

Во время придворной службы в желтокудрого красавца Чурилу влюбляется княгиня, и Владимир высылает Чурилу из Киева. Однако княжеская опала в очень малой степени затронула богатого стольника, предводителя многочисленной дружины:

Да уехал Чурило на Почай на реку,
Да и стал жить-быть, а век коротати ²⁶.

²⁶ «Русские народные былины», М., 1958, стр. 215—216.

Чурило вообще показан во всех былинах любимцем женщин; Дюк Степанович подводит итоги его жизни в Киеве, называя его «бабьим угодничком»:

Ай же ты, Чурилушка Пленкович,
А пусть ты князем Владимиром упрощенный,
А киевскими бабами уплаканный...
А живи ты во граде во Киеве,
В Киеве во граде между бабами.

Конца у былины нет: ее автор как-то искусственно оборвал песни, не желая повествовать о последующих делах своего неприглядного героя, с которым и сам князь Владимир справиться не мог:

Да мы с той поры [со времени отъезда из дворца]
Чурила в старинах скажем
Да отныне сказать а будем до веку.
Ай диди-диди-Дунай, *боле вперед не знай!*²⁷

Чурилу Пленковича, равно как и состязавшегося с ним Дюка Степановича, очень часто относят к самым поздним этапам русского эпоса, к XVI—XVII вв.²⁸

Тезис о изображении здесь боярской Москвы XVII в. доказывается сходством Чурилова двора с дворцом в Коломенском, предполагаемым отсутствием русского производства стекла до середины XVII в., предполагаемым появлением изделий из моржовой или слоновой кости будто бы не ранее второй половины XVII в., наличием живописи в теремах, описанием русской обуви у Олеария и т. п.²⁹ Эти «доказательства», во-первых, грешат забвением того, что отдельные детали, аксессуары (вроде «подзорной трубочки» у Ильи Муромца) еще не дают права переносить на этом основании *основу* былины в XVIII в., а во-вторых, они опираются на устаревшие взгляды на быт Древней Руси. Стекло на Руси производилось уже во времена Мономаха, моржовой костью обменивались русские князья в середине XII в., называя ее, как и в былинах, «рыбьим зубом»³⁰. Многоэтажные постройки XI в. известны, роспись внутри дворца открыта в переходах Софийского собора в Киеве и т. д. Одним словом, нет почти ни одной бытовой детали в былинах, которая не нашла бы себе реального соответствия в русском княжеском или боярском быту XI—XII вв. Поэтому датировка основ этих былин должна быть установлена на иных признаках.

Общий сатирический тон былин о Чуриле и о Дюке и отсутствие богатырских дел при большом внимании к описанию богатств — все это роднит их с былинами о Ставре боярине, о Казарине, отчасти о Тугарине, т. е. с былинами конца XI — начала XII вв. Дюка Степановича, галицко-волинского богача, относят к XII—XIII вв., иногда точнее определяют время, сопоставляя с приездом венгров в Киев в 1150 г.³¹

Есть ли надежда отыскать реальный прототип былинного Чурилы, сына Пленка Сурожанина? Среди каких кругов искать его? Боярских?

Обратим внимание на феодальную самостоятельность Чурилы; он живет рядом с Киевом в своем родовом дворце, у него есть свое войско, дерзкое и богато снаря-

²⁷ «Былины», М., 1957, стр. 362.

²⁸ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955, стр. 474—489.

²⁹ Там же.

³⁰ Ипатьевская летопись («Летопись по Ипатскому списку», СПб., 1871), стр. 345—346: «И бысть же радость въ тѣтъ день межю има и дарове мнози, да бо Ростиславъ Святославу соболми, и горностаими, и черными кунами, и песци, и белыми волкы, и рыбьими зубы... Да Святославъ Ростиславу пардусъ и два коня борза у ковану седлу...».

³¹ М. Е. Халанский. К былине про Дюка Степановича.—«Русский филологический вестник», СПб., 1891, № 4, стр. 165—172; А. И. Лященко. Былина о Дюке Степановиче.—«Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР», т. XXX, Л., 1925, стр. 45—442.

женное, он не подсуден князю Владимиру, но может быть приглашен на придворную службу. Князь не вызывает Чурилу-обидчика к себе (как это было со Ставром), а покидает традиционную гридницу и сам едет в гости к Чуриле на Пучай-реку. Нет, не боярин перед нами, а владетельный князь, молодой по отношению к Владимиру, но независимый и суверенный. Среди русских князей XI—XII вв. мы знаем только одного «Чурилу», т. е. Кирилла: это Всеволод — Кирилл Ольгович, сын Олега Тмутараканского («Сурожанина»?), младший современник Владимира Мономаха, впоследствии великий князь киевский. Двор его находился в нескольких верстах от Киева (там, где был построен Кириллов монастырь, его усыпальница), за Почайной, на красивых высотах по дороге в Вышгород. Чурила был придворным Владимира и Всеволод — Кирилл участвовал в качестве вассала в походе 1116 г.³²

Чурило Пленкович начал свои действия в былине разбойничьими наездами на княжеские угодья и людей, и Всеволод Ольгович начал свою самостоятельную деятельность с подобного разбоя:

1127 г. «В се же лето выгна Олговичь Всеволод своего стрья Ярослава ис Чернигова и *дружину его исече и разграби*»³³.

После этой акции Всеволод пригласил 7000 половцев. Когда они побежали, то, боясь киевского князя, хотевшего восстановить справедливость, «нача он молити Мстиславу... и *дары дая*», точь-в-точь как былинный Чурило отдаривал Владимира сороками соболей, чтобы загладить свои разбойные подвиги.

О Всеволоде и далее летопись неоднократно говорит как о разорителе Руси, приводящем половцев:

«...поидоша воююще села и города...и люди секуще, даже и до Киева» (1135 г.).

1139 г. «...Приведе Всеволод Олговичь Половце... людие черниговские возопиша к Всеволоду; ...останися высокоумья своего и проси мира...».

1140 г. «Поиде Всеволод Ольгович из Вышегорода к Киеву... и *нача зажигати дворы*»³⁴.

1135 г. «Тое же зимы придоша Олговичи с половци и взяше Городок и Нежатин и села пожгоша...

...И мног полон взяша, скоты и коне».

1136 г. «Почаша Олговичи рать имети... и много пакости створиша и Устье пожгоша». (Половцы и на этот раз были союзниками Всеволода)³⁵.

Былинный Чурило заглядывается на великую княгиню, летописный Всеволод женится на дочери великого князя.

Чурило — щеголь и «щап» — прославился как бабий угодник, «киевскими бабами улаканный», Кирилл — Всеволод охарактеризован одним из авторов XII в. (в пересказе Татищева) так: «Сей князь... много наложниц имел и более в веселиях, нежели расправах упражнялся. Через сие киевлянам от него тягость была великая и как умер, то едва кто по нем кроме баб любимых заплакал...»³⁶. Все это дает нам право видеть в образе былинного Чурилы Пленковича отражение

³² «Повесть временных лет», ч. I, стр. 200.

³³ Лаврентьевская летопись («Летопись по Лаврентьевскому списку», СПб., 1897), стр. 281. В Ипатьевской летописи сказано, что Всеволод пленил дядю (стр. 209).

³⁴ Ипатьевская летопись, стр. 213—217.

³⁵ Лаврентьевская летопись, стр. 287—288.

³⁶ В. Н. Т а т и щ е в. История российская с самых древнейших времен, кн. II. М., 1768, стр. 281.

деятельности князя Кирилла — Всеволода Ольговича (1116—1146 гг.), друга половцев, врага Киева, разорителя сел и городов, любителя женщин и хитроумного политика, ссорившего между собой родных братьев. Фресковый портрет князя Всеволода в Кирилловской церкви в Киеве как-то дополняет былинную характеристику: князь одет в роскошные одежды с большим щегольством и вычурностью.

Приезд в Киев Дюка Степановича из Волынца или Галича, победа его над Чурилой в своеобразном состязании в богатстве и щегольстве должны быть действительно приурочены к середине XII в., когда династия Ольговичей в Киеве была вытеснена волынским Мономахом Изяславом Мстиславичем в 1146 г. Былина о Чуриле — Всеволоде, вероятнее всего, была создана еще при его жизни (чем и объясняется ее загадочный конец: «боле вперед не знай!») в среде тех киевлян, которые поддерживали потомков Мономаха и стремились обуздать жадность и властолюбие Ольговичей, открывавших дорогу на Русь половецким ордам.

Здесь уже нет героического элемента; старая былинная форма используется для нового жанра песни-сатиры — полународной полупридворной. Слушателями этой былины в 1120—1240-е годы в равной мере могли быть и «киевские мужики», и княне-бояре, «вабившие» на киевский стол то сыновей, то внуков Мономаха.

УГАСАНИЕ БЫЛИННОГО ЖАНРА В XII—XIII ВВ.

1

САУР ЛЕВАНИДОВИЧ. СУХАН ОДИХМАНТЬЕВИЧ

ВЕ БЫЛИНЫ о так называемых младших богатырях Сауре Ванидовиче и Сухане Одихмантьевиче стоят несколько особняком в киевском цикле. Их герои отличаются от франтоватых полу-богатырей былин-сатир XII в. тем, что они совершают настоящие богатырские подвиги, бьются с погаными полчищами «в Половецкой земле», на берегах Днепра Словутича и, несмотря на свои явно нерусские имена, умирают иной раз от ран, полученных в боях с врагами Руси.

Исторический интерес этих двух былин очень значителен, но, к сожалению, как хронология, так и историческое осмысление их в нашей былиноведческой литературе до конца не доведены. А. Н. Веселовский и В. Ф. Миллер искали истоки сюжета былины о Сауре Ванидовиче где-либо вне Руси, считая ее привнесенной с Востока; первый указывал на византийскую поэму, а второй основывался на тюркском имени богатыря: «саур» значит «герой»¹. Былину о Сухане Одихмантьевиче относят к самым различным эпохам. Одни исследователи возводят ее к рассказу о Демьяне Куденевице середины XII в., считая, что имя Демьяна было заменено именем Сухана².

Другие видят в ней отражение эпохи Ивана Грозного (О. Миллер, С. К. Шамбинаго); третьи прослеживают в былине, признаваемой созданием XVI в., отголоски

¹ А. Н. Веселовский. Южнорусские былины, т. I.—«Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XXII, стр. 20—27; В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности. М., 1897, стр. 344 («Былины о Сауре и сродные по содержанию»). Исторический прототип Константина Сауровича В. Ф. Миллер искал среди деятелей XII в. и указывал на рязанского тысяцкого Константина, победившего половцев в 1148 г. Запись Никоновской летописи о рязанском тысяцком никак не связана с событиями, описанными в былине, и кроме одинаковости имен ничего нам не дает.

² М. Е. Халанский. Великорусские былины киевского цикла. Варшава, 1885, стр. 53—57; П. В. Владимиров. Введение в историю русской словесности. Киев, 1896, стр. 228—229; А. С. Якуб. К былине о Сухмане.—«Этнографическое обозрение», т. LX, СПб., 1904, стр. 43—66.

псковских сказаний о князе Довмонте, исходя из предположения, что отчество «Одихмантьевич» восходит через форму «Дамантьевич» именно к этому северному князю XIII в.³

В. И. Малышев, опубликовавший интереснейшую рукопись XVII в. с переделкой былины о Сухане, склонен (как и Б. М. Соколов) возводить ее основу к песням о Куликовской битве, к сказанию о Мамаевом побоище⁴.

В. Я. Пропп рассматривает былину о Сухане в разделе «Эпос эпохи образования централизованного Русского государства» сейчас же вслед за былиной о Микуле Селяниновиче. Конфликт с князем и княжескую опалу на Сухана В. Я. Пропп расценивает как отражение политики какого-то боярского царя: «Былина о Сухане — одна из наиболее ранних песен, в которых отражены социальные противоречия XVI—XVII вв.». Далее, невзирая на то, что Сухан в былине — воин, стерегущий южные границы Киевской земли, В. Я. Пропп пишет, что «идеология Сухмана есть идеология чисто крестьянская»⁵.

Для того чтобы выбраться из этой путаницы противоречивых мнений, нам нужно подойти к интересующим нас былинам, во-первых, со стороны общеисторической обстановки, а во-вторых, со стороны отдельных деталей, географических названий, имен.

Прежде всего мы должны обратить внимание на то, что былина «Саур Ванидович» в самом своем запеве содержит наименование Половецкой земли, встречающееся во всем русском эпосе только в двух случаях; во всех остальных реальные печенеги или половцы заменены татарами. Сохранность наименования Половецкой земли позволяет значительно сузить хронологический диапазон былинной основы до двух веков — XI—XII.

Второе, что мы должны отметить, это иноязычные имена героев. «Саур» — тюркское «герой» («бык») и «Сухан» — может быть, тюркское «су-хан» — «князь реки». Отчества богатырей хотя и не поддаются истолкованию, но они явно неславянского происхождения; в силу этого они и подвергались всевозможным переделкам; Ванидович — Леванидович, Одихмантьевич — Замантьевич, Етихматовичи др. Следовательно, нам нужно определить ту эпоху, те исторические условия, когда тюркоязычные богатыри ездили в степь половецкую и обороняли русские земли от степняков, когда Сауры и Суханы поминали христианских святых, а своих сыновей называли христианскими именами, когда к Днепру обращались не как к простой реке, а к «Днепру Словутичу».

Думаю, что эта эпоха в общих чертах определяется легко — это XII в., время широкого привлечения для защиты южных русских рубежей «своих поганых» — торков, берендеев, черных клобуков. Эти тюркоязычные воины, Тудоры Сатмазовичи, Каракозы Мнюзовичи, Карасы Кокеевичи получали «лучшие города» в Поросье и, обороняя киевско-перемышльские рубежи от половцев, с горечью и в то же время с гордостью заявляли во время конфликтов с князьями: «Мы умираем за Русскую землю, с твоимъ сыномъ, и головы свои съкладаем»⁶.

Так мог бы сказать и сухан-богатырь, испытавший несправедливую опалу киевского князя и своими руками открывший смертные раны, полученные в бою с несметными ордами:

Не умел меня, Солнышко [князь Владимир], миловать,
Не умел меня, Солнышко, жаловать,
Теперь не видать меня во ясны очи...⁷

³ См. В. И. Малышев. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII в. М.—Л., 1956, приложение V (история изучения былины о Сухане, стр. 198—210).

⁴ Там же, стр. 39, 203.

⁵ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955, стр. 383.

⁶ Ипатьевская летопись («Летопись по Ипатскому списку», СПб., 1871), стр. 329, 343—344.

⁷ «Былины», Л., 1957, стр. 174.

Русско-половецкие отношения, как уже говорилось, знали три особенно тревожных этапа половецкой агрессии: первый этап (1060-е годы) ознаменовал смену хозяев степи; печенеги и торки были оттеснены с их старых кочевий и искали убежища у границ Руси.

Ко времени второго половецкого натиска (1090-е годы) торки и берендеи были уже привлечены Мономахом к пограничной службе (1095 г.), но они еще не оставили, очевидно, своих надежд на возвращение старых степных пастбищ.

Русские походы в степи в 1103, 1111, 1117 гг. ослабили половцев и в 1114—1116 гг. торки снова оказались на Дону, но были разбиты половцами и бежали в Русь.

В эти годы два больших феодальных государства, стоявшие на пороге раздробления — Грузия и Россия — стремились создать у себя централизованную дворянскую конницу в противовес центробежным силам бояр-дидебулов. Орды степняков были неисчерпаемым источником наемной конницы. Половец Атрака Шарукановича, разбитых Мономахом, пригласил к себе в Грузию Давид Строитель. Торков и берендеев, потерявших свои донские степи, Мономах устроил по берегам Руси и Трубежа, в старом эпическом районе богатырских застав. Возможно, что между новоприбывшими кочевниками и киевской властью происходили иногда трения. Владимир в 1121 г. изгнал берендеев (или часть их) из Руси, но далее мы снова видим торков и берендеев («черных клобуков») на русской службе.

В 1129 г. Мстислав Великий загнал половцев за Волгу и Яик; Русь вздохнула на несколько десятилетий, так как они появлялись лишь как наемная сила враждовавших русских князей. Во всех случаях, когда половцы собираются «пакостить» русским землям, они сталкиваются с широким берендейским заслоном по Руси и под Переяславлем. В междукняжеских усобицах половцы были союзниками Юрия Долгорукого, а его соперник Изяслав Мстиславич опирался на торков, берендеев «и весь Черный Клобук». Черные Клобуки выбирали его в великие князья, приезжали к нему с «вежами и стадами», а если этому князю нужна была быстрая помощь, то верные вассалы, затворив жен и детей в городах по Руси, немедленно являлись под его знамена. К этому времени относится известный летописный рассказ о переяславском богатыре Демьяне Куденевиче, «воине славном и половцам вельми страшном», который сам-седьмой бросился на половецкое войско (1148 г.), разбил его, но вскоре умер от полученных ран.

Летописная статья 1148 г. о юном князе Мстиславе Изяславиче сохранила какую-то не дошедшую до нас былинку, герой которой носит русское имя Демьяна, но отчество его — «Куденевич» — уводит нас в иноязычный мир «своих поганых», прочно связанных с этой династией. Недаром десять лет спустя берендейские бояре писали этому самому князю Мстиславу: «В нас ти есть, княже, и добро и зло» и напоминали ему, как его отец любил и жаловал Черных Клобуков⁸.

Половецкая угроза была одинакова как для русских, так и для торков, и это способствовало постепенной ассимиляции «своих поганых».

Торческий элемент в Поросье прочно сросся с русским боярством, осел в городах, нес пограничную вассальную службу. Торческих князей называли просто по имени, как и самых известных киевских князей (например, торческий князь Поросья Кунтувдей); торческих бояр именовали с отчеством, как и киевских. Влияние христианства сказалось в том, что при тюркских отчествах появляются русские имена (Яков Дигеневич, Демьян Куденевич). К XIII в. слияние торков с русскими дошло до того, что киевским тысяцким был Дмитрий Ейкович, а спасским игуменом и «архиепископом» — Петр Акерович, знаменитый участник Лионского собора 1245 г.

По всей вероятности, к концу XII в. торки Поросья или целиком перешли на русский язык, или, по крайней мере, были двуязычны. Об этом можно судить по тому, что русский язык 1170—1190 гг. обогатился рядом тюркских слов, а такое

⁸ Ипатьевская летопись, стр. 343.

обогащение нередко является результатом растворения в русской среде количественно и культурно менее значительного народа.

Такие слова, как «сайгат», «кащей», «чага», «билинч», «тортак» употребляются в русской литературе без пояснений — они, очевидно, унаследованы от обрусевших берендеев. Вот к таким полурусским-полуторкам мы и должны, очевидно, относить тех исторических лиц, которые скрываются за былинными псевдонимами «героя — Саура», и «князя реки — Сухана». Их имена так же бесполезно искать в летописях, как и имя Соловья Будимировича.

Нам остается только подвергнуть анализу историческую обстановку и историко-географические данные былин.

После разгрома половцев Мстиславом, сыном Мономаха, почти тридцать лет не было ни одного собственно половецкого крупного похода на Русь, который мог бы идти в сравнение с походами Тугоркана или Боняка. Половцы беспокоили Поросье, прорбирались отдельными отрядами до Смоленска и Пскова, но серьезных общерусских акций со стороны половецких ханов не было.

Но вот к середине XII в. в Дешт-и-Кыпчаке складывается раннефеодальное половецкое государство, объединившее десятки кочевых племен. Оно связано в нашем представлении с именами ханов Кобяка, Кончака, Гзы. Его границы поэтически определены в «Слове о полку Игореве», как рубежи «земли незнаемой»: на востоке — Волга, на юге — Поморье, Корсунь, Сурож и Тмутаракань; на северо-западе — Сула, покрытая русскими крепостями. Объединенные половецкие орды и совершили третий натиск на Русь, стремясь повторить времена Шарукана, деда Кончака. Недаром имя Кончака сохранилось в наших былинах при описании крупных и грозных вражеских нашествий.

Третий натиск половцев (1167—1190 гг.) начался с того, что они перехватили важнейшую торговую артерию Руси — путь по Днепру и залегли в Днепровских порогах, где некогда печенеги подстерегали Святослава. «Уведавши Половци, оже князи не в любви живут, шедше в Порогы, начаша пакостити Гречником»⁹. «Пакости Гречнику», общерусскому пути в Причерноморье и Византию, должны были изволновать все русские княжества. Этим актом половецкие ханы как бы объявляли войну всем русским землям. Назревала та эпоха, когда военная федерация самостоятельных русских княжеств становилась насущной необходимостью. Общая обстановка требовала полного разрыва сепаратных соглашений с половцами (что было излюбленным приемом черниговских князей всех поколений) и объединения всех военных сил для организации сложных походов на 300—500 км в глубь степей. Суверенность русских княжеств-королевств не позволяла киевскому князю просто приказать идти в поход и вынуждала к изысканию особых приемов убеждения. «Слово о полку Игореве» с его гениальной «золотой» речью Святослава было исторической необходимостью, подготовленной полутора десятками лет, ушедшими на сплочение сил отдельных княжеств перед лицом объединенных орд «незнаемой земли».

Первый крупный поход русских войск состоялся в 1169 г., и даже в летописном рассказе о нем мы ощущаем эпоху «Слова о полку Игореве». Князь Мстислав Изяславич, правнук Мономаха и внук Мстислава, загнавшего половцев за Яик, тот самый Мстислав, с юностью которого связано полулетописное полуэпическое сказание о богатыре Демьяне Куденевиче, став великим князем киевским, стремится сплотить силы Руси; изложив собравшимся князьям тяжелую обстановку половецких наездов, пленения русских, вероломства половцев, перехвата трех южных магистралей — Греческого пути, Соляного и Залозного, великий князь воскликнул:

«А лепо ны было братие...

Поискати отец своих и дед своих пути

И своая чести!»

⁹ Ипатьевская летопись, стр. 360.

Двенадцать князей пошли под знаменами Мстислава Изяславича и разбили половцев на реках Угле и Снепороде, освободив множество русских пленников. Однако вражда и зависть князей сказались и здесь: князья ссорились из-за добычи, верили клеветникам, прогоняли от себя старых бояр, служивших еще их отцам. Поводом для конфликтов между полководцами служили даже лошади, на которых холопы ставили ложное тавро. Те самые князья, Рюрик и Давыд Ростиславичи, о которых семнадцать лет спустя автор «Слова о полку Игореве» скажет, что «розно ся им хоботы пашут, копыа поют», после похода 1169 г. поссорились с Мстиславом из-за дележа добычи «и сердце их не бе право с ним»¹⁰. Невольно опять вспоминаются горькие упреки автора «Слова», высказанные как будто бы прямо по поводу этих событий: «рекоста бо брат брату: „Се мое, а то — мое же!“ . И начаша князи про малое „се великое“ молвити, а сами на себя крамолу ковати. А погании со всех стран прихождаху с победами на землю Рускую...».

Двадцать лет после этого идет упорная борьба с усилившимися половцами. Театром военных действий были и далекий Снепород, и берендейское Поросье, и Хорол, и окраины Киева. В некоторые годы в Киеве «звенела слава» по поводу блестящих побед над тем или иным ханом.

Наконец, в 1190 г. «великий и грозный Святослав» сумел добиться некоторого единства русских сил и превосходства над половцами: он «утишивъша землю Русскую и Половци примиривша в волю свою»¹¹.

События, воспетые в былинах «Саур Ванидович» и «Сухан Одихмантьевич», следует искать в рамках этого героического двадцатилетия.

Содержание быliny «Саур Ванидович»¹² таково: царь Алыберского царства Саур Ванидович (или Саул Леванидович)

Поехал за море синее
В дальну орду, в Половецку землю.

За время его отсутствия у его жены родился сын Константин Саурович, который затем отправляется разыскивать своего отца в Половецкой земле. Ведет он себя в соответствии со своим христианским именем: увидав часовенку, зашел в нее помолиться и после этого поехал в степь. Константин Саурович доехал до реки Смородины, разбил здесь переправлявшееся через Смородину войско царя Кунгура и поехал «ко городу Угличу». Местность здесь была смешанная, степь перемежалась с лесом.

Он бегаёт, скачет по чисту полю,
Хоботы метал [кружил] по темным лесам.

Здесь он попадает в плен к «угличам». Освобождает Константина из плена сам Саур, приехавший к Угличу «во всей своей сбруе богатырской» и учинивший расправу над «мужиками-угличами».

На первый взгляд эта былина не содержит ничего, кроме географической путаницы: город Углич оказывается где-то в глубине Половецкой степи. Однако сопоставление ее с географией русских походов второй половины XII в. многое проясняет. Три раза конечной целью русских походов была половецкая река *Снепород* (Самара) — в 1152, 1170 и 1187 гг. Четыре раза русские войска переходили соседнюю со Снепородом реку Ерель — Угол (1152, 1170, 1183, 1185 гг.). При впадении реки Угла в Днепр находился город Ерель «его же Русь зоветь Угол» (1183 г.)¹³. Думаю, что былинная река Смородина и город Углич соответствуют летописной реке Снепороду и городу Углу. Наиболее близок к былинне рассказ о походе 1169 г. (в летописи под 1170 г.), начатый приведенным выше поэтическим запевом. Когда половцы

¹⁰ Ипатьевская летопись, стр. 370.

¹¹ Там же, стр. 449.

¹² «Былины», т. I, М., 1916, стр. 203—213.

¹³ Ипатьевская летопись, стр. 427.

увидали в глубине степей за 400 км от Киева соединенные силы русских князей, они бежали, бросив свои кибитки. «И взяша веже их на Угле-реце, а другие по Снепороду, а самех постигоша у Черного леса и ту притиснувшие к лесу избиха е, а ины руками изомаша»¹⁴.

Описание географии и особенностей местности здесь полностью совпадает с былинным; Угол-река расположена рядом со Снепородом — Смородиной; Черный лес — огромный лесной массив, до сих пор существующий в излучине Снепорода — Самары. Сражение было стремительным и развертывалось на большом пространстве; от своих веж-кибиток на реке Угол половцы без боя ускакали, бросив жен и детей, на юг, в снепородские леса. Русские «поехаша вборзе по ним». Бой начался на Снепорode — Смородине (как и в былине), когда половцы переправлялись через реку (тоже как и в былине царь Кунгур переправлялся через реку). Здесь-то, за рекой, русские и притиснули половцев к лесу, а затем ускользнувших из леса половцев берендейская конница преследовала в северном направлении «за Вьскол» — очевидно, за Вороскол — Ворсклу.

Вот эти-то «борзые» перемещения войск то с севера на юг, то с юга на север по открытым степям и лесным массивам и выражены очень точно в былине; «скачет по чисту полю, хоботы метал по темным лесам». Слово «хоботы» означает «движение взад и вперед» «туда и обратно»; оно является синонимом борозды-бустрофедона, т. е. движения пахаря то в одну сторону, то в другую.

Сходство летописного рассказа с былиной этим не ограничивается. Герой битвы с половецким царем Кунгуром Константин Саурович после скачки по полям и лесам попадает в плен к «угличам», заманившим его хитростью. Летописец, рассказав о разгроме половцев и о том, как берендеи, «Бастеева чадь», «гониша по них бьуче й», сообщает, что потери русской стороны были очень незначительны: двое бояр убиты «и Княтин Хотович ят бысть»¹⁵.

Так как основное сражение у Черного леса закончилось полной победой русских и здесь половцев «руками изомаша», то пленение Константина Хотовича можно отнести только к последнему этапу кампании, когда убежавшие за Ворсклу половцы могли заарканить неосторожно вырвавшегося в преследовании воеводу.

Таким образом, летописный рассказ 1170 г. полностью совпадает с первой половиной былины, заканчивающейся пленением Константина.

1. Действие происходит в глубине *Половецкой* земли, в девяти днях пути от Киева.

2. Былинному городу Угличу соответствует летописный город Угол на реке Угле.

3. Былинная река *Смородина* — река *Снепород*, место генерального сражения с половцами.

4. «Хоботы» по темным лесам — сражение на окраине *Черного леса*.

5. Пленение Константина Сауровича — пленение Константина Хотовича (берендея?).

Былина не была бы былиной, если бы воспевала только пленение богатыря, но вся вторая половина ее посвящена появлению Саура Ванидовича «в сбруе богатырской» и освобождению Константина. Действие происходит в городе Угличе через 12 лет после отъезда Саура из дома. По былине Углич не принадлежит «татарам». Наоборот, жители Углича, оказывается, должны были бы быть благодарны Константину за то, что он

Немало у Кунгура-царя силы порубил.

Можно за то вам [угличам] его благодарити и пожаловати.

¹⁴ Ипатьевская летопись, стр. 369.

¹⁵ Там же, стр. 369—370.

Им управляют «мужики-угличичи» и вече —

Старики тут вместе соходились,
Они думали думу единую...

Требование Саура Леванидовича выдать ему пленника было выполнено без боя по приговору веча.

Углич изображен как какая-то промежуточная ямская станция; когда Саур ехал из Половецкой земли, то здесь ему меняли лошадей; летопись не сообщает ничего о дальнейшей судьбе плененного Константина Хотовича, но, как и в былине, через 12 лет, в 1183 г., состоялся новый объединенный русский поход в эти же самые места, завершившийся небывалым разгромом всех половецких сил, возглавлявшихся ханом Кобяком. Авангард русских войск (в том числе и 2100 берендеев) гнался за половецким отрядом и «не постигыше, *возвортишася Русь и стояша на месте*, нарецаемем Ерель, его же русь зовет „Угол“». Русские войска вернулись в город Угол так, как если бы он всегда был русским. Как выяснил К. В. Кудряшов, «место Угол» — древнее городище, при впадении р. Орели в Днепр. Оно изображалось на картах XVII в. под названием «Орел» и соответствует городку Старому Орлику на берегу Днепра у острова в 20 км выше устья р. Орели — Угла¹⁶. Здесь же поблизости был брод, которым переправлялись русские войска с киевского берега Днепра «на ратную сторону». Где-то в этом районе между устьями Ворсклы и Орели Идриси называет город Барасансу (1154 г.), последний населенный пункт на Днепре при движении из Киева. Вполне возможно, что здесь находился близ переправы городок, входивший в систему обслуживания того Гречника, днепровского пути из Киева в Византию, которому стали угрожать половцы в 1170 г. Изолированное положение городка Ерель — Угол, далеко выдвинутого в половецкую степь, вероятно, заставляло его гарнизон лавировать между Русью и окружавшими его половцами. Содержание в «Угличиче» русского знатного пленника, взятого половцами, не вызывает особых сомнений, так же как и забота угличан о подводах для Саура Ванидовича.

В целом былина о Сауре и Константине Сауровиче представляется мне песней о походе 1170 г., организованном для расчистки Гречника от половцев, где в боях прославился Константин, просидевший в плену или ожидая выкупа в «Угличиче» (Старом Орликс, 12 лет до нового похода 1183 г., принесшего ему освобождение. Былина не говорит о втором бое с половцами (который мог бы быть сопоставлен с 1183 г.) потому, что этот городок половцам не принадлежал, а являлся самой дальней станцией на Днепре уже за рубежами Руси на Гречнике.

Вторая интересующая нас былина — «Сухман Одихмантьевич» — и пересказывающая ее «Повесть о Сухане» XVII в. содержат следующее: один из киевских богатырей князя Владимира Мономаха, девятидесятилетний старик Сухан, любитель соколиной охоты, выехал с кречетом бить лебедей, но птиц на тихих весенних заводах не оказалось.

«Поеду, поеду, посмотрю быстра Днепра Слаутича».
И приезжает Сухан ко быстру Днепру Слаутичу,
А уж Днепр-река смешалась с желты пески...¹⁷

Какой-то всадник сообщил ему, что уже девятый день через Днепр переправляется царь Азбук (Азбяк) Таврульевич и с ним 70 царевичей с несметной силой.

В былинных текстах об этом сообщает сам Днепр, добавляя, что татары мостят мосты через реку:

«Днем мостят, а ночью я повырою».

Сухан одним конским скоком переправляется через Днепр и на том, левом его берегу встречает вражескую силу.

¹⁶ К. В. Кудряшов. Половецкая степь. М., 1948, стр. 99.

¹⁷ В. И. Малышев. Указ. соч., стр. 139.

Некоторые варианты былин дают очень яркую картину весеннего половодья:

Течет быстрый Днепр не по-старому,
Не по-старому, не по-прежнему:
Пожирает в себя круты бережки,
Вырывает в себя желты скатны пески,
По подбережку несет ветловый лес,
По струе несет крековый лес.

Тема половодья дополняется деталями военной переправы:

Посередь Днепра несет добрых коней
Со всей приправой молодецкой,
Со всей доспехой богатырскою.

Несметная сила Азбяка Таврульевича описывается так:

Черному ворону в ночь силы не окарати,
Серому волку в ночь не обрыскати,
Доброму молодцу в день не объехати¹⁸.

Битва с этой несметной силой происходит за Днепром.

Свищет падубок в руке богатырской,
Ломаются древа копейные,
Щепляются щиты татарские,
Валяются шоломы их с головами татарскими.

Богатырь Сухан не первый раз встречается с врагами; он дает понять, что «которые татаровя на Руси не бывали, те про Сухана не ведают и они у товарищев своих *слыхали в ордах смолода*». Битва происходит на праздник святого Иоанна Предтечи.

В «Повести о Сухане» битва разделена на два этапа на двух берегах реки. На втором этапе боя

Царь Азбук, видя гибель свою неминуемую —
Убить богатыря нечем —
Велел зарядить *три порока*,
А в пороке по рогатине.

Огромные самострелы, стрелявшие вместо стрел копьями, были поставлены скрытно в глубоком овраге. Рогатины нанесли смертельную рану Сухану, но он все же побил всех врагов и вернулся в Киев. Киевский князь положил опалу на богатыря, так как ожидал, что Сухан привезет ему с охоты

Белу лебедь живьем в руках,
Не ранену лебедку, не кровавлену.

Узнав о сражении с Азбяком Таврульевичем, князь не поверил Сухану, посадил его во глубоком погреб, а Добрыню послал во чисто поле для проверки Суханова рассказа; Добрыня удостоверил его.

Владимир Сеславич, узнав о ранении богатыря, «у Софеи велел молебны петь за Суханово здоровье» и решил наградить богатыря.

И учал государь Сухана жаловать...
«Сколько тебе, Суханушко, *городов и сотчин* надобе,
Тем тебя пожалую за твою великую службу».

Сухан отвечает: «Дошло, государь, не до городов, ни до вотчин» и умирает.

Не злата труба вострубила,
Восплакала мать Суханова...

¹⁸ В. И. Малышев. Указ. соч., стр. 153 (алтайский вариант былины).

По былинным вариантам Сухан, выйдя из тюремного заключения,

Выходил на далече-далече чисто поле,
И говорил молодец таковы слова:
«Не умел меня, Солнышко, миловать,
Не умел меня, Солнышко, жаловать,
А теперь не видать меня в ясны очи»¹⁹.

По алтайскому варианту, который В. И. Малышев считает первоначальным, Сухан умирает в Киеве по-христиански, покайся в соборной церкви, но во многих былинах введен сентиментальный мотив открытия ран обиженным богатырем и смерти самоубийцы Сухана в чистом поле. От его крови образуется «Сухман-река».

Поиски реального прототипа этого «князя реки» приводят нас к колоритной фигуре «торцкого князя» Кунтувдея (упоминается в 1183—1192 гг.), крупнейшего полководца торческо-берендейского Поросья, возглавлявшего огромные по тем временам армии по 6000 всадников. То, что Кунтувдей был действительно «су-ханом», князем всей *реки Роси*, явствует из события 1190 г., когда все черноклобуцкое боярство Поросья ощущало на себе тяжесть великокняжеской опалы на князя Кунтувдея: «Сдумаша лепшии мужи в Черных Клобуцах и приехаша в Торцький к Ростиславу Рюриковичу и рекоша ему:... „ко Святославу без лепа не слемь, ныне до нас не добр про Кунтувдея“»²⁰. Хотя эти «лепшии мужи» и сохраняли вассальную верность киевскому князю и его наместнику, однако они чувствовали себя ответственными за своего торческого князя, ушедшего в это время «далече-далече в чисто поле».

Судьба Кунтувдея близка к судьбе былинного Сухана. Он дважды бьется с несметными полчищами половцев за Днестром в 1183 и 1184 гг., побеждает или прогоняет их. Затем он «по обеде» — по наговору подвергается в 1190 г. опале великого князя Святослава Всеволодича. Он был арестован и отпущен только по просьбе Рюрика Ростиславича, говорившего, что Кунтувдей «муж дерз и надобен Руси». Однако гордый хан, «не стерпя сорома своего», ушел в Поле к половцам и обдумывал, «како бы ему мстити ся сорома своего Святославу». Он вместе с половцами долго воевал на Роси. Наконец, когда половцы, отбитые от Руси, частично откочевали за Дунай, Рюрик простил Кунтувдея и «остави у себя и да ему *город на Роси Дверен*, Руское земле деля»²¹. Но как и Сухан, так и Кунтувдей, имя которого много лет не сходило со страниц летописи, очевидно, мог сказать, что «дошло не до городов» — эти строки о наделении его городом были последним летописным упоминанием знаменитого «мужа, надобного Руси». Походы следующего года проводились с участием лепших мужей и всех Черных Клобуков, но уже без Кунтувдея.

Перейду к разбору деталей, которые иной раз важнее, чем сходство общей схемы.

По былинам и по повести опала на героя начинается с охоты. Охота на берегу Днестра является устойчивым элементом, проходящим через все варианты. Летописный рассказ об опале на Кунтувдея начинается так:

1190 г. «Того же лета Святослав со сватом своим с Рюриком, утишиша землю Рускую и Половци примириша в волю свою, и сдумавша и *идоста на ловы по Днестрию*

¹⁹ В. И. Малышев. Указ. соч., стр. 142, 152.

²⁰ Ипатьевская летопись, стр. 451.

²¹ Город Дверен на Роси находился где-то между Корсунью и Таваровым (Межиричье) примерно около знаменитой Сахновки, где известны три городища и ряд богатых кладов XII—XIII вв. В 10 км к востоку от Сахновки близ Таганчи был раскопан курган с захоронением богатого и знатного торка с его конем в сбруе. Дата кургана — XII в. На воине была кольчуга, золотая гривна, серебряный аграф, золоченый шлем; с ним был положен щит, колчан, сабля в серебряных ножнах и огромная (150 см длиной) серебряная булава-пернач парадного типа, предназначенная для воеводы-всадника. В головах стояла красивая серебряная чара, дно которой украшено золотым медальоном с изображением Иисуса Христа. Судя по краниологическим данным, погребенный был стариком. В этом кургане, несомненно, погребен какой-то очень знатный торческий владетель такого же типа, как и Кунтувдей, и примерно того же времени (И. Х о й н о в с к и й. Археологические сведения о предках славян — Руси. Киев, 1896. См. также W. S a r n o w s k i. Wezesnohistoryczny kurhan 2 Korolewina pod Tahańcz. Warszawa, 1949).

в лодьях, на устья Тесмени, и ту ловы деяша и обловишася множеством зверей. И тако наглумистася и во любви пребыста и во весельи, по вся дни, и возвратишася восвоися. Тое же осени Святославя Кондудея Торцького князя по обеде...»²². Аресту торческого князя предшествовала истинно королевская охота на 250 км по Днепру.

Неожиданное для былины точное указание на день битвы в праздник святого Иоанна находит себе подтверждение в летописи: победа над Кобяком в 1183 г. была «месяца июля в 30 в понедельник в память святого Ивана Воинника». Красочная картина весеннего половодья на Днепре соответствует времени другого похода — в марте 1185 г., когда Кунтувдей преследовал войска Кончака. Шеститысячный отряд не смог углубиться в степь из-за весенней распутицы: «бяхеть бо тала стопа за Хоролом».

Имя царя, с несметной силой которого воюет Сухан, — Азбук (Азбяк) Таврульевич очень напоминает реального Кобяка Карльевича, побежденного в день святого Ивана. Если имя его было переделано в эпосе под влиянием имени Узбека (Азбяка), то отчество «Таврульевич» никак не связано с Узбеком и, быть может, попало в песни об Азбяке из былин о Кобяке Карльевиче.

Песня о победе над Кобяком в 1183 г. была одним из слагаемых былины о Сухане. 1183 г. — год первого упоминания Кунтувдея в летописи. Разгром Кобяка был одной из тех крупных побед, по поводу которых «Слово о полку Игореве» говорило, что о них «звонит слава в Киеве». Былинным 70 царевичам, пришедшим на Русь с царем Азбуком, соответствует цифра в 417 «князей половецких» в Никоновской летописи (у Татищева 97) и список важнейших ханов, убитых или взятых в плен, в Ипатьевской летописи: Кобяк Карльевич, Изай Билюкович, Товльий, Бокмиш, Осалук, Барак, Тарха, Даниил, Содвак Кулобич, Корязь Калотанович, Тарсук и «инех несть числа».

Бой с Кобяком происходил за Днепром, на его левом берегу. Как и в былине, где Азбуковы воины через реку перестреливались с Суханом, так и в этом бою «начашася стреляти о реку и начаша межи собою перегонити». Важное историческое значение победы над Кобяком показано автором «Слова о полку Игореве», отобразившим это событие для демонстрации успешности совместных действий всех князей.

...Святослав грозный великий киевский
Грозою бяхеть притрепал
Своими сильными полки
И харалужными мечи;
Наступи на землю Половецкую,
Притопта холмы и яругы,
Возмути реки и озера,
Иссуши потоки и болота.
А поганого Кобяка из луку моря
От железных великих полков половецких
Яко вихрь выторже.
И падеся Кобяк в граде Киеве
Во гриднице Святославлі...

Второй победой этих лет была победа над Шаруканидом «поганим кашеєм» Кончаком, побывавшим и на пограничной Суле и на северной окраине Киева. В «Повести о Сухане» нас несколько удивляет то, что к описанию войск царя Азбука и его царевичей сделано такое добавление:

И наши прародители тем царем служивали,
И царские приходы весно чинили,
И вам, богатырем, в Киеве было ведомо²³.

²² Ипатьевская летопись, стр. 449—450.

²³ В. И. Малышев. Указ. соч., стр. 140.

Эти слова вложены в уста тому всаднику, который скакал по берегу Днепра и известил Сухана о приближении врагов. Всадник ехал из степи; это скорее всего один из тех «своих поганых», которые несли пограничную службу; копьё у него было с особым значком — «с прапором».

Единственный случай, когда берендеи выступали совместно с половцами — это тогда, когда на помощь Давиду Ростиславичу против Мстислава Изяславича в 1172 г. пришли переяславский тысяцкий Григорий и «Половци диции *Концак* с родом своим и свои *Берендичи* Бастеева чадь». События разыгрывались между Киевом и Вышгородом *весною* 1172 г., что вполне соответствует загадочным словам «Повести». «Царский приход» действительно состоялся «весно» и действительно «богатырем в Киеве было ведомо» то, что творилось на окраине столицы.

Самым убедительным аргументом в пользу того, что былина о Сухане отражала и борьбу с Кончаком, является, на мой взгляд, упоминание пороков-катапульт.

Для всего нашего былинного фонда это упоминание гигантских самострелов, стреляющих рогатинами, является уникальным. Но и во всех летописных рассказах о боях с половцами только один раз говорится о таких метательных снарядах, и именно в связи с ханом Кончаком.

1184 г. «Пошел бяше оканьный и безбожный и треклятый Кончак со множеством Половецъ на Русь, похупся яко пленити хотя грады Рускые и пожещи огньмь — бяше бо обрел мужа такового бесурменина, иже стреляше живым огьем, бяху же у них *луци тузи самострелнии*, одва 50 [вариант — 8] мужь можашеть напярци». Когда Кончак бежал, преследуемый Кунтувдеем, остаток его войска был пленен, «и оного бесурменина яша, у него же бьшеть живой огнь, то и того ко Святославу приведоша со устроеным»²⁴.

Былина о Сухане, по всей вероятности, ставила своей задачей оправдание богатыря, много сделавшего для Русской земли и несправедливо, «по обаде», оскорбленного князем Святославом. В первой части былины повествовалось о боевых подвигах торческого князя, важных для Руси и составивших ему репутацию «храброго мужа, необходимого всей Русской земле». Отобраны были два важнейших эпизода — разгром несметной силы Кобяка Карлыевича на Угле-реке в 1183 г. и разгром Кончака Отраковича в 1184 (1185) г. за Хоролом, довершенный армией Кунтувдея. Во второй части говорилось о несправедливости князя Святослава, поверившего клевете и глубоко обидившего настоящего героя.

Основа былины сложилась в русско-берендейской среде (но, разумеется, на русском языке), и включение ее в русский эпос нас не должно удивлять, так как «Черный Клобук», занимавший старый эпический район Поросья и Переяславщины, в это время составлял неотъемлемую часть Руси, выбирал и сменял князей, влиял на политику, владел городами, защищал Русь от половцев, воспринимал русскую культуру.

На этих двух былинах — о Сауре Ванидовиче и Сухане Одихмантьевиче, как и на одновременных им основных летописных записях, явно ощущается стиль эпохи «Слова о полку Игореве». Только в эти годы летописец мог начать свой рассказ знаменитым «а лепо ны было братие поискати...», и только в этих двух былинах мы встречаем такие слова и образы, которые приводят на память «Слово о полку Игореве». Такова фраза о вострубившей золотой трубе, таково описание боя, где ломаются древка копейные, расщепляются щиты и падают шелома с головами. Редчайшее слово «хоботы» употреблено и в былине о Сауре, где оно обозначало разьезды взад и вперед по Черному лесу, и в «Слове», где оно иносказательно изображало разброд между политической двух родных братьев, особенно проявившийся в 1177 г., когда в годину опасности «Давид бяше не притягл и бывши распре межи братьею».

²⁴ Ипатьевская летопись, стр. 375, 428—429 (1184 г.). Правильнее считать эту дату 1185 г.

Единственный раз в русских былинах употреблено обращение к «Днепру Словутичу», и это тоже переносит нас в поэтику «Слова о полку Игореве», где Ярославна вспоминает *о том же самом походе 1183 г.*:

О, Днепре Словутичу!
Ты пробил еси каменные горы
Сквозе землю Половецкую,
Ты лелеял еси на себе Святослави насады
До полку Кобякова...

Третий половецкий натиск отразился не только в «Слове о полку Игореве», но и в двух былинах — «Саур Ванидович» (около 1170—1183 гг.) и «Сухан Одихмантьевич» (1183—1192 гг.), представляющих поэтому для нас особый интерес.

2

НОВГОРОДСКИЕ БЫЛИНЫ. БЫЛИНЫ О КНЯЗЕ РОМАНЕ. ГИБЕЛЬ БОГАТЫРЕЙ

Последними в хронологическом ряду русских былин о русских богатырях стоят новгородские былины «Садко — богатый гость» и «Василий Буслаев», а также небольшой цикл волынского происхождения, объединенный именем князя Романа.

Героика песен торгового Новгорода своеобразна — это воспевание далеких плаваний на кораблях по речным и морским путям. Такова полуновгородская былина XI в. «Глеб Володьевич», такова былина «Садко», быть может, действительно восходящая к эпохе Садка Сытинича, построившего церковь Бориса и Глеба внутри новгородского кремля:

1167 г. «На ту же весну заложи Съдко Сытиничъ церковь камяну святую мученику Бориса и Глеба при князи Святославе Ростиславици, при архиепископе Илии».

Фундаменты этой церкви, поставленной в самой древней аристократической части Новгорода, были раскопаны А. А. Строковым. Церковь Бориса и Глеба оказалась большой и богатой постройкой, подтверждающей слова летописца, что она «горазда бо бяше и лепа»²⁵. Строитель «гораздой» церкви Садко Сытинич был, несомненно, богатым и знатным новгородцем, которого и былина называет «Садко купец богатый новгородский». Сказочный элемент заслоняет в этой былине реальную основу; остается только достоверное имя Садка и верный исторический фон — шумная жизнь средневекового торгового центра, далекие поездки на тридцати кораблях и опозитизированная быстрая нажива заморского купца.

Былины о Васье Буслаеве давно уже получили верное истолкование. Это — отражение ушкуйных походов и тех социальных конфликтов, которыми была так переполнена жизнь Новгорода в XII—XV вв. По ряду признаков образ своевольного и озорного боярского сына прикрепляется к XIV в., и в том «старчище-пилигримище», который пытается унять расхордившегося Васеньку, можно видеть Григория Калику — владыку Василия, стремившегося за время своего архиепископства содействовать демократическим элементам и по мере сил ограждать их от буйства богатого новгородского боярства²⁶.

Особый цикл конца XII—начала XIII в. составляют былины о князе Романе, в котором после детального и интересного исследования И. Жданова следует видеть

²⁵ См. А. А. Строков. Раскопки в Новгороде в 1940 г. — «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», вып. XI, 1945, рис. 30.

²⁶ См. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 775.

Романа Мстиславича Волынского (упоминается с 1168 г., умер в 1205 г.), праправнука Мономаха, воспетого и летописцами и народом ²⁷.

Созданию песен и сказаний способствовала колоритная биография этого князя, сидевшего и на новгородском и на киевском столах, объединявшего власть над Волынью и Галичем, воевавшего то с Ятвягами, то с Польшей, то громившего половцев, то решительно расправлявшегося со своей женой, тещей и тестем, которых он разом постриг в монахи, невзирая на то, что его тесть — сам великий князь киевский Рюрик Ростиславич.

Знаменитый отрывок посмертного жизнеописания Романа, которым открывается Галицкая летопись XIII в., сохранил, по всей вероятности, какую-то «славу» — «хвалу» князю, составленную придворным поэтом вроде «словутного певца Митуса», служившего одно время его сыну Даниилу Романовичу. Роман, «приснопамятный самодержец всея Руси», обрисован в этой «славе» как:

...одолева всим поганьскым языком,
Ума мудростью ходяща по заповедем божим,
Устремил бо ся бяше на поганя яко и лев,
Сердит же бысть яко и рысь,
И губяше [и] яко и коркодил,
И прехожаше землю их яко и орел,
Храбор бо бе яко и тур.
Ревноваше бо деду своему Мономаху,
Погубившему поганя Измалтяны, рекомые Половци,
Изгнавшю Отрока во Обезы за Железная врата...²⁸

Этот интересный отрывок помещен в летописи не на месте, но именно там, где шла речь о разгроме «поганых измалтян» Романом, о большом походе, предпринятом вместе с Черным Клобуком и нашедшим отражение даже в византийских летописях:

1202 г. «...ходи Роман князь на Половци и взя веже половецьские, и приведе полона много, и душу хрестьяньских множество отполони от них; и быть радость велика в земли Русьстей» ²⁹.

Спустя полвека после смерти Романа один из летописцев вспоминал о его успешных походах на беспокойных Ятвягов: «По великом бо князе Романе никтоже не бе воевал на не [на Ятвяги] в Руских князих...» ³⁰.

Певец «Слова о полку Игореве» тоже с большим почтением относится к храброму князю:

А ты, буй Романе и Мстиславе!
Храбрая мысль носит ваш ум на дело.
Высоко плаваеши на дело в буести,
Яко сокол на ветрах ширяся,
Хотя птицю в буйстве одолети.
Суть бо у ваю железные паперси [паробци?]
Под шеломы латинскими.
Теми тресну земля, и многы страны —
Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела
И Половци сулицы свои повергоша,
А главы свои подклониша под тыи мечи харалужныи.

²⁷ И. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895 («Песни о князе Романе»).

²⁸ Ипатьевская летопись, стр. 479—480.

²⁹ Лаврентьевская летопись («Летопись по Лаврентьевскому списку», СПб., 1897), стр. 281.

³⁰ Ипатьевская летопись, стр. 194.

Целый ряд русских и восточнопольских народных песен присоединил к имени Романа сказания о поражении и смерти половецкого хана Боняка Шелудивого, умершего на сто лет ранее Романа ³¹. В русском былинном эпосе вокруг Романа объединяются три былины: 1) о набеде двух королевичей (или двух племянников) на земли Романа (около 1194 г.); 2) о похищении жены Романа Марии Юрьевны и 3) «как князь Роман жену терял» (около 1205 г.).

Подобные локальные варианты поздних эпических песен замыкались в пределах своей земли, своего княжества, и только какие-либо особые обстоятельства могли содействовать более широкому распространению этих областных былин с локальными сюжетами.

Для песен о Романе таким особым обстоятельством было перемещение некоторой части волынского населения в Московское княжество в середине и второй половине XIV в. Эпоху Д. М. Боброк-Волынца отделяло от эпохи Романа не больше, чем эпоху Романа от былин о Шарукане. Галицко-волынские диалектологические черты отличают некоторые летописные статьи 1380-х годов и, надо думать, что во времена Дмитрия Донского в московскую культуру влилась какая-то волынская струя, быть может, со «Словом о полку Игореве» во главе. В составе этой струи могли быть и былины о Романе Мстиславиче, сложенные в свое время народом Волынской земли и доживавшие свой век в чуждой им московско-новгородской среде, что и способствовало утрате ряда черт, некоторой стертости исторических признаков.

К сожалению, жизнь этого князя, оставившего такую яркую память в народном творчестве, известна нам только в отрывках. Его собственное панегирическое летописание до нас не дошло, кроме приведенных выше нескольких строк. Но согласие различных авторов, писавших в разное время («Слово» — 1187 г., летопись — после 1205 г.), и общий эпический тон всех упоминаний о нем убеждают нас в том, что для своей земли этот князь на рубеже XII—XIII вв. был тем же, чем для Киевской Руси на сто лет раньше был Владимир Мономах.

Популярности Романа Мстиславича (причины которой не всегда явствуют из враждебных ему летописей) могли способствовать те проекты установления межфеодального мира, отголоски которых сохранились в передаче В. Н. Татищева.

Под 1203 г., сообщив о разгроме половцев и о насильственном пострижении Рюрика, Татищев передает действия Романа в качестве великого князя киевского: Роман «советовал с князи и бояры о распорядках в Русской земле, чтоб пресечь междоусобия», и послал объявить, что он свергнул Рюрика с престола в связи с нарушением тем клятвы. Далее Роман изложил чрезвычайно интересный проект «добророго порядка», чтобы «един другого не мог обидеть и на чужие области наежжать и разорять. **Ныне** же видим все тому противное — похищают престол молодшие и несомысленные... часто встанет война в братии, приводят поганых Половцев и разоряют землю Русскую» (в чем был повинен, по его мнению, и свергнутый им князь).

Добрый порядок Романа должен был состоять в следующем: в случае смерти киевского князя *нового великого князя выбирают* шесть крупнейших князей:

Суздальский,	Смоленский,
Черниговский,	Полоцкий,
Галицкий,	Рязанский.

«Ежели кто из князей начнет войну..., то великий князь *да судит* с местными князи и смирит.

³¹ И. Жданов. Указ. соч., стр. 442—462.

Ежели на кого войною придут Половцы, Венгры, Поляки или другой народ, и сам тот князь оборониться не может, тогда князю великому согласаяся с местными князи, *послать помощь от всего государства, сколько потребно*».

Для предотвращения дробления княжеств между наследниками предлагается ввести майорат, «чтобы Русская земля в силе не умалялась».

Для обсуждения своего проекта Роман Мстиславич предлагал собрать княжеский съезд, но князья, суверенные владетели огромных земель, отговорились, «извиняясь разными невозможностями» или считая, «что того издревле не было»³².

Нам трудно судить, был ли у Романа в действительности такой проект ликвидации усобиц и создания мощной военной федерации всех русских княжеств XIII в., но надо предполагать одно из двух: или популярность князя Романа (в том числе и былинная) вытекает из такой его политики, или же рассказ о программе «добраго порядка» входит в состав фольклора о Романе Храбром. Общерусский размах его деятельности (или только проекта действий), начавшийся в старом эпическом центре — в Киеве, — мог содействовать опоэтизированию несомненно сильной личности этого Мономашича.

Былины о татарском нашествии до нас дошли в сильно усеченном виде. Сохранилось имя Батыя — Батыги, оттеснившее многие другие, более ранние имена (Шарукана, Отрока, Кончака, Боняка и др.), сохранилось повсеместно и стало основным эпическим именем врагов Руси имя татар. Но подробных былин о мужественной защите русских городов в 1237—1241 гг. не сохранилось, за одним исключением. И исключение это характерно — я имею в виду былинку «Калин-царь», хорошо связываемую с одним лишь эпизодом этих грозных лет — с появлением близ Киева татарских полчищ Менгукана в 1239 г., когда у киевлян была видимость победы: киевляне гордо отвергли предложение о капитуляции, и татары ушли без боя. Это был единственный оптимистический эпизод во всей трагедии Батыева погрома, и именно о нем сложена единственная былина, содержащая конкретные исторические детали. Разгром Руси и торжество татар над русскими героями не могли быть предметом воспевания в *былинной* форме. Единственная былина, которая как бы подводит итоги этому печальному периоду — это известная в нескольких вариантах былина о гибели богатырей («Камское побоище», «Илья и Мамай» и др.). Позднее время составления их видно во всем — и в смешении Мамай с Идолищем и Тугарином Змеевичем, и в загромождении деталями, взятыми из разных былин (в свою очередь уже переделанных), и в расширении списка богатырей, который становится уже просто перечнем былинного репертуара³³:

«Камское побоище»

Илья Муромец	Расшиби Колпак
Добрыня Никитич	Братья Петровичи
Самсон Колубаев	Сбродовичи
Дунай Иванович	Иван Годенович
Святогор Гурьев	Гаврила Долгополый
Ремянник	Поток Иванович
Пересмета Степанович	Олеша Попович
Перемяка	Михаил Игнатъевич

³² В. Н. Т а т и щ е в. История российская с самых древнейших времен, кн. III. М., 1774, стр. 336—338.

³³ «Былины», т. I, стр. 390, 407, 413.

«Илья и Мамай»

Василий Прекрасный	Михаил Игнатьев
Потанюшка Хромой	Поток Иванович
Самсон Колыванов	Добрыня Никитич
Дунай Иванович	Алеша Попович
Василий Казимиров	Братья-суздальцы

«Гибель богатырей».

Годенко Блудович	Алеша Попович
Василий Казимиров	Добрыня
Василий Буслаевич	Илья Муромец
Иван Гостинный сын	

Такое механическое объединение разновременных богатырей в рассказе о Мамае или о «силе нездешней» представляется очень поздней компиляцией из всех известных основных и второстепенных былин.

В этих былинах нельзя не видеть отзвука тяжелых событий 1380—1382 — 1409 гг., взятых вместе, рассмотренных в своей совокупности: битва всех русских сил с татарами, победа и затем воскрешение вражеской силы и гибель богатырей. Думаю, однако, что подобное эпически спокойное отношение к Куликовской победе и последующим поражениям при Тохтамыше и Едигее не было непосредственным отражением событий, а являлось, так сказать, литературным творчеством, результатом стремления былинных сказителей к логическому завершению большого круга былин. И такое завершение было придумано *в духе* событий XIV—XV вв., но на известном расстоянии от той эпохи, издалека. Это не отображение событий, а придуманный сказителями-скоморохами или, вернее, каликами, стилизованный под былинны ответ на вопрос — куда делись русские богатыри, и сочинен этот ответ был, по всей вероятности, не ранее XVI в., когда борьба с татарским господством была уже позади.

ЛЕТОПИСИ

НАЧАЛО РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

1

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕТОПИСЕЙ

РУССКИЕ ЛЕТОПИСИ! представляют собой примечательное явление во всей европейской средневековой литературе. Написанные на родном языке народа, являвшемся в то же время и государственным языком, они читались и переписывались 800 лет, подробно повествуя о больших и малых делах прошлого. Светильник, зажженный первыми неизвестными летописцами, сначала очень скудно озарял темную глубь отдаленных веков, но, разгораясь, постепенно он осветил нам тысячи исторических деятелей, сотни сражений, походов, осад, постройку городов, оборону от половцев, наводнения, пожары, создание произведе-

ний искусства, борьбу лукавых царедворцев, народные восстания, церковные споры, живые речи и письма русских людей XI—XVI вв.

Конечно, этот свет проникал не во все уголки русской жизни; летопись не адекватна самой жизни, во-первых, потому, что знакомит читателя далеко не со всеми разделами жизни русского общества, а во-вторых, потому, что каждый из летописцев воспринимал и отображал события неизбежно субъективно.

Субъективизм летописцев заставляет нас рассматривать летописи как источник лишь после того, как будет выяснена классовая и политическая позиция каждого летописца, его историческая концепция.

Летописцами были горожане, дружинники, монахи, попы, игумены придворных монастырей, знатные бояре и даже князья. Много раз менялась манера летописания: от кратких записей по одной строке в год переходили к пространным повестям, а затем стали вписывать в летопись дневники княжеской жизни.

Старые летописи переделывались, дополнялись или сокращались, редактировались; их принаравливали в позднейшее время к своим вкусам и политическим симпатиям. Из нескольких летописей средневековые историки делали «летописный свод», своеобразную хрестоматию разных исторических сочинений.

В XI в. свод делался *из разновременных*, продолжавших одна другую летописей. В XII в. появились своеобразные своды, составленные *из одновременных* летописей разных княжеств, дающих в совокупности интереснейшее освещение одних и тех же событий разными людьми с разных позиций.

Летописи-хроники, летописные своды, повести, включенные в летописи, вплелись друг в друга, переделывались, переписывались в разных комбинациях и сочетаниях. Дошедшие до нас поздние списки представляют собой причудливое переплетение разных эпох, разных мыслей, разных тенденций, разных литературных стилей. Безвозвратно прошло то время, когда историки черпали из летописной сокровищницы и, пренебрегая этими различиями, цитировали без разбора отдельные фразы: «летопись говорит...», «летописец сказал...». Такого общего кола летописных сведений нет, летописью можно пользоваться только после того, как будет со всей доступной нам четкостью определено происхождение нужного нам отрывка, когда в результате анализа проступят хотя бы контурные очертания воззрений и убеждений автора.

Мы можем сейчас использовать летопись как исторический источник лишь потому, что многие десятки русских ученых на протяжении двух веков тщательно и осторожно распутывали сложный клубок летописных переплетений¹.

Как высокая вершина возвышается среди знатоков летописного дела А. А. Шахматов. Он единолично расположил в строгой системе колоссальный разновременный материал множества списков, сопоставил их между собой и воссоздал все этапы переделок, копирования, редактирования текстов, угадывая протографы, воскрешая контуры исчезнувших летописей².

Титаническая работа над сотнями тысяч фактов в сочетании со смелым построением необходимых для науки гипотез позволили Шахматову, во-первых, убедительно показать разновременность и сложность состава дошедшего до нас летописного фонда.

Во-вторых, Шахматов, тоже очень убедительно, поспорил с пушкинско-карамзинской характеристикой летописца: взамен образа Пимена, бесстрастного и беспристрастного, почти равнодушного наблюдателя, Шахматов дал образ живого участника политической борьбы, писателя-полемиста, находившегося в самом водовороте событий и стремившегося повлиять на них. В-третьих, Шахматов оставил нам большое наследство в виде научных реконструкций исчезнувших летописей. Он сам предостерегал от фетишизации этих гипотетических текстов, подчеркивая их условный характер, но, как выяснилось, наука не может полностью обойтись без этих реконструкций. Они позволяют понять ход развития русской исторической мысли и уточнить дальнейшими исследованиями отдельные звенья.

Работы советских исследователей внесли много нового и значительно раздвинули рамки изучения летописей. Шахматовские положения критиковались или развивались далее; во многих вопросах исследователи шли в неразработанные области. Шахматов успел за свою сравнительно короткую жизнь заняться преимущественно

¹ В. Н. Татищев. История российская с самых древнейших времен, кн. I. М., 1768; А. Л. Шлецер. Нестор, т. I—III. СПб., 1809—1819; Н. М. Карамзин. История государства Российского. СПб., 1816—1817; В. М. Перевощиков. О русских летописях и летописателях по 1240 г.— «Материалы по истории российской словесности», СПб., 1836; М. П. Погодин. Исследования, лекции и замечания, т. I. «Нестор». М., 1846; И. И. Срезневский. Чтения о древнерусских летописях. СПб., 1862; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. I—V. М., 1851—1855; М. И. Сухомлинов. О древней русской летописи как памятнике литературном.— «Ученые записки Второго отделения Академии наук», кн. 3, отд. II, СПб., 1856; Н. И. Костомаров. Лекции по русской истории, ч. I.— «Источники русской истории», СПб., 1861; К. Н. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868; М. А. Оболенский. Несколько слов о первоначальной русской летописи. М., 1870; В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 1. Киев, 1908; С. А. Бугославский. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преподобного Нестора.— «Известия Отделения русского языка и словесности (ИОРЯС), т. XIX, кн. 1, СПб., 1914.

² А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; А. А. Шахматов. Нестор летописец.— «Записки научного товарищества имени Шевченка», т. СХVII, Львів, 1913; т. СХVIII, 1914; А. А. Шахматов. «Повесть временных лет», т. I. Пг., 1916; А. А. Шахматов. «Повесть временных лет» и ее источники.— «Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР», т. IV, М.—Л., 1940 (издано посмертно).

текстологической стороной, первичным приведением материала в стройный вид. Советские ученые смогли расширить исторический подход к теме, полнее обрисовать историко-политическую роль древнерусского летописания.

Можно назвать таких исследователей, продвинувших далее изучение летописей, как М. Д. Приселков, Н. К. Никольский, Б. Д. Греков, Д. С. Лихачев, А. Н. Насонов, М. Н. Тихомиров, И. П. Еремин, Л. В. Черепнин и др.³

Летописный материал часто привлекается современными зарубежными норманистами в их попытках заново обосновать правильность норманской теории происхождения Руси.

В работах А. И. Стендер-Петерсена, Г. Пашкевича и Н. Чадвик летописи рассматриваются лишь в той мере, в какой они, по мнению этих авторов, подкрепляют взгляды норманистов⁴.

Хороший разбор норманистских работ, показывающий их беспомощность, сделал в последнее время И. П. Шаскольский⁵.

Сокровища русских летописей настолько велики и многообразны, что долго еще будут предметом пристального изучения с разных точек зрения, долго еще они будут приоткрывать нам все новые и новые уголки русской жизни. В следующих ниже этюдах о летописи я подвергаю рассмотрению лишь часть летописных материалов, стремясь в каждом достоверном или предполагаемом разделе летописи прежде всего установить историческую или политическую направленность его автора, и тем самым сделать данный раздел настоящим историческим источником.

2

НАЧАЛО КИЕВСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

Самым трудным и спорным является определение начала русского летописания. Если говорить о летописях — исторических сочинениях, имеющих определенную концепцию, то, очевидно, такие сочинения появились не ранее конца X в.

Но вполне возможно, что краткие хроникальные записи, самая идея фиксации исторических событий (а следовательно, и отбор их для записи) возникли значительно раньше.

³ М. Д. Приселков. *Нестор летописец*. Пг., 1923; Н. К. Никольский. «Повесть временных лет» как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании, вып. I. Л., 1930; М. Д. Приселков. *История русского летописания XI—XV вв.* Л., 1940; Б. Д. Греков. *Первый труд по истории России*. — «Исторический журнал», 1943, № 11—12; И. П. Еремин. «Повесть временных лет». Л., 1946; Д. С. Лихачев. *Русские летописи и их культурно-историческое значение*. М.—Л., 1947; Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды. — «Исторические записки», 1948, № 25; Д. С. Лихачев. «Повесть временных лет», ч. II. М.—Л., 1950 (статьи и комментарии); М. Н. Тихомиров. *Развитие исторических знаний в Киевской Руси, феодально-раздробленной Руси и Российском централизованном государстве*. — «Очерки истории исторической науки в СССР», вып. I, М., 1955; Б. А. Рыбаков. «Остромирова летопись». — «Вопросы истории», 1956, № 10; А. Н. Насонов. *Начальные этапы киевского летописания в связи с развитием древнерусского государства*. — «Проблемы источниковедения», вып. VII, М., 1959; Б. А. Рыбаков. *Боярин-летописец XII в.* — «История СССР», 1959, № 5; М. Н. Тихомиров. *Начало русской историографии*. — «Вопросы истории», 1960, № 5. Более подробные справки можно найти в издании: Н. Р. Дробленкова. *Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII вв. 1917—1957 гг.* М.—Л., 1961, стр. 419—420.

⁴ A. Stender-Petersen. *Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik*. Aarhus, 1934; N. K. Chadwick. *The Beginnings of Russian History. A Enquiry into Sources*. Cambridge, 1946. A. Stender-Petersen. «Varangica». *Zur Rus' Frage*. Aarhus, 1953; H. Pászkiéwicz. *The Origin of Russia*. London, 1954.

⁵ И. П. Шаскольский. *Современные норманисты о русской летописи*. — Сб. «Критика новейшей буржуазной историографии», М.—Л., 1961.

М. А. Оболенский возводил первичную летопись к середине X в., ко времени княгини Ольги, считая, что летописцем был духовник княгини болгарин пресвитор Григорий⁶.

И. И. Срезневский считал, что погодные записи велись на Руси уже с начала X в.⁷

Глубже всех попытался заглянуть в истоки русского летописания И. Е. Забелин. Он обратил внимание на краткие летописные заметки 864—867 гг., сохранившиеся в составе Никоновской летописи. «Несмотря на то,— писал Забелин,— что отметки находятся только в переработанном летописном сборнике XVI в., они включают в себе столько достоверности, что нет и малейших оснований отвергать их глубокую древность»⁸.

Далее Забелин называет эти заметки киевскими и высказывает мысль, что их записывали грамотники-христиане, жившие в Киеве. Такое краткое погодное летописание могло быть связано с пасхальными книгами, святыми, синодиками; образом их могли быть «летописцы вкратце».

«У собирателя Никоновской летописи находились в руках древнейшие подлинники подобных кратких летописцев», заключает Забелин⁹. Важность этой темы о первых летописных записях заставляет нас тщательно проверить все данные о них.

Предположение Забелина о том, что в составе компилятивных исторических трудов XVI в. могут содержаться отрывки из первоначальных летописных записей, не аргументировано самим автором, но и не опровергнуто теми, кто не разделял этого взгляда,— оно было просто забыто.

Повторяемость выписок из византийских источников, запутанность хронологии и недоверие к составителям, людям XVI в., века исторических легенд и «ухищренных словес», были, очевидно, причиной забвения плодотворной гипотезы. Подозрение, что сотрудники митрополитов Макария и Афанасия могли сами придумать подробности киевской жизни IX в., нужно отвести сразу: во-первых, в XVI в. придумывали пышнее, цветистее, многословней, а во-вторых, для создания легенд должна быть какая-то цель; легенды приходят на помощь тогда, когда нужно провести определенную тенденцию, а достоверных фактов для этого мало, и историку приходится «сплести слова».

Ничего подобного в интересующих нас отрывках нет. По форме эти записи очень лаконичны: «В лето 6372. Убиен бысть от Болгар Осколдов сын»¹⁰. Кому в эпоху Грозного могло понадобиться придумать такую ни с чем не связанную подробность?

Следует сказать, что сумма записей IX в. является как бы антитезой господствующим взглядам XV—XVI вв., когда варяг Рюрик был незаслуженно возвеличен, когда искусственно создавали «династию» Рюриковичей и вразрез с источниками XI в., начинавшими счет князей с Игоря Старого («Похвала Иакова мниха»), Игоря сделали сыном Рюрика.

⁶ М. А. Оболенский. Несколько слов о первоначальной русской летописи; М. А. Оболенский. Исследования и заметки по русским и славянским древностям. СПб., 1875; см. также В. Н. Златарский. Болгарский историко-литературный элемент в русской летописи.— «Труды V съезда русских академических организаций за границей», ч. I, София, 1932.

⁷ И. И. Срезневский, Указ. соч.

⁸ К этой же мысли приходил и О. Бодянский, опираясь на «Палею» 1494 г. и «Летописец вскопе» патриарха Никифора, доведенный до 913 г. (О. М. Бодянский. О времени происхождения славянских письмен. М., 1855, стр. 125).

⁹ И. Е. Забелин. История русской жизни с древнейших времен, ч. I. М., 1876, стр. 475.

¹⁰ Там же, стр. 476. Образцы таких кратчайших летописцев дошли до нас от более позднего времени: см. «Никоновская (Патриаршая) летопись».— «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ), т. IX, СПб., 1862; В. Н. Татищев. Указ. соч., кн. II. М., 1773; К. Н. Бестужев-Рюмин. Указ. соч.; Б. Д. Греков. Киевская Русь.— «Избранные труды», т. II, М., 1959, стр. 322.

¹⁰ Никоновская летопись, стр. 9.

Киевские записи IX в., имеющиеся в Никоновской летописи, носят антиваряжский и антирюрикский оттенок и тем самым они противоречат основной генеалогической тенденции Никоновской летописи.

Творчество историков XVI в. выразилось в том, что они *противопоставили* этим записям известную легенду о призвании варягов и вписали в свой труд наиболее позднее звено легенды — взаимную близость Олега и Рюрика и родственную связь Игоря с Рюриком.

Противоречащие этой легенде киевские записи представляются мне каким-то давно забытым, затерянным еще в эпоху Киевской Руси древним листом (может быть не известным даже Нестору), всплывшим на свет из глубин московских архивов в связи с грандиозной работой, которую предприняли русские историки, подготавливая такие монументальные исторические труды, как Воскресенская летопись, Никоновская летопись, Степенная книга, Лицевой свод и др.

Мы должны помнить, что XVI в. был веком необычайного расширения кругозора русских историков и появления историкоисследовательского интереса. Извлекались древние рукописи, разыскивались неизвестные летописи, производился первичный палеографический анализ — одним словом, историки действовали уже в духе новой эпохи, требовавшей более научного подхода.

В XVI в. русские историки приступили к созданию исторических трудов нового типа, потребовавших привлечения большого количества новых источников по всемирной (преимущественно византийской) истории и большой источниковедческой работы. Трудности, связанные с розысками и научным согласованием разновременных и разноязычных документов и книг, очень красочно описаны одним из составителей такого хронографа.

«Вомноги и долговременныя труды внидохом, еже избрати ото многих летописных и бытийских книг *нужнейшаа и добрейшаа* и совокупити воедино — зане же те книги вси о едином пишут, а *во всех многаа рознь*: тот то оставил, а ин — ино. И за величество тех книг неудобно есть их стяжати...

...Получих таковыа книги, начах таковое дело и многа лета в сих упражняся и встерзаа от многих летописных книг добрейшаа, яко же цветы некия и совокупляя воедино... *мног же подъях труд за разгласие речей в тех книгах, изыскуа праваа и за разгласие многих словиц.*

... не постави в грех, елико, неразумна ради, речи силу премених или за неудобь разумныа, старыа и иностранныа речи»¹¹.

Этот трудолюбивый историк с трудом приобретал необходимые книги, так как занят был «рукоделием, еже стяжати чим живот кормити». В другой рукописи описываются трудности источниковедческой работы по анализу дат и хронологических перечней: «то разногласие в числах летописных от преписующих бысть». «Долгого ради времени пишемая стираются и незнаема бывают».

Далее приведены конкретные примеры: если у буквы «Т» сотрется одна черточка, то нельзя определить, было ли здесь «Т» или «П»; если сотрется верхняя черта у «П», то нельзя узнать, что здесь было — «П» или «И», и цифру 300 можно принять за 80, а 80 за 8¹².

Московские историки XVI в. извлекли из архивов такие источники, которые в XIX—XX вв. стали достоянием русской византинологии (например предметом исследований академика В. Г. Васильевского), в том числе «Беседы патриарха Фотия», «Житие Дмитрия Солунского», «Житие Стефана Сурожского» и др.

При этом они, возможно, натолкнулись и на не известные нам греческие и древнерусские источники.

¹¹ В. С. Иконников. Указ. соч., т. II, кн. 2, стр. 1167.

¹² О. М. Бодянский. Указ. соч., стр. 126.

Стоит привести связанное с нашей темой свидетельство Степенной книги о *нескольких* походах русов на Византию до появления варягов на Руси.

*«Иже и прежде Рюрикова пришествия в Словенскую землю не худа бяше держава Словенского языка: воинствоваху бо и тогда на многие страны: и на Селунский град, и на Херсонь, и на прочих тамо, яко же свидетельствует нечто мало отчасти в чудесех великомученика Димитрия и святого архиепископа Стефана Сурожского, она же инде. И яко выше речено, иже и на самый Царьград многожды прихожьжаху»*¹³.

Многочисленность походов на Царьград «прежде Рюрикова пришествия» отмечена и киевскими записями IX в.

До сих пор не было обращено внимания на то, что в том самом разделе Степенной книги, в котором перечислены византийские источники, передаются важные события из древнейшей истории русов, отсутствующие в каких бы то ни было известных нам греческих или русских источниках.

«Еще же древле и царь Феодосий Великий имеяше брань с русскими вои, его же укрепи молитвою великий старец египтянин именем Иван Пустынный».

Феодосий Великий (379—395 гг.) содержал на службе многотысячное готское войско. Начало его царствования почти совпало во времени с борьбой готского князя Германариха против «вероломных росомонов» (375 г.). Быть может, какие-то отголоски этой борьбы слышались и тогда, когда враждовавшие с росомонами готы стали союзниками императора Феодосия, прозванного «другом готов». Откуда узнали об этом авторы Степенной книги — неизвестно.

Так же загадочно происхождение и другого известия: *«Последи же и при Ираклии цари ходиша Русь и на царя Хоздроя Персидского».* О походах русов в 630—640-е годы на Дербент и закавказские владения Хосрова мы знаем только из сочинений арабских авторов X в. ат-Табари и Аль-Беладзори¹⁴.

Сведения Степенной книги о войне Феодосия Великого с русами в конце IV в. и о походе русов на Хосрова Персидского в VII в. одиноко стоят в русских источниках; однако их нельзя назвать совершенно фантастическими — зерно истины есть в каждом из них; нам только не ясны источники этих сведений о русах IV—VII вв. Этот вопрос не имеет, разумеется, прямого отношения к начальному этапу *русского* летописания. Приведенные данные свидетельствуют лишь о том, что московские историки школы Макария подняли разные ценные источники, исчезнувшие, к сожалению, впоследствии.

Загадочные записи о русской истории IX в., отличающие Никоновскую летопись от всех других, содержатся на пространстве 6367—6389 гг. и отчасти в недатированных отрывках. Состав этой части летописи очень сложен; здесь можно выделить выписки из византийских источников (многие попали через хронограф), болгарские известия, сведения о походах Руси на Царьград и о крещении, собственно киевские известия, сведения о появлении варягов на севере Руси и легенду о Рюрике. В ряде случаев эти отдельные элементы не согласованы между собой, перепутаны¹⁵.

¹³ «Степенная книга». — ПСРЛ, т. XXI, СПб., 1908, стр. 63.

¹⁴ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах. СПб., 1870, стр. 74.

¹⁵ Так, например, сначала рассказано об убийстве Варды-кесаря, соправителя византийского императора Михаила III, а потом под 6371 г. упоминается поход этого кесаря на Болгар.

Дважды сказано о воцарении Василия Македонянина, дважды описано сорокадневное землетрясение в Царьграде в 869 г., дважды под одной и той же датой (6395 г.), но в разных местах описано воцарение императора Льва.

Какие бы то ни было исторические выводы можно делать лишь после того, как будет определена хронология событий и причины той хронологической путаницы, которая заметна при первом взгляде.

Начало русской истории в Никоновской летописи распадается на две части — первую—недатированную—и вторую—датированную.

Последние события в *недатированной* части относятся, судя по византийским хроникам, к следующим годам:

865 г.— крещение Болгарии,

866 г. 21 апреля — убиение Варды-кесаря,

866 г. 26 мая — поставление Василия кесарем-соправителем.

6367 г.— первая дата в летописи. Этим годом открывается погодная летопись *русских* событий.

Здесь нас сразустораживает то, что 6367 год «от сотворения мира», будучи определен по обычному византийско-русскому летосчислению (6367 — 5508 = 859 г.) переносит нас на восемь лет *назад* от тех событий, которые только что в строгой последовательности были описаны.

Но нам следует вспомнить, что одновременно с общепринятым счетом лет «от сотворения мира» в 5508 лет существовала другая система счета, так называемая александрийская или аннианская, где промежуток «от сотворения мира» до начала нашей эры исчислялся не в 5508 лет, а ровно в 5500 лет.

Следующий за 866 г. год 867 по этой системе *должен был быть изображен именно так, как он и написан в Никоновской летописи — 6367.*

Александрийская система счета применялась в Болгарии, и это в значительной мере могло облегчить ее проникновение на Русь. Эта система применялась и в «летописце вскоре» патриарха Никифора, известном русским книжникам.

Второй хронологической особенностью древних протографов русских летописей является своеобразный отсчет от эпохи императора Михаила III.

В «Повести временных лет» один из походов Руси на Византию (6374 г.) обозначен так: «в 14 лето Михаила цесаря»¹⁶.

Княжение Олега определено в Никоновской летописи: «от первого лета царства Михайлова до первого лета Ольгова Русского князя лет 29» (6389 г.).

«Великий индиктион» — наибольший летосчислительный цикл в 532 года, приходившийся на 6384 год, определен опять-таки от Михаила: «В лето 6384 Михайлова царства 20 и 4 лета окончался великий круг»¹⁷.

Напомню те даты в жизни императора Михаила, которые могут быть исходной точкой при отсчетах: в 842 г. в возрасте четырех лет Михаил стал императором. Регентство его матери Феодоры продолжалось фактически до его совершеннолетия в 856 г., но юридически она отказалась от участия в управлении в 865 г.¹⁸

Начальную дату — 842 г. мы должны решительно отвергнуть, так как тогда поход Руси придется на 856 г., а нам известно, что в этот год никакого нападения на Константинополь не было. Княжение Олега в Киеве придется на 871 г., что сильно расходится со всеми другими данными. Но самым убедительным возражением будет «великий круг». По какому бы счету мы ни переводили годы от сотворения мира на наше летосчисление, но 12-й Великий индиктион может соответствовать только одной цифре — $532 \times 12 = 6384$. По византийскому счету это будет 876 г., а по александрийскому — 884. Ни тот ни другой год не отстоят от 842 г. на 24 года. Впрочем, это же самое следует сказать и относительно второй возможной даты — начала самостоятельного правления Михаила — 856 г. «Великий круг» в одном случае будет отстоять на 20 лет, а в другом — на 28.

¹⁶ «Повесть временных лет», ч. I, М., 1950, стр. 19.

¹⁷ Никоновская летопись, стр. 10.

¹⁸ Г. Ф. Герцберг. История Византии. М., 1896, стр. 130—131.

В отношении возможной исходной точки — 856 г. — возникают следующие сомнения: поход русов должен прийти в этом случае на 870 г., т. е. уже на царствование Василия, и очень странно было бы, чтобы хронист отсчитывал события его царствования от воцарения его предшественника. Это же относится и к вокняжению Олега в 29-е лето от первого лета царствования Михаила. Перечисленные несогласованности иногда устраняют предположением, что русские хронисты ошиблись в годе воцарения Михаила III и приняли за такой год 852¹⁹.

Я думаю, что единственным выходом из этой путаницы может быть допущение, что какой-то древний летописец отсчитывал не от воцарения и не от единодержавия Михаила, а от какой-то другой даты времен Михаила, особо отметной для Руси.

Ответ мы находим в «Повести временных лет»:

«В лето 6360, индикта 15 день,...

Наченшо Михаилу царствовати,

Нача ся прозываети Руска земля. О сем бо уведахом, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгород, яко же пишется в летописаньи гречь-стемъ».

Поход, как известно, состоялся в 860 г. индикта 15 день — 18 июня²⁰.

Примечательно, что год «от сотворения мира» написан здесь по *александрійскому* счету (860 = 6360). Не подлежит сомнению, что эта дата не имеет никакого отношения к *началу* царствования Михаила. Речь идет о том, что «в эпоху царя Михаила Русская земля стала упоминаться в греческих летописях, так как русы при этом царя приходили на Царьград». Далее по александрийскому летосчислению приводилась дата первого похода, прославившего Русь — 6360 г. «Тем отселе се почнем и числа положим», продолжает летописец, а после некоторых хронологических выкладок снова возвращается к той же мысли: «Но мы на прежнее возвратимся и скажем, што ся здея в лета си, яко же преже почали бяхом первое лето Михаилом, а по ряду положим числа»²¹.

Самое интересное то, что далее идет ряд *пустых* годов, а первым событием под 6366 годом указан поход Михаила на Болгарию и крещение болгар. Это событие тоже приведено по *александрійскому* счету; истинная дата крещения — 865—866 гг.

Начало отсчета годов от первого упоминания Руси в греческих хрониках ясно выражено в предисловии к Начальному своду XI в.: «мы же *от начала Руския земли* сего лету и вся по ряду известно да скажем от Михаила царя по Александра и Исакия»²².

Во всех русских летописях настоящее начало родной истории уходит далеко в глубь веков от эпохи Михаила и излагается без каких бы то ни было дат, опираясь на эпические сказания. Поэтому приведенные выше слова надо понимать как начало «летописца», истории нового типа со строгими рамками погодного изложения. Главным является «начало Русской земли», т. е. тот первый год, которым можно было открыть счет годам русской истории на фоне точного летописания мировой (в понимании IX—X вв. — византийской) истории.

Таким годом был признан 860 (6360) г. — год победоносного вторжения огромной русской эскадры в Константинопольский залив. Он приходился на *эпоху* царствования Михаила III. Михаил был тем могущественным противником, с которым вступила в бой Киевская Русь. Сам патриарх константинопольский, глава церкви «вто-

¹⁹ См. комментарий Д. С. Лихачева к «Повести временных лет» (ч. II, М.—Л., 1950), стр. 230—231.

²⁰ А. Vasiliev. The russian attack on Constantinople in 860. Cambridge, 1946
М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 57—58.

²¹ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 17.

²² «Софийская первая летопись». — ПСРЛ, т. V, вып. I, Л., 1925, стр. 10.

рого Рима», писал о киевских князьях: «поработив соседние народы и через то чрезмерно возгордившись, они подняли руку на Ромейскую империю»²³.

Естественно, что такое событие, лестное для национального самолюбия, могло стать точкой отсчета лет. Это тем более стало необходимым, что теперь история Руси тесно сплелась с историей Византии, Болгарии; нужно было вести точный счет годам и соотносить русские дела с делами соседних государств. Сначала точка отсчета была определена в общей форме — «при Михаиле», и лишь позднейшие переписчики, привыкшие к счету по царствованиям, вставили «от первого лета царства», так как иная система им казалась странной. Принимая этот своеобразный киевский отсчет лет от 860 г., мы получим следующие даты:

Поход Руси 860 + 14 = 874 (6374) г.?

Конец «великого круга» 860 + 24 = 884 (6384) г.?

Захват Киева Олегом 860 + 29 = 889 (6389) г.?

Поход 874 г. и время появления Олега в Киеве еще подлежат дальнейшей проверке, но дата великого индиктиона (6384 г. «от сотворения мира»), единственная бесспорная из этих трех, подтверждает мои предположения.

Итак, мы приступили к рассмотрению запутанной хронологии Никоновской летописи, учитывая те два обстоятельства, которые могли в свое время усугублять эту запутанность.

1. Расчет лет «от Михаила» надо производить не от начала его царствования (842 г.) и не от его единодержавия (856 г.), а от частного события, важного только для Руси, — от похода 860 г. Это был первый год упоминания Руси в греческих хрониках.

2. При написании точных годов авторы летописных записей IX в. применяли не византийскую эру (5508 лет «от сотворения мира»), а александрийскую, аннианскую, отличавшуюся на 8 лет (5500 лет ровно). Этот счет применялся и в Болгарии, откуда, возможно, он проник в Древнюю Русь. Но уже в X в. на Руси применялась византийская эра, и старый счет стал непонятен; этим, может быть, и объясняется хронологическая путаница и пропуски многих годов — таким путем хотели уравнивать разницу между двумя эрами в восемь лет.

Рассмотрим хронологию тех событий русской истории, которые описаны в Никоновской летописи и объединены именем Осколда (Аскольда) — киевского князя из древней династии Кия. Вопрос о князе Дире, имя которого иногда стоит рядом с именем Осколда, придется оставить без подробного рассмотрения²⁴.

Основным героем событий был князь Осколд, и описание одного из походов в Никоновской летописи так и озаглавлено: «О князи Рустем Осколде».

Из событий русской истории 860—870-х годов можно указать четыре, описанных так подробно, что в самом тексте содержится указание на дату, и это позволит нам проверить сетку годов в летописи.

²³ М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 63.

²⁴ Возможны следующие решения:

1. Дир (упоминаемый Масуди) княжил до Осколда.

2. Некоторое время оба князя могли быть соправителями.

3. Вероятнее всего, что некоторые походы были совершены одним Осколдом, так как при двух именах применено не двойственное, а единственное число: «Иде Аскольд и Дир... и приде...». Это говорит о том, что имя Дира вставлено позднее.

4. В пользу одновременности княжения говорит и наличие их могил в двух разных местах Киева.

1. «О пришествии Руси на Царьград».

Описание помещено в недатированной части, но вслед за событиями 860-х годов.

Датирующие признаки: «в царство Михаила царя и матери его Феодоры». Дата здесь широкая — от 842 г. до 865 г. Она сужается, так как упомянут патриарх Фотий, посвященный в 858 г. Следовательно, дата похода 858—865 гг.²⁵

2. «Иде Осколд и Дир на Греки...». Год — 6374.

Датирующие признаки: упомянуты два соправителя — император Михаил и кесарь Василий. Следовательно, наиболее поздняя дата — 26 мая 866 г. (смерть Михаила). Год исчислен по византийской эре: 6374 — 5508 = 866²⁶.

3. Призвание варягов «при Михаиле и Василии царема и при Фотии патриарсе». Дата та же, что и в предыдущем случае: 26 мая 866 г.— 23 сентября 867 г.

Помещено в летописи после перечня годов: 6367, 6368, 6369. Год 6367 повторен дважды, и о призвании варягов первый раз говорится под 6367 г., но без указания на то, что в это время было в Византии²⁷.

Думаю, что вставка небольшого перечня годов разорвала единую статью, так как если 6367 г. (при допущении александрийского счета) точно соответствует короткому соправительству Михаила и Василия, то год 6369 ни по какому счету с этим промежутком времени (866—867 гг.) не совпадает.

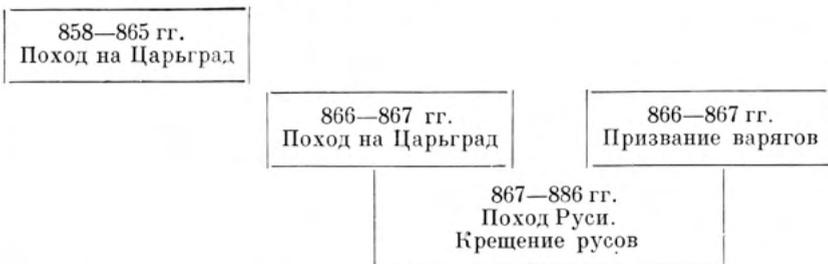
4. «О князи Рустем Осколде» — 6374 г.

Описан поход русов на византийские владения, до Царьграда не доведенный.

Далее описывается посольство императора Василия к русам и крещение русов прибывшим к ним архиереем.

Хронологический признак — царствование одного императора Василия без соправителя, т. е. 867—886 гг.

Графически соотношение этих четырех событий можно представить так:

Теперь нам надо решить, с какими из известных нам событий можем мы сопоставить разнообразные свидетельства.

Начнем с походов Руси на Византию. В Никоновской летописи их упомянуто четыре. Три из них изображены выше на хронологическом графике — два похода на Царьград и один, последний, на берега «Евксинопонта», завершившийся крещением русов. Еще один поход помещен в недатированной части (на втором месте в общем списке походов) и не содержит никаких хронологических примет. Возможно, что это описание является дубликатом одного из трех упомянутых.

Византийскими и венецианскими источниками описан известный поход 860 г., от которого русские начали считать свою историю. Но ряд историков указывают и на поход 865—866 гг. Состояние источников таково, что у нас не может быть уверенности в том, что был только один поход 860 г. Одни авторы говорят о поражении русов, другие об их победе; в одних хрониках указано 200 русских кораблей, в других — 360; одни известия говорят о страшной буре, разбившей русские ладьи, дру-

²⁵ Никоновская летопись, стр. 7.

²⁶ Там же, стр. 9.

²⁷ Там же.

гие, наоборот, подчеркивают тихую безветренную погоду, позволившую русской эскадре войти в Суд. Из этих противоречий вытекает, скорее всего, тот вывод, что походов, известных средиземноморским авторам, было, очевидно, два. Третий поход, не доведенный до столицы, не попал и в столичные хроники²⁸.

График, составленный мною по данным Никоновской летописи, показывает, что первые два похода хорошо прикрепляются к византийско-венецианским данным (в некоторой степени известным и русским летописцам XI—XII вв.).

Первый поход, приходящийся на 858—865 гг., надо, очевидно, связать с наиболее известным первым нашествием 200 русских кораблей 18 июня 860 г. Второй поход, датируемый 866—867 гг., следует, очевидно, отнести к 866. Буря, разбившая русский флот, вероятно, относится к этому второму походу. В Никоновской летописи описание этого похода («Иде Осколд и Дир на Греки...») помещено под 6374 г., что по александрийскому счету должно дать 874 г. (явно непригодный, так как Михаил в это время уже не было), а по византийскому — 866; этот год удволетворяет всем условиям. Отмечу, что путаница цифр 6374, 874 и 866 сыграла свою роль по отношению к третьему походу, вынесенному в обширную вставку без точных дат; это станет яснее в дальнейшем.

Те русские летописцы XI—XII вв., через руки которых прошли древнейшие записи о походах IX в., довольно хорошо знали по русским переводам греческие источники и многое черпали из них. Им был известен и «летописец вскоре» патриарха Никифора (применявшего александрийский счет), и «Хроника» Георгия Амартола с продолжением, и «Хроника» Симеона Логофета²⁹.

Описания походов, подробности их в русских летописях иногда даны прямо по греческим источникам, но размещены эти выписки произвольно, с ошибками.

Так, например, эпизод с бурей, вызванной погружением ризы богородицы в море и разбившей корабли русов, приведен дважды: в описании похода 858—865 гг. и похода 866—867 гг. Высказывалось предположение, что эта легенда вообще не связана с данной серией походов, а возникла по поводу набега на Константинополь в 626 г.

Невольно рождается вопрос: каким образом произошло то, что однородные греческие литературные материалы оказались распределенными на несколько походов? Думаю, что тот составитель летописного свода, который стремился насытить свой труд сведениями по истории Византии и широко пользовался имевшимися переводами, русскими или болгарскими, Георгия Амартола и Симеона Логофета, имел в своем распоряжении какую-то летописную сетку с перечислением походов киевских князей на Византию. И по своему разумению он разбросал красочный материал царьградских хроник по суховатой сетке киевского летописца, не всегда точно попадая в соответствие с имевшейся там хронологией.

Поэтому мне кажется, что мы должны взять за основу упоминания факта похода, учесть внутренние хронологические приметы, но отбросить подробности (фактические и легендарные), взятые из иноземных источников. Среди отбрасываемых чужеземных материалов будут описания гибели русов в результате божьего гнева и такие эпитеты, как «безбожная Русь».

²⁸ А. К у н и к. Известия ал-Бекри о Руси и славянах. СПб., 1878. Тождество русов-язычников и норманнов, подтверждаемое посланием папы Николая 1 сентября 865 г. (стр. 183, 190, 191).

А. V a s i l i e v. Указ. соч.; М. В. Л е в ч е н к о. Указ. соч., стр. 57—78.

Интересные соображения в пользу трех походов привел С. Лесной в книге «История русов в неизвращенном виде» (вып. 1—3, Париж, 1953—1954). Автор-антинорманист по-новому решает вопросы хронологии и соотношения русских и византийских источников (см. вып. 1, стр. 32—36; вып. 2, стр. 97—98, 188—189).

²⁹ Н. В. С т е п а н о в. «Летописец вскоре» патриарха Никифора в новгородской кормчей. — ИОРЯС, т. XVII, кн. 2, СПб., 1912; В. М. И с т р и н. «Хроника» Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920; «Хроника» Симеона Логофета с дополнениями, СПб., 1905; В. Г. В а с и л ь е в с к и й. «Хроника» Логофета на славянском и греческом. — «Византийский временник», т. II, вып. 1—2, СПб., 1895; А. А. Ш а х м а т о в. «Повесть временных лет» и ее источники.

Тогда мы получим следующее:

1. 860 г. *О пришествии Руси на Царьград.*

«Иногда приидоша из Киева русские князи Осколд и Дир на Царьград в царство Михаила царя и матери его Феодоры...»

2. 860 г. (?) *О пришествии Агарян на Царьград.*

866 г. (?) «Множество совокупившися Агарян прихождаху на Царьград и сия множицею творяще. Слышавшие же Киевстии князи Асколд и Дир идоша на Царьград и много зла сътвориша» (датирующих признаков здесь нет).

3. 874—866 гг. «В лето 6374. Иде Асколд и Дир на Греки...»

(далее идут подробности 866—867 гг.).

4. «О князи Рустем Осколде...».

Рассказ о походе Осколда на византийские владения в Евксинопonte требует дополнительных пояснений. Он, несомненно, целиком восходит к нерусским источникам, так как Осколда и Дира называет «их князи». Его автором мог быть участник или современник крещения русов при императоре Василии, что обычно относят к 874—875 гг. Если и была ранее русская запись, то в тексте летописи этот рассказ, красочный и целостный, представляющий яркую новеллу о чуде с «несгораемой священной книгой», полностью вытеснил ее.

На основании того, что посольство императора Василия, посланное на Русь в 875 г. с богатыми дарами, имело целью склонить воинственных соседей к миру, можно думать, что оно явилось результатом недавнего похода русов — подарки и попытка приручения русов посредством крещения могли быть ответом Византии на активность киевских дружин.

Из сферы предположений в сферу точных дат нас вводит упоминавшийся выше расчет лет некоего неизвестного похода русов в «Повести временных лет».

«В лето 6374. Иде Асколд и Дир на Греки и прииде в 14 лето Михаила псаля».

Как уже выяснилось, по александрийскому счету этот поход приходится на 874 г.

По условному киевскому счету от первого русского похода 860 г. «при Михаиле псаля» 14-е лето тоже дает нам 874 г. Поэтому можно утверждать, что взятый из греческих источников рассказ о русах, воевавших на Черном море, а потом, после чуда с Евангелием, крестившихся, относится точно к 874.

Статья 6374 г. в Никоновской летописи, в своих первых словах совершенно совпадающая с началом статьи в «Повести временных лет» под тем же 6374 г., очевидно, является *уцелевшей частью древней русской летописной записи* о походе на Греков на 14-й год после знаменитого похода на Константинополь в 860 г. при Михаиле III.

И в «Повести временных лет» и в Никоновской летописи к этому началу и к этой дате, которую русский книжник привычно переводил как 866 г. (6374—5508), присоединились почеркнутые из византийских хроник русофобские описания одного из более ранних походов на Царьград, очевидно 860 г. От первичной записи могло уцелеть указание на двух соправителей — Михаила и Василия (866—867 гг.), так как в византийских хрониках нигде нет *точных* сведений о походе русов в короткую пору их дуумвирата.

Исчезновение русского рассказа о крещении в 874—875 гг. при императоре Василии и патриархе Игнатии и даже о посылке архиерея на Русь вполне объяснимо жестко проводимой в XI—XII вв. тенденцией связывать крещение Руси только с именем одного Владимира Святого, решительно отменяя миссионерскую деятельность греков в IX в. (Фотий, Игнатий).

Выше мне пришлось говорить о крайней перепутанности отдельных частей в Никоновской летописи. Следует уточнить это: в имевшийся в распоряжении составителей русский текст были вкраплены в нескольких местах пространные вставки из греческих хроник, вкраплены с сильным нарушением хронологической последо-

вательности по отношению к русским событиям. Однако *внутри* каждой группы интерполяций последовательность событий соблюдена.

Первой такой группой являются рассказы о последних годах царствования Михаила, когда он сменил своего соправителя Варду на Василия Македонянина. Единственный недатированный поход в Никоновской летописи («О пришествии Агарян...») помещен непосредственно вслед за событиями 26 мая 866 г. Это дает нам некоторое право относить данную запись к 866 г. Возможно, что к протографу этой записи относилось и указание на дуумвиров Михаила и Василия.

Подводя итоги, можно сказать следующее:

1. Сквозь ряд поздних переделок и перестановок текста XI—XVI вв. проглядывает сильно нарушенная ткань первоначальных лаконичных записей.

2. Литературная обработка сказалась в распространении легенды о ризе богородицы и о буре, помещенной в двух разных местах летописи.

3. Хронологическая путаница могла возникнуть очень давно, еще в XI в., когда исчез александрийский счет лет и когда забылось своеобразное счисление от похода 860 г. «при Михаиле цесаре», напоминающее счисление лет в XV в.: тогда нередко считали «от Задонщины», т. е. от 1380 г., от Куликовской битвы.

4. Два похода киевских князей на Царьград, помещенные в недатированной части, можно предположительно связать с 860 и 866 гг. О первом походе сказано, что он был *когда-то* («иногда»), и по внутренним приметам он произошел в 858—865 гг. Дата второго недатированного похода определяется предположительно как 866 г.; описание его, возможно, оказалось расчлененным на две статьи.

5. Поход киевских князей «на Греки» 6374 г. следует считать походом 874 г., к упоминанию которого присоединились легендарные данные о предыдущих походах.

Вместо русского описания этого похода в летописи оказалась (и не на месте) обширная выписка из греческого рассказа о походе русов и, главным образом, о крещении их архiereем.

Датированная часть Никоновской летописи начинается *после* событий 866 г. и открывается датой 6367 г., без интервалов, без пустых годов, что определенно говорит о применении александрийского счета лет.

С 867 г. начинается, собственно, «лето-пись», погодная запись событий.

Под 6367 г. помещено *начало* рассказа о призвании варягов, затем изложение прервано, почему-то снова повторен 6367 г., внесены два пустых года и под 6369 г. дана *середина* рассказа о призвании (с упоминанием, что это происходило «при Михаиле и Василии царема») и под 6370 г. рассказ закончен описанием прибытия Рюрика в Новгород³⁰.

Обратим внимание прежде всего на то, что дуумвират Михаила и Василия никак не может отвечать 6369 г. по какому бы то ни было счету — будь то 869 или 861 гг. Единственный год, к которому может относиться справка о соправительстве Михаила III и Василия Македонянина—это 6367-й, переведенный на наше летосчисление по александрийской системе, т. е. 867 г.

Призвание варягов в 6367 г. и появление Рюрика в Новгороде только в 6370 г. вполне объяснимы действительным положением дел, изложенным в третьей редакции «Повести временных лет», весьма осведомленной во всех варяжских делах: «И придоша к Словену перьее и срубisha городъ Ладугу и седе старейший в Ладозе Рюрик... По дъвою же лету... прия Рюрик власть всю один; и пришед к Ильмерю и срубил город над

³⁰ Никоновская летопись, стр. 8—9.

Волховом и прозваша и Новъгород»³¹. Это помещено в летописи под 6370 г., а призвание тоже под 6367 г. Двухлетнее пребывание в Ладоге, естественной базе норманнов, объясняет нам различие в датах призвания и появления Рюрика в Новгороде через два года на третий.

Правильный пересчет хронологии «призвания варягов» был сделан еще в XVI—XVII вв., когда один русский книжник, составитель «летописца от создания мира вкратце» написал: «а в Руси наче княжити Рюрик в лето 6375», т. е. в 867 г.³²

Можно думать, что один из источников, новонайденных московскими историками XVI в., содержал летописные записи, начинавшиеся 6367 г. по александрийско-болгарскому счету. Мы лишены возможности проверить остальные записи, так как они говорят о собственно киевских делах и не содержат хронологических примет, имеющих параллельные византийские материалы.

Рассмотрим все киевские записи в хронологическом порядке, но с оговоренными выше поправками.

6367 (867) г. Изгнание варягов-находников за море.

Легенда о призвании варягов (начало) — посылка послов к варягам «*при Михаиле и Василии царема и при Фотии патриарсе*».

6370 (870) г. Прибытие Рюрика в Новгород.

6371 г. Ошибочно помещено событие, которое нужно переводить по *византийскому* летосчислению—863 г.: поход Михаила с Вардою-кесарем на болгар. Убийство кесаря Варды было уже описано в тексте летописи выше.

6372—(872) г. «*Убиен бысть от Болгар Осколдов сын*».

«Того же лета оскорбишася новгородци, глаголюще: „яко быти нам рабом и многа зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его“. Того же лета уби Рюрик Вадима Храброго и иных многих изби новгородцев съветников его»³³.

6373 (873) г. В развитие варяжской легенды говорится о смерти мифических братьев Рюрика — Синеуса и Трувора—и о раздаче Рюриком городов: Полоцка, Ростова, Белоозера.

«*Того же лета воеваша Асколд и Дир Полочан и много зла сотвориша*».

6374 (874) г. «*Иде Асколд и Дир на Греки...*».

Далее в тексте ошибочно помещен рассказ 6374 г. по *византийскому* счету, т. е. 866 г.— о походе Руси на Царьград при дуумвирах Михаиле и Василии и патриархе Фотии. Относящийся к этому 874 г. небольшой поход русов и последовавшая затем посылка императором Василием архиерея для крещения Руси описаны в другом месте, по какому-то нерусскому источнику, близкому по содержанию (но не по

³¹ Ипатьевская летопись («Летопись по Ипатскому списку», СПб., 1871), стр. 11.

³² См. О. М. Б о д я н с к и й. Указ. соч., стр. 119.

³³ Татищев первыми военными действиями киевского князя Осколда считает войну его с Дrevлянами и Уличами, поместив это известие под 6372 г. Земли Дrevлян начинались в одном дневном переходе от Киева. В списке областей, входивших в состав Руси примерно в эпоху составления славянских писем (т. е. в 860-е годы), Дrevляне показаны в числе русских земель. Очевидно, войны Осколда со своими западными соседями были успешными (В. Н. Т а т и щ е в. Указ. соч., кн. II, стр. 12). Уличи, судя по всем данным, в значительно большей степени сохранили свою независимость и самостоятельность. В глазах арабского автора Масуди Уличи («Лудана») — «многочисленнейшее племя». Это объясняется тем, что они занимали самое южное, наиболее близкое к арабским купеческим путям положение; их земли простирались вниз по Днепру «оли и до моря». Уличи — это часть тех самых русов, «еже живяху в Евксинопонте». Судя по тому, что «Повесть временных лет» называет Уличей и Тиверцев «толковинами», т. е. союзниками, они не были в IX — середине X в. подчинены Киеву. Это подтверждается и известным списком областей, входивших в состав Руси — Уличей в этом списке нет (см. Б. А. Р ы б а к о в. Уличи.—«Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», вып. XXXV, 1950).

форме) к историческому рассказу Константина Багрянородного о крещении русов при императоре Василии и патриархе Игнатии. В Никоновской летописи рассказ о походе и о посылке архиерея помещен в середине повествования о царствовании Василия.

6375 (875) г. *«Взвратишася Асколд и Дир от Царяграда в мале дружине и бысть в Киеве плачь велий. Того же лета избиша множество Печенег Осколд и Дир.*

*Того же лета избежаша от Рюрика из Новгорода в Киев много новгородских мужей»*³⁴.

«В лето 6384 Михайлова царства 20 и 4 лета скончаша великий круг».

«От первого лета царства Михайлова до 1-го лета Олгова, русского князя, лет 29...».

«В лето 6389. Олгово княжение».

Далее следует известный рассказ о том, как при помощи хитрости и обмана Олег убил Осколда (и Дира) и завладел Киевом. Упоминается постройка церкви Николая на Аскольдовой могиле.

Сказано о сборе дани Олегом.

«В лето 6391. Иде Олег на Древляны и на Северы и возложи дань на них по черне куне».

После этого в Никоновской летописи помещен расчет лет княжений Олега, Игоря, Святослава, Ярополка, Владимира с пополнениями о взятии Киева Рюриком Ростиславичем в 1203 г., о битве на Калке в 1223 г. и др. Этот хронологический расчет образует цезуру, по одну сторону которой лежат краткие киевские записи, разобранные выше, а по другую — пространное полуэпическое повествование о Вещем Олеге.

Что же представляют собой краткие киевские записи и насколько можем мы доверять им?

В их составе мы явно ощущаем три группы различных и разновременных данных:

1. Поздний вариант варяжской генеалогической легенды, стремящийся возвести Игоря к Рюрику и объявить его сыном, а Олега воеводой Рюрика. Этот слой, вполне отвечавший историческим воззрениям XVI в., легко отделяется.

2. Новгородско-варяжские сведения:

- а) изгнание варягов за море;
- б) добровольное призвание князей;
- в) недовольство новгородцев варяжским владычеством;
- г) расправа Рюрика с Вадимом и новгородцами;
- д) эмиграция новгородцев в Киев от варяжского засилья.

3. Собственно киевские известия о походах киевского князя Осколда, частично замененные цитатами из греческих хроник (в приведенном выше перечне киевские известия выделены жирным шрифтом).

Вторая (новгородская) группа носит явный антиваряжский характер и по своей направленности близка к «Остромировой летописи» XI в. Новгородцы показаны здесь свободолюбивыми противниками норманского засилья, находящими дружескую поддержку в Киеве.

Новгородские и киевские сведения существуют параллельно, независимо друг от друга; они как бы механически присоединены друг к другу. Даже там, где действия

³⁴ Никоновская летопись, стр. 9. В. Н. Татищев (указ. соч., кн. II, стр. 13) под 6375 г. помещает еще одно дополнение: «Ходи же [Осколд] и на Кривичи и тех победи».

Походы 873 и 875 гг. были направлены на те города и области, в которых появлялись варяги, захватившие перед этим Новгород.

киевского князя можно было бы поставить в причинную связь с варяжской агрессией (походы на Кривичей и на Полоцк после появления там варягов), летопись просто и бесхитростно сшивает известия второй группы с известиями третьей. Впечатление создается такое, что новгородские сведения были неложны позже на уже существовавшую сетку киевских погодных записей, среди которых могли, впрочем, быть и некоторые данные о Новом городе на самой далекой северной окраине Руси. Наибольшие сомнения вызывает фраза о Вадиме Храбром.

Таким образом, после фильтра, в котором отсеялись византийские хроники, генеалогические домыслы поздних летописцев и загадочные антиваряжские новгородские записи, у нас остались в итоге разрозненные, неполные, но безусловно интересные киевские погодные записи о князе Осколде. Объединение Аскольда и Диры, будто бы убитых вместе, но похороненных в разных местах, давно признано искусственным; отнесение их к варягам и присоединение к Рюрику тоже давно отвергнуто научной критикой³⁵. В древнейшем своде 1037 г., как и в труде Никона 1073 г., Аскольд и Дир являются по ходу рассказа *князьями Киева из потомства Кия*³⁶.

Отсутствие двойственного или просто множественного числа при описании действий *двух* князей надежно свидетельствует о том, что имя Диры неумело вставлено позднее.

Итак, речь идет о нескольких записях 867—889 гг., кратко сообщающих о делах «князя русского Осколда», княжившего в Киеве, ходившего походами на Царьград и черноморские владения Византии, боровшегося со степными кочевниками — печенегами и болгарами, подчинившего соседние с Киевом славянские племена Дrevлян и Уличей, возможно, противостоявшего норманской агрессии на Полоцк и Кривичей и, по-видимому, предоставившего право убежища новгородцам, утесненным варягами. В самый разгар борьбы с печенегами и варягами в 874—875 гг. киевский князь принимает предложение императора Василия Македонянина о мире с империей и допускает проповедь епископа. Впоследствии на Аскольдовой могиле была поставлена церковь св. Николая. Это говорит о том, что сам Осколд, вероятно, был крещен. Впрочем, первое крещение русов, согласно окружному посланию патриарха Фотия, следует относить к 867 г. «Не только болгары обратились к христианству, но и тот народ, о котором много и часто говорится..., т. е. так называемые русские. Поработив соседние народы и через то чрезмерно возгордившись, они подняли руку на Ромейскую империю. Но теперь и они переменили эллинскую безбожную веру... они приняли пастыря и с великим тщанием исполняют христианские обряды»³⁷.

Быть может, начало точной фиксации событий с 6367 (867) г. связано с появлением христианского духовенства, «пастыря» в этом же 867 г.

Киевские погодные записи можно предположительно считать первой русской летописью князя Осколда, начатой в год крещения русов. У Осколдова летописца был своеобразный счет событий от русского похода на Царьград в 860 г. «при Михаиле цесаре» и забытый впоследствии на Руси александрийско-болгарский счет лет «от сотворения мира». Летопись писалась вскоре после изобретения славянских письмен, и влияние Болгарии, очевидно, принимавшей какое-то участие в христианизации Руси, сказалось на ней.

Точному счету годов, «лето-писи», предшествовала недатированная часть, упоминавшая походы киевского князя на Царьград в 860 и 866 гг. Интересно то, что наиболее отдаленный по времени поход 860 г. сопровождается таким припоминанием: «Иногда приидеши из Киева...», т. е. «когда-то». Как далеко простиралась в глубь веков недатированная часть, мы, разумеется, никогда не узнаем, но, возможно, что, повествуя о славных деяниях русского князя Осколда (а *русским* князем тогда счи-

³⁵ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших летописных сводах, стр. 320—321. Шахматов считает, что превращение Аскольда и Диры в варягов произошло не ранее конца XI в., в своде 1093 г., а объединение этих двух князей — результат народного предания.

³⁶ М. Д. Приседков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 40.

³⁷ М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 77.

тали лишь того, кто княжил в Киеве) и печальном конце этого последнего представителя династии Киевичей, летопись IX в. могла начинаться лаконичным преданием о родоначальнике династии и основателе города — Кие. Сказание о Кие, Щеке и Хориве к этому времени уже стало достоянием литературы — оно было уже около сотни лет назад записано в Армении.

Восемь погодных записей о русских делах времен Осколда, охватывающих свыше двух десятков лет, образуют в своей совокупности нечто вроде «летописи Осколда», начатой в Киеве в год крещения русов в 867 г. и законченной гибелью князя от руки норманна.

Мы не знаем, насколько полны были эти записи, но, несомненно, они были лаконичны. Никакой явной тенденции в этой краткой регистрации фактов мы не наблюдаем: походы на Византию и походы наперерез варягам указаны просто, без всяких оценок и эпитетов.

Запись такой детали, как смерть сына Осколда, говорит, как мне кажется, в пользу подлинности и древности летописи.

Позднее к этим кратким записям, уместившимся, может быть, на свободном листе какой-нибудь церковной книги, были сделаны новгородские дополнения, затем неумело вставлены выписки из греческих хроник, добавлена легенда о Рюрике и его «династии». Но сквозь пеструю ткань этих поздних наслоений можно распознать предельно краткие, но в высшей степени интересные для нас записи, сделанные в Киеве во второй половине IX в. и отсылающие каким-то московским или новгородским книгоучеям в XVI в.

3

КИЕВСКИЙ ЛЕТОПИСНЫЙ СВОД КОНЦА X в.

Наряду с краткими и отрывочными погодными записями о наиважнейших событиях, записями, представлявшими лишь материал для будущих историков, в средневековой Руси существовали и настоящие исторические произведения — летописные своды.

Древний историк, бравшийся за составление свода, был и автором-летописцем (в отношении описания современных ему событий), и составителем-компилятором, и отчасти редактором по отношению к описаниям давних времен.

Нужно отметить одну характерную черту этих историков — они мало фантазировали на исторические темы, бережно относились к находившимся в их руках старым материалам и, на наше счастье, включали их без коренной переделки в свой окончательный текст. Если же они и редактировали или перекраивали по-своему старый текст, то делали это с таким чисто средневековым почтением к написанным буквам, что для исследователя остается возможность определить вставки, дополнения, сшивку разных кусков, грамматическую несогласованность и прочие следы редакторской работы.

В полной мере все эти минусы редакторской работы составителей летописных сводов были использованы А. А. Шахматовым в его замечательных текстологических работах.

Летописные своды первоначально представляли собой последовательные хронологические напластования: к древним записям добавлялись более поздние, каждое поколение летописцев, используя старое, добавляло к нему новое; летопись росла, как средневековый собор, строившийся веками.

Во всех видах сводов авторы их, разумеется, проводили свои взгляды, подчеркнуто обнаруживали свои симпатии и антипатии. Выявление исторических и политических концепций древних авторов является важной и настоятельной задачей³⁸.

³⁸ История выделения сводов и их частей хорошо изложена в указанных работах М. Д. При-селкова, Д. С. Лихачева и Л. В. Черепнина.

Труднее всего опускаться на большую хронологическую глубину; здесь каждое положение является гипотезой, каждая реконструкция основана не на подлинных рукописях, а на сумме догадок.

Первые исторические сочинения давно уже относили к X в. В последнее время к этой теме обратился Л. В. Черепнин. Он считает, что древнейший летописный свод создан не в 1037—1039 гг., как думали Шахматов и Приселков, а в 996 г., и что к составлению его мог быть причастен Анастас Корсунянин, настоятель Десятинной церкви в Киеве³⁹.

Гипотезу Л. В. Черепнина отверг А. Н. Насонов, считающий, что идейное и стилистическое единство текста о событиях X в. и о событиях первой трети XI в. не позволяет признать существование завершеного свода 996 г.⁴⁰

Этих же вопросов, но несколько подробнее, коснулся М. Н. Тихомиров, привлечший Устюжский летописный свод и по существу развивший далее гипотезу Л. В. Черепнина. В статье «Начало русской историографии» М. Н. Тихомиров выделяет два комплекса записей:

1. «Сказание о русских князьях X в.», охватывающее время от 945 до 978 г. и написанное до 1007 г.

2. «Повесть о начале Руси», охватывающую время от 780/802 г. (эпоха князя Кня) до 912 г. и написанную, возможно, около 1043 г.⁴¹

Третьим, дополнительным элементом, добавленным позднее, М. Н. Тихомиров считает легенду о призвании варягов и связанную с ней искусственную генеалогию «Рюриковичей».

Наиболее аргументированной мне представляется ранняя датировка «Сказания», для которого 1007 г. является предельно поздней датой. Менее обосновано, по вполне понятным причинам, допущение, что «Повесть о начале Руси» написана позднее, чем «Сказание», и что она будто бы как-то связана с неудачным русским походом на Царьград в 1043 г.⁴²

Статья М. Н. Тихомирова не отменяет гипотезы Л. В. Черепнина о существовании летописного свода около 996 г., но по-иному подходит к составу его, изымая из него всю древнюю часть до 945 г.

³⁹ Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет...» Главным аргументом автора является анализ «Похвалы Иакова мниха князю Владимиру», где описаны действия князя только до 996 г.

⁴⁰ А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 424, примечание. Следует отметить, что А. Н. Насонов не привел убедительных примеров такого единства и не объяснил наличие семнадцати пустых годов с 996 по 1013 гг.

⁴¹ «Вопросы истории», 1960, № 5, стр. 48—49, 54—55.

⁴² В статье М. Н. Тихомирова «Начало русской историографии» есть ряд неточностей. Так, например, придавая датирующее значение словам летописи о том, что русские князья владеют хазарами «до днешняго дни», М. Н. Тихомиров почему-то считает, что «в летописи последнее упоминание о хазарах относится к 1023 г.», ко времени Мстислава Тмутараканского (стр. 49). Общеизвестно, что хазары упоминаются и позднее: в 1083 г. Олег Святославич круто расправился с подвластными ему тмутараканскими хазарами («Повесть временных лет», ч. I, стр. 135). Следовательно, взимание дани с хазар «до днешняго дни» вполне могло относиться и ко времени Николая Тмутараканского, составителя свода 1073 г., и даже ко времени следующего свода 1095 г.

Второй пример: платеж Древлянами дани Вышгороду почему-то рассматривается как датирующий признак (там же, стр. 51 и 54). Но мы знаем, что и после окончательного присоединения земель к Киеву они продолжали платить дань. Так, Новгород в начале XI в. платил дань Киеву, хотя в нем и княжил на правах наместника сын киевского князя (там же, стр. 88—89). Впрочем, ненадежность некоторых аргументов не колеблет общих интересных выводов автора.

Отрицающая связь автора предполагаемого «Сказания» с Десятинной церковью (связь, допускаемую Л. В. Черепниным), М. Н. Тихомиров делает одну логическую ошибку: «Очевидно, тот, кто писал о каком-то месте, где похоронена была Ольга, не знал о перенесении ее мощей в Десятинную церковь». Это и является для М. Н. Тихомирова основанием отрицать гипотезу Черепнина. Но несколькими строками ниже Тихомиров сам доказывает (правда, не очень убедительно), что мощи Ольги перенесены лишь в 6515 (1007) г. Так как же мог автор свода в 996 г. знать, что через десять лет тело княгини будет захоронено в Десятинной церкви?

Разбирая вопрос о первом летописном своде, о времени и месте его возникновения, нам следует прежде всего обратить внимание на значительную цезуру в летописном изложении событий конца X и начала XI в.

Описание героических дел княжения Владимира оборвано и в «Повести временных лет» и в Новгородской летописи на 996—997 гг.; далее следует целый столбик пустых годов до 1013 г. включительно. Семнадцать лет княжения прославленного государя остались нам неизвестны. Только в пяти случаях кто-то другой, не автор красочного изложения 945—996 гг., а сухой регистратор похорон, сделал лаконичные записи о смерти лиц княжеского рода⁴³.

По одну сторону этих 17 пустых лет помещено описание усобиц между сыновьями Владимира после его смерти, а по другую — панегирики Владимиру, полуэпические сказания о богатыре-кожемяке, о хитрых белгородцах, о войнах с печенегами и государственной мудрости великого князя.

Очевидно, и «Повесть временных лет» и свод 1093 г., сохраненный Первой Новгородской летописью, опирались на источник, в котором итоги княжения Владимира подводились не ко времени его смерти в 1015 г., а к случайному, ничем не озаменованному 997 г. Это могло произойти только в том случае, если этим годом завершалось историческое повествование о живом герое, о князе, жившем «по устройению отьню и дедню», как написано в концовке этого летописного свода.

В существовании отдельного, самостоятельного подбора материалов до 996 г. убеждает не только наличие интервала в 17 лет, но главным образом то, что этот интервал падает на продолжение княжения Владимира, о котором мы так ничего и не знаем.

Трудно допустить, чтобы русские историки XI в., если бы они составляли свод в 1030-е годы, могли так резко разделить тридцатипятилетнее княжение Владимира на две части — достойную описания и недостойную. И в материалах у них не могло быть недостатка — ведь сами летописцы, если они были людьми среднего возраста, являлись младшими современниками Владимира, заставшими конец его княжения.

Предположение Шахматова о своде 1037 г., давно подвергнутое сомнению, никак не объясняет этого молчания летописи о 17 годах княжения «равноапостольного» князя. Наоборот, гипотеза Черепнина устраняет все неясности.

В дальнейшем я буду исходить из предположения, что какой-то этап летописной работы был завершен в Киеве в конце X в., хотя, разумеется, этот отрезок русской истории не остался в летописях неприкосновенным, и на него впоследствии часто посягали руки разных редакторов XI—XII вв.

Исторический материал, повествующий о событиях X в., очень неоднороден по своему характеру и крайне неравномерно распределен по годам.

Его можно подразделить на три группы:

1. Краткие записи о походах или о начале княжения нового князя.
2. Записи-рассказы (разной степени подробности) с элементами поэтической формы дружинного эпоса.
3. Пространные повести церковно-княжеского характера (например, повесть о крещении Ольги, «Речь философа» и др.).

Образцами записей первого типа могут служить, например, такие:

«В лето 6428. Поставлен царь Роман в Грекох.

А Игорь воеваше на Печенеги».

«В лето 6481. Нача княжити Ярополк».

⁴³ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 88; «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», М.—Л., 1950, стр. 168.

Всего таких записей 30; третью часть из них составляют болгаро-византийские сведения, главным образом о болгарском царе Симеоне, данные в последовательном порядке, но со спутанной хронологией. Думаю, что источником путаницы здесь, как и в «летописи Осколда», явился александрийский счет лет.

Одно из событий — взятие Симеоном византийской крепости Адрианополя (города Ореста, сына Агамемнона, как, щеголяя ученостью, добавляет летописец) — поставлено в летописи под 6423 г., т. е. по александрийскому счету 923 г. Адриано-поль был взят в 923 г.⁴⁴

Четыре других похода Симеона Болгарского поставлены в «Повести временных лет» с ошибками, всегда кратными восьми годам (причем ошибки возрастали по мере удаления от 923 г.):

6410 г. Подразумевался поход императора Льва на Симеона в 894 г. (ошибка 8 + 8 лет).

6422 г. Подразумевался поход Симеона на Царьград 913 г. (ошибка 8 лет).

6437 г. Пленение Фракии и Македонии Симеоном в 921 г. (ошибка 8 + 8 лет).

6450 г. Поход Симеона на Хорватию 926 г. (ошибка 8 + 8 + 8 лет).

Два последних похода поставлены в русской летописи на такие немыслимые сроки, которые ни по какому счету нельзя просто перевести на наше летосчисление, так как царь Симеон умер в 927 г. (по русско-византийскому счету — 6435 г.); поход на Македонию придется через два года после его смерти, а поход на Хорватию через 15 лет. Единственный путь расшифровки — это допущение, что ошибки и накопленные ошибок, кратных восьми годам (5508—5500) связаны с неоднократными переводами с болгарского счета на русский.

Болгарский александрийский счет прослеживается только в кратких записях о болгарских событиях. Византийские сведения приведены по обычному счету.

Вероятно, в числе тех источников, которыми мог пользоваться составитель свода 996—997 гг., были краткие записи о событиях болгарской истории, сделанные первоначально в александрийском летосчислении и неоднократно переведившиеся (с ошибками) потом на русский счет.

Обрываются эти записи на смерти царя Симеона в 927 г.

О русской части кратких погодных записей следует сказать, что они группируются почти исключительно вслед за первым годом княжения того или иного князя, что давно уже наводило на мысль об искусственности такой группировки.

Походы Олега—6391, 6392, 6393 гг.

Походы Святослава—964, 965, 966, 967 гг.

Походы Владимира—981, 982, 983, 984, 985 гг.

Возможно, что погодному изложению предшествовала только запись о начале княжения (может быть, даже с точным годом) и далее без указания дат перечислялись важнейшие походы нового князя, а даты были условно проставлены впоследствии другими лицами.

Хуже всего обстоит дело с описанием княжения Игоря Старого. Хронология здесь сильно нарушена, сбивчива; даже начало княжения недостоверно. Быть может, на 920—930-е годы приходился какой-то перерыв в записях или эти записи не были известны позднейшим летописцам.

То обстоятельство, что русские записи X в. сплелись с датированными записями о болгарских и греческих делах, может говорить, во-первых, о том, что это произошло в том же X столетии, а во-вторых, о существовании погодных записей с датами (может быть, не всегда).

⁴⁴ В. Н. Златарский, уточняя дату, установил, что на самом деле длительная осада Адрианополя завершилась не в 923, а в 922 г., но для нас это не существенно, так как первая дата (923 г.) опирается на показания источников (см. В. Н. З л а т а р с к и й. Указ. соч., стр. 439).

Конечно, нельзя отрицать и другой возможности: что все даты, все записи, имеющие вид летописных помет, могли быть сделаны в конце века по припоминаниям, сказаниям и генеалогическим расчетам.

Вторую группу летописных материалов X в. составляют более пространственные записи, насыщенные дружинно-рыцарскими особенностями стиля. Здесь мы найдем и панегирические характеристики героев, и патетические обращения князей к дружине, и драматизм в изложении событий, и ряд незначительных деталей, делающих более рельефными художественные стороны изложения. К этим записям относятся рассказы о Вещем Олеге (911 г.), описание смерти Игоря, мести Ольги, поэтическое воспевание князя-витязя Святослава и подробные рассказы о мудром правлении Владимира.

Однако, несмотря на общие черты, являющиеся чертами жанра, все эти многочисленные рассказы-сказания никак нельзя отнести к творчеству одного лица. Создается впечатление, что это — устные полупоэтические сказания, «хвалы» или «славы» князьям и их воеводам, вроде Претича, Волчьего Хвоста, Свеналда, сложенные на протяжении X в. при киевском дворе и хорошо известные в конце столетия.

Свод 996—997 г. представляется мне феодальной, дворцовой параллелью Владимирову циклу былин, возникшему в те же годы. Иногда сквозь летописную форму как будто бы ощущается некоторый ритм эпического сказания.

В сказании о смерти Олега:

«То ти неправо глаголють вольсви,
Но все то лъжа есть:
Конь умерл есть, а я жив». —
И повеле оседлати конь:
«А то виюю кости его».

Начало княженья Святослава:

Ольга с сыном своим Святославом
Собра вои много и храбры,
И иде на Деревьску землю.
И изидоша Деревляне противу.
И снемшемася обема полкома на скупь,
Суну копьем Святослав на Деревляны.

Характеристика Святослава:

Князю Святославу възрастшу и възмужавшу,
Нача вои совкупляти многи и храбры,
И легко ходя, аки пардус, войны многи творяше.
Ходя, воз по собе не возяше ни котъла, ни мяс варя,
Но, потонку изрезав, конину ли, зверину ли или говядину на углях испек
ядяше.
Ни шатра имяше, но подъяклад постлав и седло в головах ⁴⁵.

Эпический ритм ощущается не только в летописи; в «Похвале Владимиру Иакова мниха» есть такие ритмические строки о князе Владимире:

Идеже идяше, одолеваше:
Радимичи победи и дань на них положи,
Вятичи победи и дань на них положи на обоих;
И Ятвягы взя, и Сребренные Болгары победи,
И на Казары шед, победи я и дань на них положи... ⁴⁶.

⁴⁵ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 29—30, 42, 46.

⁴⁶ «Память и похвала князю русскому Володимеру...» (см. Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви, т. I, первая половина. Изд. 2-е, М., 1901, стр. 244).

Сохраненные нам письменными памятниками X—XII вв. элементы придворного эпоса не представляют, разумеется, полной записи древних сказаний во всей их неприкосновенности. Книжная форма заглушает их подлинный ритм, ощущаемый лишь в отдельных случаях. Как и в былинах XI—XII вв., в этих сказаниях мы можем уловить несколько различных тенденций.

Яснее всего ощущается киевская дворцовая тенденция прославления великого князя Киева. «Славой» киевскому князю является сказание о походе Вещего Олега на Царьград в 911 г., о смелых походах быстрого, как пардус, Святослава, о борьбе Владимира с печенегам и Византией.

Церковное направление представлено прежде всего вставными повестями (о крещении Ольги, о выборе веры, «Речь философа»), по всей вероятности позднейшего происхождения, и отдельными поучительными сентенциями, добавленными к эпическим сказаниям (что так же могло произойти в последующие столетия).

Наибольший интерес для нас может представить борьба двух тенденций — проваряжской и антиваряжской.

Два варяжских конунга X в. имели и сторонников и врагов среди киевского населения — это Олег и Свенельд. Имя Олега связано с удачным походом 911 г. на Царьград. Поход осуществлялся соединенными русскими силами: Полянами, Северянами, Словенами, Кривичами, Древлянами, Радимичами, Вятичами, Хорватами, Дулебам и Тиверцами; в нем принимали участие Чудь и варяжские отряды. В самом описании похода (помещенном в «Повести временных лет» ошибочно под 907 г.) слились эти две тенденции. С одной стороны, говорится о бессмысленных мучениях, которым подвергали пленных греков; это близко к описаниям тех полуритуальных кровавых побоищ, которые были так связаны с именем норманнов. Языческий характер действий Олега подчеркнут в этом отрывке словами об уничтожении им церквей. И тут же рядом помещено прославление Олега, повесившего свой щит на воротах Царьграда, и неожиданное уподобление его святому Дмитрию Солунскому.

Вероятно, в летописных статьях сплелось несколько разных источников, в числе которых было устное сказание об удачливом киевском полководце из варягов, дополненное впоследствии церковными мотивами.

Второй крупной фигурой X столетия был варяг Свенельд (Свѣньделд, Свѣндел, Свѣнелд), служивший в качестве воеводы Игорю, Ольге, Святославу и Ярополку и являвшийся на протяжении этих трех десятков лет своего рода мажордомом киевских князей.

Свод 1093 г. сообщает о том, что Свенельд получил право сбора дани с Древлян и Уличей, упоминает его в качестве правителя-воеводы при Ольге. Первое сражение Святослава связано с именем Свенельда: князь-ребенок символически бросил копье в сторону Древлян, а воевода сказал: «Князь уже почал. Потягнем, дружина, по князе!» С его же именем связана и гибель Святослава: когда Святослав, заключив мир с Цимихием, собрался идти с войском в Киев, то Свенельд предостерегал его: «Поиди, княже, на конях около, стоять бо Печенезе в порозех». Князь не послушал совета, пошел в ладьях по Днепру и погиб в тех самых порогах. Все приведенные места в летописи говорят об уважительном отношении к Свенельду. Может быть, и не стоит называть прославление Олега и Свенельда проваряжской тенденцией в летописи, так как их норманское происхождение не подчеркивалось (Свенельд даже не назван варягом), а «хвалы» им вполне объясняются их положением князя и воеводы, но наличие противоположной тенденции в отношении этих же двух лиц, которую нельзя объяснить иначе чем нелюбовью к варягам, позволяет предполагать, что наемная варяжская гвардия и ее вождь, захвативший на время киевский стол, были предметом разногласий в русском обществе X в. Антиваряжская тенденция проявилась уже в первом упоминании Олега, когда он, прикинувшись кучком, убил Осколда.

Сказанием, проникнутым народными, фольклорными мотивами, является известный рассказ о смерти Олега. Во-первых, читателя должно было удивить странное равнодушие летописца к месту смерти Олега.

После похода 911 г. победитель Царьграда не остался в Киеве, а «иде Олег к Новгороду и оттуда в Ладогу. Друзии же скажут, яко идущю ему за море и уклону змяя в ногу и с того умре; есть могила его в Ладозе»⁴⁷.

В «Повести временных лет» его могила оказывается уже в Киеве на Щековице. Это, по-видимому, является позднейшим осмыслением каких-то киевских топонимических примет, так как более ранний свод 1093 г., составленный тоже в Киеве, уводит Олега далеко на север, куда-то не то в Ладогу не то в Швецию и ни слова не говорит о погребении в Киеве⁴⁸. Нет лучшего аргумента против утверждений норманистов о создании норманнами Киевской Руси, чем это пренебрежение Олега к Киеву, его стремление в полуваряжскую Ладогу и Швецию, и пренебрежение самих русских летописцев к судьбе мнимого «основателя» киевского государства.

Легенда о смерти Олега явно направлена против князя. Героем оказался не сам князь, а его конь, через посредство которого действовали неумолимые вещие силы. Легенда построена на противопоставлениях: с одной стороны — князь, прозванный «Вещим», сюзерен ряда «светлых князей», триумфатор, возвратившийся из похода на греки с золотом, шелком и мирным договором, а с другой — всего-навсего лошадь. Узнав о предсказании, князь принял нужные меры, отослал коня, а после похода укорил кудесника. Но составитель сказания считал, что волхвы и кудесники Русской земли не ошибаются. Орудием исполнения вещей воли избран конь, т. е. символ добра, благожелательности к человеку, образом которого наполнен весь русский крестьянский и феодальный фольклор и народное искусство.

Тот самый конский череп, на который «въступи ногою» великий князь, действует в фольклоре как источник благ, охранитель сирот, податель мудрых советов. Славянская археология знает ряд случаев, когда конский череп зарывался под угол дома, очевидно, в качестве могучего оберега. Добрых людей конь или его череп или бронзовый оберег — амулет в виде коня — всегда охраняет от зла. А здесь?

«От сего ли лба смерть было взяти мне?». И неумолимая смерть, предреченная волхвами могущественному князю, здесь-то и настигла его.

Для нас несущественно сейчас то, что это — бродячий сюжет, широко разошедшийся по разным землям; важна его русская трактовка, важно то имя, которое подставлено в русском варианте в общую схему. Этим именем оказалось имя норманского конунга Олега, незаконно и лживо овладевшего Киевом. Волхвы Русской земли предрекли ему ужасную смерть — от любимого коня, и смерть покарала его «на пятое лето» после прославившего его похода, а орудием богов был конский череп. Рассматривая сказание на фоне русского фольклора, можно прийти только к одному выводу — замысел и образительные средства сказания выбраны с таким расчетом, чтобы показать смерть Олега как возмездие Русской земли варягу-находнику, вина которого не могла быть искуплена даже щитом на вратах Царьграда.

Даты смерти Олега в сказании о коне и в остальных текстах летописей не согласованы. Летописи колеблются между 6420 (912) и 6430 (922) г., а сказание говорит о «пятом лете» после похода на Грецию, дата которого точно определена договором 911 г., т. е. о 916 г. Напомню, что именно с 916 г. в «Повести временных лет» начинается длинный ряд пустых годов. Может быть, это и есть истинная дата смерти Олега?

⁴⁷ «Новгородская первая летопись», стр. 109.

⁴⁸ «Олегова могила» в Киеве на Щековице не могла быть связана ни с одним из русских князей. Князья-язычники (а только они и погребались в отдельно стоящих «могилах»-курганах) нам известны: о Вещем Олеге речь уже шла, а Олег Древлянский был похоронен в кургане под Искоростенем. Все Олеги после принятия христианства хоронились, естественно, не в курганах, а внутри церкви.

Из крупных киевских бояр языческой поры можно назвать воеводу Олега, участвовавшего в походе Владимира на Корсунь и посланного прямо из-под Херсонеса послом в Константинополь: «...И после Олга воеводу своего с Ждьберном в Царьград к царем, просити за себе сестры их» («Приложное житие Владимира по Румянцевскому списку». См. Е. Голубинский. Указ. соч., т. I, первая половина, стр. 246). Вот этому воеводе Олегу и мог принадлежать курган на Щековице.

Против второго варяга — Свенельда — в летописи тоже накопилось много горьких слов. Это он возбудил зависть киевских дружин и косвенно стал причиной смерти князя Игоря, это он бежал с поля битвы, бросив Святослава на растерзание печенегам, это он, всевластный мажордом, разжигал вражду между братьями и добился смерти юного Олега Святославича, воспетого в былине «Вольга и Микула», в одном из вариантов которой назван и Свенельд — «черный ворон Сантал». Та антиваряжская тенденция, которая прослежена нами в былинах, есть и в летописных текстах, описывающих события X и начала XI в. Очень трудно сказать, когда возникли или когда вплелись в летописную ткань антиваряжские сюжеты. Мы не знаем, какого направления придерживался составитель свода 996—997 гг., но судя по записям о начале княжения Владимира — записям, изобилующим подробностями и сделанным современником, сам Владимир с варягами не церемонился. Варяги были наняты им для войны с Ярополком, варяги совершили убийство Ярополка во дворце, но когда наемные отряды попробовали заявить о своих правах, то получили от князя решительный отпор.

«Реша варязи Володимеру: „Се град наш [Киев] ѿ мы прияхом и да хоцем имати окуп на них по две гривне от человека“. И рече им Володимер: „Пождите, даже вы куны сберуть за месяц“». Князь не позволил варягам самим «имати окуп», взял сбор кун в свои руки, а через месяц выгнал наемников и предупредил византийского императора, что варяги идут в Константинополь; он просил цесаря не пускать их обратно на Русь.

Весь этот рассказ (кроме одной интерполяции о будто бы имевшей место раздаче городов знатным варягам) проникнут антиваряжской тенденцией.

Освобождение от дерзких и требовательных наемников преподнесено летописцем как первый государственный акт молодого князя.

Вполне возможно, что и предполагаемый летописный свод 996—997 гг. уже сохранил изложение общенародных антиваряжских воззрений.

Рассматривая сумму летописных сведений о событиях X в., большая часть которых могла стать нам известной при посредстве киевского летописного свода 996—997 г., мы не можем не обратить внимания на то, что в этих сведениях есть отрицательные характеристики важнейших персонажей киевской истории того столетия.

Трудно возвести к киевской придворной летописи такую оценку киевского князя, деда Владимира Святого, Игоря Старого, какую мы находим в своде 1093 г.: подстрекаемый своими завистливыми дружинниками, Игорь отправился в полюдье к Древлянам «и *насилъце им* и мужи его», затем он возвращается, «*желая большаго имениа*». Древляне называют его на своем вече волком, а ему напоминают о существующих правовых нормах: «Почто идеши опять, поймал еси всю дань». Смерть Игоря показана как возмездие за нарушение прав древлянского народа.

Игорю противопоставлены древлянские князья: «Бяше бо муж твой, — говорят древляне Ольге, — акы *волк, восхыщая и грабя*, а наши князи добры суть, расплодили землю нашу»⁴⁹. Мнение Древлян об Игоре, как о хищном волке, ничем в летописи не опровергнуто, ничто ему не противопоставлено.

Княгиня Ольга показана исключительно жестокой и мстительной. В той повести, где описывается ее крещение, нет ни одного слова раскаяния, сожаления о совершенных кровавых делах; расказ о мести Ольги древлянам и расказ о крещении существуют каждый сам по себе, без согласования; они механически присоединены друг к другу. Поэтому нельзя сказать, что у составителя был замысел противопоставить Ольгу-язычницу Ольге-христианке, и нельзя этим объяснить чудовищную месть вдовы Игоря.

⁴⁹ «Новгородская первая летопись», стр. 111.

Весь летописный рассказ о Древлянах, Игоре и Ольге написан одной рукой, с одних позиций — с позиций не киевлянина, а стороннего наблюдателя, сочувствующего Древлянам и порицающего жадность и вероломство князя и коварство и жестокость княгини.

Если первая часть повествования (Древляне — Игорь) построена, как мы видели, на резких контрастах, то вторая часть (Древляне — Ольга) еще более усиливает контрастность. Древляне хотят примириться с Киевом, взять Ольгу в жены своему князю Малу (очевидно, владельцу города Малина) и посылают послов. Ольга же «повеле засыпати их живых». Второе посольство, состоявшее из цвета древлянской знати, было сожжено живьем в бане. По закону фольклорной трикратности в сказание введена и третья расправа Ольги: приехав в Древлянскую землю, Ольга пригласила древлян на поминки по мужу в Искоростень и в разгар поминального пира «повеле дружине сечи древляны и итьсекоша их 5 000»⁵⁰.

В итоге всего сказания читатель или слушатель его неизбежно приходил к выводу, что Древляне пострадали за правое дело, отстаивая установившиеся правовые нормы и ограничивая волею ненасытность киевского князя; жестокости Ольги противопоставлены мирные намерения Древлян. Даже с поправкой на отличные от наших моральные принципы феодальных дружин X в., когда жестокость могла рассматриваться как необходимое качество монарха, даже с такой поправкой повествование о печальной судьбе древлянской племенной знати трудно приписать киевскому автору, стороннику Игоря и Ольги.

Большой интерес представляют устные эпические сказания об Олеге, которые записал Н. Коробка в окрестностях летописного Искоростеня⁵¹. Народная переработка древней эпической основы привела к изменениям ситуации — Ольга в этих овручских записях сама поссорилась с Игорем и убила его. С летописью связывает мотив зажжения города с помощью воробьев, известный по «Повести временных лет».

Живучесть древнего предания, хотя и в измененной форме, в древлянских лесах может говорить о том, что тысячу лет тому назад, возможно, и сама основа предания близкая к летописной фиксации ее, сложилась в этих же лесах земли Древлян. Этим местным древлянским происхождением основы сказания (или «Плача о гибели древлянских князей», как можно было бы его назвать) объясняется и та отрицательная характеристика, которая дана великому князю киевскому Игорю.

Тот же древлянский дух чувствуется и в описании борьбы Олега Святославича со Свенельдом и Ярополком в 975—977 гг. События, послужившие основой народной былины о Вольге Святославиче и Микуле Селяниновиче, описаны в летописи с позиций не киевского воеводы Свенельда (как это было в рассказе о гибели Святослава), а с позиций «Вольги» — Олега Древлянского, охранявшего свои права на Древлянскую землю от посягательств Люта Свенельдича и, очевидно, опиравшегося в неравной борьбе на древлянское крестьянство, обобщенное в эпическом образе Микулы Селяниновича.

В своде 1093 г. дважды сказано о том, что князь Игорь «дасть же дань Деревскую Свенделду и имаша по черне куне от дыма» (944 г.). «Въдасть дань Деревскую Свенделду тому же», т. е. тому, который, кроме Древлянской, получил и Уличскую дань (942 г.)⁵². Следовательно, судьбы Свенельда и Древлян были сплетены между собой еще при жизни Игоря. Получается даже так, что Игорь в злополучном для него 945 г. пошел в полюдье уже после того, как землю Древлян обобрал Свенельд и «изодел своих отроков оружием и порты». Во всяком случае, ко времени Олега Древлянского земля Древлян насчитывала уже несколько десятков лет знакомства с могущественным и жадным киевским воеводой.

⁵⁰ «Новгородская первая летопись», стр. 111—112.

⁵¹ Н. И. К о р о б к а. Сказания об урочищах Овручского уезда и былины о Вольге Святославиче. Житомир, 1898.

⁵² «Новгородская первая летопись», стр. 109, 110.

Летописец, обвиняя в гибели Олега воеводу Свенельда, старается выгородить киевского князя Ярополка, родного брата Олега. Симпатии к Ярополку переходят и в описание борьбы его с Владимиром. Не обвиняя прямо Владимира, летописец все же самым подбором фактов воздействует на оценку событий читателем: Владимир использует подкуп Ярополчегго воеводы Блуда, он заманивает брата во дворец, и там его убивают наемники-варяги, он овладевает беременной женой убитого брата. Снова, как и в ситуации Ярополк — Свенельд, где главным виновником был выставлен не сам князь, а его воевода, так и в ситуации Ярополк — Владимир главное обвинение автора направлено не на князя Владимира, а на воеводу-изменника Блуда.

Где же нам искать автора той части летописных легенд, сказаний и подробных рассказов, в которых Игорь, Ольга, Свенельд и отчасти даже Владимир обрисованы черной краской, Древлане и Олег Древланский — светлой, а Ярополк, быстро превратившийся из убийцы брата в жертву другого брата, очерчен мягкими полутонами? Прямого и ясного ответа на этот вопрос мы не получим, но приблизиться к предположительному ответу мы, мне кажется, можем при помощи все той же Никоновской летописи.

В составе сведений Никоновской летописи, не занесенных на страницы более ранних сводов, на пространстве 978—1008 гг. есть три группы кратких записей, отличающих только этот тридцатилетний отрезок летописи.

Это записи о посольствах (в том числе и от римского папы), о печенегах и крещении печенежских ханов и, наконец, сведения о природе.

Несмотря на полную независимость этих групп друг от друга, их все же следует рассматривать совместно, так как они внезапно появляются все вместе в последние годы княжения Ярополка (978—979 гг.) и продолжаются до 1004 и 1008 гг. Затем подобные сведения исчезают со страниц летописи до конца XI в., и тогда они уже не образуют такого связанного комплекса, а встречаются эпизодически.

В приводимый ниже перечень я ввожу эти три группы сведений (о послахе, о печенегах и о погоде) и некоторые другие, которые трудно объединить в особую группу, но не ввожу некоторых рассуждений Никоновской летописи иного происхождения (например о патриархе Фотии)⁵³.

978 г. — 6486. Победы Ярополк Печенеги и возложи на них дань.

Прииде Печенежский князь Илдея и би челом Ярополку в службу; Ярополк же прият его и даде ему грады и власти и имяще его в чести велище.

Того же лета приидоша послы от Греческого царя к Ярополку, взяша мир и любовь с ним и яшася ему по дань (?) якоже и отцу его и деду его.

Того же лета приидоша послы к Ярополку из Рима от папы.

Того же лета быша знамения в луне и в солнце и в звездах; быша грома велици и страшны и ветры сильны с вихром и много пакости бываху человеком и скотом и зверем лесным и полским.

991 г.⁵⁴ Приидоша из Грек в Киев к Володимеру каменосечцы и зиздатели палат каменных.

Бысть наводнение много.

Прииде Печенежский князь Кучюг (иже нарицаются Измаилити) в Киев и прият веру Греческую и крестися... и служаше Володимеру чистым сердцем и много ня поганые одоление показа и любляще его Володимер и почтиша зело и вси князи и бояре почитаху и любляху его.

Приидоша к Володимеру послы из Рима от папы с любовию и честию.

⁵³ «Никоновская летопись», стр. 39, 64—66, 68—69; К. Н. Б е с т у ж е в - Р ю м и н. Указ. соч., стр. 15—34.

⁵⁴ Записи 990 г. Бестужев-Рюмин считает искусственно вставленными позднее (указ. соч., стр. 23), и я не ввожу их сюда.

- 992 г. Посла Володимер на Печенеги и одолеша им и возвратишася с победою и радостию к Володимеру (?)
 Того же лета приидоша послы к Володимеру от Болеслава Лятцкого.
 Того же лета приидоша послы от Андриха Чежского с любовью к Володимеру в Киев.
- 994 г. Ходи Володимер на Болгары и много ратовав их победи и възвратися с радостию в Киев.
 Бысть сухмень велик и знойно добре.
 Послы Володимеровы придоша в Киев, иже ходиша в Рим к папе.
- 996 г. [К летописной статье 991 г. о построении Владимиром Белгорода здесь сделано добавление]: ... и постави в нем церковь Преображение Христово.
- 997 г. Ходи Володимер на Болгары Воложские и Камские и одолев плени их.
- 1000 г. Бысть паводь велия.
 Приидоша послы от папы Римского и от королей Чежских и Угорских.
- 1002 г. Родися Святославу сын Ян.
 Бысть течение звездам.
 Быша дожди многи.
- 1004 г. Идоша Печенежи на Бельград...
 Того же лета митрополит Леонт посади в темницу инока Андреяна скопца...
 Знамение бысть в солнци и в луне и в звездах.
 Андриха Добрянкова отравою смертною окормиша свои его слуги.
 Убиен бысть Темир, князь Печенежский, от своих сродник.
- 1008 г. Митрополит Иоан постави церковь камену в Киеве святых апостол Петра и Павла.
 И в Переяславли постави церковь камену Воздвиженье честного креста.
 Быша пружи мнози.
-

На этом обрываются те сведения, иногда важные, иногда незначительные, которые московские историки XVI в. почерпнули дополнительно не из известных нам списков, а из каких-то иных, только ими в XVI в. открытых источников.

Конечно, эта летопись 978—1008 гг. в приведенном выше виде очень неполна — во-первых, она могла быть не полностью включена в Никоновскую: во-вторых, я исключил из перечня «излишков» Никоновской летописи те сомнительные известия, которые, по моему мнению, трудно возвести к X — началу XI в. (о патриархе Фотии, об Александре Поповиче, о Ростовской земле), но при этом я легко мог ошибиться; в-третьих, в данный перечень не попали те сведения 978—1008 гг., которые *есть* в «Повести временных лет» или в Новгородской первой летописи и которые *воплне могли быть* и в рассматриваемом нами источнике. Здесь могла быть и такая запись, как: «В лето 6481. Нача княжити Ярополк», имеющаяся в «Повести временных лет», и рассказы о борьбе Ярополка с Олегом или Владимира с Ярополком, упомянутые выше. Кстати, к последнему рассказу в Никоновской летописи есть очень важное дополнение. Когда Ярополк узнал в 980 г. о том, что его младший брат Владимир поднял на него руку:

«... слышав же сна Ярополк, от брата своего *меншаго* Владимира, смутися и нача совокупляти вои многы, *бе бо и сам храбор велми.*

И рече ему воевода его Блуд: «Отнюдь не может противу тебе стати брат твой *меньший* Володимер, *яко же синица на орла брань сотворити...*»⁵⁵.

⁵⁵ «Никоновская летопись», стр. 39.

Данный отрывок по своему стилю легко сливается со всем остальным повествованием и, быть может, когда-то составлял с ним одно целое. Автор здесь, как и в остальном рассказе, сочувствует Ярополку, подчеркивает его старшинство и заранее определяет, что истинным виновником кровавой трагедии будет воевода-изменник Блуд, уговаривавший князя не собирать своих дружин, «лукавством глаголаша к господину своему Ярополку, бе бо уласкан и улщен Владимиром»⁵⁶.

Быть может, именно излишнее восхваление Ярополка, неуместное подчеркивание старшинства (а следовательно, и законных прав на Киевский стол) убитого Владимиром великого князя и послужили причиной того, что этот важный кусок повествования остался неиспользованным придворным историком Владимира?

Если принять допущение, что приведенные выше летописные записи отражают (в какой-то мере) самостоятельный источник, частично использованный сводом 1093 г., а может быть и сводом 996—997 гг., то для нас очень важно будет определить время и место его составления.

Что касается времени, то оно, пожалуй, довольно достоверно определяется тем комплексом второстепенных признаков, по которым и был выделен этот источник — 978—1008 гг. Определяя место его составления, мы должны исключить, во-первых, двор князя Владимира по изложенным выше причинам, а во-вторых, и канцелярию киевского митрополита.

Невозможная путаница имен митрополитов Михаила и Леона, упоминание патриарха Фотия как современника Владимира, хотя он умер за сто лет до него, и, наконец, желание довести до сведения читателя все посольства римского папы — это совершенно исключает участие провизантийских кругов митрополичьей канцелярии. Я сказал бы даже, что, может быть, именно в этой канцелярии и отсеяли когда-то неприятные для греков сведения о папских легатах.

Одна из фигур, с которой можно связывать начало нашей летописи — это, конечно, киевский князь Ярополк Святославич (972—978/980 гг.). Историкам середины XI в. был точно известен не только год, но и месяц и даже день смерти Ярополка — 11 июня 6486 (978) г. («Похвала Иакова мниха»), и, очевидно, у Иакова мниха были в руках точные записи, отличающиеся от суммарной и небрежной хронологии других летописцев.

Ярополк — первый русский князь, относительно которого у нас есть такие точные сведения.

М. Грушевский, задавая вопрос — откуда мог быть известен точный день смерти Ярополка, считает, что Ярополк, воспитанный бабкой-христианкой и женатый на христианке, мог и сам быть христианином (об этом есть ненадежные сведения Иоакимовской летописи XVII в.), а факт крещения Ярополка, или хотя бы его склонности к христианству, мог объяснить живой интерес к этому князю как со стороны папы Бенедикта VII, так и со стороны византийского императора, одновременно приславших свои посольства к Ярополку в Киев⁵⁷.

Но Ярополк был убит, а летопись с теми же характерными отличиями (интерес к посольствам, явлениям природы и печенежским делам) продолжалась еще три десятка лет.

Обратим внимание на то, что новый сгусток записей приходится на 991—992 гг. — годы учреждения первых епархий на Руси, когда и вне Киева появились церковные центры и возможности летописания в разных русских городах соответственно расширились.

Где искать ту епископскую кафедру, при которой могла вестись подобная летопись?

Интерес и симпатии автора к Древлянам заставляют искать ее поблизости от Киева, где-то западнее столицы, где уже в одном дне пути начинались земли Древ-

⁵⁶ «Никоновская летопись», стр. 39.

⁵⁷ См. М. С. Грушевский и др. История Украины — Руси, т. I. Львів, 1904, стр. 548.

лян. Регистрация папских посольств тоже позволяет обращаться к землям западнее Киева.

Тонкую путеводную нить дает в наши руки запись 1002 г.: «Родися Святославу сын Ян». Никем из двенадцати сыновей Владимира летописец не интересовался настолько, чтобы отметить дату рождения сына, ничем впоследствии не известного. Речь идет здесь о князе Святославе Владимировиче, которого отец посадил «В Деревех», т. е. в Древлянской земле. Матерью Святослава была Малфрида, одна из жен Владимира, удостоенных записи в летописи после смерти:

«В лето 6508 [1000 г.] преставися Малѣфрѣдъ.
В се же лето преставися и Рогнедь, мати Ярославля»⁵⁸.

Имя Рогнеды потребовало пояснения, что она — мать Ярослава Мудрого, а Малфрида, очевидно, была достаточно известна и оставлена в тексте без комментариев. Из «Повести временных лет» выясняется, что мать Святослава — «чехиня».

Тверской летописец поясняет:

«И посади Вышеслава, иже от Чехьни... в Новгороде... *Святослава*,
иже от *другые Чехьни в Деревех...*».

У Татищева:

«Преставися *Малфреда Чехиня, мать Святославля*»⁵⁹.

То, что в разных летописях сохранились записи о матери и сыне Святослава Древлянского, может быть, не следует считать случайностью — возможно, что при этом князе кто-то продолжил летопись его дяди Ярополка.

Чешское происхождение княгини Малфриды может объяснить и еще одну запись об Андрихе Добрянкове, отравленном своими слугами. Андрих — имя, несомненно, чешское, и упоминание этого боярина в летописи Святослава Древлянского, сына «чехини», (причем упоминание без всяких пояснений, как лица известного автору и читателям), вполне естественно. Так же естествен при дворе Святослава Древлянского и Малфриды-чехини интерес к посольствам папы, Андриха Чешского и Болеслава Польского⁶⁰.

Одно из предположений оставлено мною на полпути. Это мысль о том, что продолжение летописи Ярополка как-то связано (по крайней мере хронологически) с учреждением епископских кафедр. В Древлянской земле не было кафедры. Мы даже не знаем, где жил Святослав Древлянский — все «Володимеричи» расписаны по городам, а о нем сказано только, что он помещен в «Деревех», без указания на Искоростень или Овруч, что было бы естественно, если бы князь жил в одном из них.

Можно предполагать, что Святослав жил или при отце в Киеве или же в каком-то ближайшем к Древлянской земле городе. Он должен быть где-то на юге, поближе к печенежским степям, так как в летописи трижды говорится о печенежских делах (не считая походов): в 979 г. крестился печенежский хан Илдея, в 991 г. — хан Кучюг, а в 1004 г. сообщается о том, что хан Темир был убит своими родичами.

Для того, чтобы быть столь осведомленным в делах печенегов, нужно было находиться где-то поблизости от их кочевий. В летописи 978—1008 гг. есть дополнительные данные о двух городах — о Переяславле и о Белгороде. Переяславль должен отпасть, так как он, во-первых, был тогда резиденцией митрополита, а во-вторых, далеко расположен от Древлян и, кроме того, редко упоминался в летописи X в.

Белгород многократно упоминается на страницах летописей при описании событий рубежа X и XI вв. Выше были приведены выписки из Никоновской летописи,

⁵⁸ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 88.

⁵⁹ К. Н. Б е с т у ж е в - Р ю м и н. Указ. соч., стр. 19, 22; В. Н. Т а т и щ е в. Указ. соч., кн. II, стр. 89.

⁶⁰ В 1015 г., когда Святополк начал истребление братьев, Святослав Древлянский был достигнут в Карпатах. Возможно, что он хотел скрыться у своих западных родичей.

дающие *дополнительные* сведения *сверх* того, что есть в общеизвестных сводах XI—XII вв. Но у нас не может быть уверенности в том, что составители сводов — Никон, игумен Иоанн, Нестор, Сильвестр и другие — ничего не знали об этих дополнительных материалах и ничего из них не почерпнули. Они могли отбросить, не включить в свой свод некоторые несущественные мелочи или одиозные материалы, вроде посольств из Рима, но вполне могли воспользоваться данными о большой русской крепости, ставшей сразу после постройки и резиденцией епископа. Поэтому полезно рассмотреть все сведения о Белгороде за время, обозначенное крайними датами исследуемой нами летописи.

991 г. («Повесть временных лет»): «Володимер заложи град Белгород и наруби в нь от инех городов и много людий сведе в нь бе бо любя град съ».

992 г. (Никоновская летопись): «Того же лета поставил Леонт митрополит киевский и всея Руси Чернигову епископа Неофита, а в Ростов постави епископа Феодора, а в Володимерь Стефана, а в *Белград Никиту...*».

996 г. (Никоновская летопись). Рассказ о постройке Белгорода дополнен: «... и постави в нем церковь Преображение Христово».

997 г. («Повесть временных лет»): «В се же время уведеша Печенежи, яко князя нету, придоша и сташа около Белагорода...».

999 г. (Никоновская летопись): «*Придоша Печенежи на Белград*».

Подробный рассказ «Повести временных лет» в Никоновской летописи записан в краткой форме: белгородцы «глада ради восхотеша предатися и един же от них домыслився, повеле ископати два кладези и постави в них по кади и един наполнив цежа кисельного (сиречь киселя невареного), а другой — сыты. И введоша Печенеги во град и показаша им кладези, глаголюще, яко сиа пища безпрестани нам от земля исходит и почръпше пред ними и свариша. И сами едоша и печенегом даша. Они же ядше и к прочим везоша и, удивившася, идеша прочь».

1004 г. (Никоновская летопись): «*Идоша Печенежи на Белград...*»⁶¹.

Ни один из городов вокруг Киева не пользовался такой известностью у летописцев, как Белгород⁶².

Белгород на Ирпени был расположен на окраине земли Древлян, на опушке большого древлянского лесного массива. С другой стороны, Белгород был форпостом против печенегов, огромным военным лагерем, охранявшим южные подступы к Киеву. Все печенежские дела должны были быть близки жителю этого города. И ни одно западное посольство не могло миновать его. Одним словом, Белгород удовлетворяет всем условиям наших поисков.

В 991 г. на Руси были учреждены епархии в крупнейших древних центрах, имевших особое управление посредством князей-наместников, сыновей Владимира (Новгород, Ростов, Чернигов, Владимир Волынский, возможно, Туров и Полоцк). Исключение составлял Белгород, который не был древним центром, и нам неизвестно, был ли в нем наместник-княжич. Но Белгород стал центром епархии и епископом туда был назначен Никита⁶³.

⁶¹ Нельзя возводить к этой летописи несколько более позднее свидетельство о том, что Владимир-язычник был «побежен похотью женскою» и имел 300 наложниц в Вышгороде и 300 в Белгороде, а 200 на Берестове. Помещенное под 980 г. в «Повести временных лет», оно относится к более позднему времени, когда Рогнедино село стало селом Предславиным, т. е. когда-то после 1000 г. Предслава Владимировна упоминается в 1015—1018 гг.

⁶² Раскопки в Белгороде показали, что это был большой, хорошо укрепленный город и военный лагерь (см. Н. П о л о н с к а я. Археологические раскопки В. В. Хвуйко 1909—1910 гг. в местечке Белгородке. М. 1911).

⁶³ См. Е. Г о л у б и н с к и й. Указ. соч., т. I, первая половина, стр. 334—338, 668.

С другой стороны, таким же единственным исключением среди наместников-княжичей был Святослав Древлянский, стольный город которого не был указан в летописи. По своему географическому положению на краю земли Древлян Белгород вполне мог выполнять функции административно-церковного центра «Дерев» и быть резиденцией Святослава Древлянского.

Все сказанное выше можно выразить в виде следующего ряда предположений.

1. При дворе киевского князя Ярополка Святославича в последние годы его княжения (976?—978) велась летопись, автор которой, помимо прочего, фиксировал приезд послов, природные явления и печенежские дела.

Этим летописцем описана и война Ярополка с Владимиром, с выражением симпатий Ярополку.

2. После перерыва эта летопись со всеми перечисленными ее особенностями возобновилась в 991 г., но уже не в Киеве, а в Белгороде, ставшем в этом году епископским городом. Можно думать, что здесь находился двор Святослава Древлянского и его матери, «чехини» Малфриды, одной из жен Владимира. Летопись фиксировала посольства из Рима, Праги, Гнезна и Царьграда, отметила убийство слугами боярина-чеха Андриха, интересовалась событиями внутри Печенежской земли и крещением печенежских ханов.

Собственно белгородские известия помещены под 991, 992, 996, 997 и 1004 гг.

3. Возможно, что в 991—997 гг., в княжение Святослава Древлянского, летопись пополнилась другими эпическими сказаниями, возникшими в самой Древлянской земле — сказаниями о борьбе Древлян с князем-волком Игорем и плачем о гибели добрых древлянских князей от руки жестокой Ольги.

Последним эпизодом, связавшим этот эпический древлянский цикл с историей княжения Ярополка, было убийство Олегом («Вольгой») Святославичем Люта Свенельдича, нарушившего границы древлянской земли, и последовавшая война Киева с Древлянской землей.

4. Главным отрицательным персонажем древлянских сказаний был варяг Свенельд, так или иначе повлиявший и на действия Игоря, Ольги и Ярополка. Быть может, здесь сказалось то, что Свенельд в свое время был завоевателем Древлян (как воевода киевского князя) и получил землю Древлян в ленное владение.

5. Летопись Ярополка и Святослава Древлянского в ее распространенной литературной форме заканчивалась, очевидно, легендой о белгородском киселе (997 г.). Собранные ее автором сказания о событиях времен Игоря и Ольги, равно как и легенда 997 г., были использованы в киевском своде 996—997 гг. или даже были написаны специально для пополнения Киевской летописи.

Быть может, белгородский автор (епископ Никита?) принимал какое-то участие в составлении летописного свода, формировавшегося при кафедральном соборе Киева.

Во всяком случае, в руках киевских сводчиков не было никакого достоверного и хорошо датированного материала о княжении Игоря и им могли пригодиться те сказания, которые хотя и не прославляли жадного князя, но все же давали красочный и эффектный материал о событиях в одном из углов Киевской Руси в середине X в.

6. После составления свода 996—997 гг. летопись при дворе Святослава Древлянского продолжалась, отмечая западные посольства, смерть матери Святослава, убийство Андриха, рождение сына у князя Святослава и по-прежнему следя за «течением звезд» и дождями.

Первым историческим трудом Киевской Руси, обобщившим разнородный материал кратких погодных записей, устных сказаний и, может быть, даже отдельных летописей, мне представляется киевский свод 996—997 гг., складывавшийся одновременно с Владимировым циклом былин.

Былинный цикл и летописный свод — два проявления одного и того же стремления подвести итог двадцатилетнему княжению Владимира Красное Солнышко. Народом, жителями Киевской земли, войнами новопостроенных крепостей «по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне» были сложены величественные песни-былины, дожившие в устной передаче до наших дней.

При князем дворе или при кафедральном храме Киева, расположенном рядом с дворцом Владимира, был составлен летописный свод, тоже прославлявший его знаменитые пиры с дружиной и народом, постройку градв — застав богатырских, победы над печенегами, борьбу с разбойниками.

Сильно отличаясь в подборе и в оценке более ранних событий, летопись и былины близко сходятся в оценке Владимировой эпохи. Даже герои иногда одни и те же: «ласков князь Владимир стольнокиевский», «молодой Вольга Святославович», разумный Добрынюшка Никитич и «черный ворон Сантал» — Свеналд.

Если среди наших знатоков истории русского летописания до сих пор идет спор о том, когда оно началось — в середине ли XI в. или в конце X в., то этот спор не является только хронологическим. Речь идет о том, когда, в какой момент истории молодого государства ему потребовался исторический синтез его развития.

Д. С. Лихачев в 1947 г. в своем исключительно ярком и интересном очерке истории летописания предположил, что большая часть летописных материалов долгое время существовала в виде *устных* родовых преданий, которые иногда расширялись даже до «устной истории всей страны», доживя в таком виде до XII в.⁶⁴

Первым письменным сочинением Лихачев считает единое, написанное одним автором в середине XI в. «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси», частями которого являются разобщенные в тексте летописи рассказы:

- 1) о христианстве княгини Ольги;
- 2) о варягах-мучениках;
- 3) о крещении Руси;
- 4) о Борисе и Глебе;
- 5) о просветительной деятельности Ярослава Мудрого⁶⁵.

Оба эти тезиса Лихачева встретили возражения в литературе. А. Н. Насонов допускает возможность существования отдельных самостоятельных произведений, вроде жития Ольги или «Речи философа». Н. Н. Ильин доказал довольно убедительно существование отдельного анонимного сказания о убийстве Бориса и Глеба, составленного очень поздно — около 1072 г.; мне дважды пришлось полемизировать с Д. С. Лихачевым по поводу переоценки им «устных летописей» и записей устных речей⁶⁶.

Но главным предметом спора оказалось время составления первого исторического произведения. Л. В. Черепнин, как уже говорилось, отнес его к 996 г., а М. Н. Тихомиров почти повторил этот вывод, отнеся предполагаемое им «Сказание о русских

⁶⁴ Д. С. Л и х а ч е в. Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 110, 143.

⁶⁵ Там же, стр. 71.

⁶⁶ А. Н. Н а с о н о в. Указ. соч., стр. 420. Опираясь на работу Н. П. Серебрянского, Насонов проводит параллель между летописным рассказом и югославянским житием Ольги. Напомню, что именно к эпохе Ольги относятся выписки из болгарских хроник, сделанные по александрийскому летосчислению. См. также Н. Н. И л ь и н. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957, стр. 209; Б. А. Р ы б а к о в. «Остромирова летопись»; Б. А. Р ы б а к о в. Боярин-летописец XII в.

князьях X в.» ко времени до 1007 г. Я решительно принимаю эту точку зрения и, сопоставив возражения А. Н. Насонова (примыкающего к Лихачеву в вопросах датировки первого исторического труда) со всем летописным материалом, я должен признать, что резкая грань во всех доступных нам летописных материалах, падающая на 995—997 гг., может получить объяснение только в свете гипотезы о своде 996—997 гг. Летописные ссылки Иакова мниха обрываются на 995 г.; Новгородская первая летопись доводит подробное изложение до 996 г.; «Повесть временных лет» — до 997 г. (включая легенду об осаде Белгорода).

До этого рубежа летописание течет широкой рекой, раскрывая перед читателем одну за другой яркие картины войн, государственных дел, постройки городов, богатых подвигов и военных хитростей. После этого рубежа, можно сказать, текут две тоненькие струйки лаконичных, нерегулярных записей через три-четыре года.

Одной такой струйкой является мартиролог Десятинной церкви, сообщающий нам за 16 лет о смерти трех княгинь и двух князей.

Другой струйкой было продолжение «Белгородской» летописи, более разнообразное по содержанию, но также предельно краткое.

Новый поток подробного, широкого повествования начинается лишь со смерти Владимира в 1015 г.

То обстоятельство, что из 37 лет княжения прославленного Владимира Красное Солнышко 18 или 20 лет второй половины его правления никак не отражены в летописи, мне кажется, очень убедительно свидетельствует против датировки первичной записи серединой XI в. Ведь в 1037—1039 гг. или в 1040-е годы современникам значительно легче было по собственным воспоминаниям описать именно *последние* десятилетия жизни и деятельности Владимира, а на самом деле описана только его юность и зрелость.

Кроме того, в статье 996 г. так много итоговых фраз, что сама конструкция этой летописной статьи подводит нас к мысли о завершении труда. Это не некролог ушедшему князю, не воспоминания о прошлом, а утверждение и прославление дел монарха в расцвете его государственной деятельности.

«...Бе бо Володимер любя дружину, и с ними думая о строе земленем, и о ратех, и о уставе земленем, и бе живя съ князи околними миромь, с Болеславом Лядьскимь, и с Стефаном Угрьскимь, и с Андрихомь Чешьскимь. И бе мир межю ими и любы...

И живяше Володимер по устроенью отню и дедню»⁶⁷.

Так, вероятно, и заканчивался первый русский летописный свод конца X в.

Точный и полный состав свода 996—997 гг. нам, вероятно, никогда не удастся установить, и только в отношении некоторых его частей можно высказать более или менее твердые взгляды.

По важнейшему для нашей историографии вопросу о действительном и легендарном в повествованиях о норманнах надо признать правильной точку зрения Шахматова, писавшего по поводу реконструируемого им свода 1039 г.: «... этот свод ничего не знал ни о Рюрике, ни о Синеусе и Труворе»⁶⁸. С еще большей уверенностью это можно утверждать по отношению к передатированному своду конца X в. По мнению М. Н. Тихомирова, в этом своде еще не было легенды о призвании варягов в Новгород⁶⁹.

В другом вопросе — о времени записи легенды о Кие — я не могу разделить взгляда М. Н. Тихомирова, высказанного им, правда, без особой уверенности в своей правоте. Этот исследователь склонен рассматривать неудачный поход 1043 г. на Византию как прямой толчок к обработке сказания о начале Руси.

⁶⁷ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 86—87.

⁶⁸ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших летописных сводах, стр. 315.

⁶⁹ М. Н. Тихомиров. Начало русской историографии, стр. 56.

В первой части книги, рассматривая армянскую запись легенды о Кие, Щеке и Хориве, относящуюся к VIII в., я обращал уже внимание на законченность формы лаконичного рассказа и на одинаковость передачи его и Зенобом Глаком в Армении и русским летописцем в Киеве.

Трудно представить себе первое историческое сочинение Киевской Руси без такого эпиграфа, как легенда об основании стольного города. Лаконизм и архаичность легенды говорят об очень давней ее записи.

В XI в. она показалась уже слишком скромной и простой, она уже вызвала кривотолки и подверглась дополнительной литературной орнаментации — князь Кий сопоставлялся с Ромулом, Александром Македонским, Антиохом и Селевком; «прозвани быша грады в имена царев тех».

Простую первоначальную форму, легко отделимую от позднейших словесных преушищрений, следует возводить к первому киевскому своду 996—997 гг.

По всей вероятности, и рассказ о Полянах и Хазарах, о необычном взносе дани обоюдоострыми мечами, что по существу символизировало отказ от повиновения, тоже входит в этот первый свод.

Трудно сказать, была ли включена в этот свод летопись Осколда и можно ли достоверно возводить к ней рассказ об убийстве Осколда Олегом в 6390 г.

Давно установлено, что договоров с Греками в то время еще не было в составе летописи.

У меня есть некоторые расхождения с Д. С. Лихачевым, Л. В. Черепнинным и М. Н. Тихомировым по поводу целостности предполагаемых ими сказаний.

Сказания о христианстве могли возникать параллельно с летописью и в той или иной мере войти в первый свод. Нельзя доказать, но можно предполагать, что повесть об Ольге и ее крещении уже была в своде 996 г. хотя бы в качестве противоядия эпическим сказаниям о ее мстительности. А «Речь философа» и описание крещения Руси были прямо связаны с задачами и конструкцией Владимирового летописного свода.

Не были целостными и предполагаемые «Повесть о Полянах — Руси» (Черепнин) и «Сказания о русских князьях X в.» (Тихомиров). Они четко распадаются на две разных по направленности и по происхождению части — собственно киевскую, воспевающую князя-витязя Святослава и его побочного сына «робичича» Владимира, и часть, повествующую о делах киевских князей как бы со стороны, сочувствуя более Древлянам, чем их завоевателям.

Историю первого киевского свода 996—997 гг. предположительно можно представить себе так:

1. На протяжении всего X в. в Киеве, очевидно, велись лаконичные эпизодические записи, продолжавшие тип «Осколдовой летописи». Такие записи не составляли отдельных книг, а могли вестись на пустых листах церковных книг. Одна запись от другой могла быть отделена несколькими годами. Обычно событие определялось одной очень короткой фразой. Хронологическая сетка была до 6450 г. дана преимущественно по александрийскому счету и давно, может быть уже в конце X в., производился пересчет, приводивший неоднократно к ошибкам летописцев и к непониманию нами истинных дат. Хуже всего отражен конец княжения Олега и княжение Игоря.

2. Параллельно с подобными записями короткими фразами существовали эпические сказания — более пространные, но не сразу попадавшие на страницы книг.

3. Летописное дело могло оживиться в 991—992 гг. с учреждением на Руси епархий.

4. Мы видели, что своеобразная летопись, фиксировавшая посольства, природные явления и печенежские дела, началась в Киеве еще при Ярополке, затем она прервалась и возобновилась в 991 г., но уже не в Киеве. Продолжение этой летописи связано, вероятно, с городом Белгородом, построенным в 991 г. и ставшим около 992 г. центром епархии.

5. Осуществление первого исторического труда, обрисовывающего молодое и новообращенное в христианство Русское государство, могло быть поручено митрополиту или близким к митрополичьему столу лицам. Митрополит Леон был греком и писал свои полемические сочинения против латинян по-гречески; ему трудно было бы составить летопись по русским материалам.

6. Викарием (заместителем) митрополита, как предполагает Е. Голубинский, был епископ белгородский⁷⁰. Новопостроенным кафедральным собором — Десятинной церковью — ведал в те годы Анастас Корсунянин, получивший в 995 г. десятину княжеских даней.

В высшей степени примечательно, что после 997 г., когда резко обрываются подробные рассказы о делах Владимира, летописание в его архаичной краткой форме ведется при Десятинной церкви и, как я пытался доказать, в Белгороде. Это дает нам право предполагать, что и в создании Первого Киевского свода могли участвовать именно эти два самых близких митрополиту лица — настоятель столичного кафедрального собора и викарный епископ.

Составление свода, его окончание могло быть приурочено к съезду епископов, происходившему в Киеве около 996—997 гг. и занимавшемуся разными юридическими делами (отмена вир за убийство и, возможно, церковный судебный устав).

7. В Никоновской летописи, правда в сильно перепутанных заметках, дважды дело учреждения епархий и установления церковных властей в русских землях связано с именем не только Анастаса Корсунянина, но и Добрыни; в 990 г. будто митрополит отправился в Новгород «з Добрынею дядею Володимировым и с Анастасом»: в 991 г. такое же путешествие было предпринято на другую далекую окраину «с четырма епископы... и з Добрынею и со Анастасом»⁷¹. Быть может, в этом сопряжении имен херсонесского церковника, ставшего видным лицом в Киеве, и Добрыни, заступившего место таких мажордомов, как Свенельд и Блуд, отразилось действительное участие Добрыни, крупного государственного деятеля, в первоначальной организации церковных дел?

Летопись всегда рассматривалась как дело государственное. Вспомним хотя бы властное вмешательство Мономаха в написание «Повести временных лет». Вполне возможно допустить, что дядя и воспитатель Владимира Добрыня, был причастен не только к созданию некоторых эпических былин — произведений тех лет, но и к созданию первой сводки разнородных (в том числе и эпических) материалов по истории Киевской Руси. Допущение, что Добрыня имел какое-то отношение к первой государственной летописи Киева, облегчит нам в дальнейшем понимание первой летописи Новгорода, составленной, как я попытаюсь доказать ниже, не без участия сына Добрыни Константина и основанной на Киевском своде 996—997 гг.⁷²

8. Участие церковных и княжеских кругов Киева, с одной стороны, и древлянско-белгородских кругов, с другой, вполне объясняет нам двойственность летописного свода и наличие в нем некоторых противоречий, особенно когда речь шла о более отдаленных временах.

Составление свода представляется мне коллективным делом 992—996 гг., к которому были привлечены и настоятель Десятинного собора Анастас (не забывший себя на страницах летописи) и безвестный белгородский автор, близкий

⁷⁰ Е. Г о л у б и н с к и й. Указ. соч., т. I, первая половина, стр. 668.

⁷¹ «Никоновская летопись», стр. 64.

⁷² Быть может, именно взгляды мажордома Добрыни сказались в настойчивом подчеркивании отрицательных черт воеводы Блуда — изменник, обманщик, «переветник», что было выгодным контрастом самому Добрыне, «мужу храбру и нарядну».

к Святославу Древлянскому, каждый со своей суммой источников и записей. Не исключена возможность того, что интересы великокняжеского дома были представлены Добрыней, также не забытым этой летописью и ярко обрисованным ею в качестве полководца и умного государственного мужа.

9. По окончании совместного труда, завершавшегося прославлением Владимира, никто из его авторов не взял на себя продолжения летописи, как большого литературного труда, но в то же время каждый из них вел скромную хронику событий — в Десятинном соборе регистрировали смерти князей и княгинь, а в «Белгородской летописи» — свои белгородско-древлянские дела.

10. Возможно, что Нестор-летописец знал «Белгородскую летопись» и дополнительно почерпнул из нее и сведения о постройке Белгорода и красочную картину осады Белгорода, поместив ее под 997 г., но ряд других сведений был им или его редактором опущен. Легче всего объяснить исчезновение сведений о посольствах от римского папы — их могла вычеркнуть рука любого православного церковника. Могли исчезнуть и такие статьи, как запись об отравлении Андриха его слугами или о рождении Яна Святославича, так как спустя сотню лет уже забылись эти имена и перестала интересовать их судьба.

11. Первый Киевский летописный свод, история князя Владимира и его предшественников, — смелая и интересная попытка первого исторического обобщения полуторавековой жизни Киевской Руси.

В этом своде много шероховатостей, отдельные его части плохо пригнаны друг к другу, обнаруживая швы между разными отрезками и противоречивые тенденции разных авторов или источников. Но в целом это великодушное, полнокровное и красочное произведение, неожиданно сложное и интересное для X столетия. Отдельные недочеты свода 996—997 гг. не мешают нам воспринимать ценность этого широкого исторического полотна, как ошибки в перспективе средневековых художников не мешают нам любоваться их фресками.

12. Владимиров летописный свод и Владимиров цикл былин — два одновременных монументальных исторических произведения, с разных позиций, но одинаково восторженно отразивших героическую эпоху строительства огромного государства, эпоху борьбы с могучим степным противником.

Былины дают нам народную оценку событий и лиц, а летопись знакомит с придворными оценками, с книжной культурой, дружинным эпосом и также с народными сказаниями.

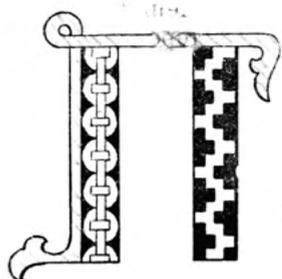
Прогрессивность раннефеодальной империи очень явно ощущается в совпадении исторической оценки эпохи Владимира (князя, опиравшегося на широкие народные круги, занятого патриотической борьбой, князя, отказавшегося от варяжских наемных отрядов) как в феодальной исторической литературе, так и в народном былинном эпосе.

КИЕВСКОЕ И НОВГОРОДСКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ XI в.

1

НОВГОРОДСКАЯ БОЯРСКАЯ ЛЕТОПИСЬ XI в.

О ШАХМАТОВСКОЙ СХЕМЕ. Киевскому своду Никона Тмутараканского 1073 г. предшествовал Древнейший Киевский свод 1039 г. и Новгородский свод 1050 г. Целый ряд исследователей сомневался в этих звеньях схемы, особенно в своде 1039 г. В свете критики и позитивных предложений сейчас нужно многое пересмотреть и заново решить вопрос об этапах летописания в первой половине XI в. и тех исторических концепциях, которые удастся разглядеть сквозь густой растр позднейших переделок и поправок.

Три исторических вопроса могут интересовать нас в хронологических рамках первой половины XI в.

Во-первых, освещение современниками грандиозной десятилетней убоицы между сыновьями Владимира, своего рода «смутного времени» XI в., когда в княжеские распри были втянуты Польша и шведские наемные отряды, печенеги и народы далекого Кавказа, когда воюющие войска сделали более 20 000 км по русской равнине.

Во-вторых, нам важно разобраться в крайне противоречивых оценках князя Ярослава Владимировича, победителя в этой братоубийственной смуте. Одни источники рисуют его жестоким, вероломным, трусливым и бесталанным, а другие называют его Мудрым, любителем книжного просвещения, строителем церквей и школ.

В-третьих, для нас очень большой интерес представляет появление в XI в. разных политических воззрений, полемической литературной борьбы на страницах киевских и новгородских летописей. Предметом спора были не только оценки видных современников, вроде Ярослава, но и чисто исторические вопросы о происхождении государственности на Руси.

В русской исторической литературе XI в. существовали и боролись между собой два взгляда на происхождение Русского государства. Согласно одному взгляду, центром Руси и собирателем славянских земель являлся Киев, согласно другому — Новгород. Все зарубежные источники подкрепляют первый взгляд, выдвигая на главное место Киев и не упоминая Новгорода. Договоры Руси с Византией и вся фактическая история русских земель X—XI вв. подтверждают старшинство Киева. Поэтому представляет значительный интерес выяснение вопроса о времени и месте

появления литературной традиции, связывающей начало русской государственности с Новгородом и «призванием варягов» в Новгород,—традиции, закрепленной третьей редакцией «Повести временных лет».

А. А. Шахматов справедливо полагал, что государственность на юге, в Киеве, покоилась на более прочном основании, чем на севере, в Новгороде, и что легенда о призвании князей вставлена новгородским книжником в более раннюю киевскую хронику: «Перед нами тот самый новгородский книжник, который другой раз, при других обстоятельствах сумеет отстоять вольности родного города от поползновений пришлого князя»¹.

При этом, как установил тот же исследователь, новгородские летописцы нередко были весьма тенденциозны и пользовались очень примитивными приемами грубых переделок текста, вставок, замен имени Киева именем Новгорода и т. д.

Большой интерес представляет реконструированный А. А. Шахматовым текст Новгородского летописного свода 1050 г. с дополнениями до 1079 г.² Некоторые неточности, допущенные Шахматовым, позволили последующим исследователям скептически отнестись к его гипотезе о существовании свода 1050 г. Так, М. Н. Тихомиров писал: «В самом деле, если существовал Новгородский свод 1050 г., то он должен был включить в свой состав все новгородские известия XI века. Между тем „Повесть временных лет“ включает в свой состав лишь ничтожное количество их. Существуют новгородские летописи, которые дают новгородские известия первой половины XI в., отсутствующие в „Повести временных лет“. Таковы сообщения о клевете на епископа Луку в 1055 г., о построении в 989 г. деревянного собора Софии с 13 куполами, о епископе Стефане, которого удавили в Киеве его же холопы, и т. д.»³.

Во-первых, что касается свода 1050—1079 гг., как он представлялся Шахматову, то все эти известия в нем есть: о постройке Софийского собора — на стр. 616, о клевете на епископа Луку — на стр. 626, об удавлении епископа Стефана в Киеве — на стр. 628.

Во-вторых, что касается использования данного свода автором «Повести временных лет», то отбор новгородских известий в 1113 г. киевским автором по своему вкусу никак не может быть аргументом против существования свода 1050 г. в Новгороде. Киевский летописец мог вполне обдуманно «забыть» о новгородском соборе Софии, построенном на полвека раньше, чем в Киеве (и послужившем образцом для киевского собора), о том, что киевский митрополит, поверив клевете, напрасно продержал Луку три года под арестом в Киеве, и, наконец, о том, что восстание 1068 г. в Киеве приняло такие размеры, что холопы задушили епископа.

Д. С. Лихачев предложил новое и оригинальное решение вопроса об источнике новгородских известий в «Повести временных лет». Отвергая мысль о новгородских письменных источниках, Д. С. Лихачев полагает, что основой новгородских известий в летописи (включая и легенду о призвании варягов) были устные рассказы Вышаты и Яна Вышатича, генеалогию которых Д. С. Лихачев возводит к воеводе князя Игоря — Свенельду, опираясь при этом на гипотезу А. А. Шахматова «о сказочных предках Владимира»⁴.

¹ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 297, 298.

² Опубликован в виде приложения к «Разысканиям...», стр. 611—629, 660—661. Обоснования занимают несколько глав книги.

³ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в., т. I. М., 1940, стр. 55.

⁴ Д. С. Лихачев. «Устные летописи» в составе «Повести временных лет». — «Исторические записки», 1945, № 17; Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947. Автор пишет: «По-видимому, все новгородские известия „Повести временных лет“, имеющиеся в ней как раз до 1064 г.—года встречи Вышаты и Никона,—вставлены в летопись именно Никоном на основании рассказов Вышаты» (стр. 88—89). Еще более определенное изложение этого взгляда находим на стр. 93 (примечание). Д. С. Лихачев возражает Шахматову и всю историю Новгорода сводит к семейным преданиям: «Перед нами своеобразная устная летопись семи поколений» (стр. 113).

Слабыми пунктами построения Д. С. Лихачева являются, во-первых, переоценка предполагаемых бесед Вышаты с летописцем Никоном и недооценка новгородской письменности в XI в. Приводимые Шахматовым убедительные доказательства существования новгородского свода середины XI в. не были разобраны и опровергнуты Д. С. Лихачевым.

Во-вторых, «устная летопись семи поколений», о которой говорит Д. С. Лихачев, содержит одно крайне слабое генеалогическое звено, устранение которого необходимо для правильной оценки не только летописи, но и ряда исторических лиц. В работе А. А. Шахматова самым неубедительным местом является XIV глава его «Разысканий», посвященная генеалогии князя Владимира⁵. Сущность допущений А. А. Шахматова сводится к следующему: летопись говорит о том, что отцом Добрыни и Малуши (матери князя Владимира, ключницы Ольги) был Малко Любечанин; путем натяжек и предположений Шахматов стремится доказать, что Малко Любечанин— это древлянский князь Мал (Мал Колчанин из города Ключеска), он же Лют Свенельдич, он же Мискиня, он же Мстиша, он же Мстислав Лютый, он же Никита Залешанин. Малуша, его дочь, сопоставляется с какой-то Малфредью, о смерти которой говорится в летописи⁶. Отцом Мала—Люта—Мискини—Мстислава—Никиты и дедом Малуши—Малфреды Шахматов считает воеводу Свенельда, которого летописец тоже будто бы путал и называл Блудом; кроме того, он строит еще одну цепь предположений, допуская, что этот многоименный Свенельдич убил князя Игоря в 945 г. и вместе со своим отцом стал «народным героем». В этот клубок имен оказались вплетенными чуть ли не все деятели X в. Во всем этом нагромождении натяжек, столь необычном для строгого исследовательского метода Шахматова, можно отметить ряд чисто исторических несообразностей.

1. Город Къльчъск, предполагаемый домен Мала Колчанина, далек от Древлянской земли и находится в земле Дреговичей.

2. Если сын Свенельда убил Игоря, то очень трудно представить себе (особенно после рассказа летописи о кровавом мщении Ольги), чтобы отец убийцы Свенельд был полководцем жены и сына убитого князя.

3. Трудно допустить, чтобы летописец, позволивший себе вторгнуться в вопрос о происхождении князя Владимира, мог так грубо ошибиться и неправильно назвать деда этого прославленного князя.

4. Если Свенельд, являвшийся своего рода мажордомом киевского князя Игоря и сумевший «изодеть свою дружину оружием и порты» так, что сам князь ему позавидовал, был действительно родоначальником Владимира, то как понять заносчивость Рогнеды, не пожелавшей «разуть робичича»? Правнук

Для пояснения следующих генеалогических построений можно привести такую таблицу поколений, как она дана Шахматовым:

1.	1. Свенельд
2. Игорь	2. Лют (он же Мал, Мискиня, Никита Залешанин)
3. Святослав, Малуша	3. Добрыня
4. Владимир	4. Константин
5. Ярослав	5. Остромир
6. Владимир, Изяслав, Святослав, Всеволод	6. Вышата
7. Внуки Ярославовы	7. Ян и Путята

Сомнительным звеном в этой росписи являются Свенельд и Лют Свенельдич. Отцом Добрыни и Малуши следует считать Малка Любечанина; дальнейшая генеалогия потомков Добрыни достоверна.

⁵ Этот вопрос впервые был поднят А. А. Шахматовым в небольшом этюде «Мстислав Лютый в русской поэзии» («Пошана. Сборник Харьковского историко-филологического общества в честь Н. Ф. Сумцова», т. XVIII, Харьков, 1909). Но уже через год автор отказался от ряда своих положений.

⁶ Дата смерти Малфреды — 1000 г. Если бы она действительно была матерью князя Владимира Святого, то летописец непременно отметил бы это.

Свенельда, владевший ДревлЯнами и Уличами, был ровней дочери Рогволода, властвовавшего над одними Полочанами.

5. При рассмотрении места Малфреды в княжеской генеалогии необходимо считаться с записью Татищева: «Преставися Малфреда Чехиня, мать СвятославлЯ».

Очевидно, мать Владимира Малуша, дочь Малка Любечанина и жена Владимира чехиня Малфрида — совершенно разные лица.

Количество таких несообразностей можно было бы увеличить, но и без того ясна необоснованность данного раздела труда Шахматова⁷.

Таким образом, предполагаемая Д. С. Лихачевым «устная летопись семи поколений» лишается своих начальных звеньев. Устный же характер передачи новгородских известий X—XI вв. также должен быть подвергнут большому сомнению: в летописи содержатся в значительном количестве точные даты, имена второстепенных лиц, описание погоды в тот или иной знаменательный день, точные топографические приметы и даже не подлежащий сомнению (в смысле своей вещественности) текст «Русской Правды».

Находки в Новгороде берестяных грамот, одновременных своду 1050 г. и написанных малограмотными «черными людьми», заставляют усомниться в том, что династия новгородских посадников, родичей киевских князей, пользовалась только «изустной практикой родовых и семейных преданий». Д. С. Лихачев прав в одном, что «в новгородских известиях киевской летописи определенно чувствуется нарочитое внимание к истории новгородских посадников»⁸. Большой заслугой Д. С. Лихачева является то, что он обратил внимание на связь с летописным делом целой династии «Добрыничей»: Константина Добрынича, Остромира, Вышаты Остромирича и Яна Вышатича.

Пересмотр доказательств Шахматова и всех возражений ему убедил меня в научной обоснованности его реконструкции Новгородского свода 1050 г., требующей лишь частных поправок.

Самая существенная поправка касается времени окончания свода. Устанавливая 1050 г. как дату завершения работы сводчика, Шахматов руководствуется, по существу, только одним соображением: «Замысел создать свод возник под влиянием обстоятельств, сходных с теми, что вызвали создание свода Киевского, т. е. под влиянием построения нового соборного храма... Новгородский свод составлен в 1050 г. по распоряжению новгородского владыки Луки и князя новгородского Владимира в ознаменование построения нового храма св. Софии»⁹. Однако, если принять совершенно справедливое деление новгородских известий середины XI в. на основной свод и на добавочные приписки (продолжавшиеся вплоть до 1079 г.), то рубежом между двумя этими частями никак не может быть 1050 г.: по обе стороны этой даты мы видим одинаковое изложение с одной и той же степенью подробности, с одинаковым интересом как к церковной, так и к светской истории.

Некоторой гранью является 1054 г. — год смерти Ярослава Мудрого, год смены новгородского посадника. После этой даты новгородские известия вплоть до 1061 г. касаются только церковных событий, связанных с владычным двором епископа Луки.

Вторым доказательством существования грани между летописью и приписками к ней именно в 1054 г. является упоминание о смерти посадника Остромира. В Софийской первой летописи оно помещено под 1054 г., сразу же после описания смерти Ярослава Мудрого и его завещания: «И прииде Изяслав к Новугороду и посади Остромира в Новегороде. И иде Остромир с новгородци на Чюдь и убиша его Чюдь

⁷ К чести А. А. Шахматова нужно сказать, что в реконструкции текста свода 1050 г. он везде точно оговорил свои домыслы и поправки.

⁸ Д. С. Лихачев. «Устные летописи»..., стр. 212.

⁹ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 515. Точные даты, появившиеся в своде, автор связывает с «членом причта этой церкви». «Истоками свода» Шахматов считает новгородские записи 1017 и 1036 гг. и киевскую летопись.

и много паде с ним новгородцев»¹⁰. Давно уже известно, что приписка к знаменитому Остромирову евангелию, написанному в 1056—1057 гг., свидетельствует о том, что Остромир был жив спустя три года после записи 1054 г. о его смерти¹¹.

На этом основании Шахматов правильно расчленяет приведенную выше летописную запись на две части и вторую часть, повествующую о смерти Остромира, довольно убедительно относит к 1060 г.¹² Таким образом, время деятельности Остромира расширяется с одного года до шести лет; Остромир был поставлен новгородским посадником князем Изяславом Ярославичем тотчас же после смерти своего отца Ярослава. В 1056—1057 гг. Остромир заказал великолепное евангелие, написанное торжественным уставным письмом и с княжеской роскошью украшенное многоцветными инициалами и высокохудожественными миниатюрами, как бы воспроизводящими перегородчатую эмаль с ее золотыми контурами. Для того, чтобы оценить значение этой древнейшей дошедшей до нас книги, достаточно сказать, что в XII в. сын Мономаха Мстислав, заказывая евангелие, взял за образец евангелие Остромира.

Большой исторический интерес представляет приписка писца евангелия дьякона Григория:

«Написах же евангелие се рабу божию, наречену сущу в крещении Иосиф, а мирьскы Остромир, близоку сущу Изяславу князю. Изяславу же князю тогда предръжящу обе власти: и отца своего Ярослава, и брата своего Володимера.

Сам же Изяслав князь правляше стол отца своего Ярослава Кыеве.

А брата своего стол поручи правити близоку своему Остромиру Новеороде».

Из этой приписки явствует не только то, что вопреки летописцу Остромир жил в 1056—1057 гг., но и то, что он был в зените своей славы и власти. Родственник («близок») великого князя, он рассматривал свое посадничество в Новгороде почти как соправительство. Горделивый тон приписки ставит Остромира—Иосифа вровень с ранее умершим новгородским князем Владимиром Ярославичем и в то же время умаляет историческую роль Ярослава Мудрого, упоминая его только как киевского князя, который имел лишь одну из двух «властей» на равных правах со своим сыном, владевшим второй «властью» — Новгородом. В этой короткой, но выразительной приписке чувствуется определенная политическая программа, столь характерная для новгородского боярства с его стремлением к сепаратизму и соперничеству с Киевом.

Двукратное подчеркивание родства Остромира с князем Изяславом Ярославичем привело Д. И. Прозоровского к остроумной догадке, что Остромир был, по всей вероятности, сыном новгородского посадника Константина Добрынича, двоюродного брата князя Владимира Святославича¹³. Таким образом, Остромир приходился молодому Изяславу троюродным дядей и внуком былинному Добрыне Никитичу. Судьба его отца, посадника Константина, была трагической; помешав однажды разбитому в бою Ярославу Мудрому бежать к варягам в Швецию, Константин Добрынич навлек на себя княжеский гнев и был заточен в Ростове, а через три года был убит в Муроме по приказанию своего троюродного брата. Летопись сохранила нам имена и потомков Остромира: сын его Вышата бежал из Новгорода с князем Ростиславом Владимировичем в Тмутаракань, а внуки его, Ян и Путята, были известными киевскими вельможами. Высокое положение Остромира в Новгороде (особенно после смерти Ярослава) делает понятным для нас внимание, уделяемое ему и его роду в летописи.

¹⁰ «Софийская первая летопись». — «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ), т. V, СПб., 1851, стр. 139.

¹¹ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 1. Киев, 1908, стр. 676: «Летописец соединил в одну запись известия об Остромире». См. «Остромирово евангелие 1056—1057 гг.» (фотолитографическое издание), СПб., 1889.

¹² А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 524—525.

¹³ Д. И. Прозоровский. Новые разыскания о новгородских посадниках. СПб., 1892, стр. 3; Д. С. Лихачев. «Устные летописи»..., стр. 211.

Как же объяснить nepозволительную хронологическую путаницу и объединение начала и конца его деятельности под одним годом? Учитывая наличие цезуры в новгородских летописных известиях, приходящейся на этот же 1054 г., мы можем допустить, что какой-то летописный свод оканчивался в 1054 г. кратким упоминанием о смерти Ярослава и записью: «...посади Остромира Новгороде».

Единственным событием, которое первоначально было записано на этой же странице *вслед* за упоминанием посадничества Остромира, явилась запись о его смерти в бою с Чудью около 1060 г. Других событий 1054—1060 гг. записано здесь, очевидно, не было, и только потом другой рукой было вписано в летопись повествование о превратной судьбе епископа Луки Жидяты, что нарушило действительную последовательность событий.

Летопись, обрывавшуюся описанием смерти Остромира, предположительно можно назвать для удобства обозначения «Остромировой летописью»; основное изложение ее было доведено до смерти Ярослава Мудрого, а временем ее оформления, может быть, следует считать 1054—1060 гг., так как это произведение, безусловно, не было только суммой погодных записей, а, как доказал Шахматов, являлось сложным по своему составу историческим трудом¹⁴.

«Остромирова летопись» — это шахматовский Новгородский свод 1050 г., продолженный до 1054 г. и дополненный некоторыми мелкими известиями, опущен не которых Шахматовым недостаточно обосновано.

В описании событий эпохи Ярослава Мудрого в этой летописи явно ощущаются два различных автора. Один писал основной текст, а другой вносил редакционные добавления и в ряде мест разрезал текст дополнительными вставками. Самая заметная из них имеет заголовок «Начало княжения Ярослава Кыева» и дает как бы конспект крупных событий середины XI в., выделяя положительную сторону княжения Ярослава: его благочестие, строительство церквей, борьбу с печенегами. Некоторые события, подробно изложенные в основном тексте, упомянуты в этом конспекте и хронологически даже раньше, чем в самой летописи.

В другом месте редактор, дополняющий текст, повествует об организации Ярославом училищ в Новгороде. Здесь выясняется и личность этого редактора: он ученик Ефрема, бывшего, в свою очередь, учеником первого новгородского епископа Иоакима¹⁵.

Если задачи этого благочестивого редактора вполне ясны и не выходят за рамки стандартных средневековых хроник, угодливых к князьям и епископам, то совершенно иное мы находим в основном тексте «Остромировой летописи». Это почти политический памфлет, направленный против Ярослава Мудрого и враждебный к варягам-наемникам. Обрисованному в мрачных красках Ярославу противопоставлены как хорошие правители, с одной стороны, его отец, великий князь Владимир Святославич, а с другой — сын самого Ярослава Владимир Новгородский.

Рассмотрим подробнее состав «Остромировой летописи»¹⁶. Новгородский летописец широко использовал Первый киевский свод 996—997 гг., внося в него ряд незначительных по объему, но важных по существу дополнений. Представления о хронологии киевских событий были у него весьма приблизительные, или же источник, которым он пользовался, был еще без хронологической сетки. Основная тенденция новгородского исторического труда состоит в стремлении выдвинуть на возможно более заметное место в русской истории Новгород. Летопись открывается кратким

¹⁴ См. А. А. Зимин. К истории текста краткой редакции «Русской Правды». — Труды Московского историко-архивного ин-та, т. VII, М., 1954, стр. 197; Б. А. Рыбаков. «Остромирова летопись». — Вопросы истории, 1956, № 10.

¹⁵ «И преставися епископ Иоаким и быше ученик его Ефрем, иже ны учаще» («Софийская первая летопись» стр. 136). С именем этого ученика Ефрема нужно связать, очевидно, и рассказ о наказании волхвов в Суздале в 1024 г. Может быть, к этому редактору текста «Остромировой летописи», и следует отнести слова Шахматова о члене софийского причта. По расчету лет, он должен был жить во второй и третьей четверти XI в.

¹⁶ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 611—629.

рассказом о построении Киева тремя братьями, взятым, очевидно, из свода 996—997 гг. Хронология этого события была не особенно ясна новгородскому летописцу.

Вторым параграфом «Остромировой летописи» было знаменитое сказание о призвании варягов, впервые появившееся тогда на страницах русских книг¹⁷.

Однако сочинителя сказания, использовавшего широко ходившие в то время во всей Северной Европе легенды о призвании трех князей, никак нельзя назвать норманистом. Существование варягов, их грабительские набеги, захват ими городов — все это было историческим фактом, особенно хорошо известным новгородцам. Задача новгородского историка середины XI в. заключалась в такой обрисовке этого несомненного факта, при которой наименее страдало бы самолюбие новгородцев. Сообразно этому событию излагались так: сначала Словене, Кривичи, Меря и Чудь платили варягам дань; часть варягов, оказавшаяся внутри земель этих племен, «насилие деяху» им. Тогда перечисленные племена начали войну с варягами, выгнали варягов за море «и начаша владети сами себе». Этот тезис о новгородском самоуправлении на долгое время становится лейтмотивом новгородского боярского летописания, формулой феодально-республиканской идеологии.

Недаром рассказ об изгнании варягов связан с построением Новгорода, как оплота местного населения, и с избранием старейшиной Гостомысла. Воинственное начало новгородской истории здесь в известной мере противопоставлено более скромному началу общерусской истории, озаменованному постройкой Киева. Нет еще и грубого, бесцеремонного оттеснения Киева на второй план, но чувствуется, что все внимание автора устремлено к героической истории Новгорода и к свободолюбивым новгородцам.

Появление новых варяжских отрядов в 860—870 гг., привлеченных известиями о могуществе Киевской Руси, державшей к этому времени в своих руках путь «из Грек в Варяги», облечено автором «Остромировой летописи» в приличную (хотя и недостоверную) форму преднамеренного и вполне добровольного *призвания* варягов новгородцами.

Боясь усобиц и внутреннего разлада, новгородцы искали себе такого князя, «пже бы владел нами и *рядил ны по праву*»¹⁸.

В повествовании о Рюрике, Синеусе и Труворе летописец, очевидно, воспользовался каким-то варяжским устным рассказом, где речь шла о приходе конунга Рюрика со своими родичами («Синеус») и верной дружиной («Трувор»). Анекдотические «братья» Рюрика только подтверждают легендарность «призвания» и его источник — устный скандинавский рассказ.

Третьим параграфом летописи можно считать цикл рассказов об Олеге. Происхождение Олега для летописца ясно: «И бысть у них [варягов] князь именем Олег...». Без особой симпатии к Олегу рассказывается (может быть, по киевским источникам) о том, как предводитель варягов обманым путем овладел столицей Руси Киевом. Сквозь дымку саг и легенд, окутывающую имя Олега, здесь проступают вполне реальные черты варяго-русских взаимоотношений на рубеже IX и X столетий: базой «находника» Олега являлся не Киев, с которым он очень мало связан, даже не Новгород, а Ладога, куда он шел после царьградского похода. Судьба этого князя, которого позднейшие историки изображали основателем Русского государства, была плохо известна на Руси. Совершив во главе русских войск удачный поход на Византию, запугав греков и собрав колоссальную контрибуцию в 48 тыс. гривен золота, Олег исчез из поля зрения русских людей, не оставив ни потомства, ни даты своей смерти.

¹⁷ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 315. Оставив в стороне сомнительные предположения Шахматова о Киевском своде 1037—1039 гг., мы можем принять его основную мысль о том, что до Новгородского свода нигде эта легенда не появлялась.

¹⁸ У автора «Остромировой летописи» очень ясное представление об этнической принадлежности варягов: он четко отделяет их от Словен и Чуди, указывая, что в Новгороде и в его время находились люди варяжского происхождения. Наконец, он сообщает, что воины Олега (и варяги и словене), попав в Киев, стали называться русью.

Последним городом, где видели этого конунга, была Ладога; далее его след терялся: одни говорили, что в Ладоге он и умер, «друзие же сказаютъ, яко идущю ему за море и уклону и змия в ногу с того умре» (свод 1093 г.)¹⁹.

Отношение к варягам как к появляющимся из-за моря «находникам» выразилось в том, что в эпоху Олега варягам платили дань «от Новгорода 300 гривен на лето, *мира деля*, еще и ныне даютъ»²⁰.

Новгородский летописец не рассматривает эти ежегодные платежи как государственный налог (об этом у него речь пойдет ниже); он точно определяет, что Новгород откупается от варягов, оберегая себя от их неожиданных нападений.

Четвертым параграфом «Остромировой летописи» является пересказ южнорусских сведений об Игоре и его жене псковитянке Ольге. Подчеркнута жадность Игоря, описано убийство его древлянами, но косвенно в злоупотреблениях обвиняется воевода Свенельд, собиравший слишком богатую дань, что вызывало зависть княжских мужей. О княгине Ольге приводится только одно хорошее. Былины о жестокой мести Ольги не включены в летопись; подробно говорится о принятии ею христианства и указывается год этого события — 955.

Следующий раздел посвящен княжению Святослава и составлен, вероятно, также на основании киевских источников. Рассказав о победах Святослава, о разгроме Хазарии, подчинении Северного Кавказа, победе над печенегами и о переносе столицы на берега Дуная («яко то есть середя земли моея»), автор «Остромировой летописи» переходит к описанию новгородского посольства, пришедшего к Святославу просить себе князя. Тон посольских речей гордый и независимый; не обращая внимания на громкую славу завоевателя, новгородцы, в изображении своего соотечественника, предъявляют великому князю и его сыновьям почти ультимативное требование: «Аще не поидете к нам, то налезем князя собе». Опять тот же знакомый нам мотив: новгородцы сами распоряжаются судьбой своей земли. Они выбрали побочного сына Святослава — Владимира. Трудно сказать, насколько исторически достоверны подобные переговоры между Святославом и делегатами Новгорода, но настроение летописца этот рассказ характеризует достаточно полно. Далее следует хорошо известное красочное описание княжения Владимира.

Однако героем летописца не всегда является сам Владимир: очень часто в центре его внимания оказывается фигура эпического богатыря, родного дяди великого князя и родоначальника первой династии новгородских посадников — Добрыни. Летописец характеризует его как полководца и государственного деятеля: «бе Добрыня храбр и наряден муж». Могучая и грозная фигура мажордома нередко заслоняла собой облик молодого князя; летописный Добрыня, как и его былинный двойник, преисполнен феодальных доблестей: он наблюдателен на войне, решителен в своих действиях, страшен в своей мести, когда «исполнися ярости» приказывает племяннику обесчестить дочь побежденного врага.

Описание княжения Владимира завершается поистине эпической картиной благоденствия Руси, взятой из Владимирова свода 996—997 гг.: враги побеждены, соседи дружественны, Русь крещена, воздвигнуты храмы, построены крепости на юге, уничтожены разбойники, послушные сыновья распределены по землям, городской люд толпится на княжьем дворе у полных столов, телеги развозят для бедноты хлеб, мед и фрукты, дружина пирует на серебре и золоте, бояре думают с князем «о строе земельном и о ратех и о уставе земельном...».

И вот из этого идиллического царства, построенного не без участия Добрыни, автор летописи переносит нас в княжение Ярослава. Окраска событий резко меняется. С матерью этого князя летописец уже познакомил читателя: это над ней, над за-

¹⁹ «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», М.—Л., 1950, стр. 109. Неудивительно, что русские люди, современники Остромира, начинали перечень прославленных киевских князей с Игоря Старого, а не с бродячего конунга Олега (митрополит Илларион).

²⁰ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 612. В своде 1093 г. последние слова («еже и ныне даютъ») исправлены: «еже даваше до смерти Ярослава».

носчивой Рогнедой, юный княжич надругался на глазах ее родителей. Позор матери Ярослава Мудрого обдуманно обнародован и увековечен летописцем. Это своеобразный эпиграф к биографии Ярослава.

Дальнейшая летопись предстает перед нами в таком виде: между Киевским сводом 996—997 гг. и началом собственно новгородской летописи — большой разрыв в 17 «пустых» лет. После такой цифры (еще раз убеждающей нас в существовании свода 996—997 гг.) помещено описание бурных событий 1014—1017 гг., представляющее, как мне кажется, особое и целостное литературное произведение, дошедшее до нас не полностью, так как оно начинается с середины фразы: «...Ярославу же сущу Новгороде...». Если учесть, что предыдущая фраза описывает события, происходившие 17 лет назад, станет ясно, что начало утрачено. Но конец этого произведения, которое стоило бы назвать условно «Повестью о князе Ярославе и о мужах новгородских», в летописи сохранен — итогом благородных дел новгородцев была грамота Ярослава.

После этой «Повести о Ярославе», когда Ярослав, став киевским князем, ушел из поля зрения новгородского летописца, на протяжении 1018—1035 гг. записи становятся отрывочными, отделенными пустыми годами (всего четыре записи: 1021, 1024, 1030, 1032 гг.). От 1036 до 1052 г. идет нечто вроде летописи новгородского князя Владимира Ярославича, а далее до 1060 г. — летопись посадника Остромира, объединившая все предшествующие части.

Самым интересным разделом является «Повесть о Ярославе», написанная, вероятно, новгородцем — современником событий, может быть, тем посадником Константином, сыном Добрыни, которому приходилось то воевать под знаменами Ярослава, то рассекать корабли трусливого князя, пытавшегося бежать к варягам. Подготовив читателя в предыдущем изложении показом государственной мудрости Добрыни и Владимира, автор показывает читателю нового героя в тот интересный момент, когда он собирается воевать с родным отцом, прославленным Владимиром.

Первое государственное дело Ярослава как новгородского князя, с которым нас знакомит летописец, — это нарушение им «урока», т. е. государственной повинности по отношению к главе державы, киевскому князю, и военным силам, размещенным в Новгороде. Нужно было отсылать в Киев ежегодно 2 тыс. гривен, а на 1 тыс. содержать дружинников в Новгороде. Это были значительные суммы; они в десять раз превышали уплачиваемые варягам «ради мира». Но таков был установленный порядок — «тако даяху вьси князи новгородьстии». Ярослав же своему родному отцу этого не давал, очевидно, удерживая эти суммы у себя. Нарушение «урока» вызвало законный гнев отца, собравшегося в поход на слишком самостоятельного сына. И новгородский летописец в этом случае не сочувствует сепаратизму Ярослава, так как из текста летописи явствует, что от нарушения «урока» страдают интересы новгородских воинов, на которых зиждилась действительная независимость Новгорода. Варяги были еще опасной силой, и Новгороду важно было противопоставить им силу своих «гридей». В этих условиях проступок Ярослава становился преступлением.

Вторым действием Ярослава было обращение к тем самым варягам, от которых откупались деньгами. «Ярослав же послав за море, приведе варягы, бояся отьца своего».

Все это описано летописцем на фоне трагических событий в «Русской земле», где умер князь Владимир, где убийцы, посланные его сыном Святополком, уже совершили два убийства, устраняя братьев-соперников. Ярослав в Новгороде, не зная о смерти отца, «кормляше варяг много, бояси рати». Князь оказался слишком слабым для того, чтобы справиться с буйными наемниками, приготовленными им для войны с отцом, «и начаша варязи насилие деяти новгородьцем и женам их». Летописец прямо обвиняет Ярослава в попустительстве варягам. Новгородские бояре с оружием в руках защитили свою честь и честь своих жен.

За этим последовало еще одно преступление Ярослава. Он, как известно, «обольстил» новгородских нарочитых мужей и, зазвав их к себе обманом, «иссече вои слав-

ных тысящу, а дружини бежаша из града». «Повесть о Ярославе» не без таланта пользуется приемом прямой речи и вкладывает в уста Ярослава покаянные слова, где он признается, что избитие новгородцев совершил «в безумии своем».

Немногие из феодальных историков доводили своих героев до такого самоуничтожения. Новгородцы, забыв обиды, выставили войско, которое победоносно вошло в Киев, добыв своему «безумному» князю «отень стол» в 1017 г.²¹

Водворив Ярослава в Киеве, «Остромирова летопись» как бы прощается с ним как с новгородским князем. Оказывается, он княжил в Новгороде 28 лет. Оценка его длительного княжения дана в перечисленных выше эпизодах как пункты обвинительного акта.

Переходя на киевский стол, Ярослав поставил Новгороду посадником сына Добрыни («идя Киеву посади Новегороде Костянтина Добрынича»), которого летописец изображает как смелого и решительного борца за интересы Новгорода, противопоставляя его Ярославу.

На втором году княжения Ярослав должен был оборонять свой киевский стол от Святополка, приведшего с собой польского короля Болеслава «с ляхы».

Ярослав предпринял большой поход навстречу врагам к русско-польской границе на Западный Буг, но об этом летописец говорит лишь мимоходом, как бы случайно. Но зато летописец не забывает упрекнуть Ярослава в плохом руководстве полками: полки еще не были приведены в боевую готовность, а воевода Ярославовых войск неумеренной похвальбой и незаслуженными оскорблениями привел Болеслава в такую ярость, что он один поскакал вброд и увлек за собой все войско; «Ярослав же не утягну исполчитися и победи Болеслав Ярослава». Тысячу верст проскакал побежденный князь с четырьмя спутниками и прибыл в Новгород.

Думаю, что в состав «Остромировой летописи» входило известие о Предславе, читаемое в Софийской первой летописи, сохранившей многое из новгородских известий XI в. Шахматов не включил это известие в свой свод 1050 г., так как считал его южным, киевским. Однако оно очень хорошо согласуется со всем духом «Остромировой летописи». Сначала летописец позначкомил читателя с внешностью Болеслава: тучен, не может сидеть на коне, имеет «чрево толстое». Но вместе с тем он мудр и действительно смел. Оказавшись в Киеве на правах победителя, «Болеслав положи себе на ложе Предславу, дочь Володимерову, сестру Ярославлю», а уходя из Руси, он «поволочи Предславу»²².

Позор любимой сестры, оберегавшей год тому назад Ярослава от жестокости Святополка, — это тоже укор Ярославу, который возглавлял «множество вои», но не смог проявить обычной распорядительности полководца. Его полки оказались не построены вовремя, и вот в результате этого его сестра стала наложницей победителя, а ее естественный защитник, брат Ярослав, вместо того, чтобы оборонять Киев, ускакал в Новгород, а оттуда собрался бежать за море, к варягам.

Здесь в «Остромировой летописи» освещается самый драматический момент борьбы Новгорода против князя, за независимость. Когда Ярослав пытался сесть на корабль, выступил уже известный нам посадник Константин Добрынич с новгородцами, и они привели в негодность корабли Ярослава, заявляя, что Новгород хочет продолжать борьбу за Киев. Летописец подробно пишет о том, как новгородцы собирали специальный налог для найма кондотьеров-варягов.

²¹ Три месяца стояли на берегах Днепра близ Любеча оба враждебных войска. Летописец старательно пересказывает оскорбления, наносимые Ярославу, которого называли хромцом. О реакции князя на обидные речи летописец ничего не говорит. Когда же была затронута честь самих новгородцев (их обозвали плотниками), то они заявили о необходимости сражения. Несогласных участвовать в бою они, по словам летописца, решили сами казнить мечами («аще кто не поидеть с нами, сами потьем»). См. А. А. Шахматов. «Повесть временных лет», стр. 180—181.

²² «Софийская первая летопись», стр. 132.

Рассказ о победе над Святополком записан, вероятно, со слов очевидца. Это — единственное место в «Остромировой летописи», где Ярослав показан хорошим полководцем. Но следует отметить, что стиль этого рассказа отличен от основного текста и имеет эпический оттенок.

Результат победы Ярослава «Остромирова летопись» рассматривает прежде всего с точки зрения новгородцев. Победители-новгородцы были щедро награждены и в качестве главной награды получили от Ярослава какую-то «Правду» и «Устав» — документы, ограждавшие их права.

В Комиссионном списке Новгородской летописи в этом месте под 1016 г. помещена «Русская Правда». Конечно, это было сделано позднейшим сводчиком и несколько искусственно, так как сюда попала и «Правда Ярославичей» (около 1072 г.), но давно уже высказывалась мысль, что с новгородскими событиями 1016 г. связана «Древнейшая Правда», состоящая из 17 статей, посвященных различным городским происшествиям (убийство, нанесение увечий, оскорбления действием, угрозы, захват чужих коней и оружия и т. п.)²³.

В списке защищаемых «Правдой» лиц упомянуты различные социальные группы и жители разных сторон (русин-киевлянин и словенин-новгородец), но ничего не говорится о варягах. Статья 10-я специально оговаривает неполноправность варягов²⁴. Прав Л. В. Черепнин, считающий, что «Правда Ярослава» «ставит своей задачей тщательную и заботливую защиту местного населения от вооруженных варяжских дружинников»²⁵. Быть может, одной «Правдой» не ограничивались «конституционные» трофеи новгородцев: ведь упомянут еще и «Устав», который мог определять нормы взаимоотношений Новгорода и Киева.

Включение в летопись документов, полученных новгородцами от Ярослава (очевидно, как условие их серьезной военной поддержки), создает в тексте известную цезуру. Впечатление цезуры усиливается вставкой, сделанной подобострастным церковником (см. выше), перечислившим все заслуги Ярослава за полтора десятка лет. Шахматов полагал, что вписанием Ярославовой грамоты кончалась завершенная в 1017 г. летопись, ведшаяся при владычном дворе епископа Иоакима²⁶.

Не отрицая в принципе возможности существования новгородской летописи начала XI в., никак нельзя признать ее епископской. Все разобранное выше сведения носят чисто светский характер: герои событий никогда не обращаются ни к богу, ни к святым. Ни в рассказах о ранней истории Новгорода, ни в повести о плохом княжении Ярослава нет ни одной черты провиденциализма, неизбежного в церковной литературе.

Перед нами произведение, вышедшее не из епископского окружения, а из новгородской боярской среды. Это подтверждается и печальным, но очень точным рассказом о судьбе политического вождя новгородского боярства, организатора помощи Ярославу, посадника Константина Добрынича.

²³ И. А. Стратонов. К вопросу о составе и происхождении «Русской Правды». Казань, 1920; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., т. I. М.—Л., 1948, стр. 240—248.

²⁴ Привожу параграф 10-й в своем переводе: «Если муж толкнет мужа или потянет к себе, то обиженный должен выставить двух свидетелей, и тогда обидчик платит три гривны. Если же [обидчиком] будет варяг или колбяг, то достаточно только клятвенного утверждения [обиженного] («...или будет варяг или колбяг, то на роту»). См. «Памятники русского права», т. I, М., 1952, стр. 78.

²⁵ Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 245. Не могу только согласиться с Л. В. Черепниным относительно того, что «„Правда Ярослава“ — ряд между новгородским обществом и корпорацией варягов» (стр. 246). Смысл законодательства заключался в ограждении новгородцев от *нанятой князем* для своих целей буйной варяжской вольницы. Никаких элементов договора здесь нет. Упоминается не варяжский общественный двор, а дом одного варяга; это тоже против тезиса Л. В. Черепнина.

²⁶ А. А. Шахматов. Разыскания..., стр. 509, 660—661; А. А. Зимин (указ. соч., стр. 207), занявшись пересмотром этого вопроса, пришел к выводу, что действительно «Правда Ярослава» была включена в летопись 1017 г.

То, что летописец не сообщает ничего ни о причине княжеского гнева, ни о виновности посадника Константина, которая могла бы как-то обелить неблагодарного князя, свидетельствует о том, что автор «Остромировой летописи» не стремился оправдывать Ярослава и сохранил для потомков лаконичную, но точную протокольную запись, внесенную в текст уже после казни Константина. Время ареста и казни посадника Константина нам достоверно не известно. Запись об этом находится в нарушенном месте летописи и явно не может относиться к 1019 г., так как тогда нужно было бы признать, что арест произошел в 1016 г., а мы знаем, что вмешательство Константина в дела Ярослава происходило в 1018 г.

Судя по всей исторической обстановке, репрессии Ярослава по отношению к новгородскому посаднику были маловероятны в 1016—1030 гг., когда князю очень нужны были союзники. В 1036 г. князь Ярослав стал «самовластцем» на Руси, враги его были побеждены и в Новгород он явился с тремя новостями: посадил там князем своего 14-летнего сына Владимира, поставил на пустовавшую кафедру епископа Луку (Ефрем пять лет «учил», но не был посвящен в сан) и дал Новгороду какую-то новую грамоту. Формула передачи грамот новгородцам в 1016—1019 гг. и в 1036 г. весьма различна. В 1016—1019 гг.: «И да им Правду и Устав списа в грамоту, тако рек им — *по сей грамоте ходите*, яко же списах вам, тако же держите»; в 1036 г.: «И людем написа грамоту, рек — *по сей грамоте дадите дань*». Различие формул можно понять так, что в первом случае речь шла о самоуправлении Новгорода, а во втором — о платеже дани «самовластцу».

Обстановка в 1036 г. была более подходящей для расправы с главой новгородского боярства, чем в 1019 г.

Наличие в оригинале летописи двух грамот в двух разных местах могло спутать позднейших сводчиков, и рассказ о Константине мог попасть в соседство не с той грамотой, с какой ему надлежало бы быть ²⁷.

Если бы подтвердилось предположение о расправе Ярослава с Константином в 1036 г., то это событие можно было бы рассматривать в связи с другим событием точно такого же порядка: в этом же году Ярослав арестовал своего брата Судислава, псковского князя, княжившего там полстолетия, и посадил его пожизненно в поруб. Расправа с Судиславом была несомненным проявлением автократизма Ярослава.

Выше уже приводилось мнение Д. И. Прозоровского, горячо поддержанное Д. С. Лихачевым, о том, что посадник Остромир, поставленный после смерти Ярослава, был сыном Константина Добрынича. Нельзя доказать степень их родства (ее можно только предполагать), но несомненно, что Остромир был близким родственником Константина. Поэтому понятно, что летопись, условно названная мною Остромировой, должна была упомянуть о смерти Константина Добрынича, несмотря на то, что причиной ее была воля самого князя.

На протяжении 1017—1054 гг. «Остромирова летопись» теряет свою монолитность, здесь чаще ощущаются вкрапления других источников, более зависевших от киевского князя, но голос новгородца, не простившего Ярославу своих обид, продолжает слышаться.

Описание знаменитой Лиственской битвы 1024 г. полно сочувствия отважному тмутараканскому князю; нелюбовь к варягам (нанятым Ярославом) сказалась в том, что летописец старательно напоминал читателю о поражении варягов и варяжского князя Якуна. Последний выпад в адрес Ярослава содержится в статье 1036 г., когда летописец упомянул о походе Ярослава на ятвягов с ядовитым примечанием — «и не можаху их взяти».

Яркая антиваряжская статья содержится в летописи под 1043 г. Она записана, вероятно, со слов Вышаты Остромирича, воеводы, участвовавшего в морском походе

²⁷ См. А. А. З и м и н. Указ. соч.; Н. Н. И л ь и н. Летописная статья 6523 г. и ее источник. М., 1957, стр. 117—121.

на Византию. Здесь совершенно четко варяги отделены от русских: когда корабли дошли до дунайских гирл, «рекоша Русь Володимеру: „станем зде на поли“. А Варязи рекоша: „пойдем в лодях под город“»²⁸.

Более ясного определения того, что варяги и русь не одно и то же, в летописи нет. Оказалось, что предложение варягов привело к гибели части кораблей и к заключениям русских воинов, ослепленных византийцами. Сами же варяги «побегоша вспять». Нерасчетливости и трусости варягов летописец противопоставляет рыцарскую доблесть Вышаты Остромирича — воеводы новгородских полков: когда 6 тыс. новгородцев (они названы «воями Володимеровыми») оказались выброшенными на берег безоружными и без воевод, Вышата отказался возвращаться на корабле и, высадившись на берег, произнес красивую речь: «Не иду к Ярославу. Аз иду с ними; аще жив буду — с ними, аще ли погыбну — то с дружиною»²⁹.

Конечно, для этих подробностей можно допустить и устный источник — рассказы самого Вышаты или его сына Яна, друга летописца, но в то же время повествованию о героизме новгородского воеводы в 1043 г. должно было найтись то или иное место и в летописи, воспевавшей героизм его деда и законченной лет десять спустя после возвращения Вышаты Остромирича на Русь, когда летописец мог воспользоваться его рассказом.

Последние записи «Остромировой летописи» дают хронику новгородской жизни времени княжения в Новгороде Владимира Ярославича, с которым, по-видимому (может быть, благодаря его молодости), местное боярство ладило³⁰.

Летопись завершалась, судя по всем данным, двумя поставленными рядом записями об Остромире: в 1054 г., после смерти Ярослава, он стал посадником, а несколько лет спустя погиб на войне с Чудью.

Остромирово евангелие 1056—1057 гг. помогло, во-первых, распутать летописную запись, а во-вторых, показало, что политическая программа посадника Остромира в 1057 г. была необычайно близка к политической программе летописца. И там и здесь мы видим стремление обязательно упомянуть северную, новгородскую половину русских земель наряду с южной, киевской. В летописи всегда действующими силами являются словене и русь (киевляне).

«Русская Правда» знает тоже только словенина и русина. Других областных названий в общерусских вопросах летопись не употребляет.

Остромирово евангелие точно так же говорит только о двух волостях — о Киеве и Новгороде. В Киеве Изяслав наследовал владения князя Ярослава; в Новгороде Остромир получил в наследство владения князя Владимира. Этой горделивой формулой, уравнивающей новгородских посадников с киевскими князьями, Остромир посмертно унижал Ярослава, как бы лишая его титула «самовластца во всей Русской земле».

Открытая неприязнь «Остромировой летописи» к князю Ярославу (которого очень трудно назвать «Мудрым» на основании данных этой летописи) легко объясняется поступками самого князя. Авторитарные стремления киевского князя приводили неизбежно к конфликтам с новгородским боярством; убийство посадника Константина Добрынича, которое могло быть произведено по политическим мотивам, объясняет нам многое: если летопись велась при дворе его сына (или очень близкого родственника) Остромира, то налицо сочетание как политической, так и личной окраски летописи. Сын мстил Ярославу за смерть отца и старался очернить князя перед потомством.

²⁸ «Софийская первая летопись», стр. 137.

²⁹ Там же. Только через три года Вышата Остромирич возвратился к Ярославу из греческого плена. Шахматов считает, что подробности, касающиеся Вышаты, записаны летописцем Никоном, автором свода 1073 г. («Разыскания...», стр. 444). Однако нахождение их в составе Софийской первой летописи позволяет допустить и отношение их к своду 1050 г.

³⁰ Владимиру, как и его отцу, ставилось в вину лишь доверие к варягам (эпизод 1043 г.).

«Остромировой летописи» нельзя отказать в литературных достоинствах: автор использовал ряд новгородских и киевских источников, дополнил их легендами и семейными преданиями и создал довольно стройный исторический труд.

Первой главой этого труда был рассказ о борьбе новгородцев с варягами и о поисках князя, который «ходил бы по всей воле» новгородской.

Второй главой явился рассказ о таком именно князе, найденном новгородцами среди сыновей Святослава. Это в то же время рассказ о могущественном предке новгородских посадников, былинном герое Добрыне.

Третья глава — «Повесть о князе Ярославе и мужах новгородских» — описывает время посадника Константина, сына Добрыни, и длительное правление в Новгороде его убийцы — князя Ярослава Владимировича. Эта глава — политический памфлет на Ярослава. Его неумелости, жадности, трусости противопоставляется великодушие, смелость и удачливость новгородцев.

Ненависть вызывают варяги-наемники, служившие главной опорой княжеской власти Ярослава. Не довольствуясь мрачной характеристикой Ярослава как правителя и полководца, летописец хочет унижить его и как человека: он упоминает о публичном изнасиловании его матери и о том, что его сестра из-за его оплошности становится наложницей врага. Возможно, что повествование о новгородском княжении Ярослава первоначально писалось еще при дворе посадника Константина, жизнь которого оборвалась или около 1019 г. или после 1036 г.³¹

Четвертой и последней главой этого исторического труда было описание княжения Владимира Ярославича, дошедшее до нас в редакторской обработке ученика епископа Ефрема. Он много добавил славословий князю Ярославу, пытаясь нейтрализовать горечь от предшествующего раздела. Он добавлял киевские известия о строительстве, писал, что при Ярославе «нача вера христианская простиратися...», что «Ярослав был хотя и хромоног, но умен и храбр в бою и начитан».

Окончательная компоновка летописи, вероятно, производилась в 1054—1060 гг., и изложение ее было доведено до смерти Ярослава.

Участие Остромира или дьякона Григория, писавшего для него в 1050-е годы евангелие, или кого-либо из ближайшего окружения Остромира и его сына Вышаты в создании этой летописи очень вероятно.

Смелый памфлет, направленный против самого великого князя киевского, ясное и последовательное проведение мысли о свободолюбии Новгорода свидетельствуют о зрелости новгородской общественной мысли. Новгородское боярство почти за столетие до восстания 1136 г. уже выступило с изложением как своего взгляда на исторические события, так и своей политической программы, сводившейся к добровольному пригласению или «выкармливанню» бесправных князей, ограниченных «грамотами» и обязанных не столько управлять, сколько оборонять Новгород.

Новгородское посадничество летописание с его антикняжескими и антиваряжскими настроениями влилось потом при помощи свода 1093—1095 гг. в общерусское летописание. Отсюда, из этой летописи посадников новгородских, легенда о призвании князей-варягов попала в русскую историю и получила уже в XII в. совершенно иное толкование, прямо противоположное замыслу «Остромировой летописи», на всем своем протяжении не устававшей упрекать варягов за свойственные наемникам, по мнению летописца, буйство, жадность и трусость.

³¹ В летописях XI в. давно уже отмечена странная двойственность событий, которая, вероятно, объясняется путаницей. Грамота Ярослава Новгороду упоминается под 1016 и под 1036 гг. Набег печенегов на Киев упоминается под 1017 и под 1036 гг. Постройка Софийского собора в Киеве упоминается под 1017 и под 1036 гг. (см. К. Б е с т у ж е в - Р ю м и н. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868, приложение, стр. 39). Возможно, что перемещение какого-либо одного известия или вмонтированного в летопись документа повлекло за собой удвоение других известий. Шахматов, как известно, предполагал наличие новгородской летописи 1017 и 1036 гг., вошедшей в свод 1050 г.

Киевское летописание XI в., многообразное и сложное, отразило многие противоречия исторической жизни Руси на протяжении этого столетия, наполненного нашествиями половцев, народными восстаниями, разбойными разъездами князей-изгоев, борьбой за верховную власть, обособлением отдельных областей от Киева.

Раннефеодальная империя после смерти Владимира переживала серьезный кризис, ферментом которого были княжеские верхи, оторвавшиеся в это время от феодального класса в целом. Постоянные перемещения князей из города в город со всеми дружинами и челядью, усобицы между князьями, приглашение ими наемных отрядов варягов, печенегов и половцев — все это привело к усилению эксплуатации и сильному перенапряжению социальных отношений прежде всего внутри княжеского домена. Стали вспыхивать восстания, о которых в силу классовой специфики летописания мы получаем сильно преуменьшенное представление.

В литературе, в том числе и в исторической, возникает ряд новых идей, порожденных сложностью внутренней и внешней жизни русских земель.

Появляются полуисторические полулегендарные фигуры князей Бориса и Глеба, жертв феодальной усобицы 1015 г. Много, очень много было неясностей в событиях тех лет: почему в число князей-мучеников не попал Святослав Древлянский, убитый Святополковыми людьми в Карпатах? Почему летописи умолчали о том, что еще Владимир держал Святополка в темнице? Верно ли, что Бориса убили посланцы Святополка, а не варяги, нанятые для этого Ярославом?

Новейшие исследования показывают, что летописное оформление этих кровавых трагедий произошло поздно — тогда, когда уже забылись детали, когда нельзя уже было расспросить убийц о том, кто их нанимал — окаянный ли Святополк или мудрый Ярослав — «Ярислейф» скандинавских саг. Известный нам вариант летописи сложился около 1072 г., полвека спустя после событий³².

В дальнейшем Борис и Глеб, уже как литературные герои, часто действуют на страницах летописей тогда, когда автор хочет осудить княжеские распри и усобицы. В официальном киевском летописании появляется попытка оправдать Ярослава, отвлечь внимание потомков от его двора, где пировали и буйствовали его скандинавские родичи, заставить забыть его позорные поражения. Не думаю, чтобы памфлет посадника Константина, названный мною «Повестью о князе Ярославе и мужах новгородских», был широко известен на Руси; наоборот, возможность включения его в летопись в середине XI в. говорит скорее за то, что он был до поры до времени прибрежен в Новгороде.

Но дела великого князя были у всех на виду, и придворный летописец отвлекал внимание читателей от темных сторон «самовластца» рассказами о строительстве церквей и успехах просветительской деятельности в эпоху Ярослава. Историки и церковные проповедники охотно обращались к блестящей эпохе Владимира. Им очень хотелось добавить к его имени эпитет «святого» или «равноапостольного» для того, чтобы легче было противостоять притязаниям греческой церкви. С этой же целью на страницах летописи подробно излагалась история Печерского монастыря, своего рода Киевской духовной академии того времени.

Если говоря о X в. мы не можем назвать имен авторов и далеко не всегда можем поручиться, что тот или иной отрывок действительно записан в X в., а не внесен позже, то в отношении XI в. мы в большинстве случаев имеем дело с записями этого же столетия и притом нередко оживленными именами писателей или составителей. К именам митрополита Иллариона (автора «Слова о законе и благодати»), мниха Иакова (автора «Похвалы князю Владимиру»), Феодосия Печерского и Нестора

³² П. Н. Ильин. Указ. соч.

пытливые розыски Шахматова добавили имена Никона Печерского (свод 1073 г.), игумена Иоанна (свод 1095 г.), Василия (повесть об ослеплении Василька 1097 г.).

Летописцы XI в. должны были затронуть одну из острейших тем своего времени — тему классовой борьбы. Неохотно и скупо повествуя о тех восстаниях, которые нельзя было замолчать, писатели XI в. заботились о распространении так называемой теории общественного примирения³³, стремясь при посредстве готовых христианских формул сгладить жизненные противоречия, уравнять богатых и бедных перед лицом бога. В этих условиях народные языческие верования становились опасными. Под руководством языческих волхвов города выступали против князя и епископа, красочные и традиционные языческие празднества отвлекали от церкви, выводили из-под ее воздействия горожан. А вера именно в христианского бога, бога князей и боярства, была особенно необходима во время обострения классовых противоречий. И в это время, в самый момент восстания 1068 г., выдвигается идея грозного карающего бога. Не через семь тысяч лет, не на страшном суде, а сейчас, немедленно покарает бог за грехи половецким нашествием, засухой, голодной смертью от неурожая и прежде всего покарает тех, кто не проникся идеями смирения и покорности новой религии, кто продолжал верить старым богам. Можно было установить суровую расправу с восстающими смердами в пределах княжеского домена («Правда Ярославичей»), можно было ударом топора решить судьбу одного из мятежных волхвов, но нужно было более широкое идеологическое обоснование структуры феодального общества, и мы его находим на страницах летописей и специальных поучений. Непорядки внутри самого феодального класса были тоже предметом разбора в летописных сводах XI в.

К концу столетия потомство Владимира настолько размножилось, заняло во взаимных боях столько городов и так по-семейному решало государственные дела, что это было уже в ущерб феодальному классу в целом. Враждующие между собой князья быстро меняли свои резиденции, не закрепляясь в областях, не интересуясь их внутренней жизнью, скользя по поверхности от города к городу. Круговорот воинственных родственников не мог ни навести порядка в стране, ни сдержать натиск многочисленных и стремительных половецких орд. Мало того, многие князья не могли удержаться от соблазна использовать эти орды в своих корыстных интересах и, не имея сами достаточно сил для ведения усобиц, они открывали границу половецким ханам, позволяя им выжигать села и полонить людей в соседнем княжении своего врага.

Все вместе взятое создавало обстановку ожесточения и гнева в народных массах и недовольства и неуверенности в классе землевладельцев. Нужна была какая-то сила, которая остановила бы коловращение князей, позволила бы навести феодальный порядок в стране и оградила бы Русь от постоянной угрозы внезапных вторжений. Такой силой стало боярство, которое сначала, в условиях особенно жестокого половецкого натиска 1090-х годов, поддержало власть великого князя киевского, помогло возрождению феодальной монархии в масштабе всей Руси, а затем, когда на время миновала надобность в таком военном положении, содействовало кристаллизации самостоятельных княжеств-королевств.

Глубокая и подробная разработанность русского летописания 1072/1073—1095/1097 гг. в трудах А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, Б. Д. Грекова, Д. С. Лихачева, Л. В. Черепнина, М. Н. Тихомирова, А. Н. Насонова позволяет мне опустить его подробное рассмотрение, взять здесь только самое основное, некоторые второстепенные спорные вопросы оставить до следующей работы о политической и культурной истории Киевской Руси, а некоторые рассмотреть здесь ниже в связи с «Повестью временных лет».

Летописный материал на протяжении всего XI в. продолжает сохранять свою двойственную природу — сочетание кратких погодных записей с подробными рас-

³³ И. У. Б у д о в и ц. Общественно-политическая мысль древней Руси. М., 1960, стр. 103; М. Н. Т и х о м и р о в. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955.

сказами и повестями. Для княжения Ярослава подробная вставка под 1037 г. должна была показать читателю мудрого князя, любителя книжного учения и хорошего христианина. Поражает неполнота кратких годовых записей: общеизвестны широкие брачные связи семьи Ярослава с европейскими монархами, но из киевской летописи мы не узнаем ни о том, когда Всеволод Ярославич женился на византийской царевне, ни о том, что Анна Ярославна стала королевой Франции или что Гаральд Норвежский в самом Киеве сыграл свадьбу с Елизаветой Ярославной. Быть может, Ярослав, окруженный варягами, довольствовался тем, что история его княжения достаточно подробно была отражена сагами скандинавских скальдов о конунге Ярислейфе? ³⁴

К концу княжения Ярослава, к 1051 г., когда был поставлен русский митрополит Илларион, приурочена повесть об основании Печерского монастыря. Монастырь стал духовной академией Киева, здесь готовились будущие епископы, здесь же велось летописание. Много различных суждений в нашей литературе есть о Никоне Печерском (Великий Никон, Никон Тмутараканский), воскрешенном Шахматовым в качестве составителя летописного свода 1073 г.

М. Д. Приселков предположил, что Никон и митрополит Илларион — одно и то же лицо, что «Слово о законе и благодати» Иллариона и летопись до 1073 г. проводят одни и те же патриотические и антигреческие идеи ³⁵. Очень подробно и красочно обрисовывает Никона-историка Д. С. Лихачев, считающий, что «Никон создал первую систематическую историю русского народа» ³⁶.

В противовес Д. С. Лихачеву, А. Н. Насонов в своей работе об отражении в летописании развития русского государства фактически свел на нет деятельность Никона. Он пишет о «печерских записях», о княжеских синодиках, о тмутараканских записях Никона, но нигде не говорит о Никоне, как о составителе большого летописного свода ³⁷. Конечно, нам очень трудно даже в общих чертах определить объем авторской и особенно составительской работы каждого средневекового историка, трудившегося над составлением свода. Это относится и к Никону и к его своду 1072—1073 гг. Думаю, что с его именем можно связывать основной текст 1037—1073 гг. и считать, что для предыдущей эпохи он мог использовать и свод 996 г. ³⁸ и часть «Остромировой летописи» («Повесть о князе Ярославе и мужах новгородских»), получить которую ему не составляло особого труда, так как он был близок с Вышатай, сыном Остромира, участником знаменитого похода 1043 г.

Особый интерес представляет комплекс записей-повестей о событиях 1065—1068 гг., в центре которых находится рассказ о народном восстании в Киеве в 1068 г. Обработаны эти записи были уже после совершившихся событий и вставные рассуждения о знаменьях имеют целью психологическую подготовку читателей к восприятию важных с точки зрения летописца страниц.

³⁴ См. А. И. Лященко. «Eymundar Sage» в русских летописях.—«Известия АН СССР», VI серия, т. XX, Л., 1926; А. И. Лященко. Сага про Олафа Триггвассона и літописне оповідання про Ольгу.—«Україна», кн. 4, Київ, 1926; А. И. Лященко. Былины о Соловье Будимировиче и сага о Гаральде.—«Сборник в честь профессора А. И. Малеина», т. II, Пг., 1929.

³⁵ М. Д. Приселков. Митрополит Илларион — в схиме Никон, — как борец за независимую русскую церковь. (Эпизод из начальной истории Киево-Печерского монастыря).— Сб.: «Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели», СПб., 1911.

³⁶ Д. С. Лихачев. Русские летописи..., стр. 82—93. М. К. Каргер сделал интересное наблюдение, что все топографические комментарии в летописи, связывающие места древних событий с Киевом 1060—1070-х годов, написаны Никоним. См. М. К. Каргер. К характеристике древнерусского летописца.—«Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР» (ТОДРЛ), т. XI, М.—Л., 1955.

³⁷ А. Н. Насонов. Начальные этапы киевского летописания в связи с развитием древнерусского государства.—«Проблемы источниковедения», вып. VII, М., 1959, стр. 430—437.

³⁸ При этом допущении устраняется все недоумения А. Н. Насонова относительно включения древлянских известий (см. его указанную статью, стр. 431—432).

1065 год. В западной части небосвода появилась «звезда превелика, лучи имущи аки кровавы». Летописец (Никон?) добавляет, что такие знаменья не на добро, так как за кровавой звездой последовали «усобице многы и нашествие поганых на Русьскую землю».

1067 год. Описан конфликт между триумвиратом Ярославичей и Всеславом Брячиславичем Полоцким. Летописец хотя и признает, что усобицу начал Всеслав, но резко осуждает Ярославичей за обман и клятвopреступление: 10 июля Ярославичи присягнули на кресте Всеславу «яко не сотворим ти зла». Всеслав поверил присяге: «Он же надеявся целованью креста, перееха в лодыи через Днепр» и был схвачен и заточен в поруб в Киеве Изяславом Ярославичем³⁹.

1068 год. События этого года уже излагались мною в связи с обширным циклом народных былин о нашествии Шарукана, о киевском восстании и о князе Всеславе, освобожденном из своего поруба восставшим народом.

Для наших целей очень существенно выяснение оценки событий, действующих сил и лиц одним из киевских летописцев второй половины XI в. по отношению к такому крупному историческому факту, как восстание 1068 г.

М. Н. Тихомиров, исследуя летописные тексты об этом восстании, пришел к выводу, что «повествование о киевском восстании 1068 г. возникло в среде горожан, являясь, таким образом, одним из древнейших по времени памятников русской городской письменности»⁴⁰. Обработку повествования производила, по мнению автора, чья-то «клерикальная рука»⁴¹. М. Н. Тихомиров не обратил внимания на то, что «клерикальное» и «городское» здесь настолько слиты воедино, настолько подкрепляют друг друга, что их нельзя противопоставлять. Дополнения, сделанные знатоком исторической и церковной литературы, не противоречат основному изложению фактической стороны дела, а лишь развивают и обобщают частные случаи. Деловая сторона событий изложена, несомненно, современником, очевидцем того, что происходило на княжьем дворе, быть может, находившимся поблизости от князя. Он знал не только, как бушевала толпа киевлян, как разделились надвое люди, освобождавшие Всеслава и свою дружину (киевлян, арестованных Изяславом?), но он знал, кто именно из бояр подавал советы князю, слышал, о чем шла речь между Изяславом и боярином Туком.

Церковно-политические рассуждения как бы разрывают ткань рассказа о киевских делах, но всегда безупречно с точки зрения литературного стиля — фразы предшествующего изложения закончены, закруглены и образуют плавный переход к другой части. Например: «Придоша иноплемьеници на Русьску землю, половци мнози. Изяслав же и Святослав и Всеволод изидоша противу им на Лыто. И бывши ноци, подыдоша противу себе. Грех же ради наших пусти бог на ны поганья и побегоша русьскыи князи, и победиша половци.

Наводить бо бог по гневу своему иноплемьеники на землю...»⁴². Последняя фраза начинается собой обширное литературное отступление, но оно органически связано с деловым текстом, в котором подчеркнутая мною фраза содержит ту же самую мысль о божьем гневе, но эта фраза выражает самую суть битвы на Альте.

Когда закончилось литературное отступление, автор вежливо возвращает читателя к событиям в Киеве: «Мы же на предълежащее паки възвратимся...». Слово «паки» — «вторично» не случайно поставлено здесь, так как это именно второе литературное отступление от делового изложения событий (первое было под 1065 г.).

Важно отметить, что не только по форме, но и по духу эти отступления одинаковы с текстом хроники событий и проникнуты сочувствием к восставшим киевлянам

³⁹ «Повесть временных лет», ч. I, М., 1950, стр. 110—112.

⁴⁰ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания..., стр. 94.

⁴¹ Там же, стр. 93.

⁴² «Повесть временных лет», ч. I, стр. 112

и к князю Всеславу. На этом основании мы могли бы признать одновременность деловой и поучительной части статей. Если говорить о хронологии, то перед нами три возможности датировки: 1068 г., 1073 (свод Никона) и 1093—1095 гг. (свод игумена Иоанна); наименее вероятным мне представляется последнее, но к вопросам датировки нужно вернуться после рассмотрения содержания двух оставшихся литературных отступлений.

В пользу того, что летописные статьи 1065—1068 гг. и предисловие к своду 1093—1095 гг. написаны разными лицами, говорит и словоупотребление: здесь, в статье 1068 г., сказано: «мы же на *предлежащее*... възвратимся», а в предисловии: «мы же на *последование* възвратимся...»⁴³.

Летописная статья 1068 г. начинается приведенным выше очень кратким изложением победы половцев над русскими князьями на Альте.

Далее дается церковно-провиденциальное истолкование и этого нашествия и тех событий, которые будут описаны в тексте далее.

Автор противопоставляет нападения внешних врагов внутренним усобицам: первые — от бога, вторые — от дьявола. Грозный бог требует безусловного повиновения и поклонения, малейший уклон в греховное язычество наказывается им без всякой пощады: зной иссушает поля, черви поедают посевы, болезни и смерть поражают людей и стада, иноплеменики вторгаются в землю согрешивших... Но все это на благо людям, чтобы они не уклонялись от истины.

Но «злое убийство, крови пролитие», «свары и зависть, братоненавиденье и клевета» — все это дела дьявола. Здесь сказалась психология киевлянина, для которого нашествие поганых было привычным и уже не особенно опасным делом, так как до этого 1068 г. русские уже полвека успешно побеждали печенегов. А разраставшиеся усобицы князей-братьев становились все более сильной угрозой. После 1068 г. вплоть до 1093 г., целых 25 лет, Киев не испытывал серьезных ударов со стороны половцев и именно в это мирное время и могло появиться сочинение, ставящее «нашествие иноплемениных» на второе по важности место, *после* усобиц. Иными словами, это говорит в пользу авторства Никона (1073 г.), а не игумена Иоанна, писавшего свой свод в условиях ужасного натиска объединенных сил половцев (1093—1096 гг.). Я не могу себе представить, чтобы в то время, когда Боняк «стучал саблей в Золотые Ворота» Киева, когда пылали пригородные монастыри и половцы грабили кельи, игумен Печерского монастыря мог большим злом считать клевету и свары. В конце 1068 г., после победы Святослава Черниговского и пленения самого Шарукана, половцы могли не казаться уже страшными. Рассуждение летописца связано не только и не столько с нашествием Шарукана, сколько с социальной политикой князя. В дальнейшем изложении бог угрожает людям, что он будет мстителем «на кленущаяся именем моим *во лжю*...». Это прямой выпад против всех троих Ярославичей — Изяслава, Святослава и Всеволода, которые ложной клятвой заманили Всеслава в западню под Оршей в 1067 г.

Далее бог под пером киевского книжника вооружается «на *лишающая мьзды наймника*, насильствующая сироте и вдовици...». Врагами бога являются и те, которые неправильно толкуют законы, «уклоняющие суд криве». Таких социальных мотивов еще не было в русской летописи! Не знаю, можно ли в данном случае эту несомненно «клерикальную руку» считать в чем-то отличной от городской. Летописец-проповедник далее указывает выход из положения — нужно не только не клеветать, не лишать нанятого работника его заработка, не обижать сирот и вдов, нужно еще «избавить обидимого», установить праведный суд и отказаться от языческих обычаев, ходить в церкви и верить в бога. Здесь налицо социальная демагогия в церковном духе, но налицо и горячее желание выйти из социального кризиса не только путем массовых казней (как это было в 1069 г., когда сын Изяслава залил кровью Киев), но и путем уступок и ограничений со стороны феодалов.

⁴³ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 114.

«Слово о казнях божьих», использованное в начале летописной статьи 1068 г., приписывается Феодосию Печерскому, а время его включения в летопись определяется различно: А. А. Шахматов относил его к своду игумена Иоанна 1093—1095 гг., Л. В. Черепнин и Д. А. Козачков — к своду Никона; в последнее время А. В. Орешников возвращается к точке зрения Шахматова, за исключением признания авторства Феодосия⁴⁴.

В комплексе летописных статей 1065—1069 гг. «Слово о казнях» органически вплетено в самый замысел летописца: с ним связан и рассказ о знаменьях, предвещающих кровопролитие, и рассказ о клятвопреступлении трех старейших князей Руси, и печальное упоминание о пролитой крови, когда Мстислав «без вины погуби, не испытывав» участников восстания.

«Слово» само по себе, направленное только против язычества, могло быть отдельным произведением (может быть, и пера Феодосия Печерского), но летописцем оно было умело использовано в интересах «теории общественного примирения», которая в эти годы становится модной.

Почти одновременно со сводом 1073 г. был создан интереснейший памятник — второй «Изборник» князя Святослава 1076 г., составленный неким Иоанном «из многих книг княжих». Помещенные в «Изборнике» статьи, приписанные отцам церкви, как показал знаток тонкостей древнерусской литературы Н. П. Попов, являются не столько переводными, сколько русскими произведениями⁴⁵.

В условиях социального кризиса, стремясь по возможности уменьшить количество поводов для социального протеста, «Изборник» в статье «Наказание богатым» предлагает богатым не обострять противоречий: «Не разгневай мужа в нищете его... Сядящую ти над многоразличною трапезой, помяни сух хлеб ядущего...»; «Мир кь вьсем — малым же»⁴⁶.

И в «Изборнике» 1076 г. и в летописной статье 1068 г. мы видим много общих мотивов, продиктованных условиями времени: забота о «малых» людях, их нуждах и правах, боязнь их гнева, вызванного или утайкой платы или кривым судом.

Сходные мысли мы увидим в дальнейшем в предисловии к своду 1093—1095 гг., но «Изборник» 1076 г. показывает, что афоризмы на эти темы были нужны еще за два десятка лет до княжения Святополка.

В таком церковном по форме сочинении, как эти летописные статьи, мы вправе ожидать враждебного отношения к князю-волхву Всеславу, рожденному, как говорится в другом месте летописи, от чародейства. Но здесь Всеслав показан как законный князь и хороший христианин.

«... люде же высекоша Всеслава ис поруба, в 15 день септября, и прославиша и среде двора кнзяжа...».

«... Всеслав же седе Кыеве. Се же бог яви силу крестную, понеже Изяслав целовав крест, и я и [Всеслава]; тем же наведе бог поганяя, сего же [князя Всеслава] яве избави крест честный. В день бо въздвиженья Всеслав, вздохнув, рече: „О кресте честный! Понеже к тебе веровах, избави мя от рва сего“. Бог же показа силу крестную на показанье земле Русьстей, да не преступають честнаго креста, целовавше его»⁴⁷.

⁴⁴ См. А. В. Орешников. К истории начального летописного свода (о составителе и времени составления «Поучения о казнях божьих»).—«Труды Московского историко-архивного ин-та», т. 16, М., 1961 (библиографию см. там же, стр. 481).

⁴⁵ N. P. P o r o v. Les auteurs de l'Izbornik de Svjatoslav de 1076.—«Revue des études slaves», v. XV, Paris, 1935; И. У. Б у д о в н и ц. Указ. соч., стр. 113—121.

⁴⁶ Наряду с этим в «Изборнике» приведено много изречений, обращенных и к «малым» людям; они сводятся к проповеди кротости, терпения, незлобности и страха перед князем (см. И. У. Б у д о в н и ц. Указ. соч., стр. 120—122).

⁴⁷ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 115.

Клятвопреступник Изяслав, очевидно, раздраживший людей и «кривым судом» и «лишением мзды», наказан, он вынужден бежать и скитаться по Европе, а веровавший в божественную силу креста (и в силу присяги на кресте) Всеслав исторгнут из подземелья и поставлен великим князем киевским. Такие строки могли быть написаны и обнародованы только при самом князе Всеславе. Ни Изяслав, ни его сын Святополк, ни его братья не могли бы стерпеть от летописца такой обиды — финал усобицы у Орши потребовал вмешательства самого бога, который освободил Всеслава из пурба в назидание клятвопреступникам всей Руси. Летописная оценка Всеслава очень далека от народной оценки его, сохраненной былинами и «Словом о полку Игореве». Там его прославляют за смелость, дерзость, удачное чародейство язычника, а здесь — за кротость и доверчивость христианина. Но окончательный итог одинаков: герой восстания 1068 г. — хороший князь.

Можно допустить, что статьи 1065—1069 гг. оформились в короткое княжение Всеслава, так как их все объединяет идея возмездия за нарушение клятвы. Ни Изяслав, княживший до восстания, — главный виновник клятвопреступления 1067 г., ни Святослав и Всеволод — его соучастники — не были заинтересованы в таком целеустремленном и горячем произведении, которое осуждало бы их действия и прославляло в конце их общего врага⁴⁸.

Если допустить, что статьи 1065—1068 гг. в их полном виде были составлены во время великого княжения Всеслава Брючиславича (15 сентября 1068 г. — апрель 1069 г.), то станет понятно и выступление автора статей против язычества. Ведь как бы ни уверял он нас в том, что князь Всеслав — правоверный христианин, но никуда нельзя деть летописную статью 1044 г. о рождении Всеслава «от волхования», о его особой колдовской природе. Если бы можно было пренебречь былинной оценкой «Волха Всеславича» как поэтическим вымыслом, то как быть со «Словом о полку Игореве», которое рисует его колдуном, оборотнем и чародеем таким образом, что сквозит поэтический вымысел мы видим реальные события — бегство из Белгорода, поход в Тмутаракань и др. Очевидно, какой-то элемент близости полоцкого князя к язычеству действительно был, и летописец, сочувствуя Всеславу как жертве усобиц, приветствуя его как избранника киевлян, все же решил дать противоядие против язычества и облек историю Всеслава в своеобразную форму церковного поучения против суеверий, русальских игр и скоморохов. Как уже было сказано, главными грехами людей, за которые бог наводит казни, у автора являются ложная клятва, лишение работающего оплаты и давление на судопроизводство. Язычество бичуется им очень мягко и в самых невинных его проявлениях: вера в приметы, в чиханье, веселые народные праздники, плохое посещение церкви.

Уцелеть этим статьям, представляющим по существу единый замысел, в последующих сводах помогла главная их идея — осуждение княжеских усобиц как причины гнева господня.

Известная летописная статья 1071 г. о восстании на Белоозере, написанная по рассказам Яна Вышатича, принадлежит, очевидно, своду 1093—1095 гг. и по своим оценкам язычества и действий князей и бояр она резко отличается от повести о Всеславе. Там расправа с грешниками предоставлена верховному божеству; он, грозный бог, будет сушить землю и сжигать посевы грешников или устраивать нашествия

⁴⁸ М. Н. Тихомиров думает, что героем вышедшего из киевских городских кругов повествования о 1068 г. является князь Святослав Ярославич («Крестьянские и городские восстания...», стр. 93). С этим очень трудно согласиться, так как та часть летописной статьи 1068 г., где почти полностью описывается победа Святослава над половцами — не киевского, а черниговского происхождения (Святослав был тогда князем черниговским). Святослав становится героем, да и то очень относительным, только в следующем, 1069 г., когда Всеслав уже ушел из Киева в свой Полоцк. Киевские же известия 1073 г., когда Святослав стал киевским князем, очень враждебны ему: «Святослав же бе начало выгнанию братню, желая большее власти...». Святослав седе Кыеве, прогнав брата своего, претупиве заповедь отню, паче же божью...» («Повесть временных лет», ч. 1, стр. 122).

чужеземцев. Здесь, в статье 1071 г. дух совершенно иной: Ян Вышатич сам с топором в руках отважно вступает в схватку с язычниками, а когда ему удается захватить двух кудесников, то он выдает этих волхвов родичам убитых ими белозерцев; те повесили волхвов на дубу.

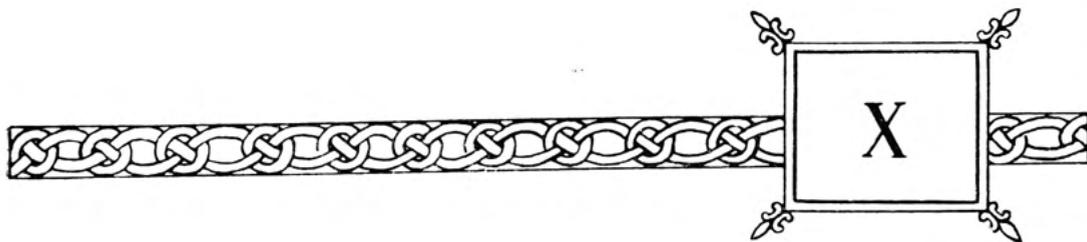
Классовая сущность языческой борьбы против феодальной церкви еще яснее видна в другом примере той же летописной статьи 1071 г. Оба примера относятся, очевидно, к 1060-м годам и под 1071 г. помещены условно.

При князе Глебе Святославиче (1069—1078 гг.) в Новгороде «бысть мятежь в граде» — все новгородцы под водительством волхва собрались убить епископа новгородского Федора: «И разделишася надвое: князь бо Глеб и дружина его идоша и сташа у епископа, а людье вси идоша за волхва». Дело было тоже решено ударом топора — сам князь рассек волхва «и душею [волхв] предавсья дьяволу»⁴⁹.

Очень хорошо, что летописец сам рассказал нам о своей дружбе с Яном Вышатичем и о его исторических воспоминаниях, вошедших в летопись, и нам не приходится гадать о социальной принадлежности автора статьи 1071 г. На приведенных двух примерах мы видим, что крупное боярство, представленное киевским тысяцким Яном, праправнуком Добрыни, стояло за решительные действия, и топор в руках боярина и князя становился символом сильной власти.

Если повесть о Всеславе и киевском восстании 1068 г. написана хитроумным церковником, который, не осуждая восставших и их избранника, сумел выразить в своем произведении высокую идею всеобщего братолюбия, то в статье 1071 г. мы видим автора из других кругов, требующих твердой и решительной расправы с восставшими. Так же, вероятно, выглядели бы и события 1068 г., если бы их описывал сторонник Мстислава Изяславича, казнившего 70 участников восстания.

⁴⁹ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 120—121. Предшественник Федора епископ Стефан был убит в Киеве в 1068 г. своими холопами, а Федора в 1077 г. «свой его пес уяде и от того умре».

НЕСТОР И ЕГО «ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЕ рассмотрение развития русской общественной мысли и ее отражения в летописании нам придется прервать ради одного из крупнейших историков средневековья — Нестора, который известен нам тремя направлениями своей писательской деятельности.

Во-первых, Нестор уже в 1080-е годы выступил как агнограф, написав «Чтение о Борисе и Глебе» и «Житие Феодосия Печерского».

Во-вторых, Нестор продолжил ведение великокняжеской летописи при князе Святополке Изяславиче.

Третьим, самым главным трудом Нестора была «Повесть временных лет», явившаяся новым исследованием, раздвинувшим хронологические рамки русской и славянской истории до первых веков нашей эры.

В своих первых произведениях Нестор выдвигал простую и ясную прогрессивную идею «братолюбия» князей и подчинения старшим. В качестве придворного летописца Нестор, судя по сохранившимся фрагментам, не блистал особым талантом, хотя и умел иногда хитро умолчать о промахах своего князя.

Мы не знаем, когда Нестор занялся прославившей его «Повестью временных лет». Судя по обилию и разнообразию использованной им литературы, он должен был задолго до окончания труда начать подготовку.

Поэтому целесообразнее всего рассмотреть сначала отдельно вводную историческую часть «Повести» в редакции 1113 г., а Несторовы хроникальные статьи 1093 — 1113 гг. рассматривать во вторую очередь в связи со всей полемической литературой начала XII в.

ТРИ РЕДАКЦИИ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

В средневековой европейской и восточной литературе трудно найти другое историческое произведение, которое пользовалось бы в своей стране таким же неизменным уважением и широким распространением, как русская «Повесть временных лет».

Она создавалась в Киеве почти одновременно с «Пространной Русской Правдой», когда Киевская Русь, достигнув своего наивысшего развития, готовилась дать жизнь полутора десяткам новых государств. Юридический кодекс и свод исторических знаний о Руси прожили пять столетий после своего создания. От летописных сводов разных русских княжеств XII—XIII вв. до труда Татищева в XVIII в. «Повесть временных лет» открывала собой изложение русской истории. Уже в XV в. русского историка восхищала разносторонность и правдивость автора «Начального летописца киевского, иже вся временнобытства земельская необинуяся показуеть» и пишет «не украшаа пишущаго» (т. е. описываемого)¹.

Для историков XVIII—XX вв. «Повесть временных лет» и в особенности ее вводная часть, посвященная вопросам «откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда Руская земля стала есть», служила основным источником, важнейшим материалом для построения тех или иных концепций ранней русской истории. Противоречия различных частей летописи, написанных разными лицами, порождали противоречия во взглядах позднейших историков; ошибки киевских монахов XII в. порождали ошибки исследователей спустя восемь столетий. Сложность и запутанность текста нередко открывала дорогу тенденциозным толкованиям; недаром и норманисты и антинорманисты одинаково ссылались на летопись.

История изучения «Повести» и ее общее значение для русской истории за последнее время много раз рассматривались в нашей научной литературе и нет надобности еще раз повторять все этапы ее исследования в «дошахматовский» и «послешахматовский» периоды (см. стр. 158—159 этой работы).

Острота политической борьбы в Киеве на рубеже XI и XII вв., уже частично рассмотренная выше, обусловила сложность литературной жизни произведения Нестора.

А. А. Шахматов установил, что за короткий срок летописный свод Нестора подвергался двукратным переделкам; смена князей на киевском столе привела к смене летописцев и даже к смене того монастыря, в котором должна была писаться летопись.

Все это, с одной стороны, затрудняет и усложняет анализ летописи, а с другой стороны, дает нам некоторые опорные точки в определении ее составных частей.

В основу дальнейшего анализа положена принятая большинством исследователей гипотеза Шахматова о трех этапах работы над «Повестью временных лет», которую графически можно изобразить так:

Автор и редакторы	Время завершения работы	Год, до которого было доведено изложение	Год, до которого сохранилось написанное
Нестор Печерский	1112—1113 гг.	1112 г.?	февраль 1111 г.
Сильвестр Выдубичский	1116 г.	февраль 1111 г. ?	февраль 1111 г.
Неизвестный по имени второй редактор (Мстислав?)	1118—1119 гг.	1117 г. ?	1117 г.

¹ «Рогожский летописец». — «Полное собрание русских летописей», т. XV, изд. 2-е, вып. 1, Пг., 1922, стр. 185.

Сложность состава «Повести временных лет» определяется не только участием в работе над ней трех разных лиц, но и тем, что в руках каждого из них была целая библиотека греческих, болгарских, русских и западнославянских книг, умело привлеченных к расширению рамок русской истории.

При составлении «Повести временных лет» были использованы русские летописные своды 996, 1073 и 1095 гг., летопись «галичанина» Василия, «Изборник» Святослава, «Хроника» Георгия Амартола, ряд церковных книг (псалтырь, паримейник, притчи Соломона, книги пророков, апостольские послания, евангелие и др.), летописец патриарха Никифора, жития святых («Житие Василия Нового»), хронограф особого состава, не дошедший до нас, ряд церковных поучений, договоры Руси с Византией, «Поучение» Владимира Мономаха, «Сказание о грамоте славянской» и др. В ряде случаев можно установить не буквальное цитирование, а пересказ русских или греческих книг².

Труд Нестора распадается на две различные части — на обширное введение в русскую историю и на погодное изложение событий в Киевской Руси, начиная со знаменитого похода русов на Царьград в 860 г.

Вторая часть представляет собой полный летописный свод за 250 лет, составленный на основе предшествующих работ. Участие Нестора здесь сказалось в том, что он продолжил свод печерского игумена Ивана, законченный на 1093 г. Но вполне достоверно определить, что уцелело из написанного Нестором и что написано или включено Нестором, в дошедшем до нас тексте очень трудно³. Шахматов допускал, что подлинный первоначальный текст Нестора мог некоторое время сохраняться в галицко-волинских городах, где княжили потомки Святополка⁴.

Введение в новый летописный свод было тоже написано Нестором, и оно тоже сильно пострадало при переделках.

Исходя из такого деления Несторова исторического труда на введение и хронику 860—1111 гг., С. М. Соловьев предложил считать, что название «Повесть...» относится только к одному введению, а датированная хроника называлась «Летописцем»⁵. К сожалению, в нашей научной литературе слишком прочно утвердилось

² В последнее время Л. В. Черепнин подверг пересмотру датировку трех редакций и все их отнес к княжению Мономаха, считая, что основной текст был написан не в 1113 г., а в 1115 г. по случаю перенесения мощей Бориса и Глеба. Переделку Сильвестра он связывает со смертью Олега Святославича и появившейся поэтому возможностью иначе изложить соперничество Олега с Мономахом. Редакция 1118 г. вызвана, по мнению Л. В. Черепнина, борьбой между Мономахом и Ярославом Святополчицем (Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет» и предшествующие ей летописные своды. — «Исторические записки», т. 25, 1948, стр. 333). Думаю, что смена князей в Киеве была значительно существеннее для летописца, чем смерть в Чернигове Олега Святославича. Соперничество Мономаха со Святополком Изяславичем, длившееся двадцать лет, было важнее, чем эпизод с сыном Святополка. И, наконец, нельзя согласиться с привлечением данных «Киево-печерского патерика» для доказательства постоянства хороших взаимоотношений между Мономахом и монастырем — ведь для этого надо сначала доказать, что «Патерик» никогда не перерабатывался в духе «Мономахова племени». Не может служить аргументом и указание на год смерти Святополка в хронологической таблице, так как не доказано, что этот год внесен рукой Нестора, а не Сильвестра.

³ См. А. Н. Насонов. Начальные этапы киевского летописания в связи с развитием древнерусского государства. — «Проблемы источниковедения», т. VII, М., 1959, стр. 442 — 448.

⁴ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет». Пг., 1916, стр. XVIII.

⁵ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. I—V. М., 1851—1855, стр. 781. Точку зрения Соловьева разделяют Костомаров, Бестужев-Рюмин, Барсов, Никольский, и Лихачев (см. «Повесть временных лет», ч. II, М.—Л., 1950, стр. 204).

название «Повести временных лет» за всем комплексом летописно-исторических работ 1113—1118 гг., но по существу следовало бы только одну вводную часть (от Ноя до Кия) называть «Повесть временных лет — откуда есть пошла Русская земля, и кто в Киеве нача прежде княжити, и откуда Русская земля стала есть».

По самому смыслу этого обширного заголовка ясно, что «Повесть» охватывала только истоки русской государственности, первого киевского князя, первичное становление Киевско-Русского княжества. Здесь была проведена определенная историческая концепция, правда, подвергшаяся серьезной переработке.

Нестора иногда называют «первым русским норманистом», но, как я попытаюсь доказать ниже, настоящим норманистом, варягофилом, был последний редактор, писавший в 1118—1119 гг.

«Повесть»-введение на протяжении последних 200 лет являлась не столько источником исторических концепций XVIII—XX вв., сколько своеобразным «общим котлом», из которого каждый черпал то, что ему нравилось.

Желательно было норманистам подкрепить свой взгляд на славян, как на дикарей, и они выписывали из летописи, что славяне «...живяху звериньским образом, живуще скотьскы...» и добавляли при этом: «так говорит Летописец!». Хотелось им доказать охотничий образ жизни полян, и тотчас в летописи находилась фраза: «...и бяху ловяща зверь...» — «так говорит Летописец!». Ни вопросы авторства данного текста, ни датировки той эпохи, к которой автор относил свои сведения, не ставились. Таинственный обобщенный «Летописец» превращался в Заратустру, изрекающего непреложные истины.

К величайшему сожалению для нашей науки, два корифея «нестороведения» — А. А. Шахматов и Н. К. Никольский — не успели завершить задуманных ими трудов — каждый из них выпустил только *первый* том своего исследования ⁶.

Прежде чем приступить к оставшемуся на нашу долю источниковедческому анализу «Повести»-введения, нам желательно было бы представить себе каждого из участников этой своеобразной авторско-редакторской группы — Нестора, Сильвестра и того решительного варягофила, который перedelывал произведения их обоих.

Но, к сожалению, главным источником остается сама «Повесть временных лет», и в известной мере от субъективных представлений каждого исследователя зависит и воображаемый литературный портрет этих трех историков эпохи Святополка и Мономаха.

Красочную характеристику Нестора дал М. Д. Приселков ⁷. Она построена на ранних литературных трудах Нестора, на «Повести временных лет»; фоном для нее служит история Печерского монастыря и его участие в княжеских делах. Поскольку сама «Повесть временных лет» не была еще до конца раскрыта, то и основанная на ней характеристика не может считаться завершенной.

Нестор пришел в Печерский монастырь при игумене Стефане в 1074—1078 гг.. был посвящен в дьяконы при том же игумене. В 1081—1088 гг. он написал «Чтение о Борисе и Глебе» и «Житие Феодосия Печерского» ⁸.

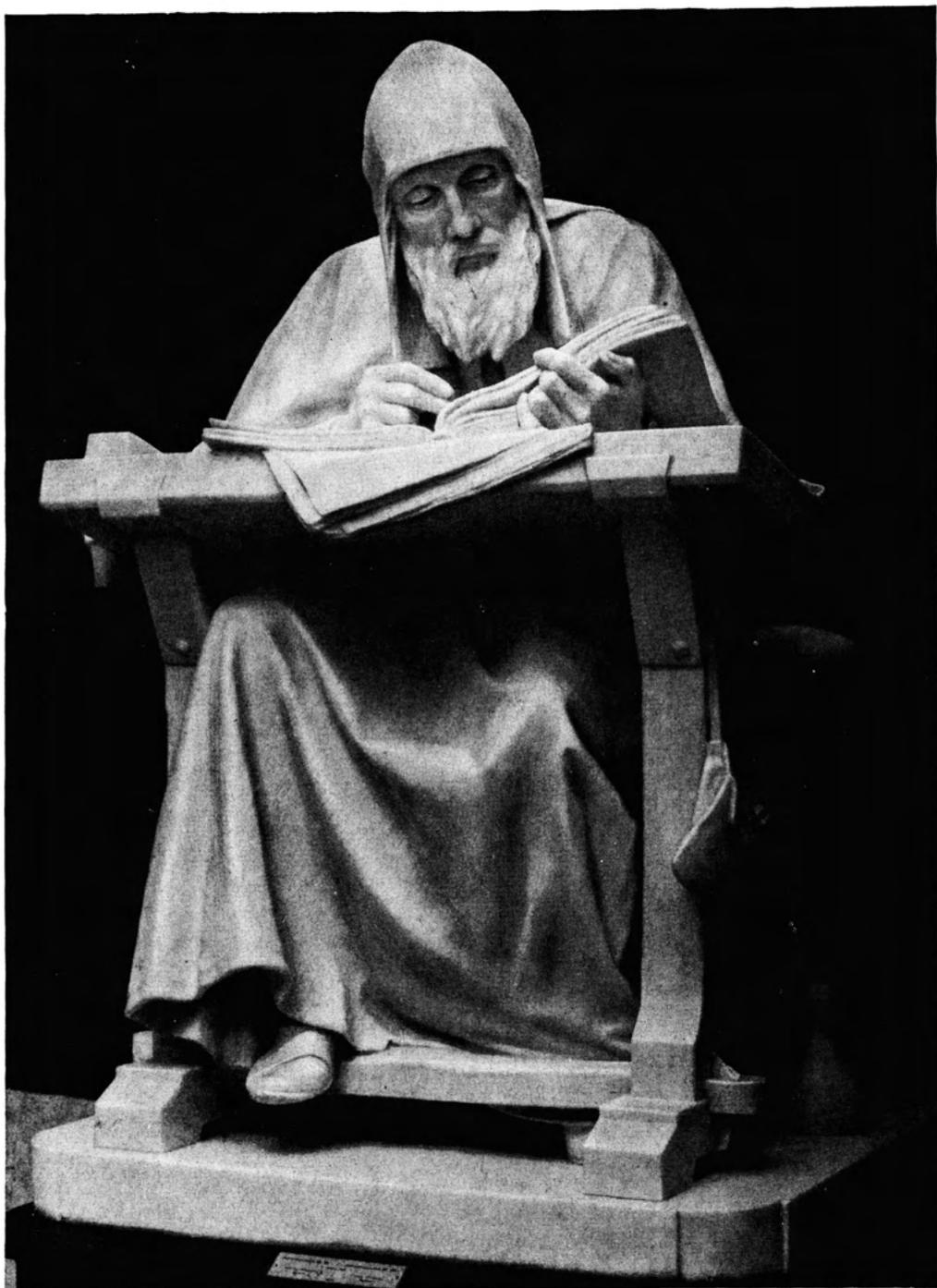
Те 25—30 лет, которые отделяют ранние произведения дьякона Нестора от знаменитой общерусской летописи Нестора были хорошо использованы киевским историком. От отвлеченных и тяжеловатых по языку житийных статей Нестор сумел перейти к блестящему по форме и глубокому по замыслу широкому историческому по-

⁶ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет», т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. В предисловии А. А. Шахматов пишет: «Второй том этого труда (в рукописи почти уже оконченный) будет посвящен исследованию источников „Повести временных лет“ и характеристике редакционной работы ее составителей» (стр. V).

Работа об источниках «Повести» была издана (1940 г.), а исследование редакционной работы осталось незавершенным. Н. К. Никольский. «Повесть временных лет» как источник для истории начального периода русской письменности и культуры, вып. I. Л., 1930.

⁷ М. Д. Приселков. Нестор летописец. Пг., 1923.

⁸ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет», стр. LXXVII. Хороший разбор ранних произведений Нестора см. у Д. С. Лихачева («Повесть временных лет», ч. II, стр. 103—105).

Нестор летописец. Скульптура М. Антокольского

лотну в «Повести временных лет». Впрочем, политические мотивы появились уже у раннего Нестора. Самый выбор темы для «Чтения» — прославление Бориса и Глеба, покорно сносивших произвол старшего брата, — подсказан печальной действительностью 1080-х годов. И Нестор с горестью восклицал: «Мнози бо суть ныне детскы князи, не покоряющиеся старейшим и супротивляющиеся им и убиваемы суть». Это вполне в духе полемических сочинений игумена Ивана, но только обрисовывает положение не среди старшей и младшей дружины, а среди старших и младших («детских») князей, которые действительно часто стремились убить один другого.

О Сильвестре мы знаем еще меньше. В 1115 г. он участвовал в празднестве в Вышгороде по случаю перенесения гробов Бориса и Глеба, в 1116 г. он закончил «Повесть временных лет»:

«Игумен Силивестр святаго Михаила написах книги си Летописець, надеяся от бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святаго Михаила в 6624 [1116] индикта 9 лета. А иже чтеть книги сия, то буди ми в молитвах»⁹.

В 1118 г. (1 января) Сильвестр стал епископом в Переяславле Русском, бывшем городе Владимира Мономаха. Здесь Сильвестр получил кафедру после смерти епископа Лазаря, в котором видят автора «Сказания о Борисе и Глебе».

Вот и все, что нам известно о Сильвестре. Забегая несколько вперед, можно сказать, что и летопись не много добавляет к этим скудным данным.

Третий участник хотя и не известен нам по имени, но облик его заранее может быть очерчен несколько подробнее. Шахматов считает, что он, как и Нестор, был монахом Киево-Печерского Феодосиева монастыря, «человеком начитанным и ученым». Он был близок к Владимиру Мономаху.

Составитель третьей редакции «Повести временных лет» был, кроме того, человеком бывалым: в 1114 г. он был на новгородском Севере, посетил здесь Ладогу, записал и ладожские и новгородские рассказы о северных странах, а также ладожское предание об основании Ладоги Рюриком «Думаю, — продолжает Шахматов, — что этот киево-печерский постриженник был или духовником или вообще близким к Мстиславу [сыну Мономаха] духовным лицом»; предполагается далее, что он жила в Новгороде и был близок не только ко двору Мстислава, но и к новгородскому епископу Никите (1095—1108 гг.) и что вместе с Мстиславом он в 1117 г. оказался в Киеве. Осведомленности его в новгородских делах Шахматов приписывает ряд новгородских известий в «Повести временных лет» (главным образом о Мстиславе)¹⁰.

К этим характеристикам мы еще вернемся в дальнейшем, после рассмотрения текста и предположительного распределения его между тремя участниками.

Совершенно естественно, что источниковедческий анализ «Повести»-введения сопряжен с большими трудностями, а результаты его, предложенные мною в виде реконструкции текста Нестора, могут изобиловать невольными ошибками.

2

АНАЛИЗ ВВОДНОЙ ЧАСТИ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Ставя перед собой трудную задачу реконструкции первоначального текста летописи Нестора в ее вводной части, названной им «Повестью о минувших годах», мы должны гарантировать себя, в пределах возможного, от субъективного толкования текста. Поэтому начинать рассмотрение текста нужно не с установления противоре-

⁹ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 188.

¹⁰ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет», стр. XXXVII—XLI.

чий во взглядах и оценках между тремя участниками труда, а с чисто формальных признаков: перебоев в тексте, грамматической несогласованности, анахронизмов, разрывов одного и того же рассказа, перестановок и т. п. И только лишь после установления отдельных кусков текста и «швов» между ними можно будет приступить к определению авторов отдельных частей и к восстановлению первоначального порядка Несторова текста. В следующем далее текстологическом анализе я сознательно не употребляю имен Нестора или Сильвестра. До поры до времени авторы отдельных кусков должны остаться безымянными.

Ввиду единства вводной, недатированной части в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, примем в качестве основного текст Лаврентьевской в известном издании А. А. Шахматова¹¹ и приступим к отысканию «швов». Ссылки будут даваться в тексте; первая цифра обозначает страницу, вторая—строку.

§ 1. Первым параграфом «Повести временных лет» является рассказ о разделе земли после всемирного потопа между сыновьями Ноя Симом, Хамом и Иафетом.

Отягощенный длинными списками ближневосточных и средиземноморских стран, взятыми из хронографа и «Хроники» Георгия Амартола, этот параграф подводит читателя к месту Руси в мировой географической системе, как она рисовалась средневековому книжнику.

Первым нарушением логики изложения можно считать фразу летописца:

«В Афетове же части седять Русь, Чудь и вьси языци...» (3; 10).

Далее следует перечень четырнадцати финно-угорских и балтийских народов (3; 10—12). По какому принципу он составлен — неизвестно. Если это — соседи Руси, то данный перечень очень неполон — здесь нет, например, Ятвягов, Печенегов, Половцев, Черных Болгар, Корелы и др. Загадочные слова «вси языци» требуют разъяснения, которого в этом месте летописи нет.

Думаю, что, анализируя этот отрывок, мы должны обратить внимание на очень близкий перечень народов (10; 16—19), озаглавленный так: «А се суть инии языци. иже дань даютъ Руси»; перечень открывается Чудью, а далее в том же порядке идут те же народы, что и в первом случае¹².

Представляется очень убедительным, что в первоначальном тексте о принадлежности Руси к «Афетовой части» было сказано почти так же кратко, как и о Славянах. В этом параграфе, посвященном трехчленному делению всей населенной земли, многочисленные славянские племена, о которых летописец в следующем параграфе говорит очень подробно, обозначены всего лишь одним словом — «Словене»¹³.

О Руси, истории которой посвящена вся «Повесть», здесь было сказано, вероятно, так:

«В Афетове же части седять Русь и вьси языци, иже дань даютъ Руси».

Полный же перечень полутора десятков племен, подвластных Руси, уместнее было дать не в этом вводном параграфе, а там, где должна была идти речь о составе Руси-государства, где перечислялись как славянские, так и неславянские племена, входившие в состав Руси (см. 10; 14—20).

¹¹ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет». Многое из того, что нам надлежит отметить в качестве швов между отдельными кусками и вставками, давно уже было отмечено различными исследователями. Нет надобности отягощать статью подробными ссылками. Больше всего нужных нам наблюдений сделано А. А. Шахматовым (указ. соч., «Вводная часть» и особенно «Дополнительные примечания к изданным текстам», стр. 375—394).

¹² Отличия незначительны: так, во втором перечне пропущена Угра и Летьгола, а Заволочская Чудь заменена Черемисой.

¹³ «Словене» отсутствуют в списке народов Георгия Амартола. Летописец вставил славян в список, поместив их между Иллирией и загадочной Лухитией.

§ 2. Вторым нарушением логики изложения является отрывок, посвященный описанию народов вокруг Балтийского моря и народов Западной Европы (3; 12 и 4; 1—7). Он начинается ничем не оправданным противопоставлением Поляков, Пруссов и Чуди каким-то другим народам:

«Ляхове же и Пруси и Чюдь приседять к морю Варяжьскому; по сему же морю седять Варязи семо к вьстоку до предела Симова; по тому же морю седять к западу до земле Агляньскы и до Волошьскы» (3; 12. 4; 1—3).

Совершенно непонятно, почему здесь выделены именно эти три народа; непонятно, почему Чудь попадает в описание вторично. Если автор хотел дать здесь особое описание народов, населяющих берега Балтики, то почему здесь нет Корси, Либи, Зимеголы, Суми, Еми, живших на берегах того же Варяжского моря и поименованных в соседнем списке? Как могло возникнуть противопоставление: одни народы сидят в Афетовой части, а «Ляхове же и Пруси и Чудь приседять к морю Варяжьскому»? Такую грамматическую несогласованность можно объяснить, только допустив, что текст «Ляхове же...» является вставкой. Далее в летописи мы много раз встретимся с обрывками географического описания, которое, к сожалению, не собирается из этих отрывков в полном виде. Очевидно, из этого источника и вставлена кем-то фраза о Поляках, Прусах и Чуди и о Варягах. Механическое внедрение ее в текст летописи объясняется чьим-то стремлением подробнее осветить географию Прибалтики, Скандинавии и Западной Европы¹⁴. Относить ее к первоначальному тексту нельзя.

Такой же характер дополнительной вставки носит и следующий отрывок, начинающийся словами:

«Афетово бо колено и то: Варязи, Свеи, Урмане, Гьти, Русь, Агляне, Галичане...» и т. д. (4; 4—7).

Во-первых, терминология здесь предваряет изложение — говорится о «колене Афетовом», о «племени Хамовом», т. е. о потомках библейских персонажей, тогда как речь о потомках пойдет несколько ниже.

Во-вторых, нельзя не отметить и различия терминологии — в основном списке говорится о географическом подразделении Афетовой части, а здесь изложение переводится в иную плоскость и речь идет о генеалогической связи народов с Иафетом.

Кроме того, давно уже обращалось внимание на то, что Русь здесь упомянута вторично и поставлена в списке между Готами и Англами, т. е. среди северных германско-скандинавских народов, где никто не знает народа с таким именем¹⁵.

Все вместе взятое заставляет считать эти строки вставкой, дополнившей описание Варяжского моря. Автор этой вставки обнаруживает хорошее знание географии Западной Европы; обойдены здесь только славянские народы. Очевидно, автор этого отрывка писал его, зная, что по соседству в тексте подробно говорится не только об одних Ляхах, но и обо всех других славянских народах (см. карту на стр. 223).

К более подробному рассмотрению этих интересных вставок по существу мы вернемся в дальнейшем.

§ 3. Грубым нарушением последовательности изложения является известный рассказ о поселении Славян на Дунае (5; 10—18).

¹⁴ Надо отдать справедливость автору этой вставки — он очень точно знал расположение норманских владений в Европе, установившееся после битвы при Гастингсе и завоевания Амальфи и Апулии; варяги-норманны «сидят к западу до Английской земли и до Итальянской». Следовательно, это описание составлено не ранее 1066—1077 гг.

¹⁵ К ошибкам этого списка нужно отнести и то, что одновременно упомянуты и варяги и шведы (свеи).

Приведу этот текст, разбив его на отдельные отрывки.

- A_1 [«От сих же 70 и дьвою языку бысть язык Словеньск; от племени же Афетова нарицаемии Норици, иже суть Словене (5; 7—9).
- B_1 [По мнозех же временех сели суть Словене по Дунаеви, кгде есть ныне Угърська земля и Българська (5; 10—11) (см. карту на стр. 245).
- A_2 [И от тех Словен разидошася по земли и прозвашася имени своими, кгде седьше на которомь месте . . . (5; 11—16).
-
- B_2 [Волохом бо нашьдшем на Словены на Дунаискыя и седьшем в них и насильщем им (5; 16—17).
- A_3 [Словене же ови, пришьдъше, седоша на Висле, и прозвашася Ляхове . . . (5; 17—18).
-
- B_3 [Словеньску же языку, якоже рекохом, живущю на Дунаи, придоша от Скуф, рекъше от Козар рекомии Българе, и седоша по Дунаеви, и насильници Словеном быша . . . »(11; 1—3).

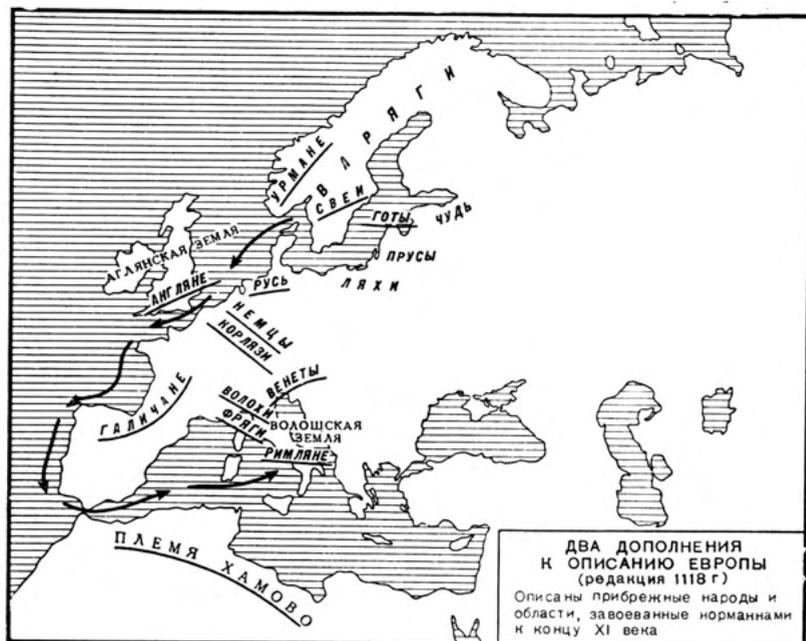
Связный и целостный рассказ о судьбах Славян, поселившихся на Дунае (отрывки B_1 , B_2 , B_3), оказался разбитым на части, и эти части вкраплены в текст, описывающий более ранние времена. Продолжение мысли летописца о расселении Славян после того как бог «смеси языки и *рассея по всей земле*» (отрывки A_1 , A_2 , A_3), оказалось здесь искусственно отделенным от основного рассказа неудачно попавшей сюда фразой о продвижении Славян на Дунай (отрывок B_1). Начало этой фразы не оставляет никаких сомнений в ее инородном, чуждом характере для данной части текста: «*по мнозех же временех сели суть Словене*». Весь смысл пересказа библейской легенды о вавилонском столпотворении в том и заключался, что летописец получал от господствовавшей в средневековой науке схемы исходную точку истории своего народа — бог рассеял народы по земле. И летописец детально описал, где и как расселились интересующие его народы. Для историка-монаха было немислимым, чтобы исполнение божьей воли откладывалось на «мнози времена».

Прямое продолжение этой фразы о Дунайских Славянах (отрывок B_2) отделено от нее пятью строками текста, непосредственно продолжающими первоначальный рассказ о расселении после «разделения язык» (отрывок A_2). Это тоже явное свидетельство нарушения текста. Второй отрывок — о нападении Волохов на Дунайских Славян (отрывок B_2) — так же грубо рассекает повествование о расселении, как и отрывок B_1 .

Установив искусственное расчленение первоначального текста о расселении Славян в результате вавилонского столпотворения, мы видим, во-первых, что отрывки A_1 , A_2 , A_3 представляют собой связный единый рассказ, а во-вторых, что и другая серия отрывков — B_1 , B_2 , B_3 тоже пронизана единством и логической связью, но только место этих отрывков (B_1 и B_2) не здесь, а где-то далеко впереди, где речь будет идти о конкретных событиях V—VII вв. на Дунае и где «Словены Дунайские» выделены в особую группу по географическому признаку — «Словене, иже седяху по Дунаеви» (11; 1—3. 25; 17).

§ 4. Незначительное отступление от выработанного стиля изложения можно отметить внутри текста о расселении славян. Так, обо всех народах сказано лишь одно — на какой реке они поселились. О Словенах же Новгородских сказано, что они построили Новгород.

Даже применительно к Полянам, история которых была, естественно, в центре внимания летописца, не сказано здесь ничего о постройке города. Это — первое упоминание русского города на страницах «Повести временных лет», и странно, что

Географические дополнения к описанию народов Европы в «Повести временных лет»

таким первым городом оказался не Киев, обозначенный в самом заголовке «Повести», а Новгород, Новый город, несомненно уступающий в старшинстве Киеву — «матери городов русских». Такое выпячивание Новгорода на первое место хорошо известно нам по новгородскому летописанию XI—XII вв.¹⁶ Делалось это довольно примитивно и неуклюже, но тем легче отделить основной текст от позднейших подправок, произведенных рукою новгородца.

На основании этого я считаю фразу «Словене же пришьдъше с Дуная, седоша около озера Илмеря и прозвашася своимъ именемъ и сделаша град и нарекоша и Новъгород» (6; 7 — 9) сильно подправленной одним из редакторов, заинтересованным в выдвижении Новгорода на первое место. Заметим, что он имел дело уже с перекроенным текстом, в котором отрывок Б₁ (о Славянах на Дунае) уже находился в параграфе, посвященном расселению Славян.

Для того, чтобы упоминание о Словенах не выделялось по стилю из всего текста, его нужно читать примерно так:

«Словене же еже седоша около озера Илмеря, прозвашася своим именем».

§ 5. В последнюю фразу рассказа о расселении вкралось несколько слов, совершенно неожиданных в этом месте:

«И тако разидеся Словеньскый язык; темъ же и грамота прозвася Словеньская» (6; 11—12).

Конец этой фразы явно относится к «Сказанию о грамоте славянской», помещенном в виде двух разобщенных отрывков значительно ниже.

¹⁶ См., например, «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», М.—Л., 1950, стр. 103.

§ 6. Вслед за отмеченной только что фразой идет еще одна фраза, указывающая на перебой в тексте. Она повторяется в летописи три раза:

1. «Полям же живъшем особе по горам сим» (6; 13)¹⁷.
2. «Полям же живъшем о собе и владеющем роды своими...» (8; 13)¹⁸.
3. «Полям же живущем особе, якоже рекохом» (11; 19)¹⁹.

Логически связана с последующим текстом эта фраза только во втором случае, когда речь идет о жизни самих Полян. Первый и третий случаи мы должны рассматривать как результат редакторской небрежности. Там, где эта фраза повторяется без логической связи с текстом, мы вправе ожидать каких-либо вставок, интерполяций, произведенных тем или иным редактором.

§ 7. Между первым и вторым упоминанием о «Полянах, живущих особе», помещено несколько отрывков, посвященных двум темам — географии речных и морских путей и легенде о путешествии апостола Андрея по Руси.

Первый отрывок повествует о знаменитом пути «из Варяг в Греки»:

«Бе путь из Варяг в Грьки и из Грьк по Дънепру, и върх Дънепра волок до Ловати, и по Ловати вънити в Илмерь езеро великое, из него же езера потечеть Волхов и втечеть в езеро великое Неву, и того езера видеть устье в море Варяжское; и по тому морю ити доже и до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Цесарюграду, а от Цесаряграда прити в Понт море, в неже втечеть Дънепр река» (6; 13—20).

Во всей нашей литературе, как научной, так и учебной, прочно установилось наименование Великого Днепровского пути, как пути именно из *Варяг* в Греки, то есть с севера на юг, из Балтики в Причерноморье. А между тем порядок описания пути никак не соответствует такому наименованию.

Варяжская земля не только не являлась отправной, исходной точкой описанного здесь кругосветного европейского плаванья, но она *даже и не упомянута* в описании маршрута. Есть только «море Варяжское», а земли Варяжской нет даже в качестве промежуточного этапа. Конечно, в эпоху норманских походов и завоеваний нельзя отрицать знакомства норманнов с Днепровским путем в Византию, но, выясняя *точку зрения летописца*, мы должны сказать, что это была точка зрения *русского* человека, определявшего этот маршрут не с севера на юг, не из Скандинавии в Византию, а, наоборот, *с юга на север*, вверх по Днепру, через Ловать, Ильмень, Волхов и Неву. Больше того, мы можем сказать, что этот человек не новгородец, а южанин, для которого Днепр был ближайшим географическим ориентиром, тем естественным путем, с которого начиналось плавание (см. карту на стр. 225)²⁰.

Исходя из всего отмеченного выше, следует признать, что заголовок отрывка о кругосветном плаваньи не соответствует его содержанию — в летописи нет пути «из Варяг в Греки», а есть только путь «из Грек».

Необходимо допустить, что слова «из Варяг в Греки» являются вставкой, нарушающей логику самого изложения. Без этой вставки отрывок приобретает стройность и логическую последовательность:

«...бе путь из Грек по Днепру и верх Днепра волок...» и т. д.

Здесь описывается путь от византийских владений на берегах Понта, «в неже втечеть Дънепр река».

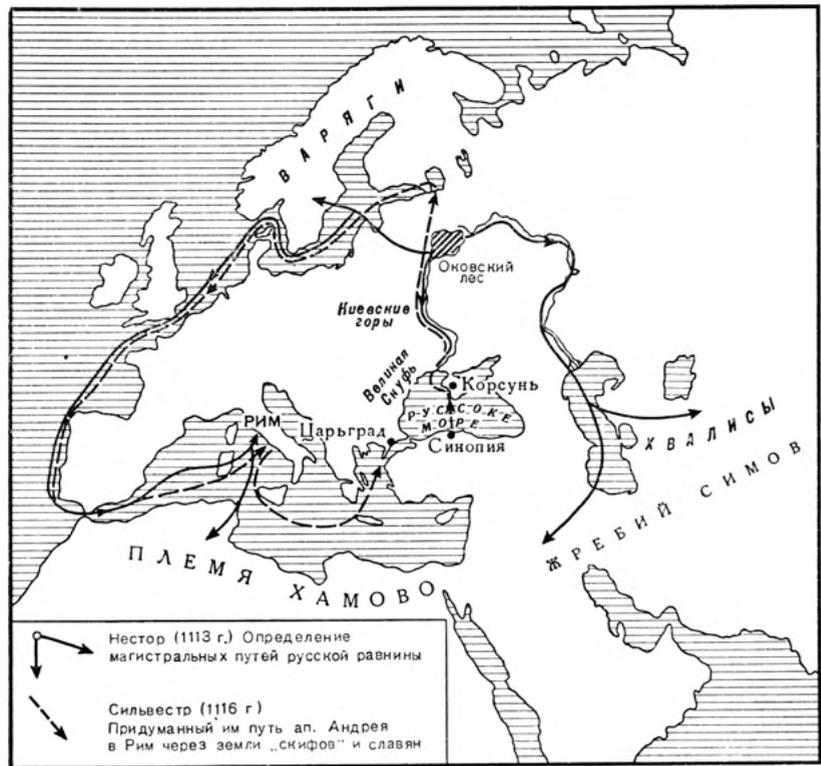
Потребность в описании такого пути выяснится ниже при рассмотрении легенды об Андрее.

¹⁷ Далее следует описание пути из Варяг в Греки и из Грек и рассказ об апостоле Андрее.

¹⁸ Далее идет рассказ об основании Киева и ряд разрозненных отрывков.

¹⁹ Далее идут разрозненные географические отрывки и описание славянских обычаев.

²⁰ Читая эту часть летописного текста, мы можем вспомнить Адама Бременского, писавшего о постоянных связях южной (славянской) Прибалтики с «украшением Востока» — Киевом — и о плаваньи русских кораблей по «Варяжскому морю».

**Путь «из Грек в Варяги» по Нестору
и приспособление его к легенде об апостоле Андрее**

§ 8. Непосредственно к описанию пути «из Грек» примыкает отрывок другого географического текста, построенный по другому принципу (6; 20. 7; 1—9). Он логически продолжает рассказ о трех частях древнего мира, о «жеребях» Сима, Хама и Иафета, указывая, каким образом из Руси можно попасть в каждый из этих жребиев.

Отправной точкой здесь является не Греческая земля, а Русь, «Оковский лес» на Валдайской возвышенности, откуда три великих русских реки растекаются в разные стороны. Волга ведет из Руси в Болгарское ханство, в прикаспийские земли, в Хорезм, открывая путь еще далее на восток в «жеребий Симов», т. е. в Персию, Аравию, Индию. Западная Двина в этом отрывке заменяет собой Волхов и Неву предыдущего отрывка (см. § 7). Именно по Двине идут из Руси «в Варяги, а из Варяг до Рима» по наезженным норманнами путям. Доведя своего читателя до Италии, автор этого отрывка не заставляет его возвращаться через Царьград и Понт, а открывает перед ним путь в Африку, к «племени Хамову».

К Греческой земле, начинавшейся на берегах Понта, вел Днепр, который «втечет в Понтское море тремя жерелы».

Рассмотренный географический отрывок существенно отличается от предыдущего: во-первых, здесь все подчинено описанию географии Руси, русских связей с Азией, Европой и Африкой, а там дан только путь из Греции *через* Русь. Во-вторых, здесь путь из Руси в Прибалтику указан по Западной Двине, а там — по сложной системе волоков, рек и озер (первый путь на 600 км короче второго). В-третьих, здесь указаны конечные направления — часть Симова, часть Хамова, а там дается маршрут объезда всей Европы с тем, чтобы возвратиться к тому же самому Днепру,

с которого начато описание; практическое значение этого кругового маршрута неясно. В-четвертых, нужно отметить, что в обоих отрывках есть и повторения. Вывод можно сделать только один — отрывки принадлежат разным авторам, ставившим перед собой разные цели.

Второй отрывок завершается двумя примечаниями; Понтское море — «еже море словеть Русьское; по нему же учил святыи Андрей, брат Петров, якоже реша» (7; 8—9). Оба замечания связаны с легендарным путешествием Андрея в Русь, а заключительные слова «якоже реша» с несомненностью говорят о перестановке текста, что давно уже отмечалось исследователями.

Нигде до сих пор в тексте «Повести временных лет» не было речи об апостоле Андрее и ссылка на то, «как уже сказано», явно не на месте, так как легенда об Андрее помещена прямо *вслед* за этими словами.

§ 9. Легенда о путешествии апостола Андрея в землю Полян (7; 11—20. 8; 1—12) является одним из самых убедительных доказательств наличия в летописи дополнений, сделанных другой рукой и не всегда сохранивших свое первоначальное место ²¹.

В дошедшем до нас тексте «Повести временных лет» существуют два взаимоисключающих взгляда на вопрос о первом знакомстве славян с христианством; в одном месте (28; 11) утверждается, что «Словеньску языку учитель есть [апостол] Павль», а в разбираемой сейчас легенде говорится об апостоле Андрее. Очевидно, два разных взгляда принадлежат двум разным авторам. К разбору этой стороны текста мы вернемся в следующем разделе, а сейчас отметим пропуски и перемещения отрывков.

Начало легенды, те необходимые вводные слова, которые должны были связать ее с основным текстом летописи, отсутствуют; начинается она со слов: «...Андрею учащу в Синопии...». Совершенно ясно, что этим словам первоначально предшествовали другие.

Соседство и текстовая связь легенды с разобранным выше описанием днепровского пути «из Грек» объясняются стремлением русского книжника во что бы то ни стало украсить первые страницы летописи рассказом об апостольской проповеди. Из всех двенадцати апостолов только об одном Андрее говорилось, что он проповедовал христианство «Скифским» народам (имелись в виду племена Средней Азии). Но этому книжнику нужно было обойти серьезное географическое препятствие — известно было, что Андрей был в Синопе и оттуда отправился в Рим; нужно было отыскать такой вариант пути, который вел бы из Черного моря в Рим через русские земли. Для этой цели очень удобным оказался тот географический отрывок, который повествует о связях Руси с частью Симовой, частью Хамовой и с Римом.

Однако мысль о широких связях Руси здесь должна была получить несколько иное конкретное выражение, так как отправной точкой является не Русь, а берега Понта. Так, по всей вероятности, и родился тот вариант описания пути по Днепру, где автор ведет читателя снизу вверх, с юга на север, от Понта к Варяжскому морю и затем уже приводит его в Рим. Описание пути «из Грек» было совершенно необходимо автору легенды об апостоле — просветителе Руси для того, чтобы показать своим читателям, что можно попасть из Синопа в Рим с заездом в русские земли. Оказавшаяся не на месте фраза «якоже реша» дает нам право переместить отрывки таким образом, чтобы восстановить их первоначальную последовательность:

А [«...Андрею учащу в Синопии и пришедшу ему в Кърсунь, уведе, яко ис Кърсуниа близь устие Дънепрское, и въсхоте поити в Рим (7; 11—13).

²¹ См., например, А. А. Шахматов. «Повесть временных лет», стр. 375.

- Б** [Бе [бо] путь из Грьк по Дънепру, и верх Дънепра волок до Ловати, и по Ловати вьнити в Илмерь езеро великое, из негоже езера потечеть Волхов и вьтечеть в езеро великое Нево, и того езера внидеть устие в море Варяжское. И по тому морю ити доже и до Рима, а от Рима прити по тому же морю к Цесарюграду, а от Цесаряграда прити в Понт море, в неже вьтечеть Днепр река (6; 13—20).
- В** [Дънепр бо потечеть из Оковьскаго леса и течеть на полдьне... [далее идет описание волжского и двинского путей]... А Дънепр вьтечеть в Понтское море трьми жерелы, еже море словеть Русьское (6; 20.7; 1—9).
- Г** [по нему же учил святой Андрей, брат Петров, якоже реща (7; 9—10).
- Д** [И приде в устие Дънепрское и оттоле поиде по Дънепру горе и по приключаяу приде и ста под горами на брезе (7; 13—15).
- Е** [Полям же жившем особе по горам сим (6; 13).
- Ж** [И заутра вьстав, рече к сущим с нимь учеником: „Видите ли горы сия? Яко на сих горах вьсияеть благодать божия; имать град велик быти и церкви многи бог воздвигнути имать“. И вошед на горы сия, благослови я, и постави крест и помолвься богу, и сълез с горы сея, идеже послеже бысть Киев... [далее говорится о пути через землю Словен Новгородских в Варяги и Рим; иронически описаны севернорусские бани]... Андрей же, быв в Риме, приде в Синопю» (7; 15—20. 8; 1—12).

Отрывок **Б** очень хорошо (с точки зрения летописца) объясняет, почему Андрея, отправившегося из Синопа в Рим, соблазнило «устье Днепрское».

Отрывок **В**, взятый, по всей вероятности, в готовом виде из географического описания Руси (может быть, из первоначального текста летописи?), еще более подкреплял аргументацию автора легенды.

Отрывок **Г**, пояснявший, что по берегам Русского моря учил один из апостолов — Андрей, принадлежит, без сомнений, к основному тексту легенды. Уже после того, как легенда попала в летопись, кто-то перепутал ее отдельные части и слова «якоже реща» (вполне уместные в предложенной мною реконструкции) оказались не на месте.

Место отрывка **Е** (о Полянах) определено здесь весьма предположительно.

Отрывок **Ж** своим насмешливым тоном по отношению к новгородцам обличает руку южанина, незнакомого с северными банями.

§ 10. А. А. Шахматовым в его реконструкции текста «Повести временных лет» выделен рассказ о построении Киева, как заимствованный Нестором из Начального свода 1093—1095 гг.²²

Выписке из более раннего свода предшествует отрывок фразы, явно находящийся не на месте:

«... иже и до сея братия бяху Поляне» (8; 14).

Рассказ о трех братьях — Кие, Щеке и Хориве — помещен далее, и поэтому здесь преждевременно говорить о «сей братии». По другую сторону выписки из свода игумена Иоанна находится дополнительное разыскание о князе Кие, произведенное

²² А. А. Шахматов. «Повесть временных лет», стр. 8, 9.

летописцем для того, чтобы реабилитировать его княжеское достоинство и опровергнуть версию (очевидно, новгородскую) о простом «перевознике» (9; 10. 10; 3).

§ 11. Вслед за рассказом о Кие помещено очень интересное и важное описание племенных княжений (10; 5—7), но оно резко перебито выписками из какого-то географического источника. Дело в том, что перечень племенных княжений не охватывал всего восточного славянства; в него не входила примерно половина восточнославянских племен. Это, очевидно, объяснялось специальным интересом летописца именно к этой половине племен, составившей впоследствии Русь в ее первоначальном виде²³.

Перечислив самостоятельные княжения Полян, Древлян, Дреговичей, Словен, Полочан, текст летописи переходит к описанию размещения других племен — описанию, составленному по другому принципу:

«И по сих братии държати почаша род их кнѣжение в Полях, а в Деревлях свое, а Дръговичи свое, а Словене свое Новегороде, а другое [?] на Полоте, иже и Полочане (10; 5—7),

от нихже [?] и Кривичи, иже сеять на верх Волги и на верх Двины и на верх Дънепра, иже град есть Смоленск: туда бо сеять Кривичи. Таже север от них. А на Белеозере сеять Весь, а на Ростовском озере Меря, а на Клещине озере Меря же. А по Оце реце, где вѣтчеть в Волгу, язык свои Мурома и Черемись свои язык и Мордва свои язык» (10; 7—13).

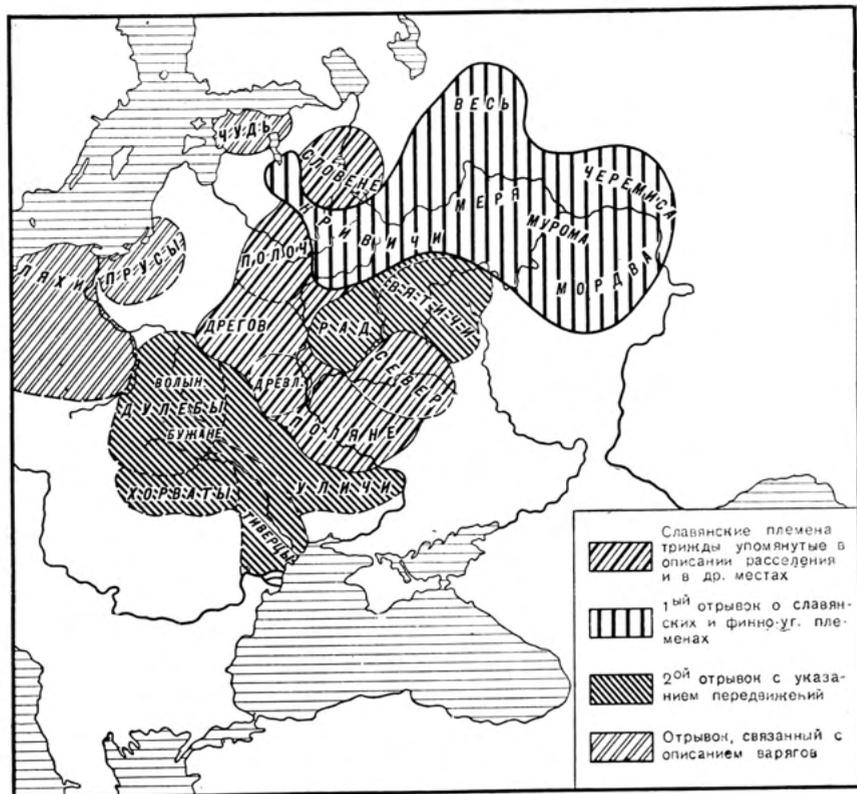
В списке княжений мы снова чувствуем руку новгородца, который сделал исключение только для Новгорода, добавив его имя к Словенскому княжению. Трудно-объяснимое дополнение к Полочанам («а Словене свое Новегороде, а другое на Полоте»), быть может, связано с тем, что на эту фразу пришлось «шов» между двумя различными кусками текста; едва ли ее первоначальный вид был так двусмыслен. Ведь по прямому смыслу фразы в ее теперешнем виде нужно считать, что у Словен было два княжения — одно в Новгороде, «а другое на Полоте». Очевидно, надо понимать так, что список княжений завершался Полочанами, и слова «а другое» следует переводить «и еще одно» — Полочане. Река Полота, очевидно, взята из географического перечня, строго придерживающегося в своем описании речных систем, тогда как в перечне княжений реки отсутствуют.

§ 12. Непосредственно за приведенной выше географической вставкой идет текст (10; 14—20) с утраченным, очевидно, началом, но чрезвычайно важного содержания. Это — перечень славянских племен, составляющих Русь, и неславянских (финно-угорских и балтийских) племен, платящих дань Руси. В отличие от предыдущего описания, занятого лишь указанием *географических* ориентиров, здесь в основу положен принцип *политической* принадлежности. Географическая вставка значительно менее полна, чем этот перечень: во вставке указаны только пять финских племен, а в перечне данников Руси, сверх того, еще девять разных племен.

В славянской части, идентичной перечню княжений, есть лишь одно отличие — после простого перечисления уже известных нам Полян, Древлян, Дреговичей, Новгородцев, Полочан и Северян здесь указаны «Бужане, зане седоша по Бугу, послеже же Вельняне». Эта фраза снова возвращается к принципу речных систем и, вероятно, относится к тому же географическому источнику, из которого черпался материал для ряда вставок²⁴.

²³ Б. А. Рыбаков. Начало Русского государства. (Представления летописцев о Руси VI—IX вв.). — «Вестник МГУ», 1955, № 4—5; Б. А. Рыбаков. Образование Древнерусского государства. М., 1955 (доклад на X Международном конгрессе историков в Риме).

²⁴ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет», стр. 376: «Возможно, что бужане после север вставлено составителем 3-й редакции».

Отрывки из географических описаний славянских народов
в «Повести временных лет»

§ 13. Без всякой логической связи с предыдущим перечнем, но в несомненной связи с отрывками, помещенными много выше и повествующими о Славянах на Дунае (см. § 3, Б₁, и Б₂), стоит известный рассказ о нападениях кочевников на Дунайских Славян и Дулебов (11; 1—18). Эта вставка, вероятно, относится к первоначальному тексту, но на это место она попала при последующей обработке текста Нестора.

§ 14. После третьего упоминания «Полям же живущем особе» следует несколько разрозненных фраз, посвященных географии и этнической принадлежности ряда славянских племен (11; 19. 12; 1—10). Обращает на себя внимание тематическая и даже грамматическая несогласованность отдельных отрывков между собой. Порядок и внутренняя логическая связь появляются лишь двенадцатью строками ниже, когда в летописи дается знаменитое этнографическое описание славянских племен.

Приведу эту часть текста, разбив ее предварительно на отдельные куски, связанные внутри единством:

А [«Полям же живущем особе, якоже рекохом, сущим от рода Словеньска и нарекошася Поляне, а Древляне от Словен же и нарекошася Древляне.

Б [Радимичи же и Вятичи от Ляхов. Бяста бо два брата в Лясах — Радим, а другой Вятко; и прешедша, седоста: Радим на Союю и прозвашася Радимичи, а Вятко седе с родомъ своим по Оце, от него же прозвашася Вятичи.

В [И живяху в мире Поляне и Древляне, и Север, и Радимичи
и Вятичи.

Г [...Хорвати... Дулеби же живяху по Бугу, кде
ныне Вельняне, а Уличи и Тиверьци седяху
по Днестру, и приседяху к Дунаеви. И бе множество
их; седяху бо преже по Бугу и по Днепру оли до
моря и суть гради их и до сего дьне, да то ся зваху
от Грьк «Великая Скуфь» [11; 19—20. 12; 1—10]
Имеяху бо обычаи свои...».

Каждый из приведенных выше отрывков, во-первых, не связан логически с соседним, а во-вторых, не представляет и сам по себе законченного целого. Обращает на себя внимание пестрота терминологии;

Отрывок А — «нарекошася»

« Б — «прозвашася»

« Г — «ся зваху», «живяху» и «седяху».

Отрывок А является повторением уже сказанного выше в разделе о первоначальном расселении славян и никак не связан с рассказом о злоключениях Дулебов во времена аварского владычества.

(6; 2—3): «Также и ти Словене, [отрывок А — «сущим от рода словеньска»] прешедше седоша по Дънепру и нарекошася Поляне [отрывок А — «и нарекошася Поляне»],

(6; 3—4): «а друзии — Древляне, зане седоша в лесех» [отрывок А — «а Древляне от Словен же и нарекошася Древляне»].

Отрывок Б явно связан с рассказом о расселении Славян и ведется в прошедшем времени. Древляне, Северяне, Радимичи и Вятичи почти всегда объединены летописцем то как враги Полян, то как мирные соседи, то как люди, живущие (в отличие от Полян) «звериньским» образом. В перечне же расселившихся в Восточной Европе славян недостает из ближайшего окружения Полян именно Радимичей и Вятичей. Очевидно, эта легенда о приходе Радима и Вятка первоначально находилась в разделе о расселении Славян после вавилонского столпотворения или после упоминания Древлян, или же после упоминания Северян (см. 6; 4—10). В таком контексте становится понятным придуманное летописцем объяснение имен Радимичей и Вятичей от эпонимов — ведь в этом разделе давалось толкование племенных названий (Полочане от реки Полоты, Древляне от лесных деревьев, Морава от реки Моравы).

Стоит отметить еще один формальный признак различия отрывков А и Б; если не делать между ними цезуры и читать подряд, то получится противопоставление: Ляхи — не Славяне, а это противоречило бы яркой и подробной картине деления всех славян на основные группы, нарисованной вначале. Там поименованы все основные подразделения Ляхов²⁵.

Отрывок В должен относиться к такому тексту, который упоминал бы все племена, «живущие в мире». Таким текстом является следующее далее описание свадебных и погребальных обычаев. Список племен и там и здесь одинаков, за одним только отличием: среди «живущих в мире» племен упомянуты и Хорваты. Это не может не вызвать недоумений, так как Хорваты далеко удалены от компактной массы днепровско-окских племен, составляющих этот список. Нигде в других местах летописи Хорваты не упоминаются в сочетании с этими племенами. Следует обратить

²⁵ Что касается ляхского происхождения Радимичей и Вятичей, то следует отметить, что автор «Повести временных лет» лишь распространил на Вятичей то, что уже было написано относительно Радимичей в Новгородской летописи: «Беша же Радимиче от рода Ляхов; пришедше, ту ся вселиша и платять дань Руси, повоз везуть и до сего дни» («Новгородская первая летопись», стр. 131, Комиссионный список, под 984 г.).

внимание на то, что следующий отрывок — Г — посвящен как раз соседям Хорватов, юго-западным славянским племенам Дулебов, Волянн, Уличей и Тиверцев.

Вероятно, слово «Хорвати» оказалось на «шве», на месте шивки двух кусков и посредством союза «и» оказалось привязанным не к последующему тексту о Дулебах и их соседях (где естественно рассматривать Прикарпатских Хорватов), а к предыдущему куску текста о Полянах и их соседях.

Отрывок Г в отличие от отрывка Б говорит не о давнопрошедшей поре расселения, а о географическом *размещении* племен. Считать этот отрывок, начинающийся с упоминания Дулебов, географическим комментарием к рассказу о дулебно-аварских отношениях нельзя, так как в том рассказе Скифией названы Хазарские степи, а здесь Скифия — юго-западная часть славянских племен, земли которых простираются «оли и до моря». Нетрудно усмотреть прямую связь упоминания этих приморских славян в *низовьях Днепра* с легендой о святом Андрее — просветителе «скифов», поплывшем просвещать славян вверх *по Днепру* (см. § 9).

Если мы добавим к перечисленным племенам еще Хорватов, то получим полный перечень юго-западных племен. Однако на этом своем месте этот перечень производит впечатление искусственно добавленного дополнения.

Рассмотренные все вместе отрывки А, Б, В и Г представляются попыткой предварить этнографическое описание восточнославянских племен общим перечнем их, с указанием их происхождения и географического размещения. Но перечень этот составлен из отдельных фраз, взятых из разных мест; часть взята из этой же летописи (Б и В), часть является повторением написанного (А), а часть (Г) взята из какого-то подробного географического описания, наличие которого у редакторов (а может быть, и у автора) летописи уже ощущалось и ранее (см. § 2).

§ 15. Описание славянских обычаев представляет собой образец целостного, почти ненарушенного рассказа, относящегося к первоначальному тексту. Большое дополнение, взятое из «Хроники» Георгия Амартола, отмечено Шахматовым (13; 16). Вполне вероятно, что от этого рассказа в процессе переделки и перекроек отскочили две фразы, которые очень хорошо связывают эту яркую этнографическую картину с еще более широкой картиной расселения всех славян; написав эти фразы в порядке их последовательности в летописи, но исключив вставки и перестановки, мы получим следующее:

«И тако разидеся Словеньскыи язык и живяху у кождо со своимь родомь на своих местех, владеюще кождо родомь своимь, имеяху бо обычаи свои и закон отец своих и предания, кождо свой нрав...» и т. д. (6; 11. 8; 14 — 16. 12; 11).

§ 16. Вводная, недатированная часть исторического труда Нестора, которая, по всей вероятности, и называлась «Повестью временных лет», завершается обширной выпиской из более раннего свода (1073 г.) о неудавшейся попытке Хазар подчинить себе Полянское княжение (16; 8—17).

Однако и в собственно летописной части, где события изложены по годам, есть некоторые отрывки, занесенные туда в процессе решительных и порой бесцеремонных переделок. Таково известное «Сказание о грамоте славянской» (25; 16—29), которое должно было быть помещено или при описании самых первых событий русской истории в середине IX в. или же во вводной части, предшествовавшей описанию отдельных событий. События, описанию которых посвящено «Сказание», происходили около 862—863 гг.; герои «Сказания» умерли: Кирилл в 869 г., Мефодий в 885 г., а «Сказание» помещено в летописи под 898 г. Следовательно, «Сказание о грамоте славянской» совершенно искусственно вставлено в летопись без какой бы то ни было связи с обрамляющим его с обеих сторон текстом. Целый ряд нитей связи тянется от «Сказания» к вводной части «Повести временных лет». Так, в рассказе о расселении Славян уцелела фраза «темь же и грамота прозвася Словеньская» (6; 12).

В «Сказании» есть и излюбленная летописцем форма перечней народов: «Бе бо един язык Словенск...» (25; 16—17).

Широкий интерес «Повести» к истории западных и южных славян, большое внимание к Моравской земле, где впервые появилась славянская грамота (с Моравы начинается список расселившихся славян) — все это говорит о заранее продуманной связи интродуктивной части летописи со «Сказанием о грамоте славянской».

Поэтому правильнее было бы рассматривать «Сказание» как логическое завершение вводной части. Средневековый историк-монах должен был поставить вопросы принятия христианства и начала богослужения на славянском языке в центре своего труда. «Сказание» завершало общеславянскую часть «Повести»; далее шли уже события собственно русской истории — «Летописец Русский» с отдельными справками из истории Болгарии и других славянских земель.

Исходя из уцелевших отрывков этого интереснейшего произведения, повествующего о событиях середины IX в., А. А. Шахматов назвал его «Сказанием о грамоте славянской», но следует обратить внимание на то, что важнейшее с точки зрения средневековых книжников событие — *крещение* славян — в уцелевших отрывках совершенно не отражено. А между тем, крещение и западных славян, и болгар, и русов происходило в эти же годы. Право на богослужение на родном славянском языке, закрепленное славянской письменностью, было лишь частью общего процесса христианизации. Мне представляется, что русский средневековый историк, внимательно рассматривавший все этапы истории славянства в полном согласии с библейскими легендами о делении земли между сыновьями Ноя, о вавилонском столпотворении, не мог умолчать о таком событии, как принятие христианства. Отсутствие рассказа о крещении славян в «Повести временных лет» настолько странно и так не вяжется с общим духом этого широко задуманного труда, что мы вправе задать вопрос — не являлось ли «Сказание о грамоте» в своем первоначальном виде по существу «Сказанием о крещении Словен и о грамоте Словенской»?

Ответ на этот важный вопрос мы получаем в самом «Сказании», основная часть которого начинается словами: «Словеном бо живущем *крещеном*...» (26; 4).

Из этого неоспоримо следует, что этой фразе должен был *предшествовать* рассказ о крещении Славян. В сохранившейся части «Повести временных лет» этого рассказа нет; он отсечен и изъят из текста кем-то из редакторов. «Сказание», занимавшее важное место в летописи, оказалось безглавленным.

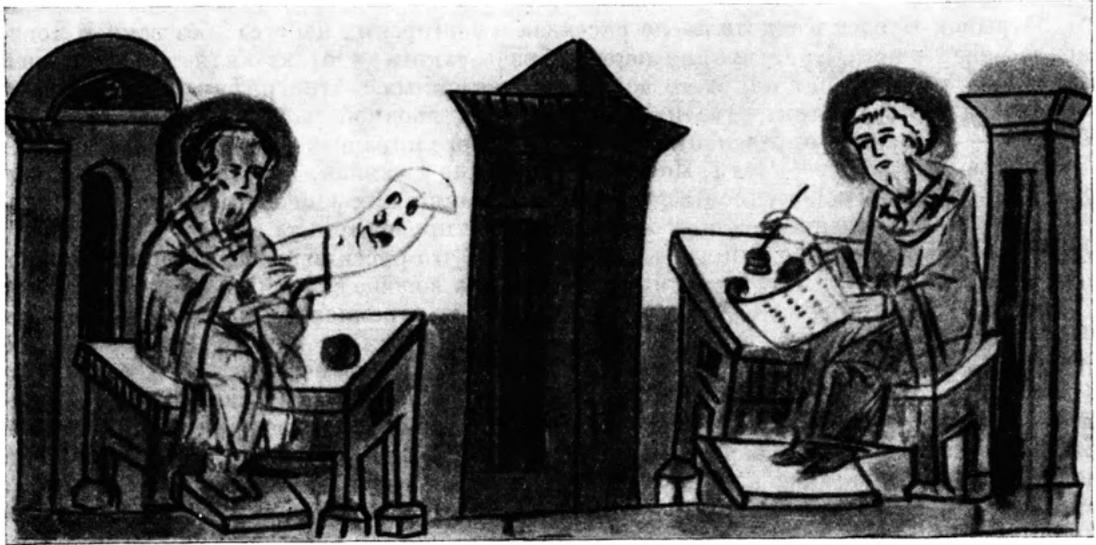
Попытаемся рассмотреть все отрывки, связанные с вопросами «составления писмен» и «преложения книг» Кириллом, Мефодием и их учениками.

А. А. Шахматов относил к «Сказанию о грамоте» все те места в летописи, где говорится о Дунайских Славянах и их судьбах (5; 10—20. 6; 11—12. 11; 1—5. 25; 6—19). Мне кажется, что нет необходимости каждое сведение о южных или западных славянах обязательно возводить к определенному и целостному литературному произведению. Как мы уже убедились, летописец на всем протяжении своего труда внимательно следил за судьбами всего славянства, показывая раннюю историю Руси на широком общеславянском фоне. Конечно, летописец должен был хорошо знать историю западных и южных славян и, возможно, действительно имел в своем распоряжении какие-то славянские источники, как предполагал Н. К. Никольский²⁶.

Наибольшую осведомленность летописец обнаруживает для середины IX в. в делах Великоморавского государства, а для IX—X вв. — в делах Болгарского царства. По всей вероятности, источники этих сведений не ограничивались кругом материалов о Кирилле и Мефодии.

В трех случаях, когда Шахматов предполагает заимствование из «Сказания о грамоте» (5; 10—20. 11; 1—5. 25; 6—17), это заимствование трудно доказать (см. выше §§ 3, 13).

²⁶ Н. К. Никольский, Указ. соч.

Кирилл и Мефодий. Миниатюра Радзивилловской летописи

Рассмотрим те отрывки летописи, которые следует связать с рассказом о славянской грамоте и богослужении.

В конце географического описания славянских племен сказано:

- А [«И тако разидеся Словенський язык. Темь же и грамота прозвася Словенская» (6; 11—12).
- Б [«Бе бо един язык Словенск: Словене, иже седяху по Дунаеви их же преяша Угри, и Морава, и Чеси, и Ляхове, и Поляне, яже ныне зовомая Русь. Сим бо първое преложены книги Мораве, яже прозвася грамота Словенская, яже грамота есть в Руси и в Болгарех Дунайских» (25; 16—18. 26; 1—3).
- В [«Словеном бо живущем крыщеном, къязи их Ростислав, и Святополк, и Коцел послаша к цесарю Михаилу, глаголюще: „земля наша крыщена и несть у нас учителя...“ [далее следует основной текст, повествующий о славянской миссии Кирилла и Мефодия]» (26; 4—20. 27; 1—21. 28; 1—7).
- Г [«Темь же Словенску языку учитель есть Андроник апостол, в Моравы бо доходил и апостол Павъл и учил ту. Ту бо есть Илурик, его же доходил апостол Павъл; ту бо беша Словене първое. Темь же Словенску языку учитель есть Павъл; от негоже языка и мы есм, Русь; тем же и нам, Руси, учитель есть Павъл, понеже учил есть язык Словенск и поставил есть епископа и наместника по собе Андроника Словенску языку» (28; 7—15).
- Д [«А Словенск язык и Руський един есть, от Варяг прозвашася Русию, а първее беша Словене; аще и Поляне зъвахуса, но Словенска речь бе. Полями же прозвашася быши, зане в поли седяху, а язык Словенск бысть им един» (28; 15—17.29; 1—2).

Отрывок А представляет собой отдельную фразу, оторвавшуюся от остального текста, и определить его первоначальное место невозможно.

Отрывок Б идет в тексте после рассказа о венгерских набегах, без всякой логической связи с ним. Конструкция первой фразы такова, что заставляет видеть в ней ответ или разъяснение каких-то вопросов, связанных с этнографическим составом славянства (бе бо). Стоит отметить обычную для вводной части летописи широту взгляда — автор дает определение *всего* славянского мира в эпоху «преложения книг»: Моравское государство, Чехи, Поляки, Дунайские Славяне, завоеванные венграми, Поляне—Русь (как совокупность всех восточнославянских земель) и Болгарское царство. Отрывок Б очень близок к отрывку Д, где проводится та же самая мысль, что Русь, или Поляне, является частью славянства, что русский язык относится к славянской ветви, что грамота, изобретенная для всех вообще славян, была в то же время и русской грамотой. Здесь явно ощущается то же стремление (пронизывающее всю «Повесть временных лет») связать историю Полян—Руси с историей всего славянства от Эльбы на западе до Дуная на юге и до Волги на востоке.

Между отрывками Б и В есть тематическая связь, но нет связи грамматической. Отрывку В, как уже говорилось, должен был предшествовать рассказ о крещении Славян (по крайней мере Славян Моравских.) В содержании самого отрывка В важно отметить наличие иной концепции, чем та, которая изложена в легенде об апостоле Андрее. Здесь, в «Сказании о грамоте», нет ни слова об апостольской проповеди непосредственно на Руси; автор представлял себе дело так, что только где-то на самом западном краю славянских земель в Иллирии учил апостол Павел. И, очевидно, не без воздействия этой идеи была создана другая легенда о том, что «ту бо беша Словене первое», это «Илурик» является как бы прародиной славян.

Апостол Павел является учителем Руси не непосредственно, а лишь в силу таких умозаключений:

- 1) Павел доходил в своих путешествиях до Иллирии;
- 2) в Иллирии жили славяне;
- 3) Русь есть часть «словенского языка»;
- 4) следовательно, учителем Руси является апостол Павел.

Второе, что следует отметить в «Сказании», это симпатии к римскому папе. Описывая ту полемику, которая возникла по поводу законности богослужения на славянском языке в середине IX в., — полемику, отражавшую борьбу Рима с Византией, автор «Сказания» считает своим долгом указать, что «папежь Римьский похули тех, иже рошцють на книги Словеньскыя... Да аще кто хулить Словеньскую грамоту, да будеть отглучен от церкви, донде ся исправить...» (27; 10—16). Позиция папы Николая, вовремя оценившего значение организованной Византией миссии Кирилла и Мефодия, изложена в «Сказании» довольно верно, но для нас сейчас важно отметить, что летописец счел нужным выписать из «Жития Мефодия» и эти строки, рисующие римского папу другом славян и покровителем славянской письменности.

Отрывки Г и Д, непосредственно следующие за отрывком В, надо рассматривать как дополнения и комментарии к «Сказанию», ставившие целью перенесение по принципу «pars pro toto» на историю Руси всего того, что говорилось об истории всего «Словенского языка». В итоге можно сказать, что повествование о грамоте славянской дошло до нас в составе летописи в сильно усеченном виде, с недомолвками, без рассказа о крещении славян, и помещено оно в летописи под 898 г. рядом с рассказом о венгерских набегах совершенно случайно, лишь потому, что в одном из отрывков тоже упомянуты венгры. Наиболее вероятным местом такого повествования в летописи должен быть, по-моему, конец вводной части, тот раздел «Повести временных лет», который непосредственно соприкасается с датированной частью, с «Летописцем Русским», начинающимся с того же десятилетия IX в., когда изобретались славянские письмена.

Быть может, даже не было отдельного обособленного «Сказания», существовавшего помимо летописи, — ведь все, что утверждается в нем, по духу и по стилю

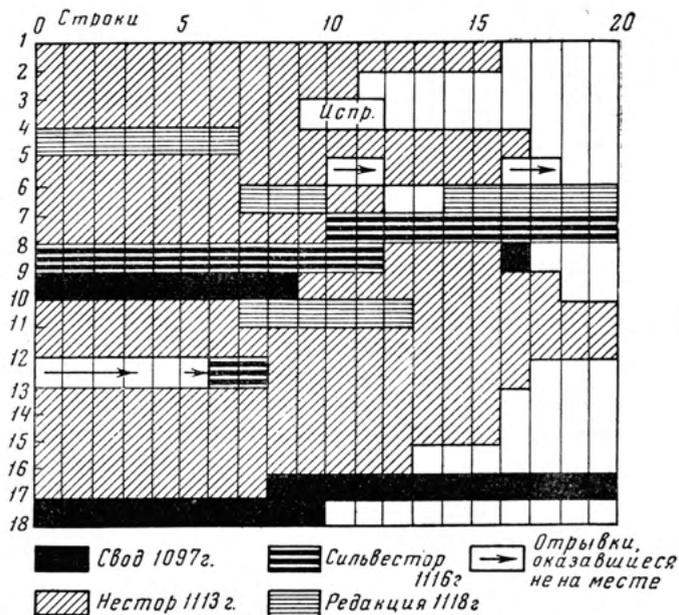

Диаграмма состава третьей редакции
«Повести временных лет» [1118 г.]

очень близко ко всему тексту «Повести временных лет». Вероятнее всего, что при составлении «Повести» и был написан этот раздел, автор которого широко использовал «Житие Мефодия», но добавил к нему целый ряд рассуждений и домыслов, при помощи которых он хотел связать историю Полянской, Киевской Руси с историей всего славянского мира, охватившего к этому времени половину Европы.

Мы закончили последовательное, построчное рассмотрение с формальной стороны всей вводной части «Повести временных лет», обнаружив там большое количество грамматических и смысловых нарушений текста (частично уже установленных ранее), помогших определить швы между отдельными отрывками, вставки и перестановки текста. Всего можно насчитать свыше двух десятков отрывков разного размера и отдельных фраз, нарушающих целостность основного текста. Наша задача сейчас состоит в том, чтобы исключить вставки, определить состав первоначального несторовского текста, порядок уцелевших отрывков, возможность пропусков.

Совершенно явной вставкой, противоречащей остальной части текста, является, как это уже выяснено в § 9, легенда о путешествии апостола Андрея к Полянам и Словенам и сопряженное с ней описание пути «из Грек в Варяги».

Несколько труднее определить отношение к первоначальному тексту ряда географических отрывков (см. ниже, стр. 240—241). Они рассказывают о расселении славянских племен по рекам, о водных путях из Руси в Западную Европу, Азию и Африку, о переселении отдельных племен (Уличей, Радимичей и Вятичей). Этим отрывкам нет места в сохранившейся части текста, где они почти всегда не связаны с теми строками, к которым они примыкают. Но по своему содержанию, по стилю изложения большинство географических отрывков *однородно с основным текстом*. Этногеография Восточной Европы вполне могла быть составной частью такого введения в русскую историю, как «Повесть временных лет». Больше того, автор, начавший

свой труд с подробного *географического* рассмотрения расселения потомков Ноя, с расселения всех вообще Славян, такой автор, переходя к обрисовке ранних судеб Руси, не мог отойти от принятой системы, отказаться от проводимого ранее принципа и не дать подробной географической характеристики того восточного славянства, истории которого он этот труд посвящал.

Только два идущих один за другим географических отрывка резко выделяются по своему содержанию — они посвящены географии Западной Европы, в них уделено особое внимание норманскому миру и, что особенно важно, они очень грубо вклиниваются в текст без всякой связи с ним (см. § 2). Возможно, что этой же руке принадлежит и окончательная редакция описания пути «из Варяг в Греки», дающая именно тот вариант пути из Руси в Прибалтику, который идет через Ладогу, варяжскую базу на русском Севере.

Порядок изложения был сильно нарушен рассыпанными по разным местам фрагментами так называемого «Сказания о грамоте славянской». Я не думаю, чтобы все то, что Шахматов относил к этому «Сказанию», действительно составляло в своей совокупности отдельное, независимое от летописи произведение, но несомненно, что все отрывки, говорящие о Западных и Дунайских Славянах, об их борьбе с кочевниками, должны быть собраны в одно место. Последним отрывком, завершающим раннюю историю славянства дунайской долины, должен быть красочный и точный рассказ о появлении на Дунае Венгров. Если мы изыдем из существующего текста летописи эти фрагменты, то оставшиеся на своем месте строки сольются в единый стройный и логичный рассказ, а изъятые фрагменты в свою очередь образуют другой стройный рассказ (см. § 3), который следует поместить *после* описания древнейших судеб Полян—Руси, после упоминания о русско-хазарских отношениях.

Ниже предлагается проект реконструкции первоначального текста «Повести временных лет» Нестора, основанный на всем предшествующем рассмотрении сохранившегося текста. В основу положен текст Лаврентьевской летописи, выправленный А. А. Шахматовым²⁷. Нет надобности особо оговаривать условность такой реконструкции, так как эта условность ясна уже из всего изложенного выше, но только таким путем мы сможем приблизиться к решению исключительно важной задачи — к восстановлению исторической концепции крупнейшего русского историка начала XII в.

Повесть временных лет (Нестора) Черноризьца Феодосиева монастыря Печерьского

(Опыт реконструкции.)

Отъкуду есть пошла Русьская земля, и къто въ ней почал пьрвее кнѣжити

Се начнем повесть сию.

По потоце убо трие сынове Ноеви разделиша землю Сим, Хам, Афет.

И яся восток Симови: Персида, Ватрь доже и до Индикия в долготу, и в ширину и до Нирокурия, якоже рещи от востока доже и до полуднья, и Сурия и Мидия и Ефрат река и Вавилон, Кордуна, Асурия, Месопотамия, Аравия Старейшия, Елумаис, Инди, Аравия Сильная, Кулии, Комагини, Финикия вся.

Хамови же яся полуденьная страна: Егупет, Ефиопия, прилежащая к Индом, другая же Ефиопия, из неяже исходить река Ефиопская Чьрмына, текуци на восток,

²⁷ Отдельные дополнения из Новгородской летописи и летописца Переяславля Суздальского оговорены особо.

Фива, Ливуи, прилежащи доже и до Куриния, Мармария, Сурити, Ливуи другая, Нумидия, Масурия, Мавритания, противу суши Гадире; сущим же к востоком имать; Киликию, Памфилию, Писидию, Мусию, Лукаонию, Фругию, Камалию, Ликию, Карию, Лудию, Масию другую, Троаду, Солиду, Вифунию, Старую Фругию; и острова пакы имать: Сарданию, Крит, Купр и реку Гиону, зовемую Нил.

Афету же яшася полунощныя страны и западныя: Мидия, Альвания, Армения Малая и Великая, Кападокия, Пефлагони, Галатия, Кольхис, Воспори, Меоти, Дерви, Сармати, Тавриани, Скуфия, Фраци, Македония, Далматия, Молоси, Фесаля, Локрия, Пеления, яже и Пелопонис наречеться, Аркадия, Ипирония, Илурик, Словене, Лухития, Анъдриакция, Анъдриатиньская пучина; имать же и острова: Вретанию, Сикелию, Еввию, Родона, Хиона, Лезвона, Куфирана, Закуньфа, Кефалиния, Ифакину, Керькуру и часть всьачьскыя страны, нарицаемую Онию, и реку Тигр, текущу межю Миды и Вавилономь; до Понтьскаго моря на полунощныя страны: Дунай, Днестр и Кавкаспийскыя горы, рекъше Угръскыя, и отътуда доже и до Днепра; и прочая реки: Десна, Припеть, Двина, Волхов, Волга, яже идет на восток, в часть Симову.

В Афетове же части седять Русь, Чудь и вси языци [иже дань дают Руси].

Сим же и Хам и Афет, разделивъше землю, и жребии метавше не приступати никомуже в жребии братьнь, и живяху кождо в своей части. И бысть язык един. И умножившемся человеком на земли, помыслиша созьдати столп до небесе, в дньи Нектана и Фалека. И собьрашася на месте Сенар поли, зьдати столп до небесе и град около его, Вавилон. И зьдаша столп ть за 40 лет, и не свьршен бысть. И сниде господь бог видети град и столп. И рече господь: се род един и язык един. И смеси бог языки, и раздели на 70 и на два языка, и расея по всей земли. По размещении же язык бог ветромь великомь разруши столп, и есть останок его промежу Асура и Вавилона, и есть в высоту и в ширину локот 5400 и 33 лакти, в лета многа хроним останок ть. По раздружении же столпа и по разделении язык прияша сынове Симови восточныя страны, а Хамови сынове полудньныя страны, Афетови же прияша запад и полунощныя страны. От сих же 70 и двою языку бысть язык Словеньск; от племени же Афетова нарицаемии Норици, еже суть Словене.

И от тех Словен Разидошася по земле, и прозвашася имены своими, кде седше на котором месте.

Якоже пришедше седоша на реце именов Моравы и прозвашася Моравы, а друзии Чеси нарекошася; Словене же ови прешедше седоша на Висле и прозвашася Ляхове, а от тех Ляхов прозвашася Поляне; Ляхове, друзии Лутичи ини Мазовшане, ини Поморяне.

А се — ти же словене: Хорвати Белии и Сербь и Хорутане.

Такоже и ти Словене, прешедше, седоша по Дънепру и нарекошася Поляне, а друзии Древляне [зане седоша в лесех], а друзии седоша межю Припетию и Двиною и нарекошася Дреговичи.

Ини седоша на Двине и нарекошася Полочане [речькы ради, яже втечеть в Двину, именьмь Полота; от сея прозвашася Полочане].

Словене же [еже] седоша около озера Илмеря, прозвашася своимь именов, а друзии седоша по Десне и по Семи и по Суле и нарекошася Север.

Радимичи же и Вятичи от Ляхов. Бяста бо два брата в Лясах-Радим, а други — Вятко; и прешедша седоста: Радим на Сою и прозвашася Радимичи, а Вятко седе с родомь своим по Оце, от него же прозвашася Вятичи.

И тако разидеся Словеньскый язык.

И живяху кождо со своимь родомь на своих местех, владеюще кождо родомь своимь, имеяху обычаи свои закон отец своих и предания, кождо свои нрав: Поляне бо своих отец обычаи имуть кроток и тих и стыдение к снохам своим и к сестрам, к матерьм и к родителем своим. И снохы к свекровам и к деверьм велико стыдение

имуща и брачныи обычаи имеаху: не хожаше зять по невесту, но привожаху вечер, а заутра приношаху по ней, чьто владуче.

А Древляне живяху звериньскомь образомь, живуще скотьскы, и убиваху друг друга, ядуще все нечисто, и брака у них не бываше, но умыкаху уводы девица. А Радимичи и Вятичи и Север один обычаи имеаху: живяху в лесе, якоже всякыи зверь, ядуще все нечисто, и срамословие в них пред отьци и пред снохами, и браци не бываху в них, но игрища межю селы, и съхожахуся на игрища, на плясания и на всяя бесовьскыи песни, и ту умыкаху жены себе, с неюже кто совещався; имеаху же по две и по три жены. И аще кто умьряше, творяху тризну над нимь, и посемь сотворяху краду велику, и возложаху на краду мьртвьца, и сожьжаху и, посемь, собравше кости, вложаху в судину малу, и поставляху на столпе на путьх, еже творять Вятичи и ныне. Сижь творяху обычаи и Кривичи и прочии погании не ведуще закона божия, но творяще сами себе закон.

Глаголеть Георгии в летописании: ибо коемужьдо языку, овем исписан закон есть, другим же обычаи, зане безаконьником отьчствие мьниться. От нихже первии Сири, живущии на конець земля, закон имуть отьць своих обычаи: не любодейти, ни прелюбодейти, ни красти, ни оклеветати, ли убити, ли злодейти весьма. Закон же и у Ктириан, глаголемии Врахмане и Островьници, иже от праед показаниемь и благочьстиемь мяс не ядуще, ни вина пиюще, ни блуда творяще, никоеяже злобы творяще, страха ради многа и божия веры. Таче прилежащим к ним Индом, убиистводеици, сквьрнотворящими и гневливии паче естства; в нутрьнеиши же стране их человеки ядуще, и страньствующих убиваху, паче же ядять, яко пьси. Етер же закон Халдеем и Вавилоняи: матери поимати, с братьними чады блуд деяти, и убивати, и всяко бестудное деяние, яко детелие, мьняться деюще, любо аще и далече страны своея будуть. Ин же закон Гилиом: жены в них орють, и зижють храмы, и мужьская дела творять, но и любы творять, елико хотять, не въздыжаемы от мужь своих весьма, ли зазрьять; в нихже суть и храбры жены, ловити зверь крепкы; владеють же мужи своими и удобляють ими. В Вретании же мнози мужи с единою женою спять, и многыя жены с единымь мужьмь похотьствуують, и безаконная закон отьць творять независтно, ни въздыжаньно. Амазоняне же мужа не имуть, но акы скот бесловесныи единою летомь к весньным дньм оземьствены будуть, и сочтаються с окрьстными их мужи, яко некоторое им торжьство и велико праздьнство время то мьнять; от них зачьншим в чреве, паки разбегнуться отсюду вся; в время же хотящим родити, аще родиться отроча, то погубять е; аще ли девичьск пол, то въздоять прилежно и воспитають. Якоже се и при насныне Половьци закон дьржать отьць своих: кровь проливати, а хвалящися о сих, и ядуще мьртвьчину и всю нечистоту, хомакы и суслы, и поимають мачехы своя и ятрови, и ины обычаи отьць своих творять. Мы же хрьстяне, елико земля, яже веруют в святую троицю и в едино крьщение и в едину веру, закон имам един, елико в Христа крьстихомься и в Христа облекохомься.

И живяху в мире Поляне, и Древляне, и Север, и Радимичи, и Вятичи.

Полям же жившем особе и владеющем роды своими. И быша 3 братия, единому имя Кьи, а другому Щек, а третьему Хорив, а сестра их Лыбедь. И седяше Кьи на горе, идеже ныне увоз Боричев, а Щек седяше на горе, идеже ныне зоветься Щеквица, а Хорив на третиеи гор, от негоже прозвася Хоривица. И сотвориша градок во имя брата своего стареишаго, и нарекоша имя ему Кыев. И бяше около града лес и бор велик, и бяху ловяще зверь; и бяху мужи мудри и смыслни, и нарицахуся Поляне, от нихже суть Поляне Кыеве и до сего дьне.

Ини же, не съведуще, реша, яко Кьи есть перевозьник был; у Кыева бо бяше перевоз тогда с оной страны Днепра; темь глаголаху: на перевоз на Кыев. Аще бо бы Кьи перевозьник был то не бы ходил Цесарюграду; но съ Кьи княжаше в роде своемь и приходившу ему к цесарю, которого не свемы, но токмо о семь вемы, якоже сказають, яко велику чьсть приял есть от цесаря, при которомь приходив

цесари. Идущю же ему опять, приде к Дунаеви, и возлюби место, и сруби градок мал, и хотяше сести с родомъ своимъ, и не даша ему ту близъ живущии, еже и доньше наричють Дунаици городище Къевьць. Къеви же пришьдъшю в свои град Къев, ту живот свои скончаша; и брата его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь ту скончашася.

И по сих братии държати почаша род их княжение в Полях, а в Деревлях свое, а Дръговичи свое, а Словене свое Новегороде, а другое на Полоте, иже и Полочане.

По сих же летех, по смърти братия сея, быша обидими Древлѣями и инеми окольними, и найдоша я Козаре, седящая на горах сих в лесах, и реша Козаре: «платите нам дань». Сдумавше же Поляне и вдаша от дыма мечь. И несомъ Козаре ко князю своему и к старейшинам своим, и реша им: «се, налезохом дань нову». Они же реша: «откуда?» Они же реша: «в лесе на горах, над рекою Днепрскою». Они же реша: «что суть вдали?» Они же показаша мечь. И реша старьци Козарьстии: «не добра дань, княже, мы ся доискахом оружиемъ единою страны, рекоше саблями, а сих оружие обоюдо остро, рекоша мечи; си имуть имати дань на нас и на инех странах». Се же сбьсться все; не от своея воля реша, но от божия повеления. Яко и при Фараоне, цесари Егуптьстемь, егда приведоша Моисея пред Фараона и реша старейшины Фараона: «съ хочеть смирити область Егуптьску». Якоже и бысть: погыбоша Егуптяне от Моисея, а първее беша работающе им; тако и си първее владеша, а послеже самими владеють; якоже и бысть, владеють бо Козары Русьстии князи и до дньшняго дъне.

По мнозех же временех сели суть Словене по Дунаеви, кде есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. Волохом бо нашедшем на Словены на Дунаискыя, и седшем в них и насилящем им.

Словеньску же языку живущю на Дунаи, придоша от Скуф, рекоше от Козар, рекомии «Болгаре и седоша по Дунаеви, и насильници Словеном быша. Посемъ придоша Угри Белии, и наследиша землю Словеньску, прогнавшѣ Волохы, иже беша прежде преяли землю Словеньску. Си бо Угри почаша быти при Ираклии цесари, иже находиша на Хоздроя, цесаря Перьскаго. В сижѣ времена быша и Обри, иже воеваша на Ираклия цесаря, и мало его не яша. Сиже Обри воеваша на Словены, и примучиша Дулебы, суцая Словены и насиле творяху женам Дулебскимъ: аще, поехати будяше Обрину не дадыше впряхи ни коня, ни волу, но велеше впречи 3 ли, 4 ли, 5 ли жен в телегу, и повести Обрина; и тако мучаху Дулебы. Быша бо Обри теломъ велици, а умомъ горди, и бог потреби я, и помьроша вси, и не оставя ни един Обрин; и есть притъча в Руси и до сего дъне: погыбоша акы Объри, ихже несть ни племени, ни наследька. По сих же придоша Печенези; и пакы идоша Угри Чърнии мимо Къев, послеже, при Ользе.

И пришьдше от востока устрьмишася черес горы великыя яже прозвашася горы Угорьскыя, и почаша воевати на живущая ту Волохы и Словены. Седяху бо ту преже Словене, и Волохове преяша землю Словеньску. Посемъ же Угри прогьнаша Волохы, и наследиша землю ту, и седоша со Словеньми, покоривъше я под ся; и оттоле прозвася земля Угорьска. И начаша воевати Угри на Грькы, и поплениша землю Фрачьску и Македоньску доже и до Селуня; и начаша воевати на Мораву и Чехы.

...Бе бо един языкъ Словеньскъ: Словене, иже седяху по Дунаеви, их же преяша Угри, и Моравы и Чеси и Ляхове и Поляне, яже ныне зовомая Русь.

...Сим бо първое преложены книги Мораве, яже прозвася грамота Словеньская, яже грамота есть в Руси и в Болгарех Дунаискых.

...Словеном бо живущемъ крьщеномъ, князи их, Ростиславъ и Святополкъ и Коцьль послаша къ цесарю Михаилу, глаголюще: «земля наша крьщена и несть у нас учителя, иже бы ны наказалъ и поучилъ ны, и протолковалъ святыя книги; не разумеемъ бо

ни Грьчьску языку, ни Латыньску; они бо ны инако учать, а они онако; темь же не разумеем книжьнаго образа, ни силы их; да послите ны учителя, иже ны можешь сказати книжьная словеса и разум их». Се слышав цесарь Михаил созва философы вься и сказа им речи вься Словеньских князь. И реша философи: «есть мужь в Селуни именемь Льв, и суть у него сынове разумиви языку Словеньску, хытра два сына у него философа». Се слышав цесарь посла по ня в Селунь к Львови, глаголя «посли к нам вскоре сына своя Мефодия и Костянтина». Се слышав Льв вскоре посла я. И при-доста к цесареву и речи има: «се прислася ко мне Славеньска земля, просвящи учитель себе, иже бы могл им протолковати святаы книги; сего бо желаютъ». И умо-лена быста цесарьмь и послаша я в Словеньскую землю к Ростиславу и Святополку и Коцьлови. Сима же пришьдшема начаста составлявати писмена азбуковьяна Сло-веньскы и преложиаста апостол и еуангелие. И ради быша Словене яко слышаша ве-личия божия своимь языком. Посемь же преложиаста псалтырь и охтаик и прочая кьнигы. Неци же начаста хулити Словеньскыя кьнигы, глаголюще, яко не достойт никоторому же языку имети буквь своих, разве Еврей и Грьк и Латин по Пила-тову писанию, еже на крьсте Господьни написа». Се же слышав папешь Римьский похули тех, иже ропьщють на кьнигы Словеньскы, река: «да ся исполнить книжь-ное слово, яко восхвалять бога вьси языци; другое же: вьси возглаголють языки различны величия божия, якоже дасть им святаы дух отвечавати. Да аще кто хулити Словеньскую грамоту, да будеть отлучен от църкьве, донде ся исправить; ти бо суть волци, а не овьца, яже достойт от плод знати я и хранитися их. Вы же, чада, божия послушайте учения и не отьринете наказания църковьнаго, якоже вы наказал Мефодий, учитель вашь».

Костянтин же возвративься вспять, иде учит Болгарьска языка, а Мефодий оста в Мораве. Посемь же Коцьл князь постави Мефодия епископа в Панонии, на стол святого Андроника апостола, единого от 70, ученика святого апостола Павьла. Мефодий же посади 2 попа скорописьца зело и преложи вься кьнигы испьльнь от Грьчьска языка в Словеньск шестию месяць, начьн от марта месяца до дьвоуде-сяту и шестию днь октябрия месяца. Оконьчав же, достойную хвалу и славу богу воздасть, дающему такову благодать епископу Мефодию, настольнику Андрони-кову. Темь же Словеньску языку учитель есть Андроник апостол, в Моравы бо доходил и апостол Павьл, и учил ту; ту бо есть Илурик егоже доходил апостол Павьл; ту бо беша Словене пьрвое. Темь же Словеньску языку учитель есть Павьл, от негоже языка и мы есм, Русь; темь же и нам, Руси, учитель есть Павьл, понеже учил есть язык Словеньск и поставил есть епископа и наместьника по себе Андро-ника Словеньску языку.

Географические отрывки

(в той же последовательности, как они помещены в Лаврентьевском списке)

Ляхове же и Пруси и Чудь приседать к морю Варяжьскому. По семуже морю се-дять Варязи семо к востоку до предела Симова. По тому же морю седять к западу до земле Агляньскы и до Волошьскы.

Дьнепр бо потечеть из Оковьского леса и течеть на полдьне, а Двина ис того же леса потечеть, а идеть на полунощие и вьнидет в море Варяжьское; ис того же леса потечеть Волга на восток и втечь седмьдесят жерел в море Хвалиськое. Темь же из Руси можеть ити по Волзе в Болгары и в Хвалисы и на восток дойти в жребий Симов.

А по Двине в Варягы, а из Варяг — до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днепр втечет в Понтьское море тремя жерелы, [еже море словеть Русьское, по нему же учил святыи Андрей, брат Петров].

От них же [от Полочан на восток?] и Кривичи, иже седять на верх Волги и на верх Двины и на верх Днепра [их же град есть Смоленск] ту да бо седять Кривичи. Та же Север от них [А] на Белеозере седять Вьсь
А на Ростовском озере — Меря
А на Клещине озере — Меря же
А по Оце реце [где втечет в Волгу] — язык свой Мурома и Черемись свои язык
И Мордва свои язык

...Хорвати: Дулеби же живяху по Бугу, кде ныне Вельняне, а Уличи и Тиверци седяху по Днестру и приседяху к Дунаеви. И бе множество их: седяху бо преже по Бугу и по Днепру оли до моря и суть гради их и до сего дьне. Да то ся зваху от Грьк «Великая Скуфь».

Се бо токмо Словеньск язык в Руси:

Поляне
Древляне
Новъгородци
Полочане
Дрьговичи
Север

Бужане, зане седоша по Бугу, после же Вельняне.

А се суть инии языци, иже дань дають Руси:

Чудь
Меря
Вьсь
Мурома
Черемись
Мърдва
Пърмь
Печера
Ямь
Литва
Зимегола
Кърсь
Норома
Либь

Си суть свои язык имуще от колена Афетова, иже живут на странах полунощных....

Легенда о путешествии апостола Андрея к Полянам и Словенам

(изумен Сильвестр?)

Андрею учащу в Синопии и пришедшу ему в Корсунь, уведе, яко ис Корсуни близь устье Днепрское, и восхоте поити в Рим.

бе путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, и верх Днепра волок до Ловоти, и по Ловоти внити в Илмерь езеро великое, из негоже езера потечеть Волхов и втечеть в езеро великое Нево и того езера внидеть устье в море Варяжское. И по тому морю ити доже и до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Цесарюграду, а от Цесаряграда прити в Понт море, в неже втечет Днепр река. Днепр бо потечеть из Оковьскаго леса, и течеть на полдне, а Двина ис того же леса потечеть, а идеть на полунощье и внидеть в море Варяжское. Ис того же леса потече Волга на восток, и вьтечеть седмюдесят жерел в море Хвалиськое. Темь же и из Руси можеть ити по Волзе в Болгары и в Хвалисы, и на восток дойти в жребий Симов, а по Двине в Варяги, а из Варяг до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днепр втечеть в Понтское море трьми жерелы, еже море словеть Русьское, по нему же учил святой Андрей, брат Петров, якоже реша, и приде в устье Днепрское, и оттоле поиде по Днепру горé. И по приклячу приде и ста под горами на березе. И заутра встав и рече к сущим с ним учеником: «Видите ли горы сия? — яко на сих горах восияеть благодать божия; имать град велик быти и церкви многы бог воздвигнути имать». И вошед на горы сия, благослови я, и постави крест, и помолився богу, и слез с горы сея, идеже послеже бысть Киев, и поиде по Днепру горе. И приде в словени, идеже ныне Новгород, и виде ту люди сущая, како есть обычай им, и како ся мыють и хвощются, и удивися им. И иде в Варяги, и приде в Рим, и исповеда, елико научи и елико виде, и рече им: «Дивно видех Словеньскую землю идучи ми семо. Видех бани древяны, и прежьгуть я рамяно, и совлекуться, и будуть нази, и облекуться квасом усниянымь, и возмуть на ся прутие младое, и биються сами, и того ся добьютъ, едва вылезуть ле живи, и облекуться водою студеною, и тако оживуть. И тако творять по вся дни, не мучими никимже, но сами ся мучать, и то творять мовенье себе, а не мученье». И то слышаще дивляхуся. Андрей же, быв в Риме, приде в Синопию.

Таковы те материалы, которые удалось извлечь из непосредственного анализа текста, *независимо* от предположений о переделках и редактировании первоначального оригинала.

Для правильного понимания значения «первого тома» труда Нестора нужно было бы сопоставить каждую его фразу с другими источниками, дать обширный комментарий к его положениям и при помощи его утверждений прокомментировать многие неясные вопросы древней истории Руси. Другими словами, надо было бы написать подробную историю славянства и Киевской Руси с использованием того нового, что дает предложенная реконструкция Несторова текста.

Так как это далеко выходит за рамки настоящей работы, то ограничусь только самыми общими оценками исторической концепции Нестора.

«Повесть временных лет» должна была подвести читателя к условной дате 860 г. — года первого упоминания Русов в мировой литературе — в греческом летописании.

Это обширное введение в историю народа и государства, написанное с небывалой широтой и изумляющей нас научной глубиной и достоверностью ²⁸.

²⁸ Более подробный разбор исторической концепции Нестора дан мною в «Очерках истории СССР. III—IX вв.» (М., 1958), в главе «Предпосылки образования древнерусского государства» (стр. 775—780, 787—831).

Здесь обрисована природа нашей страны, те ее элементы, которые влияли на историческое развитие народа: могучие реки, связывавшие Русь с Северной Европой, Азией, Южной Европой и Африкой, большие незаселенные лесные массивы на водоразделах, вроде «Оковского леса», беспокойные и «незнаемые» степные пространства «Великой Скифии», откуда появлялись орды кочевнической конницы, моря, омывавшие крайние пределы киевских владений.

На этой «ландкарте» историк, обладавший целой библиотекой русских, греческих, западнославянских, болгарских книг, образованнейший человек своего времени, нарисовал картину жизни всех славянских народов, сопоставляя их быт с бытом и нравами других народов всего Старого Света. Куда только ни вел своего читателя Нестор: то к лесным племенам Древлян, Радимичей и Вятичей, то к степным Половцам, то в туманную Британию, то в Индию к брахманам или еще дальше, на острова Индонезии («Островницы») и на самый край известного тогда мира — к людям шелка, в Китай.

Нестор писал правду о первобытных обычаях Древлян и Радимичей (примерно эпохи Зарубинецкой культуры), противопоставляя их «мудрым и смысленным» Полянам (племенам Черняховской культуры). Он, как бы предвидя те тенденциозные толкования, которые будут исходить от норманистов, стремился показать, что у многих народов мира есть странные обычаи: одни из них — «убийстводейцы», «гневливы паче естества», другие с родными матерями и племянницами блуд творят, у третьих женщины ведут себя «какы скот бессловесный», четвертые «человеки ядуще».

Отдав дань неизбежным для средневекового историка-монаха библейским легендам, Нестор быстро переходит к обрисовке всего славянского мира во всем его объеме. Здесь нет легендарных Чеха, Леха и Руса, обычных в западнославянских хрониках, здесь указаны все действительно существовавшие крупные союзы племен в области первоначального расселения Славян в Европе.

Совокупность этих племенных союзов довольно точно очерчивает территорию расселения Славян (западных и восточных) на рубеже нашей эры, как мы представляем ее себе сейчас на основании данных лингвистики, антропологии, археологии.

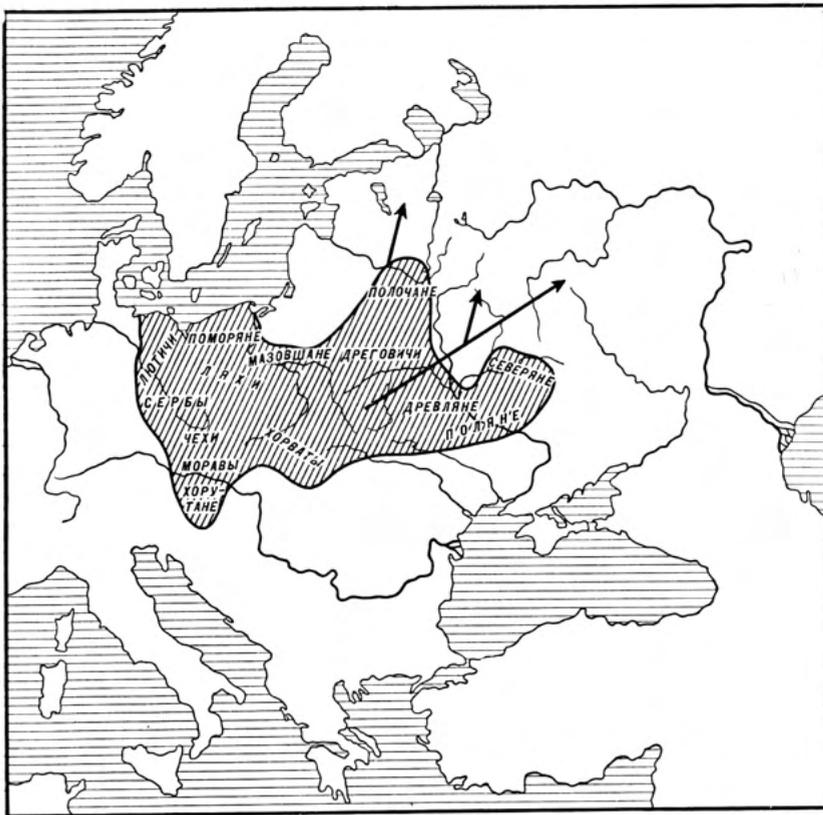
Надо снять с Нестора давно тяготевшее над ним обвинение в том, что он будто бы размещал прародину Славян на Дунае. Сколько путаницы внесло непонимание настоящего порядка описания Славян у Нестора; одни историки были готовы безоговорочно поверить летописцу и вести расселение Славян с Дуная, другие находили противоречия между своими данными и Нестором и обвиняли великого летописца в необоснованной фантазии.

Предложенное мною выше восстановление первоначального текста показывает, что между современной наукой и Нестором нет противоречий: «По мнозех временах сели суть Словене по Дунаеви», и так как тут же, рядом описываются волны кочевников, накатывавшиеся на Дунайских Славян в V—VII вв., то становится совершенно ясно, что речь идет о колонизации Славянами Балкан в V—VI вв. н. э. Правильно указано Нестором и более позднее появление на своих местах Словен Новгородских, Радимичей и Вятичей.

В историке эпохи Мономаха поражает такая широта охвата длительного и многообразного процесса расселения Славян. Нестор прекрасно понимал языковое единство всех Славян от Лютичей на Эльбе до Вятичей на Оке и сумел показать, как расчленилось единство древнего славянского мира, к каким новым ситуациям приводило расселение.

Нестор не случайно уделил такое внимание соприкосновению Славян еще в V—VII вв. с кочевниками. Он, современник Боняка и Шарукана, своими глазами видел, как половцы «высекоша врата монастырю и поидоша по келиям, высекающе двери... емлюще иконы, зажигаху... убиша неколико от братия нашае оружием безбожьнии сынове Измаилеви, пуцени на казнь крестияном»²⁹. Красочный рассказ об аvaraх,

²⁹ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет», стр. 291.

Первоначальное размещение славян в Европе по Нестору

запрягавших славянских женщин в свои колесницы, был не только печальным повествованием о тяготах иноземного ига, он под пером киевского историка превратился в противопоставление племени Дулебов (распавшегося, как мы знаем, на несколько частей) Киевскому княжеству, сохранившему свое единство. В аналогичном случае, когда кочевники Хазары хотели взять дань с Полян, гордые киевляне вручили небывалую дань, озадачившую самого хозарского кагана, — обоюдоострые мечи, — очевидно, символ непокорности и независимости.

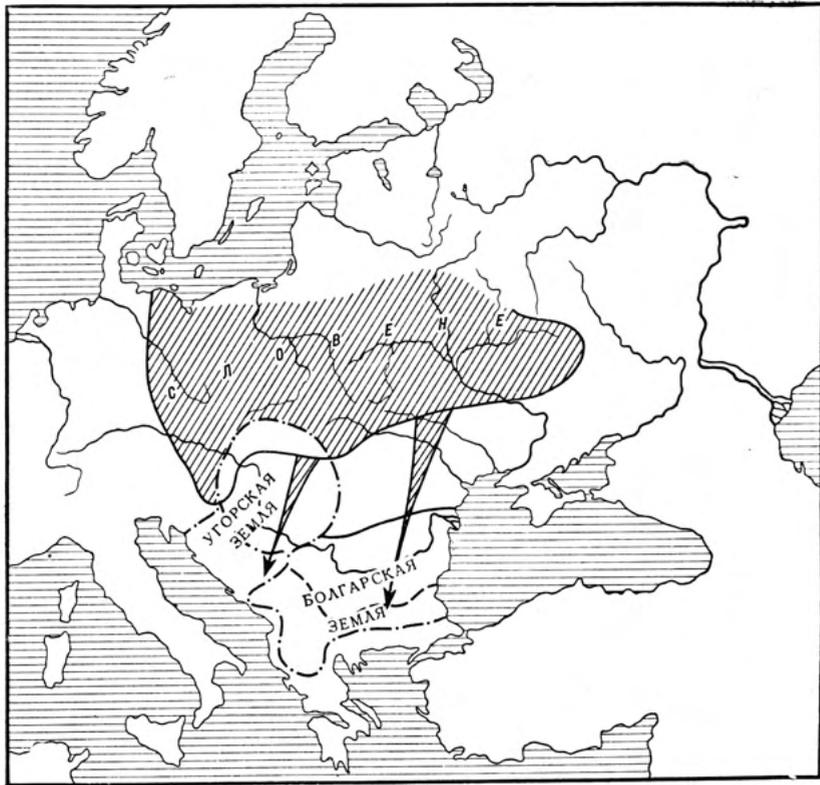
Тонкое чутье историка подсказало Нестору безошибочный выбор основных, узловых моментов в жизни славянства — это, во-первых, VI век, век славянских походов на Византию, век формирования мощных и устойчивых племенных союзов («княжений»), век путешествия Кия в Царьград и основания Киева как столицы племенного княжения Полян.

В нашей современной периодизации мы тоже выделяем VI в. как переломную эпоху, очень важную в истории славянских предфеодалных образований.

Вторая выделенная Нестором эпоха — IX век, век образования таких славянских феодальных государств, как Киевская Русь, Великоморавское государство, Болгарское царство, век появления славянской письменности, христианизации Славян.

Как видим, периодизация Нестора совпадает с нашей; он выделял в истории славянства те же самые моменты, которые выделяем теперь и мы.

Ко времени Нестора уже существовал спор между Киевом и Новгородом отно-

**Колонизация славянами бассейна Дуная и Балкан,
«где ныне есть Угорская земля и Болгарская»**

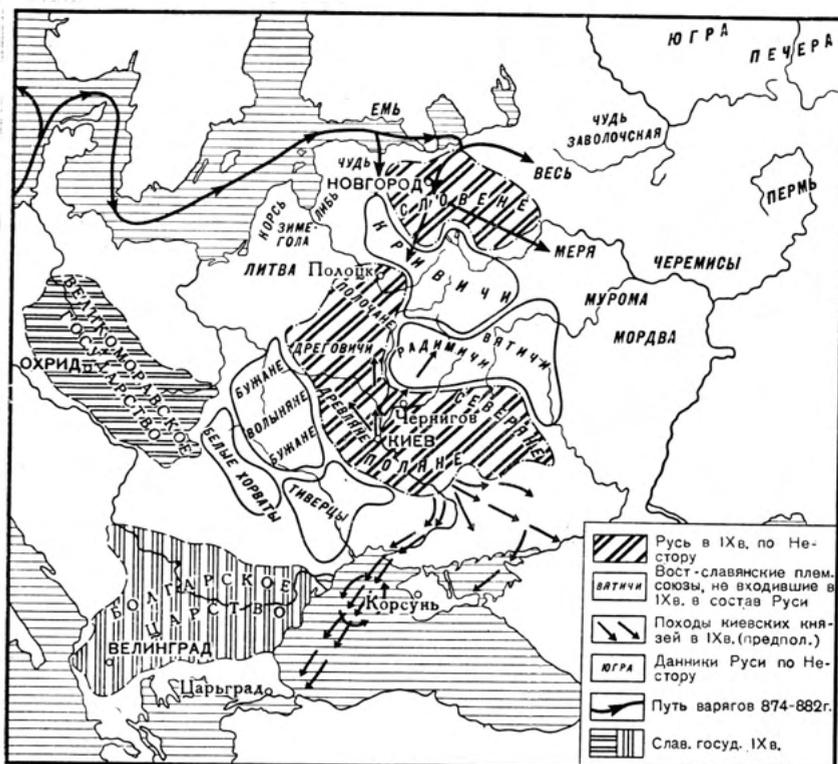
сительно приоритета государственности. Новгородское боярство времен Константина Добрынича и Остромира не очень умело, но достаточно решительно заявило о том, что и у них, в их далеком северном городе, зародилась государственность. При этом высказывались сомнения в княжеском достоинстве Кия, его называли то перевозчиком, то охотником.

Уже игумен Иван, вероятный учитель Нестора в летописании, предисловием к своему своду старался потушить этот неприличный спор «Нового города» с древним Киевом ссылками на Ромула, Антиоха и Александра Македонского. Но в обостренной обстановке конца XI — начала XII в. спор, вероятно, возник снова, и Нестору пришлось производить изыскания, собирать устные сказания об основателе Киева и перенести на свои страницы новые данные о Кие — полководце, госте византийского цесаря, федерате империи.

Зная византийские, арабские, персидские источники, располагая обильным археологическим материалом, мы теперь знаем, что Новгород был новым пограничным городом, получившим развитие лишь в X в., а Киев с давних пор назывался первым городом Руси, был действительно древней столицей племенного княжения, центром того среднеднепровского ядра, вокруг которого объединились все восточнославянские земли.

Ведь и мы теперь пользуемся термином «Киевская Русь», понимая под ним всю совокупность восточнославянских земель на протяжении трех столетий. А если нам встретится термин «Новгородская Русь», то мы знаем, что это узколокальное понятие, ограниченное новгородскими пятнами.

Итак, современная наука еще раз оказывается на стороне Нестора.

Русь и ее данники по Нестору

Широта исторической концепции Нестора заключается в том, что он умел сочетать историю Полянской земли с историей всего необъятного славянского мира, находившегося в живом историческом взаимодействии с Византией и тысячеверстным миром кочевников.

Кульминационным пунктом «Повести временных лет» должно было быть изложение судеб славянских народов в ту действительно важную эпоху, которая для средневекового историка неизбежно окрашивалась триадой: государственность, христианизация, письменность.

Нестор переносит читателя во времена Святополка Моравского, знакомит его с созданием славянской грамоты Кириллом и Мефодием, приводит даже благожелательный отзыв римского папы о новых письменах. Местом действия оказывается то Великоморавская держава, то Византия, то Болгарское царство, но мы не можем судить об этой интереснейшей части Несторова «первого тома», так как чужая рука беспощадно изрезала текст, выбросила из летописи ее важнейший раздел, оставив (и то не на месте) только небольшие фрагменты, позволяющие нам представить великолепие исчезнувшей картины.

Изложение ведется с середины, начало важнейших событий осталось за рамкой текста: «...Словенем бо живущем крещеном...». А кто и когда их крестил? Неужели это было безразлично для киево-печерского историка? Неужели он мог обойти молчанием вопрос о «русских письменах», найденных Кириллом в Херсонесе, неужели он не знал того, что русы впервые крестились при патриархе Фотии в 860-е годы?

При отсутствии в «Повести временных лет» сведений о первоначальном крещении Руси в IX в. повисает в воздухе сохранившееся в этой же «Повести» (от Несторова текста) так называемое «Сказание о грамоте славянской».

Рассеченное на три отрывка, это «Сказание» вкраплено в текст, и его основная часть помещена под 898 г. с ошибкой на 30 с лишним лет. Но самое главное, на что уже обращалось внимание выше, это то, что «Сказание» лишено стержня — в глазах средневекового историка главным было принятие христианства, а изобретение письмен было побочным и являлось лишь средством познания новой веры; этого-то стержня, этого главного события, без описания которого не мог обойтись монах-летописец, и нет в последней редакции «Повести». А между тем византийские источники очень определенно говорят о систематических попытках империи крестить Русь, предпринимавшихся, надо полагать, для того, чтобы при помощи религиозных уз смирить русские дружины, угрожавшие то Сурожу и Корчеву в Крыму, то Амастриде на южном берегу Понта, а то и самому Царьграду.

Важнейшие для средневекового историка вопросы — как и когда сложилось то или иное государство, когда и как появилось там христианство и письменность, — эти вопросы остались без ответа.

Внимание ко всему славянству на разных этапах его развития должно было получить у Нестора логическое завершение в описании двух или трех крупнейших государственных образований IX в.: Великоморавской державы, Киевской Руси и Болгарского царства. Отрывки этого описания есть, но они разрознены и крайне неполны.

Чья-то рука изъяла из «Повести временных лет» самые интересные страницы и заменила их новгородской легендой о призвании князей-варягов. «Нормано-курсунская доктрина заменила собою отсеченный конец утраченных повестей о Поляно-Руси, оставшихся в своде без своего продолжения»³⁰.

Все широко задуманное изложение русской истории как части общеславянской истории теряло смысл, если начало государственности объяснялось при помощи североевропейской легенды о призвании варягов. Читатель был подготовлен к тому, чтобы признать Киев городом, заранее предназначенным для объединения восточных славян, для возглавления всей Русской земли и покоренных балтийских и финно-угорских племен. И вдруг центр исторической жизни перенесен редактором из Киева в Новгород; в качестве организующей силы выступают варяги; героем русской истории становится Олег, безвестный конунг, разбойнически овладевший Киевом и умерший неизвестно где.

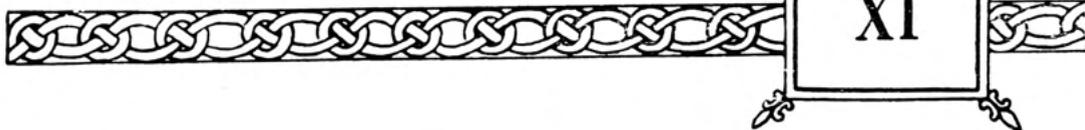
Совершенно ясно, что в этом месте «Повести временных лет» столкнулись две концепции русской древнейшей истории.

Исключительно широко задуманная картина тысячелетней истории западных, южных и восточных славян заменилась повторением англо-саксонской легенды о призвании князей. Стройность и логичность Несторова текста были грубо нарушены, хронология спутана и самые важные страницы первоначальной истории государства Руси в IX в. были выброшены.

Третий вопрос, поставленный в заголовке «Повести временных лет», ответ на который Нестор с большим талантом подготавливал всем предыдущим изложением — «откуда Руская земля стала есть» — этот важнейший вопрос в окончательной редакции летописи остался без ответа.

Но даже уцелевшая часть «Повести временных лет» Нестора производила на потомков неизгладимое впечатление и, изувеченная, с перепутанными страницами, с чуждыми вставками, она продолжала жить еще несколько веков, и сотни рук переписывали ее в разных городах Руси.

³⁰ Н. К. Никольский, «Повесть временных лет» как источник для истории начального периода русской письменности и культуры, вып. I. Л., 1930, стр. 102.

ПОЛЕМИЧЕСКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ ЭПОХИ СВЯТОПОЛКА И МОНОМАХА (1093—1125 гг.)

1

БОЯРСКИЕ ПУБЛИЦИСТЫ КОНЦА XI в.

ПИЛОГОМ XI СТОЛЕТИЯ подводящим итоги историческому развитию и накоплению противоречий от былинного Владимира до только что взошедшего на престол нелюбимого и неудачливого Святополка Изяславича (1093—1113 гг.) явилось предисловие к последнему летописному своду этого бурного века — своду 1093—1097 гг.

За два столетия существования русского летописания нигде политическая концепция не выступала с такой определенностью и рельефностью, как в этом предисловии.

Как всегда в изучении летописей, основная заслуга в исследовании этого интереснейшего памятника принадлежит А. А. Шахматову, посвятившему ему специальную большую текстологическую работу¹. Тщательно изучив все списки и скрупулезно извлекая датирующие признаки, Шахматов пришел к твердому и обоснованному выводу, что предисловие написано к своду 1093—1095 гг. тогда, когда сам свод был уже составлен, и датирует время написания его первыми годами княжения Святополка (1093—1096 гг.). Предисловие направлено против политики нового князя, оно созвучно с завершающими статьями свода, описывающими первые государственные шаги Святополка. Созвучен с ними и ряд других памятников конца XI—начала XII в., отражающих кульминационный пункт феодального кризиса, осложненного с 1093 г. новым натиском половцев и неумелой политикой корыстолюбивого Святополка. Нужно только иметь в виду, что вся литературная продукция святополковой эпохи прошла впоследствии известную обработку в скрипториях его соперника Владимира Мономаха, севшего в Киеве не по старшинству, а по зову бояр, и поэтому считавшего нужным очень тщательно обосновать свое право на «золотой огонь стол» описанием своих собственных достоинств и перечислением недостатков своего предшественника.

¹ А. А. Шахматов. Предисловие к Начальному киевскому своду и Несторова летопись. — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XIII, кн. 1, СПб., 1909

Но даже учитывая то, что материал против Святополка собирался сознательно и целеустремленно, нужно признать, что собрать его было, очевидно, легко. Недаром же его двадцатилетнее княжение завершилось бурным и широко разлившимся народным восстанием 1113 г.

Весной 1093 г. скончался в Киеве последний из Ярославичей — Всеволод I, отец Мономаха. Летопись дает ему панегирическую характеристику: он любил правду, заботился о бедных, воздавал честь епископам и никогда не отказывал в просьбе монахам. Его отец Ярослав любил его больше всех сыновей за правильный образ жизни в молодости и будто бы предсказал Всеволоду, что он получит великокняжеский стол «с правдою, а не с насильем». Здесь подразумевались его братья: Изяслав, приводивший польского короля Болеслава для отвоевания киевского стола в 1069 г., и Святослав, выгнавший Изяслава в 1073 г., «преступивша заповедь отню... желая большее власти».

Далее летописец переходит к оправданию тяжелых последних лет княжения Всеволода, когда больной и одряхлевший князь не в силах был уже держать в руках буйное гнездо Ярославлих внуков. «Сядяшу бо ему Кыеве, печаль бысть ему от сыновець своих, яко начаша ему стужати, хотя власти, ов сея, ово же другие; сей же [Всеволод], омиряя их, раздаваше власти им»².

Летописец, игумен Иван, очень верно подметил основную причину социального кризиса второй половины XI в. — стремление всех членов княжеской фамилии, «сыновцев» Всеволода, получить в кормление ту или иную область. Мы знаем этих сыновцев по именам и кое-что знаем о методах добывания ими волостей. Это друг половецких ханов Олег Святославич, заточенный хазарами на остров Родос, брат его Роман, убитый половцами, брат Глеб, княживший то на севере в Новгороде, то далеко на юге в Тмутаракани и убитый где-то в зырянских лесах. Это Ярополк Изяславич, пронзенный саблей подосланного убийцы, брат его Святополк, сменивший Всеволода I на великом княжении и озлобивший народ; это известный нам Всеслав Полоцкий, стремительный завоеватель Новгорода и Тмутаракани; это Борис Вячеславич, приводивший (вместе с Олегом) половцев на Чернигов; это коварный и завистливый Давид Игоревич — пират, грабивший купцов в днепровском лимане и организовавший впоследствии на празднике братолюбия в Любече ослепление князя Василька; неудивительно, что у великокняжеского правительства в Киеве не доставало сил сдержать и привести к порядку эту многочисленную армию родичей-князей с их дружинами, разъехавшуюся по всей Руси от Балтики до Черного моря и от Повисленья до Оки.

Конфликты вспыхивали то там, то здесь; князья не стеснясь расстоянием, скакали со своими дружинами тысячи верст, легко расставаясь с одним городом для того, чтобы вступить в схватку за обладание другим, иной раз очень и очень далеким. Все это сопровождалось нарушением установленного административного порядка, перехватом торговых путей, попранием элементарных юридических норм.

«В сих печали,— продолжает летописец о Всеволоде I,— всташа и недузи ему, и приспеваше старость к сим. И нача любити *смысл уных*, свет творя с ними; си же начаша заводити *й*. [Начаша] негодовати дружины своя первыя и людем не доходити княже правды *начаша ти унии грабити, людий продавати* сему [Всеволоду], не ведущу в болезнех своих...».

Кто бы ни писал эти строки, в них чувствуется прежде всего горькая обида вельможи, представителя «первой дружны», отодвинутого за 15 лет великого княжения Всеволода на второй план. Все социальные беды свалены на этих «уных» — новых советников князя, которым он предоставил право сбора княжских «продаж» — судебных штрафов.

² «Повесть временных лет», ч. I, М.—Л., 1950, стр. 121, 142.

Всеволод умер 13 апреля 1093 г. На великокняжеский престол вступил по праву старшинства старший из его «сыновцев»-племянников Святополк Изяславич, князь туровский. Летописная статья 1093 г. и в описании военных дел продолжает изложение тех идей, которыми наполнен некролог Всеволода. Узнав о смерти старого князя, половцы прислали к его преемнику послов для возобновления мира.

«Святополк же, не *здумав с болшею дружиною* отнею и стрья своего, совет створи с *пришедшими с ним* [т. е. со своей личной дружиной, приведенной им из удельного Турова], и изъймав слы всажа и в истобьку. Слышавше же се половци почаша воевати».

Так как Святополк немедленно запросил мира, то единственным мотивом ареста послов могло быть только вымогание выкупа за них. Здесь летописец показывает читателю, что вообще переменились времена и что старой знатной дружине стало одинаково плохо при любом князе. Один князь возлюбил «смысл уных», потому что был слишком стар; другой князь пренебрег старшей дружиной оттого, что был еще молод.

Старшая дружина, крупное киевское боярство, вероятно, связанное с вотчинами в плодородных равнинах южной Киевщины, были против обострения отношений с половцами, приехавшими с мирными предложениями. Святополк же и его новоприбывшая дружина, еще не связанная с Киевской землей, но и не желающая нести расходы по умиротворению степняков (мир тогда означал выплату больших даров ханам), очевидно, рассчитывали бесплатно отогнать половцев.

«И реша ему *мужи смыслении*: „Не кушайся противу им, яко мало имаши вой!“... Начаша же друзии *несмыслении* глаголати: „Поиди, княже!“».

«Смысленные» в конце концов убедили князя в том, что одних княжских дружин мало, что «наша земля оскудела есть от рати и от продаж» и что победить половцев можно только в союзе с Владимиром Мономахом. Под Выдубицким монастырем, близ родового дворца Всеволода на Берестове, Святополк и Мономах долго спорили и ссорились друг с другом, а половцы в это время уже вели войну.

Здесь летописец, как автор античной трагедии, снова выпускает хор смысленных:

«И реша има мужи смыслении: „Почто вы расприя имата межи собою? А погании губять землю Русьскуюю. Последи ся уладита, а ноне поидита противу поганым любо с миром, любо ратью“».

Заняв выгодную стратегическую позицию на старом рубеже богатырских застав по Стугне, Владимир Мономах предложил заключить мир с половцами; хор смысленных поддерживает его: «И пристояху совету сему *смыслении мужи, Янь и прочии*»³. Здесь впервые назван один из представителей верхов киевского боярства — Ян Вышатич, киевский тысяцкий. Не ему ли принадлежал большой и хорошо укрепленный замок «Иван» на Днепре, расположенный в одном переходе от места совещания?⁴ Не потому ли он и был сторонником скорейшего мира?

Смысленным на этот раз противостояли «кияне» — до Киева тоже был только один переход. Они настояли на битве, а битва кончилась страшным разгромом всех киевских, черниговских и переяславских войск 26 мая. Князь Ростислав утонул в Стугне на глазах у своего брата Мономаха, Святополк бежал в Киев.

³ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 142—144.

⁴ На Днепре, выше Зарубинского брода, было несколько замков-крепостей XI—XII вв., названия которых не связаны с княжескими именами: Иван, Чучин, Ржищев, Ходоров и др. Возможно, что они принадлежали крупным киевским боярам.

Далее рисуется мрачная картина последствий опасного пренебрежения советом смысленных: половцы воюют вокруг Киева, доходят до Вышгорода и еще раз разбивают русские войска 23 июля на Желани.

На красочном и подробном описании половецкого разгрома, длительных осад, пожаров и увода в плен заканчивался, по мысли Шахматова, летописный свод 1093—1095 гг. Цезуру здесь уловил еще Татищев, предполагавший, что этим описанием оканчивалась летопись Нестора.

Как и в 1068 г., летописец объясняет нашествие поганых гневом божьим, наказанием за грехи людские: «Яко вы [люди] худи есте и лукави, и аз [бог] поиду к вам яростью лукавою!».

Но в отличие от 1065—1068 гг., когда в числе согрешений был обозначен целый ряд социальных моментов, здесь человеческое, житейское четко отделено от церковного — здесь глухо говорится *только* об отвлеченной греховности. Житейские дела здесь вынесены за скобки, но читатель свода знает, что главной причиной разгрома были «несмысленные» люди, увлекшие князей в неравный бой вопреки мудрым предостережениям Яна и других бояр.

Закрывая книгу, читатель уносил в памяти горестные строки описания последствий этой новой, неразумной с точки зрения боярства политики.

«Сотвори бо ся плачь велик в земли нашей; опустеша села наша и городи наши, быхом бегаючи пред врагы нашими...

...Ови ведутся полонени, друзии посекаеми бывають, друзии на месть даеми бывають, горкую смерть приемлюще, друзии трепечуть, зряще убиваемых, друзии гладом умаряеми и водною жажею...

Изнемогоша людье в граде гладомь, и предашася ратным. Половци же, приемше град [Торческ], запалиша ѿ огнем, и люди разделиша, и ведоша в веже... стражюще, печални, мучими, зимою оцепляеми, в алчи и в жажи и в беде, опустневше лица, почерневше телесы...»⁵.

Эта хорошо известная и много раз комментировавшаяся статья 1093 г. является по существу послесловием свода игумена Ивана.

Но, не довольствуясь послесловием, автор, очевидно одновременно с ним, в ту же тяжкую годину половецких наездов, разочарования в новом князе и конфликтов в самой боярской среде, написал и предисловие к своему труду, вводя в него все актуальные вопросы 1090-х годов. А. А. Шахматов очистил «Предисловие к Начальному своду» от грубых новгородизмов и восстановил его первоначальный текст.

Новгородизмы заключались в следующем: в заглавие было вставлено (и притом на первое место) имя Новгорода: «...како избра бог страну нашу... грады почаша бивати по местом *преже Новгородчкая* волость и потом Киевская...».

Этим же новгородским патриотом унижен и основатель Киева — Кий, «его же нарицают тако — перевозника бывша; иней же — ловы деяше около города...»⁶.

Ввиду важности политической концепции «Предисловия» приведу его целиком в очищенном шахматовском варианте без наивных новгородизмов⁷:

«Яко же бысть древле цесарь Рим и прозъвався в имя его град Рим, и паки Антиох, и бысть Антиохия, и паки Селевк, и бысть Селевкия, и паки Александр, и бысть в имя его Александрия, и по многа места тако прозъвани быша гради в имена цесарь тех и князь тех, тако же и в нашей стране прозъван бысть град великий Киев в имя Кыя... Велик бо есть промысл божи, еже яви в последняя времена! Куда же древле

⁵ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 144—147.

⁶ «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», М.—Л., 1950, стр. 103.

⁷ Свод игумена Ивана носит название «Временник, еже нарицается летописець русских князь и како избра бог страну нашу на последнее время и гради почаша быти по местом и о статии Киева, како въименовася Киев» (А. А. Шахматов. Предисловие...).

погании жрьяху бесом на горах, туда же ныне църкѣви святыя стоятъ златовърхыя каменозданыя и монастыреве, испълнени чърноризьць, беспрестани славящихъ бога в молитвахъ, в бѣдении, в посте и в слъзахъ, ихже ради молитв мир стоить. Аще бо к святымъ симъ прибегнемъ църкѣвамъ, темъ велику пользу приемемъ души и телу. Мы же на последование възвратимъся, глаголюще о начале Русьскыя земля и о кнѣзяхъ, како и отъкуду быша. Вас молю, стадо христово, с любовью, приклоните ушеса ваша разумно, како быша древнии кнѣззи и мужие ихъ и како обарааху Русьскыя земля и иныя страны приимаху под ся. Тии бо кнѣззи не събирааху мѣнога имения, ни творимыхъ вир, ни продажъ въскладааху на люди; но оже будяше правая вира, и ту възьма даяше дружине на оружие. А дружина его кормяхуся, воююще иныя страны и биющесе, а рькуще: „братие! потягнемъ по своемъ кнѣззи и по Русьскойъ земли“. И не жадааху, глаголюще: „мало ми есть, кнѣнже, дѣву сътъ гривы“. Они бо невѣскладааху на своя жены златыхъ обручь, но хождааху жены ихъ в серебряныхъ. И расплодили были землю Русьскуюю. За наше же несытъство навелъ богъ на ны поганые, а п скоти наши, и села наша, и имения за теми суть; а мы зълыхъ своихъ делъ не останемъ. Пишетъ бо ся: богатство неправдою събираемо извееться. И паки: събираетъ и не вестъ, кому събираетъ я. И паки: лучше малое правдѣнику паче богатства грешныхъ мѣнога. Да отъселе, братие моя възлюбленная, останемъся отъ несытъства своего; но довольни будете уроки вашими, никому же насилия творяще, милостынею оцветуще и страннѣлюбимъ, в страсе божии и правоверии свое спасение съдевающе, да и съде добре поживемъ и тамо вѣчней жизни причастники будемъ⁸.

Предисловие распадается на пять различныхъ частей. Торжественное начало предупреждаетъ читателя о томъ, что в книгѣ пойдетъ речъ о такомъ государстве, по поводу котораго можно вспомнить даже древний Римъ, Антиохию и самаго Александра Македонскаго. Легендарный Кий, основатель Киева, приравненъ к Ромулу, основателю Рима.

Утвердивъ древнюю славу русской столицы, авторъ переходитъ къ прославлению ея христіанскихъ святынь: на киевскихъ горахъ вместо языческихъ капищъ стоятъ златоверхіе церкви, а в монастыряхъ — множество монаховъ, чьими молитвами «миръ стоить».

Центральное место в предисловии занимаетъ осужденіе новыхъ, современныхъ порядковъ, за которые богъ наказываетъ Русскую землю нашествіемъ половцевъ, а летопись, идущая вслѣдъ за предисловіемъ, должна дать историческіе примеры правильной жизни, хорошихъ старыхъ порядковъ.

Какъ и памфлетъ на Ярослава, ведшій рассказъ о князе и о мужахъ новгородскихъ, такъ и это предисловіе проситъ читателя внимательно вслушаться (книги тогда часто предназначались для чтенія вслухъ) въ то, какъ жили древніе князья и ихъ бояре («мужи»). Прошлое противопоставляется настоящему и идеализируется: древніе князья успешно завоевывали чужіе земли и делились трофеями съ дружиной. Судебныя пошлины тоже шли дружине «на оружие».

Нетрудно угадать, кого изъ князей имелъ въ виду летописецъ, создавая обликъ идеальнаго князя далекихъ временъ,—это Святославъ, «воевавшій иныя страны», но только рыцарственный призывъ князя къ дружине здѣсь изображенъ какъ девизъ самой дружины, отъ нее исходящій: «Братие! Потягнемъ по своемъ кнѣззи и по Русьскойъ земли!».

Изъ этого позабытаго царства витязей, пренебрегавшихъ золотомъ, проводившихъ жизнь в походахъ, «ищуци князю славы, а себѣ чести», авторъ переводитъ читателя въ современность, когда пошли уже другіе князья и другіе люди вокругъ нихъ.

Князья-современники заботятся о своемъ обогащеніи любими способами; для полученія «многаго имения» годятся и «творимыя вирь», т. е. ложныя обвиненія и

⁸ А. А. Шахматов. Предисловіе..., стр. 264—265.

вымогательство штрафов, и обременение людей «продажами» в пользу князя. Князья и их слуги не довольствуются определенными «уроками» — установленными данями и оброками, а хотят большего, «насилия творяще». Однако это «несытьство» к добру не ведет: «богатство *неправдою* сбираемо — извееться!». Поганые, посланные богом, как наказание за несытьство, являются справедливым возмездием несправедливым князьям.

Но только ли князьям? Против кого по существу направлено «Предисловие»? Думаю, что в двучленную формулу «князь—мужи» здесь вторгается третий элемент — новые люди, те самые «уные», которые «начаша грабити и людей продавати» еще при Всеволоде.

«Продажа», т. е. штраф в пользу князя, встречается впервые в той части «Русской Правды», которую А. А. Зимин возводит к «Правде Ярославичей» 1072 г.⁹ Там «продажа» взимается за кражу лады, лебеда, козы. За полвека круг преступлений, по которым уплачивалась «продажа князю», расширился во много раз, охватив важнейшие, наиболее частые нарушения закона, и в «Пространной Правде» уже на каждом шагу мы видим регламентацию «продаж».

Усиление княжеской власти давало возможность несравненно больших нерегулярных поборов. Для розыска преступников, суда над ними и для изъятия вир и продаж нужна была многочисленная армия мечников, вирников, емцов, отроков, которые рыскали уже не по чисту полю в поисках себе поединщика, а разъезжали по селам, городам, а может быть, и по боярским вотчинам, изыскивая способы получить виру и продажу, доходившую до крупной суммы в 12 гривен. Население должно было кормить этих незваных гостей, давать их коням овса «колько могут зобати», а самим княжеским судебным представителям давать мясо, рыбу, поить их пивом, а «иным кормом — что имя черево возьметь».

Когда-то сам Ян Вышатич ездил в далекое Белозерье собирать дань Святославу Черниговскому, теперь же, при возросшем интересе князей к новым видам доходов, им потребовались, очевидно, большие контингенты судебно-полицейских слуг, обогащавших княжескую казну и, по всей вероятности, не забывавших и самих себя.

На смену старой «смысленной» дружине в 1070—1090-е годы приходили «унии», «детские», источником доходов которых было законное жалованье князя и незаконное присвоение «творимых вир» и грабительских «продаж». Не нужно думать, что «смысленные» — «Ян и прочии» жили в это время по заветам непримотливых витязей эпохи Святослава. В самом «Предисловии» сказано, что половцы забрали себе «и скоты наши и села наши и имения». Это не монах пишет о себе (тот помянул бы грабеж монастырей погаными), не горожанин, который не мог бы обойти молчанием спаленные врагами города. Эти строки отражают интересы тех, кто владел имуществом, скотом и селами, интересы крупной земельной знати, которую в это время оттесняли от кормила власти, от княжьего совета новые, «унии» и, как казалось старым вельможам, «несмысленные» люди.

Что же представляли собой эти разбогатевшие, одевшие своих жен в золотые браслеты новые люди, можно ли считать всех этих тиунов, посадников, мечников, детских мелкими слугами княжьего двора, выполнявшими только какие-то отдельные служебные поручения?

Ключом к определению имущественного, а следовательно и социального, положения новых людей, вызывавших недовольство старого боярства, является фраза, приведенная в «Предисловии», как образец неумеренных требований: «*Мало ми есть, к княже, двѣ стъ гривен!*». Двести гривен — это цена сорока холопов, двухсот волов, тысячи баранов, десятка серебряных чар византийской или восточной работы.

⁹ «Памятники русского права», т. I, М., 1952, стр. 76. Хороший исторический разбор «Предисловия» сделал в последнее время А. Н. Насонов («Начальные этапы киевского летописания в связи с развитием древнерусского государства». — «Проблемы источниковедения», т. VII, М., 1959).

Двести гривен в год — это пятая часть содержания всей княжеской дружины в Новгороде Великом.

Жадный представитель «уных» хотел получить от князя ни много ни мало, а столько же, сколько получал тогда в год епископ! Десятина смоленского епископа была около 260 гривен. А на весь свой доход от даней смоленский князь мог удовлетворить запросы всего лишь десяти таких дружинников.

Следовательно, враги Яна Вышатича и других «смысленных» были не мелкими рядовичами, а уже достаточно крупными боярами с экономическими и политическими претензиями. Но мечники и тиуны, проводившие жизнь в селах, среди смердов, ведшие только розыск преступников, едва ли были достаточно компетентны в сложной хитрости ратного дела. Участие их в княжеских военных советах показано в своде 1093—1095 гг. как опасное вмешательство несведущих, действительно «несмысленных» людей.

Родовитую земельную аристократию, тысяцких, генералитет военной дружины стремились оттеснить представители управления княжеским доменом. Вполне возможно, что одной из скрытых пружин конфликта был вопрос об иммунитете, «заборони» боярских вотчин и сел; он не отражен никак в источниках, но можно думать, что стремление княжеского чиновника судить на боярской земле приходило в противоречие с желанием боярина судить своих людей самому.

Появление нового слоя «административно-хозяйственного» боярства порождало неизбежные конфликты и в мирное и в военное время. «Предисловие» игумена Ивана к его летописному своду очень ярко и определенно выражало политические интересы старого, родовитого землевладельческого боярства и порицало современных князей — и Всеволода (1076—1093 гг.) и Святополка (1093—1113 гг.) — за попустительство жадности «уных» и за пренебрежение мудрой старой дружиной.

Боярство не хотело выпускать власть из рук и стремилось направить политику князей по своему усмотрению, что и удалось ему отчасти сделать тогда, когда новый половецкий натиск, начавшийся злополучной битвой на Стугне, потребовал прекращения усобиц и перемещения князей, а Любечский съезд показал бессилие самих князей решить этот вопрос только своим братолюбивым согласием. Игумен Иван, выступивший с программой Яна Вышатича и других «смысленных» против князя Святополка, поплатился за свою смелость ссылкой в Туров, но его летописный свод и предисловие к нему, по счастью, уцелели от княжьего гнева и явились для нас драгоценным памятником боярской идеологии конца XI в.

Именем Владимира Мономаха окрашена эпоха, более широкая, чем годы его великого княжения в Киеве. Победы над «Итларевой чадью» и Тугорканом в 1095—1096 гг. уже выдвинули опытного сорокалетнего князя на самое видное место среди других русских князей. В то время, когда о Владимире Мономахе, как о Владимире I, слагались новые былины, прославлявшие борьбу его переяславских дружин с могучими половецкими ханами, о киевском князе Святополке народ знал лишь то, что он проигрывал одно сражение за другим и пытался поправить дело, став зятем Тугоркана. А о черниговском князе Олеге знали, что он сам привел на Русь многочисленные войска половцев, которые даже после заключения мира «облизахуться акы волци».

Звезда Мономаха стала всходить на политическом горизонте в 1095—1096 гг., а после его смерти в 1125 г. сын его Мстислав удерживал еще семь лет (последний раз в истории) единство Киевской Руси.

Поэтому нам надо рассмотреть достаточно широко всю эту трудную, сложную, но блестящую эпоху от вокняжения Святополка в 1093 г. до смерти Мстислава в 1132 г. Здесь мы рассмотрим начало этой эпохи, когда Владимир Мономах еще только пробивался к великокняжеской власти и в числе средств к достижению «отня

злата стола» рассчитывал и на летописание, придавая ему острый полемический характер. Обычно этот этап летописания после свода 1093—1095 гг. связывается только с внутренними интересами Печерского монастыря. Но без учета позиций киевского боярства и крупнейших князей вроде Мономаха мы ничего не поймем в литературной полемике 1093—1098 гг.

Исторически эта эпоха определяется максимальным развитием того социально-политического кризиса второй половины XI в., о котором уже говорилось выше.

Очагом кризиса была княжеская среда, размножившееся потомство Владимира I, переходившее из города в город, не ведшее правильного феодального хозяйства и вынужденное пополнять свои ресурсы «творимыми вирами», «продажами» и грабежом завоеванных земель. Социальные отношения были напряжены и в городах, где хозяйничали княжеские тиуны, сотские и ростовщики, и в деревне, где вотчинная администрация стремилась увеличить количество закупов и холопов.

Половецкое нашествие 1093—1107 гг. углубляло кризис, выдвигало с большей остротой новые задачи: организацию обороны, прекращение усобиц, приостановление хищного бега князей и устранение непрерывно возникавших в процессе этого бега конфликтов внутри феодального класса. В исключительных условиях половецкой войны единственным спасением было возрождение сильно великокняжеской власти, второе рождение феодальной империи — Киевской Руси. На смену разброду и неуверенности должна была прийти организованность и некоторая централизация.

История великокняжеского стола в 1093—1113 гг. — это история попыток преодоления кризиса, завершившихся удачным избранием Владимира Мономаха киевским боярством.

Можно думать, что крупное землевладельческое боярство уже в начале 1090-х годов, в то самое время, когда Ян Вышатич во главе «смысленных» отстаивал права старшей дружины, проявляло свою волю в отношении выбора князей на киевский стол.

Смерть Всеволода Ярославича застала Русскую землю (в архаичном смысле — Среднее Приднепровье) целиком во власти его сыновей. Представители других княжеских линий находились за пределами собственно Руси — Олег Святославич в Тмутаракани, Святополк Изяславич — в Турове; хоронили великого князя его сыновья Владимир и Ростислав. Казалось бы, что им очень легко было удержать киевский престол за собой, но летопись (очевидно, в позднейшей редакции) вкладывает в уста Мономаха слащаво-фальшивый монолог: «Володимер же нача размышляти, река: „Аще сяду на столе отца своего, то имам рать с Святополком взяти, яко есть стол преже отца его был“. И размыслив, посла по Святополка Турову, а сам иде Чернигову, а Ростислав — Переяславу»¹⁰. Из последней статьи Печерского свода 1093—1095 гг. мы уже знаем, что воинство Святополка было довольно мизерным — он располагал всего-навсего 700 всадниками, которые никак не могли быть угрозой претенденту на великокняжеский стол, если этого претендента поддерживала «отня дружина», если за него стояла боярская дума покойного князя. Если...

Мы знаем, что отец Мономаха в последние годы своей жизни, когда он выпустил бразды правления из рук и «возлюбил смысл уных», не пользовался уже поддержкой старшей дружины и его действия вызвали критику и на страницах Печерской летописи.

Согласна ли была киевская аристократия вернуть власть над тем же контингентом «уных», необходимых правительственных чиновников, крутому и способному сыну Всеволода? Или, быть может, «отню дружину» устраивал другой князь, менее сросшийся с правительственным аппаратом Всеволода, чем Мономах, бывший последние годы при своем отце? Факты показывают, что сыновья Всеволода ушли из Киева, а киевский стол занял Святополк Туровский — нерешительный, корыстолюбивый

¹⁰ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 143.

князь, плохо знакомый со сложной обстановкой русско-половецких взаимоотношений. 1093 год закончился разгромом русских войск, а следующий, 1094 год, открывается двумя событиями: Святополк решил поправить дела женитьбой на дочери Гугоркана, а Олег Тмутараканский «с Половецкой землей» напал на Чернигов, выгнал Мономаха в Переяславль, а половцам «сам повелел воевати» русские земли. Небывалый налет саранчи довершил тяжелую картину несчастливого года.

Выбор Святополка, очевидно, не оправдал надежд киевского боярства. Новый князь пытался оттеснить «киян» и подменить их своей туровской дружиной. Святополк, который, по словам Татищева, «читатель был книг и вельми памятен», по всей вероятности, скоро по вокняжении познакомился с Печерским сводом игумена Ивана и нашел там известные уже нам осуждающие строки, продиктованные Яном Вышатичем, как представителем старой дружины. Вероятно, за них он выгнал Ивана с игуменства и заточил его в свой домениальный город Туров и только ходатайство хитроумного Мономаха вызволило игумена-публициста, обличавшего Святополка, «несытства ради, богатства и насилия ради»¹¹. Владимир, вероятно, уже тогда оценил силу церкви, Печерского монастыря и монастырского летописания. «Киево-печерский патерик» относит к годам игуменства Ивана целый ряд легенд о Владимире Мономахе, рисующих его благородным «христороубцем».

Симпатии и антипатии киевских правящих кругов окончательно обозначились после Любечского съезда 1097 г. и его неожиданных последствий. Съезд братолюбивого согласия происходил в вотчине мятежного и непокорного Олега Святославича, в древнем родовом гнезде всех русских князей — в Любече. Но, как известно, провозглашенный там принцип твердо закрепленных отчин не приостановил коловращения князей и не прекратил усобиц. Князья не только не сложили оружия, но немедленно вслед за съездом начали новую кровавую распрю. Сам великий князь Святополк в заговоре с Давыдом Игоревичем поднял руку на одного из родичей — Василька Ростиславича, которого ослепили в Звенигороде (или в Белгороде). Это означало полный крах иллюзий и надежд, возлагавшихся на всеобщие княжеские съезды. Сами князья оказались бессильны навести порядок в своей среде.

Нужна была другая сила, находящаяся вне княжеского круга и в то же время способная этот круг остановить и образумить.

Такая сила нашлась в самом Киеве — это боярство, может быть в союзе с горожанами. Когда уличенный в кровавом злодеянии Святополк собрался бежать, то его остановили «кияне»:

«... хотяше [Святополк] побегнути ис Киева и не даша ему кияне побегнути...».

Они поступили здесь так же, как 80 лет назад поступил новгородский посадник Константин, рассекший лады Ярослава, пытавшегося убежать в Швецию. Киевляне послали посольство к Владимиру Мономаху и в уста послов (вдовствующая великая княгиня и митрополит) были вложены те же слова, что слышались и на Любечском съезде: «Аще бо возмете рать межю собою — погани имуть радоватися и возмут землю нашу».

Программа «мольбы киян» была такова:

1. творити мир [между князьями],
2. блюсти земле Русьские
3. и брань имети с погаными»¹².

Второй раз киевляне предпочли Святополка Владимиру Мономаху. Князь-зломышленник остался на престоле, но недовольство им (может быть, подогреваемое соперником) все возрастало.

¹¹ Д. А б р а м о в и ч. «Киево-печерський патерик». Київ, 1931, стр. 154.

¹² «Повесть временных лет», ч. I, стр. 175.

Литература становилась все более полемической и заостренной против Святополка. Правда, следует еще раз оговориться, что литература этих лет прошла впоследствии цензуру Мономаха и Мономахичей, и поэтому далеко не все могло равномерно уцелеть до наших дней.

Но твердо можно сказать, что последним годам XI в. посвящено несколько произведений, носящих полемический характер и подчеркивающих недостатки великого князя.

Мы уже подробно ознакомились с тем, как враждебно отразил первые действия Святополка киево-печерский летописный свод игумена Ивана, как автор корил князя за невнимание к верхам киевского боярства, к «смысленным». Прямым продолжением летописи, регистрирующей вины и ошибки Святополка, явилась повесть летописателя Василия об ослеплении князя Василька, изобилующая живыми, яркими местами, полная драматизма и горячего осуждения грязных княжеских дел 1097—1099 гг. Повесть Василия — подробный отчет, написанный современником и участником переговоров между сторонами. Но это в то же время и обвинительный акт Святополку, верящему клевете, нарушающему клятву и вступающему в темные заговоры. Владимир Мономах показан здесь главным положительным героем, в его уста вкладывается такая сентенция: «По истине отци наши и деди наши зблюли землю Русьскую, а мы хотим погубити!». Есть даже специальный панегирический абзац, прославляющий Владимира. Кроме того, ослепленный (с согласия Святополка) Василько тоже изображен летописцем Василием как мудрый, дальновидный политик, стремившийся использовать печенегов, торков, берендеев и болгар в интересах всей Русской земли для борьбы с половцами и ляхами: «...Да любо налезу собе славу, а любо главу свою слою за Русьскую землю!».

Вторым произведением, рисующим Святополка мрачными красками, является «Слово о Прохоре Лебеднике» в «Печерском патерике», время действия которого то же, что и в повести Василия: «егда Святополк с Давыдом рать зачастую (про Василькову слепоту, еже ослепи Святополк, послушав Давыда Игоревича) и с Володарем и самим Васильком и не пустиша гостей из Галича, ни людей от Перемышля и не бысть соли во всеи Руской земли»¹³.

Летописец, говоря об этих событиях, рисует широкую картину войн, в которые были втянуты и Владислав Польский, и венгерский король Коломан, и грозный хан Боняк — так грандиозны были последствия заговора, разросшегося к 1098 г. из клеветы после Любечского съезда.

Летописец Василий сообщает, что война разрослась из-за того, что «преступи Святополк крѣст, надеяся на множество вои». Автор «Слова о Прохоре», писавший, судя по обилию точных деталей, почти одновременно с Василием, повествует о том, как сказалась эта война на жизни Киева, не жалея при этом красок для обрисовки темных сторон княжения Святополка. Здесь и «граблениа беззаконнаа», и «неуправлениа», и люди, изнемогающие от голода и рати, так как правитель «съедает своих людей взамен хлеба». Недостаток соли позволял наживаться солеторговцам, но монахи Прохор сбил высокие цены, так как предложил киевлянам соль (очевидно, из монастырских запасов), будто бы чудесным образом превращенную из пепла.

Князь же Святополк «хотя им [торговцам] угодити», решил, что он сразу может сделать два дела — успокоить возмущенных торговцев и «собе же богатство приобряцеть». Посовещавшись со своими советниками, он ответил купцам что «вас ради пограбляю чернеца». Пограбленная соль опять превратилась в пепел и «ужасеся сотворивый насилме».

Далее выясняется, что в свое время Святополк преследовал печерского игумена Ивана за то, что тот «обличаше его [Святополка] несытьства ради, богатства и насилма ради».

Чудо с солью заставило князя прийти в монастырь с повинной.

¹³ Д. Абрамович. «Киево-печерский патерик», стр. 151—152.

На страницах «Патерика» нашел место и сын Святополка (от наложницы) Мстислав, известный нам по летописи и представленный злодеем в «Слове о Федоре и Василии».

Эпиграфом к «Слову» выбрано изречение: «...мати всем злым — сребролюбие». Монах Федор откопал древний клад драгоценных сосудов, собрался бежать в другое княжество и там купить себе села на эти сокровища и уже приготовил сундуки и повозку, но вывезти клад из обители не смог и снова закопал его в глубокой яме. Бес в образе монаха Василия донес об этом боярину, одному из советников Святополка, «лютому и свирепому и неподобному нравом и делом и всею злобою». На расправу с монахом-кладонскателем выехал сын Святополка Мстислав, «аки на лов или на некоего воина крепка, сам еха с множеством вои». В своем дворце князь приказал пытать Федора; под конец окровавленного монаха подвесили над огнем, но он не выдал тайны клада. Тогда был приведен из своей пещеры Василий и тоже подвергнут пытке. Князь «шумен быв от вина и възъярився, възем стрелу и уязви Василия». Когда Святополчич застрелил монаха, тот, выдернув стрелу, предрек князю тоже смерть от стрелы. 12 июня 1099 г. Мстислав был застрелен кем-то из войска Давыда Игоревича на заборонах Владимира Волынского будто бы той же самой стрелой, которой он убил монаха. Кончается «Слово о Федоре и Василии» изречением: «Всяк, възимаа ножь, и ножем умираеть!». Эта мысль много шире изречения о сребролюбии и прямо связана с усобицами 1097—1099 гг.¹⁴

О тех же злополучных первых годах княжения Святополка в Киеве повествует и «Сказание о чудесах Бориса и Глеба», написанное, правда, значительно позднее, в 1115—1117 гг.

«Святополк же Изяславич прия княжение Кыеве... в та же времена поганым укрепившемся паче на нас и много насильствующем нам...

Святополк князь вьсадил бяше в погреб два мужа не в которей вине худе окована и не исправив, но послуша облыгающих»¹⁵.

Приведенные примеры показывают, что княжение Святополка и особенно первые шесть лет его княжения — 1093—1099 гг. — обрисованы в дошедшей до нас литературе враждебной Святополку рукой. Иногда это писалось уже при новом князе, при Мономахе («Сказание о чудесах Бориса и Глеба», предположительно приписываемое епископу Лазарю), и тогда нас не должен удивлять резко осуждающий тон по отношению к сопернику Мономаха. Но летописный свод печерского игумена Ивана, оборванный на первом году княжения Святополка, дополняющая его повесть Василия о злодеяниях Святополка и Давыда в 1097—1099 гг., «Слово о Прохоре» и «Слово о Федоре и Василии» «Печерского патерика» (о том же 1099 г.), резко обличающие Святополка и его сына, — все это дышит злободневностью, все наполнено точными подробностями и почти все исходит из одного круга — круга монахов Печерского монастыря. Если же мы захотим полнее раскрыть социальную сущность киево-печерских черноризцев, то и в этом нам поможет «Патерик».

«Бысть убо в дъни княжения Святополча в Кыеве. Много насилля людем сътвори Святополк домь бо силных до основания без вины искоренив и имениа многым отъем. Сего ради попусти господь поганым силу имети над ним и быша брани многы от Половецъ. К сим же и усобица бысть в та времена, глад крепок и скудость велия при всем в Руской земли»¹⁶.

Монастырь поднимает здесь голос в защиту «сильных», обладавших «многим именьем», но пострадавших от жадного князя, оказавшегося слишком самостоятель-

¹⁴ Д. А б р а м о в и ч. «Киево-печерський патерик», стр. 171.

¹⁵ А. А. Ш а х м а т о в. Предисловие..., стр. 223. См. также Н. Н. В о р о н и н. «Агиоимное» сказание о Борисе и Глебе.—«Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР» (ТОДРЛ), т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 29.

¹⁶ Д. А б р а м о в и ч. «Киево-печерський патерик», стр. 149.

ным и решительным в своих действиях против «большой дружины», «смысленных», т. е. против верхов киевского землевладельческого боярства, возглавлявшегося в те годы тысяцким Яном Вышатичем.

Ян Вышатич был очень близок к Печерскому монастырю. Сам Феодосий Печерский бывал в его доме и часто вел там беседы. Жена Яна Вышатича Мария по велению Феодосия была похоронена рядом с саркофагом основателя монастыря. Близость Яна Вышатича к печерскому летописцу зафиксирована самой летописью; многие его «слова» вписаны в летопись: сам он изображен «маститым старцем» (1016—1106 гг.), праведником, благим и кротким мужем. Похоронен он в притворе монастырского храма¹⁷.

Ян Вышатич, друг Печерской обители и в то же время единомышленник Владимира Мономаха, мог быть связующим звеном между самым богатым и сильным русским монастырем и самым популярным и энергичным русским князем — Владимиром Мономахом, навещавшим Печерский монастырь еще в бытность свою черниговским князем («Слово о враче Агапите»). Можно думать, что и сам Мономах, как бы ни был он занят пограничными войнами, не забывал и киевских дел. Здесь, в Киеве, где делалась политика, у него была своя резиденция в Берестове, рядом с Печерским монастырем, и свои друзья внутри монастырских стен.

Когда игумен Иван вызвал гнев великого князя (не своим ли летописным сводом?) и был увезен из Киева в Туров, то именно Владимир Мономах «восстал» против Святополка и «убоявся Святополк въстания на ся»¹⁸ и с честью вернул Ивана на игуменство.

Интересно отметить, что все обличения Святополка и почти все прославления Мономаха в летописи и в «Патерике» падают на первые годы княжения Святополка, когда Мономах оставил один за другим два крупнейших стола в Русской земле — киевский и черниговский. Не была ли полемическая литература одним из средств борьбы за великокняжеский престол?

Расстановка сил в этой борьбе была такова:

1. Великий князь Святополк, вероятно, приглашенный «князями», но скоро разочаровавший их.

2. Опора великого князя — многочисленная армия правительственных чиновников (сотских, мечников, вирников, детских) и провинциальное туrowsкое боярство, составлявшее дружину князя. Очень короткое время Святополк опирался на половцев Тугоркана.

3. Противостояли Святополку: крупное киевское боярство, Печерский монастырь, тесно связанный с боярскими кругами, и, по всей вероятности, купечество, «кормолившее» иногда на Святополка.

4. Замену Святополку видели во Владимире Мономахе, организовывавшем активную борьбу с половцами, нашедшем общий язык со старшей, «отней» дружиной и отстаивавшем интересы Печерского монастыря.

Можно было бы допустить, что все обвинительные материалы против Святополка были написаны уже после его смерти, при ретроспективном взгляде на его княжение из эпохи Мономаха, но тогда трудно будет объяснить их хронологическую узость, ограниченность обвинений только начальными годами двадцатилетнего княжения Святополка¹⁹. Это разъясняется, если мы приглядимся к положению Мономаха за эти два десятилетия.

¹⁷ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 139, 185.

¹⁸ Д. А б р а м о в и ч. «Киево-печерский патерик», стр. 130.

¹⁹ Нельзя, разумеется, отрицать давно установленного факта подправок, изъятий и дополнений, сделанных в пользу Мономаха впоследствии, когда он стал полновластным великим князем. Но это не объясняет указанного выше хронологического ограничения. Мало объясняет его и общепринятое допущение, что в 1098 г. Святополк якобы примирился с Печерским монастырем.

Первые годы он сидел в разоренной войной Переяславле, организуя оборону рубежей, налаживая связи на новом княжении совместно с Ратибором и его сыновьями, Ольбегом и Фомой: «И седех в Переяславли 3 лета и 3 зимы и с дружиною. И многи беды прияхом от рати и от голода...», пишет сам о себе Мономах.

Эти три года, особо оговоренные Владимиром, — 1094—1096 гг. Он и далее, вплоть до 1113 г. оставался переяславским князем, но эти три года он выделил как особо тяжелое время для князя, согнанного с насиженного стола и оказавшегося в опасной и голодной зоне.

Победы над Тугорканом и Олегом Черниговским позволили Мономаху укрепиться и после Любечского съезда 1097 г. отвоевывать у Святополка одну позицию за другой.

Во-первых, после ослепления Василька он собрал войско левобережных князей и стал под Киевом. Летописец вкладывает ему в уста несколько напыщенную речь, где Владимир говорит, что если «начнет брат брата закалати, и погыбнетъ земля Русьская, и врази наши, Половци, пришедше, возмутъ землю Русьскую»²⁰.

Поход на Киев заставил Святополка надолго завязнуть в войнах на западе Руси.

Во-вторых, Мономах в 1098 г. поставил крепость между Киевом и Черниговом на Остре и тем самым взял под контроль все сношения Святополка с Олегом Черниговским, своим давним врагом.

Третьей важной стратегической удачей Мономаха следует считать закрепление Новгорода Великого. Святополк когда-то вынудил Мономаха убрать из Новгорода его сына Мстислава Владимировича, посаженного там еще Всеволодом I; великий князь хотел держать богатый город в своих руках, а сыну Мономаха отдавал Вольты, раздираемую усобицами. Вопрос был решен в 1102 г. новгородским боярством, представители которого прибыли в Киев и твердо отстаивали Мстислава Мономашича. Так Святополк утратил крупнейший город русского Севера, «окно в Европу». Ростов и Смоленск уже были в руках Владимира и вместе с Новгородом и Переяславлем владения Мономаха составляли добрую половину русских земель.

Обладая такими ресурсами, Владимир перешел в наступление на половцев, успешно воевал с ними в глубине степей, подготавливая решительное перемещение на юг русско-половецкой границы.

В этих условиях он уже не нуждался в услугах литературы — симпатии самых различных кругов, вплоть до смердов, были уже завоеваны.

Можно думать, что литературно-полемическая кампания против Святополка, основанная только на событиях 1093—1099 гг., была необходима Мономаху в тяжелые годы его переяславского сидения для того, чтобы расположить в свою пользу общественное мнение влиятельных, но обиженных Святополком старших бояр столицы, которые в конце концов и возвели Мономаха на киевский стол.

Приняв такое объяснение хронологической ограниченности нападков на Святополка Изяславича, нам легче определить круг заказчиков этой оппозиционной литературы. На первом месте надо поставить Владимира Мономаха; следует упомянуть Яна Вышатича и то родовитое боярство, которое он представлял и, наконец, нужно учесть интересы богатого и связанного с боярством Печерского монастыря.

Первые два десятка лет XII в., которые нам предстоит рассмотреть далее, ознаменованы таким исключительным явлением в истории русской культуры, как «Повесть временных лет» монаха Печерского монастыря Нестора.

Огромный хронологический диапазон этого труда, его многогранность и сложная судьба рукописи после написания — все это затрудняет предстоящее рассмотрение.

²⁰ «Повесть-временных лет», ч. I, стр. 174.

НЕСТОР И КНЯЗЬ СВЯТОПОЛК

Когда Нестор закончил свой грандиозный исторический труд, произошли различные события, которые еще более усложнили общую обстановку, а в частности коснулись и самого Нестора, и его «Повести», и его «Летописца», продолжившего свод 1093—1095 гг. за бурное время княжения Святополка Изяславича.

А. А. Шахматов писал по поводу первоначального облика Несторовой летописи: «При игумене Феоктисте в Печерском монастыре могла возникнуть только такая летопись, которая была всецело составлена в благоприятном для великого князя Святополка духе; она должна была выдвигать его бранные подвиги и изображать его благочестие»²¹.

Смерть Святополка, киевское восстание 1113 г., приглашение Мономаха «большими и нарочитыми мужами» на великокняжеский стол, изменение «Русской Правды» — вот те события, с которыми совпало окончание «двухтомной» работы Нестора. Второй том — «Летописец», писанный при Святополке, теперь лишился покровительства того князя, при котором и для которого он создавался.

Началась суровая жизнь беззащитной рукописи при новом князе, в другом княжеском монастыре, в руках иных людей. Умер ли к этому времени Нестор или просто был отстранен от летописного дела — мы не знаем. Но мы знаем на примере записей 1093—1098 гг., как внимателен был Мономах к освещению событий в его духе, как важно было ему выставить своего соперника в невыгодном свете и оставить хорошую память о себе.

Традиционный взгляд на Нестора, как на летописца князя Святополка, встретил возражения Л. В. Черепнина. Полагая, что Нестор написал свой труд к вышгородскому празднованию Бориса и Глеба в 1115 г., Черепнин по-иному взглянул и на отношение летописца к двум соперничавшим князьям. «Нестора можно считать человеком, сочувствовавшим Мономаху, и подходить к его труду следует как к произведению, задуманному вместе с Мономахом по вокняжении последнего в Киеве»²².

Доказывается это ссылками на «Печерский патерик», во многих разделах сочувствующий Мономаху, как мы уже видели выше. Нестор, как черноризец Печерского монастыря, и безвестные авторы тех «Слов» «Патерика», где прославляется Мономах, объединены Черепниным по принципу принадлежности к одной монастырской братии. Думаю, что нельзя рассматривать Печерский монастырь как неизменный и независимый организм. Нельзя согласиться с мнением многих исследователей о полной самостоятельности идеологии Печерского монастыря. Киево-Печерский монастырь был в значительной степени боярским учреждением. Старшая братия то и дело выпускала из своей среды «князей церкви» — епископов. Связь с боярскими кругами и боярский отчасти состав монахов определяли политическую позицию монастыря в целом.

Поддержка Мономаха монастырем в конце XI в., как уже было сказано выше, объясняется прежде всего тем, что влиятельные боярские круги разочаровались в Святополке, опиравшемся на служилую (административную, а не военную) молодшую дружину и не сумевшем организовать отпор половцам. Во вторую половину своего княжения Святополк, как известно, нашел общий язык с Печерским монастырем и с 1108 г. поддерживал культ Феодосия Печерского во всей Руси. Половецкие набеги после разгрома в 1103 и 1107 гг. утихли, и эти пять-шесть последних лет жизни Святополка (которые были и годами работы Нестора над сводами) оказались более спокойными, чем полное усобиц и противоречий начало его княжения.

²¹ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет». Пг., 1916, стр. XVI.

²² Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды. — «Исторические записки», т. 25, 1948, стр. 309.

У нас нет прямых данных о взаимоотношениях Святополка в этот период с крупным боярством и купечеством. Но киевским тысяцким в это время стал родной брат Яна — Путята Вышатич, принадлежавший, конечно, к категории «смысленных».

Кроме того, междукняжеские отношения, плохо ли хорошо ли, регулировались частыми княжескими съездами (1100, 1101, 1103, 1111 гг.) Они не ставили перед собой таких крупных, принципиальных вопросов, как Любечский съезд, но каждый раз разбирали определенную распрю или решали конкретную задачу мира или войны с погаными.

Статьи «Устава» Володимира Всеволодича, изменяющие после восстания порядки, заведенные Святополком и Путятой, ретроспективно говорят о том, что правительство Святополка не мешало ростовщикам Киева взимать непомерные проценты.

Можно думать, что противоречия между Святополком Изяславичем и киевскими верхами в 1107—1113 гг. значительно сгладились, и поэтому Печерский монастырь уже не вел больше кампании против Святополка. В это время вполне естественным для Печерской летописи Нестора был бы почитательный или по крайней мере благожелательный по отношению к великому князю тон.

Наличие разногласий среди ученых по поводу того, к какому князю был близок известный писатель и летописец Нестор — к Святополку ли или к его сопернику Владимиру Мономаху, заставляет нас, по-первых, вернуться еще раз к исходной хронологической позиции, к началу соперничества обоих князей в 1093—1099 г., а во-вторых, тщательно рассмотреть последний, так сказать, «актуальный» для этих трех лиц раздел Несторова «Летописца» и попытаться найти ответ в самом уцелевшем тексте.

На протяжении 1094—1112 гг. в «Повести временных лет» мы видим сложное переплетение разнородных материалов, в значительной мере уже распутанное Шахматовым. Во-первых, это вставки, сделанные рукой сторонника Мономаха; они есть и в Лаврентьевской летописи, которую Шахматов определяет как силвестровскую редакцию, и в Ипатьевской (редакция 1118 г.), где этих вставок еще больше²³.

В старый текст при его переработке иногда вставляли целые повести, а иногда только отдельные фразы или только имя Владимира. Включение имени Владимира Мономаха везде производилось с нарушением установленного старшинства — после ветви Изяслава Ярославича (отца Святополка) должна была именоваться вторая по старшинству ветвь Святослава, представителями которой были Давыд и Олег Святославичи Черниговские, но во всем летописном тексте 1094—1112 гг. вслед за Святополком поставлен Владимир, сын младшего из Ярославичей — Всеволода²⁴. Редактор летописи как бы подготавливает читателя к тому, что преемником Святополка окажется Владимир.

Подробнее о вставках Мономаховых редакторов будет сказано в дальнейшем, после того, как предположительно будет очерчен круг уцелевших отрывков Нестора.

Летописные статьи Нестора распадаются на две категории: одна из них — это краткие хроникальные справки о событиях, обязательно с очень точными датами (год, месяц, число; иногда — день и даже час). Они идут от 1099 г. до 1112 г. (Стоит отметить, что все вставки, сделанные рукой редактора, таких точных дат не имеют).

²³ Перечень вставок см.: А. А. Шахматов. «Повесть временных лет», стр. XXXVIII.

²⁴ См. там же, стр. XXVIII. Буквальное понимание летописного текста, без учета сделанных полвека тому назад Шахматовым текстологических расчленений, приводит иногда к странным построениям. Так, например, В. Л. Янин в статье «Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха» (ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 121) пишет: «Владимир Переяславский стоит на втором месте, сразу же после киевского князя, а черниговские князья только на третьем. Это значит, что к моменту Любечского съезда или на самом съезде произошла переоценка ценностей...».

Совпадение порядка князей в летописи, прошедшей редактуру Мономаха, и в «Хождении игумена Даниила объясняется без всякой «переоценки», просто тем, что Даниил был сторонником Мономаха. Это еще один аргумент в пользу принадлежности Даниилу повести о походе 1111 г.

Вторую категорию составляют обычные летописные записи, не особенно интересные, но такие, в которых явно ощущаются симпатии и антипатии летописца и обрисовываются некоторые подробности событий.

С именем Нестора Д. С. Лихачев связывает несколько красочных и ярких рассказов: о перенесении мощей Феодосия в 1091 г., о половецком нашествии 1096 г. и о разгроме Святополком половцев в 1107 г.²⁵ К ним можно добавить статью 1106 г. о Яне Вышатиче, статью 1108 г. о закладке Михайловского златоверхого собора и об уважении Святополка к памяти Феодосия и, может быть, статью 1112 г. о поставлении печерского игумена Феоктиста епископом в Чернигов.

В тех предшествующих сводах (Никона и Ивана), которые Нестор включил в свою летопись, его рука явно ощущается в панегирике князю Изяславу Ярославичу, отцу Святополка. По своему возрасту Нестор мог знать Изяслава не только по рассказам, но и лично, так как в его время он поступил в Печерский монастырь (1074—1078 гг.). В текст игумена Ивана, довольно враждебный Изяславу, иронически сообщающий, как князь надеялся нанять ляхов на «многое имение», а поляки, ограбив его, «показавше ему путь», какой-то иной летописец внес восторженную характеристику-некролог Изяслава под 1078 г. Изяслав оказывается незлобивым, кротким, «кривды ненавидя, любя правду», в нем не было хитрости и злопамятности.

Этому летописцу очень трудно было примирить свой панегирик с кровавой расправой в Киеве в 1069 г., но он все свалил на княжеского сына. Во всех усобицах оказываются повинными только братья Изяслава, но не он сам. В особую заслугу ему ставится то, что он «положи главу свою за брата своего», хотя он участвовал в битве с Олегом из боязни, что тот может выгнать его из Русской земли еще раз²⁶. Завершается некролог пространном поучением о братолюбии.

Тон этой вставки не вяжется с общим тоном свода 1093 г. и скорее всего указывает на княжение Святополка. Вполне естественно, что, повествуя о Святополке (и везде благожелательно), Нестор смягчил своим красочным некрологом летописную память об Изяславе, вызвавшем восстание 1068 г. Нестору принадлежит, очевидно, и подробный рассказ об убийстве князя Ярополка, сына Изяслава.

Руке Нестора Шахматов приписывает еще одно действие в пользу Святополка на старых страницах летописей: из так называемого завещания Ярослава, помещенного под 1054 г., выпала фраза о судьбе города Владимира Волынского: «...А Игорю — Володимер».

С сыном этого Игоря, Давыдом, Святополк вел упорную войну и в конце концов выгнал его из волынской столицы в Дорогобуж.

Летописец оказал своему князю небольшую услугу — изъял из летописи досадное упоминание о законном наследнике спорного города²⁷.

Естественно поставить вопрос о степени сохранности Несторова текста.

Было ли что-либо выброшено редакторами из этого раздела «Летописца» Нестора? Принимая предположения Шахматова, что где-нибудь в Перемышле или Теремовле, где княжили родичи Святополка, могла сохраниться копия Несторова подлинника, мы можем поискать следов «криминальных» статей Нестора, несозвучных с заданиями Мономаха.

В Никоновской летописи мы найдем:

1091 г. «Того же лета прииде Феодор, грек митрополичь от папы из Рима и принесе много мощей святых»²⁸.

²⁵ «Повесть временных лет», ч. II, стр. 120.

²⁶ Там же, ч. I, стр. 134.

²⁷ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет», стр. XXV.

²⁸ «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ), т. IX, СПб., 1862, стр. 116.

1109 г. «Явися в Кieve на церкви святаго архангела Михаила Злато-верхого птица незнаема, величеством бе с овна и сияша всякими цветы. И песни беспретанно [поюще?] и много сладости имуще изношашесе от нея. И седе на той 6 дний и никтоже нигдеже можаше видете ея к тому»²⁹.

Михайловская церковь была патрональной церковью Святополка — Михаила, и легенда о каком-то чудесном павлине на ней могла исходить только из кругов, близких к великому князю. Заложенная в 1108 г. Михайловская церковь к 1109 г. была еще только закончена (о чем нет записи), и легенда, вероятно, была приурочена к освящению. Что касается посольства от папы, то оно вполне вероятно, так как отец Святополка князь Изяслав во время своих скитаний по Европе вел переписку с папой и даже готов был объявить всю Русь подвластной римскому престолу³⁰.

Возможно, что приведенные два отрывка и кое-что из сведений, сохраненных Татищевым, восходят к первоначальному тексту Нестора, но, разумеется, не дают представления обо всех купюрах, произведенных редакторами.

Вторая категория Несторовых записей производит впечатление черновых, первичных заметок, где точнейшая дата сохраняла порядковое место событий, но сами события не раскрывались. Современникам они были ясны, а для потомков они не были еще обработаны.

В этих заметках часто мелькает имя великого князя, указаны брачные связи Святополка, постройка им городов и церквей. Есть много записей о Печерском монастыре. Несмотря на лаконичность их, вывод все же ясен — заметки писаны рукой сторонника Святсполка в Печерском монастыре.

Но иногда за предельной краткостью, за кажущейся объективностью и бесстрашностью удается рассмотреть очень хитроумные построения летописца, умело пользующегося фигурой умолчания.

Возьму тот случай, когда об одном и том же событии мы располагаем рассказами трех разных источников. Это поход Святополка на Василька Ростиславича, ослепленного в 1097 г. не без содействия Святополка, и его брата Володаря в 1099 г. О походе *трижды* говорится на страницах «Повести временных лет»: в повести Василия, в отдельной заметке (с датой) и в «Поучении» Мономаха.

Заметка с точной датой относится ко второй категории кратких Несторовых записей.

«В лето 6607 [1099 г.]. Изиде Святополк на Давыда к Володимерю и прогна Давыда в Ляхы.

В се же лето побьени угри у Перемышля.

В се же лето убьен Мстислав, сын Святополчъ в Володимери, месяца июня в 12 день».

Эта летописная статья при кажущейся беспристрастности ее является образцом сознательного умолчания, уводящего в сторону от сущности событий. В самом деле — кто воевал с венграми? Кем, на войне ли, в ссоре ли или во время какого-нибудь городского мятежа был убит 12 июня 1099 г. во Владимире Волынском князь Мстислав Святополчич? С одной стороны — точнейшие детали, а с другой — полная неясность для непосвященных. Сохранись до нашего времени только одна эта запись Нестора, мы должны были бы гадать о сущности событий, не имея данных для расшифровки неясного.

²⁹ ПСРЛ, т. IX, стр. 141.

³⁰ Е. Голубинский. История русской церкви, т. I. М., 1880, стр. 602. Интерес к римскому папе отразился и во вводной части «Повести временных лет» Нестора.

Но имеется другое описание этих же событий, более пространное, более ясное, но не менее тенденциозное. Это — повесть Василия.

«Святополк же, прогнав Давыда, нача думати на Володоря [Ростиславича] и на Василка [Ростиславича]... Се слышав Володарь и Василко поидоста противу, взявша крест, его же бе целовал [Святополк] к нима...

И преступи Святополк крест, надеяся на множество вой...»³¹.

Далее автор повести красочно описывает, как слепой князь поднял высоко над своими полками крест и они победили клятвопреступника Святополка.

Сын Святополка привел в помощь венгерского короля, а его старый соперник Давыд Игоревич привел половецкого хана Боняка. Половецкая конница разбила под Перемышлем королевское сорокатысячное войско, союзное Святополку. Вскоре кем-то из войска Давыда был застрелен Мстислав.

Сам Святополк в это время, судя по контексту, охранял свой великокняжеский стол в Киеве (возможно, от Владимира Мономаха, уклонившегося от похода на Вольнь) и послал в помощь киевского тысяцкого Пугяту Вышатича и одного из черниговских князей.

Вольнская кампания 1099 г. была проиграна Святополком с большими потерями.

Обо всем этом мы узнаем только из повести Василия, а та летописная статья, которую я предположительно связал с Нестором, обошла стороной все щекотливые положения и ни словом не обмолвилась о нескольких поражениях великого князя и о его вероломстве.

Суммируя все уцелевшие фрагменты Несторова «Летописца» за годы княжения Святополка, мы должны сказать, что во всех жанрах летописания — будет ли то обычное повествование, или краткая запись для памяти, или же некролог-поучение — везде, где можно предполагать руку Нестора, мы явно ощущаем выражение симпатий к Святополку и сознательное освещение событий таким образом, чтобы где можно — прославить великого князя и его дела, а там, где это нужно — умолчать о неблагоприятном.

При всем уважении к великому Нестору, мы должны признать его придворным сторонником Святополка и по поводу его «Летописца» вспомнить то, что писал А. А. Шахматов о нем: «рукой летописца управлял в большинстве случаев не высокий идеал далекого от жизни и мирской суеты благочестивого отшельника... рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы»³².

3

«ПОУЧЕНИЕ» И «ЛЕТОПИСЬ ПУТЕЙ» МОНОМАХА

На ряде исторических произведений конца XI — начала XII в. мы ощущаем властную руку коронованного летописца — Владимира Всеволодича Мономаха, Владимира II.

К тому времени, когда в его распоряжении оказалась рукопись Нестора, он уже не был новичком в летописном деле; он очень хорошо осознавал важность летописи, которая, по всей вероятности, предназначалась для чтения вслух в монастырской трапезной, а может быть и во дворце.

Мне кажется, что с именем Мономаха связана не только переделка «Повести временных лет», но и целая реформа летописного дела. Мономах стремился как

³¹ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 178, 181.

³² А. А. Шахматов. «Повесть временных лет», стр. XVI.

можно больше приблизить летопись к насущным политическим задачам, использовать ее литературные достоинства как оружие в борьбе за «цесарскую» корону Киева. Наличие могучего хора «смысленных» бояр, от воли которых зависело замещение великокняжеского стола, диктовало новое отношение князей к фиксации их полезных дел в летописи.

Боярство зорко приглядывалось к пестрой веренице князей, гнавшихся друг за другом по русским городам, и старалось «привабить» к себе такого князя, который думал бы с ним о ратях и строе земельном.

В сложном калейдоскопе княжеских распрей, заговоров, клятвопреступлений, нарушений тайных договоров феодальным верхам было трудно иной раз уследить за ходом дел или понять их истинные причины. Появляется необходимость регистрации клятв и их нарушений; тайное иногда выгодно сделать явным, вину врага или соперника важно документировать.

Летопись становится средством *воздействия* на общественное мнение, юридическим оправданием в сложных ситуациях, отчетом князя в своих патриотических делах.

Владимир Мономах на рубеже двух столетий, задолго до получения Киева и летописи Нестора, ввел новшества в летописное дело. Внук его Изяслав Мстиславич оставил нам наиболее блестящие образцы такого личного княжеского летописания, но начало положил сам Мономах.

В 1093 г. Владимиру пришлось уступить «отень стол» Святополку; в 1097 г. киевская молва приписывала Мономаху попытку сбросить Святополка; в 1113 г. в обход формального княжеского старшинства он входит, наконец, в Киев, находясь уже в возрасте прадеда (за год до этого он выдал замуж внучку). Стремление в Киев определяло многое в действиях Мономаха и, в частности, в его отношении к летописной фиксации чужих грехов и собственных достоинств.

Мы не знаем, Мономахом ли были заказаны статьи «Печерского патерика», бичевавшие Святополка и его сына, но они были выгодны прежде всего Мономаху, так как именно он мог в случае удачи реализовать недовольство боярства великим князем.

Мы не знаем, заказывал ли Владимир повесть об ослеплении Василька Ростиславича летописателю Василию (хотя это и очень вероятно), но с ее появлением в руках Мономаха оказалось сильное оружие прежде всего против заговорщика и клятвопреступника Святополка.

Мы знаем, что в эти годы сам князь взялся за перо и создал небывалый исторический жанр — летопись-автобиографию.

Для выяснения действительной роли Владимира Мономаха в установлении новых форм летописания особенно важен вопрос о более или менее точной датировке его «Поучения», включающего и летопись его княжеских дел.

В нашей научной литературе давно уже существует несколько различных точек зрения на время возникновения «Поучения»³³.

Ряд исследователей, основываясь на приглашении Мономаха принять участие в походе на Ростиславичей, датируют «Поучение» близко к 1099 г. Другие ученые, начиная с Н. М. Карамзина и кончая Д. С. Лихачевым, относят «Поучение» к 1117 г. Н. В. Шляков дает особо точную, но никем не поддержанную дату — пятница 9 февраля 1106 г.³⁴

Разница в датировках на два десятка лет жизни одного человека для нас неважна. Одно дело, когда произведение писалось провинциальным князем, мечтавшим о великом княжении, и иное дело, если оно было написано «цесарем» земли Русской в зените его могущества. Сторонники поздней даты — 1117 г. — исходят прежде всего из перечня походов Мономаха, доведенных до 1117 г., и из того, что сын Мстислав назван «дитя новгородское», а он уехал из Новгорода в 1117 г. Свя-

³³ А. С. Орлов. Владимир Мономах. М., 1946.

³⁴ Н. В. Шляков. О «Поучении» Владимира Мономаха. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1900, ч. СССXXIX, № 5, отд. 2.

зывают эту дату и с третьей редакцией «Повести временных лет» — 1118 г. Остальные аргументы, вроде туманного указания на возраст Мономаха, на «стариковские интонации» его «Поучения», можно оставить без разбора, так как даже в случае признания ранней даты за плечами у Владимира было к концу XI в. свыше трех десятков лет княжеских «путей» и он был к этому времени уже дедом.

Признание единовременности написания всех частей «Поучения», объединенных этим общим условным названием, встречает неодолимые препятствия в самом тексте.

Во-первых, совершенно необходимо при определении даты отделить собственно поучение от личной летописи, так как датирующие их признаки различны: ранняя дата основана на «Поучении», а поздняя — на Мономаховой летописи «путей». Поучение (без летописи), по всей вероятности, написано единовременно, но, конечно, не в одну великопостную ночь, как определял Шляков по подбору цитат из христианской литературы.

Поучение в собственном смысле слова — значительный литературный труд, потребовавший большого количества выписок, серьезной подготовки, и единовременность нельзя понимать как написание за один присест.

Время, обстоятельства и причины написания «Поучения» точно обозначены самим автором.

Где-то на Волге, где Мономах находился, очевидно, «орудей своих дея» — по делам своего ростовского домена, к нему прибыли послы от его братии.

«Усретоша бо мя слы от брѣтѣя моя на Волзе, реша: „Потьснися к нам, да выженем Ростиславича и волость их отъимем. Аще ли не поидеши с нами — то мы собе будем, а ты — собе“».

Речь шла о том самом походе Святополка на Василька и Володаря Ростиславичей в 1099 г., в который были втянуты и венгры, и половцы, и половина русских князей. Мы уже знаем об этом походе и из гневно-обличительной повести Василия и из хитроумной записи Нестора.

Святополк, нарушив клятву, отправился округлять свои западные владения и хотел, чтобы в этом братоубийственном походе участвовал и Мономах. С этим и прибыли Святополчьи послы из Киева (а может быть, и из Чернигова, так как речь шла о «братии») на Волгу, где им удалось встретить Владимира на дальнем пути, «на санех седя».

Владимиру Мономаху весной 1099 г. было в высшей степени выгодно остаться в стороне от волынских операций Святополка: главные силы великого князя были бы далеко на западе, враждебный сосед Мономаха — хан Боняк — увел бы свои орды туда же, к Карпатам, сам Владимир сидел бы спокойно с дружиной в Переяславле. А от Переяславля до Киева, истомленного неправдами, «граблением» и «продажам» Святополка, всего один день «борзой» езды... Отказ от участия в походе на слепого князя был преподнесен Мономахом как благородный жест:

«И рех [послам Святополка]: „Аще вы ся и гневаете, не могу вы я ити, ни креста переступити“».

Отправив обратно великокняжеских послов, Владимир, по его словам, гадал на псалтыри; ему выпало: «Зачем ты печалишься, душа, зачем смущаешь меня?». После этого он и приступил к «Поучению», которое должно было не только прочитываться как «грамотица», но и где-то читаться вслух («... или ин кто, слышав сю грамотицю...»). «Поучение» дает не только советы, но прежде всего стремится воздействовать на аудиторию личным положительным примером автора, которого никак нельзя назвать скромным. «Поучение» Мономаха очень умело использует ту ситуацию, в которой он оказался после отказа нарушить клятву и идти на Ростиславичей.

Первые же фразы «Поучения» бичуют творящих «беззакония», читай — Святополка.

Далее даются советы, воскрешающие в нашей памяти полемическую литературу Печерского монастыря. Мономах, как бы следуя предисловию к своду 1093—1095 гг.

или «Патерику», рекомендует избегать именно тех самых недостатков, в которых литература обвиняла Святополка: Святополк неправедно судил, во всем полагался на детских, «несмысленных», был жесток, жаден и вероломен. «Поучение» Мономаха бичует несправедливый суд, излишнее доверие к тиунам, жестокость, нарушение клятв.

«Избавите обидима, судите сироте, оправдайте вдовицу.

...Оже ны зло створить, то хоцем ѿ пожрети и кровь его прольяти вскоре... Дети моя, божественная!.. Всего же паче убогих не забывайте... сироте и вдовицу *оправдите сами*, а не вдавайте сильным погубити человека. Ни права ни крива не убивайте... Аще ли вы будете *крест целовати к братьи* или к кому, а ли управивше сердце свое, на нем же можете устояти то же целуйте, и *целовавши блюдете*... не зрите на тивуна ни на отрока... Куда же ходяще путем по своим землям, не дайте пакости деяти отроком ни своим, ни чюжим, ни в селех, ни в житех, да не кляти вас начнуть».

Как злободневны, как животрепещущи были все эти вопросы в дни Святополка, которого «кляли» именно за все эти недочеты правителя. Имя Святополка не названо в «Поучении», но каждый, слышавший или читавший летопись игумена Ивана или «Слово о Прохоре Лебеднике», прямо связанное с кампанией 1099 г., знал, какого жестокого правителя, позволяющего отрокам «пакости деяти», имел в виду автор.

Не к малым детям было обращено поучение переяславского князя; его собственные сыновья давно уже правили городами и землями, воевали, выдавали замуж своих дочерей. Дети в «Поучении» названы «божественными», а в этом широчайшем смысле «детьми» Мономаха могли быть и сыновья-князья, и князья-вассалы, и другие сильные мира сего, имеющие власть над тиунами и отроками.

В конце «Поучения», когда уже был обрисован общими чертами идеальный облик мудрого и справедливого правителя, Владимир Мономах переходит к конкретизации литературного образа. Не легко найти среди людей («мы, человеци, грешни суще...») такого деятельного и правосудного князя, но вот, например, сам князь Владимир, автор «Поучения», — он полностью подходит под обрисованный им самим образец:

«Еже было творити отроку моему, *то сам есмь створил* дела на войне и на ловех, ночь и день, на зною и на зиме не дая себе упокоя. На посадники не зря, ни на биричи, *сам творил*, что было надобе... Тоже и худаго смерда и убогие вдовице *не дал есмь сильным обидети*, и церковнаго наряда и службы *сам есмь призираю*...»³⁵.

Если и этот раздел написан одновременно с началом «Поучения», то в обрисованных выше условиях 1099 г. такие слова под пером князя — претендента на киевский стол (в сопоставлении со сгустком печерских пробоярских памфлетов на Святополка) могли означать только предвыборную программу Владимира Мономаха, рассчитанную на понимание ее киевскими вельможами, дважды отклонявшими Владимира, но неудовлетворенными и своим избранныком³⁶.

³⁵ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 153, 156—158, 163.

³⁶ Вполне возможно, что Владимир Мономах действительно обладал всеми теми положительными качествами, о которых он пишет. В данном случае нас должно интересовать то, что он нашел нужным так настойчиво говорить о своих достоинствах. Впрочем, как указывает М. Н. Тихомиров, современник Мономаха митрополит Никифор рисует его не такими светлыми красками: князь «не мога сам вся творити очима своими»; много зла происходит «от служащих орудьем твоим». Никифор дает совет: «...княже мой! О том помысли — о изгнанных от тебе, о осужденных от тебе наказания ради...» (М. Н. Т и х о м и р о в. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, стр. 131—134).

Митрополит Никифор был поставлен в 1104 г. и, возможно, уже знал «Поучение» Мономаха и прямо отвечал на него, говоря о «служащих» и о невозможности самому князю уследить за всем.

Мономах вскоре после промаха Святополка на Любечском съезде перешел в наступление, не только собирая военную коалицию против Святополка, но и формируя общественное мнение влиятельных кругов Киева. «Поучение» предназначалось, как мы видели, не только для «божественных детей» — его могли слушать и «иные кто».

Не меньший исторический интерес представляет и датировка *летописи* Мономаха первой в истории Руси летописи, написанной князем о самом себе.

Общий хронологический диапазон этого перечня «трудов» и «путей» — от 1066-го до 1117 г.

Внутри этого полувекового периода есть и подробно описанные события и годы, есть и лаконичные записи, есть и «пустые годы», уже не раз помогавшие нам при анализе летописей.

Весь перечень можно расчленить на шесть групп, возможно, записанных не одновременно. Помещена летопись путей Мономаха под 1096 г.³⁷

Первая группа (1066—1078 гг.). В записях об этих годах отражена жизнь молодого княжича, с ранних лет выполнявшего военно-административные поручения в разных концах Руси.

Тринадцатилетний мальчик едет в Ростов «сквозе Вятичи», через дикие леса, где язычники убивали монахов-миссионеров и где еще пылали огни погребальных костров. Юноша Владимир вместе с былинным героем Ставром Гордятичем идет к Смоленску, потом во Владимир Волынский, затем идет охранять спаленное ляхами Берестье, четыре месяца воюет в Чехии, правит Туровом, воюет со стремительным Всеславом под Полоцком, ездит к отцу в Переяславль и, наконец, утверждается в Чернигове (подарив отцу 300 гривен золотом) и отгоняет половцев от рубежей Черниговской земли.

Жизнь Владимира от 13 до 25 лет очень типична для эпохи княжеских перемещений, усобиц и кризиса.

За 12 лет своей княжеской жизни он переменял пять удельных городов и совершил более 20 больших «путей». По самым минимальным подсчетам, князь проскакал за это время от города к городу не менее 16000 км (не считая разездов).

Подробнее всего в этой части своей летописи Владимир описал 1078 г., год вокняжения его в Чернигове. Это те самые события, которые подробно описаны и в своде игумена Ивана с дополнениями Нестора: Олег Святославич и Борис с большими половецкими силами обрушились на Всеволода, но под Черниговым были разбиты 3 октября 1078 г. Победа дала Мономаху Чернигов, где он пробыл 16 лет, а его отцу — великое княжение, так как Изяслав внезапно был убит.

Вторая группа (1084—1086 гг.) отделена от первой пятью почти пустыми годами. За эти годы черниговский князь осваивал свой новый домен — землю Вятичей.

От своего соперника Олега Мономах научился еще в 1078 г. заключать союзы с половцами и с их помощью вступать в усобицы. Мономах нанимал племя Читевичей (1084 и 1096 гг.). В 1084 г. с ними он «изъезжахом город [Минск] и не оставихом у него ни челядина, ни скотины». Едва ли эта фраза предназначалась для посторонних лиц.

Заканчивается этот раздел летописи описанием битв с половцами (не внесенных в «Повесть временных лет») на огромной степной поляне южнее Киева — под Горческом, Юрьевом, Красным, и лаконичным упоминанием о походе на Волынь на Ростиславичей: «ходив Володимерю паки Ярополка посахих и Ярополк умре».

Данная фраза показывает, что и Мономах умел пользоваться фигурой умолчания.

³⁷ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 158—162.

Из «Повести временных лет» мы узнаем, что в промежутке между «Ярополка посадих» и «Ярополк умре» произошло много событий. Владимир Мономах был послан отцом на Волынь для того, чтобы помочь Ярополку Изяславичу (брату Святополка) отбиться от Ростиславичей (Василька и Володаря). Мономах все это выполнил, посадил Ярополка во Владимире Волынском.

Пропущено Мономахом то, что Ярополк замыслил войну против Киева, и что Мономах полонил его мать, дружину «и именье взем его». Умолчано и о том, что после примирения Ярополк не просто «умре», а был заколот саблей неким Нерадцем 22 ноября 1086 г. в Звенигороде.

Панегерик-некролог Святополкову брату написан, очевидно, Нестором, которому могла принадлежать и вся статья с точной датой убийства Ярополка. Спустя 12 лет об этом убийстве ходили темные слухи. Обо всем этом Мономах умолчал, сильно упростив ход событий.

Судя по географии походов Мономаха, он в эти годы не столько был черниговским князем, сколько правой рукой своего отца, великого князя. И в «Повести временных лет» постоянно упоминается формула: Всеволод «посла»; сам он, очевидно, уже в походы не ходил с 1084 г.

Вторая группа от третьей отделена семью пустыми годами. Это были годы, когда Мономах разделял в какой-то мере власть с отцом, ходил вместо него в походы и, вероятно, считался в какой-то мере ответственным за те грабления, продажи, творимые виры и предпочтение «уным», в которых печерский летописец упрекал его одряхлевшего отца. Быть может, эта ответственность за политику Всеволода и не позволила Мономаху закрепиться в Киеве после смерти отца.

Третья группа (1093—1096 гг.).

Эта группа прямо начинается со смерти Всеволода и неудачных битв с половцами в 1093 г.

Затем очень подробно и красочно Мономах описывает, как Олег, выгнанный им из Чернигова в 1078 г., пришел на него в Чернигов «с Половечьскою землею» и восемь дней штурмовал город.

Здесь Мономах впадает в лирику: «Съжаливѣси хрестьяных душъ и сел горящих и монастырь и рех: „Не хвалитися поганым!“». И вдох брату отца его место».

Мономах и его бояре выехали из Чернигова 24 июля 1094 г. «и ехяхом сквозе полкы половчские... и с детми и с женами. И облизахутся на нас акы волци...».

Далее говорится о том, что Мономах сидел в Переяславле Русском «3 лета и 3 зимы, и с дружиною своею, и многы беды прияхом от рати и от голода». Это были те героические годы, когда складывался былинный цикл об Итларе — «Идолище», об Ольбеге Ратибориче — «Олеше Поповиче» и о Тугоркане, тесте Святополчьем — «Тугарине Змеевиче».

Интересно то, что Мономах определяет свое сидение в Переяславле трехгодичным сроком, но ведь мы знаем, что он просидел в этом городе 19 лет. Если бы этот раздел «летописи путей» писался, как предполагают, в 1117 г., то такое определение было бы странным и непонятным.

Три года после 1094 г. — середина 1097 г.

Все события этой группы, поддающиеся датировке, ограничиваются 1096 г., т. е. тем самым годом, под которым все «Поучение» внесено в Лаврентьевскую летопись:

«Итлареву чадь избиша» — 1095 г.

«Стародубу идохом на Олга» — май 1096 г.

«На Бог идохом, с Святополком на Боняка за Рось» — июнь 1096 г.

«И паки, с Святополком гонихом по Боняце... убиша, и не постигохом...» — 19 июля 1096 г.

«И потом по Боняце же гонихом за Рось и не постигохом его...» — после 10 июля 1096 г.³⁸

³⁸ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 151, 161.

Здесь подробно отражено бурное лето 1096 г., когда Владимир и Святополк то преследовали Олега Святославича, то отражали настойчивые натиски Боняка, Кури и Тугоркана. Пропуск в тексте «убиша» должен быть заполнен именем Тугоркана, убитого 19 июля 1096 г.

Эти точно датированные общерусские события разорваны в Мономаховой «летописи путей» многократными и путаными упоминаниями домениальных поездок Владимира в Ростов и в Смоленск. Возможность поездок в Смоленск обусловлена каким-то миром с Давыдом Святославичем. «И Смолинську идохом, с Давыдом смирившеся». А. С. Орлов предполагает, что это произошло на Любечском съезде 1097 г., где Смоленск был отдан Мономаху. В. Л. Янин, посвятивший смоленскому столу в эти годы специальную статью, к сожалению, ни словом не коснулся «Поучения» Мономаха и его многократных упоминаний о поездках в Смоленск³⁹.

Сам Мономах говорит о себе — «и по 3 зимы ходихом Смолинску». Скорее всего, это следует понимать как продолжение того суммарного счета, которым обозначено и сидение в Переяславле, т. е. три года было проведено безвыездно на юге, а на протяжении трех последующих лет по зимам (когда собирают дани) Владимир ездил в Ростов и в Смоленск⁴⁰.

Тогда получаем следующий расчет: переяславские три лета и три зимы закончились около 24 июля 1097 г.; первая смоленская зима — 1097/1098 г., вторая — 1098/1099 г. и третья — 1099/1100 г. Далее идет пропуск в семь лет и сообщается о событии 7 мая 1107 г. (смерть жены).

Если же считать от последних конкретных событий 1096 г., а не от глухих упоминаний о поездках по домену, то пустых годов будет еще больше — одиннадцать.

Напомню, что к 1096 г. относится и такая значительная часть «Поучения», как пространное и литературно превосходно обработанное письмо Мономаха к Олегу Святославичу.

Четвертая группа состоит по существу из одного 1107 г. — борьба с Боняком, разгром его под Лубном, мир с Аепой и женитьба на его дочери сына Мономаха и снова путешествия по северным частям домена в Ростов и в Смоленск.

Но неожиданно в события одного года вторгается запись о 1103 г.: «Пришед из Ростова, паки идох на половци на Урусобу с Святополком, и бог ны поможе». Урусоба был убит в бою 4 апреля 1103 г., и поэтому данная запись оказалась среди событий 1107 г. случайно.

Пятая и шестая группы разделены двумя пустыми годами — 1114-м и 1115-м и освещают с предельной краткостью годы 1110—1117-й.

Степень лаконичности этих заметок такова, что о походе 1111 г., о котором сложено специальное сказание, здесь написано несколько слов: «На Дон идохом с Святополком и с Давыдом, и бог ны поможе».

Рассмотрение «летописи путей» Мономаха позволяет сделать следующие выводы. Летопись, очевидно, писалась князем Владимиром не в один присест. Я не могу вслед за Шахматовым считать эту летопись дневником Мономаха, в котором из года в год вносилось по одной фразе. Летопись писалась, как мне кажется, от одной надобности до другой; появлялась надобность в подробном освещении борьбы за Чернигов, и автор пишет об этом; нужно было осветить успешную борьбу с Боняком, и автор брался за перо. А вот о Любечском съезде и его последствиях автор не счел нужным сказать ничего. Первый раз он подвел некоторые итоги тогда, когда утвердился в Чернигове в 1078 г., а после подробного описания событий этого года он

³⁹ В. Л. Янин. Указ. соч.

⁴⁰ Владимир Мономах не прекратил своих поездок в Смоленск и после 1099/1100 г.: в 1101 г. он заложил там каменную церковь.

дал только несколько глухих общих замечаний о домене. Возможно, впрочем, что эти итоги подводились не в 1078-м, а в 1096 г.

Самым существенным рубежом я считаю 1096—1097 гг., т. е. рубеж между третьей и четвертой группами, разделенными одиннадцатью пустыми годами. К этому сроку подогнан расчет пребывания в Переяславле, к нему приурочено письмо Олегу, рассчитанное на публикацию в летописи. К этому году относится *настоящее* время в справке о пути в Ростов: «И се ныне иду Ростову» (Лаврентьевская летопись). Пропустив малозначительные годы жизни при старике-отце, Мономах записал все события, происходившие после его смерти, когда великим князем стал Святополк.

Особенно красочно (и тоже в расчете на публикацию) описан «добровольный» уход из Чернигова, объясняемый самыми гуманными побуждениями.

Мне кажется, что в 1097 г., перед Любечским княжеским съездом, а может быть именно *для него*, Владимир Мономах, не оставивший, очевидно, мысли о великом княжении, подготовил ряд историко-литературных произведений, которые могли в достаточной мере очернить представителей двух старших княжеских линий — Изяславичей (Святополка) и Святославичей (Олега) и представить в хорошем виде самого Мономаха.

За время управления Киевом при Всеволоде Владимир изучил настроения киевских верхов и рассчитывал свою идеологическую агрессию, разумеется, не на князей-соперников, а на боярские влиятельные круги.

К концу 1097 г. (Любечский съезд был в ноябре) существовали следующие произведения:

1. Летописный свод печерского игумена Ивана, доведенный до конца 1093 г. и очень критически освещающий начало княжения Святополка.

2. Написанная лично Мономахом летопись его путей, завершавшаяся в своем первоначальном виде подробнейшим перечислением походов автора на Боняка в 1096 г. и чернящая Олега Черниговского, приводившего половцев на Русь.

Эта летопись представляется мне лишь заготовкой, которая в 1096 г. так и не была обработана и не была включена в официальную летопись, но место за этой заготовкой и в каком-то черновом проекте летописи (может быть, какое-либо продолжение свода Ивана?) было закреплено — 1096 г. *Под этим годом*, в конце концов, когда летописью занялись Мономаховы люди, и оказалось в «Повести временных лет» и «Поучение», и весь перечень путей до 1117 г.

3. До того как Владимир написал в 1099 г. свое «Поучение», он в 1096—1097 гг. создал не менее красочное и сильное произведение — письмо Олегу Святославичу. Его можно было бы назвать «открытым письмом».

Здесь уже встречаются те же мотивы братолюбия, что и в «Поучении»: «не ревнуй лукавнующим, ни завиди творящим безаконье». «Что есть добро и красно? Но — ежи жити братья вкупе!»⁴¹. В письме говорится и о том, что Олег убил своего крестника, сына Мономаха, и о горестной судьбе его юной вдовы. С большим талантом Мономах использует все средства для окончания войны, которую Олег перенес внутрь Мономахова домена. Мономах предлагает Олегу послать к нему, к Мономаху, епископа с письменным договором.

В конце письма помещена молитва, возможно, сочиненная Мономахом. В ней автор просит богородицу заступиться за свой град Киев. Дата молитвы не ясна.

4. В княжеском архиве Мономаха и его старшего сына Мстислава, очевидно, накопился ряд писем, относящихся к тому же 1096 г. О переписке Мстислава с Олегом есть сведения даже в том разделе «Повести временных лет», который следует возводить к руке Нестора (он считает Олега правым). О присылке грамоты от Мстислава пишет и сам Мономах.

⁴¹ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 163—164

Любеч. Замок XI — середина XII в.
[реконструкция на основании раскопок 1957—1960 гг.]

В «Повести временных лет» сохранились следы переписки 1096 г.

А. Письмо Святополка и Владимира к Олегу о съезде в Киеве для «порядка» о Русской земле перед смысленными («мужи отец наших») и «людьми градскими» ради обороны Руси от поганых.

Б. Ответ Олега: не могут судить ни епископы, ни игумены, ни смерды.

В. Письмо Олегу от тех же лиц о съезде в Киеве.

Г. Письмо Олега Изяславу Владимировичу Муромскому. Оно производит впечатление подлинного документа, включенного в летопись:

«Иди в волость отца своего Ростову, а то есть волость отца моего. Да хочю ту седа поряд створити со отцем твоим. Се бо мя выгнал из города отца моего. А ты ли ми zde хлеба моего же не хочещи дати»⁴².

В реальном, внелетописном, существовании этого письма убеждает ответ Мономаха Олегу, воспроизводящий одно из его выражений: «...али ти лихо е, да то ти седить сын твой хрестыный с малым братом своимь, хлеб едучи дедень, а ты седиши в своем...»⁴³.

⁴² «Повесть временных лет», ч. I, стр. 168, 150.

⁴³ Там же, стр. 165.

Д. Письмо Мстислава Олегу из Новгорода с обещанием написать отцу и примирить Олега с отцом, если Олег уйдет из Суздаля.

Е. Письмо Мстислава Олегу из Суздаля.

Ж. Письмо Мстислава Олегу из Рязани.

Два последних письма содержат обещание написать отцу и примирить врагов.

Конец переписки, судя по дате («се же бысть *исходящу* лету 6604, индикта 4 на полы»), приходится на январь — февраль 1097 г.

К моменту Любечского съезда в ноябре 1097 г. Мономах был уже достаточно вооружен литературно-обличительными материалами как против великого князя Святополка (летопись игумена Ивана), так и против своего непосредственного врага — Олега Святославича, изгнавшего его из насиженной Черниговской волости («летопись путей» и письмо Олегу).

4

ВЛАДИМИР МОНОМАХ И КНЯЖЕСКИЙ СЪЕЗД 1100 г.

Любечский съезд 1097 г. не принес дипломатической победы Мономаху (Чернигов остался в руках его врагов), очевидно потому, что руководитель съезда — Святополк — не доверял Мономаху и подозревал его в заговоре. Участие самого Святополка в другом заговоре и жестокое ослепление Василька Ростиславича сразу после Любечского съезда дало Мономаху новое оружие против своего могущественного соперника.

Не получив Киева тогда, когда с большим войском он стоял в 1098 г. почти под стенами столицы, Мономах развил дальнейшую литературную деятельность.

Все даты новых сочинений против Святополка сходятся на 1099—1100 гг. или по крайней мере описывают события этих лет:

Слово о Прохоре в «Патерике» — 1099 г.

Слово о монахах, расстрелянных сыном Святополка — 1099—1100 гг.

Повесть Василия об ослеплении Василька Ростиславича — 1099 г.

К этим же годам ведет и расчет лет Мономаха — «3 зимы» поездок в Смоленск — 1099—1100 гг., когда он дополнил новыми данными (крайне незначительными) старую свою «летопись путей», доведенную на одном из ее этапов, как мы помним, до 1096 г.

Почему же в личной летописи Мономаха никак не отражены ни Любечский съезд, ни поход на Киев в 1097 г., ни последующие бурные события 1098—1099 гг.?

Думаю, что ответ может быть только один — *Мономах хорошо знал о существовании специальной повести Василия о всех событиях 1097—1099 гг.*, повести, написанной с его, мономаховых, позиций. И знал он об этом не в 1116-м или 1118 г., когда редактировалась большая летопись, а *в это же время, в 1099—1100 гг.*

Это делает очень вероятным предположение, что повесть была *заказана* Василию Мономахом в те же годы.

«Поучение» Владимира Мономаха, написанное в 1099—1100 гг., явилось как бы дополнением к повести Василия.

Если первый набор литературных произведений, выгодных Мономаху, был подготовлен к Любечскому съезду 1097 г., то второй комплект остро злободневных сочинений был, вероятно, приурочен к княжескому съезду в Витичеве (Уветичах) в 1100 г.

Съезд в Витичеве собрался 30 августа 1110 г. Святополк, Владимир, Давыд и Олег Святославичи, т. е. князья трех частей «Русской земли» — Киева, Переяславля и Чернигово-Северщины, призывали на свой княжий суд того самого Давыда Игоревича, которому, как главному злодею, посвящена вся повесть Василия.

Заранее было известно, что Давыд Игоревич хочет сам предъявить какие-то претензии старшей братии.

Свою речь на съезде Игоревич начал высокомерно: «На что мя есте привабили? Осе есм. Кому до мене обида?».

Интересно, что от имени съезда отвечал ему не Святополк, а Владимир Мономах: «Ты еси прислал к нам: „Хочу, братья, прити к вам, и пожаловатися своея обиды“. Да се еси пришел и седишь с братьею своею на одном ковре: то чему не жалуешься? До кого ти нас жалоба?».

Давыд не отвечал.

Тогда съезд принял необычный вид — все князья, порознь друг от друга, верхом на конях, стали со своими дружинами «думать о Давыде». Давыд, сидевший в отдалении, ждал своей судьбы. К нему было направлено пышное боярское посольство: тысяцкий Киева Путята Вышатиц, тысяцкий Переяславля Ратибор, Оргост (очевидно, из старых черниговских бояр Мономаха) и Торчин. Из четверых бояр двое были боярами Мономаха.

Давыд был лишен Владимира Волынского «зане ввергл еси ножь в ны; его же не было в Русской земли»⁴⁴.

Это — почти цитата из повести Василия — там такая фраза вложена в уста Мономаха: «Сего не бывало есть в Русской земли... еже ся створи се... и в нас, в братьи, оже ввержен в ны ножь».

Первенствующая роль Мономаха на Витичевском съезде, быть может, объяснит нам и время написания повести Василия. В августе предыдущего года Давыд был выгнан из Владимира и только с помощью Боняка отвоевал его. У него были претензии и к старшей братии, и к Святоше Черниговскому, нарушившему клятву верности. Осенью 1099 г. Давыд мог уже послать жалобу (о которой шла речь на съезде) Святополку или сохранявшему в том году нейтралитет Мономаху. До конца августа 1100 г. времени было достаточно для того, чтобы написать контробвинение Давыду. Повесть Василия и являлась таким встречным актом, в котором было двое обвиняемых — преступник Давыд и пособник его Святополк. Этим, вероятно, и объясняется руководящее положение Мономаха в Витичеве — он вопрошает Давыда Игоревича о его претензиях, он посылает двоих бояр, тогда как великий князь и двое черниговских князей послали только по одному. Судя по составу боярской депутации, первенство Владимира не является здесь результатом редакторских вставок. Съезд князей не был прямо подчинен великому князю киевскому, и руководство им со стороны князя, решительно отказавшегося от участия в усобице (речь Владимира на Волге — «не могу креста переступить») вполне естественно⁴⁵.

Можно было устно обличить обоих заговорщиков, но лучше, если бы в руках обвинителя были документальные записи. Такой записью свидетеля, участника событий 1097 г., и является повесть Василия — обвинительный акт, написанный между августом 1099 г. и августом 1100 г.

Наличие этого акта, парирующего жалобу Давыда Игоревича, и объясняет нам его молчание на съезде. Ведь и сам свидетель тайных переговоров — Василий — мог находиться на съезде, именно как свидетель в юридическом понимании этого слова, как «послух».

Повесть Василия представляет для нас большой интерес, и нам необходимо решить вопрос о ее дате и авторе.

⁴⁴ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 181.

⁴⁵ Если правильно чтение «Витичев» (принятое М. С. Грушевским, А. С. Орловым и другими) вместо «Уветичей», неизвестно где находящихся, то мы получаем еще одно косвенное подтверждение роли Мономаха: хотя в Витичеве Святополк и построил Новгород Святополчь, но он был ближе к переяславским владениям Мономаха, чем к Киеву.

Шахматов называет Василия галицким попом, предполагая, что он был духовником князя Василька Ростиславича; дату написания повести Шахматов отодвигает на время после 24 мая 1112 г., когда умер Давыд Игоревич, смерть которого упомянута в повести⁴⁶.

Вероятно то, что Василий был свидетелем многих событий и спутником князя, своего тезки, но считать его священником и духовником князя особых оснований нет. Шахматов делает такое заключение на основании критики Василием-летописцем некоторых дел Василия-князя, но это никак не может быть основанием⁴⁷. Скорее наоборот, духовник выгораживал бы своего духовного сына или указал бы, что он не послушал увещаний. Нет ни одной черты в действиях Василия, которая позволила бы считать его духовным лицом. В повести Василия есть только одно место о любви Мономаха к чернецам, но оно едва ли относится к основному тексту, так как заканчивается фразой «но мы на свое возвратимся». Такие фразы чаще всего отделяли вставки. Шахматов считал эту вставку принадлежащей Сильвестру. Прекрасное знание военного дела, умелое изображение действий легкой кавалерии, внимательность к деталям сражений позволяют считать Василия человеком опытным в ратных делах. Галицким попом его тоже нет оснований называть, так как на протяжении повести Галич даже не упоминают.

Проследим все эпизоды повести и постараемся определить, что Василий писал как «самовидец».

В повести много точных дат и имен: 4 ноября 1097 г. князь Василько переплыл Днепр у Выдубицкого монастыря; 5 ноября Василька во дворце Святополка заковали в двойные оковы; 6-го было созвано нечто вроде веча. В ночь с 6 на 7 ноября Василько был ослеплен в Звенигороде под Киевом; участвовали в этом Сновид Изечевич, конюх Святополка, Дмитрий, конюх Давыда, торчин Беренди. Во Владимир его привезли на шестой день, т. е. 13 ноября, поместили на Вакеевом дворе; стерегли его 32 человека под начальством Улана и Колчка. Здесь драматизм описания сочетается с протокольной точностью.

Когда автор переходит к описанию Владимира Мономаха, то живость и точность изложения заменяются сентиментальностью и нравочительностью — Владимир у автора плачет, произносит речи с цитатами из писания. Жизненность снова появляется тогда, когда действие переносится во Владимир Волынский — здесь и диалоги летописца с Давыдом и Васильком, и описание веча во Владимире, и казнь клеветников «в понедельник по зори», и въезд Святополка в страстную субботу 1098г. и то, что смерть его сына Мстислава обнародовали только на четвертый день. Подробно описаны битвы Святополка с Ростиславичами и сыновей Святополка с Давыдом и Боняком; здесь автору известен состав полков, количество всадников в каждом подразделении, количество убитых. Точно датирован и приход войск Святополка во главе с Путятой Вышатичем во Владимир — 5 августа 1098 г. в полдень, когда войска Давыдовы спали после обеда.

После этого, как в эпилоге, сжато и бегло пересказываются последние события 1098 г. И совершенно в другом стиле сделано добавление, пересказывавшее уже известный нам съезд в Витичеве:

«А на 2-е лето Святополк, Володимерь, Давыд и Олег привабиша Давыда Игоревича, и не даша ему Володимеря, но даша ему Дорогобужь, в нем же и умре. А Святополк перея Володимерь и посади в нем сына своего Ярослава».⁴⁸

Вот по поводу этой концовки, описывающей сущность Витичевского снema 30 августа 1100 г., я соглашусь с Шахматовым, что это место (но *только* это) написано

⁴⁶ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет», стр. XXXIII—XXXIV.

⁴⁷ «Поведе Василько исечи вся [горожан Владимира] и створи мщенье на людех неповинных» («Повесть временных лет», ч. I, стр. 177).

⁴⁸ Там же, ч. I, стр. 180.

много времени спустя, во всяком случае после смерти Давыда Игоревича в Дорогобуже 25 мая 1112 г. Все же предыдущее повествование, полное деталей, имен, точных дат, никак нельзя относить к дате, отделенной полутора десятками лет от самих событий. Василий писал по свежим следам в 1099—1100 гг.

Круг связей летописателя Василия очерчивается так: к Владимиру Мономаху он относится почтительно и благожелательно, *но около Мономаха он не находился*. Василий, очевидно, сопровождал Василька Ростиславича от Выдубиц до самого Владимира, был в Звенигороде и слышал сам, как «трескотали» кости несчастного князя, придавленного досками к полу в момент ослепления. Он несомненно, был во Владимире во время содержания там Василька под стражей. Он, судя по всему, *не сопровождал* освобожденного *Василька* в его Теревовль, но оставался во Владимире и резко изменил свою позицию по отношению к слепому князю, когда тот осадил Владимир и стал вымещать свою злобу на горожанам. Когда Ростиславичи сняли осаду и ушли, то летописатель Василий не ушел с ними, а остался во Владимире и знал, что казненных похоронили. Василий был во Владимире и тогда, когда Святополк осадил этот город, и только с сыном Святополка Ярославом покинул Владимир: он знал, как Боняк ночью выл волком «и волк отвыся ему», видел своими глазами блестящую атаку легкой конницы Алтунопы.

С другим сыном Святополка — Мстиславом — он, очевидно, вернулся во Владимир, сидел в осаде, видел, как город был окружен вежами-турусами, видел, как был пронзен стрелой «под пазуху» Мстислав на заборотах. Когда Путята подошел к осажденному Владимиру, летописатель Василий с живостью очевидца описывает, как горожане помогали снять осаду, «скочиша с града» во время полуденного сна осаждавших. «Святоша же и Пуята прейста град и посадиста посадника Святополчя Василия». Когда счастье снова улыбнулось Давыду и он сел во Владимире, то снова сообщается о судьбе Василия: «Посадник же Василь выбеже из града».

Сопоставляя несомненную преданность автора Мономаху (в интересах которого составлена вся повесть Василия) с постоянным пребыванием Василия или во Владимире или в войсках Святополка и с переменчивым его отношением к Васильку Ростиславичу, можно сделать следующий вывод: летописатель Василий — не духовник Василька Ростиславича, а светское лицо, «муж» Святополка, возможно, приставленный им к Васильку Ростиславичу, участник походов Святополка и Святополчицей на Рожне поле и под Перемышль. В то же самое время он, очевидно, являлся (или стал впоследствии) агентом Мономаха — тем, что на тогдашнем языке называлось «приятелем» Владимира.

Такое двойственное его положение вполне объясняет и участие его в тайных ночных злодеяниях Святополка, и сопровождение великого князя в походах, и в то же время постоянное злорадство по отношению к Святополку, стремление отметить все его промахи, неудачи и неблагоприятные дела.

Мономах некоторое время в молодости княжил во Владимире Волынском, владел им и его отец Всеволод I; поэтому Мономах мог найти среди владимирских мужей «приятеля» себе, даже среди тех лиц, которые потом служили Святополку.

Мы знаем, что летописцы нередко говорят о себе в третьем лице (например Петр Бориславич и др.). Вполне возможно, что Василий, который в протокольной части (о князе Васильке) говорит многократно о себе в первом лице, в эпилоге, где бегло пересказывался ряд крупных событий, назвал себя в третьем лице. Так игумен Сильвестр в двух последних фразах говорит о себе сначала в третьем лице, а потом в первом. Отсюда напрашивается вывод, что *посадник Василь и автор повести Василь — не одно ли и то же лицо?*

Написание имени в обоих случаях одинаково: к летописателю князь Давыд обращается — «Василю!». Это звательный падеж от «Василь», формы, указывающей на западнорусское происхождение. Святополчий посадник тоже назван так же — Василь.

Последний вопрос, связанный с Василием или Василем, вытекает из летописных статей, соседних с его повестью.

Есть две летописные статьи, которые непосредственно следуют за концовкой повести, написанной, как мы помним, после 1112 г.

«В лето 6606. Приде Володимер, и Давыд, и Олег на Святополка, и стаха у Городца, и створиша мир, яко же и в прежнее лето сказах.

В лето 6607. Изиде Святополк на Давыда к Володимерю и прогна Давыда в Ляхы...»⁴⁹

Со второй заметкой мы уже знакомы — это осторожное умолчание Нестора о сути событий. Думаю, что и первая заметка 6606 (1098) г. тоже принадлежит руке этого Святополчского летописца. Здесь тоже сказана полуправда — ничего не говорится о причинах похода, о вмешательстве «киян», о попытке бегства, о тяжелых обязательствах, возложенных на Святополка по условиям мира — он должен был начать войну с Давыдом. Из этой заметки читатель выносит только одно впечатление — что Мономах пытался напасть на Святополка, но потом заключил мир. Это стиль Нестора. Но Нестор не мог писать о себе «яко же сказах» по отношению к повести Василя, которую он, по всей вероятности, и не видел.

С другой стороны, и редактор Сильвестр, если повесть Василя была включена им (чего Шахматов не допускает), не мог бы сказать так о чужом для него тексте.

Такую фразу «яко же и в прежнее лето сказах» по отношению к инкорпорированному тексту мог допустить только редактор, вставивший в летопись какой-то свой текст. Возникает вопрос — зачем же было редактору оставлять в редактируемом им летописном тексте старые статьи, дублирующие его вставку?

Здесь это имело смысл, так как повесть Василя не содержала точного указания на год. Повесть писалась по свежим следам, предназначалась для людей, до тонкости знавших события, и лишь для протокольной точности были приведены числа. Год же сам собой разумелся.

Кроме того, нарочито краткая запись Нестора ничему не мешала, а наоборот, возвращала к последовательности крупных событий, давая их конспективное перечисление, так как повесть Василя, поставленная под одним только 1097 г., на самом деле охватила события за три года (1097—1099 гг.).

Вот поэтому-то редактор и оставил старые заметки Нестора с точными датами.

Если же редактор о вставленном им тексте, поясняющем, с его точки зрения, эти краткие записи, мог написать «яко же и в прежнее лето сказах», то это могло относиться только к тексту, написанному им самим. Писцы книг таких примечаний не делали.

Следовательно, мы должны допустить, что и повесть об ослеплении Василька, вставленная в летопись под 1097 г., и редакторская фраза 1098 г., связывающая вставку с летописными годовыми заметками Нестора, написаны одним лицом — владимирово-волинским мужем Василем, первоначально тайным «приятелем» Владимира Мономаха, а впоследствии участником переработки летописи, доставшейся от Святополка.

Это вполне объясняет и упоминание в конце повести смерти Давыда Игоревича в 1112 г. Если повесть включалась в новую летопись в 1117—1118 гг., то вполне уместно было добавить в ней слова о дальнейшей судьбе ее мятежного героя.

Редактору 1118 г., по предположению Шахматова, принадлежит вставка в «Повесть временных лет» под 1096 г. о рассказах Гюраты Роговича и под 1114 г. в Ипать-

⁴⁹ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 181.

евской летописи о ладожских легендах. И там и здесь летописец, в нарушение летописной обычной, часто говорит о себе в первом лице:

«Се же *хоцю* съказати, яже *слышах* преже сих 4 лет, яже сказа ми Гюрятя...».

«... Мне же *рекию* к Гюряте...».

«*Пришедцию* ми в Ладогу, *поведаша* ми ладожане...

Сему же *ми ся* *дивляцию*... Сему же *ми* есть послух...».

То же самое мы видим и в повести Василя:

«И *мне ту* *суцю* Володимери, в едину ночь присла по *мя* князь Давыд. И *придох* к нему... и посадив *мя* и рече *ми*: „Да се, Василю, шлю *тя*, иди к Василкови, тезу своему“ Аз же *идох* к Василкови и *поведах*... И рече *ми* Василко: „Поседи мало“ ...»⁵⁰.

Если сравнить повесть Василя с личными вставками редактора 1118 г., то особенно заметна большая литературность последних, щеголянье своей начитанностью в хронографах, Александрии и хронике Иоана Малалы.

В повести Василя тоже есть цитаты, но только из Библии. Это не должно быть основанием для противопоставлений — за 20 лет литературный кругозор Василя мог расширяться и должен был расширяться в то время, когда ему было поручено киевское великокняжеское летописание.

Шахматов безусловно прав в том, что редактор 1118 г. был лицом, близким к сыну Мономаха Мстиславу Новгородскому; что же касается его принадлежности к братии Печерского монастыря, то здесь в объяснение монастырских сведений могут быть предложены другие источники: во-первых, сама летопись Нестора Печерского, полная заметок об этом монастыре, а во-вторых, сказание о Шаруканском походе 1111 г., которое я не связываю с редактированием 1117—1118 гг., а считаю отдельным произведением. Рассказ о чудесном знамении в Печерском монастыре в 1110 г. разорван именно этим сказанием.

А без этих данных редактора 1118 г. нельзя уже будет связывать с Печерском.

Для нас остается неясным, когда житель Владимира Волынского оказался при дворе новгородского князя Мстислава. В 1114 г. летописец уже был в Новгороде и в Ладоге, где беседовал с боярами и посадником. Мстислав был снова приглашен новгородцами в 1102 г. Следовательно, где-то между 1102 и 1114 гг. летописатель оказался при сыне Мономаха.

Если цепь наших рассуждений верна, то надо признать, что после Витичевского съезда, явно судившего Давыда, а косвенно осуждавшего Святополка, положение автора специальной повести о злодеяниях Давыда и Святополка становилось просто опасным. Он не мог оставаться во Владимире Волынском и должен был искать убежища там, где великий князь не мог бы его настигнуть. Самым подходящим местом был Новгород, где, во-первых, княжил сын Мономаха, а во-вторых, новгородское боярство было так враждебно настроено к Святополку, что не постеснялось заявить великому князю: «не хотим Святополка, ни сына его; аще ли две главе имеет сын твой, то пошли и». Трудно было ожидать, что новгородцы могли бы выдать Святополку «приятеля» Мономаха, обличителя великого князя.

Все эти рассуждения, логические заключения и домыслы не могут, разумеется, иметь силы окончательных доказательств, но позволяют высказать гипотезу о том, что автор повести об ослеплении Василька, находившийся еще в 1097—1099 гг. в орбите Мономаха, снова был привлечен к знакомому ему литературно-историческому труду в годы утверждения Мономаха на великокняжеском столе, когда и Мстислав Новгородский переселился в Киев.

⁵⁰ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 167, 197, 175—176.

НЕСТОР И МОНОМАХ

После Витичевского съезда напряжение внутрикняжеских отношений уменьшилось, а русско-половецкие дела перестали внушать прежние опасения. На целых одиннадцать лет забросил Мономах свою личную летопись, и только смерть жены заставила его снова взяться за перо и внести несколько кратких заметок. Поутих полемический пыл печерских монахов, прекратилось на время соперничество между Новгородом и Киевом.

От этой поры некоторого затишья дошло наибольшее количество статей в «Повести временных лет», которые можно связывать с именем Нестора. Так, его пером описан разгром Шарукана и Сугры в августе 1107 г. и постройка Святополком великоленного Михайловского собора с мозаичным убором в 1108 г.

Большой интерес представляет разобранное выше в связи с былинной о Даниле Игнатьевиче сказание о Шаруканском походе 1111 г. Шахматов не выделял его в качестве отдельного произведения и считал, что описание похода 1111 г. составлено самим редактором 1118 г. Аргументация Шахматова очень запутана и не всегда логична, что отмечал и он сам⁵¹. Особенно неясно у Шахматова соотношение описаний двух Долобских съездов. Дело в том, что в «Повести временных лет» дважды описан съезд в Долобске — под 1103-м и 1111 гг.⁵² Первый съезд предшествовал далекому походу на реку Сумень — Молочную, а второй — походу на Северский Донец. Можно было бы допустить, что было действительно два княжеских съезда в одном и том же месте, но и описание хода дел на обоих съездах почти буквально совпадает. Шахматов считает, что был один съезд, но два рассказа о нем, и что основным является рассказ о 1103 г., написанный, по его мнению, Сильвестром, а описание 1111 г. — подражание Сильвестру, написанное в 1118 г.⁵³

Оба описания «Долобских съездов» одинаковы по замыслу: бог вложил в сердце Святополку и Владимиру (в 1111 г. одному Владимиру), что надо пойти на поганых. Князья сели в едином шатре, и дружина стала отговаривать от похода, так как «Не годно ныне весне ити, хочем погубити смерды и ролью их» (1103 г.). Владимир Мономах выступил с горячью речью и убедил, что для блага самих смердов нужно воевать с половцами.

Никак нельзя согласиться с Шахматовым в том, что будто бы статья 1111 г. составлена в подражание статье 1103 г. Никаких оснований для этого нет.

Мне кажется, что все противоречия легко устраняются, если мы допустим, что существовало отдельное, внелетописное «Сказание о Шаруканском походе 1111 г.», начинавшееся с описания небесного знамения 1110 г. в Печерском монастыре, предвещавшего победу, и завершавшееся «славой» князьям, доходящей до Рима. Там был описан и Долобский съезд, и богоизбранность Мономаха, и его благородная речь, и самый «крестовый поход» против поганых, когда попы ехали впереди полков, а над полками летели ангелы. В «Сказании» упоминались и Иерусалим («не бойся, иди путем твоим к Иерусалиму»), и библейский воевода Михаил, и вдохновитель похода против иноплеменников библейский пророк Даниил.

Как я писал ранее, в организации этого похода можно видеть подражание крестовым походам в Иерусалим, а в библейских персонажах — Святополка — Михаила, главного военачальника русских сил в походе 1111 г. и автора описания Даниила, в котором мне хотелось бы видеть игумена Даниила, паломника, свидетеля пер-

⁵¹ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет», стр. XXX—XXXI.

⁵² «Повесть временных лет», ч. I, стр. 183, 190.

⁵³ Добавлю к этой путанице, что в «летописи путей» Мономаха поход на хана Урусобу, помещенный в летописи под 1103 г., поставлен *после* нескольких событий 1107 г., а поход на Дон (1111 г.) правильно помещен между 1110 и 1113 г. Возможно, что мы не должны особенно доверять и летописной дате похода на хана Урусобу — 1103 г.

вого крестового похода, незадолго перед этим, в 1107 г., возвратившегося из Иерусалима.

Многократное и совершенно неоправданное текстом упоминание имени Даниила укрепляет нас в мысли о том, что автором сказания 1111 г. был некий Даниил. Иное дело, был ли он тождественен с игуменом или епископом Даниилом⁵⁴.

Сказание о Шаруканском походе было составлено при Святополке («воевода Михаил»), но дважды было подчеркнута автором, что князя пришлось побуждать к походу: в аллегорической части пророк Даниил побуждает Михаила к борьбе с иноплемениками, а в летописно-исторической части сказания подробно и красочно описано, как Владимир Мономах, находясь в Радосыни под Городцом, увидел огненное знамение на небе, понял его надлежащим образом и красноречиво убедил Святополка: «... се дивно мя, брате, оже смердов жалуете и их коний, а сего не помышляюще, оже на весну начеть смерд тот орати лошадью тою и приехав половчин, ударить смерда стрелюю и пойметь лошадь ту...»⁵⁵.

В этой речи, во-первых, явно звучит тот диалект, злоупотребляющий постпозитивным членом, на котором писал свое «Хоженье» паломник Даниил, а во-вторых, звучит голос сторонника Мономаха, которому *одному* бог вложил в сердце благоую мысль.

Датировать это сказание можно временем от 27 марта 1111 г. (битва на Сальнице) до 17 апреля 1113 г. (смерть Святополка).

Думаю, что сказание о Шаруканском походе является еще одним литературно-историческим замыслом Мономаха, для которого был использован бывалый человек и хороший писатель — игумен Даниил. Поход по своим результатам, очевидно, заслуживал описания, так как сам Владимир Мономах дважды возвращался к нему в своей личной хронике. В общем перечне он сказал о нем очень кратко, а в особом перечислении взаимоотношений с половцами он снова вспоминает: «А самы князи бог живы в руде дава: Коксусь с сыном, Аклан Бурчевичь, Таревьский князь Азгулуй, инех кметий молодых 15, то тех живы вед, исек, вметах в ту речку в Салню...»⁵⁶.

В сказании нет таких откровенных признаний — там все приподнято, высокопарно, все переплетено с легендами об ангелах, помогавших русским, которых даже половцы видели.

Итогом кампании был разгром половцев и отвоевание большого района на «Дону» — Северском Донце — с городами крупнейших ханов — Шаруканем и Сугровым.

К 1111 г. взаимоотношения между Святополком и Владимиром, очевидно, приняли более спокойный, устойчивый характер. Соперничество между переяславским князем и великим князем осталось, но литераторы Мономаха уже не обличали и не позорили Святополка. Даниил отдает должное Святополку — Михаилу, но всей конструкцией сказания, всеми приемами стремится выставить Мономаха на первое место. Святополк у Даниила — не враг, а только недогадливый, недальновидный брат, слишком прислушивающийся к голосу своей (тоже недальновидной) дружины. А Мономах, третий по старшинству участник похода, выдвинут во всем вперед: идея весеннего похода возникла у Владимира (когда он увидел знамение), убедил всех в целесообразности этого похода Владимир; попов поставил перед полками «петь тропари кресту» Владимир; в решительной битве 27 марта сразились с половцами все полки, а «вдаша плещи свои на бег и падаху половци пред полком *Володимировом*»⁵⁷.

⁵⁴ Предлагаемые мной отождествления не более убедительны, чем отождествления Шахматовым игумена Сильвестра с епископом Сильвестром или предположение Н. Н. Воронина о том, что вышгородский поп Лазарь и переяславский епископ Лазарь — одно и то же лицо.

⁵⁵ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 190.

⁵⁶ Там же, стр. 162.

⁵⁷ Там же, стр. 192.

Можно думать, что Даниил не слишком грешил против истины, описывая патристические действия Владимира Мономаха. Спустя столетие о Мономахе был записан половецкий эпос, повествующий о том, как Владимир загнал на Кавказ Атрака, сына Шарукана, боявшегося вернуться в степи даже после смерти Владимира. Создано было в XIII в. «Слово о погибели земли Русской», вспоминаящее о том счастливом времени, когда половцы пугали своих детей в колыбелях именем Владимира. Очевидно, была реальная основа для восхваления подвигов Мономаха в неустанной борьбе с половецами, во время которой было заключено 20 мирных договоров и казнено 200 половецких ханов за их нарушение («Поучение» Мономаха). Дальновидность Владимира Мономаха проявилась в том, что он не только воевал в степи, но и заботился о том, чтобы как можно шире было известно о его войнах и победах.

Сказание о «крестовом походе» 1111 г. было последним литературным произведением, вышедшим из окружения Мономаха до получения им великокняжеского стола.

Как только он стал великим князем, автор сказания — Даниил — получил епископскую кафедру в Юрьеве.

Смерть болезненного Святополка в 1113 г. должна была открыть путь к киевскому великокняжескому столу представителю старшей династической линии — Давыду Святославичу Черниговскому. Боярство же Киева («... паче же большии и нарочитии мужи»), собравшись в Софийском соборе, послало к Владимиру Мономаху⁵⁸.

Пока послы скакали к Мономаху, пока Владимир медлил, очевидно, выясняя обстановку, в Киеве вспыхнуло знаменитое восстание 17 апреля 1113 г. Восставшие разгромили двор Путяты Вышатича (былинного «Мишатычки Путятина»), дворы евреев-ростовщиков и тех самых сотских, которые давно уже возбудили негодование «творимыми вирами» и «продажами» в пользу сребролюбивого князя. Создавалась угроза боярским дворам, монастырям и даже великокняжескому дворцу, где осталась вдова Святополка.

Боярство («кияне») снова послало к Владимиру, предупреждая его, что он будет в ответе за расширение восстания: «се же слышав, Володимер поиде в Киев»⁵⁹.

Новый великий князь совместно с крупнейшими боярами прежде всего принял за «Русскую правду», уменьшив долговой процент, оговорив права закупов.

Вслед за «Русской правдой» наступила очередь и главной киевской летописи, каковой несомненно являлась печерская летопись Нестора, объединившая своды 996, 1073, 1093 гг. Такая летопись была важным государственным документом, и Мономах, уже полтора десятка лет проявлявший внимание к исторической литературе, не мог пройти мимо труда Нестора.

Летопись была взята из Печерского монастыря и передана в придворный монастырь Мономаха — Михайлов-Выдубицкий, где ею занялся сам игумен Сильвестр, завершивший работу над текстом (по 11 февраля 1110 г.) к 1116 г.

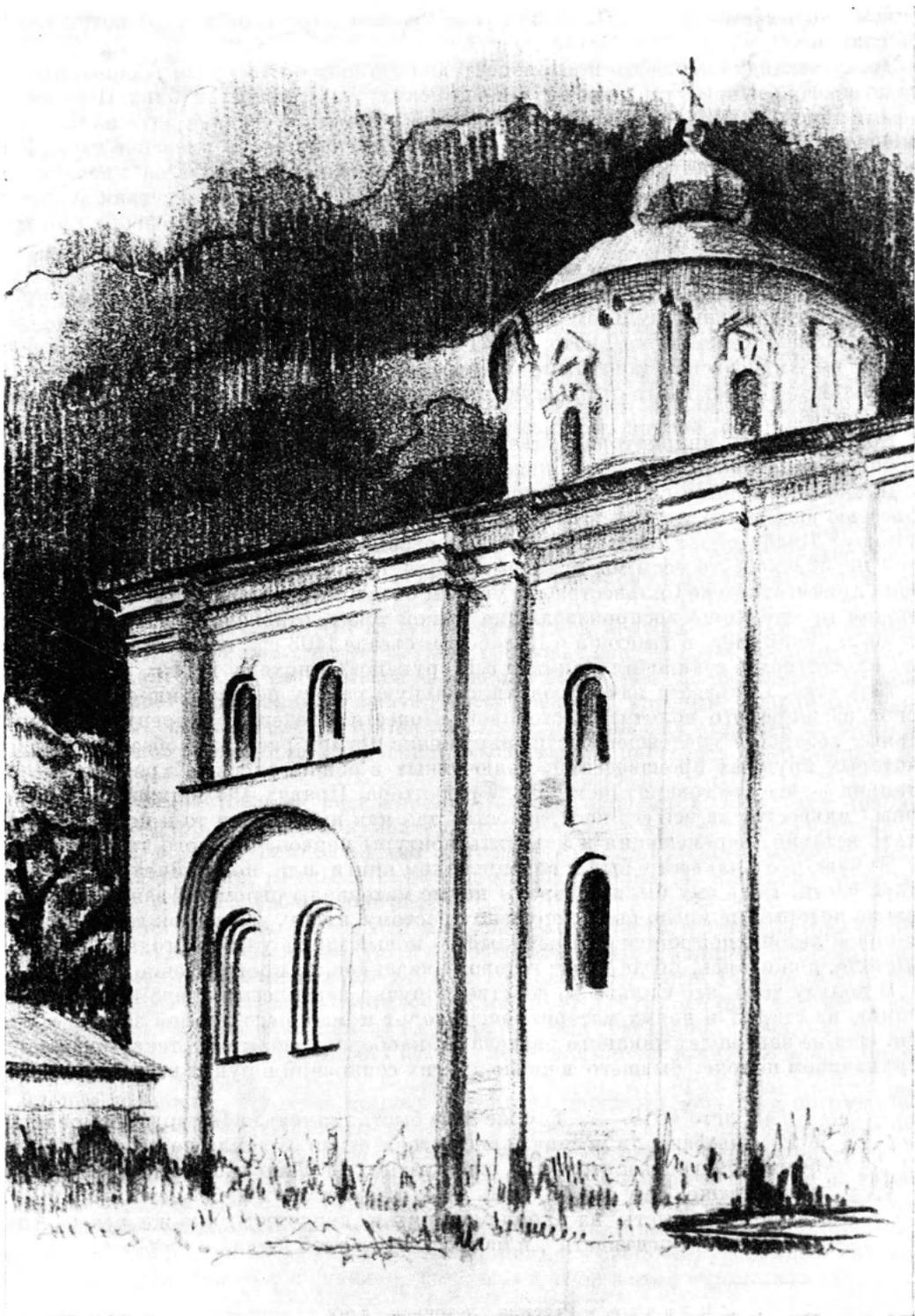
Шахматов прав, считая, что Сильвестр преимущественно видоизменял последние записи Нестора, мало затрагивая «Повесть»-введение.

Во вводной части рука Сильвестра коснулась одного принципиального вопроса — был ли кто-нибудь из апостолов на Руси.

Нестор еще в «Житии Феодосия Печерского» признавал, что русские — новый народ, не слышавший апостольской проповеди, что «телом» апостолы здесь, на Руси, не были. В «Повести временных лет» проводится та же мысль, и с апостольским

⁵⁸ В. Н. Т а т и щ е в. История российская с самых древнейших времен, кн. II. М., 1773, стр. 211.

⁵⁹ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 196.

Выдубицкий монастырь под Киевом, где создавался летописный свод 1199 г.

учением связывается только Иллирия, где проповедовал Павел и где потом оказались славяне.

Этому взгляду Сильвестр противопоставил легенду об апостоле Андрее, просветителе скифов. Перепутав скифов закаспийских, находившихся близ Парфии, со скифами Восточной Европы, Сильвестр заставил апостола Андрея идти из Синопа в Рим совершенно невероятным путем — вверх по Днепру, через киевские горы, Новгород, Балтику, Атлантику и Гибралтар. Остановившись будто бы на киевских горах, он предсказал, что здесь будет построен большой город. Впоследствии эта легенда закрепила постройкой архитектором Растрелли Андреевского собора на одной из гор Старого Киева.

В Новгороде Андрей посмеялся над банями с вениками.

Легенда об Андрее (текстологическая часть которой была разобрана выше) связана с патрональным культом отца Мономаха Всеволода, носившего крестное имя Андрея. В библиотеке князя, который «седе дома изуменяше пять язык», или в построенном им Андреевском монастыре в Киеве, очевидно, имелось житие Андрея, откуда Сильвестр и мог взять отправную точку сплетенной им грубоватой и примитивной легенды.

Возможно, что инициатором утверждения культа Андрея на Руси был византийский император Михаил Дука, писавший об этом Всеволоду I⁶⁰.

Давно уже ведется спор о степени участия Сильвестра в творческой работе над «Повестью временных лет» — был ли он действительно редактором или только переписчиком? После работ Шахматова трудно ограничить роль выдубицкого игумена одной перепиской, но если мы взглянем в те куски летописного текста, которые можно приписать руке Сильвестра, то увидим очень посредственные заметки, иногда слишком простоудушно воспроизводящие чужой текст, относящийся к другой теме. Так было, например, с заметкой о Долобском съезде 1103 г., по-ученически списанной Сильвестром с сочинения Даниила о Шаруканском походе 1111 г.

Вероятно, Сильвестр начал разрушительную работу по изъятию значительных кусков из широкого полотна Несторовой «Повести»-введения. Перепутанность отдельных абзацев в уцелевшей части, нарушение логики рассказа, обезглавленность некоторых крупных произведений, включенных в общий рассказ, хронслогическая путаница — все это говорит не в пользу редактора. Правда, мы должны быть благодарны Сильвестру за все его несуразности, так как именно они-то и позволили распутать вставки, перемещения и наметить контуры первоначального текста.

Думаю, что Сильвестр был и переписчиком книги или, по крайней мере, ее последней части. Ведь ему были доверены новые материалы огромной важности, копирование которых не могло быть поручено простому писцу. Да и срок для изготовления новой летописной книги был немалый — новый князь уже три года сидел на отнем столе, дожидаясь, когда будет готово заказанное им произведение.

В пользу того, что Сильвестр собственноручно переписывал заданную ему композицию из старых и новых материалов, говорит и место его личной записи в летописи. Она не завершает никакого раздела, а, наоборот, разрывает текст сказания о Шаруканском походе, бывшего в числе других сочинений в руках выдубицкого игумена:

«В лето 6618. . . . Том же лете бысть знаменье в Печерьстем монастыре в 11 день февраля месяца: явися столп огнен от земля до небеси... Се же беаше не огненный столп, но вид ангелеск... Тако и се явленье некоторое показываше, ему же бе быти, еже и бысть на 2-е бо лето — не съ ли ангел вождь бысть на иноплеменники и супостаты, яко же рече: „Ангел пред тобою предъидеть“, и паки: „Ангел твой буди с тобою“.

⁶⁰ См. Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947. стр. 170.

Игумен Сильвистр святого Михаила написах книги си Летописець, надеяся от бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святого Михаила в 6624, индикта 9 лета; а иже чтьет книги сия, то буди ми в молитвах.

Яко же пророк Давид глаголетъ: „Яко ангелом своим заповесть от тебе схранить тя“. Яко же пишеть премудрый Елифаний...»⁶¹

Первая часть приведенной выписки состоит из информации об огненном столпе 11 февраля 1110 г., написанной, вероятно, Нестором, и из толкования, что это — «вид ангельский», а ангелы ведут людей к победе над врагами, «*еже и бысть на 2-е бо лето*», т. е. в 1111 г., когда ангелы помогли разбить супостатов.

Совершенно ясно, что толкование огненного столпа как ангела-вождя (со слов «Се же беаше не огненный столп...») является началом сказания, в котором так много внимания уделено помощи ангелов во время боя 27 марта 1111 г. Запись Сильвестра как бы разрывает живую ткань повествования, она вторгалась бы в целостный текст сказания, если бы оно продолжалось в Лаврентьевской летописи, но дело в том, что строки, следующие за записью Сильвестра, взяты из другой, из Ипатьевской летописи, где введение в сказание о походе 1111 г. не перебито никакими вставками и плавно продолжает повествовать все о тех же ангелах, помогающих благоверным людям.

Сильвистр не втиснул свою запись в середину чужого текста, а просто *оборвал* переписку этого текста на одной из вводных фраз. Его книга, представляющая «Повесть временных лет» в редакции 6624 (1116) г., прервалась на полуслове по неизвестным для нас причинам.

Не подлежит сомнению, что выдубицкий игумен держал в руках *все сказание Даниила*, что он точно знал, какую службу сослужат «во 2-е лето» русским войскам помянутые им ангелы, но тем не менее изложение было брошено без всяких объяснений. Так мог поступить только редактор-писец, человек, который, собрав разнородные материалы, *собственноручно* их переписывал, а затем был отвлечен от этого занятия каким-либо экстренным поручением и успел лишь поставить свою подпись под переписанной частью.

Кто же был настоящим редактором «Повести временных лет», кто снабдил Сильвестра государственными документами из княжеского архива, вроде договоров с Византией в X в., неопубликованными литературно-историческими материалами о Святополке и Мономахе, личными сочинениями Владимира II, им самим написанной канвой его полководческой биографии?

Думаю, что главной фигурой в переработке грандиозного труда Нестора был не исполнитель и переписчик Сильвистр, а сам великий князь Владимир Мономах, давно уже заготавливавший материалы для будущей своей летописи. Редакции 1116-го и 1118 гг. нам нужно не столько противопоставлять друг другу, сколько рассматривать их как две почти одинаковые книги, из которых одна (очевидно, случайно) оборвалась на подступах к описанию похода 1111 г., не использовав всех уже подготовленных материалов.

Вполне возможно, что рука второго редактора прошла кое-где и по рукописи Сильвестра. Этим можно объяснить наличие в рукописи 1116 г. списка «путей» Мономаха, доведенного до 1117 г., или рассказа Гюряты Роговича, записанного в 1118 г. К этой же руке, быть может, следует отнести и то драгоценное место, где к записи Нестора о событиях 1098 г. дописано: «яко же и в прежнее лето *сказах*», что мог сделать, повторяю, только человек, которому принадлежало описание этого «прежнего лета», т. е. Василий. Он же мог в это время пополнить свою старую запись о нападении Давыда Дорогобужем сообщением, что князь и умер в этом городе, что случилось в 1112 г.

⁶¹ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 187—188.

Сам Сильвестр оставил очень бледный след в киевской исторической литературе. Почти все то новое, чем отличалась его переработка летописи от Несторова оригинала, принадлежало не ему.

После вокняжения в Киеве Владимир Мономах широким потоком влил в печерское летописание множество новых материалов, подготовленных им за двадцатилетнее княжение Святополка Изяславича.

Готовой летописи, которая могла бы быть противопоставлена труду Нестора, у него, очевидно, не было, кроме личного перечня «путей», составленного первоначально к Любечскому съезду 1097 г. и носившего вспомогательный характер. Основной литературно-исторический запас Мономаха состоял из отдельных произведений, имевших в свое время острый злободневный характер и рассчитанных на узкий круг влиятельных людей Киева.

Рассмотрим по порядку все то, что можно считать дополнениями, внесенными Владимиром Мономахом в летопись.

1. Потребность в фиксации чужих несправедливостей и своих достоинств впервые остро проявилась у Мономаха после того, как Олег Святославич с половцами выгнал его в 1094 г. из насиженного гнезда в Чернигове. Здесь он охотился на медведей, вепрей и диких коней; отсюда он сотни раз скакал к отцу в Киев в небывало короткий срок, воспетый даже былинами. Здесь, в Черниговском княжестве, он отстроил великолепный замок в Любече на Днепре, где потом собирался знаменитый съезд; здесь, по дороге в Любеч, в пущах Боловуса, может быть, в единоборстве с могучим туром, который «метал его на рогах с конем», или с лосем, который его «ногами топтал» и «рогома бол», Владимир потерял тяжелый именной змеевик из литого золота.

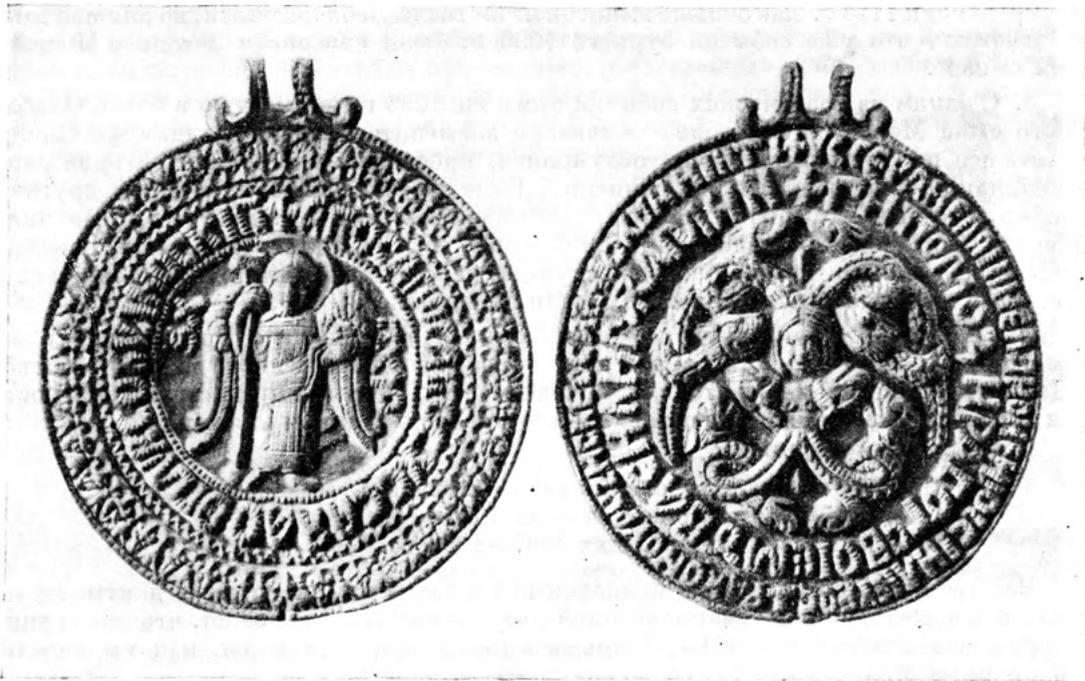
Изгнанный половецкими наемниками из Чернигова, Мономах оказался в Переяславле лицом к лицу с постоянной угрозой половецкого вторжения. Его удачливые соперники княжили, опираясь на половецкую силу — Олег в Чернигове, а Святополк в Киеве. В том самом 1094 г., когда Владимиру пришлось бежать из Чернигова сквозь половецкие полки, его двоюродный брат пытался снискать расположение грозных врагов: «Сотвори мир Святополк с половци и поя себе жену — дочь Тугорканю, князя половецкого».

Первым дополнением Владимира Мономаха к Печерскому своду 1093—1095 гг. игумена Ивана следует считать подробный рассказ о том, как через полгода после изгнания из Чернигова Владимир в Переяславле первым из русских князей начал решительные действия против половцев⁶². Это рассказ 1095 г. «о погублении Итларевой чади», рассказ, полный драматических подробностей: здесь и разрешение от клятвы, и сын, отданный половцам в заложники, и убийство Итларя — «Идолица» Ольбегом Ратиборичем во дворце Мономаха, послужившее началом переяславского цикла былин.

Весь рассказ заострен против Олега Святославича, так как убийство Итларя было сигналом к совместному походу против половцев за Голтов, где Владимир и Святополк, взяв половецкие вежи, ополонились челядью и пригнали стада коней и верблюдов. Олег в этом походе не участвовал, он укрыл у себя сына Итларя и вызвал осуждение князей: «Се ты не шел еси с нама не поганя, иже погубили суть землю Русьскую».

Возможно, что рассказ был написан еще в XI в., по свежим следам. Сохранились имена: Славята (посол Святополка), Ратибор, Ольбег Ратиборич, Бяндюк (отрок Владимира), Итларь и Кытан, Святослав, сын Владимира, выкраденный ночью из

⁶² «Повесть временных лет», ч. I, стр. 148—150.

Золотая гривна-змеевик Владимира Мономаха

половецкого лагеря. Сохранились точные даты: заложника выкрали в субботу вечером, Итларь был убит в сыропустную неделю 24 февраля 1095 г. в 1 час дня.

В общем же киевское летописание этот рассказ о том, что делалось в Переяславле, в его окрестностях, внутри Ратиборова двора и внутри Мономахова дворца в «прощенное воскресенье» 1095 г, влил, очевидно, лишь после 1113 г.

2. Вторая серия записей, опять-таки направленных против Олега Святославича, относится к следующему, 1096 г. Нестор интересовался только той грандиозной войной с Боняком и Тугорканом, которая полыхала по всей Киевщине и Переяславщине.

Мономах или его сын Мстислав добавили ряд записей о том, что делал их враг Олег Святославич, изгнанный из Чернигова и бесчинствовавший в домене Мономаха, в Северо-Восточной Руси.

В летопись в редакции 1116 г. включены и описания решительных действий Мстислава, разбившего Олега на Колокше и тем самым обеспечившего явку его на предстоявший Любечский съезд, и пересказ переписки Мстислава с Олегом. Возможно, что здесь в «Повесть временных лет» были включены фрагменты Мстиславовой летописи; об этом говорит, например, конец этой летописной статьи:

«Мстислав же възвративъся вспять Суждалю, оттуду поиде Новугороду в свой град, *молитвами преподобнаго епископа Никиты*. Се же бысть исходящу лету 6604, индикта 4 на полы»⁶³.

Мстислав за год до этого стал новгородским князем, и, по всей вероятности, новгородский епископ Никита успел организовать летописание нового князя, пришедшего по душе новгородцам.

⁶³ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 170.

В редакции 1118 г. еще больше выписок из Мстиславовой летописи, но для нас важно отметить, что уже события бурного 1096 г. были описаны в летописи Мономахова сына⁶⁴.

3. С одним из трагических событий этого же 1096 г. — смертью в бою с Олегом юного сына Мономаха Изяслава — связано знаменитое письмо Владимира Олегу. Блестящее по форме, тщательно обдуманное, пространное и полное риторических восклицаний, оно, вне всякого сомнения, было рассчитано на прочтение другими лицами. Это было «открытое письмо», завершавшее серию документов о злодеяниях Олега и благородстве Мономаха в 1095—1096 гг., накануне Любечского съезда, явившегося дипломатической победой (правда, неполной) Владимира. Во всяком случае, Олег перестал быть «врагом № 1» для Мономаха.

4. Следующая группа Мономаховых документов связана с Витичевским съездом 1100 г. и необходимостью завоевания боярского общественного мнения в борьбе с Давыдом Игоревичем и Святополком, союз между которыми представлял опасность для переяславского князя, не оставлявшего мыслей о великом княжении.

В эту группу входят:

«Поучение» Владимира Мономаха — 1099 г.;
Летопись «путей» Мономаха — до 1096 г. (?);
Повесть Василия о событиях 1097—1099 гг.

Все это очень остро и умно написанные произведения, в которых документальность переплеталась с целенаправленной риторичностью. Возможно, что эта группа завершалась описанием самого Витичевского съезда, сделанным, как мы видели, сторонником Мономаха.

Нельзя особенно упрекать Сильвестра в том, что он допустил хронологическую путаницу, включив перечисленные материалы под 1096 и 1099 гг.; основания для этого были — «Поучение» оказалось связанным с письмом Олегу 1096 г., а повесть Василия начиналась с событий 1097 г. Очень вероятно, что какое-то участие в летописном деле в эти годы (1112—1116-й) принимали Василий, автор повести 1097—1099 гг.

5. Последним крупным самостоятельным произведением, созданным при дворе Владимира Мономаха в бытность его переяславским князем, является сказание о походе 1111 г. на половецкие города на «Дону» (Северском Донце).

Автор сказания, скрывший себя в библейской аллегории, очевидно, тот же самый Даниил Паломник, который четыре года назад был гостем Балдуина. Сказание Даниила, несомненно, было в распоряжении Сильвестра; он начал переписывать вводную часть, но внезапно прекратил свой труд в 1116 г., так и не дописав гекста Даниила, что было восполнено уже в другой рукописи, в редакции 1118 г.

В итоге, рассматривая только дополнения к летописи Нестора, внесенные редакторами 1116 г., мы должны признать, что двадцатилетнее княжение Владимира Мономаха в Переяславле сделало двор этого князя новым литературным центром, успешно соперничавшим со стольным Киевом.

Здесь в промежутки между «большими и малыми путями» творил сам князь, здесь безымянный автор описывал объявление войны всей Половецкой земле (убийство Итляря); переяславский князь заказывал повесть-протокол об ослеплении его союзника Василька некоему Василию. Отсюда Владимир мог следить за летописью своего первенца, «новгородского дитяти» Мстислава; здесь появился известный путешественник и писатель игумен Даниил.

Позднее этот круг расширился, включив в себя Владимиров семейный монастырь в Киеве, игумен которого, Сильвестр, должен был завершить пополнение киевского летописания всеми богатствами Мономаховой литературной дружины.

⁶⁴ Детали битвы на Колокше не оставляют сомнения в том, что описание было сделано очевидцем вскоре после события.

Произведения Мономахова круга обладали двумя достоинствами: они призывали к борьбе с половцами, считая (с позиций пограничного княжества) это первейшей и общей задачей, и они восставали против братоубийственных войн, усобиц и заговоров. Не будем касаться субъективных побуждений Мономаха — они были менее благородны, чем слова литературно-исторических произведений, умелым подбором которых были задрапированы политические цели переяславского князя. Многие испукалось неукротимой энергией, смелостью, полководческими талантами Мономаха, его умением сплотить и воодушевить князей, его реальными победами на Днепре, в Приазовье и на Дону, в результате которых орды кипчаков откочевали далеко на юг.

Недаром в тяжкие годы переяславского сиденья (1094—1097-й), когда Владимир «многие беды принял от рати и от голода», воскрешается старый эпический обычай и вокруг его былинного имени создается новый цикл былин о событиях этих лет, о расправе с наглым Идолищем, о победе над Тугарином Змеевичем, о каликах переходящих, бежавших из полоненного Ерусалим-града, о битвах со Скурлой во широком поле.

6

МСТИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ И НОРМАНСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ В ЛЕТОПИСАНИИ

Третью редакцию «Повести временных лет» 1118 г. Шахматов поставил в тесную связь с Мстиславом, сыном Мономаха, прибывшим в 1117 г. на юг в помощь отцу. Это положение надежно аргументировано и не может вызвать возражений. Наоборот, его, быть может, следует даже расширить — ведь в процессе создания третьей редакции 1118 г. новым летописцам неизбежно приходилось иметь дело не только с оригиналом Нестора, но и с его переделкой, второй редакцией Сильвестра 1116 г.

И там, где речь шла о концепции русской истории, изъятия негодного текста или поправки могли одновременно производиться в обеих рукописях; создавая новый вариант летописи, Мстислав и его сотрудники могли уравнивать с этим новым текстом соответственные части Сильвестровой рукописи.

Главные отличия редакций 1116-го и 1118 гг. состоят в том, что в последней дописано полностью сказание о Шаруканском походе и продолжена хроника по 1117 г. Под 1114 г. (отсутствующем и у Нестора и у Сильвестра) приведены разговоры летописца с ладожским посадником Павлом о местных легендах. Предполагается, что *этот же летописец* внес свой разговор (тоже фольклорного характера) с новгородцем Гюрятой Роговичем в редакцию 1116 г. под 1096 г., т. е. одно и то же лицо вмешивалось в летописные дела и третьей и второй редакции, и это лицо было близко Мстиславу.

Поэтому переработку интересной и широкой исторической концепции Нестора, изложенной им в «Повести»-введении, надо рассматривать как работу редактора 1118 г., воздействие которого распространилось и на Сильвестрову рукопись 1116 г., бывшую в его распоряжении. В результате вводная часть «Повести временных лет» оказалась почти тождественной и в Лаврентьевской группе, отразившей в своей основе редакцию 1116 г., и в Ипатьевской группе, являющейся последней редакцией 1118 г. И там и здесь — одни и те же изъятия Несторова текста, одни и те же перестановки и вставки.

Важно напомнить, что перестановкам и перемещению подвергся и текст Сильвестровой легенды об апостоле Андрее, а это и говорит о том, что окончательному редактированию в 1118 г., при князе Мстиславе, подвергался не только Несторов текст сам по себе, но и рукопись игумена Сильвестра.

Характеризуя последнего редактора «Повести временных лет», Н. К. Никольский писал: «Его излюбленными приемами редакторской работы оказались пропуски, умолчания, сокращение и компиляция». По важнейшему вопросу об исторической концепции того историка XII в., который посягнул на произведение Нестора, Никольский писал: «Труды А. А. Шахматова с достаточной определенностью обнаружили не только домыслы редактора „Повести временных лет“, относящиеся к возникновению Руси и началу ее просвещения, но и те приемы литературного закройщика, к каким прибегал он, перерабатывая летописные и нелетописные источники для своего свода».

После этих открытий, — продолжал Никольский, — нельзя было не изумиться тому искусству, с каким составитель „Повести временных лет“ сумел прикрыть в своем труде предвзятые точки зрения завесой, спитой из старинных записей и легенд, и так долго заставлял читателей верить в их достоверность»⁶⁵.

Предвзятость редактора 1118 г. была очень определенной — все киевское отодвигалось в сторону, для того чтобы оно не заслоняло Новгорода, Новгород выдвигался в древнейшей русской истории как наиболее важная часть Руси, родина государственности, а над Новгородом, еще выше по своему значению, ставились пришельцы-варяги, которых будто бы называли русью, русами.

А. А. Шахматов, сам убежденный норманист, беспристрастным научным анализом летописей был приведен к выводам, совершенно опровергающим тезисы норманизма.

По поводу окончательного вида «Повести временных лет» (т. е. редакции 1118 г.) он писал: «Мы не придаем значения исторической достоверности всем ученым мудрствованиям составителя „Повести временных лет“: в них слишком ясно просвечивает тенденция, упорное желание доказать тождество Руси и Варягов»⁶⁶.

Шахматов выяснил искусственный, поздний характер сказания о призвании варягов в летописи⁶⁷.

Как мы помним, Нестор упорно оборонял историческое первенство Киева, производя для этого даже дополнительные изыскания в полянском эпосе. Сильвестр Выдубицкий так высмеивал новгородские обычаи и так смело привел апостола Андрея в I в. н. э. на киевские горы, что его, Сильвестра, никак нельзя заподозрить в стремлении передвинуть истоки русской государственности на новгородскую окраину Руси.

Новгородско-варяжская тенденция — это особенность последнего редактора «Повести временных лет», работавшего в 1118 г. под руководством князя Мстислава Владимировича. Князь Мстислав (1076—1132 гг.), старший сын Мономаха, еще своим дедом Всеволодом был дан новгородцам.

Новгород не страдал от половецких нашествий, не принимал участия в общерусской борьбе с кочевниками. Новгород был удален от столицы на тысячу километров, а своими торговыми связями был соединен со всей Северной Европой. Все это давало новгородскому боярству в XI в. уверенность в своих силах и возможность обособления от Киева.

Все быстрее меняются князья на новгородском столе, все чаще на страницах летописи появляются фразы о том, что новгородцы «выгнаша князя» или «введоша князя». В этом сказывался общий процесс политического усиления боярства на рубеже XI и XII вв., но здесь, в Новгороде, благодаря его отдаленности от собственно «Русской земли», этот процесс ничем не умерялся и приводил к явной тенденции сепара-

⁶⁵ Н. К. Никольский. «Повесть временных лет» как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании, вып. I. Л., 1930, стр. 28—29.

⁶⁶ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 325. (Курсив мой.—Б. Р.).

⁶⁷ А. А. Шахматов. Сказание о призвании варягов.—«Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. IX, кн. 4, СПб., 1904, стр. 284—365.

тизма. Именно в это-то время и попал в Новгород юный Мстислав, «вскормленный» новгородским боярством. Четверть столетия провел в торговом Новгороде князь Мстислав до того, как в его руки попала «Повесть временных лет» двух киевлян — Нестора и Сильвестра. Из-за Мстислава новгородцы не побоялись вступить в «прю» с великим князем Святополком. А много лет спустя, когда в Новгород приехал сын Мстислава Изяслав, новгородцы восторженно приветствовали его: «Ты — наш Владимир, ты — наш Мстислав!»⁶⁸.

Все родственные узы Мстислава связывали его с берегами Варяжского моря. Сам он по матери был внуком английского короля Гаральда, погибшего в битве при Гастингсе. Женат он был первым браком на варяжской принцессе, а вторым — на дочери новгородского посадника. Его дочь была замужем за Сигурдом Норвежским (потом за Эриком Датским); другая дочь — за Канутом Оботритским. Для Мстислава бродячее северноевропейское сказание о призвании трех братьев-королей из-за моря (которое он насильственно втиснул в летопись) было в какой-то мере личным семейным преданием, легендой, сложенной в других краях по поводу его родичей.

С эпохой утверждения Мстислава в Новгороде Шахматов связывает оживление новгородского летописания. Фрагменты Мстиславова летописания мы уже видели в «Повести временных лет» под 1096 г. Независимо от того, когда они были включены в киевскую летопись, не подлежит сомнению их связь с Мстиславом, новгородским епископом Никитой и их синхронность самим событиям.

В 1117 г., когда Мстиславу было уже за сорок лет, отец вызвал его к себе на юг, очевидно, для соуправления, так как сам Мономах отправился в многомесячный поход на Волынь (на сына Святополка — Ярослава)⁶⁹.

Живя в Белгороде и в Киеве, князь Мстислав, вероятно, по поручению отца (передававшему сыну окончательный текст «Поучения», доведенный до 1117 г.), принялся за окончательную обработку летописи, в составе которой уже находились некоторые материалы Мстислава, включенные туда Сильвестром.

Сотрудниками Мстислава могли быть и неизвестный по имени печерский монах (как думает Шахматов), и автор повести об ослеплении Василька, его тезка Василий, и юрьевский епископ Даниил, внесший свой вклад в литературу, или, быть может, тот самый Наслав, который в 1117 г. ездил в Царьград и Киев для украшения эмалью Мстиславова евангелия. Летописец-помощник не обязательно должен был быть монахом Печерского монастыря, как думал Шахматов, — все монастырские сведения с точным указанием месяца и числа, вероятно, восходят к Нестору «черноризцу» Печерска. Последняя такая запись рассказывает о январских и февральских событиях 1113 г. — поставление в Чернигов епископом печерского игумена Феоктиста, духовника черниговской княгини, и о выборах в монастыре нового игумена Прохора.

Во всей этой заметке, завершающей большую серию монастырских записей, явно ощущается рука Святополкова летописца, не забывшего упомянуть о княжеском повелении митрополиту утвердить нового игумена.

Во всех же личных записях Мстиславова летописца — о Гюрте Роговиче и ладожском посаднике Павле — нет ничего церковного. Наоборот, по прямому смыслу летописного текста можно думать, что автор прибыл в Ладогу по чисто светским, инженерным делам: «В се же лето Мьстислав заложи Новьгород болии перваго. В се же лето заложена бысть Ладога камением на приспе Павлом посадником при князе Мьстиславе. Пришедшю ми в Ладогу, поведаша ми ладожане...»⁷⁰. Слова «при князе Мьстиславе» имеют, очевидно, хронологический смысл. Если же летописец

⁶⁸ Вещественными памятниками пребывания Мстислава в Новгороде являются несколько построенных им церквей и знаменитое Мстиславово евангелие, «цену которого знает один бог».

⁶⁹ В Новгороде был оставлен сын Мстислава Всеволод и в числе бояр — сотский Ставр Гордятинич, известный нам и по летописи и по былинке.

⁷⁰ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 197.

сопровождал князя в Ладогу, то нас должна удивить крайне непочтительная форма его сообщений об этом. Так естественно было бы тогда сказать: «приде князь Мстислав в Ладогу и заложи град камением на приспе. И мне ту сущю с ним, поведаша ми ладжане...».

Любопытного автора, интересовавшегося археологическими находками на волховском берегу («глазкы стекляныи... провертаны») и самоедскими легендами о белках и оленях, падающих из тучи, скорее всего надо признать светским человеком, посланным князем Мстиславом в 1114 г. из Новгорода, где началось строительство новых стен под наблюдением самого князя, в Ладогу к посаднику, тоже строившему новые стены. Здесь-то при земляных работах на берегу и обсуждалось происхождение ладожских стеклянных бус, очевидно, из слоев X в., богатых «стеклянными глазками». В качестве оправдания фантастических рассказов автор ссылается не на божью волю, что было бы естественно для монаха, а советует заглянуть в хронограф и даже дает интересную выписку из хронографа о египетских богах, приравнивая их к славянскому Сварогу и Дажьбогу. Все это пишется им без всякого осуждения язычества, а, наоборот, с похвалой языческому богу Солнца, установившему такой порядок, что «бысть чисто житье по всей земле Егупетьской и хвалити начаша».

В другом разговоре летописца, занесенным им на свои страницы под 1096 г., тоже о самоедских легендах, автор также не проявляет никаких церковных интересов. Услыхав от новгородца Гюрты Роговича о северных соседях Югры на берегу Ледовитого океана, ведущих немой обмен, он разъясняет собеседнику, что это — люди, загнанные туда Александром Македонским, о чем можно прочесть в «Откровении» Мефодия Патарского. Снова чисто светский сюжет, хотя и почерпнутый из церковной литературы.

Выше приходилось уже говорить о том, что один из редакторов летописи Нестора сказал о повести Василия в первом лице, как о разделе, написанном им (1098 г.); редактора с Василием роднит не только симпатия к Мономаху, но и частое обращение к читателю от первого лица⁷¹. Быть может, Василию и пришлось переделывать летопись Нестора под руководством Мстислава. Общее направление переделки определяла новгородско-варяжская концепция Мстислава и та особая обстановка в Киеве, которая существовала в те годы. Восстание 1113 г. показало всю остроту классовых противоречий, накаленность обстановки, созданной, конечно, не одним сребролюбием Святополка, а всей системой феодального управления. Ведь и предшественника Святополка — Всеволода — упрекали в том же самом, в попустительстве злоупотреблениям разветвившейся княжеской администрации. Упрекали в этом же и преемника Святополка — Владимира Мономаха.

Легенда о добровольном призвании князей, известная еще новгородским летописцам первой половины XI в., приобретала теперь новый смысл, более общий, как историческое объяснение происхождения княжеской власти вообще.

Мстислав был вторично выбран новгородцами в 1102 г.; Владимир был выбран в нарушение отчинного принципа Любечского съезда в 1113 г.

Не исконность княжеской власти с незапамятных времен, как это было у Нестора, а всенародное избрание, приглашение князя со стороны — вот что выдвигалось теперь на первое место.

А что место действия переносилось из древнего Киева в окраинный Новый город, любезный сердцу Мстислава, это было не так уже важно.

К началу XII в. Новгород Великий, не знавший Половецкого разорения, был огромным и богатым городом, украшенным великолепными зданиями. Потерял остроту и варяжский вопрос. Давно уже минули те времена, когда значительные отряды

⁷¹ У Татищева есть интереснейшее дополнение, которое, к сожалению, не может быть никак проверено на других источниках. В повести Василия сказано: «И как приблизился пост великий, случилось мне быть тогда во Владимире *смотрения ради училищ и наставления учителей*» (В. Н. Т а т и щ е в. Указ. соч., кн. II, стр. 181).

варягов брали дань у Новгорода, самовольничали в Новгородской земле или бесчинствовали в самом городе, как застоявшиеся без дела наемные воины. Давно забылось то, что узурпатор Олег пресек местную полянскую династию в Киеве.

С варягами-шведами торговали, на варяжских принцессах женились князья, по Варяжскому морю плавали русские корабли, уже много десятилетий никто из русских князей не нанимал варяжских ландскнехтов, одним словом, понятие «варяг» сильно видоизменилось и перестало быть одиозным.

Возможно, что с именем того же Мстислава мы должны связывать изменения в русском законодательстве о варягах: в «Правде Ярослава» 1016 г. варяг, как потенциальный обидчик, не полноправен. Это вытекало из тех острых конфликтов, которые возникали между новгородцами и наемными солдатами Ярослава. Победившие новгородцы оградили себя юридически от буйства варягов.

В «Пространной Правде», кодификацию которой мы по нумизматическим данным можем относить ко второй четверти XII в., т. е. ко времени великого княжения Мстислава, варяги уже не только уравниены в правах по тем пунктам, о которых говорит «Правда Ярослава», но и получают некоторое преимущество (§ 18), связанное, очевидно, с международным правом. В этом послаблении варягам в киевском законодательстве легко узнать руку князя Мстислава.

Самые термины «варяг», «варяжский» приобретали в это время более широкое значение в смысле «европейский» (например, католичество — «вера варяжская»).

В «Остромировой летописи», впервые введшей легенду о призвании варягов в русскую хронику, были свои особые мотивы для введения этой легенды. Появление норманских отрядов было фактом. Возможно, что фактом был и захват Новгорода варяжским конунгом Рюриком. Безусловно, к изготовлению легенды относятся имена фантастических братьев Рюрика:

Синеус — sine hus — «свой род»

Трувор — thru varing — «верная дружина».

Их надо понимать так, что Рюрик прибыл в Новгород со своим родом и верной дружиной. Почти так и читается в Новгородской летописи: «... Изъбрашася три брата с роды своими и пояша с собою дружину многу и предивну». В основе легенды могли быть два устных источника — широко распространенное эпическое сказание о трех братьях — основателях королевства и сказание о конунге Рюрике, бродившем со своим родом и верной дружиной по северным морям и землям. В летописи и остался след такого эпического сказания, которому новгородец придал излишнюю конкретность, а по незнанию языка даже наградил вождя несуществующими братьями, с помощью которых одна легенда сплеталась с другой⁷².

Неумело сплетенная легенда нужна была новгородскому летописцу не для того, чтобы прославить варягов, а для того, чтобы при помощи такого литературного приема показать, что и в Новгороде (а не только в Киеве) появилась своя государственность, что все в этом северном городе делается по воле самих новгородцев: захотели они прогнать варягов-разбойников — и прогнали за море; захотели они призвать такого князя «иже бы владел нами и рядил ны по праву» и призвали. Факт норманских наездов был изображен новгородским патриотом как вполне добровольное

⁷² «Новгородская первая летопись», стр. 106. И. П. Шаскольский стремится опровергнуть предположение о фольклорном норманском происхождении легенды о призвании варягов, но мне кажется, что она восходит именно к северноевропейскому фольклору. Нельзя только делать тех выводов, которые делают Стендер-Петерсен или Арбман (см. И. П. Шаскольский. Современные норманисты о русской летописи.—«Критика новейшей буржуазной историографии», М.—Л., 1961, стр. 344, 348, 371). Сага, эпическая песня, прошедшая призму иноязычной передачи, подправленная разными руками в разное время, не может быть достоверным историческим источником. Все, что мы можем извлечь из нее, это то, что в Новгороде когда-то были варяжские воины. Таково историческое зерно легенды. Основывать на таких данных выводы о влиянии норманнов на Русь или об основании ими государства хотя бы в Новгороде — это значит утратить чувства логики и меры.

приглашение, изъявление воли самих новгородцев. Напомню, что новгородскому историку XI в. и в голову не приходило путать русских с варягами: в событиях 1043 г. он очень четко разделяет варягов и русь. Не путал их и составитель «Правды Ярослава».

К началу XII в. изменилось не только отношение к варягам, изменился и облик самой легенды, она обросла деталями, вставками, новыми генеалогическими домыслами.

Легенда о призвании князей-варягов в редакции 1118 г. стремилась показать благие результаты деятельности первых в истории Новгорода князей: построены первые города в земле Словен — Ладога и Новгород, организованы волости, управляемые князьими мужами, и там тоже строятся города. Эта картина благоденствия надолго загнипотизировала историков России и наиболее наивными из них вплоть до XX в. воспринималась как адекватная действительности.

Редактор 1118 г. был последовательным норманистом. Он не только использовал старую новгородскую легенду, повернув ее, в духе событий 1113 г., в пользу княжеской власти вообще (а добровольно призванной в особенности), но и, где только мог, постарался «подкрепить» варяжское происхождение самих призванных князей, а заодно и руси. Достигалось это путем механических вставок в старый текст Нестора.

У Нестора варяги появляются лишь много времени спустя после того, как рассказано об основании Киева и Киевского княжества. Уже славяне колонизовали Балканы; уже сменили в степях друг друга авары, болгары, хазары; уже сформировались племенные княжения Полян, Древлян, Дреговичей, Полочан, Северян; уже киевские князья прославили себя и войнами на Дунае в VI—VII вв., и единоборством Руси с Византией в 860 г., и победами над кочевниками; уже славяне приняли христианство и овладели письменностью; уже Русь объединила Полян, Северян, Древлян, Дреговичей, Полочан и Словен («се бо токмо словенск язык в Руси...»), и только тогда на далеких северных окраинах славянского мира появились «находники»-варяги; имена их конунгов мелькнули в Новгороде, в Киеве, в Ладоге и исчезли снова где-то за морями.

Если достоверны сведения Никоновской летописи, если их можно возводить к утраченному тексту Нестора, то на страницах повести о том, «како Русская земля стала есть», было сказано, как киевский князь посылал войска наперерез варяжским отрядам в Полоцк и к Кривичам, как боролись новгородцы с варягами, как киевский князь принимал эмигрантов из Новгорода, бежавших от Рюрика. Взамен этой концепции Нестора, увидившего истоки русской государственности в далекую, древнюю историю южнорусской лесостепи, в «веки Трояновы» и «время Бусово», новый хозяин исторических рукописей поставил свою новгородско-варяжскую точку зрения, в значительной мере субъективную, вытекающую из новгородско-скандинавских связей князя Мстислава.

Вот взята Нестором из Начального свода (а в конечном счете из Новгородской летописи) легенда о посылке в Швецию: «И идоша за море к Варягам». Историк-норманист XII в. вставляет, нарушая целостность текста:

«... к Варягом к Руси. Сице бо ся зъваху *ти Варязи Русь*, яко се друзии зовуться Свеи, друзии же Урмане и Агляне, инии Гъти, тако и си»⁷³.

Домысел сотрудника князя Мстислава не подтвердился. Даже ярые норманисты вынуждены признать, что племени Русь среди древних скандинавских племен нет⁷⁴.

Кроме того, здесь допущена прямая нелогичность — «варяги-русь» отделены от «варягов-свеев», то есть шведов. Где же искать этих загадочных варягов-русь, если они не шведы, не норвежцы, не готландцы и даже не англичане?

⁷³ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет», стр. 19.

⁷⁴ В. Томсен. Начало русского государства. М., 1891, стр. 80; H. P a s z k i e w i c z. The Origin of Russia. London, 1954, p. 142.

Такими же произвольными толкованиями являются фразы, развивающие далее эту мысль о варягах-руси: «и пояша по себе всю Русь», где слово «Русь» заменено словом «дружину» в Новгородской летописи⁷⁵. «И реша Руси Чудь и Словени и Кривичи и Вьсь».

М. Н. Тихомиров обращает внимание на то, что в ряде списков слово «Русь» поставлено не в дательном, а в именительном падеже⁷⁶. Следовательно, первоначальный текст говорил о Рюрике, пришедшем с дружиной (а не с Русью), и Русь была в числе приглашавших его племен, а не являлась племенем Рюрика.

В названных работах М. Н. Тихомирова, А. Н. Насонова и И. П. Шаскольского подробно разобраны все ошибки летописных норманистов.

Остановлюсь на одном географическом отрывке, который говорит о размещении норманнов в Европе. В предшествующем разделе уже выяснялся фрагментарный характер этой части описания.

«... Ляхове же, и Пруси, Чудь преседять к морю Варяжьскому. По сему же морю седять Варязи семо ко востоку до предела Симова. По тому же морю седять к западу до земле Агнянски и до Волошьски...

Афетово бо и то колено: Варязи, Свеи, Урмане, Готе, Русь, Агняне, Галичане, Волхве, Римляне, Немци, Корлязи, Веньдици, Фрягове и прочии, ти же приседять от запада к полуденю и съседяться с племяем Хамовым»⁷⁷.

Здесь мы видим уцелевший кусок какого-то описания прибалтийских народов, сделанного против часовой стрелки с запада на восток: Поляки, Прусы, Эстонцы. Почему-то пропущены Литовцы и Латыши, хотя в другом списке они есть.

Далее в общих чертах определено максимальное расселение норманнов.

Расселение на восток «до предела Симова» означало поселения норманнов на финском, восточном берегу Ботнического залива, так как здесь, на восток от Скандии, по древним представлениям, начиналась Азия.

Расселение норманнов к западу указано суммарно, но точно: подразумевается норманское завоевание Англии и покорение в конце XI в. норманнами ряда североитальянских городов.

В дополнении «Афетово бо и то колено» дано перечисление ряда народов и областей Западной Европы, связанных в той или иной мере с походами норманнов.

Детальное рассмотрение списка народов покажет нам, что имя «Русь» здесь не является вставкой, оно принадлежит основному перечню, но с Россией и русскими ничего общего не имеет.

Весь список составлен, вероятно, на основе путешествий в Западную Европу и описывает народы тоже против часовой стрелки «от запада к югу». Первыми названы Варяги и к ним дано пояснение — «Свеи», так как имя варягов было русским наименованием свеев — Шведов. Далее названы Норвежцы; от Норвегии автор спускается на юг, на остров Готланд; далее идет загадочная Русь, за которой уже много западнее упомянуты Англичане и «Галичане», по всей вероятности, жители бискайской Галисии, так как далее автор ведет нас уже в Средиземное море, к тем же норманским завоевателям в Италии, в «Волошской земле». Если мы взглянем на карту Европы XI в. и проследим порядок перечисления народов, то увидим, что между Готландом и Англией лежат Дания и Фризия, пропущенные в описании. Дания, родина англов, могла не быть названа особо, но Фризия, или Фрисландия, откуда, возможно, происходил конунг Рюрик, должна была в этом перечне быть упомянута. *То, что на месте Фризии стоит Русь, является простой опiskой.*

⁷⁵ А. Н. Насонов. Начальные этапы..., стр. 450—451.

⁷⁶ М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». — «Советская этнография», т. VI—VII, М., 1947, стр. 67—68.

⁷⁷ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 10.

А между тем, весь этот интересный перечень, знающий и Каролингов, и фрягов, и венецианцев, и римлян, послужил основой для нарастания ошибок в других местах летописи. Самый факт включения в летопись какого-то географического перечня западноевропейских народов или скандинавского происхождения, или же связанных с путями и войнами норманнов, следует связывать с кругом интересов Мстислава. Перечень, вероятно, существовал до летописи как самостоятельное произведение (может быть, учебного характера?).

Замена Фризии Русью произошла, по всей вероятности, первоначально бессознательно, именно как описка, но в дальнейшем ошибка стала жить самостоятельной жизнью и стала влиять на многие летописные сюжеты, связанные с Севером и морем Варяжским. В несомненной зависимости от этой ошибки стоит разобранное выше «пояснение»: «сице бо ся зваху ти Варязи Русь, яко се друзии зовуться Свей, друзии же Урмане и Агляне, друзии Гъти...».

Много надежд возлагают норманисты на несколько фраз в «Повести временных лет», вставленных редактором 1118 г. и будто бы доказывающих, что Русь получила свое имя от варягов:

«И от тех варяг прозвася Руская земля, новугородьци, ти суть людье ноугородьци от рода варяжьска, преже бо беша Словене»⁷⁸.

Достаточно сказать, что опровержение этой неясной, запутанной фразы помещено в *этом же списке* летописи тремя строками ниже:

«И по тем городом суть *находници* варязи, а *первии насельници*: в Новегороде — Словене, в Полотьски — Кривичи, в Ростове — Меря...».

Второй фразой, будто бы подкрепляющей этот же тезис о происхождении имени Руси от варягов, является неуклюжее «пояснение» к оборванному «Сказанию о грамоте славянской»:

«А словеньский язык и русский одно есть. *От варяг бо прозвашася Русью*, а первое беша Словене. Аще и Поляне звахуся, но словеньскаа речь бе...»⁷⁹.

Здесь помощники князя Мстислава подтасовали старый текст Начального свода, в котором говорилось, что войско Олега стало называться «русью» лишь после того, как Олег закрепился в Русской земле, в Киеве: «И беша у него мужи, Варязи, Словене и *оттоле* прозвашася Русью», т. е. после обоснования в Киеве, когда северные мужи Олега влились в русские дружины Киевской земли⁸⁰. Да и сам Олег по расчету лет числился русским князем только с тех пор, как вокняжился в Киеве:

«А от первого лета Олгова, *понели же седе в Кыеве*, до первого лета Игорева лет 31»⁸¹.

История фиксации норманских наездов на русские города, одновременных с грандиозными норманскими завоеваниями в Западной Европе, представляет для нас интерес, так как позволит обрисовать и работу первого «норманиста» среди русских историков — Мстиславова помощника, редактора 1118 г.

Набеги варягов-находников на северные окраины Руси и частичное проникновение варяжских отрядов в глубинные русские города в конце IX в. не могут идти ни в какое сравнение с массивными морскими походами на побережья Северного

⁷⁸ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 18.

⁷⁹ Там же, стр. 23.

⁸⁰ См. А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 37—40.

⁸¹ «Повесть временных лет», ч. I, стр. 17.

моря, Атлантического океана и Средиземноморья⁸². Там в морские просторы уходила огромные армады из сотен кораблей. Внезапное нападение больших норманских флотилий было неотразимым для Лондона и Парижа, Марсея и Генуи. Возможность покорения земель влекла за собой массовую колонизацию из Скандинавии и образование норманских королевств на разных побережьях континента и в Англии.

Совершенно иными были условия в Восточной Европе. Путь к богатым русским городам шел по рекам: одна речная система от другой отделялась кряжами водоразделов, через которые тяжелые морские «драконы» норманнов нужно было катить на катках. О внезапности и массовости нападений не могло быть и речи. Неудивительно, что основные набеги викингов ограничились землей новгородских словен, эстонцев и кривичей и не переступали водораздела Балтики и Русского (Черного) моря. Только один-единственный раз варягам удалось прорваться к сердцу России, в Киев.

Такое различие в условиях норманских вторжений на Западе и у нас необходимо иметь в виду, когда идет речь о роли норманнов. Роль варягов в истории Руси была несравненно меньше, чем их роль в истории Англии, Северной Франции (Нормандии), Италии.

Слово «Русь» (известное в двух формах — «Рос» и «Рус») впервые встречается в источниках VI в. н. э. применительно к племенам Среднего Приднепровья и в летописи. К этому же времени в этих местах сформировалась определенная дружинная археологическая культура, полнее обрисовывающая область «богатырского народа Рос».

Ядром русского племенного союза в VI—VII вв. н. э. был Средний Днепр и река Рось, созвучие имени которой имени народа не может быть случайным. На территории бассейна Роси с давних времен, еще с конца бронзового века, происходил стык протославянских и иранских племен. Скифская культура V—III вв. до н. э. распространилась и на эти лесостепные области, что отразилось в ряде пережиточных элементов в русской народной культуре и частично в языке. По всей вероятности, в III—IV вв. н. э. гегемония в лесостепи принадлежала русам, «росомонам», а с середины I тысячелетия н. э. перешла к полянам, несколько более северному племени. Так появилась летописная фраза «Поляне, яже ныне зовома Русь». Наименование «Русской земли» надолго, вплоть до XII в., сохранялось за лесостепной зоной от Киева, Чернигова и Переяславля до Курска⁸³.

Наименование Руси для славянских областей Среднего Приднепровья зафиксировано восточными письменными источниками на три столетия ранее появления первых варяжских отрядов.

Историю фиксации варяжских набегов и взаимоотношения с Русью можно представить себе так:

1. Погодные записи о борьбе новгородцев с варягами и о помощи Киева Новгороду сложились, возможно, в очень раннее время. Мы знаем их лишь в поздней передаче Никоновской летописи, где они уже соединены с киевскими краткими погодными записями IX в.

2. Новгородская летопись, содержащая памфлет на Ярослава Мудрого начала XI в., впервые вводит легенду о добровольном призвании князей из-за моря. К варягам эта летопись относится враждебно и резко противопоставляет русских варягам.

3. Древнейшая «Русская Правда» (около 1016 г.) также отделяет варягов от русинов (киевлян) и от словен новгородских. После бесчинств наемных войск в Новгороде в 1015 г., варяги поставлены в «Правде» в неполноправное положение.

4. В распоряжении киевских летописцев начала XII в. было какое-то географическое сочинение, содержавшее описание славянских и неславянских народов

⁸² См. Б. А. Рыбаков. Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII вв. — «Вопросы истории», 1962, № 4, стр. 37—38.

⁸³ Б. А. Рыбаков. Древние русы. — «Советская археология», т. XVII, 1953.

Восточной Европы (оно было использовано Нестором); возможно, что частью этого же географического компендиума являлось описание народов Западной Европы, преимущественно на маршрутах походов норманнов (Скандинавия, Южная Прибалтика, Англия, Северная Италия, Бискайское побережье). Из континентальных государств названы только «немцы корлязи», т. е. империя Каролингов, имевшая выходы к морям.

Неизвестно, знал ли Нестор это географическое описание Западной Европы и использовал ли его, если знал.

Наиболее вероятно, что описание западных народов было включено автором третьей редакции 1118 г. (Сильвестр плохо знал северную географию).

В описание народов балтийско-немецкого поморья в этом источнике вкралась описка: между «Готами» (готландцами) и «Агньями» (англичанами) ошибочно вместо слова «Фризы» поставлено «Русь».

5. Нестор, судя по уцелевшим обрывкам его общего обзора древнейшей русской истории, вел свое изложение с большой научной достоверностью, прослеживая зарождение русской государственности на юге, в земле Полян, в VI—VII вв. (он имел в виду дофеодальное племенное княжение, которое, с его точки зрения, было уже государством).

Никоновская летопись позволяет предполагать, что в оригинале «Повести временных лет» Нестора был обрисован *широкий, одновременный* процесс христианизации и просвещения (появление общеславянской письменности) трех крупнейших феодальных славянских государств: Великоморавской державы, Болгарского царства и Киевской Руси.

Варяги у Нестора упоминаются вполне объективно как географическое понятие в его вводной словесной «ландкарте», использованной Сильвестром для легенды об апостоле Андрее.

Нельзя утверждать, но и нельзя отрицать того, что новгородский вариант легенды о призвании князей-варягов в Новгород мог быть включен Нестором в его летопись. Но вся сумма патетически преподнесенного обильного материала о походах на Византию, о крещении Болгарии и Моравии, о Кирилле и Мефодии, неизбежно должна была представить читателю варяжский эпизод в маленьком пограничном городке на Ильмене как локальный, незначительный, никак не связанный с тем бурным расцветом, который переживал тогда весь славянский мир, занявший пол-Европы от Эльбы до Волги и от Балтики до Эгейского моря.

6. Мстислав Владимирович и его помощники по редактированию труда Нестора в 1118 г. прежде всего постарались сократить, насколько могли, то широкое полотно общеславянской жизни, которое с таким талантом и мастерством нарисовал Нестор. Славяне у Нестора были активной и заметной силой мирового исторического процесса, и IX в. был не началом, а кульминационным пунктом длительной истории славянства вообще и Киевской Руси в частности.

Новгородский князь выдвинул рядом с Киевом Новгород и поставил начало государственности на Руси в связь с приглашением в Новгород норманского конунга.

При помощи генеалогических натяжек Игорь стал сыном Рюрика, Олег его воспитателем, а Аскольд (Осколд) и Дир — воеводами Рюрика и варягами.

Путь «из Грек в Варяги», именно так и описанный, был переименован в путь из «Варяг в Греки».

Ошибочное написание «Русь» вместо «Фризы» было узаконено, и от него потянулась целая серия натяжек и сознательной фальсификации: варяги — русь, от варягов славяне прозвались русью, Рюрик пришел с русью и т. п.

Англо-скандинавский бродячий сюжет о призвании трех королей из-за моря (служивший оправданием норманских завоеваний на Западе) стал главным сюжетом древней истории Руси. Легенда о Рюrike и его анекдотических братьях оттеснила на второй план легенду о Кие, Щеке и Хориве.

Избрание князей боярством в XII в. было изображено как первичная форма возникновения княжеской власти.

Соперничество Новгорода с Киевом в XII в. было перенесено в ту отдаленную эпоху, когда Киев уже был «матерью городов русских», а Новгород — маленьким пограничным форпостом на рубеже вепских и ижорских земель.

7. Новгородско-варяжская концессия редакторов 1118 г. заставляла их выдвигать на видное место Олега, что достигалось путем комбинации византийских источников с дружинным эпосом. Олег оказывался не только Вещим, но даже равным святому Дмитрию. Договор Олега с Византией в летописи удвоен: под 907 г. помещен пересказ его, а под 911 г. — подлинный текст, извлеченный из княжеского архива. Имена варягов из окружения Олега (Карлы, Ингельд, Фарлоф, Руалд, Фрелав) в этом договоре должны были документировать наличие варяжского элемента, хотя на самом деле они доказывали только то, что участие нескольких варягов в посольстве не повлияло на язык договора — он написан на русском языке.

Одновременно с разрушением величественного здания общеславянской истории, воздвигнутого Нестором, шла редакторская работа по выдвиганию новых тем. Кроме варяжско-новгородской темы, выдвигалась еще одна — крещение Руси в конце X в. при Владимире I. Из рукописи Нестора исчезли все данные о христианстве у русов в 860—870-е годы при патриархах Фотии и Игнатии, которые должны были в его повествовании корреспондировать с рассказами о христианстве в Моравии и Болгарии. На их место выдвигалось крещение Руси равноапостольным Владимиром, тезкой Владимира Мономаха, а первыми христианами до общего крещения названы варяги.

Мы рассмотрели основные разделы редакторской работы князя Мстислава Владимировича и его помощников, проведенной, вероятно, довольно быстро и торопливо, часто небрежно и почти всегда бесцеремонно. По отношению к «Повести временных лет» как введению в русскую историю — введению, которое должно было ответить на три вопроса: «Откуда есть пошла Русская земля и кто в Киеве нача *первее княжити* и како Русская земля стала есть», нужно признать, что редакторская работа оказалась губительной. Последний вопрос остался без ответа, а грубая и навязчивая новгородско-варяжская тенденция Мстислава на многие века запутала происхождение Руси как государства.

Мстислав не уничтожил Нестора, но искалечил его; он поступил с его «Повестью» так, как поступали крестоносцы в завоеванном Константинополе с античными статуями: «гораздо было сотворено — как люди! Попортили их фрязове: один перебит надвое, другому руки и ноги перебиты...». Так писал русский путешественник в XIV в., сожалея о гибели древнего «узурочья».

О гибели «Повести временных лет» в ее полном первоначальном виде сожалеют все славянские народы, так как Нестор был не только историком Руси, но и первым историком всего славянского мира в целом.

Владимир Мономах и его сын проиграли состязание с Нестором в отношении древнейшей истории Руси. «Повесть временных лет» сохранила имя Нестора, сохранила много его мыслей, и даже в искаженном виде она стала эпиграфом всех последующих летописей, а именем Нестора-летописца в XIX в. называли научные общества.

Спор Новгорода со стольным Киевом решен в пользу Киева многочисленными народными былинами — все общерусские сюжеты их всегда связаны с Киевом.

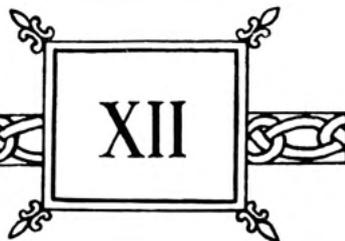
Но нужно признать, что в освещении бурных событий конца XI — начала XII в. Владимир Мономах обогатил русскую литературу и историческую науку. На место придворной хроники Нестора, написанной иногда эзоповским языком, Владимир Мономах поставил значительный ряд блестящих произведений, дышащих страстью,

напористых, остро-злободневных, рассчитанных на эффект и достигавших этого эффекта.

Со страниц произведений Василия, Даниила и самого Мономаха мы смотрим в гущу тогдашней жизни, полной политической борьбы, напряженных войн с половцами, классовых битв в городах.

Создав около себя окружение литераторов, давая сам образцы высокого мастерства, составляя конспекты будущих летописей, письма, предназначенные для широкого чтения, «Поучение детям», Владимир Мономах ярко окрасил целый период в развитии полемического летописания. Неутомимый организатор, непобедимый полководец, железный цесарь Руси, отогнавший надолго половцев от русских рубежей, Владимир II стал центром второго Владимирового цикла народных былин о борьбе с Итларем и Тугорканом.

Можно думать, что, уделяя такое внимание письменности во всех ее видах, Мономах не прошел и мимо народного эпоса, поддерживая старый цикл былин о Владимире I и поощряя былины о себе самом, о Владимире II. Те боярские новеллы, полные рыцарского, куртуазного духа, которые присоединились к героическим богатырским народным былинам, рисуют нам шумную, непокорную, хвастливую среду «смысленных», крупных киевских бояр, симпатии которых завоевывал Мономах своими победами в степях и литературным талантом.

КНЯЖЕСКИЕ ЛЕТОПИСЦЫ ЮЖНОЙ РУСИ В СЕРЕДИНЕ XII в.

1

КИЕВСКИЕ И ЧЕРНИГОВСКИЕ ЛЕТОПИСИ В СВОДЕ 1199 г.

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ XII в. изучена у нас значительно меньше, чем «Повесть временных лет» и предшествующие ей своды XI в. А между тем эта новая эпоха представляет исключительный интерес. На протяжении XII столетия непрерывно растут и усиливаются большие города — соперники Киева, что связано с общим подъемом русской феодальной экономики.

В Киеве и крупных провинциальных городах (большей частью древних центрах союзов племен) экономически и политически укрепляется местное боярство, явственно становящееся заметной и самой крупной силой в стране. Боярство консоли-

дируется в пределах больших областей, «земель», превращающихся в это время в устойчивые княжества. Все чаще боярство оказывает давление на князей, размножившихся потомков Владимира Святого, постоянно перемещавшихся из города в город по «лествичному восхождению» или по праву ловкости и силы.

Этот круговорот князей, вызванный стремлением устранить усобицы, на самом деле лишь порождает новые войны, заговоры, аресты, нанесение увечий, изгнание силой из городов и т. д. Династические интересы княжеского круга пришли в резкое противоречие с потребностями прогрессивного феодального развития и приводили к отрыву государственной власти от интересов местных феодалов.

Боярству Суздальской или Волынской земли мало было знать, что в Киеве при великокняжеском дворе написана «Русская Правда»; нужно было, во-первых, отразить в законе интересы боярства (и это было сделано в «Пространной Правде» к середине XII в.), а во-вторых, земскому боярству было совершенно необходимо получить реальную власть на местах, при помощи которой из Суздаля или Владимира Волынского можно было бы действительно управлять своей землей и быстро подкреплять статьи «Русской Правды» военной силой.

И вот, когда перемещения князей достигли наибольшей запутанности и беспринципности, когда имена князей и занимаемых ими городов с калейдоскопической пестротой замелькали на страницах летописей, поражая читателя быстротой передвижения князей с их дружинами и челядью, тогда выступила новая сила, в два-три

десятилетия почти остановившая механизм династического передела. Этой силой было боярство, сосредоточенное в Киеве и других больших городах.

Боярство удерживает у себя, в своем городе, полюбившегося ему князя или приглашает издалека князя младшего по династическим правам, не стесняясь сказать неуголному: «Поеди, княже, прочь. Ты нам еси не надобен». В 1130—1140 гг. о киевских князьях редко говорили, что они сами сели «на отень злат стол»: чаще всего «княне» «вабили» князя, «вводили» его, «сажали», а князья обязательно заключали «ряд» с боярской аристократией, с «княнами», а иной раз «целовали им крест на всей их воле». Так, только за восемь лет (1146—1154 гг.) «княне» 13 раз выразили свою волю: семь раз они приглашали угодных им князей, два раза прогоняли князей-неудачников, три раза ограничивали княжескую волю; одного князя убили по приговору веча.

Усилия земского боярства сделали то, что бессильны были сделать княжеские съезды — они укрепили княжеские «отчины», остановили коловращение князей, помогли закрепиться в стольных городах новым, только что возникавшим династиям. К середине XII в. наступило известное успокоение внутри феодального класса: князья получили богатые наследственные доменальные владения и власть, которую они еще не решались обратить против боярства. Боярство получило государственное управление, реальное подкрепление норм «Русской Правды». Если в эпоху Киевской Руси мечнику или вирнику нужны были месяцы пути, чтобы добраться из Киева до далеких окраинных земель, то в новых условиях из каждого стольного города можно было в три дня доскакать до любого рубежа княжества.

Князья еще не успели показать себя самовластцами, еще не начали сгонять бояр с их родовых гнезд ради того, чтобы наделить своих сыновей (как это стали делать во второй половине XII в.), они еще только стремились закрепить свои владения за потомством, не отдавать своего княжества другим князьям, а для этого заключали «ряды» с боярской аристократией и совместно с ней думали о «строе земельном», о борьбе с «погаными», а бояре еще не устраивали заговоров, радуясь первой крупной политической победе.

Кристаллизация самостоятельных земель не замедлила сказаться и на епархиальном делении церкви, и на появлении локальных юридических документов, и на возникновении областного летописания.

Русское летописание XII в. отличалось от старого монастырского летописания XI в. настолько же, насколько сами княжества-отчины, самостоятельные королевства XII в., отличались от Киевской Руси. Никого уже не удолетворяла единая летопись единого государства; каждый князь создавал свою, личную летопись, и задача княжеского летописца заключалась теперь в том, чтобы в сложной, бурной, полной превратностей судьбе своего патрона быть ему помощником, возвеличивать его победы, оправдывать поражения, чернить его соперников и во что бы то ни стало (не только для потомства, но прежде всего для современников) изобразить своего князя разумным правителем, пекущимся о своих мужах, расчетливым, но не слишком воинственным полководцем, блюстителем правды, всяких рядов и крестоцелований.

В условиях усобиц, соперничества и возраставшего влияния боярской аристократии, решавшей нередко княжеские распри своим веским словом, летопись становилась как бы отчетом князя в его государственной и военной деятельности, княжеским оправдательным и обвинительным документом. Летописцы не могли уже смотреть на жизнь страны из окон монастырских келий, они сидели вместе с князьями на заседаниях боярской думы, знакомились с дипломатической перепиской, а нередко летописцы-секретари садились на коней, чтобы сопровождать своего князя в походах.

Новый взгляд на летописцев середины XII в. выразил Кирилл Туровский: «Историки и поэты, то есть летописцы и сказители, внимательно прислушиваются к войнам и сражениям между монархами, чтобы воспеть и возвеличить тех, кто бес-

страшно воевал за своего царя, кто в бою не показывал спину врагам — тех прославить и увенчать похвалами»¹. Совету туровского епископа-витии и следовали многие его современники-историки.

Летописные своды XII в. тоже принципиально отличались от старых сводов XI в. Редактор-сводчик конца XII в. был не столько продолжателем какой-либо одной хроники, сколько художником-мозаичистом, составлявшим сложную историческую композицию из целой библиотеки областных летописей.

Чем богаче и разнообразнее была библиотека, оказавшаяся в руках сводчика, тем ярче был узор мозаики, тем выше поднимался читатель свода над феодальными границами, личными интересами отдельных князей, над неизбежной территориальной ограниченностью местных летописцев. Читатель свода смотрел на феодальную Русь как бы с птичьего полета и видел одновременно, что делается в разных городах, слышал противоречивые оценки враждующих между собой лиц, знал, что происходит на тайных военных советах, заглядывал в донесения лазутчиков, переходил из одного боевого стана в другой. Этот драматизм изложения, его многоплановость и красочность зависели не только от количества и качества источников, но и от мастерства и степени объективности сводчика.

Эпоха феодальной раздробленности отражена в большом количестве различных летописей и летописных сводов XII—XIII вв., создававшихся во вновь возникавших феодальных центрах. До нас дошли летописи Чернигова, Переяславля, Новгорода, Пскова, Ростова, Суздаля, Владимира, Галича. Одно летописание нередко сплеталось с другим, отражая политические связи княжеств. Некоторые летописи носят узколокальный характер, и горизонт летописца ограничен рубежами его земли или его города, но наряду с этим проявляется интерес и к общерусскому летописанию.

По-прежнему центром общерусского летописания остается Киев, позднее к нему добавляется Владимир на Клязьме.

Одним из самых интересных сводов является известный Киевский свод 1199 г., составленный образованным ритором, выдубицким игуменом Моисеем, располагавшим, очевидно, родовыми летописцами Ростиславичей, Ольговичей, Юрьевичей, епископскими и другими летописями². Внутри этого свода, охватывающего восемь десятилетий, совершенно особый интерес представляет описание великого княжения Изяслава Мстиславича (1146—1154 гг.), внука Мономаха.

Описаны всего восемь последних лет жизни князя, но по своему объему эта часть летописи равна трети всего свода, степень подробности здесь в пять раз больше, чем во всех остальных частях свода, хотя сводчик использовал лишь часть имевшихся у него материалов³.

Если у старых летописцев XI в. иногда на одной странице умещались сведения за 5—10 лет, то в жизнеописании Изяслава Мстиславича одной летописной страницы иной раз хватало только для изложения событий одного дня, что порою превращало летопись в дневник⁴.

Рассмотрение этой подробнейшей и интереснейшей части Ипатьевской летописи и является предметом настоящего раздела. Нам нужно выяснить, сколько авторов писало этот раздел, распределить между ними отрывки текста, выяснить пропуски и повторения, определить политические симпатии и антипатии разных авторов, стилистические особенности и хронологический диапазон их писательской работы, изучить их взгляды на жизнь Руси XII в.

¹ Кирилл Туровский. Слово о Никейском соборе.—«Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР», т. XV, М.—Л., 1958, стр. 344. (Даю этот отрывок в своем переводе.— Б. Р.).

² М. Д. При sel ков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940.

³ Ипатьевская летопись («Летопись по Ипатскому списку», СПб., 1871), стр. 233—323.

⁴ Там же, стр. 285—291, 293—305; лл. рукописи 296—303, 304—317 (1151 г.).

Летопись Изяслава Мстиславича представляет собой лучший по полноте и наиболее яркий по своей идеологии образец боярско-княжеского летописания в начале эпохи феодальной раздробленности.

Этот раздел Ипатьевской летописи, естественно, давно обратил на себя внимание историков. С. М. Соловьев писал, что здесь «очевиден современник событий и человек, имевший случай разговаривать с князем». Н. И. Костомаров считал, что летопись за 1146—1156 гг. велась одним лицом и, судя по военным подробностям, не монахом, а мирским человеком⁵. Очень много сделал для изучения интересующего нас раздела К. Н. Бестужев-Рюмин, выводы которого, к сожалению, не получили дальнейшего развития у историков летописания. Говоря о составе южнорусского свода, Бестужев-Рюмин отмечает: «С 6654 г. по 6662 г. главным источником свода служило подробное сказание об Изяславе Мстиславиче, написанное его современником и, вероятно, даже соратником»⁶. Далее Бестужев-Рюмин подробно анализирует пестрый состав данного раздела, выделяя, кроме того, куски текста, относящиеся к летописям Ольговичей и Андрея Боголюбского. Эта работа проделана добросовестно, но в настоящее время уже требует пересмотра.

Десять лет спустя эта тема привлекла внимание И. П. Хруцова, видевшего здесь «княжескую кочующую, бродячую летопись». Хруцов отрицал монографический характер жизнеописания Изяслава Мстиславича и возражал Бестужеву-Рюмину: «Нельзя сказать, чтобы записки об Изяславе Мстиславиче велись одним лицом, а еще менее — соратником». Применительно к одной части этих записок (1152 г.) Хруцов высказал очень плодотворную мысль: «История посольства Петра Бориславича от Изяслава к Володимеру Галицкому есть отрывок мемуара этого самого Бориславича»⁷.

Ни А. А. Шахматов, ни М. Д. Приселков не уделили достаточного внимания летописной повести об Изяславе Мстиславиче. В. П. Адрианова-Перетц дала краткую, но очень выразительную характеристику этой повести, рыцарской идеологии автора, ее стилистике, сближающей повесть со «Словом о полку Игореве». Нельзя согласиться только с переоценкой церковного элемента — на самом деле он был очень незначителен; возможно, что такое впечатление создано от отрывков летописи Святослава Ольговича, вкрапленных в эту повесть сводчиком 1199 г.⁸

Несколько по-другому подошел к рассмотрению этих восьми лет киевской летописи Д. С. Лихачев в специальном интересном разделе своей работы — «Летописные обличительные повести о княжеских преступлениях»⁹. Он считает, что повесть, написанная Петром Бориславичем, посвящена только истории взаимоотношений Изяслава Мстиславича с Владимиром Галицким в 1150—1152 гг. (с некоторыми историческими экскурсами). «В основном повесть посвящена описанию трех клятвопреступлений Владимирка Галицкого»¹⁰.

Д. С. Лихачев углубляет взгляды И. П. Хруцова, принимая его (верную, на мой взгляд) гипотезу об использовании мемуаров Петра Бориславича и разделяя, очевидно, его предположения о нескольких авторах жизнеописания Изяслава, ничем, на мой взгляд, не обоснованные, так как летописный текст 1146—1154 гг. отнюдь не покрывается одной темой борьбы с Галичем.

⁵ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I. Изд. 2-е, М., 1851, стр. 790; Н. И. Костомаров. Лекции по русской истории. Спб., 1861, стр. 43.

⁶ К. Н. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868, стр. 79, см. также стр. 80—105.

⁷ И. П. Хруцов. О древнерусских исторических повестях и сказаниях. Киев, 1878, стр. 176—177, 181.

⁸ «История русской литературы», т. I, М.—Л., 1941, стр. 312—314. Отдельные примеры стиля повести взяты из летописи не Изяслава, а его врагов (описание трубных сигналов в начале боя на стр. 313).

⁹ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 226—241.

¹⁰ Там же, стр. 232.

Как видим, интереснейший источник середины XII в. во всем своем объеме еще не изучен, и суждения о нем подчас противоречивы.

Первая стоящая перед нами задача — выделение тех отрывков свода 1199 г., которые можно считать взятыми из летописания самого Изяслава Мстиславича. Это можно сделать, только учитывая сложнейшую изменчивую историческую обстановку 1140—1150 гг. и зная друзей и недругов Изяслава¹¹.

У Изяслава Мстиславича были хорошие отношения с его родными братьями, Ростиславом Смоленским, Святополком и юношей Владимиром.

Чернигово-северские Ольговичи были постоянными врагами Изяслава, и убийство Игоря Ольговича в Киеве произошло, очевидно, не без подстрекательства Изяслава. Черниговские Давыдовичи (Владимир и Изяслав) постоянно хитрили, меняли свою ориентацию и «играли душой», нарушая клятвы.

Всегда враждебно держался сосед Изяслава по отчине Владимир Володаревич Галицкий. Лютым врагом Изяслава был его стрый Юрий Владимирович Долгорукий, но сыновья его иногда становились вассалами Изяслава.

Ольговичи и Юрий Долгорукий почти постоянно были в союзе с половецкими племенами (Бонякидами и «дикими» половцами). Владимир Галицкий и Юрий находили поддержку в Византии у императора и патриарха, а сам Изяслав Мстиславич опирался на Берендеев и Черных Клобуков, был в союзе с венгерским королем Гейзой II (его зятем) и с польскими князьями. В трудные времена Изяслава поддерживал Новгород Великий; кроме того, на стороне Изяслава была значительная часть киевского боярства.

Как видим, переплетение княжеских интересов охватило всю Восточную Европу, Причерноморье и значительную часть Центральной Европы.

Всю эту сложную расстановку сил и пеструю карту княжеских военных союзов мы знаем потому, что автор свода 1199 г. Моисей счел нужным включить в свой свод огромное количество разнообразных материалов середины XII в., очевидно, ощущая важное историческое значение этой эпохи. Во времена Моисея жили и действовали сыновья и племянники тех организаторов отчин, родоначальников новых династий, которые являлись героями летописных повестей середины XII в. То обстоятельство, что Моисей составлял свой свод в 1190-е годы, когда в Киеве соправительствовали, по мудрому решению «князя», представители двух враждовавших династий (от Ольговичей — Святослав Ольгович, а от Мономахичей — Рюрик Ростиславич), способствовало, во-первых, получению летописей от обеих групп князей, а во-вторых, использованию в своде летописей враждебных групп. На первый взгляд это может произвести впечатление объективности, но все же мы видим, что симпатии Моисея склонялись к роду его покровителя князя Рюрика, воспетого им, как известно, в особом похвальном слове. Этим и объясняется предпочтение, отданное летописи Изяслава Мстиславича, родного дяди Рюрика.

¹¹ Изяслав был старшим сыном Мстислава Владимировича, сына Мономаха. Родился он приблизительно в 1097 г. и детство провел, по всей вероятности, при отце в Новгороде. Его крестное имя было Пантелеймон; сохранилась грамота Изяслава Пантелеймонову монастырю в Новгороде. С новгородским боярством, любившим его отца, он сохранял хорошие отношения и будучи великим князем. Первое летописное упоминание застаёт тридцатилетнего князя на бедном Курском столе (1128 г.), когда Изяслав участвовал в разгроме Полоцкого княжества и пораил всех своей оперативностью. Через год он уже стал полоцким князем. От 1135, 1141, 1143 гг. в летописи сохранились случайные отрывки рассказов о путешествиях Изяслава и его письма к сестре. В княжение его стрыя (брата отца) Ярополка (1132—1139 гг.) Изяслав втягивается в междоусобную борьбу и на время становится князем-изгоем, воюя с Юрием Долгоруким и другими родственниками. Потеряв Полоцк, Изяслав кратковременно владел то Переяславлем, то Туровом, то Другичином и Пинском, пока, наконец, не закрепился в 1135 г. во Владимире Волынском, сделав его «отчиной» своего потомства до XIV в. В 1143 г. Изяслав приобрел Переяславль, а в 1146 г. был приглашен «князнями» княжить в Киев. В 1149 г. Юрий изгнал Изяслава из Киева; в 1150 г. Изяслав ненадолго вернулся в Киев, снова был изгнан Юрием и снова отвоевал столицу, и с 1151 г. до своей смерти в 1154 г. Изяслав Мстиславич княжил в Киеве, соправительствуя со своим дядей Вячеславом.

М. Д. Приселков считает, что свод 1199 г. составлен из киевской великокняжеской летописи, черниговской летописи Святослава Ольговича и Игоря Святославича, хроники Ростиславичей и двух летописей Переяславля Русского (епископской 1175 г. и княжеской 1187 г.)¹². Киевское великокняжеское летописание Приселков не расчленяет по отдельным лицам и характеризует очень бегло, уделив ему всего полстраницы.

А между тем здесь много различных отрывков, которые можно связать с определенными князьями и отдельными авторами. До 1130-х годов в Киевском своде преобладают краткие погодные записи старого типа, перемежающиеся с отдельными кусками более пространныго текста.

В описании событий 1116, 1123, 1126 и 1128 гг. мы видим руку церковника, тоже явного сторонника Владимира Мономаха и всего «Володимирова племени».

Столетняя годовщина убийства Бориса и Глеба (1115 г.) описана рукой черниговского монаха, сторонника Давида и Олега Святославичей, позднее в этот рассказ вставлены (неумело) фразы в пользу Мономаха.

Под 1128 г. мы впервые ощущаем руку летописца, восхищенного быстрыми и решительными действиями внука Мономаха — Изяслава Мстиславича. Успех всей тщательно задуманной кампании против Полоцкого княжества (полки шли с Волыни, из Киева, из Курска и из Смоленска и всем был назначен один общий день для удара) был приписан действиям одного из младших князей — Изяслава¹³.

Следующие семь лет заполнены только краткими заметками, в которых нельзя определить руку летописца. Иногда видны погрешности сводчика, дважды описавшего одно и то же событие под разными годами¹⁴. 1136 г. описан в своде по двум летописям: одна из них сочувствует Всеволоду Ольговичу, а другая — его противнику Ярополку Владимировичу¹⁵; по стилю своему и благочестивым рассуждениям этот отрывок близок к отрывкам того автора, которого я условно назвал летописцем «Володимирова племени». Он очень сочувственно относится к сыновьям Мономаха — к Мстиславу Великому, Ярополку, особенно к Андрею Переяславскому, к неудачнику Вячеславу и к младшим князьям Мстиславичам. Рука этого летописца встретится нам и далее.

Особый интерес представляет для нас отражение в своде 1199 г. недолгого, но бурного княжения первого из Ольговичей — Всеволода (1139—1146 гг.), после смерти которого киевляне пригласили на стол Изяслава Мстиславича.

Удастся установить, что княжение Всеволода Ольговича описано в своде в основном по следующим четырем источникам.

1. Летопись «Володимирова племени». Ее материалы использованы для 1139—1143 гг. Этот автор, защищая интересы своего князя (Андрея Владимировича), изобразил действия враждебного Всеволода в очень черных тонах. Он зорко следил за политической игрой великого князя, отмечал его жадность, стремление «сваживать братью». Он писал о враждебности ко Всеволоду Новгорода, о насилиях князя над епископом, сопоставлял Всеволода с братоубийцей Святополком Окаянным.

2. Вторым источником я считаю летопись самого Всеволода Ольговича, использованную сводчиком лишь в очень небольшой степени. К ней относятся сообщения о богобоязненности Всеволода в 1140 г., когда он не использовал пожар в стане врага в своих интересах: «Видиши, яко я к тебе креста еще не целовал, — обращается Всеволод к Андрею, — а то ми был бог дал, оже ся есте сами зажгли, аже бы лиха хотел, то что бы ми годно, то же бы створил»¹⁶. Этот эпизод разрывает текст и яв-

¹² М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 47—57.

¹³ Ипатьевская летопись, стр. 210; Лаврентьевская летопись («Летопись по Лаврентьевскому списку», СПб., 1897), стр. 283.

¹⁴ Ипатьевская летопись, стр. 216 (о получении Андреем Переяславля и Изяславом Владимиром Волынского).

¹⁵ Там же, стр. 214—215.

¹⁶ Там же, стр. 219.

ляется вставкой. В описании событий 1142 г., когда Всеволод «рад был разлученю» братьев, в недоброжелательный ко Всеволоду текст вкраплено несколько фраз в другом тоне: Всеволод говорит: «Братья моя! Возмите у мене с любовью, что вы даю...»¹⁷. В 1144 г., взяв контрибуцию в 1400 гривен с галицкого князя, «сребра же себе Всеволод не прия один, но раздая братья на части...»¹⁸. Перу этого же придворного Всеволодова летописца принадлежит и описание завещательных распоряжений больного Всеволода, который ссылками на примеры хотел оправдать передачу престола своему брату Игорю.

3. Летопись Святослава Ольговича и Игоря Ольговича. Хронист явно писал при дворе Святослава, так как в нарушение старшинства (Святослав был самым младшим из Ольговичей) он при жизни Игоря на первом месте везде ставит Святослава. Так как оба брата были сильно обижены старшим братом Всеволодом, лишившим их Чернигова, то автор этой летописи тоже враждебен к великому князю и рисует его неблагоприятно¹⁹. С творчеством этого летописца мы встретимся далее.

4. Четвертым источником являются немногочисленные извлечения из личной летописи Изяслава Мстиславича²⁰.

Анализ всех противоречий и разнобоев в своде 1199 г. позволяет нам установить, что смерть Всеволода, краткое двухнедельное княжение его брата Игоря и первое великое княжение Изяслава Мстиславича (1146—1149 гг.) описаны в своде на основании трех из перечисленных выше источников (кроме летописи Всеволода), к которым добавились небольшие извлечения из летописи Андрея Боголюбского и Владимира Галицкого.

При отнесении тех или иных отрывков перу того или иного летописца приходится учитывать нарушение логики рассказа, грамматического согласования, разрыв текста вставками, дублирование одного события, пропуски и т. д., но самое главное, что позволяет распределять текст по авторам, — это различие симпатий и антипатий, определение, кого называет автор «наши» и кого «они», кому помогает «животворящий крест», а кому «злокозненный дьявол».

Позволю себе продемонстрировать несколько примеров, взятых из описания бурного 1146 г.

1 августа 1146 г. умер Всеволод, «княне» не очень искренне присягнули Игорю и Святославу; Ольговичам нужно было заручиться поддержкой двух ближайших к Киеву стольных городов — Переяславля, где княжил Изяслав Мстиславич, и Чернигова, которым правили братья Давыдовичи. Единый текст летописи Святослава Ольговича, повествующий о действиях Игоря, грубо расчленен на две части, и в разрыв вставлен отрывок из летописи Изяслава Мстиславича.

Приведу текст Святослава летописца *без разрыва*:

«В то же веремя посла Игорь к Изяславу, рече: „Се брата нашего бог понял. А стоишь ли в хрестьном целованьи?“ Он же ни ответа ему не дасть противу той речи, ни посла к нему пусти*»

«Игорь же посла к братома своим Володимиру и Изяславу и рече: „Стоита ли брата у мене у хрестьном целовании?“»²¹.

Этот единый по содержанию текст разобчен на две части, и в том месте, где прямо сказано, что у Игоря не было никаких известий об Изяславе Мстиславиче, (там, где поставлен знак *), арестовавшим Игореву посла, в своде мы находим вставленным блестяще написанный отрывок, рассказывающий о нелюбви киевлян

¹⁷ Ипатьевская летопись, стр. 223.

¹⁸ Там же, стр. 226.

¹⁹ Там же, стр. 222.

²⁰ Там же, стр. 221, 223, 224.

²¹ Там же, стр. 230—231.

к Игорю и о приглашении на великокняжеский стол этого самого Изяслава Мстиславича²². И по отдаленности мест действий от Киева, и по четко выраженной симпатии к Изяславу, и по антипатии к Игорю и Ольговичам вообще эта вставка, разрывающая текст летописи Ольговичей, должна быть отнесена к извлечению из летописи Изяслава Мстиславича, которой в дальнейшем широко пользовался составитель свода. Это — как бы вступление к собственно великокняжеской летописи Изяслава, написанное талантливой и дружеской рукой. Автор хорошо знал, во-первых, что при жизни Игоря — старшего из Ольговичей — и при жизни Вячеслава и Юрия Долгорукого — старших из Володимиричей — у Изяслава нет законных династических прав на Киев (об этом и говорил Всеволод в своей речи о престолонаследии в 1145 г.), а во-вторых, он знал, что реальная сила, ставящая и смещающая князей, в его время находилась в руках боярской корпорации Киевской земли (Киев, пригороды Киева, города по Роси и кочевники-вассалы на юге Киевщины). Кроме того, Изяслав летописец не мог не знать, что его князь принес в свое время (31 июля 1146 г.) присягу Игорю Ольговичу («яко не подозреши Киева»), а сейчас, в острый момент неустойчивости всех отношений, он собирался эту присягу нарушить.

Мы не знаем, когда писалась эта интродуктивная часть великокняжеской летописи Изяслава — до вокняжения, в момент совершения описываемых событий, или уже после вступления его на киевский престол, что более вероятно, но в любом случае она должна была подготовить читателя к признанию законности и неизбежности занятия Киева Изяславом. Прежде всего летописец сообщает позицию киевлян: «И не угоден бысть княном Игорь». Далее следует интересный по композиции рассказ о том, как население разных частей Киевской земли приглашало Изяслава на великокняжеский стол. Инициаторами приглашения показаны киевляне, послы которых прибыли в Переяславль: «Поиди, княже, к нам. Хотем тебе»²³. Изяслав Мстиславич немедленно согласился и, собрав свою дружину, двинулся в Киев, взяв благословение у своего епископа.

Возможность отрицательной оценки читателями первых действий князя, собирающегося вступить в междоусобный бой, нарушить принцип старшинства и преступить крестное целование, парирована летописцем указанием на призыв народа и благословение церкви. Для того, чтобы полнее и убедительнее показать «всенародное избрание» Изяслава, летописец умышленно затягивает рассказ; то, что можно было бы сказать в одной фразе, он разбивает на ряд эпизодов, снабжая каждый из них определенным рефреном. Только что войско Изяслава перешло Днепр и вступило на Киевскую землю (у Заруба), как появилась делегация Черных Клобуков и всего Поросья, заявившая о своих симпатиях и антипатиях: «Ты — наш князь, а Олговичь не хочем; а поеди вборзе а мы с тобою»²⁴. После прибытия этих двух делегаций — от Киева и от Киевской земли — Изяслав мог считать себя избранным великим князем, и его поход в Киев читатели летописи должны были расценивать уже не как начало усобицы, а как реализацию его новоприобретенных *законных* прав. Изяслав проехал около одного дневного перехода до города Дернового и здесь с его войском соединились все Черные Клобуки, жители берегов Роси, сюда же приехали еще две делегации от Белгорода и от Василева, в уста которых летописец снова вкладывает формулу приглашения: «Поиди, ты — наш князь, а Олговичевь не хочем». Сюда же, на сборное место всех доброжелателей Изяслава, приехали киевские бояре («от княи мужи»), которые объявили Изяславу: «Ты — наш князь, поеди, Олговичев не хочем быти акы в задничи; кде узрим стяг твой, ту и мы с тобою готови есмь»²⁵.

Круг замкнулся. Летописец начал с описания первого киевского посольства,

²² Ипатьевская летопись, стр. 230.

²³ Там же, стр. 230, 231.

²⁴ Там же, стр. 230.

²⁵ Там же.

носившего, очевидно, наполовину рекогносцировочный характер. Затем он последовательно описал посольство «своих поганых» Поросья и важнейших пригородов Киева — Белгорода и Василева. Когда под знаменами переяславского (и волынского) князя оказалась почти вся Киевская земля, тогда и киевское боярство сообщило своему избраннику более точную формулу. Второе посольство киевских бояр не ограничилось неопределенным «хочем тебе», а сообщило, что Изяслав — уже киевский князь, что «кияне» не хотят переходить по наследству в семье Ольговичей и, наконец, что их военная сила предоставляется в распоряжение их нового князя ²⁶.

Летописец завершает картину избрания князя всей землей «тронной речью» Изяслава, произнесенной им на поле специально собранным для этой цели русским и торческим войском. В этой речи Изяслав ставил себе в заслугу феодальную верность покойному Всеволоду, а по отношению к его младшим братьям, державшим Киев, он полагался на бога и силу животворящего креста. Закончил речь эффектной рыцарственной фразой: «да любо си голову положю перед вами, любо си налезу стол деда своего».

Битва за Киев и военная измена киевского боярства Игорю описаны в своде только по летописи Святослава Ольговича.

Великое княжение Изяслава Мстиславича выделено в своде особым заголовком, но оно не представляет собой единого литературного целого. Это по-прежнему монтаж из двух главных источников с привлечением отрывков трех-четырёх летописей ²⁷.

Приведу пример разбивки текста киевского свода на отрывки из летописей Изяслава Мстиславича и Святослава Ольговича ²⁸.

Летопись Изяслава Мстиславича

Изяслав же, възрев на небо и похвали бога и силу животворящего креста о таковой помощи его, с великою славою и честью въеха в Киев.

И выидоша против ему множество народа, игумени с черноризьци и попове всего города Киева в ризах.

И приеха [Изяслав] к святой Софьи и поклонися святой богородици, и седе на столе деда своего и отца своего. И приведе к себе Святослава [Всеволодича] и рече: «Свой ми еси, сестричичь» — и поча и водити подле ся. И бояры многы изоимаша, Данила Великаго и Гюргя Прокопьяча, Иво-ра Гюргевича, Мирославля внука и инех изоимаша много в городе Киеве, и тако тех на искупе пустиша.

Летопись Святослава Ольговича

Бысть же съступ [Игоря с Изяславом] месяца августа в 13 в день, в вторник.

Игоря же по 4-х днех емше в болоте, приведоша к Изяславу, и посла и в манастырь на Выдобычь, и оковав и посла Переяславлю. И всади в поруб в манастырь святого Иоана. И розграбиша кияне с Изяславом домы дружины Игоревы и Всеволоже, и села и скоты, взяша именья много в домех и в манастырех.

²⁶ О двух посольствах от верхов киевского боярства (тысяцкого Улеба и других) пишет и летописец Ольговичей: 1) «И почаствя сати к Изяславу Мстиславичю, рекоче: „Поиди, княже, еборзе, идета ти Давыдовича Игореву в помочь“» (Ипатьевская летопись, стр. 231); 2) «Поиди, княже, съвещали ти ся есмы рекуше с кияны, *хочем поринути стяг* (Игорев) побегнути с полком своим в Киев» (там же, стр. 231. Курсив мой.—Б. Р.). Очевидно, интересующий нас летописец Изяслава не придумывал ничего, брал реальные факты и только умело, с выгодой для своего князя преподносил их в своей летописи.

²⁷ Летопись Юрия Долгорукого (Ипатьевская летопись, стр. 268); летопись Андрея Боголюбского (там же, стр. 271—273, 281); летопись «Володимирова племени» (о Вячеславе) (там же, стр. 274); летопись Владимира Галицкого (там же, стр. 273).

²⁸ Ипатьевская летопись, стр. 233.

Се же есть пособием Божиим и силою честнаго хреста, и заступлением святаго Михаила и молитвами святое богородици.

Святослав же вбежа в Чернигов с малом дружины, послася ко брата рече Володимиру и Изяславу [Давыдовичам]: «Стоята-ли, брата, у хрестном целовании, — се есми целовали пятом дни?». Она же реста: «Стоиве». И рече им Святослав: «Се вам оставливаю Къстяжка, мужа своего, ачеть ваи таи к себе». А сам еха Курьску уставливать людей и оттуда Новгороду [Северскому] приде.

[Далее продолжается рассказ о взаимоотношениях Святослава с Давыдовичами, об их измене, о посольстве Святослава к Юрию Долгорукому и к половецким родичам Святослава].

Проделав аналогичную работу над всей средней частью свода 1199 г., мы можем определить объем выписок из каждой княжеской летописи и характер их чередования.

При описании событий 1146—1147 гг. мы видим равное пользование обеими летописями: 10 отрывков из летописи Изяслава Мстиславича и 10 из летописи Святослава Ольговича. Общий объем и тех и других одинаков²⁹.

Для 1147—1154 гг. количество заимствований из летописи Ольговичей резко сокращается — всего 9 небольших отрывков³⁰, а выписки из летописи Изяслава Мстиславича вытесняют все остальные источники и составляют основное содержание Киевского свода за эти годы³¹.

Автор летописи Святослава Ольговича не блещет особыми талантами и без особых литературных затей описывает дела своего князя и его врагов, всегда выгораживая Святослава. Он благочестив, постоянно помнит о церковных праздниках и днях святых, осведомлен о действиях епископа, у него много церковных сентенций. Невольно вспоминается тот «попин», которого Святослав посылал в 1146 г. с дипломатическим поручением в Чернигов; быть может, он и был летописцем-секретарем Ольговича?

У этого летописца был определенный вкус и навык к записи объектов княжеского хозяйства. Он знает, что галицкий князь заплатил именно 1400 гривен контрибуции, что в княжеском сельце было 900 стогов сена, а близ села Мелтекова паслось 1000 коней и 3000 кобыл-маток княжеского стада. Он с бухгалтерской точностью перечислил разграбленное врагами имущество своего князя, пользуясь, очевидно, уже готовыми описями, так как в момент ограбления он вместе с князем был очень далеко от разоренного Путивля — в Новгороде Северском. Он знал, что в разграбленных погребах было 500 берковсков меду и 80 корчаг вина, что в «облупленной» церкви было 2 кадиланицы, кацеи, окованное евангелие, книги и колокола, что княжей

²⁹ Летопись Изяслава: Ипатьевская летопись, стр. 233, 235, 237, 238, 239, 241, 243—247, 248, 249, 250. Летопись Святослава: там же, стр. 233—235, 236—237, 238, 239—241, 242, 247—248, 249, 250.

³⁰ Ипатьевская летопись, стр. 252, 255, 258, 280, 283, 292, 308, 317, 320?

³¹ Там же, стр. 251—252, 253—255, 256—258, 259—261, 262—263, 264—268, 269—271, 275—280, 282—283, 284—290, 290—292, 293—298, 299—301, 303—307?, 308—315, 316—320, 321—322, 323.

челяди было там 700 человек. Этот летописец-бухгалтер знал, что его князь дал в долг Ивану Берладнику 200 гривен серебра и 12 гривен золота. Он всегда перечислял подарки, которыми обменивались князья: Юрий дал Святославу шелк и меха, а Святослав послал гепарда в Москву³².

Военной стороной событий этот автор особенно не интересовался, хотя и был свидетелем многих кровопролитных сражений.

Прямая речь, вкладываемая им в уста своих героев, иной раз звучит наивно. Святослав часто говорит прослезившись и в своих речах, придуманных летописцем, легко отказывается от тех волостей, из-за которых он на деле годами вел лютую войну³³.

Летописца не смущает нелепость такой придуманной им фразы (даю ее в переводе): «Давыдовичи оба сказали: „вот мы оба уже начали злое дело; совершим же до конца братоубийство“»³⁴.

В отрывках из этой летописи можно заметить определенные особенности в фонетике и фразеологии.

В общем, об авторе летописи Ольговичей можно сказать, что он был добросовестным, но средних способностей секретарем своего князя, делил с ним тяготы неудачных походов и всеми средствами оправдывал его в сложных положениях, быть может, в расчете на то, что летопись окажется пригодной как документ, фиксирующий криководущие и алчность врагов. В мирное время этот княжеский секретарь духовного происхождения вел, вероятно, записи хозяйственных дел княжеского домена, хранил эти записи и в нужный момент мог обнаружить их в летописи.

2

ЛЕТОПИСЬ ИЗЯСЛАВА МСТИСЛАВИЧА

Автор летописи Изяслава Мстиславича предстает перед нами в более выгодном свете, чем все его современники и соседи по своду игумена Моисея.

Уже разобранный нами отрывок текста об избрании Изяслава свидетельствует о незаурядном таланте его автора. В основной же части, представляющей (за вычетом вставок) почти непрерывное повествование, этот автор использует самые разнообразные формы фиксации событий; в его летописи мы находим стратегическую обрисовку кампаний, дневники походов, записи княжеских съездов и боярских дум, посольские отчеты, выдержки из дипломатической переписки и мастерски составленные характеристики друзей и врагов.

1. Стратегическая обстановка. Летописцем описано полтора десятка крупных военных кампаний великого князя Изяслава Мстиславича, оборонявшего Киев от Юрия Долгорукого и Святослава Ольговича или добывавшего великокняжеский стол, временно захваченный Юрием.

Каждая кампания обрисовывалась летописцем очень широко, со знанием всех внутренних пружинок и внешних поводов. Благочестивых рассуждений здесь очень мало, они присутствуют в такой же незначительной пропорции, как и в «Слове о полку Игореве», все внимание сосредоточено на военно-стратегических, дипломатических и тактических вопросах. Автор раскрывает перед читателем карту Восточной и Центральной Европы и четко определяет политическую ситуацию, состав военных блоков, размещение сил, направление ударов и даже маршруты армий.

³² К сожалению, один список даров не сохранился в своде и уцелела только фраза: «...дары многи, их же мы преди написахом» (Ипатьевская летопись, стр. 240).

³³ Там же, стр. 234.

³⁴ Там же, стр. 235.

Подробно рассказывается о дипломатических переговорах с русскими князьями, с Чехией, Польшей, Венгрией, Византией, Половецкой землей, Новгородом.

Летописец всегда приводит перечень князей-вассалов или союзников, шедших под знаменами Изяслава, указывает, кому из князей поручалось стеречь Киев или «отчину» Изяслава — Владимир Волынский. В отдельных случаях, когда союзниками были венгерские рыцари, возглавляемые самим королем, летописец говорит о характере вооружения союзников, о доспехах, о конях и приводит описание парадов и турниров. Почти с протокольной точностью передается содержание военных советов, определяющих тактические детали походов.

Полнота сведений и широта кругозора ставят летописца в один ряд с самим князем. Только человек, принадлежащий к княжеско-боярскому кругу, воспитанный в военной придворной среде и по своему положению действительно близкий к князю, мог с равным пониманием разбираться в сложных военных делах, знать дипломатические секреты, присутствовать в боярской думе и использовать тайные донесения высокопоставленных агентов, шпионивших при дворах соседних князей (как, например, тысяцкий Улеб).

2. Дневники походов. После подробной обрисовки дипломатических переговоров и окончательной расстановки сил в момент похода летописец Изяслава Мстиславича, несомненно, сопровождавший своего князя, нередко описывает *день за днем* весь поход, даже если на марше и не было военных действий. Приведу пример: в марте — апреле 1151 г. Изяслав, изгнанный в 1149 г. из Киева, пытается вернуть его, получив помощь от Венгрии и заручившись союзом киевского боярства, мужей Вячеслава и своих постоянных друзей — Черных Клобуков. Враги Изяслава: Юрий Долгорукий (он, сидя в Киеве, сделал «ход ладьей», поместив сына Андрея у самой границы Изяславовой Волыни) и Владимир Галицкий. Изяслав выступил из Владимира Волынского на восток к Киеву. Дневник начинается с момента пересечения им своей границы. Летописец не указывает дней недели, но указывает ночевки, обеды, «опочив коней», что при наличии хотя бы одной точной даты позволяет рассчитать подряд все дни похода, начиная с 31 марта 1151 г. При этом, излагая обстоятельства продвижения Изяслава в течение 31 марта — 3 апреля, летописец сообщает мелочи, могущие быть известными только участнику похода, например: Изяслав «проминя город [Коречьск] подале города и ста на рече, не дошед Случи»³⁵.

Пятый день похода (4 апреля). Около Ушска Изяслава настиг Владимир Галицкий с авангардом. Легкая конница завязала бой; добыли языка. Сцена допроса пленного галичанина написана очень живо:

И з я с л а в: Князь твой где?

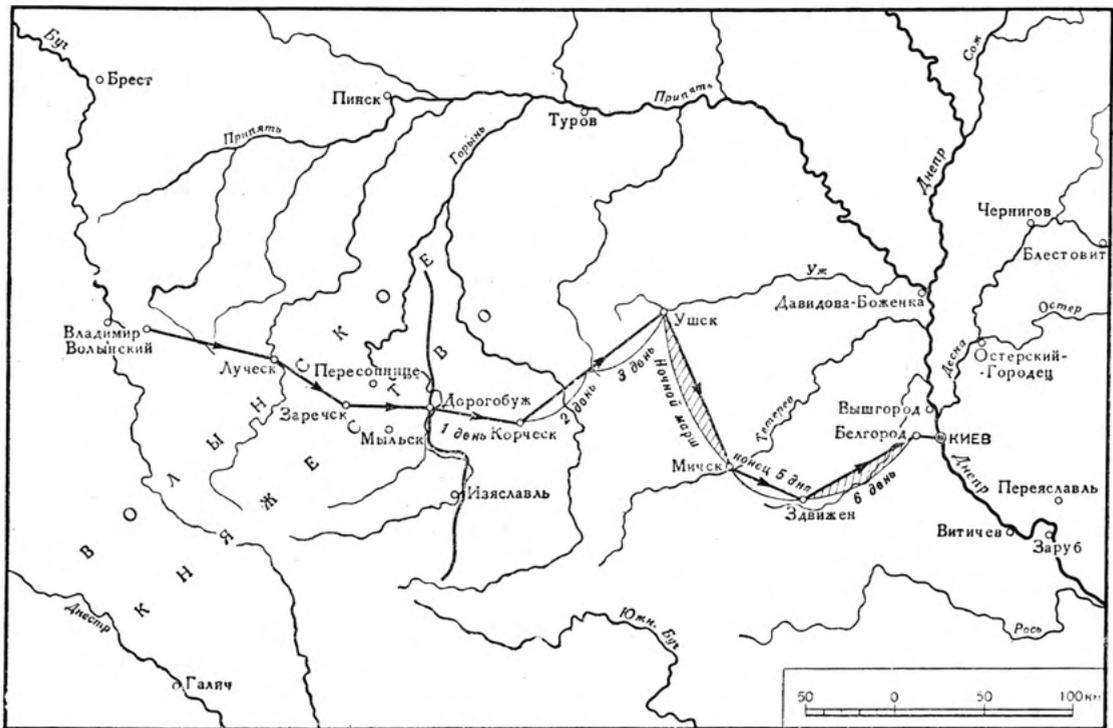
Г а л и ц к и й м у ж: Ото за городом первый лес, ту перея весть на ты, ту же и ста, не дерзну пойти сквозе лес, но тако рече: оже поидем сквозе лес, то побьються с нами, а сила наша за нами далече; а ту ся сождем.

Военный совет с дружиной показал нецелесообразность боя с Владимиром, «заложившимся лесом». По совету дружины Изяслав форсированно («не стряпая») направился к Киеву. Любопытно, что дружина здесь названа «братъею».

На ночь стали у Святослави Криницы; здесь Владимир снова догнал Изяслава, и два враждебных лагеря заночевали рядом: «и тако стояху межи собою, ако аже изяславлим сторожем зрети башеть на галичський огне, а галичским сторожем зрети баше на изяславли огни»³⁶. Хитроумный полководец Изяслав приказал наложить в костры побольше топлива, а сам поднял тайно все войско и быстро пошел к Мичьску ночным маршем, оторвавшись от обманутого противника.

³⁵ Ипатьевская летопись, стр. 285.

³⁶ Там же, стр. 286.

Карта маршрута князя Изяслава Мстиславича весной 1151 г.

Шестой день (5 апреля). К вечеру были в Воздвиженье, где была собрана «дума», решившая предпринять еще один ночной марш прямо на Белгород и Киев. Белгород был выбран на случай неудачи — оттуда легче было уйти к Черным Клобукам на Рось.

Летописец записал на свои страницы интересный и точный боевой приказ Изяслава брату Владимиру:

- а) Владимир должен быстро идти в авангарде;
- б) с ним — легкая конница из всех полков.
- в) Нужно взять Белгород. Если сразу не сдадутся, то надо известить главные силы, а самому сдерживать белгородцев до обеда.
- г) Главные силы пойдут через Абрамов мост или другим путем в Черные Клобуки, чтобы с ними вместе идти на Киев.
- д) Если Белгород будет взят быстро, то нужно послать гонца к Изяславу, и все войско подойдет к Белгороду.

Детальность и деловитость приказа в равной мере говорят и о предусмотрительности Изяслава и о знании летописцем военного дела.

Седьмой день (6 апреля). Быстрый бросок к Белгороду увенчался успехом; Борис, сын Долгорукого, пьянствовал с попами и даже подъемный мост не был поднят, только мытник успел поднять мост. Владимир затрубил у города, и белгородцы сдались. Извещенный о победе Изяслав занял Белгород и поспекал к Киеву.

Юрий Долгорукий, бывший в загородном дворце и ничего не успевший узнать о нападении, бежал в лодке через Днепр, бросив свою дружину и, видимо, свой княжеский архив (см. об этом далее).

День, начавшийся быстрым маршем в древлянских лесах, завершился пиром во дворце Ярослава Мудрого и турниром на княжеском дворе.

С особым злорадством рисует летописец одураченного Владимира Галицкого, который простоял ночь у покинутых костров и от посланных разведчиков узнал о проигрыше всей кампании.

Восьмой день (7 апреля). Изяслав Мстиславич предложил Киев своему престарелому дяде Вячеславу, старейшему из Мономашичей; Вячеслав ответил вежливой благодарностью и назвал племянника «братом» и «отцем».

Девятый день (8 апреля). Вячеслав предложил Изяславу совместно править Киевом, учредив своеобразный дуумвират, где Изяславу предоставлялось управление всеми военными силами.

Десятый день (9 апреля). Изяслав отправил домой в Венгрию союзный отряд венгров, одарив их и снабдив письмами к королю, содержание которых здесь же пересказывается³⁷.

Таков один из походных дневников Изяслава Мстиславича. Он полон бытовых деталей, обнаруживает большое знание военного дела и в то же время написан вполне литературно, автор хорошо обыгрывает каждый эпизод этих девяти дней. Возможно, что действительный дневник был канвой летописного рассказа, прошедшего потом литературную обработку (во время которой могли быть отброшены указания дней).

Еще одним примером дневника является рассказ о борьбе за Киев с 23 апреля по 7 мая того же 1151 г.³⁸ Здесь тоже летописец обнаруживает прекрасное понимание военной обстановки и хорошо обрисовывает серию битв на бродах и у городов, отмечая расположение полков, действия противника, имена полководцев, военные таланты и изобретательность своего князя³⁹.

Почти все наши знания о военном деле XII в. мы получили именно от этого летописца Изяслава Мстиславича.

Походные дневники, отрывки которых рассеяны по всему его разделу свода, являлись одной из форм летописной документации.

3. Записи совещаний, съездов и «дум». К документальным материалам следует отнести и протоколы некоторых особо важных совещаний. Летописец давал перечень участников, приводил речи выступавших.

Первый пример — церковный собор по поводу избрания нового митрополита. Это был первый важный государственный акт Изяслава Мстиславича как великого князя. Враждуя с Византией, поддерживая католическую Венгрию, Изяслав обострил отношения с греческой церковью. Появилось даже специальное поучение против латинян, адресованное Изяславу (его потом приписали Феодосию Печерскому и связали с Изяславом Ярославичем)⁴⁰.

В день своего патрона святого Пантелеимона (27 июля 1147 г.) Изяслав созвал в Киеве церковный собор, которому предложил без ведома патриарха поставить на митрополию «философа и книжника» Климата Смолятича из Зарубского монастыря (в земле Черных Клобуков, друзей Изяслава). Летописец приводит речи и сторонников (епископа Онуфрия Черниговского) и противников (епископов-греков Нифонта и Мануила) самовластного поставления русского митрополита. Весь рассказ носит характер протокольной записи, лишенной всяких благочестивых рассуждений и освещающий деловую сторону вопроса. Хотя здесь речь идет о церковных делах, но мы чувствуем руку светского писателя, излагающего церковно-политический сюжет.

Решающее слово осталось за князем, который поставил Климата митрополитом, а через два года, когда ему самому пришлось бежать из Киева, он увез на Волынь и своего «философа», почитателя Гомера и Аристотеля.

³⁷ Ипатьевская летопись, стр. 291.

³⁸ Там же, стр. 292—305.

³⁹ Там же, стр. 293.

⁴⁰ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 372—373.

В качестве второго примера записи совещания можно привести включенную в один из походных дневников запись совещаний по поводу судьбы побежденного Владимира Галицкого.

В королевском шатре заседают Изяслав и Владимир Мстиславичи, венгерский король Гейза II и Мстислав Изяславич.

- а) Предполагалось привести Владимира к присяге.
- б) Изяслав возражал и, очевидно, судя по предыдущему совещанию, настаивал на смерти, но летописец из деликатности не привел речи полностью.
- в) Речь короля. Он берет на поруки Владимира и отказывается убить его. Речь дана подробно.
- г) Постановили послать с крестом боярина Петра Бориславича и представителей короля.
- д) На совещании происходит чтение проекта крестоцеловальной грамоты, которую должен подписать галицкий князь.
- е) После этого выступил сын Изяслава Мстислав с горячей речью, обращенной к двум главам государств: «Аз вама молвлю, вама тако достоить, вы хрестьяньски сдеваета, оже кресту честному емлета веры и гнева ему отдаваета, но яз вама перед сим крестом молвлю честным, како того водита ко хресту, тако тому хрестьного целования съступитися. Но ты, королю, своего слова не забуди, како же еси рекл, оже Володимир сступити, то тебе у Галича стояти опять».
- ж) Ответная речь короля, подтверждающего свое обещание.
- з) Приведен окончательный текст грамоты Владимиру, несколько более жесткий, чем первоначальный вариант ⁴¹.

После совещания грамоту и крест отвезли к Владимиру Володаревичу и тот присягнул, притворяясь, что он изнемогает от ран «но ран на нем не было», возмущенно сообщает летописец ⁴². Так, просто, не ссылаясь на очевидцев, как бы от своего имени, мог сказать только участник посольства. Мы знаем, что для этой цели был выделен Петр Бориславич, имя которого мы не раз встретим в летописи.

4. Посольские отчеты. Очень важную часть летописных записей представляют включенные в летопись отчеты некоторых послов. Единообразие стиля и повторение одного и того же имени позволяют предполагать, что в данную летопись включались отчеты только одного лица — Петра Бориславича.

В 1152 г., как мы только что видели, Петру Бориславичу было поручено посольство с крестоцеловальными грамотами к Владимиру Галицкому. Год спустя, в 1153 г., тот же Петр Бориславич возил эти самые грамоты обратно к Владимиру, так как тот нарушил договор.

И. П. Хрущов и Д. С. Лихачев совершенно справедливо считают Петра Бориславича автором отчета о посольстве 1153 г. Думаю, что авторство Петра нужно расширить на весь раздел Киевского свода, названный летописью Изяслава Мстиславича, так как посольский отчет органически слит с летописью, его нельзя вырвать из общего текста. Отмеченное выше выражение летописца «но ран на нем не было» прямо свидетельствует о том, что летописец видел князя Владимира, а так как видел его Петр Бориславич, то можно допустить, что Петр и летописец — одно лицо.

Сопоставим манеру изложения посольских отчетов; из них один (безымянный) относится к началу княжения Изяслава, к 1147 г. а другой (Петра Бориславича) — к 1153 г., уже к концу его княжения.

Посольский отчет Петра Бориславича — живой рассказ, давно уже обративший на себя внимание историков литературы и русского быта.

Вначале описан обмен официальными речами посла и князя. Затем князь начал издеваться над крестом, а на возмущение посла ответил чисто по-княжески: «Вы того

⁴¹ Ипатьевская летопись, стр. 312—313.

⁴² Там же, стр. 313.

до сыти есте молвили, а ныне полези вон. Поеди же к своему князю». Петр Бориславич жаловался, что ему не дали ни коней, ни корма. Записано и то, что Владимир, увидев с переходов уезжающего Петра, посмеялся над ним. Поздним вечером, когда петухи уже пропели, и Петр лег ночевать в селе Болшеве, к нему прискакал гонец, возвращая его в Галич. Оказалось, что строптивый князь внезапно умер, а весь двор его в трауре — князь-наследник Ярослав Осмомысл и все придворные были в черных плащах и черных шапках. Новый князь изъявил вассальную покорность Изяславу «а яз по другой стороне подле твой стремь еждю всеми своими полкы»⁴³.

Посольский отчет 1147 г. тоже начинается с официального обмена речами Изяславова посла и черниговских Давыдовичей, задумавших измену.

Давыдовичи отказались целовать крест повторно, а ответная речь посла о пользе крестоцелования напоминает речь Петра о кресте же. Когда посол открыл князьям, что Изяславу известен их тайный заговор, «они же ничтоже могоша отвецати, *толико съзрешася*, и долго молчавше, и рече Володимир послу Изяславу: „Поиди вон, поседи. Опять тя взовем“»⁴⁴. В конце концов Давыдовичи отреклись от крестоцелования, и этот же посол вторично приезжал в Чернигов возвращать им крестные грамоты. Живость рассказа, упоминание о смущенных, переглядывающихся друг с другом князьях, речь о крестоцеловании — все это очень напоминает отчет Петра Бориславича.

В дальнейшем я условно буду называть автора Изяславовой летописи Петром Бориславичем, хотя доказать его авторство более убедительно удастся лишь на материале 1160 г., когда летопись писалась при дворе сына Изяслава — Мстислава.

5. **Княжеская переписка.** Единство всей Изяславовой летописи видно из того, что почти на всем ее протяжении от 1146 до 1153 г. в ней постоянно ощущается цитирование подлинных грамот, переписки князей-союзников и князей-врагов.

Заподозрить здесь эпистолярную манеру, придуманную летописцем, нельзя, так как эти документы часто повторяют уже сказанное в тексте летописи, они нередко отличаются по языку и графике от основного текста. Использованием переписки Изяславова летопись существенно отличается от всех одновременных ей. Никто кроме ее предполагаемого автора Петра Бориславича не пользовался так княжеским архивом. Кроме того, самый подбор этих грамот строго обусловлен естественными возможностями княжеского архива Изяслава Мстиславича, т. е. там нет таких грамот, реальное нахождение которых в руках Изяслава нельзя было бы объяснить. Впервые мысль об использовании летописцем подлинных грамот была высказана мною в 1948 г., еще до открытия знаменитых новгородских берестяных грамот⁴⁵. После появления берестяных грамот эта гипотеза укрепились.

3

КНЯЖЕСКИЙ АРХИВ И ЛЕТОПИСЬ

Документирование летописного рассказа подлинными материалами из княжеского архива (являющимися самостоятельными историческими источниками) представляет большой интерес и требует специального рассмотрения.

Возможно, что инициатором такого документирования был составитель новгородской «Остромировой» летописи, который вслед за собственным рассказом о бесчинствах варягов, о безвыходном положении князя Ярослава и о благородстве новгородцев вставляет подлинный (автентичный подлинной грамоте) текст «Ярославовой грамоты» — древнейшей «Русской Правды», боевого трофея новгородцев, вырванного ими у князя после победы над Святополком.

⁴³ Ипатьевская летопись, стр. 318—320.

⁴⁴ Там же, стр. 244—245 (Курсив мой.— Б. Р.).

⁴⁵ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова.—«Материалы и исследования по археологии СССР», № 11, М.—Л., 1949.

Широко применял документирование Владимир Мономах, знаменуя тем самым реформу старого монастырского летописания. Создание «Великого летописца русского» стало прежде всего великокняжеским государственным делом, и усиление достоверности, доказательности летописного повествования тоже стало одной из задач княжеского двора. Документами являются письмо Олегу, летопись «путей». То, что они написаны самим князем, не лишает их документальности. Документом является повесть Василия, вероятно, заказанная ему Мономахом, как запись очевидца, скрепленная его именем. Архивными документами, пролежавшими около 200 лет, являются договоры с Византией.

Летописно-юридическую манеру своего великого деда и отца унаследовал и Изяслав Мстиславич, князь, постоянно находившийся в сложных и острых взаимоотношениях со старшими представителями линии Мономаха (Вячеславом и Юрием Владимировичами), черниговскими Ольговичами и всемогущим киевским боярством, потомками «смысленных» вельмож эпохи Мономаха.

Предположение о включении в летопись Изяслава Мстиславича подлинных грамот из состава княжеской дипломатической переписки основывается на следующих признаках.

а) При упоминании об отправке послов с «речами» летописец всегда имеет возможность подробно передать содержание их и притом в *эпистолярной форме*. Начинаются некоторые грамоты так: «Брате! являю ти: ...», а кончаются: «... и тебе, брате, прашаю, в здоровьи ли еси и што ти тамо бог помогает?».

б) Княжеское дипломатическое письмо называлось «речью» в отличие от крестоцеловальной записи — «грамоты», но это было только юридическим отличием.

В 1151 г., когда Изяслав Мстиславич отправлял посольство к венгерскому королю, то летописец записал *устный* наказ князя, в котором упоминается, что сын Изяслава послан «с речьми». «Ве же паки тебе, брате, *молвие*: ото слеве к тебе сына своего Мстислава с речьми». Там, где описывается устная речь, применен глагол «молвить». Двое князей, отправляющих посольство, *молвят* о том, что посланы *письма* — *речи* ⁴⁶.

в) В Радзивилловской летописи, оригинал которой восходит к лицевому летописцу XII—XIII вв., гонцы и послы часто изображаются со свитками «речей» в руках.

Есть там и изображение Изяслава Мстиславича, принимающего послов от черниговских князей весной 1147 г. Послы в островерхих половецких колпаках с саблями на боку вручают великому князю свитки ⁴⁷.

г) Грамоты, включенные в летопись, иногда повторяют основной летописный текст, а иногда ссылаются на такие детали, которые нигде не упоминаются.

д) Очень важным аргументом в пользу самостоятельного существования грамот и копий с них я считаю *различие языка и орфографии* части грамот и текста летописи.

Почти все копии грамот, отправленных из канцелярии Изяслава Мстиславича, одинаковы по языку как между собой, так и с основным текстом летописи, готовившемся в той же канцелярии. Грамоты же, полученные Изяславом от разных лиц, очень разнятся по языку друг от друга и нередко расходятся с основным изложением летописи. Так, например, грамота из Смоленска дает смоленское диалектное

⁴⁶ Ипатьевская летопись, стр. 291.

⁴⁷ «Радзивилловская летопись» (фотомеханическое воспроизведение). М., 1902, л. 177. Грамота, вручаемая на этом рисунке, помещена ниже под № 1.

цокающее написание «Любечь», тогда как в основном тексте — киевская форма «Любечь». Грамоты из Чернигова часто содержат признаки местного диалекта (так называемого северско-белорусского) — «устали на рать» при киевской форме «встали». Эта же особенность есть и в отрывках новгород-северской летописи Святослава Ольговича.

В грамотах от одних и тех же лиц содержатся одни и те же присловья, например: «Мир стоит до рати, а рать до мира» дважды повторено в летописи Петра Бориславича и оба раза в составе грамот Ольговичей.

Особенно интересно то, что грамоты, отправленные Изяславу венгерским королем или польским, написаны удивительно *плохим* русским языком, выдающим иноземное происхождение писца-толмача.

е) Орфография грамот тоже иногда резко отличается от орфографии основного текста.

Так, например, престарелый князь Вячеслав злоупотреблял буквой «ѣ» и ставил ее даже в слове «еще» (ѣщѣ).

При последующем изучении языка русской летописи XII в. лингвисты должны учитывать ту пеструю мозаику, которую образуют вкрапленные в нее десятки грамот из разных концов Руси.

ж) Веским аргументом в пользу того, что Петр Бориславич подкреплял свое изложение острых конфликтов подлинными письмами князей, я считаю состав грамот.

Если бы летописец искусственно придавал своему изложению эпистолярную форму, то летопись пестрела бы псевдограмматами, придуманными по любому случаю.

Но на самом деле выписки из подлинных грамот, сохраняющие язык и орфографию оригиналов, строго соответствуют реальным возможностям княжеского архива Изяслава Мстиславича за годы его великого княжения, т. е. Петр Бориславич вписывал в летопись только то, чем действительно располагал как канцлер великого князя.

Те исключения, которые все же есть, особенно убедительно подтверждают основной вывод. В летопись включены шесть грамот, представляющих собой переписку Юрия Долгорукого со своими союзниками *в период войны с Изяславом* (грамоты № 10, 20, 24—27). Эта переписка никак *не должна* была быть известна Изяславу, и тем не менее именно его летописец приводит в своем повествовании тексты писем Юрия и его корреспондентов.

Все разъясняется, если мы обратим внимание на даты грамот — все они относятся ко времени до 1151 г., а весной 1151 г. Изяслав быстрым броском прошел в одну неделю расстояние от Волыни до Киева, опередив гонцов, так что у Юрия в Киеве «и вести не было». Юрий бежал через Днепр из загородного дворца уже на виду вражеских полков, а победитель Изяслав «много изъимоша дружины Гюргевы по Киеву». Очевидно, кроме Юрьевой дружины, он взял на «Великом дворе Ярославли» и княжеский архив Долгорукого.

Вторым исключением является грамота № 52 от Святослава Ольговича к Изяславу Давыдовичу в Чернигов. Включение ее в летопись Изяслава Киевского объясняется тем, что оба Изяслава были в это время союзниками, оба они совместно разрушили юрьев Городец на Остре, а по содержанию грамота касалась того раздела вотчин, который за пять лет перед этим производили те же Изяславы. Следовательно, письмо северского князя прямо касалось Изяслава Мстиславича, и черниговский князь, как вассал и союзник, должен был довести до его сведения претензии их общего врага. Так что нахождение этой грамоты или ее копии в архиве киевского князя вполне объяснимо.

8. Вещественным следом княжеской переписки являются многочисленные свинцовые печати XI—XII вв., уцелевшие лучше, чем те свитки, которые были ими за-

печатаны. Князю Изяславу могли принадлежать печати с изображениями Пантелеймона и Федора (патронов его самого и его отца).

По-видимому, к тайной, секретной переписке относится значительная группа печатей с надписью «Дньъслово», большую часть которых В. Л. Янин датирует эпохой Святополка Изяславича, когда действительно жизнь требовала большого количества тайных сношений⁴⁸.

Все сказанное выше позволяет считать княжескую переписку, включенную в летопись, не записью устных речей и не пересказом, а копиями подлинных архивных документов.

Далее приводятся грамоты с нумерацией их по порядку расположения в Ипатьевской летописи.

Грамоты из архива князя Изяслава Мстиславича

Грамота № 1

1147 г., август — сентябрь

Владимир Давыдович из Чернигова
Изяславу Мстиславичу в Киев.

Предложение о совместном походе на Святослава Ольговича
и Юрия Долгорукого (стр. 242—243).

«Брате! Се заял Олговичъ Святослав волость мою Вятиче. Поидиве на нь; аже и проженеве, то поидеве на Дюрдев Суждаль, любо с ним мир створим, любо ся с ним бьем».

Грамота № 2

1147 г., август — сентябрь

Изяслав Мстиславич (на походе)
Владимиру и Изяславу Давыдовичам в Чернигов
(передана самим летописцем — послом Изяслава).

Предложение вторичного крестоцелования по поводу слухов
об измене Давыдовичей (стр. 244).

«Се есмы путь замыслили велик; а то есть утверждение дед наших и отец наших; хрест есме целовали. А известимся и еще, ако на сем пути ни тяжи имети, ни которого же извета, но во правду сий путь сходити и с противными ся бити».

Грамота № 3

1147 г., сентябрь (?)

Изяслав Мстиславич из Киева
Давыдовичам в Чернигов
(передана послом-летописцем после получения
неблагоприятного ответа от Давыдовичей).

Изяслав сообщает о раскрытии заговора против него (стр. 244).

«Аже устоите у крестном целованьи, и яз вам, брата, являю: тако ми вошло во уши, оже мя ведете льстью, а ко Святославу есте хрест

⁴⁸ В. Л. Янин. Печати с надписью «Дньъслово». — «Советская археология», 1962, № 2. Могу выразить свое удовлетворение, что мне удалось убедить Янина относительно христианского патрона Изяслава — Пантелеймона (указ. соч., стр. 163). Ранее он по неясным причинам в этом сомневался. По поводу печатей «Дньъслово» Янин усомнился в переводе «скрытое, тайное слово» и предложил свой: «слово внутри, разверни и читай» (стр. 170). Обоснованию этого вывода посвящена статья в 20 страниц. Мой перевод «Дньъслово» поддержан таким лингвистом, как Ф. П. Филин.

В. Л. Янину следовало бы обратить внимание, во-первых, на то, что 46% печатей (с именами Михаила и Федора) принадлежали князьям, у которых были и другого типа печати, а во-вторых, на то, что именно эти князья Михаил — Святополк и Федор — Мстислав и могли быть заинтересованы в секретной переписке.

Въ · ꙗкоже баша на кнѣзѣхъ · ꙗко посла изяслава володимъ
равгороць · ꙗко повести слава по славоу смолеми · ꙗкоу ·

Гонцы вручают грамоты князю Изяславу Мстиславичу

целовали к Олговичю, яко на сем пути вам любо мя яти, любо убити в Игоря место; а есть ли то, братья, тако, или не тако?»

Грамота № 4

1147 г., сентябрь (?)

От Давыдовичей из Чернигова

Изяславу Мстиславичу

(вручена послу Изяслава в Чернигове).

Нарушение присяги объясняется недовольством по поводу ареста Игоря Ольговича (стр. 245).

«Брат! Целовали есме крест к Святославу Олговичю, жаль бо ны есть, брата нашего держиши Игоря, а он уже чернецъ и скимник, а пусти брата нашего, а мы подле тебе ездим; тебе бы, брате, любо ли, а быхом мы брата твоего держали?»

Грамота № 5

1147 г., сентябрь

Изяслав Мстиславич из Супоя (?)

Давыдовичам в Чернигов.

Разрыв отношений с Давыдовичами (стр. 245).

«Вы есте крест целовали ко мне до живота своего, а волости Святослави и Игореве дал вам есмь, аз же с вама и Святослава прогнал, а волость вам есмь изискал, и дал Новгород и Путивль, а жизнь есмы его взяли, а именье его разделили на части, а Игореве аз взял: се же, брата, хрест еста переступила, а семо мя повела лестью, убити мя хотяче; да буди со мною бог и сила животворящаго хреста, а како им бог даст».

Миниатура Радзивилловской летописи

Грамота № 6

Изяслав Мстиславич из Супоя (?)
 брату Ростиславу в Смоленск.

1147 г., сентябрь

Извещение о разрыве с Давыдовичами и приглашение на юг (стр. 245).

«Брате! Се Володимер, Изяслав Давыдовича, хрест к нама была целовала и думу думала поити с нама на стрья наю, и хотела со мною лестью убити мя хотяча: но бог и сила крестьяная обуявила; а уже, брате, кде есме были думали поити на стрья своего, то уже тамо не ходи, но поиди семо ко мне, а тамо наряди Новгородци и Смолняны, ать удержатъ Гюргя, и к ратником ся сли, и в Рязань, и всямо».

Грамота № 7

Изяслав Мстиславич из Супоя (?)
 киевлянам в Киев.

1147 г., середина сентября — до 19 сентября

Призыв к киевлянам принять участие в походе на Чернигов (стр. 246).

«Целовал вы князь свой: яз бях вам явил, се думал есм со братом своим Ростиславом, и с Володимиром, с Изяславом Давыдовичема, поити на стрья своего на Гюргя, и вас есмь собою вабил; и вы мне есте река: и не можем на Володимире племя руки взняти на Гюргя, но оже на Олговичи, хотя и с детми идем с тобою.

Се же вы являю: се Володимер Давыдовичъ и Изяслав, и Всеволодичъ Святослав (ему же аз много добра створих) целовали ко мне крест; ныне же целовали потай мене хрест к Святославу Олговичю, а к Гюргеви ся послали, а надо мною лесть учинили, хотели мя любо яти, любо убити про Игоря, но бог мя заступил и хрест честный, его же ко мне человали.

Ныне же, братье Кияне, чего есте хотели, чим ми ся есте обещали, поидите по мне к Чернигову на Олговичь, доспевайте от мала и до велика, кто имеет конь, кто ли не имеет коня, а в лодьи — ти бо суть не мене одного хотели убити, но и вас искоренити».

Грамота № 8

1147 г., сентябрь

Ростислав Мстиславич (близ Любича)
брату Изяславу в Переяславль.

Извещение о взятии Любеча и уговор о встрече братьев на юге (стр. 251).

«Брат ти молвить, сожди мене, яз ти есмь сде Любець пожегл, и много воевал, и зла есмь Олговичем много створил; а видиве оба по месту, что нам бог явить».

Грамота № 9

1148 г., март (?)

Изяслав Мстиславич из Киева
брату Ростиславу в Смоленск.

Сообщение об удачной войне с Давыдовичами и Ольговичами (стр. 255).

«Брате! Являю ти: на Олговичи есми ходил к Чернигову и на Олгове поли есми стоял, и много есмь им зла учинил, землю их повоевал есмь, и ту ко мне не возмогоша выйти битися полком.

И оттуду идохом к Любчю, и ту к нам приехаша, и разииде ны с ними река, и нельзе бы ны ся с ними тою рекою битися полком, и на ту ночь бысть дождь велик и бе на Днепре лед лих, того дея поидохом на ону сторону.

И тако бог и святая богородица и сила животворящего креста приведены в здоровьи в Киев.

И тебе, брате, прашаю, в здоровьи ли еси и што ти тамо бог помогает?».

Грамота № 10

1148 г., март (?)

Давыдовичи и Святослав Ольгович из Чернигова
Юрию Долгорукому в Суздаль (?)

Упреки по поводу пассивности Юрия как союзника и угроза расторгнуть договор (стр. 255).

«Ты еси нам хрест целовал, ако ти поити с нами на Изяслава, се же еси не пошел, а Изяслав пришед за Десною города наша пожегл и землю нашу повоевали; а се пақы Изяслав пришед опять к Чернигову, став на Олгове поле, ту села наша пожгли оли до Любча, и всю жизнь нашу повоевали; а ты ни к нам еси пошел, на Растислава еси наступил.

Ныне же оже хоцещи поити на Изяслава, а поиди, а мы с тобою, не идеши ли, а мы есмь в хрестном целованьи прави; а не можем мы одини ратью погыбати».

Грамота № 11

1148 г.

Давыдовичи и Ольговичи из Чернигова (?),
княжеский снем
Изяславу Мстиславичу в Киев.

Предложение о мире (стр. 256).

«То есть было преже дед наших и при отцих наших, мир стоять до рати, а рать до мира

Ныне же на нас про то не жалуй, оже есмы устали на рать: жаль бо ны есть брата своего Игоря, а того есмы искали, абы ты пустил брата нашего.

Аже уже брат наш убит, а пошел к богови (а тамо нам всим быти) а то богови правити; а мы доколе хочем Рускую землю губити? а быхом ся уладили».

Грамота № 12

1148 г.

Изяслав Мстиславич из Киева
Давыдовичам и Ольговичам в Чернигов.

Извещение о том, что окончательный ответ на предложение о мире будет дан после обсуждения с Ростиславом (стр. 256).

«Братъе! То добро есть хрестьян блюсти, а вы есте были на сонме, а яз дослю брату Ростиславу и с тым паки угадаю и послеве послы свое к вам».

Грамота № 13

1148 г.

Изяслав Мстиславич из Киева
брату Ростиславу в Смоленск.

Извещение о том, что Давыдовичи и Ольговичи просят мира (стр. 256).

«Се братья прислалися ко мне: Володимир, Изяслав Давыдовича, и Святослав Ольговичъ, и Святослав Всеволодичъ, мира прося. а яз паки гадаю с тобою — а како будетъ обеими нами годно. Годно ли ти мир? аще зло нам суть створили, но се мира ищуть у наю; паки ли рать годно — а яз на тебе укладываю».

Грамота № 14

1148 г.

Ростислав Мстиславич из Смоленска
брату Изяславу в Киев.

Ответ на письмо № 13; если Ольговичи забудут вражду, то лучше мириться, а если нет — то воевать (стр. 256—257).

«Брате! Кланияю ти ся, ты еси мене старей, а како ты угадаеши, а яз в том готов есмь; аже, брате, на мне честь покладываешь, то яз бых, брате, тако рекл: Руских дея земля и хрестьян дея, то яз люблю, брате, мир лепле

Ты были на рать вестали, што успели?

Ныне же, брате, хрестьян дея и всее Руской земли умирися; но оба ать ворожду про Игоря отложить и паки того не створять, что же хотели учинити, а того лишатся, то мирися; паки ли им про Игоря ворожду имети, то лепле с ними в рати будучи, а како ны с ними бог даст».

Грамота № 15

1148 г., лето.

Изяслав Мстиславич из Киева
Давыдовичам и Ольговичам в Чернигов
(с посольством епископа Федора).

Согласие на мир при условии «ворожду про Игоря отложить» (стр. 257).

«Вы еста ко мне хрест целовала на том, оже вы брата Игоря не искасти, и того еста състушила и досыти ми пересердия учинила еста; ныне же всего того не поминаю, Руския дея земля и хрестьян дея: аже есте ко мне прислалися мира дея и о том ся каете, што есте хотели учинити, ныне же целуйте на том хрест, оже вы про Игоря ворожды не имети, ни того учинити, што есте хотели преди учинити».

Грамота № 16
Владимир Давыдович из Чернигова
Изяславу Мстиславичу в Киев.

1149 г., вскоре после 24 июля

Сообщение о том, что Юрий Долгорукий вторгся в землю Вятчей (стр. 262).

«Се Гюрги, стрый твой, идетъ на тя, а уже есть вшел в наше Вятче, а мы есме к тебе хрест целовали с тобою быти; а являю ти, присторавайся».

Грамота № 17
Изяслав Мстиславич из Киева
Владимиру Давыдовичу в Чернигов.

1149 г., вскоре после 24 июля

О посольстве к Святославу Ольговичу (стр. 262).

«Брате, бог ти помози, акоже и сам молвишь: хрест есмы целовали, яко всим нам быти за один; ныне же, брате, се мужь мой, а ты пристави свой мужь, послеве же ко Святославу Ольговичю».

Грамота № 18
Изяслав Мстиславич из Киева
Святославу Ольговичу в Новгород-Северский.

1149 г., после 24 июля

Напоминание об обязательстве совместной борьбы против Юрия Долгорукого (стр. 262).

«Хрест есмы, брате, на том целовали, оже быти вам со мною. А се, брате, стрый мой грядеть на мя, а, брате, доспевай, како же Володимир доспеваеть Изяслав, брат его».

Грамота № 19
Изяслав Мстиславич из Киева
Святославу Ольговичу в Новгород-Северский.

1149 г., конец июля

Вторичное напоминание о крестоцеловании (см. № 18, стр. 263).

«Брате, хрест еси чьстный целовал ко мне, ако со мною быти, а вражду еси про Игоря отложил и товары его; ныне же, брате, сего ли дозрев то поминаеши, оже стрый мой на мя ратью идетъ? Ныне же ци хресту чьстному управити, якоже еси целовал; буди со мною, не хоцещи ли быти со мною, а ты уже хрестное челование переступил; а яз есмь бес тебе и на Волгу ходил, а це что ми было? а ныне абы со мною бог был и хрестная сила».

Грамота № 20
Владимир и Изяслав Давыдовичи из Чернигова
Юрию Долгорукому (около Старой Белой Вежи).

1149 г., конец июля

Отказ от союза с Юрием (стр. 264).

«Ты еси был к нама хрест целовал, а Изяслав пришед землю нашу повоевал и по Задесню города наша пожегл; а ныне целовала есве крест к Изяславу Мьстиславичю, с теми же хочеве быти, а душою не можеве играти».

Грамота № 21

Изяслав Мстиславич из Киева
брату Ростиславу в Смоленск.

1149 г., конец июля — начало августа

Просьба к брату выступить в поход, как было условлено ранее (стр. 264).

«Се есве угадала тако, аже Гюрги проминеть Чернигов, а тебе пойти ко мне; ныне же уже, брате, Гюрги проминул Чернигов, а поиди, ать оба видиве по месту, што нам бог даст».

Грамота № 22

Юрий Долгорукий — р. Трубеж под Переяславлем
Изяславу Мстиславичу в лагерь на Трубеже (под Переяславлем).

1149 г., воскресенье, 21 августа

Предложение мира при условии выделения Переяславля сыну Юрию (стр. 266).

«Се, брате, на мя еси приходил и землю повоевал, и старешиньство еси с мене снял; ныне же, брате и сыну, Рускыя деля земля и хрестыян деля, не пролейве крови хрестыянскы, но дай ми Переяславль, ать посажу сына своего у Переяславли, а ты седи царствуя в Киеве; не хочеши ли того створити, а за всим бог».

Грамота № 23

Венгерский король Гейза II из Венгрии
Изяславу Мстиславичу во Владимир Вольнский.

1149 — начало 1150 г.

(после 25 декабря 1149 г.)

О посылке отряда в 10 000 венгров и о действиях короля против галицкого князя (стр. 269).

«Се ти пуцаю полкы своя, а сам хочю поступити под горы Галичскаго князя, не дати же ся ему двигнути, а ты ся прави с ким ти обида есть; аче ти ся полкы иструдять, а яз сильнейши пуццю другыя, паки ли, а сам всяду на коне».

Грамота № 24

Вячеслав Владимирович из Пересопницы
брату Юрию Долгорукому в Киев.

Начало 1150 г. (?)

(после декабря 1149 г.)

Сообщение о замыслах Изяслава Мстиславича и приглашение приехать на Вошьнь (стр. 269—270).

«Се Угри уже идутъ, а Лядьсции князи вселе уже на коне, а Изяслав ти уже доспеваетъ; любо дай Изяславу чего ти хочеть, паки ли, амо поиди полкы своими ко мне, заступи же волость мою; Изяслав ми то молвить: «ты ми буди в отца место, поиди сяди же в Киеве, а с Гюргем не могу жити; не хочеш ли мене в любовь прияти, ни Киеву поидеши седеть, яз хочю волость твою пожечи». Ныне же, брате, поеди, а видеве оба по месту, что нам бог дастъ, любо добро, любо зло; паки ли, брате, не поедеши, на мя не жалуй, аже моей волости пожжене быти».

Грамота № 25 Начало 1150 г.

Польские князья Болеслав и Индрих и венгерские воеводы из Чемерин на Олыче (Волынь) Вячеславу и Юрию Владимировичам в Пересопницу.

Предложение мира на условиях удовлетворения требований Изяслава Мстиславича о возврате новгородских и иных даней (стр. 270).

«Вы нам есте в отца место, а се ныне заратилася есте своим братом и сыном Изяславом; а мы есмы по бозе все крестьяне, одна братья себе, а нам подобаесть всим быти с себе, а мы межи вами того хотим, абы бог дал вы быста уладилася с своим братом и сыном Изяславом; а быста выседела в Кieve, сама ся ведаюча, кому вама приходить, а Изяславу о се его Владимирь готов, а се его Луческ, а што его городов ать седить в том, ать онамо к Новугороду Великому ать взворотить Гюрги дани их вси»

Грамота № 26 Начало 1150 г.

Вячеслав и Юрий Владимирович из Пересопницы Болеславу польскому, Индриху и венгерским воеводам.

Просьба уйти из Русской земли и не вмешиваться в усобицы (стр. 271).

«Бог помози зятю нашему Болеславу, и сынови нашему Индрихове, оже межи нами добра хочете; но обаче оже ны ся велите мирити, то не стойте на нашей земли, а жизни нашей ни сел наших не губите, но ать Изяслав поидеть в свой Володимирь, а вы в свою землю поидите; а ве ся с своим братом и сыном Изяславом сами ведаимы».

Грамота № 27 1150 г., январь — февраль

Владимир Галицкий из Полоного Вячеславу и Юрию Владимировичам под Луцк.

Хода тайство за Святослава Всеволодича (стр. 273—274).

«Бог поставил нас волостели, в мечь злодеем и в добродетель благочестивым; то како можем молитися к создавшему нас: отце наш, остави нам прегрешения наша, якоже мы оставляем прегрешения наша?»

Сыновець ваю Святослав, акы от ваю рожен, перед вами не творится прав, но кланяється и милости ваю хочеть; аз же не прост есмь ходатай межи вами: ангела бог не сослеть, и пророка в наше дни нетуть, ни апостола».

Грамота № 28 1150 г., февраль (?)

Изяслав Мстиславич из Пересопницы Вячеславу и Юрию Владимировичам в Пересопницу.

О возврате холопов и коней, захваченных в бою 23 августа 1149 г. (стр. 275).

«Се, брате, на том есмы хрест целовати, кому свое познаваючи имати; ныне же, брате, оже хочещи хресту управити, то дай ны бог пожити, не хочещи ли управити, а то узрим».

Грамота № 29

1150 г., март

Изяслав Мстиславич из Владимира Волынского

Вячеславу и Юрию Владимировичам в Киев.

Вторичная просьба о возврате захваченного (со ссылкой на письмо № 28, стр. 275).

«Брата еста моя! хрест еста целовала на том, ако моего что есть, то исправити; се же, брата, первое есми слал к вам и ныне любо на чем хрест еста целовала, то управита; не хочета ли того всего исправити, то яз в обиде не могу быти».

Грамота № 30

1150 г., весна

Глеб Юрьевич из Пересопницы

Изяславу Мстиславичу на Стубль близ Пересопницы.

Просьба отпустить его к отцу, Юрию Долгорукому (стр. 275—276).

«Ако мне Гюрги отець, тако мне и ты отець, а яз ти ся кланяю; ты ся с моим отцем сам ведаеш, а мене пусти к отцю и целуй ко мне святую богородицю, ако мене не примеш, но пустиши мя к отцю своему; а яз к тебе сам поеду и поклоню ти ся».

Грамота № 31

1150 г., весна

Изяслав Мстиславич с южной окраины Киева

Вячеславу Владимировичу на Ярославов двор в Киеве.

Предложение покинуть Киев (стр. 276).

«Яз есмь позывал тебе Киеву седеть, а ты еси не восхотел; а нынеци сего еси дозрел, оже брат твой выехал, а ты ся садиши в Киеве? Ныне же поеди Вышегород свой».

Грамота № 321150 г., перед Дмитровым днем,
до 26 октября

Изяслав Мстиславич из Владимира Волынского

Венгерскому королю Гейзе II

(с посольством Владимира Мстиславича).

Просьба о помощи в связи с тем, что Владимир Галицкий и Ольговичи выгнали его из Киева (стр. 282).

«Ты ми еси сам рекл, акоже Володимер не смеет головы склонити; яз же есмь Гюргя ис Киева выгнал и Гюрги передо мною бегаеть, и Володимер, пришед, свечався со Олговичи и погнал мя ис Киева; ныне же, брате, якоже ми еси сам верекл, полези же на коне».

Грамота № 33

1150 г., до 26 октября

Король Гейза II из Венгрии

Изяславу Мстиславичу во Владимир Волынский.

Сообщение о выступлении в поход (стр. 282).

«Аз ти есмь с братом твоим с Володимером отседе уже пошел, а ты поиди оттоле скупяся весь; а ведал ся будеть Володимер кого заем».

Грамота № 34

1150 г., после 26 октября (?)

Король Гейза II из Венгрии
Изяславу Мстиславичу во Владимир Волинский
(с посольством Владимира Мстиславича).

Сообщение о войне с византийским императором и обещание послать отряд в 10 000 воинов (стр. 283).

«Царь на мя Грецкый встает ратью, и сее ми зимы и весны нелзе на конь к тебе всести, но обаче, отце, твой щит и мой не разно еста, аче ми самому нелзе, а помочи коли хочеши, 10-ли тысячь, болша ли, а то ти послю; а оже бог даст лете, то я в твоей воли есмь; а тогда своя обиды помьстиве, а како нам бог даст».

Грамота № 35

1150—1151 г., зима

Изяслав Мстиславич из Владимира Волинского
венгерскому королю Гейзе II
(со вторым посольством Владимира Мстиславича).

Ответ на письмо № 34. Просьба прислать тот отряд в 10 000 воинов, о котором писал король (стр. 284).

«Оже царь встал ратью, акоже ти с ним бог даст, оже ти самому нелзе, а помочь ми пусти, какоже ми еси сам рекл, а мне бог помочник на Гюргя и на Олговиче, и на Галичкого князя; оже, брате, твоя обида, то не твоя, но моя обида, паки ли моя обида, то твоя».

Грамота № 36

1150—1151 г., зима

Владимир Мстиславич из Венгрии
брату Изяславу Мстиславичу во Владимир Волинский.

Извещение о выступлении венгерского союзного войска (стр. 284).

«Брату своему зять наш корол пустил ти 10 тысячь, и тако ти молвить: кде твоя обида, а се ти полци, тамо же с ними еди своя доля обиды мщать; а ты, брате, доспев седи».

Грамота № 37

1151 г., февраль — март (?)

Владимир Мстиславич из Белгорода
брату Изяславу Мстиславичу в Воздвижень.

Донесение о выполнении приказа занять Белгород (стр. 288).

«Аз ти в Бельгород въехал, а Борис выбегл, а вести у Бориса не было, ни у Гюргя нету вести; а поеди вборзе».

Грамота № 38

1151 г., февраль — март

Изяслав Мстиславич из Киева
Вячеславу Владимировичу в Вышгород.

Приглашение «княжить» в Киеве (стр. 289—290).

«Отце, кланяются. А что ми бог отца моего Мистислава отъял, а ты ми еси отец, ныне кланяются, съгрешил есмь и первое, а того ся каю; а изнова коли ми бог дал победити Игоря у Кыева, а яз есмь на тебе чести не положил, а потом коли у Тумаща; ныне же, отце, того всего каюся пред богом и пред тобою, оже ми, отце, того отдаси ты, то и бог ми отдасть; ныне же, отце, осе даю ти Киев, поеди, сяди же на столе деда своего и отца своего».

Грамота № 39

1151 г., февраль — март

Вячеслав Владимирович из Вышгорода
Изяславу Мстиславичу в Киев.

Ответ на письмо № 38. Благодарность за приглашение и признание вассальной зависимости (стр. 290).

«Сыну, бог ти помози, оже на мене еси честь възложил, то аще бы ты и давно тако учинил, то ци мене еси почестил, бога еси почестил; аже дееши: ты мой еси отець, а ты мой и сын, у тебе отца нету, а у мене сына нетуть, а ты же мой сын, ты же мой брат».

Грамота № 40

1151 г., март

Вячеслав Владимирович из Вышгорода
Изяславу Мстиславичу в Киев.

Юридическое оформление киевского дуумвирата (стр. 290—291).

«Сыну! бог ти помози, оже на мене еси честь възложил, акы на своем отци; а яз паки, сыну, тебе молвлю: яз есмь уже стар, а всих рядов не могу уже рядити, но будеве оба Киеве; а что нам будеть который ряд или хрестьяных или поганных, а идеве оба по месту, а дружина моя и полк мой, а то буди обою нама, ты же ряди, а что кде нам будеть мочно обеима ехати, а оба едеве, паки ли а ты езди с моим полком и с своим».

Грамота № 41

1151 г., март

Изяслав Мстиславич из Киева
королю Гейзе II в Венгрию
(с возвращающимся венграми).

Благодарность за помощь и извещение о посылке особого посольства «с речьми» (стр. 291).

«Бог ти помози, брате, оже нам еси тако помогл, толико можеть так учинити брат роженный или сын отцю, како же ты нама еси учинил; ве же паки тебе, брате, молвие: ото слеве к тебе сына своего Мьстислава с речьми».

Грамота № 42

1151 г., март

Вячеслав Владимирович и Изяслав Мстиславич из Киева королю Гейзе II
(с посольством Мстислава Изяславича).

Благодарность за помощь и просьба о продолжении союза (стр. 291—292).

«Ты нама еси тако учинил, якоже можеть так брат роженный брату своему, или сын отцю, акоже ты нама помогл; ве же паки, брате, собе молвие: нама дай бог нерозделно с тобою быти ни чимже, но а что твоя обида кде, а нама дай бог ту самем быти за твою обиду, или паки братьею своею, или с сынеми своими и полкы своими, а нама ся тебе нечим откупити сему, толико главою своею, акоже, ты нама еси створил; ныне такоже свое дело сверши добро, самого тебе не зовем, занеже царь ти ратен, но пусти нам помочь, любо такую же, паки а сильнейшу того, пусти нам с братом своим Мьстиславом, а с наю сыном, занеже Гюргий есть силен, а Давыдовичи и Олговичи с ним суть, а что и Половци дикей с ним, а и тыи золотом узводить; ныне же, брате, сее весны помози нам, дажь

будеве сее весны ве порозна, а ве будеве с своими полкы тебе в помочь, паки ли ся ты от царя управиши, а ты буди нам помощник; а все ти скажутъ твои мужи и брать твой Мьстислав, како ны бог помогл, а паки како ся по нас яла Руская земля вся и Чернии Клобуци».

Грамота № 43

1151 г., конец марта

Вячеслав Владимирович из Киева
Ростиславу Мстиславичу в Смоленск.

Извещение о дуумвирате и приглашение на снем
в Киев (стр. 292).

«Се, брате, бог скупил нас по месту с твоим братом, а с моим сыном Изяславом, а се паки добыв Руской земли, и на мне честь положил и посади мя в Киеве; а яз, сыну, тебе молвлю: како мне сын брат твой Изяслав, тако ми ты; а яз ти молвлю, сыну, потрудиися к нама семо, ать вси видим по месту, што ны бог явить».

Грамота № 44

1151 г., конец марта

Изяслав Мстиславич из Киева
брату Ростиславу в Смоленск.

Извещение о дуумвирате и приглашение на снем в Киев
(стр. 292).

«Ты ми еси, брате, много понуживал, якоже положити честь на стрей своем и на отци своем; се же ныне бог привел мя в Рускую землю и добыл есм стрей своего и твоего Киеве, тебе доля и всея доля Руския земля; а аз паки тебе, брате, молвлю: тамо по бозе у тебе сын твой и мой Новгороде Ярослав, а тамо у тебе Смоленск, тоже, брате, все урядив тамо, поиди же к нам семо, ать вси по месту видим, што явить ны бог».

Грамота № 45

1151 г., воскресенье, 29 апреля

Вячеслав Владимирович из Киева
брату Юрию Долгорукому в Василев.

Изложение обид на младшего брата, нарушавшего
принцип старшинства (стр. 297—298).

«Аз есмь, брате, тебе много молвил и Изяславу, обеима вама, не пролейта крови хрестьяньскы, ни погубита Рускы земле, того вас есмь бороня и не правил себе, оже мя переобидила, и первое и другое и бещестье на мене еста положила, а полкы имею, а силу имею и бог ми дал; но яз, Руския доля земли и хрестьян доля, того всего не помянул.

Но и еще то вам есмь явил, оже Изяслав еда бится с Игорем, тако молвить: „Яз Киева не собе ищю, но оно отець мой Вячслав брат старей, а тому его ищю», а то ти молвить бится еда, а и бог ему помогл, а он же Киев себе и еще над темь и Туров и Пинеск у мене отнял, то ти Изяслав мя тем приобидил.

А ты паки, брате, поеди Переяславлю с Изяславом бится, такоже молвиши: «Аз Киева не собь ищю, оно у мене брат старей Вячслав яко и отець мне, а тому его ищю», а бог ти помогл, а ты же Киев себе, и еще над темь Пересопницю и Дорогобужь еси у мене отъял, а ты мя тако переобидил, а мне еси Вышегород один дал.

Яз же того всего не правил, Руския доля земля и хрестьян доля, и еще ваю есмь устыгывал, а вы мене не слушаета, то ти ни мене еста не управила, еже рекша, но богови.

И то ми еси молвил: „еспротиву моложьшему не могу ся поклонити“; се же Изяслав аче и двоича ступил слова своего, се же ныне добыв Киева и поклонил ми ся, и честь на мне положил, и в Киеве мя посадил, и от-

цем мя назвал, а яз его сыном; дажь еси рекл: „моложьшему ся не поклоню“, да се яз тебе старей есмь не малом, но многом, аз уже боро-дат, а ты ся еси родил; паки ли хочещи на мое старишьство поехати, яко ты еси поехал, да бог за всим».

Грамота № 46

1151 г., воскресенье, 29 апреля

Юрий Долгорукий из Василева
брату Вячеславу в Киев.

Ответ на письмо № 45. Предложение племянникам Изя-славу и Ростиславу уехать в свои домены (стр. 298).

«Яз ся тебе, брате, кланяю; тако право есть, ако то и молвиши: ты мне еси яко отець; аже ся хочещи со мною рядити, ать поедеть Изяслав Володимирию, а Ростислав Смоленську, а ве ся сама урядиве».

Грамота № 47

1151 г., воскресенье, 29 апреля

Вячеслав Владимирович из Клева
брату Юрию Долгорукому в Василев.

Просьба к Юрию ограничиться своими вотчинами — Росто-вом, Переяславлем — Курском—и сохранить мир (стр. 298).

«У тебе сынов 7, а яз их от тебе не отгону, а у мене одина два сына, Изяслав и Ростислав, а инии моложьшии суть же; но я, брате, тебе молв-лю, Рускы дея земля и хрестьян дея, поеди же у свой Переяславль и в Курск, и с своими сыны, а онамо у тебе Ростов великий, и Олговичи пусти домови, а сами ся урядим, а крови хресть янескы не пролеймы; паки ли по своему замыслу поидеши, ако же еси и поехал».

Грамота № 48

1151 г. Получена в среду 2 мая

Мстислав Изяславич из Венгрии
отцу Изяславу Мстиславичу близ Василева.

Сообщение о том, что союзные венгерские войска уже прошли Карпаты (стр. 300).

«Сын ти ся кланяеть и тако молвить: се ти являю, корол, зять твой, пустил ти помочь, ака же николи же не бывала, многое множество, а уже есмь с ними прошел Гору; аже ти будем вборзе надоби, а послити про-тиву к нам, ать мы борже пойдем».

Грамота № 49

1151 г., среда, 2 мая

Изяслав и Ростислав Мстиславичи и Вя-чеслав Владимирович близ Василева
Мстиславу Изяславичу в Карпаты.

Просьба ускорить движение союзных венгров (стр. 300).

«Се уже мы идем на суд божий, а вы нам, сыну, всегда надоби; а потщитесь како боле могуче».

Грамота № 50

1151 г., до 24 июля

Вячеслав Владимирович и Изяслав
Мстиславич из-под Переяславля
Юрию Долгорукому в осажденный Пере-яславль.

Требование покинуть Русь и удалиться в Суздаль (стр. 306).

«Кланяеве ти ся, иди Суждалю, а сына посади Переяславли, не можем с тобою быти сде, приведеш на ны опять Половци».

Грамота № 51

1151 г., 24 июля

Вячеслав Владимирович и Изяслав Мстиславич из
Переяславля Юрию Долгорукому?

Вторичное требование уйти в Суздаль и отказаться от притязаний на Киев (стр. 306).

«Ты нам брат еси, пойди же в свой Суздаль, аже Городка деля молвиши, то за сий месяц за один перепочив, пойди же в свой Суздаль; не пойдешь ли, а мы также пришедше своими полкы станем около Городка, якоже и сде стоимы; но на том целуй хрест, яко ти в том во всем устояти и Киева под Вячеславом и под Изяславом не искати».

Грамота № 52

1151 г., после 24 июля

Святослав Ольгович из Новгорода-Северского
Изяславу Давыдовичу в Чернигов.

Просьба справедливо поделить отчины (стр. 307).

«Брате! мир стоит до рати, а рать до мира; а ныне, брате, братья есмь себе, а прими нас к себе; а се отцине межнма два, одина моего отца Олга, а другая твоего отца Давыда, а ты, брате, Давыдовичь, а яз Ольговичь; ты же, брате, прими отца своего, Давыдово, а што Олгово, а то нама дай, ать ве ся темь подиливе».

Грамота № 53

1151 г., осень?

Изяслав Мстиславич
королю Гейзе II в Венгрию.

Об одновременном нападении на Галицкое княжество (стр. 307).

«Се Володимер Галичский дружину мою и твою избил есть; ныне же, брате, гадай о семь, нама на себе сего не дай (бог) положити, но дай бог мьстити того и своей дружины, а ты, брате, доспевай у себе, а яз зде, а како нам с ним бог дасть».

Грамота № 54

1152 г., март

Король Гейза II из Венгрии
Изяславу Мстиславичу в Киев.

Благоприятный ответ на письмо № 53 (стр. 308).

«Отце! кланяются, прислал еси ко мне про обиду Галицкого князя, а яз ти зде доспеваю, а ты поспевай же; не положиве того на себе, но како нам с ним бог дасть».

Грамота № 55

1152 г., весна, понедельник

Владимир Галицкий из Перемышля
венгерскому королю Гейзе II
(через архиепископа и воевод).

Просьба не выдавать его Изяславу (стр. 310—311).

«Молитися о мне королеви, ранен есмь велми, а яз ся как того королю, оже есмь тебе сердце вередил, и паки оже противу стал тебе; ныне же, королю, бог грехы отдавает, а ты ми сего отдай, а не выдай мене Изяславу, зане болен есми велми; да аще мене бог пойметь, а сына моего прими к себе; и то ему помянуть мужи, рекуще ему: отец твой бяше слеп, а яз отцю твоему досыти послужил своим копием и своими полкы, за его обиду, и с Ляхы ся есмь за нь бил; а помяни на мне то, и сего ми отдай».

Грамота № 56
Владимир Галицкий из Перемышля
Изяславу Мстиславичу (на снем).

1152 г., весна, вторник

Просьба простить ему его вины и принять как вассала
(стр. 311).

«Брате! кланяются и каюся своєю вины, зане аз виноват есмь; ныне же, брате, прими мя к собе и отдай ми и короля понудь, а ть мя приметь, а мне дай бог с тобою быти».

Грамота № 57
Венгерский король Гейза II из-под Перемышля
Владимиру Галицкому в Перемышль.

1152 г., весна, вторник

Требование присяги и верности Изяславу (стр. 311—312).

«На том ти целовати хрест, яко что Руских городов то ти все възворотити, и с Изяславом быти и его ся не отлучити ни [в] добре ни в лисе, но всегда с ним быти».

Грамота № 58
(проект письма)
Изяслав Мстиславич и король Гейза II из-под Перемышля
Владимиру Галицкому в Перемышль
(читан на снем).

1152 г., весна, вторник

Условия крестоцелования (стр. 312).

«Се прислался еси к нама, а се нама дал тя был бог и волость твою, по твоей винѣ; ныне же ти ве гнева отдаево, и волости под тобою не отъимаево; но на том целовати ти хрест, што Руской земли волости, то ти възворотити все, и Изяслава ти ся не отлучити, но на всех местех с ним быти».

Грамота № 59
(окончательный текст письма,
утвержденный на снем).
Изяслав Мстиславич и венгерский король
Гейза II из-под Перемышля
Владимиру Галицкому в Перемышль.

1152 г., весна, вторник

Об условиях крестоцелования (стр. 313).

«Прислался еси к нама и своєю вины каешися, тебе ти того всего отдаваево и волости под тобою не взимаево; но на том целуй хрест чьстный, что за тобою городов Руских, то ти все възворотити, и Изяслава ти ся не отлучати до живота своего, доколеже еси жив, но с ним быти на всех местех».

Грамота № 60
Изяслав Мстиславич из Киева
венгерскому королю Гейзе II.

1152 г., лето

Извещение о нарушении крестного целования Владимиром
Галицким (стр. 313).

«Тобе ся уже не ворочати, ни мне, но толико являю ти, оже есть съступил Володимер хрестного целования; но ты толико не забывай своего слова, еже еси рекл».

Изяслав Мстиславич из Киева
брату Ростиславу в Смоленск.

О совместных действиях против Юрия Долгорукого (стр. 314).

«Тамо, брате, у тебе по бозе Новъгород силный и Смолнеск, а скупив-ся постережи же земле своя; юже Гюрги пойдеть на тя, а яз к тебе пойду, не пойдеть ли к тебе, а поминеть твою волость, пойдй же ты семо ко мнѣ».

Изяслав Мстиславич из Киева Влади-
миру Галицкому в Галич
(с посольством Петра Бориславича).

Требование выполнять условия договора (стр. 318).

«Крест еси к нама с королем целовал на том, яко что Руской воло-сти, то ти все воротити, и того еси всего не управил; ныне же аз того не поминаю всего, но оже хоцещи хрестьному целованию управити и с нама быти, то узвори моя города, на них же еси к нама с королем крест целовал, не хоцещи ли дати, то съступил еси крестьного целова-ния; а се твое грамоты крестьные, а нама с королем с тобою како бог даст».

Летописец Изяслава Мстиславича Петр Бориславич привел в летописи своего князя 62 грамоты и еще несколько грамот кратко пересказал. Грамоты были отправлены князем из разных мест и адресовались корреспонденты Изяслава тоже на разные города: на Киев, Переяславль, Владимир Волынский. Отпадает предположение, что летописец мог использовать *киевский* архив. Это был личный архив князя; он, очевидно, ездил вместе с князем и его канцлером-летописцем.

Половина всех грамот — это «отпуска», копии грамот, отправленных Изясла-вом разным лицам; другая половина — грамоты, присланные Изяславу. Есть ряд грамот взаимосвязанных — нам иногда известно не только письмо, но и ответ на него.

По годам грамоты распределяются так:

1147 г. — 8	1151 г. — 18
1148 г. — 6	1152 г. — 8
1149 г. — 6	1153 г. — 1
1150 г. — 8	

При рассмотрении всех грамот рождается следующий вывод: *подбор* грамот из всего княжеского архива подчинен главному замыслу летописца, но текст каждой отдельной грамоты приводился *без искажений*, даже если кое-где в отобранной гра-моте и содержались неместные для Изяслава Мстиславича фразы.

Все это проистекало из взгляда на летопись, как на отчет князя, как на сборник фактов и материалов, которые должны были убеждать собратьев князей и их бояр-ские думы в правоте Изяслава, чтобы «говорить летописцем» во время споров.

Сама летопись становилась документом, так как все ее составные части могли быть проверены другими юридическими сторонами — каждый князь, очевидно, хра-нил в своем архиве дипломатическую переписку, все полученные им грамоты и копии своих грамот, отосланных в разные адреса.

Текст грамот был достоверен, и тенденциозность летописца могла сказаться только на подборе грамот. Шесть десятков грамот за шесть лет — это, конечно, толь-

ко небольшая часть всей переписки, отобранная Петром Бориславичем в соответствии с его задачами.

По содержанию, а отчасти и хронологически, все грамоты можно разбить на восемь групп.

Документирование летописного рассказа началось в связи с необычным преступлением, приписываемым Изяславу Мстиславичу — убийством своего троюродного дяди Игоря Ольговича 19 сентября 1147 г. Задача Изяславова летописца состояла в том, чтобы обелить своего патрона, показать предполагаемым читателям летописи те опасности, которые угрожали самому Изяславу, доказать нарушение клятв и договоров родичами убитого.

Первые 19 грамот 1147—1148 гг. почти полностью посвящены вопросам клятвопреступлений Ольговичей, Давыдовичей и Юрия Долгорукого.

В грамотах № 5, 6 и 7 Изяслав уверяет, что черниговские князья собирались убить на походе его, Изяслава. Все эти грамоты датированы временем до убийства Игоря в Киеве.

Само убийство Игоря для нас загадочно. Не подлежит сомнению, что Ольговичи, друзья половцев, не пользовались симпатиями киевлян. Но все обстоятельства дела и в глазах современников и в наших глазах (хотя мы смотрим сквозь призму благорасположенного к Изяславу летописца) бросают тень на Изяслава.

Постриженный в монахи Игорь Ольгович находился в Киеве, в Федоровском монастыре. Изяслав задумал поход на Юрия Долгорукого и Святослава Ольговича, но кияне не особенно поддержали его. Тогда, оставив в Киеве пятнадцатилетнего брата Владимира и новопоставленного митрополита Климента, своего любимца, Изяслав ушел на Супой и оттуда разослал ряд грамот, в том числе и грамоты, обвиняющие Давыдовичей в покушении на него.

Грамота № 7 — воззвание к киевлянам — является по существу подстрекательством к решительным действиям. Очень осторожно, в расчете на будущих читателей и судей Игорь здесь не назван, но дух воззвания весьма определенный: «Братья Кияне!... Досевайте от мала и до велика, кто имеет коня, кто ли не имеет коня, а в лодьи — ти [Давыдовичи и Ольговичи] бо суть не мене *одиного хотели убити, но и вас искоренити!*». Воззвание достигло цели, кияне убили Игоря и пошли в поход на его родичей. Мотивировка убийства Игоря была историческая: надо опасаться повторения 1068 г., когда Всеслава освободили из тюрьмы.

Летописец приводит несколько записей (может быть, опросов очевидцев), которые должны доказать, что наместник князя, юный Владимир, самоотверженно защищал Игоря. Один рассказ начинается: «И скочи Володимир с коня и огню и [Игоря] корзном...». Другой рассказ: «... и пригна Володимир Мьстиславличъ и скочи с коня, паде на Игоря...»⁴⁹.

Петр Бориславич приложил много усилий к тому, чтобы снять обвинение со своего князя, но обвинение звучало довольно громко. И в летописи Святослава Ольговича прямо написано: «То нам ворог всим Изяслав — *брата нашего убил!*»⁵⁰. Вот ради опровержения таких обвинений Петр и включил в летопись почти два десятка подлинных документов, которые не снимают прямо этой вины, но убедительно говорят о криводушии врагов Изяслава, родичей Игоря.

Вторая группа грамот (1149—1150 гг.) связана с войной против Юрия. Единственная грамота самого Юрия Долгорукого (№ 22) ничего хорошего по отношению к Изяславу не содержит. Дядя упрекает племянника в агрессивности, в неуважении к старшинству. Петр Бориславич решил привести ее, очевидно, лишь потому, что там содержалась одна чрезвычайно важная фраза, написанная Юрием: «а ты [Изяслав] седи, *царствуй в Киеве*». Через шесть дней после получения этого письма Изяславу пришлось бежать из Киева и впервые уступить стольный город Юрию Долгорукому. Грамота была включена в летопись как доказательство того,

⁴⁹ Ипатьевская летопись, стр. 248.

⁵⁰ Там же, стр. 264.

что был такой момент, когда сам Юрий признавал за Изяславом право царствовать в Киеве.

Грамоты из трофейного архива Юрия подобраны так, что документируют или клятвопреступление Долгорукого (№ 10), или переход вассалов от него к Изяславу (№ 20), или хорошее отношение Изяслава к старику Вячеславу. Письмо Владимира Галицкого приведено, чтобы подчеркнуть высокопарность стиля и фарисейство автора.

Третью группу составляет переписка Изяслава с Вячеславом по поводу установления дуумвирата в 1150 г. в Киеве.

Четвертая группа — переписка 1150—1151 гг. с венгерским королем Гейзой II о присылке помощи для борьбы с Юрием Долгоруким. Интересен красочный стиль королевских писем: «Твой щит и мой не разное еста!». Здесь же, после победы Изяслава и угров, есть грамоты Вячеслава о разделе власти с племянником (№ 40).

Пятую группу составляет переписка Вячеслава (соправительствовавшего с Изяславом) с Юрием по поводу старшинства. Большой интерес представляет грамота № 45, в которой Вячеслав со стариковской многословностью и брюзгливостью пересказывает свои обиды младшему брату. Особенно он был обижен тем, что Юрий, младший по рождению брат, отказался поклониться ему, как младшему (в феодальном смысле): «даже еси рекл: „моложьшему ся не поклоню“, да се яз тебе старей есть не малом, но многом, аз уже бородаг, а ты ся еси родил!». Состарившийся неудачник, без войск, без реальной силы, получивший призрачную власть из рук племянника, Изяслав не мог понять, что физическое старшинство не значило уже ровно ничего.

Шестая группа (1151 г.) близка к предыдущей — это переписка с Юрием, но уже от имени обоих дуумвиров.

Особую группу составляет обмен грамотами, выработка черновых и окончательных вариантов совместного послания Изяслава и короля Гейзы о судьбе побежденного Владимира Галицкого (1152 г.).

И, наконец, следует выделить переписку двух братьев — Изяслава и Ростислава Мстиславичей, которая рассеяна по всем годам и группам.

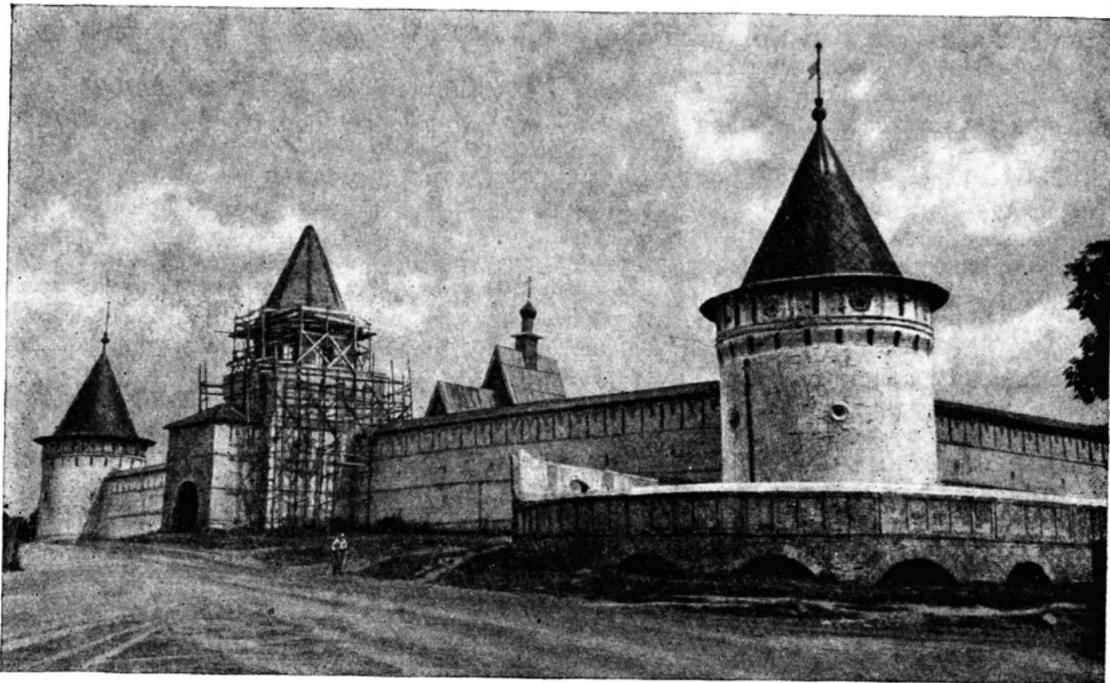
Братья жили дружно, всегда были в союзе и информировали друг друга обо всем, что касалось их общих дел. К такой же деловой, а не дипломатической, переписке относятся отдельные записки Владимира Мстиславича или Мстислава Изяславича.

Петр Бориславич тонко и умело пользовался княжеским архивом и документировал подлинными грамотами наиболее ответственные разделы своей великокняжеской летописи.

4

ПЕТР БОРИСЛАВИЧ, БОЯРИН-ЛЕТОПИСЕЦ

Общими чертами всех частей летописи Изяслава Мстиславича являются, во-первых, постоянная симпатия автора к князю (ослабевающая лишь тогда, когда князь не слушал разумных советов киевского боярства), к его брату Ростиславу и сыну Мстиславу; во-вторых, превосходное и глубокое знание военного дела и личное участие летописца в походах; в-третьих, наличие таких документов, как переписка князей, протокольные записи снемов, дум и церковного собора; в-четвертых, внимание к феодальной терминологии (определение сюзеренитета и вассалитета, коммодации); в-пятых, хороший язык и литературный стиль, отсутствие наивного провиденциализма, крайняя незначительность церковной терминологии; в-шестых, сосредоточенность внимания на военно-государственной стороне деятельности князя в ущерб его личной семейной или хозяйственной жизни.

**Ипатьевский монастырь, в котором хранилась знаменитая Ипатьевская летопись
[современный вид]**

Князь Изяслав Мстиславич представлен в летописи умным, расчетливым правителем, постоянно советующимся с родичами, боярами и всей дружиной. Раскрывая впервые в истории русского летописания всю подготовку кампаний и ход сражений, летописец заботится именно о том, чтобы никто не мог упрекнуть его князя в нераспорядительности; с этой целью читателю предъявлен целый том архивных документов большой, убедительной силы. Летописец поступает как опытный начальник генерального штаба, документирующий и обосновывающий поступки главнокомандующего.

Князь в изображении автора благороден, рыцарственен и храбр. Он заботится о своей дружине, о ее землях и «жизни». Летописец приводит афоризмы князя, нередко слышанные им лично. Несколько раз летописец называл великого князя *царем* (вспоминая, очевидно, о титуле, приобретенном еще Ярославом Мудрым), уравнивая тем самым киевского князя с императорами Византии и Священной Римской империи.

С большим литературным талантом Петр Бориславич (если он был автором летописи) использует фразы, группируя их в своем тексте по принципу антитезы. Ему нужно, например, наиболее выпукло показать читателю разницу между благородством Изяслава и низостью Владимира Галицкого. Это делается так: описывая путь Изяслава в Киев, автор нарочито подчеркивает радость населения. Дорогобужцы вышли навстречу с крестом, князь сказал им приветливое слово. Корчане «с радостью поклонились ему»; затем мичане поклонились ему: «Ты — наш князь».

Все это композиционно очень напоминает разобранный выше рассказ об избрании Изяслава «киянами», Черными Клобуками и белгородцами. А вот как изображен поход через эти же города князя Владимира. Летописец, во-первых, заставляет галицкого князя хвалить своего победителя Изяслава, а во-вторых, повествует о

том, что в Мичске и других городах жадный князь обобрал все серебро, снимая серьги из ушей и шейные гривны.

Выгораживая Изяслава, летописец прибегает к приему умолчания. Все другие летописцы называли Изяслава убийцей Игоря Ольговича, а Петр Бориславич свалил всю ответственность на пятнадцатилетнего Владимира Мстиславича, оставшегося в Киеве. На совете под Перемышлем только из ответной речи короля мы узнаем, что Изяслав требовал смерти своего врага, а речь самого Изяслава, где звучало это требование, летописцем не приведена.

Тот исторический портрет, который создал летописец, вполне соответствует панегирической характеристике Изяслава Мстиславича, которая была известна В. Н. Татищеву, но неизвестно откуда им взята: «Сей князь великий был честен и благоверен, славен в храбрости. Возрастом мал, но лицом леп, власы краткие, кудрявы, и брада малая круглая. Милостив ко всем, не сребролюбец, и служащих ему верно прерогато награждал, о добром правлении и правосудии прилежал, был же любочестен, и не мог обиды чести своей терпеть, владел 8 лет и 3 месяца, всех лет жил 58. По нем стались три сына: Мстислав в Переяславле, Ярослав во Владимире и Ярополк при матери»⁵¹.

Был только один вопрос, в котором княжеский летописец позволял себе иметь особое мнение. Это вопрос о взаимоотношениях князя с киевской боярской аристократией. Представив читателю в 1146 г. Изяслава Мстиславича как боярского избранника, ставя всегда ему в заслугу заботу о мужах, подчеркивая его последующие связи с «княнами», десятки раз упоминая о думах с мужами, автор летописи не прощал своему князю пренебрежения к совету бояр. Потерю великого княжения в 1149 г. Петр Бориславич объясняет исключительно тем, что Изяслав не слушал мудрых советов своих мужей: речь шла о том, воевать или мириться с Юрием Долгоруким. Как и всегда, этот автор использует эпический прием троекратного повторения.

1. Епископ Ефимьян (дело происходит в Переяславле) со слезами умоляет Изяслава Мстиславича мириться, «он же не восхоте, надеясь на множество вои»⁵².

2. На заседании думы одни мужи удерживали от боя, а другие «понуживають его», князь предпочел послушать вторых.

3. Бой чуть-чуть не разгорелся, но Юрий отошел с поля в лагерь. На заседании думы старшая часть думы продолжала удерживать, а другая — подстрекать. Изяслав снова послушал младших и проиграл битву. Летописец не пощадил здесь князя и описал тяжесть поражения и бегство Изяслава «сам-третий» в Киев. Верный себе автор довершил картину позора: Изяслав и Ростислав собрали «княн» и просили у них помощи, но «княне» твердо и решительно отказались и попросили великого князя оставить великое княжение. «Господина наю князя. Поедита в свои волости... аже по сих днех кде узрим стяги ваю, ту мы готовы ваю есть»⁵³.

Три года назад «княне» возвели Изяслава на стол в обход старшинства, а теперь, когда он вышел из их воли и по его вине погибли отцы и братья «княн», они сместили его с великокняжеского стола.

Летописец с такими взглядами, очевидно, сам принадлежал к боярскому кругу. Все, что мы знаем о нем, полностью это подтверждает.

⁵¹ В. Н. Т а т и щ е в. История российская с самых древнейших времен, кн. III. М., 1774, стр. 82—83.

⁵² Ипатьевская летопись, стр. 266.

⁵³ Там же, стр. 268.

По всей вероятности, в первоначальном своем виде летопись Изяслава Мстиславича не ограничивалась только рамками его великого княжения. Описание похода на Полоцк в 1128 г. составлено совершенно в стиле Петра Бориславича, с большим вниманием к военным деталям и стратегической широтой.

В Лаврентьевской летописи (в которую, может быть, через Переяславскую летопись проникла часть творчества Петра) сохранилась привязанная к этим полоцким событиям легенда о княгине Рогнеде и ее сыне, первом Изяславе среди русских князей. Напомню, что Изяслав Мстиславич провел в Полоцке несколько лет.

Следы отрывков личной летописи есть и в заметках 1135, 1141, 1143 гг., не вяжущихся с остальным текстом.

После смерти Изяслава в 1154 г. летопись сохраняет тот же стиль до конца короткого княжения Вячеслава Владимировича в том же 1154 г. После вокняжения Ростислава Мстиславича стиль Киевского свода резко меняется, так как хронику великого княжения начинает вести печерский игумен Поликарп.

Вновь старая манера Изяславова летописца во всем ее блеске появляется на страницах Киевского свода тогда, когда великим князем стал сын Изяслава Мстислав в 1168—1169 гг.

Снова мы видим его излюбленный прием антитезы. На этот раз противопоставлены друг другу два князя: один из них — Мстислав Изяславич — образец мудрого и властного правителя, пекущегося о благе всей Русской земли, а другой — дядя его и соперник Владимир Мстиславич — князь самонадеянный, *не слушающий своих бояр*. На этих двух характеристиках резко обрывается творчество боярина-летописца и сразу страницы летописи наполняются елейным тоном церковной хроники.

Вот красочный рассказ о плохом князе. Сначала летописец во всех подробностях рассказывает о том, как Владимира Мстиславича уличили в заговоре, как в Печерском монастыре был устроен суд с вызовом послухов, завершившийся новой присягой Владимира. Самый процесс крестоцелования описан в форме диалога сюзерена и вассала. Однако скоро Владимир, надеясь на помощь Берендеев, не советуясь с боярами, а просто известив их о своих замыслах, «переступил крест».

Далее следует одно из самых блестящих полемических произведений XII в., облеченное в форму мнимо бесстрастного изложения фактов.

Бояре, хорошо известные киевские бояре Рагуйло Добрынич, Михаль и Завид, гордо и независимо ответили Владимиру: «О собе еси, княже, замыслил. А не едем по тебе — мы того не ведали»⁵⁴.

Летописец продолжает сгущать краски — князь-клятвопреступник дерзнул пренебречь мнением боярства: «Володимир же рече, возрев на децкы: „а се будут мои бояре“». В глазах боярина-летописца такой поворот дела был примерно так же незаконен, как и в глазах А. М. Курбского переход от Избранной рады к опричнине.

Далее летописец, не жалея пергамента, изображает наказание беззаконника: Владимир прибыл к своим союзникам Берендеям. Когда берендейская знать увидела князя покинутым его союзниками и боярами, то стала издеваться над ним: «Ты говорил нам, что другие князья с тобою, а где они? Ты ездить один, без бояр, а нас только обманываешь. Так нам лучше стрелять в чужую голову, чем в свою». Вслед за тем происходит неслыханное: «свои поганые» начинают расстреливать русского князя, претендента на великокняжеский стол. Две стрелы попали во Владимира; князь ускакал, признавая, что он «уже погинул и душою и жизнью». Окружавшие его младшие дружинники — «детские», которых он так самонадеянно выставил оплотом своей власти, были перебиты Берендеями.

⁵⁴ Ипатьевская летопись, стр. 367.

Боярин-летописец не без злорадства рисует далее трагическую картину тысячевостного бегства князя: Владимир бежит к Дорогобужу, а затем с женой и двумя детьми пытается перейти границу Волыни, но здесь перед ним подняли мост и не пустили.

Тогда семейство неудачливого князя отправилось в противоположную сторону, в радимичское Полесье, здесь он оставил жену и детей, а сам добрался до Суздаля. Андрей Боголюбский выслал людей сказать ему, чтобы он шел в Рязань... В это время и его мать была изгнана великим князем из Киева: «Иди в Городок, а оттуда — камо тебе годно». Так два феодальных преступления — нарушение вассальной верности и попытка заменить родовитых бояр «детскими» — привели к такому печальному концу для всего рода этого князя.

Все обилие подробностей в этом рассказе оправдано не важностью самих событий, а той ролью, какую они играли в художественном изложении политической темы.

А вот рассказ этого же автора о хорошем князе Мстиславе Изяславиче. Если Владимир проскакал через всю Русь от Волыни до Рязани, как гонимый изгой, то Мстислав заботится о всей Руси, о ее безопасности от половцев, о торговых путях к Черному морю. Этот князь созывает вассалов на думу, произносит речи в духе Мономаха, а по форме похожие на «Слово о полку Игореве»:

«А лепо ны было братье...
Поискати отец своих и дед своих
пути и своей чести»⁵⁵.

Под знаменами великого князя пошли двенадцать крупнейших князей «и иных мнози». Победа у днепровских порогов и огромный полон («якоже всим руским воем наполнится до избытка и колодники и чагами и детми их, и челядью, и скоты, и конми...») заставили войско с триумфом вернуться в Киев на первый день пасхи. Вскоре Мстислав задумал повторение этого похода, чтобы обезопасить нижнее течение Днепра («Гречник и Залозник»). Войска пяти князей отправились в поход, дошли до Канева... Но здесь вдруг летописный рассказ обрывается. Мы не знаем конца этого похода и нигде дальше уже не увидим в Киевском своде руки этого талантливого летописца, продолжателя Мономаха и предшественника автора «Слова о полку Игореве». Летопись далее вел какой-то церковник:

«Искони же вселукавый дьявол, не хотяй добра всякому хрестьяну и любви межи братею; начаста молвити Бориславича Петр и Нестер зле речи на Мстислава к Давыдови, лжюча: занеже бяше *Мстислав*, озлобив я отпустил от себе про ту вину, оже бяху холопи ею [Бориславичей] покрале коне Мстислави у стаде и пятны свое всклали, рознаменяюще»⁵⁶.

Очень важно отметить, что летопись Изяслава и его сына, ведшаяся на протяжении сорока лет и предположительно связанная мною с именем боярина Петра Бориславича, оборвалась точно на том самом месте, где князь Мстислав Изяславич, «озлобив» Петра Бориславича, отдалил его от себя.

В Киевском своде 1199 г. мы больше ничего не узнаем о судьбе Петра Бориславича. Можно только вспомнить, что в 1151 г. в Киеве упоминается «двор Бориславль». Возможно, что владелец двора — отец Петра Бориславича?

Интересные подробности о Бориславиче сообщает Никоновская летопись и Татищев. В 1169 г. войска, посланные Андреем Боголюбским, осадили Мстислава Изяславича в Киеве.

«Пришедшим же им и ставшим около града Киева, и снимахуся полки и бяхуся крепко зело. Окаяннии же бояре Киевстии *Петр Бориславичь*

⁵⁵ Ипатьевская летопись, стр. 368.

⁵⁶ Там же, стр. 369—370.

и Нестер Жирославичь, и Яков Дигеневичь начаша коромолити и тайно съсылатися со князем Мстиславом Аньдреевичем и со иными князи, како предати им град Киев».

Через три недели Петр Бориславич с товарищами указали полководцам Андрея «некрепкое место града» и содействовали взятию Киева суздальцами⁵⁷. Если эти сведения достоверны, то они завершают характерным штрихом биографию боярина-дипломата и историка, своего рода Андрея Курбского XII столетия.

Краткое и поневоле беглое рассмотрение литературно-исторического творчества талантливого писателя XII в., каким мы вправе считать Петра Бориславича, невозможно закончить без упоминания о *ценнейших дополнениях к тексту Ипатьевской летописи*, которые имеются во второй и третьей книгах «Истории» В. Н. Татищева, являющейся своеобразным, последним по счету, летописным сводом.

Долгое время, с легкой руки Н. М. Карамзина, существовало скептическое отношение к Татищеву. Настала пора изменить это отношение и начать тщательно изучать богатое наследие историка, как печатное, так и рукописное.

Рассматривая труд Татищева как своего рода свод, мы можем выделить для XII и начала XIII вв. целый ряд дополнений по сравнению с Ипатьевской летописью. Критический подход Татищева к источникам, строгость в отборе и передаче сведений, фактографический характер ряда дополнений (имена, даты, детали расположения войск и т. п.) позволяют отнестись с доверием к его данным.

Одну группу дополнений, как известно, составляют подробные рассказы о волыньских делах в первые десятилетия XII в. Возможно, что это — отрывки летописания князя Андрея Владимировича.

Для начала XIII в. Татищев, используя исчезнувшую впоследствии Еропкинскую летопись, приводит подробный рассказ о полоцких делах. Для этого же времени Татищевым дана серия полулегендарных отрывков, описывающих отдельные эпизоды из жизни Романа Мстиславича в качестве великого князя киевского. Из Хрущовской рукописи им взят приписанный Роману проект федерального устройства Руси с выборным великим князем.

Основную массу дополнений составляют сведения о княжении Изяслава Мстиславича и его сына Мстислава (1146—1169 гг.). Эти дополнения восполняют пропуски, имеющиеся в дошедших до нас списках, подробнее раскрывают ход некоторых событий (например, битвы на Сане в 1152 г.) и дают много новых сведений об Изяславе и Мстиславе. В смысле политической ориентации эти татищевские дополнения полностью согласуются с той частью Ипатьевской летописи, которая может быть возведена к летописи Петра Бориславича: резкая антипатия к Юрию Долгорукому и Святославу Ольговичу, недоверие к черниговским Давыдовичам и Владимиру Галицкому.

Боярская олигархическая тенденция летописи усилена в своде Татищева введенными в текст речами мудрых старых бояр: тысяцкого Улеба, тысяцкого Азария Чудина и других. Иногда появляется резкая критика действий князя, пренебрегшего советом боярской думы (1149 г.).

В качестве примера сопоставлю тексты Ипатьевской летописи и Татищева. В первой части этой выписки Татищев дает добросовестный перевод летописи с небольшими пояснениями. Продолжение текста (отсутствующее в Ипатьевской летописи), порицающее Изяслава, представляется мне принадлежащим перу Петра Бориславича, но дописанным, может быть, уже спустя значительное время после событий 27 августа 1149 г., возможно даже, после ссоры Петра с Мстиславом Изяславичем в 1168 г.

⁵⁷ «Никоновская летопись». — «Полное собрание русских летописей», т. IX, СПб., 1862, стр. 237—238; В. Н. Т а т и щ е в. Указ. соч., кн. III, стр. 165.

[Киевляне обращаются к Изяславу и Ростиславу Мстиславичам, проигравшим бой с Юрием Долгоруким]:

«Господина наю князя! Не погубита нас до конца. Се ныне отци наши и братья наша и сынове наши на полку — они изоимани, а друзии избьени и оружие снято.

А ныне, ать не возмутъ нас на полон; поедита в свои волости. А вы ведаета, оже нам с Гюргем не ужити. Аже по сих днеш кде узрим стягы ваю, ту мы готовы ваю есмы».

Изяслав же и Ростислав угадавша и розъехастася: Изяслав же обратився, с женою и с детьми поеха Володимирю, а Ростислав иде Смоленську.

Изяслав же и митрополита Клима поя с собою.

«Господа наши князи! Ежели хотите, чтоб мы в конец погibli и раззорились, то биться еще за вас несколько будем, но понеже лучшие люди наши в бою побиты и по пленены или без коней и оружия возвратились, иные в разные места разбежались: того ради просим вас, чтоб вы нас к последней погibili не приводили, сами пойдите в свои области Владимир и Смоленск и тамо старайтесь войска собирать.

Мы же довольно ведаем, что нам с Юрием не ужиться, и когда вы войска соберете, тогда можете паки сюда притти. Мы же как скоро полки ваши увидим, будем готовы тогда возможную помочь вам учинить».

И тако положиа немедленно Изяслав взяв княгиню с детьми и митрополита с собою, отъехал во Владимир, а Ростислав в Смоленск.

Тако познал Изяслав высокоумие свое сколько вредно презирать советы старых, последовать умам молодых и неискусных в воинстве людей, которые более умеют о богатом убранстве, яко жены и о лакомой пище и питии рассуждать, нежели о войне.

Они бо не видя неприятеля и не смея к нему приблизиться, побеждают и добычи делят и таковые у неразумных князей более милости и чести нежели храбрые воины и мудрые советники получают.

Но когда беда приключится, тогда в них ни ума, ни верности нет; страхом объаты, яко трость, ветром колеблема, не знают где самим деваться и учиня худо, на невинных свою вину и безумство возлагая, паче оскорбляют.

Считать это дополнение сочинением В. Н. Татищева, всю жизнь боровшегося с «верховниками», нет решительно никаких оснований.

Выше уже приводились обстоятельства, предшествовавшие неудачной битве с Долгоруким: Изяслава отговаривал епископ, дружина (очевидно, старшая) отговаривала, но князь рвался в бой. Уже стрельцы завязали бой, когда состоялась последняя дума; все старшие по-прежнему стояли за мир, но князь, подстрекаемый неразумными, вступил в сечу и ускакал из нее сам-третий. Петр Бориславич в ле-

тописи все время укорял Изяслава за невнимание к мудрым советам. Приведенная Татищевым концовка лишь развивает мысли Петра, резюмирует печальный итог двухлетнего великого княжения совершенно в духе предисловия игумена Ивана к своду 1093 г. Здесь такая же апология «смысленных», высшего киевского боярства, как и в Печерской летописи XI в., и такое же пренебрежение к «уным», не владеющим тайнами военного успеха. Если князь идет против воли боярства, то по воле боярства он теряет великое княжение.

Большой интерес представляют характеристики русских князей XII в., помещенные у Татищева. Здесь дается портретное описание внешности, рассказано о моральных качествах и действиях князя как правителя. Иногда характеристика дается от первого лица (1147 г.), что определяет автора как современника Изяслава Мстиславича и Петра Бориславича.

К сожалению, в нашей научной литературе до сих пор нет глубокого исследования степени достоверности этих интереснейших характеристик, и поэтому использование их в качестве историко-литературного материала может быть лишь условным. Рукописные редакции и печатный текст Татищева кое в чем отличаются по содержанию ряда характеристик.

При будущих исследованиях княжеских описаний нельзя пройти мимо следующих фактов.

Все вообще характеристики и оценки, приведенные у Татищева, группируются в два цикла, а каждый цикл имеет свои стержневые линии: первый цикл (1113—1170 гг.) объединен фигурами Изяслава Мстиславича и его сына Мстислава; второй цикл (1170—1211 гг.) — фигурой Романа Мстиславича. В особых конкретных условиях 1162—1170 гг. складывались характеристики Ростислава Мстиславича и Андрея Боголюбского.

Все характеристики первого цикла очень точно соответствуют всем оценкам, данным Петром Бориславичем в его летописи; кто положительно описан в летописном повествовании, тот здесь охарактеризован как хороший человек, правитель и полководец.

Можно сказать иначе: оценки, приведенные у Татищева, построены, как летопись Петра Бориславича, с позиций князя Изяслава Мстиславича и самого летописца Петра Бориславича. Сам князь, его родичи и союзники описаны положительно, а все его враги — отрицательно.

Положительные оценки

Владимир Мономах
Мстислав Владимирович
Изяслав Мстиславич
Мстислав Изяславич

Отрицательные оценки

Святополк Изяславич
Всеволод Ольгович
Игорь Ольгович
Юрий Долгорукий

Именно такое распределение положительных и отрицательных героев мы находим и в летописи Петра Бориславича до ссоры с Мстиславом и до 1169 г., пока Петр и другие «окаянные бояре» не перешли на сторону войск Андрея.

Возможно, что такое совпадение точек зрения автора оценок и Петра Бориславича позволит, во-первых, предположительно отождествить их, а во-вторых, датировать составление *первого цикла* временем около 1168 г., когда Мстислав Изяславич уже был великим князем (а в этом цикле даны только характеристики *великих* князей киевских) и еще не «отогнал» от себя Петра Бориславича за поступок с конями.

В перечень положительных и отрицательных оценок я не ввел из этого цикла только оценку Ростислава Мстиславича, так как она содержит и те и другие черты.

Похвалив князя Ростислава за почитание духовенства, автор добавляет: «О воинстве и судах не радел: того ради в воинстве мало щастия имел и в судах тиуны его мздою богателись и было от них убогим утеснение»⁵⁸.

Дело в том, что сын Изяслава Мстислав, летописцем которого был, так сказать, по наследству, Петр Бориславич, неоднократно ссорился после смерти отца с дядей своим Ростиславом. Первый раз он послал дяде «тяжкы речи» по поводу митрополита Климента в 1159 г., а три года спустя, когда Ростислав был уже великим князем, «поеха Изяславич Мстислав из Киева, розгневавъся на стръя своего на Ростислава и много речи вѣста межи ими».

И вот в оценке князя Ростислава мы видим резкое осуждение его управления и организации войска.

Автор первого цикла оценок охватил своим взглядом великих князей от 1113 г. до 1168 г. Благодаря его описаниям мы видим живых людей с их характерными чертами.

Святополк Изяславич — высокий, сухой старик с прямыми черными волосами, болезненный и худой, узкобородый, с острыми глазами, хорошей памятью, сребролюбивый и скупой, часто терпевший поношения от князей за свою наложницу.

Владимир Мономах, несмотря на свою огромную силу, был невысок, но красив: кудрявые рыжеватые волосы, открытый лоб, большие глаза; он, по мнению автора, обладал всеми достоинствами правителя.

Таким же был и его сын Мстислав, «великий правосудец».

Характеристика самого Изяслава Мстиславича уже приводилась выше.

Братья Ольговичи были совсем не похожи друг на друга. Описание Всеволода Ольговича является настоящим памфлетом: «Сей великий князь ростом был муж велик и вельми толст; власов мало на главе имел, брада широкая, очи не малые, нос долгий».

Мудр был в советах и суждениях для того, кого хотел — того мог оправдать или обвинить. Много наложниц имел и более в веселиях, нежели расправах упражнялся, чрез сие киевляном от него тягость была великая, и как умер, то едва кто по нем кроме баб любимых заплакал, а более были ради, но при том более еще тягости от Игоря, ведая его нрав свирепый и гордый, опасались»⁵⁹.

Фреска в фамильном Кирилловском монастыре Всеволода — Кирилла Ольговича в Киеве, которую считают изображением этого князя, дает нам портрет, очень близкий к описанному. Как мы помним, былина о Чуриле — Кириллу текстуально близка к татищевской оценке.

Описание Игоря Ольговича интересно тем, что автор говорит там о себе в первом лице.

«Часто мне с ним случалось в церкви петь, когда он был во Владимире» (в первой рукописной редакции: «Почасту пехом во церкви, егда бе во Владимире»).

Это значит, что автор был современником Игоря и бывал во Владимире Волынском, отчине Изяслава Мстиславича.

Далее об Игоре говорится, что он был любителем псовой и соколиной охоты, «читателем книг и в пении церковном учен». Среднего роста, сухой и смуглый, с маленькой узкой бородкой, он сохранил тюркские черты своей матери-половчанки.

Памфлетом является и описание Юрия Долгорукого: «Сей великий князь был роста не малого, толстый, лицом белый, глаза невелики, великий нос долгий и накривленный, брада малая».

Великий любитель жен, сладких пиц и питья, более о веселиях нежели о расправе и воинстве прилежал; но все оное стояло во власти и смотреии вельмож его и любимцев. И хотя несмотря на договоры и справедливости многие войны начинал, оба-

⁵⁸ В. Н. Татищев. Указ. соч., кн. III, стр. 151.

⁵⁹ Там же, кн. II, стр. 281.

че сам мало что делал, но больше дети и князи союзные. Для того весьма худое щастие имел и три раза от оплошностей своей Киева изгнан был. По смерти отца своего Владимира Мономаха получил в удел Белую Русь, а по смерти Изяслава взошел на престол всея Руси, и в Киеве скончался.

Он имел от двух жен 11 сынов»⁶⁰.

Взятые все вместе татищевские характеристики делают весьма вероятным предположение, что автором их был Петр Бориславич, написавший их по припоминаниям в 1160-е годы.

Соединение данных Татищева, Никоновской и Ипатьевской летописей позволяет нам по-новому осветить как фигуру реального Петра Бориславича, так и предположительно связываемую с его именем хронику княжений Изяслава и Мстислава. Это был летописец нового типа, сочетавший большой литературный блеск с умением документировать рассказ подлинными материалами.

Петр Бориславич — не только наблюдательный дипломат, но только владелец холопов и конских табунов, но он — близкий родственник епископа Федора Ростовского, объявленного еретиком за несогласие с князем, он, наконец, не простой боярин, а киевский тысяцкий.

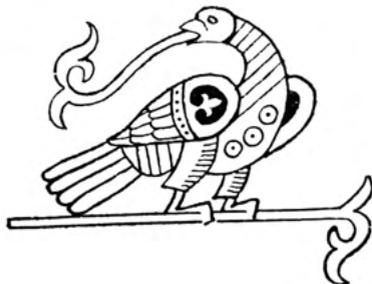
Литературное произведение Петра Бориславича состояло, по-видимому, из двух слоев. Первый основной слой составляет официальная летопись — отчет, написанный с привлечением материалов княжеского архива в ту пору, когда киевское боярство, остановив свой выбор на Изяславе Мстиславиче, начало строить свою Киевскую землю, одно из десяти русских княжеств середины XII в.

Второй слой — дворцовые легенды и анекдоты (например о Рогнеде, о полоцком тиуне Прохоре и др.), портретные характеристики князей и политические памфлеты, возможно, с вымышленными именами (например, мудрый боярин Громило, поучающий Долгорукого) — памфлеты, направленные против врагов киевского боярства, — охватывает более широкое время (1120—1160-е годы) и более широкий круг тем. Сложился этот второй слой, очевидно, в 1160-е годы, когда главные герои уже сошли со сцены.

Возможно, что и резкая критика с позиций боярской аристократии некоторых своевольных действий князя (наличие которой трудно допустить в княжеском экземпляре летописи) тоже относится к этому же второму слою, возникшему тогда, когда уже наметились боярско-княжеские противоречия и конфликты 1160—1200-х годов.

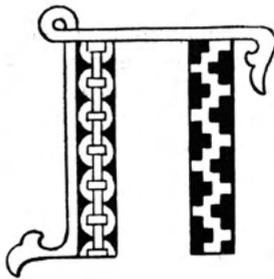
Петр Бориславич, был, пожалуй, первым идеологом русского боярства эпохи феодальной раздробленности. В своем умном и талантливом произведении он, современник Кирилла Туровского и Климента Смолятича, отразил интереснейший этап развития русской общественной мысли накануне появления «Слова о полку Игореве».

⁶⁰ В. Н. Татищев. Указ. соч., кн. III, стр. 103.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПРОИЗВЕДЕННЫЙ ОБЗОР, далеко не полный и недостаточно подробный, показал, что в применении к Древней Руси очень трудно провести грань между источниковедением и историографией; быть может, эта грань для той эпохи и не особенно нужна.

Большинство источников следует рассматривать историкографически, выясняя позицию тех древних авторов, которые позволяют нам заглядывать в истоки родной истории только лишь через призму их мировоззрения, их исторической концепции, их политических взглядов.

Исключительно важно было рассмотреть наравне с привычными нам письменными источниками, субъективными по своей природе, народную оценку эпох и событий, отраженную в эпической поэзии.

Первый эпический жанр — племенные сказания — сложился, * вероятно, в эпоху создания первых грандиозных укреплений на юге Киевщины, постройка которых воспевалась как дело мифического героя, бога Рода — Озириса. Позднее, во «время Бусово» и «время Киево», воспевались племенные князья, павшие в борьбе с готами или прославившие себя постройкой городов и далекими походами за Дунай к «тропе Трояней». Обрывки этого эпоса эпохи военной демократии прослеживаются в русских былинах, в украинских легендах, в летописях, в «Слове о полку Игореве», в адыгейских сказаниях об антах и в византийских хрониках. Время этого жанра — примерно от V в. до н. э. и до VII в. н. э. В XII в. еще помнили эти древние сказания; ими пользовался Нестор и автор «Слова о полку Игореве».

Хронологическое соотношение эпических жанров примерно таково:

1. *Племенные сказания.* Время сложения — от середины I тыс. до н. э. до VI—VII в. н. э.; время бытования — до XII в.

2. *Былины.* Время сложения — от IX в. до начала XIII в.; время бытования — до XX в.

3. *Исторические песни.* Время сложения — от XIII до XVI в.; время бытования — до XX в.

Рассмотрение русских былин в связи с теми историческими событиями X—XII вв., которые послужили основой былинных сюжетов, показало нам, что былины — отнюдь не фантастические произведения с произвольными героями и вымышленной средой.

Былины — героические песни, сложенные современниками, иногда самими участниками реальных исторических событий и отобранные для передачи потомству.

Творцом героического эпоса являлся сам народ, осуществлявший героическую борьбу с постоянно угрожавшими Руси степняками.

Построение хронологического ряда былинных сюжетов X—XII вв. позволяет нам рассмотреть былины *историографически*, как сумму народных взглядов на большой и важный исторический период в жизни русского народа.

Без привлечения былинной поэзии не может быть построена ни история Киевской Руси, ни история русской общественной мысли, так как нельзя удовлетворяться лишь односторонними, классово ограниченными оценками исторических событий, оставленными придворными летописцами и церковной литературой.

Будучи исторически осмыслен, русский былинный эпос может стать неопенимым историческим источником, но, разумеется, не для восстановления канвы событий, а для изучения *народных оценок* тех или иных периодов, отдельных событий и лиц.

Для правильного марксистского понимания русского былинного эпоса необходим исторический подход к нему в самом широком смысле слова: во-первых, сопоставление всего фонда устной словесности со всем фондом письменных источников X—XIV вв.; во-вторых, расположение былинных сюжетов в хронологическом порядке для того, чтобы выявить «периоды воспевания» и «периоды молчания» и объяснить их.

Кроме того, для каждой эпохи необходимо совершенно отчетливо представлять себе расстановку прогрессивных и регрессивных сил. Для основной былинной эпохи (X—XII вв.) нужно учитывать прогрессивность феодализма и основного слоя феодального класса — боярства.

Создание второго эпического жанра — былин, по всей вероятности, хронологически и по существу связано с новым качеством славянского общества, когда отдельные союзы племен стали сливаться в единое государство — Русь. Наиболее ранние былины («Смерть Кашея», «Иван Годинович и Михайло Поток») можно отнести к IX—X вв. Уже в середине X в. первый сюжет — кашеева смерть от заклятия вещей птицы — был изображен на священном княжеском ритоне из Чернигова. Былина о Михайле Потоке могла отражать первое проникновение христианства на Русь в 860—870-е годы, когда архиепископ Михаил, крестив часть русов, ввел новый обряд погребения без грандиозных погребальных костров.

Эти две былины отразили два крупных явления в жизни новоржденного государства — борьбу с кочевниками (олицетворенными Кашеем) и введение новой веры, новых обрядов.

Ни одной былины о варягах мы не знаем. Ни Рюрика, ни Олега в былинах нет. Нет в былинах и Игоря Старого и героического Святослава. Очевидно, здесь сказалось непонимание народом смысла далеких завоевательных походов, во время которых князя упрекали в том, что он «чужой земли ищет, а своей пренебрегает».

Молчание былин о Святославе резко расходится с восторженной поэтической характеристикой этого князя в летописи. Нет лучшего доказательства *народного, не придворного происхождения* былин, чем это молчание *былинного эпоса* о князегерее.

▼
Одновременно с первыми былинами появляются первые русские записи событий, начиная с 860-х годов.

Очевидно, возникновение славянской письменности при Кирилле и Мефодии сказалось и на самом восточном из рождавшихся тогда славянских государств — Киевской Руси. Быть может, на чистом листе какой-нибудь богослужебной книги велись в Киеве лаконичные записи о делах киевского князя: о войнах с хазарами и печенегами, о походе на Царьград, о подчинении Руси новых славянских племен, о посылке войск к Кривичам и Полочанам, где начинали хозяйничать «находники»-варяги. И тут же простая семейная запись: «Убиен бысть от болгар сын Осколдов».

Можно думать, что среди ранних записей были и какие-то сведения о крещении русов, о «русьских письменах», виденных Кириллом в Херсонесе, но исторически достоверные сведения о принятии христианства в 860—870-е годы уже через 120 лет пришли в противоречие с новой концепцией. После победоносного взятия Корсуня принятие христианства Владимиром выглядело совершенно иначе — не империя просветила варваров светом нового учения, а могущественный князь князей, «каган» Руси согласился выбрать для себя и своего народа греческую веру.

Митрополит Илларион, Иаков мних, а позднее летописцы Владимира II Мономаха постарались выдвинуть на первое место крещение при Владимире I около 988—989 гг. Такой резкий поворот в сторону «равноапостольного» Владимира был вызван, как выяснил М. Д. Приселков, борьбой Киева с греческим церковным засильем, и в частности митрополитами-греками, не допускавшими ни канонизации русских святых, ни установления русских национальных праздников. Даже старания Нестора восстановить историческую истину и рассказать о крещении всего славянского мира в IX в. не увенчались успехами, так как подлинник его летописи был или уничтожен или хранился где-то в провинциальной безвестности. Только московские книжники XVI в. в архивах откопали и киевские записи IX в., и фрагменты каких-то неясных сведений о крещении Руси при патриархе Фотии в IX в.

В свете этих данных мы с большим уважением отнесемся к былине о Михайле Потоке, переносящую нас в полуязыческий Киев IX в. с первыми элементами новой обрядности. Народное начало проявилось не в том, что народ был обрадован новой религией, а в том, что наступал конец древним бесчеловечным обрядам насильственного сожжения родственников или рабынь вместе с умершим знатным человеком. Этот же в известной мере социальный смысл мы видим и в более поздней былине «Добрыня и Змей» — здесь приветствовалась и воспевалась победа над огненным змеем, пожирившим юношей и девушек в пламени языческих жертвенных костров.

▼
Расцвет русской раннефеодальной империи при Владимире I одинаково полно отражен и в народных эпических песнях и в феодальной придворной письменности Киева.

Эпиграфом к величественному Владимирову циклу былин является былина о Микуле Селяниновиче и Олеге Святославиче. Поэтический образ молодого князя поднявшего впервые меч против варяжского засилья, объединен с образом могучего пахаря, бросившего соху ради борьбы с «черным вороном Санталом» — варягом Свеналдом.

Народность былинного эпоса сразу определяется выдвижением на первое место в первой былине богатыря-крестьянина Микулы Селяниновича.

Владимиров цикл былин отражает в идеализированной форме расцвет русской раннефеодальной монархии. Борьба с огромными ордами сорока печенежских племен, борьба, ради которой Владимир построил линии пограничных крепостей на

юге и переселил туда дружинников с севера, эта борьба была всенародным общерусским делом, и именно она была воспета, как создание «застав богатырских» вокруг столицы Руси — Киева.

Прокладывание дорог прямоезжих от Киева к отдаленным краям молодого государства, борьба с разбойниками и племенными князьками отразилась и в летописи и в былинах. Былины воспели и борьбу с варварским языческим обычаем сожжения живых родичей на могилах умерших.

Попутно былины воспели самого Владимира, сына рабыни, его женитьбу на заносчивой Рогнеде, его прославленные пиры в Киеве, на которые приглашался широкий круг гостей из боярства и народа.

Первое десятилетие княжения Владимира выдвинуло в качестве эпического героя его дядю Добрыню, сына Малка Любечанина, воевавшего с кочевниками, собиравшего дань, боровшегося с язычеством в Новгороде. Второе десятилетие (990-е годы) связано с деятельностью на пограничных заставах и на дорогах прямоезжих Ильи Муромца, Ильи Русского, известного нам, к сожалению, только по западным письменным источникам. После Микулы Селяниновича, пришедшего в княжескую дружину прямо с пашни, Илья — второй герой, пришедший тоже с пашни на княжеский пир, как исполнитель государственных задач.

Именно к 990-м годам летопись относит включение в княжескую дружину богатырей из народа.

Русские былины и русская летопись с одинаковой полнотой описали полнокровную эпоху Владимира Красного Солнышка, когда варяжские наемники были окончательно изгнаны и создано многотысячное русское войско (с привлечением крестьян и ремесленников), отразившее печенежскую опасность, угрожавшую сотням русских городов и тысячам сел лесостепной земледельческой полосы.

К этому же «эпическому времени» относится и создание Первого киевского летописного свода 996—997 гг., красочного и пестрого по своему составу, во многом созвучного современному ему циклу былин.

Легенда о призвании князей-варягов, как доказал М. Н. Тихомиров, в летописных произведениях X в. отсутствовала. Наоборот, мы можем указать ряд мест в своде 996 — 997 г. направленных против варяжских элементов на Руси. Включенные в киевский свод древлянские сказания X в. описывают кровавые расправы в те годы, когда воеводами в Киеве были варяги Асмуд и Свеналд.

Историческую концепцию составителей Первого киевского свода трудно определить, так как нам не известны достоверно его хронологические рамки. Но, по всей вероятности, судя по обилию в нем фольклорных эпических материалов X в., в него входили, открывая летопись, сказания о Кие, Щеке и Хориве и об основании «матери русских городов» — Киева, а также полянское сказание о гордом ответе хазарским данникам.

Полным созвучием с народными былинами Владимирового цикла является летописное повествование о первых двадцати годах княжения Владимира Святославича. Борьба с печенегами, постройка крепостей, привлечение северных племен для защиты государства, крещение Руси, борьба с разбойниками, заботы о создании дружины, богатырские пиры в Киеве — все это до мелочей совпадает с былинными циклами о Добрыне и Илье Муромце.

К концу X в. вокруг Киева, по всем городам и весям, боровшимся с печенегами, и в далеких севернорусских землях, куда доносилась весть об этой напряженной героической борьбе, — везде пелись торжественные былины о богатырях Владимира Красного Солнышко. А в самом Киеве лежала готовая книга летописи, наполовину состоявшая из народных и дружинных эпических сказаний; эту книгу, вероятно, по средневековому обычаю читали вслух, и талант летописца должен был выдержать соревнование с мастерством народных гуслей — сказителей былин. И былины и летопись отразили прогрессивность раннефеодальной монархии, побеждавшей как пережитки родового строя, так и жадных соседей-степняков.

Одиннадцатый век, век обострения социальных конфликтов, классовой борьбы, век кризиса раннефеодальной монархии очень своеобразно отразился в народной эпической поэзии и в феодальной литературе.

Того гармонического слияния, которое мы наблюдали в эпоху Владимира, уже не было; народное творчество и феодальная письменность шли уже разными путями и даже если говорили об одних и тех же событиях и явлениях, то с разных позиций.

В былинах не отразилась (за одним исключением) эпоха Ярослава Мудрого; даже имени этого князя, прославленного скандинавскими сагами, былины не знают. Очевидно, острые социальные конфликты, которые рождались в русском обществе первой половины XI в. и вылились потом в грозных формулах доменального закона «Русской Правды» Ярославичей, усобицы и военные неудачи, которые сопровождали княжение Ярослава, отрыв князя, окруженного родичами-варягами от народа содействовали в своей совокупности эпическому молчанию народа. Князь, которого воспевали нанятые им отряды норманнов, хромоногий «Ярислейф», изрубивший новгородцев, отдавший на поругание победителю родную сестру, засадивший в поруб брата, не мог стать народным эпическим героем.

Единственный былинный сюжет, относящийся к этой эпохе, — «Соловей Будимирович» — является, по моему предположению, и единственным примером воздействия придворной поэзии (Бояна?) на ранние былины. Эта былина могла сохраниться в народной памяти, как воспоминание о редчайшем событии — свадьбе норвежского короля и киевской княжны, происходившей, вопреки обычаям, не в земле жениха, а в Киеве. Придворное восхваление знатного гостя, идущее от дворцового поэта, сочетается здесь с народным юмором по отношению к дочери Ярослава, торопящейся выйти замуж.

Причиной кризиса XI в. была верхушка феодального класса — князья и их министериальное окружение.

Усобицы и непрерывный круговорот всех членов княжеского дома по русским городам неизбежно повышали норму эксплуатации и создавали состояние напряженности, неуверенности и озлобленности.

В этих условиях на протяжении всего XI столетия растет классовая борьба народа и оппозиция князьям со стороны боярства.

Но очень различны были судьбы Юга и Севера Русской земли: на Юге многое сдерживалось наличием внешней опасности со стороны степей; здесь жизненно необходимо было единство и подчинение власти; кроме того, сама власть располагала большими резервами военной силы. На Севере же, в далеком торговом Новгороде, боярство имело не только желание, но и возможность обособиться от княжеской власти и от Киева, как ее средоточия.

В Новгороде в эпоху Ярослава Мудрого создается боярская посадничья летопись, завершенная, очевидно, при посаднике Остромире. Автор ее прославляет благородство новгородцев, мрачными красками рисует варягов и варяжские наемные отряды, на которые опирался Ярослав. По отношению к самому Ярославу — это злой памфлет, не щадящий ни его матери, ни сестры, ни самого князя, представленного здесь трусливым, нераспорядительным и непомерно жестоким.

В «Остромировой летописи» впервые появляется легенда о призвании Рюрика. Рукой ненавистника варягов эта легенда была внесена в летопись с той целью, чтобы факт норманских набегов на Новгород преподнести читателю-новгородцу с наименьшими уколами для его самолюбия, как *добровольное* призвание.

Работы А. А. Шахматова и блестящей плеяды его последователей в советское время достаточно полно представили нам киевское летописание XI в., возглавленное такими именами, как Никон Тмутараканский и печерский игумен Иван.

Наиболее острые моменты русской жизни XI в. были отражены и феодальной письменностью и народным эпосом, но оценки событий оказались весьма далекими друг от друга.

Новый период сложения былин (после полувекового молчания) связан с очень важными для киевлян событиями 1068 г. Следует учесть, что эти былины, сложенные в эпоху наивысшего обострения всех социальных конфликтов, жили потом, в XVI—XVII вв., как бы вторую жизнь, пользуясь успехом именно благодаря своей социальной направленности. Вторичное бытование наложило свой отпечаток на этот цикл былин; незнакомые имена XI в. заменялись созвучными, усиливался демократизм героев и среды.

Былины повествуют о нашествии на Русь Шарка Великана или Кудревана-царя, т. е. половецкого хана Шарукана, отца Отрака и деда Кончака, впервые напавшего на Русь в 1068 г.

В былинах мы находим прославление князя-вохва Всеслава Полоцкого, народного избранника, возглавившего восставший Киев в 1068 г., находим такие подробности, которые сближают летописные рассказы о киевских событиях 1068 г. с былинами (отсутствие оружия и коней у богатырей, заточение героя в погреб, приход киевлян на княжий двор, упреки в адрес князя, внимание героя к простым «посадским мужикам» и др.).

По законам бытования эпоса, главные эпические герои постепенно заменили собой истинных героев воспетых событий. Так, былинный образ князя Владимира вытеснил собой всех других киевских князей XI—XII вв. Богатырь Илья тоже нередко вытесняет своей фигурой конкретных деятелей других эпох. Поэтому в былинах о 1068 г. часто речь идет о «ссоре Ильи с Владимиром», и только по неповторимым деталям удается определить, что сущность событий здесь совпадает с описанием событий 1068 г. в летописи.

Народный характер былин о Волхе Всеславиче, о Ваське (Всеславе?), об Илье и Владимире, о царе Кудреване не подлежит сомнению. Придворный певец Боян отрицательно отнесся к Всеславу Полоцкому, считая, что он заслуживает «божьего суда». Былинная восторженная оценка князя Всеслава была, очевидно, известна автору «Слова о полку Игореве», посвятившему этому «народному» князю и его потомкам лучшие строки своей поэмы.

После героических событий 1068 г. (разгром Шарукана, изгнание князя Изяслава, народное избрание нового князя), послуживших причиной создания большого цикла былин, наступает новый период молчания, длящийся ровно до нового натиска половцев в конце XI в.

Нисмена князей на киевском столе, ни авантюры ряда князей в Причерноморье и Тмутаракани, ни усобицы — ничто не привлекало слагателей былин и не было воспето и сохранено народом.

Необычайным расцветом всех видов творчества ознаменована эпоха, предшествовавшая распаду Руси на отдельные княжества-королевства — конец XI и начало XII в. Ее окрашивают в определенный колорит такие имена, как Владимир Мономах, летописец Нестор, игумен Даниил.

Характеризуется эта эпоха предельным обострением кризиса в первые (1090-е) годы, когда ко всем внутренним конфликтам добавился исключительный по силе половецкий натиск: ханы Боняк, Тугоркан, Шарукан, Сугра, Итларь, Кури с разных сторон вторгались на Русь и штурмовали города, «стуча саблями в Золотые ворота Киева».

Сребролюбивый и нераспорядительный Святополк Киевский не мог создать нужного напряжения народных и государственных сил для отпора половцам, не мог навести порядок среди князей Руси и прекратить их распри. В острой обстановке к власти приходило крупное боярство — «смысленные люди», старшая дружина.

В своей борьбе за политическую власть оно использовало и веское слово боярской думы и страницы летописей. Знаменитое предисловие к Печерскому летописному своду 1093—1095 гг. смело и резко осуждает князей (и умершего Всеволода и царствовавшего в Киеве Святополка) за пренебрежение советом «смысленных», за излишнюю свободу, предоставленную княжеским министералам, хищно грабившим народ.

В эти годы на пограничье Руси со степью, в Переяславле, сидел сын Всеволода Владимир Мономах, поневоле принимавший на себя половецкие удары и стремившийся поднять и других русских князей на борьбу со степняками.

Вокруг имени Владимира возрождается старый Владимиров цикл былин, воспевавших борьбу с «силушкой поганой». Сменились «поганые», один Владимир заменил другого, но ситуация осталась такой же, как и сотню лет назад. Героическая обстановка порождает и новый цикл героических былин о князе Владимире и его богатырях, поражающих тех реальных «поганых», которые нападали в 1095—1096 гг. на Переяславль (Игларь, Тугоркан). Новый цикл былин с новым героем «Олешей Поповичем» (за которым скрывается Ольбег Ратиборич) сливается воедино со старым циклом конца X в.; их объединяет имя Владимира.

Возрождение Владимирова цикла X в. и обогащение его рядом новых общерусских сюжетов конца XI в. обессмертило его. Былины, сложенные по поводу конкретных событий, приобрели известную вневременность и обобщенность благодаря повторению исторической ситуации.

Владимир Мономах, вкусивший сладости великокняжеской власти, когда находился последние годы при своем одряхлевшем отце, не был почему-то поддержан киевским боярством, но, очевидно, никогда не оставлял мысли об «отнем златом столе» и приложил все силы к тому, чтобы завоевать симпатии бояр, доказать «смысленным людям» все свои преимущества. В его активе уже была победоносная борьба с половцами и с другом половцев Олегом Святославичем. В его пользу была написана Печерская летопись, корившая Святополка.

К Любечскому съезду 1097 г. Мономах написал конспект своей личной летописи и открытое письмо Олегу, рассчитанное на широкие круги читателей. Но благоприятная обстановка после Любеча не принесла Владимиру желанного престола.

В промежутки между Любечским и Витичевским съездами 1100 г. Владимир Мономах развил небывало энергичную и продуктивную литературную деятельность.

Забросив конспекты задуманной летописи, Мономах пишет довольно демагогическое «Поучение» (тоже рассчитанное на широкий круг читателей) и заказывает Василию повесть-протокол о злодеяниях Давыда и Святополка в 1097—1098 гг. Одновременно с этим в Печерском монастыре складываются легенды о Святополке и его побочном сыне, порочащие великого князя и княжича.

Выступая как прокурор на съезде в Витичеве (Уветичах), Мономах, подготовивший большой литературный обвинительный материал, не добился все же того, чтобы был устранен главный его соперник — великий князь Святополк. После этого, третьего по счету (1093, 1098, 1100 гг.), проигрыша Мономаха наступает временное затишье в скрытой борьбе за киевский стол, и Владимир с новой энергией организует наступление на половцев в глубь степей.

С этим периодом связан еще ряд былин («Козарин», «Данило Игнатьевич»), отразивших победы на рубежах Руси, в 1106-м и 1107 гг. Интересно отметить, что далекие рейды в глубь Половецкой земли (1103, 1111, 1117 гг.) не нашли отражения в народном эпосе, так как все, что делалось «за шеломянем», «в земле неизвестной» было, очевидно, в большей степени делом княжеской конницы, чем народного ополчения.

Отголоском первого крестового похода явились интереснейшие былины об Идолище, о каликах и о Даниле. На них есть известный налет духовных стихов,

но важно то, что народ отобрал и слил со своими былинами только те из них, которые содержали героический элемент.

В русской письменности в это время появилось «Хоженье» в Палестину игумена Даниила (около 1107 г.) и «Сказание о Шаруканском походе 1111 г.», изображающее его почти как крестовый поход против неверных. Автором «Сказания» (включенного потом в летопись) был, как можно думать, тот же Даниил, игумен паломник, и, возможно, герой одной из былин.

К концу княжения Святополка в Печерском монастыре завершается замечательный исторический труд — «Повесть временных лет» Нестора с ее широчайшим историческим кругозором, вниманием к жизни всего славянского мира в целом. Для Нестора было характерно стремление к большой хронологической глубине, к разысканиям в эпосе и этнографии, в византийской и старославянской литературе.

Предложенное мною восстановление первоначального порядка летописного текста Нестора носит, разумеется, гипотетический характер, но если бы его удалось доказать, то мы получили бы новые подтверждения научной точности Нестора и с киевского историка XII в. были бы сняты многие тяготевшие над ним обвинения.

«Повесть временных лет» — это научная поэма о древнейших судьбах Русской земли, дошедшая до нас, к сожалению, в сильно искаженном виде.

Нестор был больше ученым, чем политиком. То немного, что уцелело после двукратной переработки от придворных восхвалений Нестором своего князя Святополка, свидетельствует о стереотипности его панегириков (Изяславу, отцу Святополка, и брату его Ярополку) и бесхитростности его описаний.

Киевское восстание 1113 г., отразившееся и в летописи и в народном эпосе («Мишатычка Путятич» — воевода Путята Вышатич), привело, наконец, убеленного сединами Мономаха на киевский стол. Переделка летописи рассматривалась новым князем как государственное дело. Она осуществлялась игуменом Сильвестром (1116 г.), быть может, Василием (автором повести 1097—1099 гг.) и сыном Мономаха Мстиславом (1118 г.).

С двух концов в Несторову рукопись хлынули потоки новых материалов и новых взглядов: с одной стороны, вытравлялся святополчий дух, вставлялись давно заготовленные полемические материалы Мономаха — «Поучение», летопись его «путей», письмо Олегу, повесть Василия и др. и к имени Святополка добавлялось имя Владимира. Все лишнее, слишком восхвалявшее Святополка или освещающее его связи с Римом, его строительство, вычеркивалось из летописи.

С другой стороны, существенно менялась концепция начальной истории Руси.

Широкое историческое полотно Нестора было изрезано на куски, многое было безжалостно выброшено, а на первое место выставлена норманская легенда о призвании варягов в Новгород. Киев же был несколько сдвинут со своего первоначального места. *Настоящую* государственность князь Мстислав (вероятный автор этой концепции) видел в призвании князей в Новгород. К сожалению, эта легенда, расцветившая анекдотическими по своей несуразности подробностями, надолго стала единственным ответом на Несторов вопрос «откуда есть пошла Русская земля».

Первым норманистом был не Нестор и не его далекий предшественник новгородец, автор «Остромировой летописи», а новгородский князь Мстислав, внук английского короля, зять шведского и тесть датского короля, проживший четверть столетия в общении с варягами. Грубо и бесцеремонно «подправил» он (или его люди) прекрасное произведение Нестора и в результате допустил совершенно немыслимое отождествление варягов с русью.

С разгромом половцев в 1103—1117 гг. завершается основной период творчества новых героических былин. Отдельные былины можно относить к эпохе «Слова о полку Игореве», но это героические песни о подвигах пограничных полурусских полутюркских войск Поросья («Саур Ванидович», «Сухан Одихмантьевич») в 1168—1183 гг. Они лишь примыкают к основному фонду русских героических былин, но занимают в нем скромное место.

К удвоившемуся Владимирову циклу (Владимир I и Владимир II Мономах), получившему в начале XII в. свое завершение и, очевидно, широкое распространение как в народной, так и в дружинной среде, в это время подключились совершенно особые сатирические новеллы, по форме подражавшие народным былинам и поэтому легко влившиеся в их фонд и проредававшие с ними большой исторический путь. Присущий им юмор и сатирические черты (исконные, рожденные придворной обстановкой XII в., а не привнесенные в XVI—XVII вв.) привлекли народных сказителей, и они подключили эти новеллы к формировавшемуся тогда киевскому циклу условного «князя Владимира».

К негероическим придворным «былинам» следует отнести два варианта былины об Иване Гостином сыне. Первый, очень редкий вариант с заморским пленом у «вавилонян», возможно, следует сопоставлять с пленением Олега Тмутараканского хазарами в 1079—1083 гг. Второй вариант — о победе Ивана над князем Владимиром в конском ристани — может быть отнесен к тому времени, когда Владимир Мономах уже покинул Чернигов. Почти к этому же времени можно приурочить тот вариант былины о Святогоре, в котором высмеиваются богатыри Олега Черниговского, запрятавшие своего товарища в белокаменный саркофаг где-то на берегу морской протоки. Думаю, что мифологический элемент прикрепился к этой былине много позднее, может быть после татарского нашествия, в некоторой связи с духом былины о гибели богатырей.

К 1118 г. относится былина «Ставр Годинович», во всех деталях совпадающая с летописными записями о Ставке Гордятиниче (1070-е годы) и о Ставре, наказанном Владимиром Мономахом.

В нескольких былинах явно ощущаются следы сатирических песен о женитьбе Святополка Изяславича на дочери Тугоркана. Образ бесцеремонного властного обжоры Тугарина, нагло обнимающего придворных дам на пиру у князя, есть в ряде былин конца XI в.

Большой интерес представляет былина о Чуриле Пленковиче, сыне Сурожанина. Чурило — щеголь, красавец-придворный и в то же время самостоятельный владетель двора на Почайне под Киевом и многотысячного, прекрасно снаряженного войска. Он с дружиной бесчинствует вокруг Киева; Чурило неподсуден даже великому князю и как равный принимает Владимира у себя в роскошных теремах. Думаю, что единственным реальным прототипом Чурилы (Кирилла), сына *Сурожанина* может быть князь Кирилл — Всеволод, сын Олега *Тмутараканского*. Былина о Чуриле могла быть сложена при дворе Мономаха в те годы, когда молодой князь Кирилл находился в Киеве у Владимира, т. е. в 1120-е годы.

Последняя былина этого придворного типа — «Дюк Степанович» — относится к середине XII в. и, очевидно, символизирует победу в Киеве волынской династии (может быть, в лице Изяслава Мстиславича) над Кириллом — Всеволодом и его братьями черниговскими Ольговичами.

Часть придворных былин отражала династические споры, различную ориентацию киевского боярства.

Насмешки над тестем великого князя Тугарином Змеевичем отражали антипатию к Святополку и могли исходить из кругов Мономаха. Насмешкам подвергалась и сестра Мономаха Евпраксия, жена императора Генриха IV, прославившаяся в Германии и Италии своими романтическими приключениями и к 1095—1098 гг. вер-

нувшаяся в Киев ко двору Святополка. Это ее узнаем мы в образе сладострастной Апраксы-королевичны, флиртующей то с Тугариным, то с Чурилой.

Былина «Иван Гостиный сын» сложена явно в кругах черниговского боярства. Поручителем за Ивана в его союзе с Владимиром Киевским выступает «владыка черниговский». В противовес ей «Святогор» высмеивает тмутараканских дружинников Олега.

Придворные новеллы конца XI — начала XII в. являются интересным дополнением к той мозаике киевских, черниговских, переяславских и галицких летописей, из которых был составлен впоследствии свод 1199 г. И там и здесь мы видим стремление боярства возвеличить своего князя, с которым их связывают жизненные интересы, и очернить или высмеять князя, враждебного данной группе.

Перечисленные былины, примкнувшие к народным героическим циклам двух Владимиров, существенно отличаются от основного былинного фонда.

Много внимания здесь уделено описанию богатства, придворной роскоши, вычурным златоверхим теремам, шелковым одеждам, золотым украшениям, великолепному доспеху героев. Все это было в Киевской Руси, все это историческая правда XI—XII вв., но это не та суровая героическая среда, в которой действовали настоящие богатыри. Нет здесь ни раздолья широкого, ни поля дикого, ни шатров порубежной заставы. Нет здесь и богатырских дел. Конские ристания, стрельба в цель, турнир на княжьем дворе или даже игра в шахматы — вот к каким рыцарским делам сведен здесь состязательный элемент. Здесь слышны звуки русской и византийской музыки, здесь появляются в большом количестве придворные дамы, кокетливые, лукавые, шаловливые и влюбчивые; эти былины полны средневекового куртуазного духа.

Не только бытовая обстановка, воспроизведенная в таких былинах, переносит нас в атмосферу феодальных дворцов и замков XII в. Сама направленность этих былин — боярская, аристократическая. Князь Владимир (Мономах) здесь — первый среди равных; бояре, купеческие сыновья, боярские жены могут в этих новеллах победить князя в открытом состязании, перехитрить, «с ума свести», обыграть. Если полемическая литература рубежа XI и XII вв. открывала нам политические вкусы киевского боярства, то новеллы обрисовывали «смысленных» в повседневном быту. Появление таких «былин» именно в эпоху Святополка и Мономаха вполне отвечает росту боярского могущества и политического самосознания в начале XII в.

В итоге рассмотрения былин как исторических песен, отражавших реальную жизнь, можно при сопоставлении с летописями выделить тех исторических лиц, которые могут стать хронологическими ориентирами при периодизации всего былинного фонда.

Русские былины упоминают около тридцати исторических лиц, известных нам по письменным источникам с 975-го по 1240 гг.

Олег Святославич, князь Древлянский (975—977гг.) — Вольга Святославич

Свеналд, воевода-варяг (975—977 гг.) — Сантал

Владимир Святославич, князь киевский (980—1015 гг.) — Владимир Сеславич, Красное Солнышко

Добрыня, дядя Владимира (970—991 гг.) — Добрыня Никитич

Гаральд, король Норвегии, жених киевской княжны (1044 г.) — Соловей Будимирович

Всеслав Брючиславич, князь полоцкий (1068 г.) — Волх Всеславич и др.

Глеб Святославич, князь новгородский (1076 г.) — Глеб Володьевич

Шарукан, хан половецкий (1068—1107 гг.) — Шарк Великан, Кудреван и др.

Сугра, брат Шарукана (1107 г.) — Скурла
 Отрак, сын Шарукана — Атрак
 Тугоркан, хан половецкий (1093—1096 гг.) — Тугарин Змеевич
 Итларь, посол половецкий (1095 г.) — Идолище
 Ольбег Ратиборич, дружинник Мономаха (1095—1096 гг.) — Олеша Попович
 Евпраксия Всеволодовна, жена короля Генриха IV (1090-е годы) — Апракса-королевична
 Владимир Всеволодич Мономах (1093—1118 гг.) — Владимир в былинах XI—XII вв.
 Даниил Паломник? (около 1107 г.) — Данило Игнатьевич
 Путята Вышатиц, боярин (1113 г.) — Мишата Путятич
 Иван Захарьич Козарин, боярин (1136 г.) — Козарин, Иванушка Козарин
 Ставр Гордятинич, боярин (1118 г.) — Ставр Годинович
 Кирилл — Всеволод Ольгович, князь черниговский, 1120-е годы — Чурило Пленкович
 Садко Сытинич, новгородский боярин (1167 г.) — Садко, богатый гость
 Кончак, сын Отрака, внук Шарукана (1183 г.) — Коньшик
 Константин Хотович (1170 г.) — Константин Саурович
 Контувдей, князь торчешский (1183—1192 гг.) — Су-хан
 Кобяк Карльевич, половецкий хан (1183 г.) — Озвяк Таврульевич
 Роман Мстиславич, князь киевский (1205 г.) — князь Роман
 Батыг, татарский хан (1239 г.) — Батыга
 Менгу-каан(?) или Кидан-хан(?) — полководцы Батыя (1239 г.) — Калин-царь

По сравнению с первичными расшифровками исторической школы этот список почти вдвое шире. В настоящее время удалось датировать первичные основы значительного большинства былин.

Три десятка точных хронологических ориентиров на протяжении трех столетий дают нам возможность приступить к самой интересной части работы над русским былинным эпосом — к установлению внутренней периодизации эпоса, к раскрытию тех исторических периодов, которые воспеты народом, и тех периодов, о которых народ почему-то умолчал.

Сторонники антиисторического подхода к былинам могут оспорить то или иное отождествление, но когда почти все основные былинные сюжеты уложились в хронологическую сетку, то сама эта система является уже весомым доказательством.

Хронологическо-тематический перечень всех русских былин, поддающихся точной периодизации, а их большинство, позволяет сделать вывод, что *героические* былины являются *основой* и *главным* содержанием былинной эпической поэзии.

Былины возникают по свежим следам тех событий, в которых весь народ или его значительная часть поднимается на борьбу с вражеским вторжением степняков и побеждает в этой борьбе.

По законам эпической поэтики, дела народа выражены в форме действий одного или нескольких героев-богатырей.

Первый крупный киевский цикл возник в 980—990-е годы, в пору сильной агрессии печенегов.

Второй киевский цикл связан с нашествием на Киевскую Русь половцев в 1068 г. и киевским восстанием того же года.

Третий цикл родился в Переяславле, где Владимир Мономах отражал третий кочевнический натиск на рубеже XI и XII вв. К этому циклу примкнуло несколько придворных новелл.

Четвертый небольшой цикл относится к 70—80-м годам II в. и связан с Поросьем, служившим тогда заслоном Руси от новой активности половцев.

Пятым (разрозненным и плохо сохранившимся) циклом можно считать былины о князе Романе Мстиславиче, боровшемся с половцами и убитом в бою с поляками в 1205 г.

Частично отражено в былинах татарское нашествие (1239 г.).

Не подлежит никакому сомнению, что творцом былин был народ.

Областью рождения героического эпоса была широкая полоса лесостепи, исконное местожительство славян, с сотней городов и тысячами деревень, подвергавшаяся с IX по XIII в. набегам кочевников. Поляне, Уличи, Северяне, Древляне непосредственно отражали врагов; Радимичи, Вятичи, Кривичи, Словене были привлечены к обороне ядра Киевской Руси с Киевом и Черниговым во главе.

Микула Селянинович и Илья Муромец—не только выразители народных идеалов, но и представители смердов, народных крестьянских масс. Такими они стали не в XVI в., но при самом создании былин в X в. (Микула).

Спустя два столетия после появления первых былин и более ста лет после появления в эпосе величественного образа пахаря-богатыря, к народному героическому эпосу (может быть, в результате использования его на феодальных и княжеских дворах) присоединяется некоторое количество *боярских новелл*, подражающих по форме народным эпическим песням-былинам.

Народ принял в свою эпическую сокровищницу кое-что из этой боярской поэзии и в могучем потоке народного героического эпоса донес и эти новеллы.

Исторический подход к русским былинам показал, что былины X—XII вв. являются исключительно важным историческим источником, рисующим нам на протяжении трех столетий отношение народных масс к важнейшим событиям жизни Киевской Руси, ее героям и деятелям.

Русские былины — это «Повесть временных лет» русского народа, но только сложенная не в монашеской келье, не в дворцовой палате, а в гуще героического народа, три столетия боровшегося с «погаными».

В тяжелые века татарского ига у грамотных людей поддерживала силы и патристический дух старая киевская летопись, прославлявшая блестящий период расцвета Руси в IX—XII вв., а у всех русских людей и в городах и в далеких селах вплоть до «самого синего моря» эту веру в богатырские силы Руси поддерживали торжественные, как гимны, напевы былин о древних богатырских делах, великодушных, как сама «светло светлая и украсно украшенная» Киевская Русь.

В эпоху феодальной раздробленности, когда в результате развития производительных сил произошла кристаллизация отдельных княжеств-королевств, выросли новые города, закрепились в отдельных областях новые княжеские династии, летописание приобрело новые формы. Прежде всего, оно отразило самый факт рождения новых княжеств — в каждом крупном городе, в каждом княжестве, а может быть у каждого князя и епископа, появилось свое летописание.

Не все из летописной литературы XII—XIII вв. дошло до нас, но мы можем (иногда по отрывкам, иногда по хорошо сохранившимся сводам) судить о наличии летописания в Киеве, Новгороде, Чернигове, Переяславе Русском, Галиче, Пскове, Ростове, Суздале, Владимире на Клязьме, Владимире Волынском.

По месту составления летописей их можно разделить на собственно городские, епископские или монастырские и княжеские в прямом смысле. Каждый из этих видов обладал своей спецификой.

Собственные летописи велись при дворах десятков князей. Полнее всего представлены четыре группы летописей: киевская, владими́ро-суздальская, новгородская и галицкая.

Для истории Киевской Руси и изучения тех процессов, которые происходили после ее распада, наибольший интерес представляет Киевский великокняжеский свод 1199 г., составленный в Выдубицком придворном монастыре игуменом Моисеем.

Составитель свода располагал значительной библиотекой локальных княжеских летописей XII в. и нередко мог одно и то же событие осветить выписками из разных источников, что на первый взгляд создает впечатление объективности. Но такое равномерное пользование противоречивыми данными допускалось только для далекого прошлого, которое уже не волновало поколение, современное составителю свода. Из всех составных частей свода игумена Моисея 1199 г. наибольший интерес представляет великокняжеская летопись Изяслава Мстиславича, внука Мономаха. Эта летопись (сохраненная в составе Ипатьевской группы списков) — лучший образец того нового типа княжеского летописания, который ввел в особых политических условиях Владимир Мономах.

Конец XI в. и первая половина XII в. были временем значительного возрастания политической роли боярства.

Самое установление новых династий, прекращение непрерывного бега князей по городам и закрепление князей в определенных крупных центрах было в большей степени делом боярства, чем самих князей.

Для того чтобы завоевать доверие всемогущих «смысленных», «вятших», князь должен был вести летопись-отчет, документирующую все его действия как правителя, полководца и дипломата, а в случае возникновения усобицы появлялась необходимость особенно точного и достоверного отражения юридической стороны — кто кому и на чем «крест целовал», кто «соступил креста».

Автором летописи князя Изяслава был боярин, впоследствии киевский тысяцкий, Петр Бориславич, сам принадлежавший к «смысленным». Обладая блестящим литературным талантом, он дополнительно усилил свою летопись разнообразным документальным материалом: дневниками походов, протоколами княжеских съездов и церковных соборов, подлинными грамотами князей из архива дипломатической переписки.

Летописец, по выражению Д. С. Лихачева, нес свою феодальную службу сеньору, сопровождая князя в походах и в изгнании. И тем не менее боярин-летописец оставался по своим политическим взглядам боярином, представителем крупной землевладельческой знати: единственное, чего он не мог простить своему князю, это пренебрежение к боярской думе, к советам смысленных.

Петр Бориславич, очевидно, сначала составил подробную летопись-отчет за 1146—1154 гг. без внесения в нее личных оценок, а много лет спустя, в 1160-е годы, когда литературно обрабатывал ее, он внес много элементов боярской идеологии, резко осуждая «высокоумие» своего князя, слушавшего советы неразумных и шедшего иногда вопреки воле киевского боярства.

Летопись Петра Бориславича является лучшим образчиком летописания эпохи феодальной раздробленности, отражая все новые приемы княжеских хроник XII в.

В эпоху феодальной раздробленности находились в диалектическом противоречии центробежные и центростремительные силы. Идея единства Руси или, по крайней мере, создания дружной федерации была, бесспорно, прогрессивной идеей. Ее с таким талантом выразил автор «Слова о полку Игореве», и этой же общерусской идее служили большие летописные своды, вроде Киевского свода 1199 г. Мозаика из областных княжеских летописей не создавала сама по себе единой и стройной концепции русской истории, но в сумме своих сведений давала достаточно полное представление о течении русской жизни от Галича до Рязани и от Новгорода до Черного моря.

Мы рассмотрели те источники русской истории IX—XII вв., которые в своей совокупности дают представление о том, как изображалась история Киевской Руси современниками или ближайшими потомками.

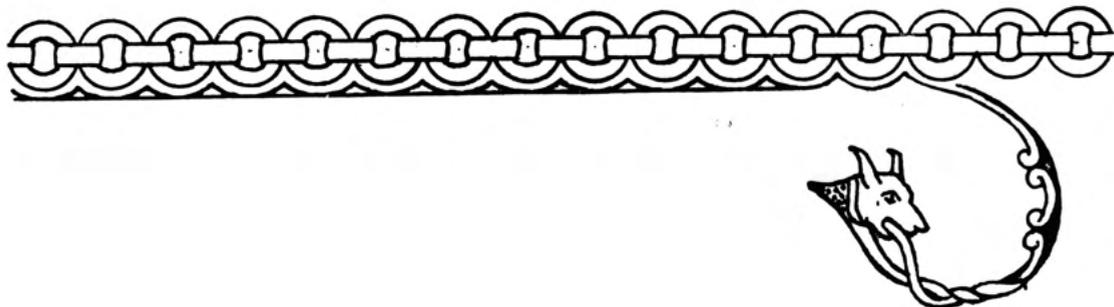
Ценнейший русский летописный фонд IX—XII вв., которому могут завидовать многие народы Европы, состоит из самых разнообразных, порой противоречивых материалов, возникших в условиях классовой и политической борьбы.

Выявление тенденциозности позднейшей редакторской работы над летописью позволяет правильно понять смысл такого драгоценнейшего источника, как «Повесть временных лет» Нестора.

Совокупность былин, расположенных при помощи летописи в их исторической последовательности, дает нам то, чего не может дать вся феодальная литература — оценку событий и эпох русской истории, сделанную самим народом, творцом истории.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
<i>Часть первая</i> СКАЗАНИЯ. БЫЛИНЫ	
<i>Глава I. Истоки русского эпоса</i>	
1. Следы древнейшего русского исторического эпоса	9
2. Сказания о Кие, о Киеве и о Полянах	22
<i>Глава II. Начало былинной поэзии</i>	
1. Былины как источник представлений о взглядах народа на родную историю	39
2. Фрагменты былинного эпоса IX—X вв.	44
3. Микула Селянинович	52
<i>Глава III. Владимиров цикл былин конца X в.</i>	
1. Историческая обстановка в конце X в.	59
2. Добрыня Никитич	62
3. Илья Муромец	72
<i>Глава IV. Былины середины XI в.</i>	
1. Вещий Боян и былина о Соловье Будимировиче	78
2. Киевское восстание 1068 г. и его отражение в былинах	85
3. Новгородская былина «Глеб Володьевич»	98
<i>Глава V. Былины эпохи Владимира Мономаха (Второй Владимиров цикл)</i>	
1. Датирующие признаки былин рубежа XI и XII вв.	101
2. Алеша Попович. Идолище	106
3. Данило Игнатьевич	115

Глава VI. Былины-новеллы эпохи Владимира Мономаха	
1. Ставр Гоудинович. Иван Гостивый сын. Святогор	125
2. Чурило Пленкович	135
Глава VII. Угасание былинного жанра в XII—XIII вв.	
1. Саур Леванидович. Сухан Одихмантьевич	139
2. Новгородские былины. Былины о князе Романе. Гибель богатырей	150

Часть вторая

ЛЕТОПИСИ

Глава VIII. Начало русского летописания	
1. История изучения летописей	157
2. Начало киевского летописания	159
3. Киевский летописный свод конца X в.	173
Глава IX. Киевское и новгородское летописание XI в.	
1. Новгородская боярская летопись XI в.	193
3. Киевская летопись середины XI в.	207
Глава X. Нестор и его «Повесть временных лет»	
1. Три редакции «Повести временных лет»	216
2. Анализ вводной части «Повести временных лет»	219
Глава XI. Poleмическое летописание эпохи Святополка и Мономаха (1093—1125 гг.)	
1. Боярские публицисты конца XI в.	248
2. Нестор и князь Святополк	261
3. «Поучение» и «летопись путей» Мономаха	265
Владимир Мономах и княжеский съезд 1100 г.	274
5. тор и Мономах	280
6. Мстислав Владимирович и норманская тенденция в летописании	289
Глава XII. Княжеские летописцы Южной Руси в середине XII в.	
1. Киевские и черниговские летописи в своде 1199 г.	301
2. Летопись Изяслава Мстиславича	311
3. Княжеский архив и летопись	316
4. Петр Бориславич, боярин-летописец	336
Заключение	346

Академик

Борис Александрович Рыбаков

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

Сказания. Былины. Летописи

1963

*Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Г. Ф. Соловьева*
Художник *Г. К. Вагнер*
Художественно-технический редактор *Е. В. Макуни*
Корректор *В. А. Бобров*

РИСО АН СССР № 115—97В. Сдано в набор 14/II 1963 г.

Подписано к печати 10/VI 1963 г. Формат 84×108^{1/16}

Печ. л. 22,75+2 вкл. (0,25 печ. л.) = 37,31 усл. печ. л.

Уч.-изд. л. 32,2 (32,0+0,2 вкл.)

Тираж 5000 экз. Т-04655. Изд. № 1324. Тип. зак. № 2000

Цена 2 р. 20 к.

Издательство Академии наук СССР
Москва, К-62, Подосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-93, Шубинский пер., 10

О П Е Ч А Т К И И И С П Р А В Л Е Н И Я

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
63	11 сн.	половецкого	полоцкого
149	21 св.	огъем	огнем
151	21 сн.	быть	бысть
182	21 сн.	имяще	имяше
182	7 сн.	ня поганые	на поганые
212	4 св.	А. В. Орешников	А. С. Орешников
212	9 сн.	А. В. Орешников	А. С. Орешников
253	25 св.	имя	има
291	28 сн.	передавшему	передавшего
297	1 св.	уходила	уходили
305	24 сн.	Святослав Ольгович	Святослав Всеволодич
335	11 св.	громот	грамот
336	22 св.	Изяслав	Вячеслав
339	11 сн.	пергамента	пергамена
352	21 сн.	сьездами	сьездом
353	6 св.	игумени	игумен и
357	1 св.	II век	XII в.

Б. А. Рыбаков «Древняя Русь».